

В. К. Бондарчик, И. Н. Браим, Н. И. Бураковская

Полесье.

Материальная культура

ПОЛЕСЬЕ.
МАТЕРИАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА

КИЕВ
1988

Редакционная коллегия:

В. К. Бондарчик (ответственный редактор),
Ю. Г. Гошко, Р. Ф. Кирчив (ответственный редактор),
В. С. Тутов, Р. В. Захарчук-Чугай

Утверждено к печати учеными советами
Львовского отделения Института искусствоведения,
фольклора и этнографии им. М. Ф. Рильского и Института
искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР

Подготовил к публикации :
prus@mail.by

Полесье

. Материальная культура / В. К. Бондарчик, И. Н. Браим, Н. И. Бураковская и др.; Редкол.: В. К. Бондарчик, Р. Ф. Кирчив (ответственные редакторы) и др.; АН УССР. Львовское отделение Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рильского.— Киев: Наук, думка, 1988.— 448 с.: Ил.

ISBN 5-12-000158-0 (в пер.) : 6 р., 1650 экз.

Монография является первым обобщающим исследованием материальной культуры населения Полесья. Освещаются основные аспекты быта полешуков, их традиционные ремесла и промыслы, жилище, одежда, вышивка и другие компоненты традиционной бытовой культуры. Показаны этнокультурные изменения за годы советской власти.

0508000000-554^П М221(04)-88 КУ-1-256

ББК 63.5(2)

ISBN 5-12-000158-0

© Издательство «Наукова думка», 1988

Авторы, писавшие о Полесье в последние десятилетия XIX и в начале нашего века, нередко указывали, что в смысле этнографического познания этот край является почти «terra incognita» (неизвестная земля), что он менее изучен, чем многие экзотические глубинки африканского континента. И хотя ныне подобного уже не скажешь, все же этнографическое исследование Полесья остается далеко нерешенной задачей нашей науки.

Как историко-этнографический регион Полесье представляет большой научный интерес особенностями традиционно-бытовой материальной и духовной культуры, языка его населения. Являясь частью ареала былой прародины славян, древнейшей этноконтактной зоной, Полесье сохранило многие реликты общеславянской и восточнославянской культуры, изучение которых — неотложная задача специалистов различных отраслей знаний. Свою специфику имеют и современные этнокультурные процессы на этой территории, локальные особенности в различных областях культуры и быта как всего населения Полесья, так и отдельных его частей. Исключительный интерес представляет изучение процессов консолидации, изменений в быту и культуре населения этого региона, происходящих в условиях социалистического уклада жизни.

Одной из попыток скоординированной целенаправленной работы по историко-этнографическому изучению Украинского и Белорусского Полесья и является настоящая монография. Авторы ее осознают тот факт, что создание обстоятельного научного труда по этнографии всего Полесья еще недостаточно подготовлено предварительными конкретными исследованиями. И тем не менее на данном этапе такая работа целесообразна и важна как опреде-

ленный итог, обобщение накопленных знаний в области изучения данного предмета, и как фактор, побуждающий и стимулирующий к более активному и планомерному его исследованию, дальнейшей аналитической разработке его многих частных вопросов. Подобные исследования необходимы для решения одной из главных задач этнографической науки — изучения многообразия жизни и культурно-бытовых реалий этносов в прошлом и настоящем. Они могут принести также значительную пользу в развитии краеведческих запросов и интересов, воспитательному потенциалу которых уделяется ныне в нашей стране столь большое внимание.

Монография представляет первую попытку комплексной историко-этнографической характеристики Полесья в составе, главным образом, его украинской и белорусской экстерриториальных частей. Как известно, в определении границ Полесья как историко-этнографической области пока еще нет научно обоснованного мнения. Неубедительно, в частности, предложенное некоторыми исследователями ограничение Полесья на востоке Днепром и Березиной. Конкретный материал вполне определенно указывает на продолжение полесского этнографического континуума и в северной части Левобережной Украины и в смежных с ней районах Белоруссии.

В качестве исходного рабочего определения Полесья принимается приблизительно то его территориальное очертание, которое употребляется в географической и лингвистическо-диалектологической литературе.

Основной целью монографии является этнографическая характеристика Полесья — одного из интереснейших в этнокультурном отношении регионов славянского мира, где в конкретных проявлениях традиционно-бытовой культуры до наших дней дожили многие яркие свидетельства общности древнерусского этногенетического корня русско-го, украинского и белорусского народов.

Исходным в исследованиях всего коллектива авторов является диалектико-материалистический принцип познания и оценки общественных явлений, последовательно исторический подход к анализу фактов, следование принципиальному ленинскому требованию не выпускать из поля зрения «самое главное» в историческом процессе развития исследуемых явлений — основные этапы их поступательного изменения и то, «чем данная вещь стала теперь»¹.

К «самому главному» относится, на наш взгляд, внимательный учет при разработке каждого вопроса истори-

ческого восточнославянского кинтекста традиционно-бытовой культуры населения Полесья, освещение ее органической связи во всех структурных компонентах с этническими культурами русских, украинцев и белорусов; понимание детерминированности локальных своеобразий и различий культурно-бытовых явлений условиями общественно-исторического, социально-экономического развития и окружающей природной среды.

Этот методологический аспект работы представляется важным и потому, что в прошлом дворянские и буржуазные исследователи во многих случаях абстрагированно подходили к изучению этнографии Полесья и даже тенденциозно стремились вычленивать его в качестве чего-то отдельного, обособленного в этнокультурном отношении. Подобные подходы особенно активно использовались буржуазной наукой и пропагандой 20—30-х годов XX в. с целью обоснования различных политических, территориальных и социально-классовых притязаний реакционных кругов.

Поэтому необходимо точное и недвусмысленное понимание того, что Полесье — не просто межэтническая зона, а в историческом и этнокультурном отношении оно принадлежит к этническим территориям Украины и Белоруссии, а в северо-восточной части — и России, что его коренное население соответственно является составными частями украинского, белорусского и русского этносов.

Этнографическая специфика Полесья состоит, главным образом, в том, что его «центральное положение на стыке трех восточнославянских этносов и на восточно-западнославянском пограничье»² обусловило особенно оживленные и интенсивные в этой зоне межэтнические взаимосвязи и взаимовлияния, что в ней вплоть до нашего времени хорошо сохранились многие реликтовые формы и элементы традиционной народной культуры.

Как этноконтактная зона Полесье представляет переходность и нарастание с юга и на север белорусских, с севера на юг — украинских, а в восточной части — русских характерных культурно-бытовых этнических признаков. В силу этого региональные полесские этнографические особенности в наибольшей степени выражены на украинско-белорусском и украинско-белорусско-русском этнических пограничьях.

Полесье — это историко-культурная область, население которой принадлежит к разным этносам, хотя и родственным, исходящим в прошлом от единой древнерусской этнической общности. Поэтому, во-первых, население данного

региона — полешуков — нельзя считать этнографической группой, как это нередко еще встречается, поскольку этнографическая группа является подразделением одного этноса, а не нескольких этнических образований. Во-вторых, этнографические явления необходимо характеризовать с учетом географии их распространения на исследуемой территории и локальных своеобразий, элементов, обуславливающих общность и различия традиций быта и культуры разных местностей Полесья.

Внимательное отношение к локальным модификациям и различиям в явлениях традиционной культуры необходимо потому, что Полесье отличается большой протяженностью территории. В нередких случаях то, что характерно, например, для западных и северных его районов, менее известно или имеет иной характер в других районах.

Принципиально важным представляется преодоление эмпирической ограниченности в этнографической характеристике Полесья, присущей большинству публикаций буржуазных исследователей. Авторы монографии стремятся показать историческую этногенетическую детерминированность традиционных явлений материальной и духовной культуры, объективную обусловленность их возникновения, бытования, живучести или отмирания, их определенную социальную дифференциацию в классовом обществе.

Особое внимание обращается на освещение генетической связи и типологического сходства характеризующихся явлений традиционно-бытовой культуры населения Полесья как в восточнославянском, так и в более широком контексте. Поэтому рассмотрение, анализ полесского материала сочетаются с привлечением сравнительных данных и аналогий из других районов Украины и Белоруссии, а также с использованием соответствующих исследовательских наблюдений и выводов по этнографии других народов.

Этнографическую особенность Полесья представляла в прошлом традиционная культура сельского населения. Города на территории данного региона отличались полиэтничным составом населения и весьма немногочисленной прослойкой промышленных рабочих. Однако усиление связей села с городом в ходе исторического развития определенным образом сказывалось на культуре и быте сельского населения, особенно в последние десятилетия XIX и начале XX в. В круг исследуемых вопросов включаются и вопросы взаимовлияния в области быта и культуры коренного населения Полесья и представителей других этносов,

которые в разные времена селились в данном регионе разрозненно или компактными группами.

Основной материал монографии, ее первоисточники относятся к XIX—XX вв. Следовательно, и хронологически она ограничена в основном рамками прошлого и настоящего веков. Но в процессе аналитической разработки конкретных вопросов при наличии соответствующих материалов привлекаются и данные большей хронологической глубины.

Наряду с историческим изучением предмета одной из главных задач монографии является отражение современных изменений и этнокультурных процессов в условиях советской действительности. Речь идет не только о констатации тех или иных изменений в быту и культуре полешуков, отмирании многих явлений, не отвечающих социалистическому укладу жизни, но и об исследовании становления нового, о видоизменении, трансформации, модификации традиционных этнокультурных реалий, наполнении старых форм новым содержанием, развитии новых черт и качеств на базе общественно-политических, социальных и культурных преобразований жизни Полесья, современных этнических, демографических и особенно межэтнических интеграционных процессов.

Задачей комплексного освещения всех компонентов и форм традиционно-бытовой культуры населения Полесья и современных этнокультурных процессов определяется и структура монографии. Она состоит из частей и глав, предметом рассмотрения которых являются вопросы этнической истории, этнографической характеристики различных областей быта и культуры Полесья.

При создании монографии учитывались и использовались соответствующие теоретические и практические достижения отечественной и зарубежной науки, в частности, значительный опыт советских ученых по созданию работ подобного типа — историко-этнографических монографий, посвященных как этническим общностям, так и их определенным подразделениям — этнографическим группам, областям, отдельным местностям.

Монография представляет синтез, обобщение этнографического изучения Украинского и Белорусского Полесья. В ней использованы имеющиеся литературные материалы по данной теме, архивные источники и музейные коллекции. В процессе работы особое внимание было уделено полевым исследованиям, которые проводились в ряде комплексных этнографических экспедиций в разные районы Полесья. Полевые материалы дали богатый и значи-

тельный по своей научной важности материал, характеризующий прошлый и современный быт и культуру населения Полесья. Во многих местах работы эти материалы явились основной базой исследования.

Предлагаемый труд — результат совместных усилий коллектива украинских и белорусских ученых. Он выполнен во Львовском отделении Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рильского АН УССР и в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР. В книге освещаются вопросы, относящиеся ко всему региону, — этническая история, народная производственная деятельность, промыслы и ремесла, транспортные средства, одежда, пища, т. е. материальная культура населения Украинского и Белорусского Полесья. Ее логическим продолжением является книга «Общественный, семейный быт и духовная культура населения Полесья» (Минск, 1987), также совместно подготовленная сотрудниками упомянутых научных учреждений.

ПОЛЕСЬЕ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ИСТОЧНИКАХ

Древнейшие упоминания о Полесье и его жителях — будинах (вудинах) имеют место в трудах греческого историка Геродота (ок. 485—430 гг. до н. э.)¹.

В Галицко-Волынской летописи, под годом 1274 упоминается о князе Мстиславе, воевавшем в Полесье, который от Копыля пошел на юг к Полесью². Ко второй половине XVI в. относится уже карта Полесья (Tabula Paludum Polesie Dr Zieker), изданная в 1560 г. в Гданьске.

Термин «Полесье» встречается в трудах польских историков XV—XVI вв. Я. Длугоша³, М. Кромера⁴, М. Стрыйковского⁵. Упомянутые авторы вкладывали в это понятие различный смысл. Не было единого мнения о размещении Полесья и на картах XVI—XVIII вв. В XVIII в. зона Полесья на карте французского инженера Гийома де Боплана обозначена южным бассейном р. Припять (Волынь — Мозырь). На карте Польши 1702 г. Полесье размещено в южно-припятском бассейне и простирается до междуречья Днепра и Сожа. Русский историк В. Татищев отождествлял Полесье с Черной Русью, центром которой называл Новогрудок (Новгородок) и помещал его между верховьем Немана, Днепра и Припятью. Различные толкования полесской зоны имели место и в XIX в. в трудах польских, русских и белорусских авторов (Р. Зенькевича⁶,

П. М. Шпилевского⁷, А. Киркора⁸, М. Довнар-Запольско-го⁹, Е. Карского¹⁰ и др.).

Этнографические сведения о населении Полесья накапливались на протяжении ряда столетий (записки путешественников, летописные сведения, инвентари, историко-юридические акты и пр.).

Во второй половине XVIII в. Академией наук и искусств (Петербург) была организована экспедиция (1768—1774) для изучения природных богатств и хозяйственной жизни населения Слобожанщины и Левобережной Украины. Эта экспедиция, возглавляемая русским ученым И. А. Гюльденшtedтом, посетила города Глухов, Лубны, Городище, Нежин, Пириятин и другие районы Левобережья. В материалах экспедиции есть описание различных хозяйственных занятий населения восточного Полесья¹¹.

К концу XVIII в. относится описание Черниговского наместничества А. Ф. Шафонским, в котором по особенностям материальной культуры выделяется северо-западная полоса Полесья¹².

В записках о Волыни волынского губернского прокурора Степана Руссова¹³ и дорожных записках служащего польского банка Контрима¹⁴ имеются отдельные сведения о земледелии, животноводстве и других вспомогательных сельскохозяйственных занятиях украинцев и белорусов, водных и сухопутных видах коммуникации.

Более систематическое изучение Полесья начинается в первой половине XIX ст. Этнографические и фольклорные материалы по Белорусскому Полесью впервые появляются в печати в первой половине XIX в. в исследованиях белорусских и польских краеведов М. Чарновской¹⁵, Я. Снедец-кого¹⁶, Р. Зенькевича¹⁷, В. Сырокомли¹⁸, П. Шпилевского¹⁹. О Полесье писали польские и украинские ученые Л. Голембёвский²⁰, Ю. Крашевский²¹, Зориан Доленга-Ходаковский²², И. Ярошевич²³.

Эти работы отражают различные идейно-политические позиции их авторов. Большинство из них выполнены с прогрессивных позиций. Богатством фактических материалов по этнографии и фольклору отличаются работы П. Шпилевского (описание многих аспектов материальной и духовной культуры белорусов Полесья), Ю. Крашевского (описание занятий, орудий труда, жилища, одежды и пищи), Р. Зенькевича (описание обычаев и обрядов). Однако ряд публикаций (Л. Голембёвского, И. Ярошевича) носят тенденциозный характер.

По Волынскому Полесью, древнему его периоду отдельные этнографические сведения содержит второй том

«Древней Подъши» польских авторов М. Балинского и Т. Липинского²⁴. Определенный вклад в изучение этнографии Украинского Полесья внесла Комиссия по описанию губерний Киевского учебного округа, в который входили, кроме других, полесские части Киевской, Черниговской и Волынской губерний. Действительным членом этой Комиссии был этнограф-собираатель П. Делафлиз. Им написана большая работа, в которой содержатся ценные сведения по материальной и духовной культуре украинцев, в том числе и зарисовки народного жилища и одежды населения Полесья²⁵.

Во второй половине XIX в. изучение Полесья активизируется. Значительную роль в этом сыграла деятельность Генерального штаба царской армии по определению этнографических границ, изучению состава населения по национальному признаку. В томах «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба», посвященных Минской, Гродненской и Черниговской губерниям, содержатся многие сведения по этнографии Полесья. Особую ценность представляет том «Гродненская губерния», ч. 1, 2 (1863), подготовленный П. Бобровским.

Ряд статей по этнографии Полесья появился в 50-х годах XIX в. в различных периодических изданиях. Производственная деятельность, орудия труда, промыслы и ремесла населения Полесья охарактеризованы в статьях русских этнографов и географов В. Михельсона²⁶, А. Братчикова²⁷, А. Перлштейна²⁸ и других²⁹, а также в работе М. Очаповского³⁰.

Систематическое и целенаправленное собрание этнографических материалов начинается с основания в 1845 г. Русского географического общества (РГО). Программа этнографического отделения общества, разосланная в 1847 г. по всей стране, определяла направленность важнейших этнографических работ этого времени.

Деятельность общества сыграла важную роль в изучении культуры и быта народов России, в том числе этнографии Полесья.

Членами этого общества были многие украинские и белорусские ученые, этнографы, собиратели-любители. Уже в первом выпуске «Этнографического сборника» РГО были помещены статьи краеведов Г. Базилевича «Городок Александровка Черниговской губернии Сосницкого уезда», И. Морачевича «Село Кобылье Волынской губернии Новгород-Волынского уезда»³¹. В третьем выпуске была опубликована статья «Заметки о западной части Гродненской

губернии»³², принадлежащая, по мнению Е. Ф. Карского, И. Куклинскому. Однако большинство присланных материалов не было опубликовано.

В архиве РГО были собраны многие этнографические материалы, относящиеся к белорусам и украинцам Полесья. Многие из них отражены в описании этого архива русским этнографом Д. Зелениным³³. Они содержат ценные сведения о жилище, одежде, пище, общественном и семейном быте, обычаях, фольклоре и других компонентах традиционно-бытовой культуры, зафиксированные в середине XIX в. преимущественно уроженцами или жителями описываемых местностей.

Среди рукописей, хранящихся в архиве РГО, особо интересны такие: «Местное этнографическое описание Вельского уезда» К. Брема, «Бездежский приход Кобринского уезда» И. Колдубовского, «Холмский приход Кобринского уезда» С. Пашкевича, а также рукопись В. Абрамовича и ряд описаний отдельных населенных пунктов Волынского Полесья³⁴.

Дальнейшая активизация деятельности РГО связан, с открытием Северо-Западного (1867) и Юго-Западного (1873) отделов этого общества. Несмотря на короткий срок их существования (в 1876 г. Юго-Западный отдел был закрыт, а Северо-Западный — свернул свою деятельность), они сыграли большую роль в вовлечении местных сил в дело краеведения. По разосланным этими отделами программам и анкетам были получены многочисленные материалы, которые содержат богатые сведения о народном быте и культуре Украины и Белоруссии³⁵. Многие корреспонденты общества впоследствии стали известными исследователями этнографии и фольклора белорусов и украинцев (П. Чубинский, Е. Романов, А. Сементовский и др.).

В Белоруссию и на Украину были направлены две этнографические экспедиции — этнографов и фольклористов С. Максимова и М. Дубенского в Белоруссию, П. Чубинского — на Украину. Итоги работы экспедиций С. Максимова и М. Дубенского не были опубликованы, хотя они собрали значительный этнографический материал, в том числе и по Полесью. Очевидно, причиной этому послужила общественно-политическая позиция Дубенского, который в своих докладных об итогах экспедиции довольно резко критиковал царскую политику и деятельность церкви в этом крае, которые «одурачивают парод», мешая «натуральному экономическому ходу»³⁶. Он подчеркивал, что

«на Полесье не климат и не почва задерживали прирост населения, а крепостной быт его»³⁷.

Исключительно плодотворными были итоги экспедиции украинского этнографа П. Чубинского, который в конце 60-х — начале 70-х годов обследовал Правобережную Украину, а также Мозырский, Пинский, Кобринский, Слонимский, Пружанский и Брестский уезды Белоруссии. Выделяя Полесье как отдельный этнографический регион, П. Чубинский обратил особое внимание на материальную и духовную культуру его населения. В семитомном издании «Трудов»...³⁸ экспедиции содержатся богатые материалы по этнографии и фольклору украинцев и белорусов Полесья. Труды экспедиции П. Чубинского имеют большое значение для сравнительного изучения быта и культуры белорусского и украинского народов.

Исследования о населении Волынского Полесья принадлежат польскому автору Тадеушу Стецкому³⁹. В его монографии «Волынь» даны сведения о жилище и усадьбе, основных занятиях населения, одежде. Ценными являются замечания об общих и отличительных чертах в одежде волынян и полешуков. Характеризуя жилище, автор указывает на технику его строительства, размещение хозяйственных строений, рассказывает о народных обычаях, связанных со строительством жилища. Но он идеализировал положение жителей Волыни и Полесья, игнорировал классовое расслоение крестьянства.

Разнообразные сведения по этнографии Волынской губернии содержатся в работах украинских историков и краеведов Н. И. Теодоровича⁴⁰, А. Братчикова⁴¹. В них содержатся ценные данные о хозяйственной деятельности населения Волынского Полесья, его одежде и быте.

В 60—70-х годах XIX в. значительные материалы по этнографии и фольклору Полесья появляются в губернских ведомостях, памятных книжках, периодических изданиях научных обществ и других печатных органах России и Польши.

По Украинскому Полесью многочисленные статьи были опубликованы в «Волыньских губернских ведомостях», «Киевских губернских ведомостях», «Черниговских губернских ведомостях», «Киевском телеграфе», о белорусах и украинцах Полесья — в изданиях Русского географического общества, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Краковской Академии наук и др.

Периодическая печать сыграла важную роль в пропаганде программ, научной методики работы по сбору материалов. Так, «Киевские губернские ведомости» за 1867,

1868, 1875 гг.⁴² напечатали разработанные Русским географическим обществом программы по сбору материалов о народных поверьях, народном обычном праве, по составлению историко-этнографических и статистических описаний уездов, волостей, приходов и сел. В 1873 г. на страницах газет (и отдельным изданием) была опубликована широкая программа Юго-Западного отдела Русского географического общества для сбора данных по этнографии. В «Волыньских губернских ведомостях» были опубликованы программы по народным знаниям и обычному праву⁴³, в «Гродненских губернских ведомостях» — программа по сбору этнографических сведений и фольклора Г. Кульжинского⁴⁴.

Среди публикаций, появившихся в различных печатных органах в 60—70-х годах XIX в., многие содержат сведения по быту и культуре украинцев и белорусов Полесья. Так, характеристика жилища, хозяйственных построек, одежды, явлений духовной культуры населения Белорусского Полесья дается в работах белорусских исследователей И. Эремича⁴⁵ и Б. Л. Тура⁴⁶.

Свыше 20 статей русских, белорусских и польских авторов, посвященных этнографии Белорусского Полесья, опубликовано в периодической печати⁴⁷. В «Волыньских губернских ведомостях»⁴⁸ публиковались статьи об охоте, рыболовстве, пчеловодстве, водных транспортных средствах, народной медицине и др. Несколько статей появилось и в других изданиях⁴⁹.

В 80—90-е годы появляются исследования по Полесью, осуществленные на более высоком научном уровне. Это относится в первую очередь к публикациям белорусских и польских ученых М. Довнар-Запольского, О. Кольберга, М. Федоровского, Н. Янчука.

Н. Янчук в 1886 г. на средства Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии осуществил экспедицию в Минскую губернию. Он побывал в северной части Полесья (южные районы Бобруйского и Слуцкого уездов и северная часть Речицкого) и наряду с антропологическими изысканиями дал описание верований и обрядов, знахарства и народной мифологии, записал 158 белорусских народных песен⁵⁰.

Более разнообразные сведения по быту и культуре белорусов Полесья собрал во время экспедиции в 1890—1891 гг. М. В. Довнар-Запольский⁵¹. Результаты экспедиции были обобщены им в ряде научных работ — «Обычное семейное право крестьян Минской губернии»⁵², «Мотивы свадебных песен пинчуков», «Женская доля в песнях

пинчуков»⁵³, «Песни пинчуков», а также в других работах, большинство из которых им были изданы в сборнике⁵⁴. Основное внимание М. Довнар-Запольский обратил на изучение семьи, семейных отношений и обрядов, обычного права, а также экономического положения, некоторых сторон материальной и духовной культуры белорусов Полесья, в том числе фольклора и народных игр⁵⁵. Ценность работ М. Довнар-Запольского еще и в том, что в ряде случаев показана динамика Изменений, происходивших в материальной и духовной культуре народа в период капитализма.

Богатые материалы, преимущественно по духовной культуре и семейному быту собрал на Полесье польский фольклорист и этнограф О. Кольберг. Часть из них была опубликована им самим⁵⁶, основные же материалы увидели свет только в 60-х годах XX в.⁵⁷ Большую часть его публикаций составляют фольклорные произведения, описания обрядов и обычаев календарного и семейного циклов, данные по материальной культуре Полесья, в том числе по жилищу, одежде и пище. Исследования Кольберга относятся к Пинскому, Речицкому, Брестскому уездам и Волыни.

В конце XIX в. положено начало публикаций фольклорно-этнографических материалов, собранных на протяжении трех десятилетий белорусским ученым М. Федоровским. При его жизни было опубликовано три тома⁵⁸, в которых наряду с фольклорными текстами имеют место описания верований, средств народной медицины и пр. В рукописном фонде Варшавского университета хранятся рукописи Федоровского по материальной и духовной культуре белорусов, в том числе и по Полесью (его северо-западной части).

По отдельным регионам Полесья или населенным пунктам ценные материалы появляются в публикациях З. Радченко, Д. Булгаковского, Е. Еленской и др. Среди трех сборников З. Радченко этнографические материалы содержит второй по времени выхода сборник⁵⁹, в котором собраны фольклорные материалы и даются описания материальной и духовной культуры крестьян Дятловицкой волости. В фольклорно-этнографическом сборнике «Пинчу-ки» Д. Булгаковского кроме фольклорных произведений помещены описания верований, обрядов и обычаев сельского населения Пинского уезда.

Обширные материалы по одной деревне Комаровичи Мозырского уезда содержит работа Е. Еленской⁶⁰, отдель-

ные разделы которой посвящены материальной культуре крестьян, обрядности и пр.

По Украинскому Полесью этнографические материалы содержатся в «Военно-статистическом обозрении Волынской губернии» (Киев, 1887) А. Забелина, в «Земском сборнике Черниговской губернии» (1899, 1900), в «Волыньских губернских ведомостях», где было опубликовано несколько статей А. Братчикова по местному скотоводству и огородничеству⁶¹. Описание полесской сохи дается в работе Т. Луневского⁶².

Среди этнографических публикаций конца XIX в., посвященных Украинскому Полесью, значительное место занимают материалы свадебной обрядности. Интересные обычаи из с. Юркивщины записала С. Рокоссовская⁶³, сведения о свадебной обрядности полешуков поданы в исследовании К. Брикчинского⁶⁴, о свадебных обрядах западной части Полесья подробные сведения дал О. Кольберг⁶⁵.

Научную ценность имеет описание свадьбы и ее обрядов на Черниговщине П. Литвиновой-Бартош. Отдельные этапы свадебного обряда иллюстрируются соответствующими песнями⁶⁶.

Предварительной комиссией Харьковского археологического съезда было издано исследование, где характеризовались ткани и писанки Конотопского, Кролевецкого, Новоград-Волынского и Стародубского уездов⁶⁷.

Ряд публикаций⁶⁸ фиксирует своеобразные черты народного праздника Ивана Купала в Полесье. Распространенные в Полесье верования в упырей и связанные с ними суеверные действия описываются В. Битнером⁶⁹. Этнограф-любитель и собиратель И. Беньковский записал поверья, обряды и обычаи в Староконстантиновском и Заславском уездах Волынской губернии⁷⁰.

На протяжении 80-х и 90-х годов XIX в. ряд работ по этнографии Полесья появился в издании Краковской Академии наук⁷¹, варшавских этнографических журналах «Wisla»⁷², «Ziemia»⁷³. Подавляющее большинство работ польских исследователей о Полесье написано с буржуазно-либеральных позиций, но они в основном содержат ценные этнографические и фольклорные данные.

Вместе с тем в 80—90-х годах из числа польских исследователей народного быта выделяется группа прогрессивно настроенных ученых, выступавших в защиту народа и его культуры. Известная польская писательница Э. Ожешко дала объективную характеристику быта и

культуры полешуков, объясняя многие явления в жизни народа социально-экономическими условиями⁷⁴.

В периодических изданиях значительные материалы опубликованы и по Белорусскому Полесью⁷⁵.

В 1883 г. выходит из печати первая библиографическая работа по Полесью, составителями которой являются З. И. Пенкина и В. И. Межов⁷⁶.

Обращаясь к идейно-политической направленности этнографических работ XIX в. по Полесью, следует отметить, что большинство их написано с прогрессивных позиций. Демократические тенденции, выразившиеся в стремлении ряда исследователей выступить против фальсификации культурного населения белорусов, просматриваются в деятельности Р. Зенькевича, В. Сырокомли, П. Шпилевского, Ю. Крашевского, А. Васильевой, Н. Ян-чука, М. Довнар-Запольского, Е. Романова, Т. Луневско-го, Е. Еленской, П. Чубинского, Э. Ожешко и др.

Защитниками классового мира выступали И. Эремич, Д. Булгаковский. С позиций польского шовинизма писали свои работы Л. Голембёвский, И. Ярошевич и некоторые другие.

В начале XX в. довольно четко обозначались две противоположные тенденции в этнографическом изучении народов России — прогрессивная, которая смыкалась с революционно-демократическим движением в стране, и реакционная, защищавшая интересы господствующих классов и самодержавия.

В этот период основные этнографические труды о Полесье выполнены с позиций эволюционизма. Известное влияние на ряд работ имела и марксистская концепция диалектического и исторического материализма (М. Довнар-Запольский). В связи с этим в этнографии все большее место отводится изучению материальной культуры и производственной деятельности народа (А. Сержпутовский, Е. Романов, П. Шейн, М. Довнар-Запольский, И. Сербов, А. Харузин, М. Косич). Продолжали выходить и работы по духовной культуре народа (М. Федоровский, З. Радченко и др.).

В начале XX в. известный белорусский этнограф Е. Романов уделяет большое внимание изучению Полесья. По поручению Северо-Западного отдела Русского географического общества он совершает две экспедиции в Гродненскую губернию, во время которых изучает быт и фольклор, сверяет переданные ему фольклорные материалы, собранные учителями и учениками школ этой губернии в 1904—1909 гг. Данные экспедиции он дополняет своими материа-

лами, накапливаемыми во время работы инспектором народных училищ Гродненской губернии, и издает обширный сборник в двух книгах — «Материалы по этнографии Гродненской губернии» (Вильна, 1911—1912). К первому выпуску «Материалов» дается обширный историко-этнографический очерк губернии, в котором речь идет об этнографических границах, производственной деятельности, материальной культуре (жилище, одежда, пища, орудия труда), семье, верованиях, суевериях, приметах. Этнографические сведения по северо-восточному Полесью имеют место в VIII выпуске его «Белорусского сборника» (Вильна, 1912), а по западному — в статье «По Гродненскому Полесью» (1912).

Целенаправленное изучение Белорусского Полесья в начале XX в. проводит А. Сержпутовский, который с 1884 по 1893 г. работал учителем в школах Мозырского и Слуцкого уездов, а позже — в этнографическом отделе Русского музея (Петербург). Свои наблюдения, записанные во время работы на Полесье, и материалы экспедиции 1906 г. он обобщил в работе «Белорусы-полешуки» (Этнографический очерк). Постройки, занятия и поверья крестьян северной части Мозырского и южной части Слуцкого уездов Минской губернии (приложено 38 чертежей и рисунков)⁷⁷. В этой рукописной работе дано обстоятельное описание жилища, сельскохозяйственных построек, занятий, ремесел, обычаев и верований крестьян указанного выше региона, который он называет центральным Полесьем.

В публикациях дореволюционного времени Сержпутовский дает подробное описание земледельческой техники Белорусского Полесья⁷⁸, бортничества⁷⁹, рыболовства⁸⁰ и народных обычаев и верований⁸¹.

Преимущественно быту и культуре населения Белорусского Полесья посвящены и работы И. А. Сербова, в которых освещаются почти все стороны материальной и духовной культуры и производственного быта полешуков⁸².

Среди других авторов следует отметить статьи М. Косич «Литвины — белорусы Черниговской губернии, их быт и нравы», «О постройках белорусского крестьянства Черниговской губернии Мглинского уезда села Расухи, деревни Бородинки и Амелькина хутора»⁸³.

Отдельные сведения по быту населения Полесья имеют место в «Материалах для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» П. Шейна (Спб., 1902, т. 3), в издании «Россия» (Спб., 1905, т. 9), в статье И. Смолинского⁸⁴ и других⁸⁵.

К дореволюционному времени относятся и материалы крупных работ о восточном Полесье К. Мошинского⁸⁶ и Ч. Петкевича⁸⁷, изданных в 20—30-х годах XX в. В них характеризуется производственная и духовная культура сельского населения восточного Полесья, преимущественно Речицкого и частично Мозырского уездов. В обобщающей монографии о народной культуре славян К. Мошинского⁸⁸ широко использованы сведения о материальной и духовной культуре полешуков, собранные автором во время полевых исследований. Подаются описания, зарисовки и фотографии разных компонентов материальной культуры (жилищные и хозяйственные постройки, орудия труда, одежда, предметы быта и т. п.). К. Мошинский внес значительный вклад в этнографическое изучение славянства вообще и Полесья в частности. Особенно важна постановка ряда вопросов о широком общеславянском контексте изучения материальной и духовной культуры населения Полесья.

В 1932 г. видный украинский ученый Ф. М. Крлесса вместе с К. Мошинским участвовал в этнографической экспедиции по Полесью, собрал ценный фольклорный материал украинско-белорусского пограничья, который стал основой его исследования о народной музыке Полесья⁸⁹.

Ряд работ польских ученых 20—30-х годов XX в. посвящен изучению типов поселений, жилищ, одежде и другим аспектам материальной культуры Полесья⁹⁰. В этот период Полесье привлекало внимание ряда польских ученых в связи с исследованием проблем этногенеза славян, этнографических групп украинцев и белорусов, их народной медицины, домашних промыслов, вспомогательных занятий, одежды, вышивки, писанок, говоров, обрядов, обычаев, верований, фольклора. Польский буржуазный исследователь З. Рисевич в труде «О прародине славян»⁹¹, анализируя работы М. Фасмера, Я. Ростафинского и Я. Пайске-ра, обратил внимание на теорию полесско-волынской колыбели славян. М. Фасмер свою теорию обосновывал наличием в Полесье общеславянской гидронимии. Гипотезе полесской прародины славян посвящены работы польского буржуазного археолога Т. Сулимирского⁹².

В этнографических публикациях начала XX в. имеются сведения о народной медицине полешуков, определенное внимание⁹³ уделено исследованию народных промыслов Полесья, охоты, рыбной ловли и пчеловодства⁹⁴. Объектом исследования была народная одежда, ее украшения — вышивка, композиции, узорные мотивы⁹⁵. Исследованиями техник полесской вышивки занималась Я. Коженевская⁹⁶.

Народные названия волинских вышивок зафиксированы в статье А. Гузовской⁹⁷, сравнительное изучение вышивки дано в работе М. Морелевского⁹⁸. В поле зрения польских исследователей были также и такие виды народного искусства полешуков, как писанки. В статье Я. Гофмана рассматривается обычай и способ изготовления писанок на Волини⁹⁹.

Ряд статей посвящен календарным и семейным праздникам и обрядам¹⁰⁰, изучению полесских говоров¹⁰¹. Однако, тенденциозно используя данные лингвистического и этнографического изучения Полесья, некоторые польские буржуазные авторы пытались обосновать вывод, что население данного региона составляет отдельную этническую группу, отличающуюся от украинцев и белорусов¹⁰².

Советский период стал новым этапом в историко-этнографическом исследовании Полесья. Советские ученые на основании новых методологических принципов, с позиций диалектического материализма в изучении народной культуры достигли значительных успехов. Еще когда на территории Белоруссии шла гражданская война, в Москве в 1918 г. на кафедрах Белорусского народного университета известными учеными В. И. Пичетой, Д. Н. Анучиным, Н. А. Янчуком, Д. Ф. Жилуновичем и другими были прочитаны лекции по истории, этнографии, литературе, языку и другим вопросам культуры белорусов¹⁰³. Среди них в плане данного исследования представляют интерес лекции В. И. Пичеты, Д. Н. Анучина и Н. А. Янчука, в которых затрагиваются вопросы этнической территории Белоруссии. Следует отметить, что по отношению к Белорусскому Полесью мнения авторов статей «Курса белорусоведения» не были едиными. Так, если В. И. Пичета «ядром белорусской народности» считал бывшие земли дреговичей, подвинских и смоленских кривичей и частично древлян, то Д. Н. Анучин дополнительно включал радимичей, но исключал дреговичей, хотя считал территорию Белорусского Полесья переходной от белорусов к украинцам. Однако Турово-Пинские земли относил к белорусским.

Почти одновременно в Петрограде создается Белорусское вольно-экономическое общество и его печатный орган «Чырвоны шлях», в деятельности которого активное участие принимает А. К. Сержпутовский. Сразу же после освобождения Белоруссии в 1920 г. Сержпутовский совершает продолжительную экспедицию в Белорусское Полесье — юг Слуцкого, в Речицкий и Пинский уезды. В экспедиции им собраны разнообразные данные по материальной и духовной культуре обследованных населенных

пунктов¹⁰⁴. Следующую экспедицию на Полесье А. Сержпутовский провел в 1926 г., итоги которой опубликованы в его отчете¹⁰⁵.

Этнографические экспонаты на Полесье в 1925 г. собираются художником Н. Филипповичем (Мозырско-Туровское Полесье), И. А. Сербовым.

В 1927 г. Центральный музей народоведения (Москва) направил на юг Белоруссии этнографическую экспедицию во главе с Н. И. Лебедевой. Кроме крупной коллекции, которая явилась основой для создания в 1928 г. белорусского отдела в этом музее, экспедиция Лебедевой провела большую научно-исследовательскую работу по изучению народного жилища, орудий труда, промыслов и ремесел, транспортных средств, музыкальных инструментов, обычаев и обрядов.

В 20—30-е годы в Белоруссии, как и во всей стране, развернулось широкое краеведческое движение, охватившее и Полесье. Среди краеведческих публикаций по материальной культуре населения Полесья интересны статьи М. Тамковича¹⁰⁶, Н. Азбукина¹⁰⁷, Я. Барановского¹⁰⁸, В. Жука, И. П. Панкова¹⁰⁹, Т. П. Кулакова и Н. С. Вологовского¹¹⁰, С. Шавковича¹¹¹, в которых приводятся ценные данные по народному жилищу, его планировке, интерьеру, одежде, пище, орудиям труда.

Среди научных исследований по Полесью в 20—30-е годы особого внимания заслуживают публикации И. А. Сербова и Н. И. Лебедевой по материальной культуре, А. К. Сержпутовского — по духовной культуре, написанные на основе личных экспедиционных исследований.

В 1928 г. издает свою книгу «Вичинские поляне» И. А. Сербов. Им в 1926 г. обследована группа деревень на левом берегу среднего течения реки Припять (Ячевки, Язвинки, Дворец, Цна, Дребск). Эти населенные пункты располагались на безлесной части Полесья, а их население называло себя «полевиками», «полевыми людьми», в отличие от полешуков лесной части Полесья. Отмечая однотипность культуры этого региона, И. Сербов рассматривает и особенности планировки поселений, жилища вичинских полян, их одежду, занятия, пищу.

В 1929 г. появилось интересное исследование по жилищу и хозяйственным постройкам района между Мозырем и Слуцком Н. И. Лебедевой¹¹². Этот район был обследован ею в 1927 г. Автор отмечает неоднотипность планировки и особенностей жилища и хозяйственных построек изучаемого региона, объясняя это тем, что они находились на стыке между культурами древнеславянских и ли-

товских племен. Исходя из анализа жилища и хозяйственных построек, Лебедева выделяет здесь отдельные этнографические регионы.

Знание культуры восточных славян дало возможность Лебедевой составить таблицу общих и специфических особенностей жилища и хозяйственных строений изучаемого района, сопоставив их с пограничными русскими и украинскими. Проведен также анализ общих и специфических особенностей этого района сравнительно с другими районами Белоруссии.

В 20—30-е годы определенное внимание уделялось изучению ремесел Полесья в исследованиях Р. Рака¹¹³, А. Н. Левданского¹¹⁴. Появились и работы, характеризующие развитие промыслов в отдельных населенных пунктах Полесья¹¹⁵.

Значительное внимание в этот период уделялось изучению народных обрядов, верований. Самой крупной работой в этой области является фундаментальное исследование А. К. Сержпутовского¹¹⁶.

Сведения о верованиях и обрядах населения Полесья имеют место в исследованиях Н. М. Никольского¹¹⁷, З. Бядули¹¹⁸ и др.

Многие научные работы довоенного периода носят чисто описательный характер, написаны не на надлежащем научном уровне, особенно статьи по краеведению. Этот период был временем становления марксистско-ленинской методологии в этнографической науке.

Послевоенный период характеризуется как время становления новых направлений в этнографической науке. На Всесоюзном совещании этнографов в 1951 г. констатировался поворот этнографии к изучению современных культурно-бытовых процессов в городе и деревне. Впервые начали появляться исследования по быту и культуре рабочего класса.

В послевоенное время Полесье привлекало внимание ученых в связи с дальнейшей разработкой комплексной проблемы этногенезиса славян. Советский археолог Ю. В. Кухаренко, изучая археологию Полесья, приходит к выводу, что эта территория была густо населена уже в эпоху мезолита, в то же время исключает возможность размещения здесь прародины славян в связи с отсутствием этнического единства населения данной территории в древности.

На основе археологических данных Полесья Ю. В. Кухаренко считает, что только западные районы Полесья в древности входили в область формирования славянской

этнической общности. Как периферия славянской прародины, западное Полесье, считает Ю. В. Кухаренко, служило своеобразным мостом, по которому проходило древнее переселение славян с запада на восток, из Повислия (Повислены) в Приднепровье¹¹⁹.

В послевоенный период активно изучается Украинское Полесье. Организуются экспедиционные исследования, комплексное изучение определенных вопросов и отдельных местностей¹²⁰. Исследователи пытаются охватить широкий комплекс явлений народной культуры. Значительно расширяется тематический диапазон исследований.

Особенно большая работа проделана по изучению типов поселений, усадеб, жилищ Украинского Полесья конца XIX — первой половины XX в. Наряду с традиционным изучается и современное жилище колхозников Полесья¹²¹. Г. Ю. Стельмах выделил типы поселений северной зоны Украины, относящейся к Полесью¹²², сосредоточил свое внимание на определении общих строительных признаков жилища восточнославянских и других народов, а также на его особенностях, в первую очередь у русских, украинцев и белорусов¹²³.

Искусствовед и этнограф С. Таранушенко принимал в 1931 г. участие в экспедиции в Олевский р-н на Житомирщине, где сохранились реликтовые формы народного жилища, идущие от архитектурных традиций времен Киевской Руси¹²⁴. Кроме жилища исследователя интересовали хозяйственные строения¹²⁵.

Особенностям развития сельского жилища в Полесье посвящены статьи М. Приходька¹²⁶, А. Г. Данилюка¹²⁷. Привлекала внимание исследователей Полесья и культурная архитектура Полесья¹²⁸.

Исследованию сельскохозяйственных орудий Полесья, их изменению в зависимости от социально-экономических и физико-географических условий отведено значительное место в работах М. П. Ковальского¹²⁹, в коллективной монографии «Народна землеробська техшка украшшв»¹³⁰. Советские этнографы и искусствоведы, исследуя комплексы одежды Украинского Полесья в сравнительном плане, отмечали ее общие восточнославянские черты и региональные особенности¹³¹.

Привлекло исследовательское внимание и традиционное полесское ткачество¹³². С. И. Сидорович в народном ткачестве западных областей УССР XIX в. выделяет северный полесский район, который охватывает северную часть Ровенской и Волынской областей и переходит на

восток в полесскую полосу Житомирской и Киевской областей¹³³.

В ряде публикаций освещаются вопросы, связанные с развитием бытовой керамической посуды и технической керамики в Полесье, изразцов¹³⁴, а также обработки камня¹³⁵. Объектом исследования стали также художественные промыслы Полесья, их отдельные центры в настоящее время¹³⁶.

О различных видах художественных промыслов, в частности о гутном стекле, имеются сведения в ряде работ. Так, украинский советский исследователь В. Ф. Рожанковский пишет о стеклянных гутах¹³⁷ на Украине в XVI—XIX вв., в том числе и на территории Украинского Полесья¹³⁸. В исследовании Ф. С. Петряковой имеются сведения о том, что на территории Волынской губернии в 1804 г. находилась 21 стеклянная гута¹³⁹.

Ценные материалы об украинских фарфоровых изделиях, в частности Корецкого, Барановского, Городницкого, Волокитинского заводов на Волини и Полесье, содержатся в статьях Л. В. Долинского¹⁴⁰ и в его монографии, посвященной исследованию развития фарфорового производства на Украине в досоветское и советское время¹⁴¹.

Из традиционной духовной культуры населения Полесья в исследованиях советского времени получили дальнейшую разработку календарные и семейные обряды и обычаи, особенно купальские и троицкие¹⁴².

В 1958 г. публикуется работа М. Я. Гринблата и Л. А. Молчановой¹⁴³, в которой на материалах одного колхоза Полесья рассматриваются изменения в производственном и материальном быту, семейной и общественной жизни колхозников, происшедшие за годы советской власти.

На основании историко-сравнительного анализа свадебной обрядности северных районов Ровенской и Житомирской областей Украинской ССР и южных Брестской и Гомельской областей Белорусской ССР Г. Т. Пашкова исследовала этнокультурные связи братских народов и развитие их на современном этапе¹⁴⁴. Особое внимание уделено новым свадебным обычаям, которые характеризуют семейно-бытовые аспекты современного образа жизни и отображают процесс становления общесоветских черт в семейной обрядности.

Первыми обобщающими работами по этнографии украинцев и белорусов явились коллективные монографические исследования «Белорусы» и «Украинцы», опубликованные в многотомном издании «Народы мира»¹⁴⁵. В них

проанализированы важнейшие аспекты быта и культуры народа — материальная и духовная культура, семейный и общественный быт, фольклор, народное искусство, в том числе и Полесья.

Материалы по Полесью содержатся в работах: А. И. Залесского, посвященной исследованию быта белорусских крестьян в «партизанском крае» во время Великой Отечественной войны¹⁴⁶, Е. Э. Бломквист, Н. И. Лебедевой и Г. С. Масловой — о восточнославянских жилищных и хозяйственных постройках,¹⁴⁷ ткачестве и одежде¹⁴⁸.

Данные по различным аспектам материальной и духовной культуры Полесья нашли отражение во многих публикациях белорусских этнографов. Наиболее ценными в этом отношении явились исследования сельскохозяйственной техники, жилища и одежды, проведенные в связи с разработкой историко-этнографического атласа Украины, Белоруссии и Молдавии по этим областям материальной культуры. Применение методов картографирования дало возможность рассмотреть особенности орудий труда и одежды всех регионов республики, в том числе и Белорусского Полесья¹⁴⁸.

Значительные материалы по Полесью собраны и при разработке тем, посвященных изучению изменений в быту и культуре белорусов и современных этнических процессов в БССР. Эти данные обобщены в монографических исследованиях «Изменения в быту и культуре сельского населения Белоруссии» (1975) и «Изменения в быту и культуре городского населения Белоруссии» (1975), «Этнические процессы и образ жизни» (1980).

В последние годы Полесье, как и другие регионы Белоруссии, изучалось в связи с разработкой методических основ создания Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта. Основное внимание при этом было обращено на историко-этнографическое районирование Белоруссии¹⁴⁹ и выявление особенностей материальной культуры каждого из шести регионов, в том числе западного и восточного Полесья.

Вопросы этнографии Белорусского Полесья затрагивались и во многих других исследованиях белорусских этнографов — Л. А. Молчановой, Л. И. Адинько, В. С. Гуркова, В. С. Титова, С. А. Милюченкова, А. Н. Курилович, И. Н. Браима, Н. И. Бураковской, С. Ф. Терехина и др. По историографии этнографии Полесья имеются материалы в работах В. К. Бондарчика¹⁵⁰ и И. В. Чаквина.

Значительный вклад в изучение Полесья внесен учены-

ми Института славяноведения и балканистики. По материалам многолетних полесских экспедиций изданы сборники¹⁵¹, в которых рассматриваются вопросы этнической истории, археологии, лингвистики, топонимики и этнографии Полесья.

Материалы этих работ важны для изучения истории восточнославянских языков, материальной и духовной культуры населения Полесья, а также славянского и восточнославянского этногенезиса. Советский ученый Н. И. Толстой отмечает полное совпадение археологических и лингвистических границ, разделяющих восточное и западное Полесье¹⁵².

К говорам населения Украинского Полесья проявляют большой интерес украинские¹⁵³ и белорусские¹⁵⁴ языковеды-диалектологи.

Для этнографического изучения Полесья важное значение имеют этнографические коллекции, хранящиеся в музеях СССР, УССР и БССР. В первую очередь это Государственный музей этнографии народов СССР в Ленинграде. Среди экспонатов полесской зоны особенно значительна коллекция, собранная белорусским этнографом А. К. Сержпутовским. В Государственном музее народной архитектуры и быта УССР (г. Киев) экспонируются и хранятся разнообразные объекты и предметы материальной культуры украинцев и частично белорусов Полесья. В Музее этнографии и художественного промысла АН УССР (при Львовском отделении ИИФЭ) имеются экспонаты народного быта с полесской зоны. Предметы материальной культуры с восточного Полесья собраны Черниговским государственным историческим музеем и его филиалами — Остерским, Прилукским, Сосницким краеведческими музеями УССР. По Белорусскому Полесью значительные материалы по орудиям труда, одежде, промыслам и ремеслам хранятся в Государственном музее БССР, в Гомельском областном краеведческом музее, Пинском историко-архитектурном заповеднике, Брестском областном краеведческом музее и др.

Подводя итоги историографического обзора публикаций, архивных и музейных источников, относящихся к этнографии Полесья, следует отметить процесс постепенного увеличения в них сведений по различным вопросам этнической истории, материальной и духовной культуры, семейного и общественного быта населения этой этноконтактной историко-этнографической области. Однако различные периоды развития этнографических знаний имеют свои особенности. Первый период (до середины

XIX в.) является временем первоначального накопления сведений по этнографии населения Полесья. Материалы о быте и культуре народа печатались преимущественно в исторических трудах и очерках, специальные же публикации были явлением редким, и их научная ценность была сравнительно невелика. Становление этнографии как науки происходит после образования Русского географического общества с отделением этнографии. В первой половине XIX в. и вплоть до 80-х годов основное внимание обращалось на накопление материала, изучение духовной культуры народа — его верований, обрядов, фольклора, что было обусловлено господством мифологического и других идеалистических направлений в этнографии и филологии. С утверждением в науке эволюционистского подхода к изучению культуры и быта народа определенное значение приобретают исследования материальной культуры и производственной деятельности народных масс, однако большинство этнографических работ и в это время посвящалось по-прежнему духовной культуре народа. В связи с оживлением национально-освободительной борьбы в конце XIX в. и особенно начале XX появляются труды по вопросам этногенеза, этнической истории и этнографических границ.

По своему идейно-политическому и теоретическому содержанию труды дореволюционных этнографов по Полесью были неоднозначны. Дворянско-буржуазная монархическая и клерикальная историография отрицали право украинцев и белорусов на самостоятельное развитие своей культуры. Великодержавные русские и шовинистически настроенные польские историографы относили украинцев и белорусов Полесья к русскому или польскому этносам. Однако большинство этнографических работ по населению Полесья написаны с прогрессивных и демократических позиций, они давали более или менее объективную картину этнической принадлежности, быта и культуры украинцев и белорусов Полесья.

Дореволюционные этнографы различались и по своей принадлежности к той или иной школе (мифологическая, историко-юридическая, антропологическая, компаративистская, эволюционистская и др.), которые сменяли одна другую или существовали параллельно. Каждая из этих школ не представляла собой единого целого. Внутри их были прогрессивные, умеренные и реакционные направления, которые отражали различное понимание задач и проблем этнографии. Идейное содержание научных трудов представителей тех или иных школ обуславливалось тем,

на каких классовых и общественно-политических позициях они находились.

Большинство дореволюционных ученых не поднимались выше буржуазного объективизма. Однако, несмотря на все недостатки, их труды пропагандировали народную культуру белорусов и украинцев Полесья, показывали ее богатство и многогранность, нередко и поддерживали народ в его борьбе за социальное и национальное равноправие.

Качественно новый период в изучении культуры и быта населения Полесья наступил после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда методологической основой исследований стал марксистско-ленинский принцип историзма, диалектико-материалистический подход к явлениям материальной и духовной культуры.

ИСТОРИКО- ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛЕСЬЯ

ПОЛЕСЬЕ КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ, ЕЕ ЛОКАЛИЗАЦИЯ И ГРАНИЦЫ

В исторической географии, истории, лингвистике и этнографии Восточной Европы статус Полесья был и остается в настоящее время во многом уникальным. Длительное изучение в XIX—XX вв. географических, лингвистических, этнографических и антропологических характеристик Полесья и его населения показывает специфическое положение данного региона в общем контексте европейского континента. В то же время, несмотря на значительную изученность, многое в характеристике Полесья еще находится в стадии исследования. Весьма проблематичным представляется, например, вопрос о границах Полесья как в физико-географическом, так и в историко-этнографическом аспектах.

Представители различных наук вкладывают в понятие «Полесье» неоднозначный смысл, что выражается в некоторой вариативности определения общих полесских границ. Выделение, например, неоднозначных физико-географических показателей, характерных для полесского региона, определило и разночтение относительно физико-географических границ Полесья, колебания которых, по данным отдельных авторов, в ряде случаев составляют от 50 до 600 км¹. Особенно очевидно это отразилось в энциклопедических статьях о Полесье. Так, если «Живописная Россия» в 1882 г. определяла площадь полесского региона в 33950 кв. верст², то в начале XX в. Словарь братьев А. и И. Гранат ограничивает Полесье условным треугольником Брест — Киев — Могилев, общей площадью уже з

70 тыс. кв. верст³. В польской энциклопедии 1927 г. область Полесья определена в 100 тыс. кв. км⁴. В первом издании БСЭ общая площадь Полесья также составляет 100 тыс. кв. км, однако во втором издании БСЭ она равняется уже 270 тыс. кв. км⁵. А речь идет только о физико-географической площади Полесья на территории СССР, но ведь известно еще и Любелское (Люблинское) Полесье в Польской Народной Республике.

Представители гуманитарных наук зачастую прибегают в определении Полесья к естественно-географическим данным, что нередко вносит разноречивость в их суждения. То есть если одни исследователи считают какие-то элементы культуры или языка «полесскими», то другие их таковыми не считают, поскольку не определяют ту область, где они бытуют, как Полесье. Таким образом, возникает вопрос, для каких земель название «Полесье» является традиционным, т. е. историко-географическим определением.

Обращение к историческим документам XIII—XVII вв., историографическому наследию XVIII —начала XX в. и современным полевым материалам показало, что в течение длительного отрезка времени — с XIII вплоть до XX в. под историко-географической областью Полесья подразумевались различные земли, причем константно — только бассейн Припяти. Кроме Поприпатья в понятие «Полесье» включались иногда еще земли Волыни (до Ковеля и Луцка) и Правобережной Украины (Житомирщина, Ровенщина), а также Киевщина, Черниговщина, Брянщина, западные части Орловской и Калужской областей, Смоленщина, Псковщина, вся Белоруссия и смежные части Латвии, большая часть Литвы, т. е. всякой лесистой местности. Однако, судя по историческим материалам XIII—XVIII вв., наиболее устойчиво это название прилагалось к бассейну Припяти и некоторых смежных областей.

Название «Полесье» встречается в летописи по Ипатьевскому списку в форме «Полъсье»⁶. В источниках XIV—XVI вв. это название чаще всего выступает в виде однокорневых топонимов — «Подлесье», «Полясе», «Полесе» и реже — в современном написании «Полесье», «Палессе», «Поліссия». Терминологически-смысловая и географическая самостоятельность этих названий, относящихся к одному региону, определяется методом исключения, когда при перечислении различных земель Восточной Европы данные понятия перечисляются рядом с названиями «Белая Русь», «Литва», «Волынь», «Жмудь», «Киевская земля», «Мазовия», «Подляшье», «Поднепровье» и т. д.⁷ Таким образом,

термин «Полесье» уже тогда интерпретировался как самостоятельное историко-географическое определение одной из земель Восточной Европы.

Географическая локализация названия «Полесье» определяется по тем историческим данным, где оно имеет конкретную географическую привязку. Например, современник событий XIV—XV вв. польский историк М. Кроммер писал, что Полесье находится между землями Руси, Литвы, Пруссии, Волыни и Мазовии. По его мнению, Полесье разделяется на две части — Любельскую (собственно Полесье) и Литовскую (или Подлессе)⁸. Другой польский автор Я. Длугош несколько ранее, напротив, противопоставлял Полесье Любельской земле, а также Куявии, Мазовии и Пруссии⁹.

Учитывая географическую привязанность перечисленных названий в XIV—XVI вв., можно предположить, что понятие «Полесье» было распространено преимущественно в области бассейна Припяти, именно в пределах древнейшего Турово-Пинского княжества и Берестейских земель. Однако в XVI в. после включения части древних Берестейских земель в состав Подляшского воеводства на них стало распространяться и название «Подлясье», реже «Подлясье»¹⁰. Это вело к взаимопересечению обоих названий в пограничных областях. В Ипатьевской летописи земли с городами Брест, Кобрин были объединены под названиями «Подлясье» и «Подлясье» совместно с территорией Бельска, Мельника, Дрогичина (над Бугом), Каменца¹¹. В то же время на Берестейские земли, как и на Турово-Пинские, распространялось название «Полесье»¹².

Совмещение понятий «Подлясье» и «Полесье» в области их пограничья было обусловлено прежде всего тем, что первое из них (как название самостоятельного воеводства) имело четкое административное значение, тогда как второе было чисто топонимическим, географическим определением. По мнению Н. Барсова, название «Полесье» было более типичным для земель древнего Турово-Пинского княжества¹³. На некоторую понятийно-топонимическую обособленность данного региона в XV—XVI вв. косвенно указывают и те немногочисленные исторические документы, где полесские волости, в отличие от многих остальных волостей и земель Великого княжества Литовского, как бы подчеркнута не определены понятиями ни «русские», ни «литовские», а название «Полесье» стоит в одном ряду вместе с названиями соседних земель¹⁴.

Показательно также употребление специального этнонимического определения «полескяне» («polessiani») для

населения этого региона в трудах некоторых польских историков-современников, например Кадлубка и Длугоша, которые при описании других земель широко оперировали более известными этнонимами «русины», «волынские», «мазуры» («мазовшане»), «литвины»¹⁵. Последнее название, являясь для большинства белорусского населения XV-XVI вв. государственно-политическим, выступало в качестве экзоэтнонима со стороны украинцев, на что указывал еще в XVI в. польский хронист М. Стрыйковский, отмечая, что название «литвины» было характерным для населения огромной территории от Новогрудчины до Мозыря и Речицы. По наблюдениям исследователей, украинцы определяли белорусов названием «литвины» и позднее¹⁶. Очевидно, эта традиция, восходящая к XIV—XVI вв., была воспринята и населением белорусской части Полесья, где в разговорной лексике наблюдалась и наблюдается определенная доля украинизмов. В литературе XIX в. это обстоятельство обусловило деление Полесья на его северную «литовскую» и южную «волынскую» части¹⁷.

Сравнительный анализ исторических документов XVII—XVIII вв. показывает, что и в это время название «Полесье» также локализовалось весьма вариативно, однако всегда оно относилось к бассейну Припяти. Так, в своем дневнике начала XVII в. Новогрудский шляхтич Ф. Евлашевский, описывая путь повстанцев С. Наливачко, отмечал, что из Слуцка они пошли на юг — «ку Полессю». Исходя из сведений его дневника, можно говорить и о том, что Полесьем в то время назывались земли на север от Луцка¹⁸.

Историческая картография XVII в. знает несколько иное, но в то же время более конкретное употребление названия «Полесье», например, в карте Восточной Европы, напечатанной Г. Гарритсом в 1613 г., топоним «Полесье» относится к обширной области от Бреста до Мозыря и от Пинска до Дубровицы и Волыни. На карте Г. де Боплана, изданной в том же столетии, под Полесьем подразумевается более узкая область, ограниченная на севере, востоке и западе реками Припять и Горынь¹⁹.

По данным документов XVII—XVIII вв., Полесьем (или «полесским краем») назывались земли: на юг от Новогрудского повета, восточная часть Брестчины, Туровщина, район Давид-Городка, Пинщина, северная и восточная части Луцкого повета, Лубна и другие украинские земли Далее на восток, вплоть до «Полесья киевского»²⁰. В это же время известный русский историк В. Н. Татищев определил Полесье или Черную Русь как регион, располо-

женный между Жмудью, Подляшьем, Мазовией, Припятью и Днепром со столичным городом Новогородком (Новогрудком)²¹. Подобная географическая локализация названия «Черная Русь» раньше наличествовала и у некоторых других авторов, например у М. Стрыйковского (XVI в.), труды которого были известны В. Татищеву. Однако М. Стрыйковский не отождествлял названия «Черная Русь» и «Полесье»²², а считал, что последний топоним относится к части Берестейских и Турово-Пинских земель²³. В. Татищев несколько сузил ареал распространения названия «Полесье», взяв за основу характерное для его времени отождествление в украинском языке понятий «Полісся» и «Черноросія»²⁴.

В документах времен В. Татищева, например в Могилевской хронике (начало XVIII в.), понятие «Полесье» противопоставлено названиям «Черная Русь», «Украина» и «Северская земля»²⁵, что говорит о его самостоятельном существовании независимо от других топонимических обозначений.

Некоторые исследователи XIX в. на основании исторических документов XVI—XVIII вв. предприняли попытку более полно определить локализацию Полесья. Так, Н. Ястребов обозначил его в границах между Литвой на северо-западе, Черной Русью на севере и северо-востоке, Подляхией на западе, Волинью, Ровенщиной, Житомирщиной и Киевщиной на юге, Черниговщиной на юго-востоке²⁶.

Исторический аспект определения Полесья в XIX — начале XX в. начал дополняться географическим, базирующимся на изучении особенностей ландшафта. Объединение географического и исторического аспектов способствовало возникновению в науке различных точек зрения в определении зоны Полесья. Исследователи начинают относиться к Полесью различные земли, но при этом почти всегда указывается на бассейн Припяти и ее притоков как на центр полесской области. Так, в словаре П. Семенова границы Полесья проходят через Брестский, Пинский, Мозырский, Речицкий, Радомышльский, Овручский и Ковельский районы и связываются в географическом плане с «речной областью Припяти»²⁷.

Расширение в литературе названия «Полесье» повлекло за собой условное членение его на ряд этнических зон: «белорусское», «украинское», «русское», «литовское», «польское» (Люблинское). Такое деление зачастую отражало определенную этнолингвистическую неоднородность региона. Многие исследователи, отмечая особенности этно-

графин и лингвистики различных областей Полесья, были склонны считать его краем, где живет своеобразная этнографическая общность — «палешуки» или «полшуки». Например, П. Бобровский считал Полесье отдельным краем, а полешуков самостоятельным народом, этнографически ориентированным на белорусов, украинцев и литовцев только в пределах пограничных групп. Другие исследователи считали полешуков «смесью» украинского и белорусского народов. В целом же в историографии XIX — начала XX в. Полесье представлялось смешанной контактной зоной нескольких народов.

Некоторые ученые XIX — начала XX в. считали термин «полешуки» названием или самоназванием всех жителей определяемых ими земель Полесья. Другие, напротив, выделяли группы с самоназванием «полешук» из остального населения всей физико-географической зоны Полесья. Локализация группы «полешуков» по материалам XIX — начала XX в. в определенной мере совпадала с областью распространения историко-географического названия «Полесье», реконструируемой по документам XV—XVIII вв. — территориями бассейна Припяти.

В то же время ряд авторов, исследуя вопрос о бытовании названия «Полесье» в среде местного населения, отмечали его более широкий ареал. Так, Н. И. Кареев указывал, что народ употребляет это название не только в области припятского бассейна, но также в южной части Калужской губернии (Жиздринский уезд) и западной части Орловской (Брянский и Трубачевский уезды). Кроме того, он отметил, что жители этих земель называются «полехами»²⁸. Семантическая интерпретация названия «полехи», так же как и «полешуки» («палешук!», «польшуки»), не вызывает сомнения, это этниконы жителей Полесья²⁹. Некоторые различия в формах «полешук» — «полеха» объясняются влиянием русского этнолингвистического компонента в этнически смешанной области Калужско-Орловского Полесья. Исследователи XIX—XX вв. отметили языковую и этнографическую пестроту этого региона, которую объяснили смешением там русских, украинских и белорусских элементов³⁰. Характерно также, что в этом районе в XIX в. белорусское население также определялось названием «литвины» со стороны соседей. Все это свидетельствует об аналогии в соотношении этнической структуры населения, топонимических и этнонимических форм как в белорусско-украинском, так и в белорусско-украинско-русском пограничьях.

Подобные зоны межэтнического взаимодействия определяются в настоящее время этнографами как историко-этнографические области. Под «историко-этнографической областью», пишет Ю. В. Бромлей, «обычно понимается ареал, охватывающий несколько этносов-народов»³¹. Таким образом, общие границы историко-этнографической области Полесья определяются по обширным пограничным зонам контактирующих народов с учетом исторической динамики и расселения, миграций и миксий.

Обращение к истории и ретроспективному анализу показывает, что Полесье почти всегда представляло собой область взаимодействия различных этнических общностей. По данным Ю. В. Кухаренко, Полесье еще до V—VI вв. н. э. было зоной взаимодействия славянских и балтских культур, приблизительная граница между которыми проходила по линии Ясельда — Припять — Горынь³². Причем по ряду лингвистических данных такое деление сохранилось вплоть до XIX—XX вв.³³

Во время формирования и развития восточнославянских раннефеодальных объединений Полесье было контактной зоной дреговичей, волянян, радимичей, древлян, частично полян, северян, а также западнобалтских союзов ятвягов, одно из племен которого, судя по древним польским источникам, носило славянизированное название «полексяне» («pollexiani») ³⁴.

Существует мнение, базирующееся на данных сравнительной лингвистики, что восточнославянская этимология Полесья от леса (лесистая местность, лесок) имеет балтский аналог («Pala», «Pelesa», «Pelysa»), означающий в литовском и латышском языках болотистый лесок, что может свидетельствовать об общем балто-славянском корне названия «Полесье»³⁵ и соответственно о параллелях между восточнославянскими этнонимическими определениями типа «полешуки» (впервые зафиксировано в документах XVII в.)³⁶ и древним экзоэтнонимом «pollexiani» («полексяне»).

В целом же для X—XIII вв. наиболее характерными восточнославянскими формами на Полесье являлись территориальные определения типа «пиняне», «туровцы» и другие, производные от местных названий княжений или удельных княжеств, а также названий с корнем *рус-* («русь», «русичи», «русь»), появление которых на Полесье являлось свидетельством интеграции полесских территорий с остальными восточнославянскими землями в древнерусский период.

В XII—XIII вв. земли Полесья были разделены между

несколькими крупными княжествами-землями — Киевским, Чернигово-Сиверским, Владимиро-Волынским (позже — Галицко-Волынским).

Вхождение земель Полесья в XIV в. в единое государство — Великое княжество Литовское приостановило процесс их феодального дробления и создало условия для социально-экономической, политической и этнической интеграции. Однако последствия локальной интеграции древнерусского времени, сохранявшаяся специфика различных элементов культуры и самосознания, определенная автономность ряда полесских земель в составе Великого княжества Литовского определяли иной характер объединительных процессов. Они были сориентированы в южной части Полесья на Волынь и Киевщину, в северной — на Черную и Белую Русь. Взаимодействие этих объединительных процессов обусловило этнолингвистическую смешанность полесской зоны уже в XIII—XIV вв.³⁷

В XIV—XVI вв. — во время формирования восточнославянских народностей на Полесье стали складываться этнические дифференцированные особенности языкового и культурного характера. В это время области белорусско-украинского Полесья по-прежнему характеризовались этнонимическими формами с корнем *рус-* (по уже чаще — «русские», «русские», «русские», «русские»), а также характерными для феодализма локально-территориальными и земляческими определениями («пиняне», «мозыряне», «бересьяне», «лучане», «овручцы» и т. д.).

Кроме того, население Белорусского Полесья, называя себя «русскими» или каким-либо из земляческих определений, включая и микроэтноцентрическое «тутэйшыя», было знакомо и с определением «литвины». Так называли белорусов русские и украинцы, а также поляки. Сами жители Белорусского Полесья называли так своих северо-западных соседей. Такое положение сохранялось в северных областях Полесья вплоть до наших дней. Причем название «литвины» граничит с этниконом «полешуки» именно во всех областях, где в среду полешуков, соседствующих с группами белорусоязычного населения, проникали элементы украинской лексики, например на Пинщине, Черниговщине, Южной Брянщине, Житомирщине, северной Киевщине. Другие группы населения, граничащие с полешуками, называются иными этниконами, например «воляныцы» на юго-западе Украинского Полесья, «поляне», «полевики» в вереве Белорусского Полесья³⁸. Есть также группы полесского населения, которые, не имея конкретного этникона, размежевываются с полешуками на лексическом и пси-

хическо-бытовом уровнях, как, например, в восточном Полесье Белоруссии, где восточные соседи характеризуют полешуков известным стереотипом своеобразия поведения и быта³⁹.

В наиболее устойчивой форме в обыденном сознании народа топоним «Палессе» и этноним «палешуки» выявлены в области между верховьями Ясельды и нижним течением Птичи по условной линии Ружаны — Ганцевичи — Поречье и южнее ее, т. е. в одной из исторически-традиционных областей бытования этих названий. В то же время в области Поднепровья и междуречья Припяти и Днепра эти номинативы не распространены и не были известны (по воспоминаниям старожилов) в прошлом. Они начинают встречаться на правом берегу Припяти и Птичи⁴⁰. Интересно отметить, что восточные пределы распространения названий «Полесье» и «полешуки» в определенной форме совпадают с восточной границей Полесья (Бобруйск — Мозырь — Припять — Словечно), выделяемой на основании географических показателей⁴¹. Сопоставление исторических документов XVI—XVIII вв. с этнографическими наблюдениями XIX — начала XX в. показывает, что в те времена название «Полесье» не распространялось и на Поднепровье. Известно также, что в XIX — начале XX в. оно было характерно для областей бассейна Десны и Сейма. Таким образом, район Поднепровья как бы расчленяет ареал бытования названия «Полесье» на его южнорусско-украинскую и белорусско-украинскую области.

Следует отметить, что район Посожья и междуречья Сожи и Днепра обладал существенным различием в сравнении с другими, как восточными, так и западными полесскими областями, еще в эпоху раннего средневековья. Это был район расселения радимичей, которые по основным показателям этнических признаков несколько отличались от других восточнославянских этнических групп — дреговичей, древлян, волынян, полян, северян, родственных между собой этногенетической основой корчакского варианта пражской культуры⁴². В этой связи следует подчеркнуть, что район Поднепровья и Посожья можно считать отдельной историко-этнографической зоной, находящейся в пределах более обширной историко-этнографической области Полесья.

При определении ареала распространения названия «Полесье» и производных от него этниконов в настоящее время необходимо учитывать тенденцию некоторого сокращения данных номинативов, особенно в пограничных районах. Так, выявлено отсутствие данных названий у совре-

менного населения юго-западных районов БССР и пограничных районов Волынской обл. УССР⁴³. Их распространение в настоящее время характерно для районов, расположенных восточнее Пружан, Антополя, севернее Камень-Каширского, Ковеля, Луцка. Сокращение ареала бытования специфических этниконов «палешук!», «полшук!» в настоящее время — явление закономерное. При современных этнических процессах земляческие, локально-территориальные и этнографические (субэтнические) формы самосознания населения постепенно ослабевают, теряют прежнюю меру своей актуальности и начинают заменяться более общими этнонимами — «белорусы», «украинцы», повсеместное распространение которых во всем белорусско-украинском Полесье в целом — характерное явление для современной этнонимической ситуации. Этнонимы «белорусы» и «украинцы» наиболее устойчивы и стабильны. Причем этот процесс, усилившийся еще во второй половине XIX — начале XX в. продолжает набирать силу и в наши дни, особенно в западном Полесье, население которого в силу исторических причин некоторое время было оторвано от консолидационных процессов в рамках белорусской и украинской социалистических наций.

Сопоставление современных и близких к современности этнонимических данных с данными исторической картографии и историографии показывает значительное совпадение ареала историко-географического названия «Полесье» и характерных полесских этнонимических форм, что в целом дает возможность определения той узкой зоны Полесья, которую можно считать ядром полесской белорусско-украинской историко-этнографической области. Границы ее проходят широкой полосой по условной линии городов Ратно — Иваново — Береза — Ивацевичи — Ганцевичи — Старобин — Птичь — городов Мозырь - Ельск — Словечно — Олевск — Сарны — Костополь - - Ко-вель — Ратно. Однако, безусловно, историко-этнографическая область Полесья не замыкается только в ареале одного своего ядра. В прошлом и настоящем она представляется гораздо более широкой и состоящей из ряда аналогичных внутренних историко-этнографических зон, представляющих более обширную и общую историко-этно-графическую область Полесья. Выделяется, например, зон;! древнего Подлясья, включающая в себя территории Подбужья и Подлясья (современная ПНР), где восточнославянское население контактировало с поляками, главным образом мазурами, и группами балтов — литовцев и древних ятвягов. Межэтнические контакты в Подлясье прохо-

дили в более широком межэтническом диапазоне, чем, например, в Попприяте, что соответственно сказалось на своеобразии этой историко-этнографической зоны.

То же можно сказать и о левобережном Полесье: Брянско-Жиздринском, Черниговско-Сумском и частично Гомельском, где межэтнические контакты охватывали русское, украинское и белорусское население. Специфика этой историко-этнографической зоны, также входящей в более широкую историко-этнографическую область Полесья, восходит к древнейшим временам и особенностям ее этнической истории. В древности она была зоной взаимодействия восточнославянских союзов радимичей, северян, частично кривичей, вятичей и полян. Позже часть этих земель вошла в состав Великого княжества Литовского (с XVI в. — Речи Посполитой), а другая часть — Великого княжества Московского (позже — Российской империи).

В середине XVII в. левобережное Полесье вошло в состав России и тем самым было втянуто в сферу экономической и культурной жизни России и Правобережной Украины — в первую очередь Гетманщины, стоявшей на ином политическом и культурном уровне, нежели земли, оставшиеся в составе Речи Посполитой. Это привело к тому, что на левобережье медленно, однако постоянно начали исчезать своеобразные полесские черты в материальной и духовной культуре, в быту населения. В XIX — начале XX в. этнографы уже не находили на левобережном Полесье многих особенностей в строительстве, одежде, земледельческой технике и других сферах материальной и духовной культуры, которые в это время еще бытовали на правобережной части.

Таким образом, каждая из отдельных полесских историко-этнографических зон, обладая определенной спецификой, возникшей в результате особенностей их этнической истории, в целом составляет обширную историко-этнографическую область Полесья сложного и многомерного типа. В широком понятии Полесье следует рассматривать как историко-этнографическую область, заключенную в рамках следующих условных границ. На западе граница Полесья идет вдоль р. Западный Буг, хотя и на запад от нее есть земли, которые своими естественными условиями относятся к Полесью. Южная граница Полесья лежит на линии городов: Владимир-Волинский, Луцк, Ровно, Новоград-Волинский, Киев, Пежин, вдоль р. Сейм до современной границы СССР с РСФСР. На востоке от государственной границы СССР с РСФСР в Брянской области вплоть до Среднерусской возвышенности расположена тер-

ритория, известная в географии и этнографии под названием Брянско-Жиздринского Полесья. Северную границу Полесья образует линия, проходящая севернее Бреста, Кобрина, Ганцевич, Слуцка до р. Березина и на левом берегу Днепра ниже Гомеля в бассейне р. Сож.

Указанные выше границы Полесья являются оптимальными. Они отражают физико-географические, исторические и этнографические особенности края и жизни населения.

Понятно, что такая большая территория не являлась никогда однородной ни в географическом плане, ни в отношении языка, самосознания, быта и культуры. Полесье издавна разделяют на ряд регионов. Их названия обусловлены тем, что берется за основу деления. Наибольшее количество названий связано с географическим и административным делением, с учетом которых зачастую проводится этнографическое, лингвистическое районирование.

Украинское Полесье состоит, например, из правобережного и левобережного — в зависимости от положения по сторонам Днепра. Соответственно этому употребляются термины восточное и западное (на восток или запад от Днепра). Западное Полесье называют также Припятским, восточное — Наддеснянским, иногда также Черниговским.

Эти названия употребляются в тех случаях, когда речь идет о Полесье по обеим сторонам Днепра. В этнографической литературе очень часто под восточным Полесьем понимают еще и восточную часть правобережного Полесья, примерно на восток от р. Ясельда, далее — Припяти, до впадения в нее р. Горынь и вниз по этой реке. Земли, лежащие на запад от этой границы, вплоть до р. Западный Буг, составляют западное Полесье. В дореволюционное время Полесье делили в зависимости от принадлежности земель к той или иной губернии и уезду. В употреблении были названия: Волинское, Киевское, Черниговское, Брянско-Жиздринское, Минское, Могилевское, Гродненское Полесье. С учетом современного административного деления земли Полесья разделяются на Полесье Украинское (в СССР), Белорусское (в БССР) и Брянско-Жиздринское (в РСФСР), а далее по названиям областей: Волинское, Ровенское, Житомирское, Киевское, Черниговское, Сумское (в СССР), Брянско-Жиздринское (в РСФСР), Гомельское и Брестское (в БССР).

Современная украинская физическая география районировывает украинскую часть Полесья на следующие зоны: Волинское, Малое⁴⁴, Житомирское, Киевское, Черниговское, Новгород-Северское⁴⁵.

В физической географии Белоруссии в Белорусском Полесье выделяют пять физико-географических регионов: Брестское, Загородье, Мозырское, Припятское (все на правом берегу Днепра) и Гомельское (на левом)⁴⁶. Языковеды различают Украинское Полесье как ареал распространения говоров украинского языка в его северном или полесском наречии. Белорусское Полесье — это ареал диалектов белорусского языка и полесских говоров.

Регионы с наиболее выраженными «полесскими» чертами в географии имеют название центральное Полесье. Это северные районы современной Ровенской и Житомирской областей в УССР, Пинский, Столинский и Лунинецкий районы в БССР. Ниже центрального Полесья расположено южное, на востоке вплоть до реки Днепр восточное, а на запад до р. Западный Буг — западное. Центральное Полесье иногда объединяют с западным и тогда оно называется Припятским, а иногда — средним.

В географии, истории и этнографии в употреблении были, а иногда и ныне пользуются разными локальными названиями Полесья. Они, как правило, образованы от наименования местности, чаще всего города или реки. К таким принадлежат следующие: Пинское Полесье (от города Пинск), Речицкое (от города Речица в БССР), Мозырское, Туровское, Припятское и целый ряд других. В разное время существовали административные регионы с названием «Полесье». В 1920—1939 гг. в границах Польши было «Полесское воеводство» со столицей в Бресте, в 1939—1954 гг. в составе БССР — Полесская область с центром в г. Мозырь.

Полесье, как историко-этнографический регион, является в наше время понятием историческим. Жители этого края или выходцы из него имеют сознание принадлежности к двум образованиям разного таксономического порядка, одно из которых является частью другого. То есть можно быть украинцем, белорусом или русским и одновременно осознавать свою принадлежность или связь с полесским краем.

ПРИРОДА ПОЛЕСЬЯ

Природные условия Полесья оказывают значительное влияние не только на основные направления хозяйственной деятельности, но и на другие культурно-бытовые сферы.

По своим природным условиям Полесье неоднородно. В пределах Белоруссии на его территории выделяют пять физико-географических районов — Брестское Полесье, За-

городье, Мозырское, Припятское и Гомельское Полесье, а в пределах Украины — Вольнское, Житомирское, Киевское (Правобережное) и Черниговское Полесье.

Рельеф Полесья равнинный, ландшафт сформировался на месте прогибов земной коры, где в периоды материковых оледенений скапливались талые воды. В формировании рельефа Полесья принимали участие как эндогенные, так и экзогенные силы, что обусловило разнообразие типов и форм рельефа: водно-эрозионного и аллювиального, ледникового, эолового, карстового и пр., примером которых являются долины рек и овраги, моренные холмы и гряды (Вольнская, длиной около 150 км, шириной 30—40 км), песчаные дюны и валы («бараньи лбы»), карстовые впадины и озера¹. Современные исследования тектонических движений в междуречье Припяти и Десны показали, что отдельные районы его, хотя и незначительно (в районе Ковеля 7,5—8,4 мм, Сарн — 10 мм в год), поднимаются, а другие опускаются (у Речицы — 0,3 мм в год)².

Полесье представляет собой плоскодонную впадину с высотными отметками на большей части 100—170 м. Юго-восточную часть Белорусского Полесья занимает Мозырская грядово-моренная возвышенность, достигающая наибольшей высоты (200 м) в районе Мозыря и напоминающая горный ландшафт. Западная и южная части Мозырской возвышенности в междуречье Уборти и Словечны понижаются до 160 м и представляют собой размытую плоскохолмистую поверхность, которая возвышается на 10—20 м над соседней территорией Припятского Полесья и Приднепровской низменности. Сходный природный ландшафт имеет междуречье Днепра и нижнего течения Припяти.

Большую часть Припятского левобережья занимает низменная равнина. Это — Припятское Полесье, превосходящее по площади всю остальную часть Белорусского Полесья, в рельефе которого широкие и слабо выраженные террасы чередуются с плоскими котловинами, образующими обширные болота. В центральной части Припятского Полесья, в междуречье Горыни и Уборти выделяется Туровская водно-ледниковая равнина — Малое Полесье (в отличие от «настоящего» или «глухого») ³, в юго-западной части — Пинское Полесье, на западе — Брестское Полесье. Между ними вклинивается возвышенный моренный массив — Загородье, абсолютная высота которого достигает 160-170 м.

Украинское Полесье — это плоская низменность с незначительными возвышениями. В районе Подольской возвышенности абсолютные высоты достигают 200 и более

метров. Среди низменных равнин юга Полесья поднимаются изолированные холмы и возвышенности, самый значительный из которых — Овручский кряж (316 м). Холмы и валы высотой 10—20 м чередуются с речными долинами и понижениями.

Важной морфологической чертой Полесской низменности является ступенчатость поверхности. В рельефе выделяются три гипсометрических уровня: первый имеет абсолютную высоту от 120 до 150 м, второй — 150—170 м, третий — свыше 175 м. Морфологическая ступенчатость не меняет равнинности территории Полесья, это плоская низменная равнина, в ландшафте которой преобладают низменные болота и заболоченные местности, чередующиеся с массивами лесов, озерами и обширными поймами.

Рельеф Полесья в целом благоприятен для развития хозяйственной деятельности человека.

Климат Полесья умеренно континентальный с теплым влажным летом и мягкой облачной зимой. 80 % тепла идет на испарение влаги. Здесь наиболее характерны поступления атлантического воздуха (более 30 % дней года), а также тропических и арктических воздушных масс.

Тепловые ресурсы в Полесье несколько меньше, нежели в соседних районах Лесостепи. Продолжительность периода со средними суточными температурами такова:

выше 5°	составляет	180—200
дней » 10°	»	140—
160 » 15°	»	90—НО ⁴

Весенний период в диапазоне среднесуточной температуры: + 5°—15 °С достигает 50—55 дней, осенний период: 55—60 дней. Период интенсивной вегетации короче, чем в соседних районах Лесостепи. Средняя температура самого теплого месяца — июля не достигает 20°.

По количеству осадков Полесье занимает первое место среди равнинных территорий Украины и Белоруссии. Среднее годовое количество осадков составляет 550—650 мм, почти половина дней в году — с осадками, которые по всей территории распределяются почти равномерно. Колебания количества осадков в разные годы значительны. Максимальное количество осадков приходится на июнь — июль. Снежный покров устанавливается в декабре и лежит 90—100 дней, достигая 25—30 см. Здесь большая относительная влажность воздуха, достигающая зимой и осенью 80—85 % (60—70 дней с туманами)⁵.

Основные изменения климатических условий наблюдаются в восточном направлении: возрастает континенталь-

ность климата, количество солнечных часов, увеличивается годовая амплитуда температуры: от 23° до 26°С, средняя продолжительность безморозного периода колеблется: от 160 дней на востоке до 180 дней на западе. По климатическим признакам Полесье делится на западное, центральное и восточное⁶.

Зима на Полесье мягкая, с частыми снегопадами и оттепелями. Чаще всего минимум температур в восточном Полесье 23—28 °С. Продолжительность промерзания почвы меняется от 110 дней на западе до 145 дней на востоке, глубина промерзания грунта колеблется свыше 62 см на западе до 115 см на востоке.

Весна на Полесье затяжная, нестойкая, с частыми колебаниями температур, заморозками и медленным таянием снега. Центральные районы часто затапливаются водой. Фронт весны постепенно передвигается на северо-восток, быстрое развитие растений начинается в апреле.

Лето теплое, дождливое. Средняя температура июля 17—19°С, разница между западными и восточными районами составляет от 1 до 1,5⁷. Летом преобладают ясные солнечные дни.

Осень наступает постепенно. Сентябрь — солнечный и относительно сухой. В октябре и ноябре преимущественно облачная погода с затяжными дождями и туманами. Вместе с тем в эти месяцы ежегодно наступает потепление — неделю, иногда две стоит ясная, солнечная погода. Этот период в народном календаре получил название «бабьего лета». Переход к зиме затяжной и характеризуется резким колебанием температур⁸.

Реки Украинского и Белорусского Полесья⁹ принадлежат к бассейну Днепра. Большинство из них текут по территории обеих республик. Только в границах Украинского Полесья протекает 22 реки длиной более 100 км, 700 — более 10 км, большое количество речек — до 10 км. Разветвленная речная сеть в бассейне Припяти. Средняя густота речной сети — 0,29 км/км². Наибольшая густота — в бассейне р. Горынь (0,5 км/км²), а наименьшая — в бассейне р. Остер (0,16 км/км²).

Большинство рек Полесья относится к типичным равнинным рекам с широкими долинами и заболоченными поймами. Самые большие реки — Днепр, Припять, Десна, Горынь, Стырь, Тетерев, Уж, Остер, Березина, Уборть, Пина.

Днепр в пределах Полесья протекает на протяжении более 300 км, имеет заболоченную пойму шириной 8—12 км с шириной русла от 300 до 1000 м. Характеризуется длительным весенним половодьем, дождевыми павод-

ками, осенними подъемами уровня воды и нестойким ледовым режимом; в границах Украинского Полесья принимает крупнейшие притоки — Припять, Десну и др. Воды рек значительно влияют на заболоченность Полесья, многие реки или отдельные участки судоходны (Днепр, Припять, Десна, Горынь, Березина, Стырь и др.). используются как источник электроэнергии (Стырь, Тетерев, Уж и др.). Берега полесских рек очень живописны (Тетерев, Десна и др.).

Озера — неотъемлемая часть ландшафта Полесья. Только в западной части сосредоточено более 250 озер, площадь отдельных из них колеблется от 2 до 2450 км². По происхождению это заплавные, карстовые и ледниковые озера. Их водный режим тесно связан с реками, атмосферными осадками и подземными водами. Последние играют важную роль в создании карстовых форм Полесья, способствуют его обводнению, а не дренажу¹⁰.

Почти все полесские озера расположены на речных террасах, являясь старицами или староречьями. Значительная часть их находится в стадии угасания, вследствие заполнения озерно-речным илом и заболачивания берегов.

В границах Полесья можно выделить три больших озерных района: бассейн Западного Буга; междуречье Западного Буга и Припяти, бассейн Припяти.

В бассейне Западного Буга насчитывается около 80 озер, большинство которых относятся к Шацкой группе. Среди них 38 заплавных и 42 карстовых. Общая площадь — 92 км². Самое большое — озеро Свитязь, длина которого составляет 9,3 км, ширина — 4,8 км. Средняя глубина озера 7 м, максимальная 58,4 м. Свитязь — озеро карстового происхождения. В летнее время водные слои прогреваются до 20 °С. В 1887 г. был проложен канал, соединивший озеро Свитязь с озерами Лука и Пулемецкое, что привело к понижению воды на 3 м. Пулемецкое озеро — второе по величине. Длина его 6 км, максимальная ширина 3,6 км. Вблизи с. Затишье находится треть по величине озеро этого района — Лука. В районе междуречья Западного Буга и Припяти находится группа озер заплавного характера, среди которых выделяется Турское, площадью 13,5 км², глубиной 7 м.

В озерном районе р. Припять наиболее значительные озера Белорусского Полесья — Червоное (бывшее Князь-озеро) площадью более 40 км² и Выгоновское, почти вдвое меньших размеров. В бассейне р. Припять много заплавных озер, образованных рекой. Озера пресные, самые большие — Любяж, площадь 4,3 км², глубина до 7 м, Сомино с максимальной глубиной 56,9 м, питающееся преимуще-

ственно подземными водами. Озера Полесья используются для разведения рыбы и водоплавающей птицы.

Болота — составная часть природы Полесья, занимают значительные территории. Только в белорусской и украинской части Полесской низменности насчитывается до 3 млн. га болот и около 2 млн. га заболоченных почв¹¹. Наиболее заболочено Пинско-Ровенское и Припятское Полесье. В бассейнах отдельных рек заболоченность составляет от 20 до 70 % территории¹².

На территории Белорусского Полесья самые обширные болота — Гричино, Пинское, Загальское, Выгоновское, Качай. В настоящее время значительные площади их осушены и освоены.

К самым большим болотам Украинского Полесья относится болото в бассейне р. Остер — площадью 300 км², болото Замглай (между реками Снов и Белоус) площадью 4500 км². На Полесье выделяются болота старых русел рек (Выдра, Подгорецкое, Ирдынь), заплавные притеррасные болота (Большое в долине Десны), долинные (Крюков, Реква, Здвиг) и котловинные (Озерянская болотная система Бугманы). Наиболее распространены болота небольших размеров.

Леса — характерный признак ландшафта Полесья. Типы лесов находятся в прямой зависимости от почв и рельефа. В границах белорусской части Полесской низменности, большая часть которой покрыта болотами, леса разнообразны. На возвышениях, покрытых толщами древнеаллювиальных песков, растут сосновые боры. Эти леса малопродуктивны. На юге Белоруссии еловые леса отсутствуют. В местах с неглубоким или поверхностным залеганием леса, лессовидных суглинков, а также на песчаных отложениях преобладают широколиственные леса — дубовые, дубово-грабовые, ольхово-грабово-ясеневые. В верхнем древесном ярусе этих лесов — вяз, ильм, берест и липа, во втором — дикие яблоня и груша. В пойме Припяти широко распространены дубовые леса саванного типа.

На территории Украинского Полесья леса покрывают площадь более 2,5 млн. га, что составляет треть территории Украинского Полесья и более 40 % всех лесов УССР¹³. Основные породы: сосна — занимает 57,4 % лесной площади, дуб — 20,6%, береза — 10,2%, черная ольха — 6,3%, граб — 2 %. Эти породы в зависимости от природных условий, исторического развития создают различные растительные группировки, которые выделяют в отдельные типы¹⁴.

Основными формациями являются сосновые леса, дубово-

сосновые, грабово-дубово-сосновые, широколиственные грабовые и ольховые леса.

Сосновые леса (боры) состоят из сосны обыкновенной, достигающей высоты 30—35 м, сосредоточены на песчаных террасах долин рек Припять, Стоход, Турин и др. Сосновые леса делятся на несколько групп: лишайниковые (сухие боры), бруснично-зелено-моховые (свежие боры), рунянковые (сырые боры) и т. д.

Наиболее распространены дубово-сосновые леса, верхний ярус которых составляет сосна, а второй — дуб. Растут они на более плодородных почвах, нежели боры. В юго-западной части Полесья расположены дубово-грабовые леса, растущие двумя ярусами, с дополнениями ясеня, клена и др. Еловые леса сохранились в виде небольших островов в средней части Полесья на заболоченной местности. Там же встречаются черноольховые леса. На местах вырубок распространены осиновые и березовые леса с примесью других пород.

Леса на территории Полесья имеют большую хозяйственную ценность, экологическое значение.

Почвы Полесья отличаются пестротой и мозаичностью. Полесье занимает юго-западную часть зоны подзолистых почв с широким развитием дерново-подзолистых почв (6,9 % общей площади), болотных и торфяно-болотных (13 %), дерново-луговых (10 %) и других (7—8 %) ¹⁵.

По механическому составу дерново-подзолистые почвы Полесья принадлежат к мягким разностям (песчаным, супесчаным и песчано-легкосуглинистым), представлены они дерново-слабоподзолистыми (речные террасы, зандровые долины средней части Полесья), дерново-среднеподзолистыми (водораздельные просторы водно-ледниковых и моренных отложений почти всех областей Полесья), дерново-сильноподзолистыми (Житомирское Полесье). Эти почвы мало плодородны, требуют хорошей обработки, удобрений. Плодородными почвами Полесья являются дерново-перегнойно-карбонатные (южная и юго-западная часть Волынского Полесья), серые лесные и оподзоленные черноземы (Туровская равнина, отдельные островки в Черниговском, Житомирском Полесье). Основные почвы характеризуются рядом общих неблагоприятных свойств: кислой реакцией, ненасыщенностью основаниями, бедностью и большой подвижностью гумуса, чрезмерной водопроницаемостью, значительной эрозией и т. д. ¹⁶

Геологическая структура Полесья неоднородна. Оно расположено в пределах трех резко отличающихся геоструктурных районов Русской платформы и занимает се-

веро-западную часть Украинского кристаллического массива северную часть Галицко-Волынской и северо-западную часть Днепровско-Донецкой впадины ¹⁷.

Полесская часть Украинского кристаллического массива характеризуется высоким залеганием кристаллических пород и их обнажением на поверхности, что отражается на рельефе, режиме рек, циркуляции подземных вод и почвах. Кристаллические породы состоят из гранитов, гнейсов, габралабрадоритов, кварцитов, базальтов и др. Глубина их залегания колеблется от 180 до 2000 м от поверхности.

По происхождению различают ледниковые, водно-ледниковые, аллювиальные, озерные, эоловые и другие отложения. Средняя толщина антропогенных отложений составляет 10—20 м и только на севере, вблизи долины Припяти достигает свыше 25 м.

Своим гипсометрическим положением, строением четвертичных отложений и генетическими типами рельефа Полесье отличается от окружающих возвышенностей. Геологическое строение обуславливает недостаток кальция, магния, калия, а также редких элементов, что понижает плодородие почв.

Полесье имеет большие и разнообразные полезные ископаемые ¹⁸. В границах Украинского Полесья есть залежи высококачественного каменного угля (Львовско-Волынский угольный бассейн, запасы угля составляют 1,5 млрд тонн), бурого угля (Житомирское Полесье); здесь сосредоточена большая часть торфяных ресурсов двух республик.

На территории Белоруссии в районе Речицы и Мозыря сосредоточены значительные запасы нефти. На северном пограничье в районе Старобина и Солигорска разрабатывается крупнейшее месторождение калийных солей.

Украинское Полесье — основной район по добыче декоративного камня (граниты разнообразных типов и оттенков, лабрадориты, мрамор), строительных материалов (кварциты, базальт, мел, глины, кварцевый песок).

На Полесье имеются значительные запасы каолина, пегматита, ценного и технического камня (топаз, аметист, гранаты, янтарь, морион), разноцветных глин, болотных железных руд и др.

Разнообразные и богатые минеральные ресурсы являются базой для дальнейшего развития народного хозяйства.

Особенности природных условий и геологическая история обусловили разнообразие, необычайное сочетание растений и растительных сообществ Полесья. Белорусское Полесье насчитывает 88 видов, которые не встречаются в Украинском Полесье, а флора Украинского Полесья —

85 видов, которых нет в Белорусском Полесье. В Белорусском Полесье произрастают степные виды растений, встречаются западноевропейские и понтийские виды флоры, сохранились третичные реликтовые растения (азалия понтийская, водяной орех, альдрованда и др.). Общий список растений флоры Украинского Полесья включает 1532 вида, объединяемых в 560 родов и ПО семейств. Вместе с культивируемыми растениями общее количество произрастающих растений составляет 962 вида, объединяемых в 742 рода и 135 семейств. По флористическому составу (дикорастущее растение) здесь насчитывается: деревьев — 35 видов, кустарников — 71, лиан — 1; многолетников — 963, двух-летников — 123, однолетников — 338 видов¹⁹.

В лесах и кустарниках Полесья произрастает 612 видов, на лугах — 308, на болотах—106, водных растений — 59, прибрежных — 32, растительности песков — 39, сорных растений— 152 вида²⁰. В Полесье произрастает до 200 видов медоносных и около 100 лекарственных растений, свыше 70 видов растений, содержащих в себе красильные вещества, около 90 видов витаминных растений²¹. Растительность лугов имеет богатый видовой состав и дает высокий урожай.

Фауна Полесья богата и разнообразна. Здесь известно свыше 60 видов млекопитающих (из 100 видов, встречающихся на Украине), 276 птиц (из 350), более 30 рыб (из 110), 7 пресмыкающихся, 12 амфибий (из 17)²².

Исходя из физико-географических условий Полесья, фауну делят на четыре типичных зооценоза: водоемы, реки, озера (рыбы из рода карповых, вьюновых, сомовых, щуковых, угровых и др., полуводные — речная выдра, речной бобр, европейская норка, ондатра, водно-болотные птицы и пр.); хвойные леса (состав фауны ограничен — водятся заяц-русак, европейская косуля, лисица, лесная птица и др.); смешанные леса (самая богатая фауна, представленная рысью, лесной куницей, лисицей, дикими кабанами, горностаем, волком, оленем, лосем, медведем, акклиматизируются первые стада аборигенов полесских лесов — зубров); пахотные земли и луга (типичные виды животных)²³.

Специфика фауны Полесья состоит в наличии большого количества лесных и водно-болотных видов и почти полном отсутствии видов, характерных для степей и горных районов. Животный мир играет важную роль в хозяйственной деятельности человека.

Белорусское и Украинское Полесье — обширная территория со своеобразной и богатой природой. Равнинный характер поверхности, климатические условия благоприятно

влияют на развитие сельского хозяйства, выращивание зерновых и технических культур (пшеница, рожь, ячмень, сахарная свекла, лен, конопля, хмель). Леса дают высококачественную древесину, сырье для химической и фармацевтической промышленности, имеют большое защитное значение, влияют на микроклимат. Пойменные луга являются хорошими сенокосами и пастбищами, базой ценных лекарственных растений.

Разветвленная сеть рек и озер обеспечивает развитие водного транспорта, строительство гидроэлектростанций местного значения, рыбоводства и птицеводства. Болота и заболоченные местности содержат большие запасы чорфа и сапропеля (органического ила), которые используются в качестве ценного удобрения для полей и топлива.

Природные условия и ресурсы Полесья исторически оказывали заметное влияние на расселение и жизнедеятельность местного населения, обусловив характер экологического взаимодействия и основные направления в развитии народного хозяйства и специфику традиционно-бытовой культуры.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ ПОЛЕСЬЯ

Появление славян на территории Полесья на рубеже новой эры было сопряжено со сложными этнолингвистическими и антропологическими процессами, сказавшимися на формировании антропологического состава населения этого обширного региона.

Постепенное усиление генетических контактов территориально близких, а позднее и более отдаленных групп сопровождается нарастанием интеграционных процессов расообразования¹. Общая тенденция процесса постепенной консолидации восточнославянской общности отразилась на формировании гено-демографической структуры населения, при которой территориальные вариации расовых признаков связывались между собой незаметными переходами, размывались границы специфических антропологических комплексов, формировалась общность антропологических черт.

Начало целенаправленному изучению антропологического состава населения Полесья по современной методике, включавшей традиционный набор расовых антропометрических и антропоскопических признаков, характеризующих строение головы и лица, пигментацию, развитие третичного волосяного покрова на груди и лице, длину тела, было положено В. В. Бунаком², В. Д. Дяченко³, М. В. Битовым*.

Население южной Белоруссии, согласно данным В. В. Бунака, относится к единому, довольно консолидированному типу, который характеризуется длиной тела выше среднего (167—168 см для мужчин и 156—157 см для женщин), средним продольным диаметром головы в сочетании с большим поперечным, чему соответствует суббрахикефальный головной указатель (83—84,5 ед. для мужчин и 84—86 ед. для женщин). Лицо средневысокое (123—125,6 мм для мужчин и 113,5—117 мм для женщин) и сред-неширокое (139—141 мм для мужчин и 131,5—133 мм для женщин). Носовой указатель средний, близкий к малому (57,5—60 ед. для мужчин и 57,5—61 ед. для женщин). Преобладают среднепигментированные волосы и радужины светлого типа на грани со среднепигментированным. Оволошенность груди у мужчин слабая, рост бороды и бровей выше среднего. Лоб прямой, с нерезко обозначенным надбровьем. По вертикальному профилю лицо ортогнатное с прямым подбородком. Общий контур лица равномерно овальный, без сужения в нижнем отделе, переносье высокое и довольно широкое. Преобладает прямой контур спинки носа, иногда слегка вогнутый в средней части. Основание носа прямое. Губы средние и тонкие. Верхнее веко иногда с кожными складками, но без припухлости.

Население Украинского Полесья и более южных территорий В. В. Бунак относит к карпатско-днепровскому антропологическому типу, очень близкому к антропологическому типу полесских белорусов, но отличающемся от последних более темной пигментацией, чуть меньшей скуловой шириной, более узким и выпуклым носом. Южно-белорусский тип В. В. Бунак включает в карпатско-днепровскую зону в качестве одного из вариантов.

Изучив распределение антропологических признаков среди украинского, иноэтнического населения УССР и Белорусского Полесья, В. Д. Дяченко выделил на территории Украины пять комплексов. Среди них центральноукраинский комплекс занимает наиболее обширную зону: области — Киевскую без северных районов, Полтавскую, Черкасскую, юг Черниговской, Харьковскую, Луганскую, Винницкую, Хмельницкую, часть Житомирской и ряд районов южной Украины. В эту же обширную антропологическую зону В. Д. Дяченко включает волынский и полесский варианты.

К волынскому варианту он относит население Волынской, юга Ровенской, северных районов Тернопольской и Львовской областей и указывает, что этот комплекс при-

знаков весьма сходен с центральноукраинским, отличаясь от него чуть меньшей (на 1 см) длиной тела, более высокой частотой прямых спинок носа, наиболее выраженной массивностью в строении лица (большой скуловой диаметр 143—144 мм, массивное надбровье и покатый лоб). Характерно очень высокое переносье. Указывает В. Д. Дяченко и на отсутствие у волынского варианта следов монголоидной примеси, встречающихся у центральноукраинского варианта.

Полесский вариант, локализующийся в основном в северной, лесной части Житомирской и Ровенской областей, выделяется среди украинцев широким (143 мм) и наиболее низким (122,5 мм) лицом и соответственно наименьшим указателем лица (85,5 ед.), слегка ослабленным третичным волосным покровом. Пигментация средняя и выше средней: светлых глаз (баллы 9—12) в среднем 32 %, темных волос — 45—50 %. Выпуклая спинка носа встречается чаще вогнутой. Характерны брахикефалия (84 ед.), длина тела средняя (167,5—168 см), сильно развитое надбровье. Носовой указатель средний (63 ед.). В. Д. Дяченко отмечает морфологическое сходство населения юго-западной Волыни с населением западной Белоруссии к югу от верхнего Немана. Это расценивается как свидетельство генетических связей между белорусским населением, проживающим к югу от верховьев Немана, и украинцами Волыни. Отмечает он также морфологическое сходство украинского и белорусского населения центральных и восточных районов Полесья.

На западной территории Белорусского Полесья, согласно анализу материалов М. В. Витова, вдвое чаще, нежели в восточном Полесье, встречаются низкорослые мужчины (150—156 см) и вдвое реже — высокорослые (180—186 см). Население западного Полесья по сравнению с другими регионами и территорией восточного Полесья обладает наиболее высоким головным указателем, который варьирует в отдельных группах от 83,3 до 84,6 ед. По продольному диаметру головы значительное количество мужчин западного Полесья (37,7 %) укладывается в интервал от 183 до 189 мм. Поперечный диаметр головы варьирует у мужского населения этого региона от 155,44 до 157,44 мм.

По расширенной комплексной антропологической программе, включавшей ряд новых методик (изосерологическую, дерматоглифическую, одонтологическую), наряду с классической расовой, дополненной множеством признаков, характеризующих тип телосложения и пропорции тела, в начале 70-х годов XX в. белорусскими антропологами

было развернуто планомерное и систематическое исследование населения Полесья, выделены локальные варианты комплексов антропологических признаков⁴. Анализ распределения антропометрических и антропоскопических признаков среди населения Белорусского Полесья подтвердил мнение В. В. Бунака о генетическом единстве расовых особенностей в этом регионе. Проведенные белорусскими антропологами исследования на территории Украинского Полесья по той же, что и в БССР, расширенной комплексной программе показали очень большое сходство всех территориальных групп Полесья, независимо от национальности, по всем антропометрическим и антропоскопическим признакам, что обусловлено как генетической общностью и сходством экологических условий жизни, так и общностью исторических судеб двух братских народов. Длина тела и масса его у белорусского и украинского населения Полесья превышает средние значения для этих признаков. Мужчины и женщины характеризуются преимущественно довольно массивным телосложением с хорошо развитым костным остовом и мускулатурой. Степень выраженности жировых отложений у них выше среднего, особенно в области живота. Население Полесья имеет хорошо развитый плечевой пояс и довольно широкий таз, а также крупные эпифизы бедра и плеча. Большая окружность грудной клетки и высокая частота встречаемости цилиндрической формы грудной клетки (82—90 %) косвенно свидетельствуют о хорошей жизненной емкости легких. По пропорциям тела, отражающим соотношение верхних и нижних конечностей с длиной тела, белорусы и украинцы Полесья мезо-морфы.

Антропометрические признаки, характеризующие строение головы и лица, позволяют говорить о населении Полесья как о брахикранном, т. е. с округлой формой головы, имеющем большой поперечный диаметр головы при малом продольном. Лицо среднеширокое и невысокое. Нос среднеширокий. Небольшие различия между территориальными группами проявляются по типу локальных вариантов среди генетически родственного населения.

По данным антропологов украинцы этого региона в целом отличаются от белорусов чуть большим головным указателем, в основном за счет большей величины поперечного диаметра головы, более коротким и узким носом и соответственно меньшим носовым указателем. У украинцев по сравнению с белорусами несколько чаще встречается более темная пигментация волос, более густая оволосенность груди и бороды, более высокое и узкое переносье.

При чуть большей длине тела его масса у украинцев значительно превышает таковую у белорусов. Мужское украинское население имеет также заметно большую окружность грудной клетки и ширину таза, а также более массивные эпифизы бедра и плеча. По сравнению с белорусским населением Полесья среди украинцев чаще (особенно среди мужчин) встречаются мегалосомные соматотипы с обильным развитием мягких тканей (жировой и мышечной) и крупным скелетом, но реже лептосомные, т. е. тонкостроенные.

Намечается и едва уловимая тенденция территориальных различий: мужское население восточной территории Полесья (белорусы и украинцы) отличается от своих западных соседей несколько большим продольным и меньшим поперечным диаметрами головы, чему соответствует меньший (на 1 ед.) головной указатель. Чуть меньше (примерно на 1 мм) у них и скуловая ширина, но больше высота лица (примерно на 1 мм), чему соответствует и немного большая величина лицевого указателя. У женщин это направление различий выражено менее отчетливо. Население восточного Полесья несколько более высокорослое за счет большей длины ног имеет меньшую окружность грудной клетки, т. е. грацильнее западных соседей.

Сравнение краниологических данных по населению X—XIII вв., оставившему курганные могильники на территории Белорусского Полесья, с более поздними краниологическими сериями из сельских могильников XVIII—XIX вв. позволило отметить генетическую преемственность между населением начала и конца II тыс. н. э. на территории Белорусского Полесья. Направление небольших локальных различий физического типа современного населения находит аналогии в краниологических сериях X—XIII и XVIII—XIX вв.⁵

Признаки кожного рельефа на территории Полесья укладываются в пределы, характерные для европейской расы. По комплексу дерматоглифических признаков население Белорусского Полесья неоднородно. При общей близости белорусских групп население восточного Полесья (Мозырский, Хойникский, Ельский и Лельчицкий районы) характеризуется более высоким процентом двудельтовых узоров и дельтовым индексом, более низким процентом узоров на гипотенаре, более высоким процентом карпального трирадиуса *t*. Такую направленность варьирования дерматоглифических признаков обычно определяют как «смягчение» европеоидных черт. В то же время для населения западного Полесья (Малоритский, Пинский и

Кобринский районы) характерно усиление европеоидных особенностей по признакам дерматоглифики. С территории Украинского Полесья и Волыни обобщены дерматоглифические данные по четырем локальным группам, к ним относятся население Ратновского р-на и г. Острог Волынской обл., население г. Сарны Ровенской обл. и население д. Словечно Овручского р-на Житомирской обл. При сопоставлении этих групп не обнаружено значительных отклонений от полесско-волынско-го дерматоглифического типа, описанного С. П. Сегедой⁶. Для изученных групп характерны средние значения дельтового индекса, довольно высокий процент добавочных межпальцевых трирадиусов (от 13,1 до 36,2), средневысокий процент карпального трирадиуса *t*, довольно высокий процент узоров на гипотена-ре — от 20,4 до 45,3, средние значения индекса Камминса. Прослеживаются также некоторые различия между западной и восточной частью населения Украинского Полесья и Волыни, хотя эти различия и не всегда проявляются четко и по всем расово-диагностическим признакам дерматоглифики. Так, у мужчин Овручского р-на Житомирской обл. отмечен самый высокий на этой территории дельтовый индекс (14,08), для этой группы характерен самый высокий процент карпального трирадиуса *t* (как у мужчин, так и у женщин) среди всех изученных групп Полесья.

Проведенный многомерный анализ по комплексу дерматоглифических признаков показал гетерогенность групп на фоне их общего сходства. Четкой границы между западным и восточным Полесьем провести нельзя, в силу того что отдельные украинские западные группы показывают близость к белорусским восточным, и наоборот. В целом же западные группы Полесья отличаются большей компактностью, а восточные — большей гетерогенностью. Более выражены различия между западным и восточным Полесьем, они прослеживаются при сравнении мужских и женских суммарных групп по комплексу качественных морфологических и изосерологических признаков.

По признакам зубной системы все изученное население Полесья относится к средневропейскому одонтологическому типу⁷, характеризующемуся умеренно выраженной редукцией нижних моляров и низкой концентрацией лопатообразных резцов, дистального гребня тригоида и других признаков, высокие значения которых характерны для монголоидной расы. Существуют различия между населением восточной и западной части Белорусского Полесья. Эти различия заключаются в усилении европеоидных особен-

ностей на территории западного Полесья: более часто встречаются выраженные формы бугорка Карабелли и более редко — формы лопатообразных резцов (баллы 2 + 3) и дистального гребня тригоида.

На территории Украинского Полесья различия по одонтологическим признакам между западной и восточной локальной областью менее выражены. В целом по одонтологическим признакам различия между территориальными группами невелики. Среднеевропейский одонтологический тип, выраженный у населения Полесья, прослеживается у всех восточнославянских народов⁸.

Антропогенетический анализ опубликованных данных по населению Украинского⁹ и Белорусского¹⁰ Полесья в плане эволюционных процессов на фоне социально-исторического развития популяций выявил в основном равномерное нарастание генетического разнообразия, особенно при сравнении в целом населения Белорусского и Украинского Полесья. Различия по всем изученным генам не превышают 5 % и не достигают границ статистической достоверности. В то же время выявленная генетическая дифференциация локальных популяций, вероятно, свидетельствует о том, что они находятся в процессе биологической микроэволюции.

По совокупности изученных генетических систем признаков среди населения Полесья выявлено более выраженное соответствие антропологических комплексов диалектологическому районированию. Причем особенно выделяются популяции западной части Белорусского Полесья, где концентрации гомозиготных индивидумов ОО, ММ, dd чаще оказываются максимальными на фоне всего полесского региона, что свидетельствует о большей однородности населения крайнего юго-запада Белоруссии и северо-запада Украины вследствие генетической преемственности множества поколений. Направленная изменчивость генетических особенностей всех изученных популяций позволяет предположить дивергенцию этих признаков при последующем расселении с данной территории.

Промежуточные звенья так называемого смешанного генетико-антропологического типа формируются у населения восточной части Полесья, что говорит о миграции генов соответственно направлениям этнических взаимодействий.

Данные, вычисленные на основании частот генов семи независимых иммуногенетических систем, выявляют такую же закономерность изменчивости: между белорусами остальной территории БССР и западной части Полесья генетическое расстояние равняется 0,0038, а между белорусами западного и восточного Полесья оно уменьшается

до 0,0027, т. е. две последние группы более близки генетически. Генетические расстояния между белорусскими и украинскими выборками не выходят за пределы названных величин. Выявленное единообразие изменчивости ряда наследственных признаков в популяциях белорусского и украинского полесских регионов может свидетельствовать об их едином антропологическом пласте и общности исторических судеб.

Обобщая полученные данные по всему комплексу признаков, можно с определенностью констатировать факт значительного сходства населения Белорусского и Украинского Полесья. Это обусловлено как подобием антропологического состава средневекового населения этих территорий, так и постепенно нараставшими в течение последнего тысячелетия процессами его смешения. Большая однородность современного населения западной территории Украинского и Белорусского Полесья по комплексу дерматоглифических, одонтологических, изосерологических особенностей и признаков строения головы и лица свидетельствует о древности его формирования, что может быть одним из аргументов в пользу включения этой территории в ареал прародин славян, из которого в дальнейшем шло постепенное расселение в восточном и северном направлениях.

ПОЛЕССКИЕ ГОВОРЫ В СОСТАВЕ БЕЛОРУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Полесскими говорами в лингвистической литературе называют в настоящее время определенные группы говоров на территории БССР и УССР в пределах географической области¹ или историко-этнографической зоны² Полесья.

В специальной работе белорусских диалектологов, посвященной группировке говоров на территории БССР на основании материалов «Диалектологического атласа белорусского языка» (ДАБМ)³, полесской названа группа говоров на крайнем юго-западе БССР⁴. Эта группа говоров является самостоятельной по отношению к говорам в составе двух основных диалектов белорусского языка (говорам так называемого основного массива белорусского диалектного языка). Полесская группа говоров противопоставляется основному белорусскому диалектному массиву своими существенными особенностями. Отличительными чертами этих говоров являются, в частности, такие фонетические особенности, как употребление в неударном положении в тех же условиях, что и под ударением, гласных /o/ и /a/ в качестве отдельных фонем или оканье (*вода, со-*

лома, дорога, город, нового, трава, даваты, в!дав и т. д.)⁵, наличие только твердых согласных перед гласными /e/ и /i/ под ударением и перед их неударенными соответствиями (*взчор, дэнь, мыска, сыла, вычэра, дынек, мыскы* и под.), произношение преимущественно гласного /i/ на месте исторического Ъ, а также о, е в закрытых слогах под ударением (*л/с, хл!б, б!лый, р!к, в!з, пор!е, си, ж!шка* и т. д.), произношение мягких согласных /дъ/, /ть/ без фрикативного «призвука» (*did, т!пка, дядько, г!сть*) и ряд других менее значительных и ярких. Грамматический строй этих говоров отличают такие существенные особенности в сравнении с говорами основного массива белорусского диалектного языка, как окончание -овы /-евы/ у существительных мужского рода в дательном и предложном падежах единственного числа (*сыновы, братовы, батьковы, у л'юовы, на ко-нэвы* и т. д.), окончание -ому у прилагательных и местоимений в предложном падеже единственного числа мужского и среднего родов (*в дорогом, на тому*), инфинитивная форма глаголов на -ты после гласных основы (*робыты, косыты, чытаты, маты*), личные глагольные формы типа *сычу, сычуть, пычу, пычуть, лдвлять, рдблять, ставлять, ходю, ною, кою* и др.

Изоглоссы (границы) распространения и противопоставления этих и ряда других особенностей данной группы говоров соответственным явлениям в говорах основного массива белорусского диалектного языка образуют мощный и довольно плотный пучок по условной линии Пружаны — Телеханы — Лунинец — Столин. Данный пучок изоглосс представляет собой северную и восточную границы локализации указанных говоров в пределах территории БССР⁶.

Однако более распространены другие названия говоров рассматриваемой группы. Часто их называют брестско-пинскими по названию крупнейших городских центров на их территории, брестскими (или говорами Брестской области)⁷. Было предложено также называть говоры этой группы из практических соображений загородскими по традиционному географическому названию большей части территории их распространения (местность *Загородье*)⁸.

Наряду с такими названиями довольно часто эти говоры называют западнополесскими (или говорами западного Полесья)⁹. Подобное ограничительное уточнение связано с существованием более широкого представления о полесских говорах. Многие специалисты по восточнославянской диалектологии (в том числе и белорусские диалектологи) полесскими говорами в пределах БССР называют не только рассмотренную отдельную группу на юго-западе республи-

ки. Это название употребляют и по отношению к говорам Мозырского Полесья¹⁰, противопоставляя их указанной группе как восточнополесские.

В группировке говоров на территории БССР по материалам ДАБМ говоры Мозырского Полесья объединены в одну группу с говорами слущкого региона как единая мозырская группа говоров, которая является составной частью юго-западного диалекта белорусского языка¹¹. Такое объединение является оправданным. В пределах говоров данной группы практически нет заметных границ (пучков изоглосс) территориального противопоставления их структурных типов. При этом они имеют ряд общих особенностей, которые отличают их от говоров другой, гродненско-барановичской группы. Однако говоры Мозырского Полесья можно рассматривать и как специфическое единство в системе юго-западного диалекта. По немногочисленным, но довольно ярким особенностям говоры южной части мозырской группы (Мозырское Полесье) отличаются все же от говоров ее северной части (Случчина), хотя эти отличия не образуют вместе пучка изоглосс, разграничивающего указанные части данной группы говоров.

Условно границей восточнополесских говоров, отделяющей их в составе мозырской группы от слущких говоров, можно считать изоглоссу противопоставления оканья и недиссимильативного аканья. В частности, в восточнополесских говорах на территории БССР, как и в западнополесских, гласные /o/ и /a/ различаются в неударной позиции, как и в ударных слогах (*ндгl* и *нога*, *колос* и *колдсье*, *сад* и *сады* и т. д.). Это очень яркая, обращающая на себя внимание фонетическая особенность восточнополесских говоров. Изоглосса оканья и аканья в пределах мозырской группы говоров проходит по линии Лунинец—Петриков—южнее Мозыря—Наровля.

Заметной, хотя и структурно менее значительной чертой восточнополесских говоров на территории БССР является употребление местоимений с протезой /в/ (*вон*, *вона*, *вонд*, *зоны*). Обращают на себя внимание и такие особенности этих говоров, как звуковая форма местоимений *шчо* (или *шо*), гласный /e/ под ударением в окончаниях творительного падежа единственного числа существительных женского рода (типа *землёю*, *душэю*), а также местоимений (*з моею*, *з ею*), употребление в родительном падеже единственного числа форм притяжательных местоимений *могд*, *твого* и др.

Ряд существенных особенностей восточнополесских говоров выходит за пределы указанных выше границ и охва-

тывает ту или иную часть слущких говоров. Это, например, такая яркая особенность, как произношение после губных согласных гласного /y/ на месте давнего *ы* (*бук*, *муло*, *прывук*, *му*, *ву*, *вулв*, *вушк{}*, *грыбу* и т. д.). Такой же особенностью является еканье, т. е. произношение в неударенном положении после мягких согласных гласного /e/ в соответствии с гласными /a/, /e/, /o/ под ударением (*цегнуць*, *сцена*, *кленовы*, *дзёвець*, *косець* и т. д.), а также употребление финалии -са в возвратных глаголах, или, иначе, *саканье* (*смеяуса*, *садзипса*, *берыса* и т. д.) и некоторые другие. В связи с этим следует заметить, что восточнославянские говоры в составе мозырской группы являются как бы ее центром, регионом наибольшей концентрации ее характерных отличий, в то время как слущкие говоры — это периферия группы, регион «затухания» подобных отличий и появления вместо них инновационных особенностей (недиссимильативное аканье, употребление только глухих согласных в конечной позиции в слове и перед глухими согласными и под.)¹².

Таким образом, полесские говоры на территории БССР — это два совершенно различные по своему диалектному типу территориальные объединения. Западнополесские и восточнополесские говоры противопоставляются территориально и различаются по своим особенностям пучком изоглосс, который разграничивает и характеризует основной массив белорусского диалектного языка, с одной стороны, и западнополесские говоры, с другой. Восточнополесские говоры — это часть мозырской группы юго-западного диалекта белорусского языка. Иначе говоря, одно и другое объединение полесских говоров на территории БССР имеет совершенно разную диалектную принадлежность и специфику, хотя одни и другие полесские говоры имеют все же некоторые общие черты. Это, в частности, оканье, местоимения *вон* (*в'М*, *вун*), *вона*, *вонд*, *воны* и некоторые другие. Однако они не являются специфическими локальными отличительными чертами данных говоров. Эти особенности имеют зональный характер в пределах восточнославянских диалектов. Поэтому они, возможно, могут быть лишь основанием для объединения западнополесских и восточнополесских говоров как полесской диалектной зоны на территории БССР¹³.

Украинские диалектологи полесским называют северное наречие в системе современного украинского диалектного языка¹⁴. Это широкая полоса говоров северной части территории УССР. Южную границу полесского наречия украинского языка, т. е. границу между северным и остальными

ми наречиями, определяет изоглоссный пучок, проходящий приблизительно по условной линии Владимир-Волинский — Луцк - - Ровно — Новоград-Волинский — севернее Житомира — Киев — Прилуки и далее на восток по реке Сейм¹⁵. Полесское наречие противопоставляется южным украинским наречиям рядом особенностей. Из числа фонетических особенностей значительными являются такие, как употребление дифтонгов (двух гласных, образующих один слог) /ie/ или узкого гласного /ë/ (е «закрытого») на месте давнего *o* и на месте давнего *e* в новозакрытых слогах и соответственно дифтонгов типа /uo/ или узкого гласного /b/ (о «закрытого») в закрытом слоге в соответствии со старым гласным *o*, а также на месте *e* в новозакрытых слогах с последующим редуцировавшим *ь*. Эти звуки выступают в слогах под ударением (*died*, *Atec*, *сієно*, *вудл*, *KiJoHb*, *nлеч*, *uиt/дстка* или *дєд*, *лес*, *сєно*, *вол*, *конь*, *пѣч*, *шбстка*). Не под ударением этим гласным соответствуют в полесских говорах обычные гласные /e/, /i/ и /o/, что тоже является особенностью данного наречия.

Подобное различие между ударенными и неударенными слогами имеет место и в реализации старого носового *A* и *a* после *i*. В слоге под ударением в соответствии с ними выступает в говорах полесского наречия гласный /a/. Не под ударением ему соответствует обычно гласный /c/ (*пять* — *пєтак*, *як* — *єм*, *ячни* — *єчмѣнь*).

К существенным отличиям говоров полесского наречия от говоров других наречий украинского языка относится также наличие только твердого согласного /ц/, а также звонких согласных в конце слов и в положении перед глухими согласными (дуб, город, мороз, сторож, казка, лодка) и ряд других особенностей. Однако говоры в составе этого наречия неоднородны. Они объединяются в три существенно отличающиеся по своим особенностям группы.

В составе этого наречия выделяется прежде всего значительная группа говоров, распространенных от Горыни до Западного Буга. Эту группу говоров называют западнополесской. Им свойственны такие особенности, как произношение гласного /i/ под ударением в соответствии с историческим * и гласным *o* в закрытом слоге (л!с, сн!г, сшо, кшь, вш и т. д.), неударенный гласный /и/ в соответствии с гласным /e/ под ударением (сило, нисѣм, зилинуватий). В говорах этой группы отмечают так называемое «снижение» подъема ударенного гласного /и/ (произношение типа *мѣ*, *тѣ*, *ходѣ*''ли, *носѣ*''ти). Встречается здесь в некоторых говорах и «снижение» ударного гласного /e/ (произношение типа *dtfHb*, *b&'pиг*, *зила*^ний, *туня*^р). Наблюдается также

произношение гласного /e/ под ударением в соответствии с /a/ после мягких согласных в других полесских говорах (типа *узѣв*, *дѣдько*, *жѣоа* и т. д.). Из морфологических черт яркой особенностью западнополесских говоров является окончание **-ови(-еви)** в дательном и предложном падежах единственного числа существительных мужского и среднего родов и инфинитив на *-ти* у глаголов с основой на гласный (*робѣти*, *стояти*).

Западнополесская группа говоров имеет заметные структурные связи с волинскими говорами юго-западного наречия украинского языка, что иногда подчеркивается при ее наименовании¹⁶.

На восток от Горыни на территории до Днепра в составе полесского наречия украинского языка выделяются среднеполесские говоры. Отличает эти говоры, кроме указанных общих особенностей полесского наречия, произношение в соответствии с гласным /и/ после губных согласных в других говорах гласного /i/ с мягким губным перед ним (*б!к*, *м!ло*, *м!*, *є!*, *шл*) или в северной части говоров гласного /y/ с твердым губным согласным (*бук*, *муло*, *му*, *ву*, *пул*), произношение типа *пйбк*, *повйов*, *помйбр*, наличие на севере мягких или полумягких согласных (часто только некоторых) перед гласными /e/, /i/ или только /i/ (*мєгѣр*, *дѣ-сєть*, *тєля*, *сєло*, *несу*, *пхо*, *д!к!л*, *ход'нѣ* и под.). Грамматический строй этих говоров отличают такие особенности, как окончание *-у* в дательном падеже единственного числа у существительных мужского и среднего рода и *-у* или *-ie(i)* в предложном (*брату*, *на столбе*, *на вбэ!l*), окончание *-и* у прилагательных в именительном падеже единственного числа мужского рода (*молоди*, *нови*), саканье (*купавса*, *боюса*) и ряд других особенностей¹⁷. Правда, специфические особенности среднеполесских говоров более последовательно отмечаются в их северной части. К югу они в той или иной мере «затухают», уступая место особенностям говоров южных наречий украинского языка или сосуществуя с ними.

Третья группа говоров, включаемая в состав полесского наречия украинского языка,— это восточнополесские говоры. Они распространены на восток от Днепра в Броварском и Бориспольском районах Киевской обл., в Черниговской обл., в северо-западных районах Сумской обл.

Отличает эти говоры в отношении фонетики значительное распространение в них аканья, а также так называемого гиперического оканья. Это произношение в неударных слогах в соответствии с гласными /o/ и /a/ под ударением гласного /a/ при аканьи и /o/ при гиперическом оканьи

(*вада, галава, трава, давай* или *вода, голова, трова, до-аай*). Аканью, наблюдаемому после твердых согласных, сопутствует в этих говорах в соответствующей позиции после мягких согласных яканье или еканье (произношение типа земля, вязаць или земля, везаць). Еканье сопутствует и гиперическому оканью.

В зависимости от исторического Ъ и е в новых закрытых слогах здесь под ударением выступают дифтонги типа /ie/ или гласный /e/ (*сніеє, Аіето, пгеч* или *снег, лето, печ*). Историческому гласному о в новом закрытом слоге соответствуют в произношении разнообразные дифтонги типа /yo/ /ye, yі/ и др. или гласный /o/ (*к'уднь, куёнъ, ку}нь, па-рудг, паруёг, партіі, конь, пардг*).

В восточнополесских говорах выступает в произношении мягкий согласный [рь] (*порядак, крюк, трьох* и т. д.), за исключением северо-западной части говоров и только перед ударными /a/, /o/, /y/, твердый согласный /ц/ (*цацка, заец*); гласный /и/ после губных согласных (*бы/с, мило, пил*); мягкие или полумягкие согласные перед гласными /e/, /i/ (*день, мене тесни, дlкl, слa, велкl, рixi* и т. д. в северной части говоров); при этом в говорах, граничащих с говорами Гомельской области БССР и западной Брянщи-ны, отмечается дзеканье и цеканье (*дзень, цёсно, дзи, ци*).

Из грамматических особенностей рассматриваемой группы говоров в качестве их заметных и существенных отличий следует отметить такие, как тенденция к уподоблению окончаний мягкого варианта склонения существительных твердому варианту (*душою, канем, ейцом*), окончания -у в дательном и -у, -іе(-е), -і в предложном падеже единственного числа у существительных мужского рода (*дубу, каню, на каш, на валу на сталю*), форма инфинитива на -ть (-т) у глаголов с основой на гласный (*хадіть, давать*), окончание -и(-l) у прилагательных в именительном падеже единственного числа мужского рода (*маладй, нови, г\$дркl*). Данным говорам характерно также параллельное окончание -ою и -ой в творительном падеже единственного числа существительных, прилагательных, порядковых числительных и некоторых местоимений (*галавою — галавдй, с та-бою — с табдй*), а также -ся в качестве финалии возвратных глаголов (*класься*) и др.

Характерные особенности восточнополесских говоров северного наречия украинского языка как среднеполесских в настоящее время более четко и последовательно выступают на севере. Южная граница распространения особенностей северного наречия постепенно перемещается на се-

вер под воздействием говоров южной части Украины. Отдельные особенности северного наречия, такие, как различная рефлексация под ударением Ъ, а также о, е в новозакрытых слогах, окончание -е существительных типа *житте*, окончание -у в дательном падеже единственного числа существительных мужского рода (*брату, сйну*), имеют место не только вблизи Киева, но и значительно южнее его, опускаясь до Фастова и Переяслава-Хмельщцкого¹⁸. Но часть изоглосс противопоставления северного наречия южным украинским наречиям переместилась на север от Житомира на расстояние до 50 километров¹⁹.

Таким образом, полесские говоры в составе современных украинского и белорусского языков — это в целом континуум в какой-то мере специфических говоров в пределах Припятского и Деснянского Полесья. По республиканской границе между УССР и БССР соответствующие говоры украинской и белорусской языковой отнесенности непосредственно смыкаются, в частности, западнополесская и среднеполесская группы говоров северного наречия украинского национального языка и западнополесская диалектная группа говоров, а также восточнополесская группа говоров юго-западного белорусского национального языка. Западнополесская группа говоров северного украинского наречия связывается общностью своей западной и восточной границ распространения (пучков изоглосс) с западнополесской диалектной группой говоров белорусского языка, а среднеполесская группа указанного украинского наречия — с восточнополесской группой говоров юго-западного белорусского диалекта. Смыкание этих групп говоров современного украинского и белорусского языков своей территорией и границами является, по-видимому, следствием их генетической общности. Как это уже сейчас достаточно очевидно из различных источников и описаний, западнополесские говоры на территории Белоруссии и западнополесская группа говоров северного наречия Украины представляют собой одно целостное родственное единство говоров (возможно в ранге диалекта?) современного украинско-белорусского языкового пограничья²⁰. Эти говоры довольно разнообразны по структуре и пестрые по размещению²¹. Однако ощутимой, четко прослеживаемой границы (пучка изоглосс) между указанными группами говоров на территории УССР и БССР (а тем самым, естественно, и между украинским и белорусским диалектными языками в пределах этих говоров), по-видимому, не существует.

Что же касается восточнополесских говоров Белоруссии и среднеполесских говоров северного украинского наречия,

то хотя их общность в настоящее время также во многом стала очевидной, однако вопрос об их единстве как целостного диалекта или «переходной» группы говоров остается пока еще открытым. Открытым остается и вопрос о границе между группами соответствующих полесских говоров, выделяемых в составе говоров одного и другого национального языка. Какой-то пучок изоглосс (граница), который разделяет северную (белорусскую) и южную (украинскую) части этих полесских говоров, видимо, существует. Но как он проходит, каков состав его дифференциальных признаков, мощность и плотность, пока еще не установлено²². Украинские восточнополесские говоры также смыкаются с близкими к ним белорусскими говорами юго-восточной части Гомельской обл. Однако эти белорусские говоры не представляют какой-то локальной группы или подгруппы «полесских» говоров. Это часть так называемых средне-белорусских говоров — довольно широкой переходной полосы говоров, находящейся между северо-восточным и юго-западным белорусскими диалектами.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ ПОЛЕСЬЯ

Вместе с диалектно-языковыми особенностями немалую информацию для изучения древней историко-языковой ситуации Полесья несут географические названия. Топонимы, как и все, что пришло к нам с древних времен,— памятники материальной и духовной культуры, письменность, мировоззрение, обычаи, являются продуктом общественных отношений, следствием образа мышления и взглядов людей на определенной ступени их исторического развития.

Уже в глубокой древности возникла необходимость обозначения отдельных природных объектов с целью ориентации на местности. Одновременно выделялись объекты, которые были особо важными в хозяйственном отношении,— места обильной рыбной ловли, успешной охоты, урожайной и плохой почвы и т. п. В доклассовом обществе явной стала потребность называния родовых коллективов, обозначения племенных территорий. С возникновением частной собственности образуется целая система названий, связанная с феодальными производственными отношениями. В условиях современности многие географические названия отражают процессы советской действительности.

Территория Полесья представлена почти всеми известными в топонимической науке разрядами географических названий. Эти названия различного происхождения — славянские (общеславянские, восточнославянские, украинские,

белорусские), иранские, балтские, иллирийские, угро-финские, кельтские, тюркские и др. Подтверждением этому в первую очередь служит гидронимия (названия рек, водных источников) — одна из глубинных закодированных информационных систем топонимии. К самым древним славянским гидронимам Полесья относятся такие названия, как *Жерев*, *Девисябра*, *Чортория*, *Иртнь*, *Любожижа*, *Безуд* и др. Отдельные из них фиксируются на Левобережье — *Сувид*, *Чорторий*, севернее — *Уть*, *Супор*, *Ревна*. Специфическим отличием древней славянской гидронимии этого региона является наличие архаических сложений типа *Ллбожада*, *Жеримишьль*, *Радобель*, *Чамишель*, основы которых напоминают сложные праславянские антропонимические образования. Наряду с другими эндемичными гидронимическими основами и их сочетаниями выступают такие гидронимы, как *Стубла* (*Стубель*, *Стубло*, *Стубелка*), имеющие полные топонимические соответствия на территории южных славян, *Тусталь* — западных славян. О. Н. Трубачев, исследуя гидронимы Правобережья, замечает, что названия эти выглядят «как бы основным плацдармом местного славянства»¹. Вместе со старой гидронимией на Полесье выступает гидронимия позднеславянского этапа.

Широко дополняет славянские пласты гидронимических названий исследуемого региона ойконимия (названия населенных мест). Она, как известно, на Полесье нашла самые ранние для восточнославянских территорий фиксации в летописях: *Любеч* (882 г.), *Чернигов* (907 г.), *Искоростень* (946 г.), *Вышгород* (946 г.), *Вручай* (977 г.), *Туров* (980 г.) и др. Вместе с тем обращает на себя внимание присутствие здесь таких общеславянских топонимических формаций, как названия на *-*ljь*: укр. *Радомишьль*, бел. *Vid-Зiбор*; названия на *-*itji*: укр. *Милославичi*, бел. *Перасуда-в!чы*; *-*apel**-*jape*: укр. *Озеряни*, бел. *Замошаны*; *-*ьзкъ*/ -*цкъ*: укр. *Висоцьк*, бел. *Вельск*; *-*апъ*, *-*епъ*, *-*инь*: укр. *Желань*, *Коростень*, *Радунь*; бел. *Любань*, *Церабунь*. Продуктивны в топонимии полесского региона — это относится ко всей восточнославянской территории — образования типа *Любашiв* и *Турау*, *Добратин* и *Радiн*, *Берiзка* и *Ба-гуслаука*, *Лiсiвщина* и *Грыбаушчына*, *Гончарiвка* и *Гарба-нау*:<.а.

Одновременно с повсеместной славянской топонимией на Полесье распространяются географические названия неславянского происхождения — иранские: *Апака*, *Есмань*, *Сейм*, *Тускор* и др.; иллирийские: *Брецава*, *Iква*, возмож--ю, *Горынь*; кельтские: *Тня*, *Тиня*, *Отаня* (*Отавин* и др.)².

5 8-846

Засвидетельствованы названия рек, которые указывают на славяно-финские — *Воложода* и славяно-мордовские — *Мармиш*, *Воргол/Вореов* — контакты. Некоторые из них свидетельствуют о связи Полесья с тюркским этносом. Однако наиболее многочисленными из неславянской группы на исследуемой территории названия балтского происхождения: *Бержица*, *Весля*, *Гобра*, *Жеведь*, *Ковна*, *Луня*, *Лань*, *Мажя*, *Несла*, *Арэсса*, *Оражня*, *Чічера*, *Яшина* и др. Таких названий в полесском регионе несколько сотен³. Наряду с названиями водотоков известны ойконимы балтоязычного происхождения: *Уша*, *Невель*, *Пціч*, *Цна* и др. Многие из них получили славянское оформление: *Пинск*, *Стерковичи*, *Шальбенка* и др. Вместе с тем на Полесье широко представлен балто-славянский субстратный пласт географических названий. Он находит широкое подтверждение в апеллативной лексике и познавателен при изучении этнических процессов⁴.

Вместе с тем в основе многих полесских географических названий лежат образования неславянского происхождения, которые полностью приобрели славянское гражданство. Имеются в виду топонимы, связанные с календарно-каноническими именами: бел. *Іванава*, *Юхнавічы*, *Аркадзія*; укр. *Петрівка*, *Васьків Ліс*, *Хугір Яценків* и др.

Многоаспектна семантика полесской топонимии. В ней сконцентрированы речевые (адресные) и экстралингвистические — исторические, географические, этнографические и другие сведения многих эпох. Вместе с тем семантика названий раскрывает психологические, эмоциональные, аффективные моменты, информирует об идеологической направленности названий⁵. Древний человек Полесья на самом раннем этапе своего развития, называя географические объекты, использовал обычные в употреблении и, как правило, немногие слова своего языка: река — укр. *Ріка*, гора — бел. *Горы*; багно — укр. *Багонь*; береза — бел. *Бя-роза*. Однако для обозначения объектов использовался не механический набор случайных слов. В нем отражены классы лексики и, в первую очередь, те слова, которые обозначают природно-географические понятия, связанные с деятельностью человека в самых разных областях и сферах хозяйственной и общественной жизни⁶. Одним из распространенных способов называния географических объектов на Полесье можно считать обозначения, связанные с названиями качества почвы, цвета воды: укр. *Шски*, *Голуба*; бел. *Ілы*, *Белая*. Определенный семантический разряд образуют названия от основ, характеризующих особенности водотоков, их направление: укр. *Бистра*, *Струмий*. Многие

топонимические названия в полесском регионе связаны с названиями деревьев: *Вільяни*, *Дубица*, *Вярба*, *Сосивка*, животных: *Ведмеже*, *Боброк*, *Сеїнеа*, *Казича*, *Арэлец*. В некоторых названиях последней группы, возможно, промежуточной основой выступали названия людей.

Этот традиционный способ выбора реалий для названия объекта продолжался в новых исторических условиях, бытует он и на современном этапе. Именно благодаря географическому термину *полесье* — «мелкий лес, заросший кустарник», «лесная и болотистая местность» — рождается название исследуемой области *Полесье*, документируемое летописью под 1276 г.: «о(т) *Копыля воюя по Полесью*»⁷. Наряду с тем реалия почвы «зоне *бы(ст) земля камня*» ложится (1277 г.) в основу названия полесского города *Каменца**. На Полесье наиболее распространенными семантическими группами названий, образованными от апеллативов, являются те, которые отражают: рельеф, водный режим, качество и характер почв, лесные массивы, породы деревьев и виды растений, виды диких и домашних животных, способы обработки земельных участков, особенности материальной культуры и ее элементы, предметы хозяйственного употребления и быта, продукты питания, особенности духовной культуры, явления природы и др. Вместе с тем семантика множества полесских топонимов связана с прохождением сухопутных и водных трасс: бел. *Старый шлях*; укр. *Глибока Дорога*; направлениями дорог и переправ: бел. *Мосты*, *Бродки*, *Переволока*; укр. *Ворота*, *Перевоз*; с названиями укрепленных мест, «градов», замков: укр. *Замок*, *Окпн*; бел. *Валы*, *Городня*; древними промыслами и ремеслами: укр. *Демня*, *Гамарня*, *Поташня*, *Паширня*; бел. *Буди*, *Дехтярка*, *Попельня* и др.

Значительная часть географических названий образована от собственных названий людей — апеллативного происхождения: *Хотислав*, *Скулин*, *Капустину*; календарно-канонического происхождения: *Самиличі*, *Веремееуцы*, *Якушев*. Ряд названий населенных пунктов опосредствован семантикой гидронимов: р. *Бобр*>с. *Бобр*; оз. *Світязь*>с. *Світязь*; исторических этнонимов: ятвяги>*Ятвезь* (*Яцвець*), дулебы>*Дулгби*. Семантика названий отражает также советские преобразования: *Акцябрск*, *Пролетарська Руда*, *Щорс*, *Тараса Шевченка*.

Отличается многообразностью словообразовательная герметика полесской топонимии. Сравнительно распространенным на Полесье является семантический способ эвонимизации названий, при помощи которого проходит то- имизация различных классов лексики и собственны;

5*

названий без особого изменения внешней структуры слов. Выделяются лексико-семантические модели: укр. тереб!ж> >Тереб!ж; бел. в!шня>В!шня; акцентуационные: укр. горнна>Горыка; бел. мурава>А1(/с?аба; и лексико-морфологические: укр. собств. назв. /0/л<ш>название коллектива Ку-Л!ш>с. Кул!ш.1.

Большую группу составляют топонимы, образованные морфологическим способом при помощи аффиксации. Больше всего на исследуемой территории распространяются суффиксальные образования. Превалируют названия с суффиксами укр. -ич1(-ович1, -евич1, -инич1); -іе, ~ин, -ськ/-цьк, -ка, -івка; бел.: -Ічы(-авІчы, -свІчы, -Ітчы), -ау, -ава-ка, -окуа/-еука, -ин'п, -ок. Наряду с суффиксацией в образовании топонимов Полесья принимает участие префиксация: укр. Зал!с, бел. Падыа. Имеют место и префиксально-суффиксальные модели. Определенная часть географических названий полесского региона представляет синтакси-коморфологический способ образования. Для этих формаций характерны сочетания (сложения) основ, выраженных различными частями речи: наречие и существительное — укр. Суход!л, бел. Старамлыны; два существительных — бел. Сол!горск; прилагательное и глагол — бел. Драгабыл!л, числительное и существительное — укр. Трил!с и др. В структуре ряда топонимов просматривается взаимодействие словосложения и суффиксации: укр. Б!локурович1, бел. Астрамечава. Вместе с тем исследуемая топонимия представляет модели, образованные лексико-синтаксическим способом: укр. Зеленый Гай, бел. Давыд-Городок и др.

Наряду с тем полесская топонимия свидетельствует о четкой системе грамматической типологии. Она проявляется в вариантности частей речи, категориях рода, числа и падежей.

Распространение полесских географических названий показывает закономерности размещения топонимических явлений, динамику их развития во времени, которая служит для определения пространственной связи и взаимозависимостей как между отдельными языковыми фактами, так и между ними и различного рода социально-историческими, этническими и географическими явлениями. На Полесье устанавливаются ареалы славянской и неславянской топонимии. Ареалы неславянских топонимов соотносительны с древнейшим периодом истории региона, славянских — древним, праславянским и поздними — восточнославянским, украинским, белорусским хронологическими истори-языковыми этапами. В связи с этим ареалы неславян-

ских топонимов на Полесье являются по своему составу реликтными, а по функциональности — угасающими, славянских — реликтными и архаичными, одновременно развивающимися и многоплановыми в семантическом, словообразовательном и стратиграфическом отношениях. Наиболее выразительными являются славяноязычные и балтоязычные топонимические ареалы.

Основное сосредоточение топонимических иранизмов находится на Левобережье (нижнее Подесенье и Посеймье). По своему составу ареал маргинальный и разрывчатый. Приблизительный рубеж между иранским и балтским элементами в рамках Полесья проходит от Днепра на восток по правобережью Десны и Сейма, между ними и праславянским (данные в этом районе очень приблизительны) — на запад от впадения Сейма в Десну, достигая на юге истоков Трубежа. В северном направлении на Левобережье эта граница не просматривается.

Балтский топонимический ареал распространяется на большей части Полесья. Самое крупное скопление балтских географических названий — в бассейне Припяти. Не в меньшей мере на этих широтах насыщен ими ареал (особенно гидронимия) на Левобережье. Вместе с тем эти названия распространяются и к югу от Припяти, в бассейнах рек Случи, Уши, Горыни. Там, однако, его изоглоссы и граница с древнеславянскими ареалами не везде четко определяемы — балтский элемент перекрывается славянским, и это явление тем выразительней, чем дальше их объекты продвигаются на юг. Этого, однако, нельзя сказать о Левобережье. Наряду с этим отдельные балтизмы выявляются на крайних границах Полесья и южнее, но там они явно периферийные. Касаясь западных окраин, некоторые из этих названий заходят в юго-восточном направлении на Полесье как продолжение из польского ареала: Пульву, Ро!ву, Ро!ву (Ломжа) — Пульва, Пульвина, (Каменец, Брест, Кобрынь) — Пульмо (Любомль Волынской обл.)⁹.

Характер островной или в форме отдельных вкраплений имеют иллирийский, кельтский, тюркский, финский и другие ареалы неславянских топонимов на Полесье.

Ареалы славянских географических названий охватывают территорию всего Полесья. В хронологическом и стратиграфическом отношениях они не тождественны и разновозрастные. Территория праславянских элементов на гидронимическом уровне находится в основном в южной части Полесья и прежде всего на Правобережье. Анализируя гидронимию этого региона, В. Н. Топоров и О. Н. Трубочев

отмечают: «Если к югу от этой реки [Припяти] гидронимия представляет собой древнейший славянский гидронимический пласт, то к северу от нее господствует гидронимия балтийского типа, а славянские названия представлены, как правило, весьма поздними образованиями (причем в ряде случаев речь идет о славянском оформлении балтийских корней)»¹⁰. Определенное подтверждение этой территориальной дифференциации дает анализ структур и стратиграфии ойконимов на *-/ь, *-itji. Вместе с тем в свете недостаточно исследованной полесской топонимии на современном этапе этот вопрос требует дальнейшего изучения и углубления. На Полесье определенно выделяется общеславянский ареал гидронимов, образованных от названий животных, которые в семантическом отношении бесспорно принадлежат к древнейшим пластам славянской лексики¹¹, там относительно продуктивен ареал топонимов, в основе которых лежат праславянские двучленные и сокращенные двучленные антропонимы. Ряд объектов названий последнего ареала входит в низовья Сожи и Ипути — земли, примыкающие к северным регионам Полесья. В этом отношении показательна также география гидронимов с элементом *-гост/-гоц*¹².

Древнеславянская топонимия Полесья находит представительно выражение в формациях ареалов по структурно-словообразовательным моделям. Заслуживают внимания общеславянские топонимические ареалы названий на *-/ь, *-itji, *-ькь/-цкь, *-anel*-jane, *-ьнь. Доминирующими являются ареалы топонимов на *-itji, частично *-/ь, *-ьз!гьl l-цкь, *-ьнь.

Наряду с древнейшими топонимическими ареалами территория Полесья фиксирует ареалы более позднего этапа заселения славян. Относятся к ним ареалы названий на *-lвка/-оука, -еука; -ка; -lвцl/-оуцы, -еуцы; -ин.Цl/-lнцы; -цl/ l-цы*. Ареалы топонимов на *-ie/-au, -ава; -lвка/-оука, -еука; -ка* наиболее выразительны и массовы. Отдельные характеристики представляют ареалы названий на *-ець/-ец, -ок, -ость*.

Данные полесской топонимии, раскрывающие содержание, структуру и ареальное становление конкретных названий, познавательны в прикладном и теоретическом отношении. За ними кроется возможность реконструкции ряда вопросов исторического прошлого этноса, где особого внимания заслуживает историческая география населения Полесья. Древнеславянская топонимия, локализуемая на значительной части Полесья, совпадает в основных контурах с территорией наиболее древнего заселения славян,

установленного на основе неономастических источников. Она подтверждает, по крайней мере со второй четверти I тыс. н. э., одну из господствующих в науке концепций, что южное Полесье с древних времен заселялось славянами и является частью автохтонных славянских земель. Пространственная характеристика древнеславянских, параллельно—балтских, иранских топонимов уточняет территорию этнических контактов и географических рубежей славян с этими народами. При этом река Припять, как считали некоторые исследователи, не является на всей своей протяженности границей между славянами и балтами в первые века н. э. Сопоставление древних топонимических моделей и соответственно динамика распространения их объектов, является основой для реконструкции возможных направлений расселения и миграций ранних славян, изучения внутренней структуры заселения Полесья. Регионом наиболее раннего и устойчивого славянского элемента на Полесье являются земли на юг от Припяти, низовья Десны и частично Сейма. Наряду с этим представляется более ранним прохождение славян на север и северо-запад на Левобережье (бассейн Снова, нижней Сожи и Ипути), нежели на север от Припяти и Яселды. Выявленный на основе распределения объектов древнеславянских топонимов характер размещения населения является, очевидно, типичным для зоны Полесья в раннем средневековье. Вместе с тем заслуживает внимания относительность распределения объектов названий с информацией других источников о формировании племенных территорий дулебов, дреговичей, частично северян и их центров. Стратиграфия топонимов Полесья также способствует определению рубежей распространения указанных племен. Внутреннее членение топонимических ареалов Полесья создает предпосылки для исследования административно-территориального деления земель, проливает свет на локальные культуры и формирование диалектов.

Наряду с данными, вытекающими из ареальной характеристики топонимов, немало «тайн» прикладного характера исторической географии населения Полесья раскрывает конкретная семантика названий¹³.

Полесье — край интересной относительно происхождения семантики, структуры образования и стратиграфии восточнославянской топонимии. Ее архаичность дает возможность предположить, что на основании сведений, полученных в результате системного исследования географических названий Полесья, удастся вычленивать различные праславянские пласты топонимии, а территориальная дифферен-

циация этих пластов во взаимодействии с синхронными фактами археологии, этнографии и других наук реконструирует не только словарь праславянских топонимических элементов, но и основные исторические, в том числе этно- и глототерритории раннего славянства этого региона.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПОЛЕСЬЯ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА (до середины XIX в.)

Согласно гипотезе, выдвинутой Л. Нидерле и поддерживаемой в настоящее время рядом видных современных историков и лингвистов, праславяне после их обособления заняли пространство между Одером и средним течением Днепра. Праславянские племена того времени входили в археологическую культуру шнуровой керамики или боевых топоров. Ландшафтная зона славянской прародины — лиственные леса Центральной и Восточной Европы с их реками, поймами и болотами.

Как свидетельствуют археологические и лингвистические данные, выделение праславяни из индоевропейской семьи произошло в середине III тыс. до н. э.¹ Праславяне постепенно расширяли свою территорию — на восток и северо-восток. К началу I тыс. до н. э. восточной границей праславян, как полагают некоторые исследователи, была линия, проходящая по рекам Ясельда — Припять — Горынь².

Западная часть Полесья с момента освоения территории и примерно до середины I тыс. до н. э. представлена стржижовской археологической культурой и позже, примерно с XV в. до н. э. — тшцинецко-комаровской, существовавшей до XII в. до н. э. Эквивалентом этой культуры в восточной части правобережного Полесья и на левобережном была сосницкая археологическая культура. Население тшцинецко-комаровской культуры занимало большие пространства в Центральной и Восточной Европе, простираясь от Среднего Поднепровья на востоке до Одера на западе. Южная граница шла вдоль северного склона Карпат, а северная — по Припяти³. Памятники тшцинецко-комаровской и Сосницкой культур найдены на территории Украинского Полесья — на правом берегу Припяти, по обеим сторонам Десны.

В конце II тыс. до н. э. в среде племен тшцинецко-комаровской и сосницкой культур усиливается этнокультурная дифференциация, в результате чего появляются новые этнические объединения. На больших пространствах Восточной Европы — от Эльбы на западе, среднего Дуная на юге, реки Горынь на востоке и Припяти на севере — появ-

ляется новая археологическая культура — лужицкая, существовавшая на этих землях до V в. до н. э. Она относится к эпохе поздней бронзы и раннего железа⁴.

Тем временем в восточной части правобережного Полесья, занятого балтами, развилась милоградская археологическая культура, а в бассейне Десны — юхновская⁵. К этой же эпохе относится и зарубинецкая культура⁶. К I в. н. э. племена зарубинецкой культуры продвинулись вдоль Днепра приблизительно до параллели Могилева, а по Десне — вплоть до ее верховьев. Памятники зарубинецкой культуры известны на всем Полесье. Особенно много обнаружено их в верхнем течении Припяти, по берегам правых ее притоков — Стыри, Горыни, Случи, в верховьях Десны и других местностях. Все они относятся к последним векам до н. э. и первым векам I тыс. н. э.⁷ Зарубинецкие племена, скорее всего, были непосредственными предками славян.

Появление несомненно славянских памятников относится к VI в., когда в южных районах Полесья — к югу от Ясельды и Припяти — появляются древности, связанные с культурой пражского типа и ее локальных вариантов — типа Корчак⁸.

Процесс славянской колонизации не охватывал еще в то время всю географическую область Полесья. Естественным рубежом между славянами на юге Полесья и балтами на севере являлась Припять, на левобережье которой встречаются только единичные памятники культуры типа Корчак. Расселение славян в северных районах Полесья началось после VII в., причем предполагается, что мигранты являлись уже представителями восточнославянской языковой группы⁹.

В северных районах Полесья в то время были распространены памятники других культур, среди которых прежде всего выделяются колочинская и тушемлинско-банцеровская группировки, а также древности летто-литовских и пруссо-ятвяжских племен. Так же как пражско-корчакская, все эти культуры распространялись на Полесье в VI—VIII вв. только в своих пограничных областях¹⁰.

Постепенно, начиная с VI в., в области распространения культур типа Тушемля — Банцеровщина — Колочин (включая и северные районы Полесья) начинают проникать и несомненно славянские культурные элементы¹¹. Однако проникновение славянских древностей в северные районы Полесья и остальной Белоруссии еще не привело в VI—VII вв. к славянизации там местного балтского населения. Очевидно, процесс ассимиляции балтов начал осуществляться позже, когда славяне начали переселяться на земли

к северу от Припяти и Днепра более мощными миграционными потоками. В конце VII в. и на рубеже VII—VIII вв. прекращают свое существование поселения, относящиеся к культуре Тушемля — Банцеровщина — Колочин, что явилось, по мнению Д. Мачинского, свидетельством «передвижения с юга и запада исторических славян»¹².

Распространение в южных районах Полесья одной из ранних славянских культур дает некоторые основания для определения этих районов как северо-восточной периферии области славянской прародины¹³. Существовавшая ранее концепция определения всего Полесья как центральной области прародины славян в настоящее время нуждается в более фундаментальной аргументации.

Многие исследователи рассматривают область прародины славян в более широких географических границах — от Одера до Среднего Днепра, включая и южные районы Полесья, хотя по-прежнему существуют и иные точки зрения¹⁴. В целом же суммарные лингвистические и археологические данные по Полесью позволяют считать, что его южные районы все же входили в область формирования славянской общности в VI—VII вв.

Этническая ситуация, сложившаяся в VIII—X вв. в северных областях Полесья, характеризуется еще более сложными процессами взаимодействия различных этнических культур. Это прежде всего объясняется неуклонным процессом продвижения славян на земли к северу от Припяти и ассимиляцией ими балтского населения. Древнейшие славянские памятники на левобережье Припяти относятся еще к VI—VII вв. и концентрируются в районе Туровщины. К VIII в. специфические славянские курганы с трупосожжением и характерной керамикой были распространены уже и в некоторых крайних северных районах Полесья — в верховьях Случи и Оресы. Наиболее компактные группы таких памятников выявлены археологами в поречье Днепра, между Припятью и Березиной и бассейне Брагинки, что позволило исследователям наметить путь массового передвижения славян (а точнее — уже восточных славян) в южные области Белоруссии, в том числе и на Полесье. Основными славянскими группировками, которые вступили в теснейший контакт с балтами на землях Полесья и ряда смежных областей, были волыняне и дреговичи. Полесские области не были основными районами расселения волынян и дреговичей, эти восточнославянские этнические объединения заселяли более обширные земли Восточной Европы¹⁵. Область наибольшей* распространения курганов волынян приходится на междуречье Буга и

Горыни и далее на юг. В то же время полесские группы волынян имели некоторые локальные особенности в ряде элементов культуры, которые несколько отличали их от культуры волынян более южных областей¹⁶.

Северными соседями волынян были дреговичи. Центром дреговичской земли выступали полесские области с городами Туров и Пинск. Дреговичская территория граничила на севере с полоцкими кривичами, на юге — с волынянами-бужанами и древлянами, на востоке — с радимичами, а на западе она распространялась вплоть до Литвы и Подляшья. «Повесть временных лет» называет дреговичской территорией обширную географическую зону между Припятью и Западной Двиной¹⁷.

Вся территория дреговичей по деталям погребального обряда и вещевому инвентарю курганов членится на два локальных ареала — северный и южный¹⁸. Причем особенности южного ареала (поречье и правобережье Припяти) имеют значительные аналоги с древностями волынян, древлян и полян, т. е. тех полесских славянских группировок, которые совместно с дреговичами являлись наследниками локального варианта пражской культуры и именно типа Корчак. Подобное членение дреговичского ареала было отмечено также некоторыми исследователями по данным антропологии и лингвистики¹⁹.

Соседями дреговичей и волынян были древляне. Границы ареала их расселения проводятся исследователями по Припяти (между Горынью и Ствигой)—на севере, по Случи — на западе, по верховьям и средним течениям Тетерева, Ужа,

Желони и Словечны — на востоке и юго-востоке

На северо-восток и восток от древлян в конце I — начале II тыс. н. э. проживали восточнославянские этнические объединения радимичей и северян. Они занимали крайние восточные области всего обширного физико-географического региона Полесья.

На юго-восток от древлян была расположена славянская группировка полян. Название «поляне» не было, очевидно, единственной этнонимической формой, обозначающей эту этническую группировку восточного славянства. Известное Вергинским анналам (под 839 г.) название народа «Рос»²¹ относится многими исследователями именно к полянам²². В IX—X вв. это название, правда уже в несколько измененной форме — «Рус» («Русь»), было стабилизировано на землях полян, которые по существу первыми из восточнославянских объединений стали называться «Русью» и «русамии» («русичами» и т. п.). Об этом обстоя-

тельстве свидетельствует и древняя летопись, гласящая: «Поляне, яже ныне зовемая Русь»²³. Однако постепенно, в X—XII вв., по мере этнической интеграции восточных славян вокруг области Среднего Поднепровья в рамках формирующейся древнерусской народности название «русь» («руссы», «русичи», «русины») начинает распространяться на все восточнославянские земли, приобретая при этом форму политонима, а затем и этнонима. В качестве этнонима название «Русь» сохранилось и в период феодальной междоусобицы XII—XIII вв., а также в последующие времена.

В XIV—XVI вв. на землях Восточной Европы, в том числе и на Полесье, сказалось действие новых политических, социально-экономических, этнических процессов, одним из результатов которых явилось складывание трех восточнославянских этнических общностей — русской, украинской и белорусской народностей. Процессы этнообразования этого времени прямым образом затронули земли и население полесского региона, в пределах которого пришли во взаимодействие объединительные тенденции, ориентированные главным образом на внеполесские территории Белой и Черной Руси на севере, а также Галицко-Волынской Руси и Чернигово-Киевской — на юге. Начало политическому сближению части восточнославянских земель и постепенному объединению их в составе Великого княжества Литовского положили исторические события XIII в. — ордынская экспансия с востока и агрессия немецкого Ордена с запада. В этот период начала осуществляться переориентация экономических связей и политических взаимоотношений в пределах всей Восточной Европы. На роль гегемона в объединении западной части восточнославянских земель (включая и Полесье) претендовали прежде всего — усилившиеся к этому времени Галицко-Волынское княжество и Великое княжество Литовское. Еще в XIII в. в состав последнего были включены ряд восточнославянских северополесских и приполесских земель с центрами в Новогрудке, Слоиме, Волковыске, Гродно, Турийске, Здитове, Каменце²⁴. Князья западной Руси стремились превратить Литву в союзника. К этому союзу стремились и литовские правители, поскольку он давал им значительный потенциал в противоборстве с Орденом, а также с ордынцами, набеги которых доходили даже до Литвы²⁵.

Пострадали от ордынского нашествия в XIII в. и полесские земли. Татары уничтожили ряд городов Полесья и смежных территорий. Ослабление разрозненных восточнославянских, в том числе и полесских, княжеств и земель

дало возможность литовским и союзным с ними восточнославянским феодалам включить и эти земли в состав единого государства.

Борьба Галицко-Волынского княжества с Великим княжеством Литовским, происходившая с переменным успехом, окончилась победой последнего. В 40-х годах XIV в. значительная часть земель Галицко-Волынского княжества (включая и полесские территории) уже входила в состав Великого княжества Литовского²⁶. Другая часть земель Галицко-Волынского княжества, а также некоторые города Полесья, например Любомль, Ратно, Камень-Каширский, и западная смежная часть Волыни в это же время были оккупированы поляками. На этой территории было создано Владимирское княжество, которое до 1366 г. находилось в составе Польского королевства. В целом уже во второй половине XIV в. все земли Полесья наряду с другими восточнославянскими областями были включены в состав одного государственного полиэтничного объединения — Великого княжества Литовского²⁷.

Полесские территории совместно с удельными княжествами (Кобринским, Туровским, Пинским, Слуцким, Клецким и Мстиславским) входили в то время в состав Виленского и Трощского воеводств, Киевской, Волынской и Чернигово-Северской земель. Во второй половине XVI в. (1569 г.) северная часть полесских земель была включена в состав Берестейского, Минского и Мстиславского воеводств, оставшихся в составе Великого княжества Литовского. Другая, южная, часть полесских территорий, а также Подляшье (организованные в Киевское, Волынское и Подляшское воеводства) вышла из-под юрисдикции Великого княжества и была насильственно инкорпорирована к Польской короне.

Люблинская уния 1569 г. определила потестарно-политическое членение Полесья на его «литовскую» и «польскую» части, разделенные некоторой автономией, но объединенные в рамках нового государственного объединения — Речи Посполитой. Однако, несмотря на изменившуюся политическую ситуацию, этнокультурное единство полесского восточнославянского населения сохранялось. Этническое родство восточного славянства проявлялось в общности предшествующих исторических судеб, формах самосознания, в культуре, конфессиональном признаке, языке и т. д.

Современники событий тех лет отмечали, что язык «русских» используется в Великом княжестве Литовском шире, нежели языки других населявших его народов²⁸. На

этом языке разговаривали князья литовские и литовская феодальная знать. Большое количество грамот, наказов, списков, привилеев и других актов документов государства писались на «руськом» языке во времена Александра Ягеллончика и Сигизмунда III Вазы²⁹. Все это позволяет утверждать, что древнебелорусский и древнеукраинский языки выступали на землях Белоруссии и Украины в качестве официальных. Правда, на землях Украины и украинской части Полесья начиная с 1569 г. такую же роль стал играть еще и польский язык (в Белоруссии, белорусской части Полесья, а также в Литве и Жмуди польский язык стал официальным и общегосударственным только в конце XVII в.).

Наиболее распространенными на землях Полесья в период XIV—XVI вв. были два варианта христианства — православие и католичество. Первое из них было унаследовано с древнерусских времен и уже с X—XIII вв. объединяло большую часть населения Полесья и других областей Украины и Белоруссии на конфессиональной основе. Проникновение католической веры на земли Полесья началось сравнительно поздно — с XIV в. и ограничивалось преимущественно западными районами³⁰. Со стороны правящей верхушки постоянно в той или иной форме поддерживалась ориентация на окатоличивание православного населения, что вело к религиозному противоборству между представителями различных вер.

Подобного рода конфессиональные антагонизмы обладали определенным консолидирующим моментом. Однако они объединяли некоторые группы полесского населения преимущественно на основе религиозного и в меньшей степени этнического (украинского или белорусского) самосознания, хотя борьба за веру и являлась частью борьбы за национальность и самобытность. Поэтому, например, антифеодальные выступления украинского и белорусского (в том числе и полесского) населения в XIV—XVII вв. против классового, национального и религиозного притеснения происходили под лозунгом сохранения традиционной веры и народности.

В 1596 г. в Бресте была заключена уния церковей, согласно которой православные конфессии Белоруссии и Украины попадали под духовную власть понтифика римского и воспринимали определенные догматы католицизма. По мнению некоторых современников событий того времени, уния должна была способствовать «покою посполитого межии разрозненными в вере и праве»³¹. Однако в конце XVI — начале XVII в. уния вызвала только резкий

конфессиональный антагонизм на восточнославянских землях Речи Посполитой.

Несмотря на определенные уступки и привилегии высшей церковной верхушки, в конце XVI — начале XVII в. даже многие представители высших феодальных верхов православного вероисповедания еще не признали церковную унию³². Новая религия вводилась силой. Но и тогда многие униаты сохранили во всех отношениях верность своей прежней православной религии. Сам акт принятия униатства представлял для православного населения ломку традиционных воззрений, а в условиях предшествовавшего поликонфессионализма и относительной свободы вероисповедания являлся еще своеобразным посягательством на основы предшествовавшего образа жизни, который включал в себя уже сформировавшуюся этническую стереотипность языковых, культурных, бытовых и конфессиональных норм.

Большинство православного населения Белоруссии и Украины не могло смириться с подобной политикой правительства и местных властей. Наиболее ярко национально-конфессиональный антагонизм в Речи Посполитой отразился в ряде городских и крестьянско-казацких восстаний, охвативших значительные части Белоруссии и Украины, и прежде всего полесские земли³³. О некоторых из них до нас дошли сведения летописцев, которые отмечали, что между восставшими и правительственными войсками «была брань великая, вельмы страшная»³⁴.

Восточнославянское население всего полесского региона роднила общность этноисторических судеб. Этногенетическая близость полесского населения была «усилена» общими этнообразовательными процессами, протекавшими в XIV — первой половине XVI в. в рамках единого государственного объединения. В этих условиях процесс этнического формообразования у белорусов начал тесным образом взаимодействовать с аналогичными процессами в пределах соседних полесских территорий Украины. В результате на всем протяжении пограничных полесских зон образовались районы со смешанными этническими признаками, одни из которых были ориентированы больше на белорусов, другие на украинцев.

Этническая самостоятельность и культурно-языковая значимость белорусского и украинского элементов в составе полиэтнического государственного объединения подтверждается также длительным существованием в Полесье и других областях Белоруссии и Украины древних восточнославянских этнонимов с корнем «рус» — «русины»,

«руси», «русичи», «руси», «русские», «русскио»—и этнического топонима «Русь».

Определенная этнонимическая дифференциация восточнославянского населения Полесья выражалась в XIV—XVI вв. в том, что украинцы, например, называя себя «русинами», часто определяли белорусов как «литвинов», а последние в свою очередь, считая себя «русинами», под эт-никами «волыняне», «черкасы», «казаки», «подоляне» подразумевали украинцев.

Однако в глазах иноэтнических соседей и те и другие представлялись как народ с единым языком, культурой, религией, самосознанием и с общей этногенетической основой³⁶.

В то же время шляхетское сословие Белоруссии и Украины попало под ассимиляционные процессы со стороны поляков. В основе этих процессов лежали социальные факторы сословной интеграции шляхты на идеологическом, юридическо-правовом, конфессиональном и языковом уровнях, в результате которой феодальные верхи Белоруссии и Украины постепенно ополячивались. Только некоторая часть шляхетского сословия (главным образом средняя и мелкая шляхта) сохраняла еще в XVII в. в своем быту традиционные этнические элементы. Знаменательно, что уже в конце XVI — начале XVII в. в оценке многих современников белорусские и украинские магнаты, которые совместно с польскими отрядами подавляли антифеодальные крестьянско-казацкие выступления антикатолического и антипольского характера, названы общим определением «ляхи»³⁶.

Различные сословие-социальные группы полесского городского и сельского населения XIV—XVI вв., несмотря на изменчивость конфессиональной ситуации, по-прежнему продолжали сохранять традиционные этнические черты, которые выражались в родном языке, культуре, самосознании. Мало того, крестьяне, мелкая шляхта и другие служилые сословия, а также мещане и городские низы отстаивали свою самобытность и «старину» с оружием в руках, выступая под знаменами антипольского и антикатолического движения.

Этносоциальные процессы XIV—XVI вв., связанные с интеграционными и консолидационными факторами, обуславливали появление в культуре и языке некоторых групп полесского населения ряда полиэтнических элементов и новаций. К ним относились как новые или качественно изменившиеся элементы культуры и языка местного происхождения, так и иноэтнические заимствования от сосе-

дей или из общеевропейского фонда того времени. Наибольшее количество новообразований относится преимущественно к XVI в., тогда как предшествовавшие столетия характеризовались в большей степени продолжением древних традиций западнорусских земель. Так, в течение XVI в. в белорусский и украинский литературные языки проникает ряд элементов латинского, польского происхождения и др. То же наблюдалось в культуре и быту, особенно в тех сферах, которые были связаны с производственной деятельностью крупных феодальных хозяйств, цеховых организаций в городах, с международной торговлей, книгопечатанием, образованием, искусством и т. д.

Период XVII—XVIII вв. был одним из наиболее тяжелых этапов этнической жизни украинского и белорусского народов. Процессы этнического развития и стабилизации были приостановлены и нейтрализованы рядом внешне- и внутривитических факторов, оказавших крайне негативное воздействие на внутриэтническую консолидацию полесского населения в рамках белорусской и украинской народностей. Усилившаяся феодально-крепостническая эксплуатация и национально-религиозные притеснения основной массы населения — крестьян и горожан — вызвали обострение классово-национальных противоречий в феодальном обществе всей Речи Посполитой, и прежде всего в Белоруссии и на Украине.

Нарастание шляхетско-магнатского произвола и колонизаторская политика правящей верхушки Речи Посполитой в XVII—XVIII вв. были неодинаково восприняты различными представителями феодального общества. Это определило полярный характер некоторых внутриэтнических процессов этого периода.

Шляхетское сословие Белоруссии и Украины, которое в целом поддерживало феодальную политику правительства в отношении трудящихся масс, желая сохранить свои привилегии и укрепить внутрисословное положение, все больше и больше отмежевывалось в этническом смысле от своего народа. Ориентируясь на польскую шляхту и не желая ни в чем от нее отставать, «шляхетский народ» в своей основной массе был в XVII в. полонизирован. Полесская шляхта совместно с остальной белорусской, украинской и польской составляла своеобразную узкосословную метаэтнополитическую общность Речи Посполитой, основу которой образовывали компоненты польской шляхетской культуры, включая язык, конфессиональный признак и самосознание.

Заметной противоположностью характеризовались этносоциальные процессы, протекавшие в XVII—XVIII вв. в среде основной части этнических массивов белорусского и украинского народов — крестьян и горожан. Крестьянство, различные социальные группы горожан, а также значительная часть православного духовенства, мелкой и частично средней шляхты оказывали полонизации активное сопротивление. В силу этого членение украинской и белорусской (в том числе и полесской) культуры на культуру народных масс и культуру господствующих сословий стало приобретать ярко выраженную этническую направленность, при которой именно народные массы сохраняли традиционность этнической специфики.

В то же время эволюционный характер этносоциальной динамики в рамках основных частей белорусской и украинской народностей на протяжении XVII—XVIII вв. часто, а подчас и весьма значительно нарушался из-за негативных демографических процессов. Так, одной из форм сопротивления полесского населения усилению феодального гнета и политике ополячивания было бегство крестьян от своих феодалов в Россию, в Запорожскую Сечь. Нередко среди эмигрантов оказывались выходцы из центральных и западных районов Полесья³⁷. Спасаясь от невзгод, невзирая на расстояние, жители Полесья уходили на земли Левобережной Украины и нижнего Поднепровья, где пополняли ряды Запорожского казачества³⁸, осваивали новые земли, занимались ремеслом и торговлей.

Во второй половине XVII — в XVIII в. политическая обстановка на Полесье усложнялась борьбой Речи Посполитой с Крымским ханством. Крымские татары в своих набегах доходили до ряда городов южного Полесья³⁹. Этот регион являлся ареной освободительной войны середины XVII в. В 1706 г. через западные земли украинско-белорусского Полесья прошли шведы во главе с королем Карлом XII, оставив после себя большие опустошения⁴⁰.

Некоторая стабилизация численности населения и уменьшение количества миграций наметились к середине XVIII в., однако во второй половине XVIII в. численность мигрантов вновь возрастает, правда, это были уже в основном обратные или же внутренние миграции. Новые миграционные волны прошли по полесским землям после первого раздела Речи Посполитой 1772 г. В присоединенные к России восточные районы Полесья начался приток беженцев из западных и центральных земель. За 1790—1792 гг. из центральной и западной частей полесских земель в восточную бежали сотни крестьян мужского пола⁴¹. После сле-

дующих разделов Речи Посполитой (1793, 1795), в связи с административными мероприятиями царизма, имел место и обратный процесс — движение населения из России в полесские районы Белоруссии и Украины⁴².

Многочисленные миграции, а также резкие колебания численности полесского населения во второй половине XVII—XVIII в. заметно сказались на ослаблении земляческих связей. Постепенное их ослабление на протяжении XVII—XVIII вв. компенсировалось более активной консолидацией населения на уровне локальных административных единиц и прежде всего — волостей и поветов. В это же время появляется и начинает активно распространяться историко-этнографическое этнонимическое определение «полешуки»⁴³.

Аналогично другим названиям земель Белоруссии и Украины топоним «Полесье» появляется на страницах древних документов гораздо ранее XVII в. Впервые он был упомянут в летописи по Ипатьевскому списку под 1273 г., а исторические источники XVI—XVII вв. уже широко используют его для обозначения территорий бассейна Припяти и ряда смежных земель⁴⁴. И в то же время, когда на землях Верхнего Подвинья и Поднепровья появляется и распространяется этнонимическое определение «белорусцы», на землях Полесья возникает аналогичное по происхождению наименование «полешуки».

Возникновение самостоятельного этнического и топонимического определения в пограничных областях Белоруссии и Украины, характеризующихся смешанными формами этноопределяющих признаков, позволяет назвать эту область историко-этнографической с чертами субэтноса.

Динамика этносоциального развития населения каждого из трех крупнейших регионов историко-этнографической области Полесья — Белорусского, Волынского и Задеснянского в конце XVIII — первой половине и середине XIX в. определялась специфическими комплексами факторов, и поэтому темпы и содержание этих процессов были различными.

В 1793—1795 гг. территория Белорусского Полесья, на которой проживало около 470 тыс. чел.⁴⁵, была включена в состав Российской империи. Это событие существенно изменило многие стороны общественной жизни: началось распространение русского языка в системе образования и делопроизводства, по общегосударственному образцу проведено административное деление, налоговое обложение, введена рекрутская повинность. В то же время экономическое и культурное господство польских феодально-

клерикальных кругов не было сломлено, католическая и униатская церкви сохранили свое господствующее положение.

В этот период и в последующие десятилетия развитие социальной и культурной сфер жизни населения Полесья происходило под воздействием борьбы между российским самодержавием и польскими феодально-клерикальными кругами. Наибольшей остроты она достигла в конфессиональной сфере. В начале XIX в. царизм существенно не ограничивал деятельность католического и униатского духовенства. Тем не менее в восточном и центральном Полесье сразу же после его вхождения в состав Российской империи начался массовый переход униатов в православие. В западном — как и на большей части остальной территории Белоруссии — униатство ликвидировано в 1839 г. После подавления восстания 1831 г. царское правительство предприняло ряд реформ. Польский язык был исключен из употребления в делопроизводстве и образовании, отменено действие Литовского статута, осуществлены меры по подрыву экономического господства польской аристократии. Эти мероприятия существенно ограничили сферу функционирования польскоязычной культуры, хотя польский язык по-прежнему оставался основным языком литературы и был широко распространен среди шляхты, интеллигенции, части мещанства и даже перешедшего в православие бывшего униатского духовенства.

Состояние источников конца XVIII — первой половины XIX в. не позволяет в полной мере проследить динамику этнической ситуации в Полесье в этот период. Относительно достоверные сведения появляются только на рубеже 50—60-х годов⁴⁶. В это время здесь проживало около 580 тыс. чел. Подавляющее большинство населения восточного и центрального Белорусского Полесья, т. е. Речицкого, Мозырского и Пинского уездов составляли белорусы «полешуки». Иноэтническое население было относительно немногочисленным. В то же время западная часть Белорусского Полесья отличалась значительным разнообразием, возникшим вследствие развития процессов польско-белорусско-украинского этнокультурного взаимодействия. Юго-запад Пружанского, почти весь Кобринский и Брестский уезды составляло многочисленное — до 120 тыс. чел. население, которое именовали «полешуками», «бужанами» и пр. На остальной территории 52 тыс. чел. называли «белорусами-литвинами», 42 тыс. чел. коренного населения называло себя «русинами», «рускими». Довольно много-

численными были также иноэтнические группы — поляки, евреи, немцы.

Динамика этносоциального развития населения Волынского Полесья в целом аналогична Белорусскому. Вместе с тем в силу меньшего вовлечения в припятскую торговлю темпы урбанизации здесь были значительно меньшими, чем в Белорусском Полесье. Сказывалось также и то, что со второй половины XVI в. Волынское Полесье непосредственно входило в состав Польского королевства. Степень влияния польской культуры здесь была значительней, более широкий размах имело и восстание 1831 г.

К началу 60-х годов XIX в. на территории Волынского Полесья (Владимирского, Ковельского, Луцкого, Ровенского и Овручского уездов Волынской и Радомышльского уезда Киевской губернии) проживало около 750 тыс. чел.⁴⁷ Большую часть населения (67%) составляли украинцы: около 150 тыс. из них называли себя «полешуками», «полешанами», «полесьянами». Довольно многочисленными были «белорусы-литвины», жители белорусско-украинского пограничья. В Радомышльском уезде они составляли 1/5 всех жителей. Для Волынского Полесья характерна большая сложность этнической ситуации, наличие многочисленных групп иноэтнического населения: поляков (9%), евреев (12 %), немцев, русских, татар, караимов.

Таким образом, для почти что полуторамилионного населения на территории, протянувшейся от Буга до Днепра Белорусского и Волынского Полесья, конец XVIII -первая половина XIX в. стали новым этапом этнической истории. Этносоциальные процессы в этот период развивались под воздействием противоречивых тенденций, пронизывающих все сферы общественной жизни.

В других условиях эти процессы развивались в расположенном в Черниговской губернии так называемом Задеснянском Полесье, которое еще в середине XVII в. в составе Левобережной Украины было воссоединено с Россией. Расположенное на стыке границ трех восточнославянских этносов, Задесенье отличалось специфическим этническим составом населения. Большую его часть составляли украинцы (74 %), на северо-западе проживало многочисленное белорусское, а на северо-востоке — русское население. Представители трех этносов образовывали как гомогенные моноэтнические, так и полиэтнические поселения. При этом быстро развивались интенсивные процессы межэтнической интеграции. Характерно, что украинцы, жившие южнее Задесенья, называли «литвинами» не только белорусов, но и все население этой территории.

Особенностью региона была малочисленность групп невосточнoславянскогo иноэтнического населения.

На рубеже 50—60-х годов XIX в. процессы консолидации белорусского этноса в нацию буржуазного типа находились в стадии зарождения, а украинского — были далеки от завершения. В этих условиях экономическая отсталость и хозяйственная обособленность Полесья в целом способствовали консервации у большей части его населения пережиточных архаических форм культуры и быта.

ПОЛЕСЬЕ В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА

Развитие этносоциальных процессов на Полесье во второй половине XIX — начале XX в., определялось утверждением капиталистических отношений во всех сферах экономики, формированием новой классовой структуры. Полесье по темпам развития капитализма значительно отставало от южных районов Украины и северо-запада Белоруссии, что было связано с исторически сложившейся отсталостью края, господством мелкотоварного производства и неразвитостью транспортных связей.

Основу экономики региона составляло сельское хозяйство. Изменение рыночной ситуации, особенно начиная с 80-х годов, привело к трансформации его отраслевой структуры, постепенному изменению специализации. В Белорусском Полесье ведущей отраслью становится животноводство молочного и мясного направления. По количеству крупного рогатого скота на единицу посевной площади Пинский уезд в конце XIX в. занимал первое место в Белоруссии⁴⁸. В Волынском Полесье при сохранении зерно-водческого характера сельскохозяйственного производства все большее значение приобретало разведение технических культур — сахарной свеклы, хмеля. Аналогичную структуру имело сельское хозяйство Полесья Черниговской губернии — Задесенья. Здесь развивалось товарное овцеводство, ориентированное на местную промышленность. Для всего региона было характерно широкое распространение картофеля как технической культуры, а в восточных районах — товарное садоводство и огородничество. Трансформация отраслевой структуры сельского хозяйства сопровождалась переориентацией его в значительной степени на местный рынок — на быстро развивающуюся местную промышленность, растущее население городов и местечек.

Огромную роль в экономической жизни всех частей Полесья играли лесные промыслы. Хищническая эксплуатация лесных богатств края составляла одну из важней-

ших статей доходов помещиков. Лесоразработки давали работу многим тысячам людей, прежде всего местным крестьянам. Так, например, только в 1897 г. в Мозырском и Речицком уездах на лесных промыслах было занято свыше 26 тыс. чел., т. е. около 7 % всего населения⁴⁹.

Промышленный подъем конца XIX в. коснулся и Полесья. Только на Черниговщине в 90-х годах XIX в. возникло 120 новых предприятий⁵⁰. Однако кратковременный подъем не мог преодолеть отсталости экономики полесского региона. В структуре промышленности ведущее место занимали поташное, винокуренное, сахарное, фарфоро-фаянсовое, суконное, деревообрабатывающее и другие виды производства, ориентированные на местную сырьевую базу. Спичечные фабрики Мозыря, Речицы и Пинска в начале XX в. производили около 55 % всей спичечной продукции Белоруссии⁵¹.

В Волынской губернии работало 19 стекольных и 5 фарфоровых предприятий, большое количество поташных заводов. До открытия руды и угля Донбасса металлургия Украины была сосредоточена на Полесье. Здесь начал складываться отряд рабочего класса⁵².

Большое значение имело развитие текстильной промышленности Задесенья. Среди большого количества мелких льнообрабатывающих, полотняных и суконных предприятий были и крупные. Продукция фабрики в Клинцах Черниговской губернии составляла 71 % всего суконного производства Украины.

Рост товарности сельскохозяйственного производства, развитие промышленности, движение населения и рост городов были тесно связаны со строительством путей сообщения. В середине 80-х годов территорию Полесья пересекли линии Либаво-Роменской, Вильно-Ровенской и Полесской железных дорог, что способствовало развитию экономических связей как внутри региона, так и со все-российским рынком. Центрами экономической жизни становились крупные города, расположенные на пересечении транспортных магистралей — Пинск, Брест, Ровно, Чернигов и др. Возникают новые — Сарны, Талалаевка и др. Большое значение в развитии товарно-денежных отношений имели местечки, которые во второй половине XIX в. развивались значительно более динамично, чем города. В общей ориентации экономических связей Полесья существовало определенное единство, обусловленное разделением труда в границах все-российского рынка: большая часть продукции деревообрабатывающей промышленности, лесоразработок направлялась в район Среднего и Нижне-

го Поднепровья, откуда поступала и большая часть необходимого продовольствия⁵³. Вместе с тем локальные рынки Белорусского Полесья прямо или при посредстве более крупных рыночных объединений — пинского, гомельского, брестского — в развитии товарных связей все больше ориентировались на Минск — центр формирующегося белорусского национального рынка. Аналогичные тенденции, только с ориентацией на Киев как центр украинского национального рынка, характерны для Волынского и Черниговского Полесья. Дифференциация направленности экономических связей в конечном счете и обусловила разграничение сфер действия консолидационных процессов белорусского и украинского этносов в Полесье.

В то же время необходимо учитывать, что степень проникновения товарно-денежных отношений в регионе была относительно небольшой. В начале XX в. по величине торгово-промышленного оборота на душу населения Полесье занимало последнее место в Европейской части Российской империи⁵⁴. Основными поставщиками товарной продукции сельского хозяйства были помещики. Удельный вес аграрной буржуазии (кулачества), хотя и постоянно возрастал, тем не менее был относительно небольшим. Преобладающее большинство населения Полесья — от 75 до 84% составляли крестьяне, хозяйство которых носило мелкотоварный, а нередко и натуральный характер. В товарные отношения в той или иной степени, наряду с жителями городов и местечек, активно вступало лишь население, жившее в непосредственной близости от железных дорог, судоходных рек. Вдали от них товарное производство носило ограниченный характер. Эти особенности развития экономики Полесья обусловили консервацию архаических черт культуры и быта, существенно задерживали развитие консолидационных процессов.

Относительно замедленно на территории Полесья шел процесс формирования новой социальной структуры. Здесь в значительно больших масштабах, нежели в других регионах Белоруссии и Украины, существовала полукрепостническая отработочная система, тормозившая расслоение крестьянства. Тем не менее этносоциальный состав населения Полесья к концу XIX в. принципиально не отличался от всей Украины и Белоруссии. В деревне экономическое господство продолжали сохранять помещики, преимущественно поляки. Из зажиточного крестьянства, мелкой шляхты формировалась многочисленная аграрная буржуазия, состоявшая преимущественно из белорусов и украинцев, в Волынском Полесье — также из немцев-колонистов.

Существенно ускорило развитие процесса классовообразования в деревне проведение столыпинской аграрной реформы. В Волынской губернии, которую царская администрация хотела превратить в край образцового хуторского хозяйства, реформа привела к разорению многих крестьян. В результате реформы численность бедняцких хозяйств достигла 64,3%, кулацких — возросла до 16,5%⁵⁵. Пролетарские и полупролетарские массы составляли большую часть сельского населения, удельный вес середняков постоянно сокращался. Из разорившихся крестьян, ремесленников, мелких торговцев формировался промышленный пролетариат, характерной особенностью которого была полиэтничность состава. Большая часть рабочего класса была распылена по небольшим предприятиям, расположенным вне городов. В то же время в некоторых крупных городах концентрация пролетариата была довольно высокой. В Пинске, например, в 1913 г. рабочие составляли 16% населения города, а за счет притока рабочих население Чернигова увеличилось по сравнению с 1861 г. в 2,5 раза⁵⁶. Увеличивалось население и мелких городов (Речица, Костополь, Сарны, Свесы). Одновременно формировалась промышленная буржуазия, состоящая в основном из представителей иноэтнических групп населения. Большое влияние на развитие этносоциальных процессов оказало общероссийское революционное движение. В 70—80-х годах во многих городах Полесья возникают народнические кружки. А с конца XIX в. главную роль в революционном движении начинает играть рабочий класс, руководимый социал-демократической рабочей партией. Здесь распространяются сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, газета «Искра», действовали социал-демократические группы и организации. В 1904 г. по инициативе В. И. Ленина организуются Полесский и Северо-Западный комитеты РСДРП. В годы первой буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. революционное движение полесского пролетариата приобрело еще больший размах. Царское правительство вынуждено было ввести военное положение в Волынской губернии, а Черниговская губерния находилась под усиленной охраной до 1913 г. Национально-освободительное движение в силу относительной отсталости и изолированности Полесья получило здесь значительно меньший отклик, чем в других регионах Белоруссии и Украины. Политика царского самодержавия, направленная на принудительную русификацию коренного населения Полесья, негативно отражалась на развитии консолидационных процессов.

Вследствие развития экономики усилились миграционные процессы. Крестьяне Полесья занимались отхожими промыслами и отправлялись на заработки в качестве сельскохозяйственных рабочих в южные районы Украины. В. И. Ленин относил Черниговскую губернию к числу главных районов выхода сельскохозяйственных рабочих⁵⁷. Тысячи выходцев из Полесья поглощали Донецкий и Криворожский промышленные районы⁵⁸. Многие из них становились кадровыми рабочими.

Значительное влияние на миграционные процессы имела политика царизма. Осуществлялось переселение в Сибирь, Дальний Восток, европейские губернии России. Особенно широкий размах это движение приобрело на Волыни и Черниговщине. С 1896 по 1909 г. с Волынской губернии переселилось в Сибирь 40 392 малоземельных и безземельных крестьянина из Черниговской за 1906—1911 гг. — более 155 тыс.⁵⁹ Многие переселенцы не смогли устроиться на новых местах, возвращались обратно.

Характерным для Полесья в пореформенный период было поселение здесь колонистов — немцев и чехов. Согласно переписи 1897 г. на Волынском Полесье проживало около 92 тыс. немцев и 12 тыс. чехов. Особенно высок удельный вес колонистов был в Ровенском (9 %), Луцком (12,7% всего населения), уездах. В Белорусском Полесье их было значительно меньше — 572 чеха и 990 немцев⁶⁰. В отличие от немецких колонистов, чехи быстро ассимилировались коренным населением. Основная часть колонистов принадлежала к крестьянскому сословию.

Незначительную часть населения составляли татары⁶¹ (0,03 % во Владимирско-Волынском до 0,38 % в Луцком уезде). В 1897 г. на лесоразработках Пинского уезда работало около 4 тыс. латышей⁶². В целом по региону мигранты составляли около 10 % населения. Миграционные процессы привели к незначительному уменьшению доли белорусского и украинского населения, увеличению численности русских, поляков и т. д. Обмен этнокультурной и социальной информацией вел к усилению межэтнических культурно-бытовых контактов.

На развитие этносоциальных процессов большое воздействие оказывает динамика численности населения. В 1897 г. в Белорусском и Украинском Полесье проживало примерно 3815 тыс. чел., а в 1913 г. — 5143 тыс. чел.⁶³. Во второй половине XIX в. население быстрее всего росло в центральной и восточной частях Белорусского Полесья. В Мо-зырском уезде оно, например, увеличилось в 2,5 раза (самый высокий прирост в Белоруссии). На остальной тер-

ритории Белорусского и в Волынском Полесье — удвоилось В Задесеньи, вследствие значительных масштабов переселенческого движения, темпы прироста, за исключением Суржского уезда, были почти в два раза ниже общерегиональных. В начале XX в. темпы прироста по отдельным частям Полесья выравниваются. Однако в восточной белорусской части они были несколько выше. Естественный прирост по уездам Волынского Полесья был выше на 1 %, чем в среднем по губернии.

Тяжелым испытанием для населения Полесья стала первая мировая война. Практика конфискации в прифронтовой полосе, военные действия и мобилизация привели к подрыву всей экономики Полесья. Огромных масштабов достигли миграции — потоки беженцев перемещались в глубь страны, началось массовое выселение немецких колонистов. Это привело к резкому сокращению численности населения. Однако на Полесье, как и раньше, сохранялась многонациональная структура населения с преобладанием украинцев и белорусов.

Проникновение товарно-денежных отношений, развитие миграционных процессов обусловили появление новых элементов в материальной и духовной культуре коренного населения. Значительные изменения произошли в традиционном жилище и одежде, в быту, семье, особенно вблизи крупных городов, железных дорог. Особую роль в этом сыграла сильная миграция мужского населения, перемещения населения из села в город. При сохранении традиционных норм жизни в крестьянских семьях появляются ростки новых отношений, разрушается исторически сложившаяся замкнутость.

Тяга к образованию, рост национальной интеллигенции (в 1897 г. белорусами считали себя 43,5 % чиновников, 56,7 % учителей, 30,6 % врачей)⁶⁴, развитие белорусской и украинской литературы и искусства вели к формированию и укреплению общего национального самосознания, его единства с белорусским и украинским народами. Население Полесья было вовлечено в процессы формирования наций буржуазного типа, межэтнической интеграции.

Однако распространение национального самосознания шло здесь медленнее, чем в других районах Белоруссии и Украины. Одной из причин была низкая грамотность среди местного населения. В 1914 г. грамотное население Волыни составляло лишь 3,6 %⁶⁵. В других районах этот процент был еще ниже. На Полесье не хватало школ.

Вместе с тем Полесье сыграло определенную роль в развитии белорусского и украинского национально-освобо-

длительного движения. В небольшом местечке Давид-Городке организовывались «белорусские вечеринки», ставшие важной формой распространения достижений белорусской национальной профессиональной культуры. На Волыни, Черниговщине работало много любительских кружков, с этим краем связана жизнь и деятельность многих писателей, художников, композиторов. Здесь в начале XX в. возникло общество исследователей Волыни, появились высшие учебные заведения.

В западной части Белорусского Полесья, вовлеченном в орбиту консолидационных процессов, во второй половине XIX — начале XX ст. сокращается доля украиноязычного населения. По данным официальной статистики, с конца 50-х годов до 1897 г. численность населения, относимого по лингвистическим признакам к украинцам, в Пружанском уезде сократилась с 30 тыс. до 9 тыс. чел., а удельный вес — с 36,7 до 6,6 %⁶⁶. Для украинского региона характерно преобладание украинцев, доля которых колебалась от 57 % в Луцком до 78,5 % в Ковельском уездах⁶⁷. Только в Овручском и Новоград-Северском уездах вдоль пограничья преобладали белорусы и русские. Но и здесь происходили ассимиляционные процессы. С конца 50-х годов до 1897 г. удельный вес белорусов сократился с 6,8 % до 0,2 %⁶⁸. Наиболее отчетливо консолидационные процессы проявились в Черниговской губернии — Задесеньи.

На протяжении второй половины XIX в. термин «Полесье» постепенно выходит здесь из употребления, уменьшается былая мозаичность этнического состава населения, четче обозначаются границы этносов. В южной части региона — Черниговском, Городнянском и Сосницком уездах — сложилось гомогенное украинское население. Удельный вес украинцев в Мглинском, Новозыбковском и Стародубском уездах в результате ассимиляционных процессов резко сократился, преобладающим населением здесь стали русские.

В Украинском Полесье русские составляли 2,5 % населения. В промышленные центры Полесья переселились мещане и крестьяне, например в Черниговскую губернию — даже из Самарской, Казанской и Уфимской губерний⁶⁹.

Полиэтнический состав населения создавал предпосылки для межэтнического общения в различных сферах жизни людей. Наиболее ошутимо это общение проходило в производственном быту — на заводах, фабриках, где работали люди различных национальностей. В семейно-бытовой сфере процессы сближения шли медленно. Об этом свидетельствует незначительное бытование межпацио-

ных браков. В конце XIX в. национально-смешанные браки на Полесье не превышали 3 %⁷⁰. Препятствием для них были различия в семейно-бытовом укладе, религиозные нормы и запреты, национальная политика царизма, направленная на разжигание вражды между народами.

Наиболее интенсивно интеграционные процессы развивались в языковой сфере. Для большей части представителей иноэтничных групп — немцев, татар, евреев — был характерен би- и полилингвизм. В восточной части Белорусского Полесья, например, согласно переписи 1897 г., 277 евреев признали родным белорусский, 176 — русский языки.

Специфичным было и развитие этносоциальных процессов в городах и местечках. Численность городского населения постоянно возрастала и в 1897 г. по региону составила 289 тыс., в 1912 — 391 тыс. чел.⁷¹ Удельный вес городского населения к концу XIX в. был выше всего в Белорусском Полесье — 9,4%, в Волынском — 5,7%, а в Черниговском — 8,3%. Для городов Волынского и Белорусского Полесья была характерна тенденция к снижению удельного веса коренного населения.

Таким образом, развитие капитализма, распространение товарно-денежных отношений, миграции способствовали интенсификации и участию населения Полесья в процессах консолидации белорусского и украинского этносов в нации буржуазного типа. Однако вследствие определенной природной изолированности региона, усугублявшейся экономической отсталостью и негативным воздействием политики царизма, этнографическое своеобразие Полесья сохранилось в различных сферах традиционно-бытовой культуры населения. Завершение консолидационных процессов стало возможным только после победы Великой Октябрьской социалистической революции, в годы советской власти.

ПОЛЕСЬЕ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В декабре 1917 г. Украина, а в январе 1919 г. Белоруссия были провозглашены советскими республиками. В 1922 г. обе они вошли в состав СССР. Эти важные политические события позитивно сказались на социально-экономическом и культурном развитии белорусского и украинского народов, ускорили становление и развитие белорусской и украинской социалистических наций.

Объединение в границах БССР этнической территории белорусов, а в границах УССР — этнической территории

украинцев, с одной стороны, углубляло внутриконтинентальные процессы, с другой — в результате размежевания Полесья на Белорусское и Украинское,— способствовало процессам этнической дифференциации.

Этнической консолидации препятствовала территориальная разобщенность полесских земель, значительная часть которых была отторгнута буржуазно-помещичьей Польшей, западное и восточное Полесье оказались в различных социально-экономических условиях.

На территории Полесья, вошедшего в состав БССР и УССР, развернулось социалистическое строительство. В ходе индустриализации на Полесье были построены крупные промышленные объекты: завод сельскохозяйственных машин, стекольный, маргариновый заводы, деревообрабатывающий комбинат, швейная фабрика в Гомеле, спичечная фабрика и льнозавод в Речице, переоборудованы электростанции в Гомеле и Мозыре. За годы первой и второй пятилеток только на Черниговщине было построено 49 новых предприятий, на 60 % увеличилось количество рабочих, занятых в промышленности⁷². Дальнейшему экономическому развитию Полесья способствовал ввод в действие железнодорожных линий Чернигов — Гомель, Чернигов -Овруч и др.

Быстрыми темпами развивалось машиностроение, пищевая, деревообрабатывающая промышленность, а также отрасли, использовавшие местные сырьевые ресурсы (торфяная, стройматериалов, стекольная).

Решающее значение для развития новых этносоциальных процессов на Полесье имели также коллективизация сельского хозяйства, преобразование социальной структуры общества. Эксплуататорские классы были ликвидированы. Ведущее место в социалистическом обществе занял рабочий класс, численность которого неуклонно возрастала. Так, в 1937 г. среднегодовая численность рабочих в Полесской обл. составила 19964 чел., из них в крупной промышленности было занято 13736 чел., в Гомельской обл. соответственно — 49211 чел., из них в крупной промышленности — 42 913⁷³. В Житомирской обл. в 1940 г. действовало 392 промышленных предприятия с 54 тыс. рабочих, а на Сумщине было 8946 предприятий, где работало 140 тыс. чел⁷⁴. С ростом численности рабочего класса происходили качественные изменения в его составе: повышение культурно-технического, профессионального уровня, формирование национальных кадров рабочих. В результате осуществления социалистических преобразований в сельском хозяйстве изменилось и крестьянство. На Поле-

сье, как и в других районах БССР и УССР, интенсивно формировались национальные кадры интеллигенции.

Социально-политические и экономические сдвиги сказались на демографическом развитии Полесья. Индустриализация ускорила рост численности населения городов. Увеличилась подвижность населения. Все большую роль начинали играть миграции, в особенности перемещения сельских жителей. Активизировалось в этот период отходничество. Данные опросных листов по учету сельского населения, выезжающего на промыслы за пределы района, свидетельствуют, например, что за период с 1 октября 1926 по 1 октября 1927 г. по Мозырскому округу насчитывалось 132086, по Гомельскому — 4220 отходников⁷⁵. Сельское население Полесья направлялось на лесоразработки, вывоз леса, сплав его по Днепру и Припяти; на промышленные предприятия Гомеля, Киева, Днепропетровска, на шахты Донбасса. Поток украинского населения направлялся на юг Украины, новостройки России.

В результате социалистических преобразований глубокие изменения происходили в национальной культуре, сознании населения Полесья. Вовлечение в экономическую и политическую жизнь, знакомство с культурой советских народов приводит к ослаблению этнокультурной обособленности полесского населения. Укреплению этнического самосознания белорусов и украинцев Полесья способствовали создание национальной государственности, развитие письменности и образования на родном языке, благоприятные условия для расцвета национальной литературы и искусства. Наряду с развитием национального самоопределения, национальных чувств утверждаются принципы интернационализма, ослабляется локально-этнографическое самосознание⁷⁶. Социалистическая действительность, перспективы развития экономики и культуры укрепили единство как белорусского, так и украинского народов.

Большие изменения произошли в материальной и духовной культуре населения Полесья. Традиционные сельскохозяйственные орудия уступают место машинам, крестьянская одежда интенсивно вытесняется городским костюмом. Постепенно освобождаясь от религиозных элементов, трансформируется обрядность. Развитие промышленности и сельского хозяйства на Полесье придали новый облик городам и селам.

Развитие этнических процессов в западном Полесье происходило в иных условиях. В составе буржуазно-помещичьей Польши западное Полесье (Волинское и Полесское воеводства) осталось аграрной окраиной. В 1931 г.

в Волынском воеводстве в сельской местности проживало 88 %, в Полесском — 87 % населения⁷⁷.

Польское правительство всячески тормозило экономическое и национальное развитие этого региона. На территории западного Полесья промышленность была слабо развита. В сельском хозяйстве господствовало крупное землевладение. Положение беднейших и средних крестьян ухудшилось с проведением земельной реформы, которая была нацелена на осуществление колонизации белорусских и украинских территорий путем создания польских гражданских и военных осад. Только в Волынском воеводстве в 1932 г. общее количество осадников составило 8336⁷⁸. Осадничество оказало существенное влияние на социальную и национальную структуру населения Полесья.

Экономическая отсталость, неграмотность значительной части населения Полесья (в Полесском воеводстве было 50%, Волынском 77% неграмотных), влияние католической церкви способствовали консервации архаичных элементов культуры и быта, господству отсталых форм хозяйствования.

Усиливался политический и национальный гнет. Польское буржуазное правительство проводило колониальную политику, направленную на окатоличивание, ополячивание белорусов и украинцев. Этой цели служили католическая церковь, буржуазная печать. Велась политика по искоренению национальной культуры, родного языка. Белорусские и украинские школы, гимназии закрывали. В 1937—1938 г. во всей Западной Украине осталось только 420 школ с украинским языком обучения. Из 769 общеобразовательных гимназий украинский язык обучения был всего лишь в 24⁷⁹. Польское правительство всячески препятствовало росту белорусской и украинской интеллигенции.

Основную часть населения Волынского воеводства в 1921 г. составляли украинцы (75,4 %), Полесского — белорусы (47 %) ⁸⁰. По данным польской переписи 1931 г. удельный вес украинцев и белорусов в то время сократился. Польские власти преднамеренно завышали численность польского населения и соответственно уменьшали численность белорусов и украинцев. Фальсификация данных о национальном составе западноукраинских и западнобелорусских территорий отражала политику насильственной ассимиляции⁸¹. Польское правительство способствовало эмиграции ¹¹⁸ за океан белорусов и украинцев, и чехов.

Негативные стороны социально-экономического и этнического развития населения Полесья в составе буржуазно-

помещичьей Польши отразились на этническом самосознании, процесс развития которого был весьма сложным и многоплановым. В некоторых случаях этническое самосознание принимало нечеткую форму, заменялось земляческими представлениями. Так, например, в 1931 г. в Полесском воеводстве 707,1 тыс. чел. назвали себя «тутэйшым!», т. е. местными. Необходимо отметить, что по переписи 1921 г. в этом же воеводстве «тутэйшым!» себя назвали всего 38 тыс. чел. В то же время численность белорусов с 1921 по 1931 г. в Полесье «уменьшилась» с 375,2 тыс. до 75,4 тыс. чел.⁸² Все это свидетельствовало также и о сопротивлении местного белорусского и украинского населения политике ополячивания. Показательно, что несмотря на длительный разрыв этнических связей с ядром этноса, массивное наступление на этническое самосознание, ассимиляция охватила наибольшую часть белорусского и украинского населения, главным образом помещиков, шляхту. Широкие народные массы сохранили свою языко-во-культурную специфику, сознавали свое единство с белорусами БССР и украинцами УССР. Этническое самосознание укреплялось под влиянием успехов советской Белоруссии и Украины, а также под влиянием национального движения, охватившего западнополесские земли.

С воссоединением в едином социалистическом государстве население западного Полесья включилось в интенсивные процессы внутренней консолидации этноса, а также в межэтническую интеграцию в масштабах Советского Союза.

В западном Полесье вся общественная жизнь перестраивалась на социалистический лад, быстрыми темпами развивалась промышленность, шло культурное строительство.

Мирный созидательный труд населения Полесья, как и всего советского народа, был нарушен вероломным нападением фашистской Германии на Советский Союз. За годы оккупации фашисты уничтожили на Волыни 165 тыс. чел., в концлагерях Луцка, Ковеля, Владимир-Волынского — 78 тыс. военнопленных, в Ровенской обл. — 159 тыс. чел., вывезли на принудительные работы в Германию из Жито-мирщины 360 тыс., из Черниговщины — 41 тыс. чел.⁸³ Многие города, местечки, сельские поселения обезлюдели. Только в городах Гомельской обл. к моменту освобождения осталось 18 %, в Полесской — 29 % жителей⁸⁴.

* послевоенный восстановительный период в западном Полесье продолжались социалистические преобразования.

Благодаря братской помощи всего советского народа идет быстрое выравнивание экономического и культурного развития западного Полесья, по сравнению с восточными областями БССР и УССР.

В современной этнической ситуации на Полесье все большее значение приобретают процессы межэтнической интеграции. В результате объединительных процессов в быту, образе жизни полешуков появляются общие черты, характерные для других народов Советского Союза. Межэтническая интеграция является магистральной линией взаимодействия народов СССР, именно с ней связано формирование новой социальной и интернациональной общности — советского народа.

Немалая роль принадлежит и внутренней консолидации в пределах БССР и УССР, которая в настоящее время выявляется в усилении социально-культурной однородности белорусской и украинской социалистических наций.

Этническое развитие Полесья нельзя осмыслить без тех огромных преобразований, которые произошли на земле полешуков. Отсталое ранее Полесье за годы советской власти превратилось в крупный индустриально-аграрный район. Индустриальный облик Полесья определяют машиностроительная, металлообрабатывающая, топливная, энергетическая, промышленность строительных материалов. Дальнейшее развитие получает пищевая, легкая и деревообрабатывающая промышленность. Развитие промышленного производства ускорилось в послевоенные годы, особенно с 60-х годов, когда были открыты новые месторождения нефти, бурого угля, калийной и поваренной соли.

Новый импульс получила промышленность, связанная с добычей и переработкой полезных ископаемых, в городах Мозырь, Солигорск, Столин, Микашевичи, Петриков. За последние годы в крупный промышленный центр превратился Чернигов, Житомир, Сумы. В результате проведенной в полесском крае мелиорации только в белорусской зоне Полесья отвоевано у болот свыше 1 млн 200 тыс. га. Одновременно с вводом новых земель решаются социальные вопросы.

Увеличиваются масштабы строительства жилья, школ, детских дошкольных учреждений, больниц, поликлиник, объектов культуры. В связи с этим существенно меняется социальный и культурный облик полесского села, уклад жизни сельских тружеников.

Важные качественные сдвиги происходят в социальной структуре населения Полесья. Увеличивается численность рабочего класса, служащих, уменьшается численность колхозного крестьянства. Однако еще и сейчас социальная структура населения Полесья характеризуется большим удельным весом колхозников и меньшей долей рабочих и служащих по сравнению со среднереспубликанскими показателями⁸⁵.

На этническое развитие Полесья заметное влияние оказывают этнодемографические процессы, усиливающие внутреннюю консолидацию как в пределах Белорусской ССР, так и Украинской ССР, а также межэтническую интеграцию в пределах данной историко-этнографической области.

Полесье имеет как общие, характерные для страны тенденции развития этнодемографических процессов, так и ряд особенностей. В настоящее время в Белоруссии и на Украине сложился тип воспроизводства населения, характеризующийся увеличением средней продолжительности жизни, низкой рождаемостью, низкой смертностью и невысоким естественным приростом. Уровень рождаемости на Полесье превышает общереспубликанские показатели по БССР и УССР.

В отдельных районах (Гомельская обл.) самый низкий в республике уровень смертности и наибольшее число долгожителей. Плотность населения в регионе ниже, чем в среднем по БССР и УССР. Здесь сказываются культурно-бытовые традиции, характерные для данной местности, природные, исторические, социально-экономические факторы.

Для Полесья характерны интенсивные внутриреспубликанские перемещения населения. Рост промышленного потенциала региона ускорил урбанизацию и связанные с ней перемещения сельского населения в города. Численность и удельный вес городского населения постоянно возрастают. Так, например, численность городского населения Гомельщины между переписями 1959 и 1970 гг. выросла на 227 тыс. чел., т. е. на 58%; за межпереписной период 1979 гг. она увеличилась еще на 222 тыс. чел. (на 36%)⁸⁶. В настоящее время каждый второй житель Белорусского Полесья и от 40 до 50 % населения Украинского Полесья проживают в городах. Однако и сейчас уровень урбанизации здесь ниже среднереспубликанских показателей. Особенно это заметно в западном Полесье, что есть следствием бывшего замедленного промышленного развития его в составе буржуазно-помещичьей Польши.

В годы послевоенных пятилеток промышленность западных частей Белоруссии и Украины развивается опережающими темпами. В связи с этим на территории западного Полесья ускорился процесс урбанизации. В свою очередь урбанизация активизировала этнические процессы в регионе.

Полесье активно участвует в межреспубликанском обмене населением. Такой обмен осуществляется со всеми союзными республиками, хотя надо отметить, что на величину миграционных связей накладывает отпечаток территориальный фактор. Гомельская обл., граничащая с РСФСР, ведет с ней более активные контакты, чем Брестская.

Интенсивный взаимообмен населением идет между Белорусским и Украинским Полесьем. Ежегодно на Белорусское Полесье с территории Украины (главным образом из полесских районов) прибывает около 9 тыс. чел., из них 67 % — в города. В национальном составе мигрантов, прибывших в города Гомельщины из Украинской ССР, 43 % приходится на украинцев⁸⁷. В зоне же Украинского Полесья основной миграционный поток составляют белорусы из БССР (67,1 %) ⁸⁸. Длительные миграционные контакты сказались на этническом составе белорусско-украинского пограничья. Белорусы на Украине расселены главным образом в полесской зоне. 41 % украинцев, живущих в БССР, сосредоточены в Гомельской и Брестской областях.

Важным фактором развития этнических процессов является национальный состав населения. На Белорусском Полесье он характеризуется высоким удельным весом белорусов (в Гомельской обл. 82 %, в Брестской — 84 %) ⁸⁹. На Украинском Полесье 85,8 % населения составляют украинцы ⁹⁰. Второе место по численности в составе населения занимают русские. На Белорусском Полесье на третье место выходят украинцы, на Украинском — евреи. В послевоенные годы в Белорусском Полесье отмечается уменьшение территориальной компактности белорусов (понижение их доли во всем населении), что объясняется миграциями белорусов в другие республики Советского Союза и притоком сюда инонационального населения, в первую очередь русских и украинцев. За двадцать лет (1959—1979 гг.) удельный вес русских в населении Брестской обл. увеличился с 7,3 % до 9,2 %, украинцев с 2,1 до 3,0 %, в населении Гомельской обл. соответственно: русских с 6,5 % до 10,7 %, украинцев с 2,4 до 3,4 %. Вследствие переселения в Польскую Народную Республику, естественной ассимиляции, на Полесье понизилась доля поляков. Этнический состав населения в городах более разнообра-

зен, нежели на селе. Особенно это характерно для крупных промышленных центров. Так, например, в Гомеле, где преобладают белорусы (64 %), велик удельный вес русских (22 %), украинцев — (6 %). Всего здесь проживают представители более 30 национальностей.

В ходе промышленного развития региона, под влиянием урбанизации и миграционных перемещений из сел, в национальной структуре городского населения Полесья (как и в УССР и БССР в целом) численность и удельный вес коренных национальностей возрастают. В то же время увеличивается численность представителей и других этносов.

Индустриализация, урбанизация полесского села увеличивают подвижность сельского населения. 21,5 % сельских жителей Белорусского Полесья проживают в месте постоянного жительства не с рождения, т. е. каждый пятый житель села — мигрант⁹¹. Подавляющее большинство их — результат обмена между сельскими местностями внутри республики. На втором месте по величине стоят перемещения из сел других республик, на третьем — миграции из городов в сельскую местность. Особой притягательностью обладают крупные села с развитым аграрно-промышленным комплексом и социально-культурной инфраструктурой.

Многонациональный состав населения, урбанизация и миграционные процессы, устранение этноизолирующих барьеров, рост атеизма обусловили увеличение межэтнического общения в различных сферах жизни людей. Укрепление этих контактов в семейной сфере вывилось в росте межнациональных браков. Если в первые годы советской власти на Украинском Полесье национально-смешанные семьи составляли 5,1 % (1927 г.), то в конце 1979 г. — 26 % ⁹². Наибольшее число межнациональных браков заключается в городах. Так, например, в городах Белорусского Полесья удельный вес межнациональных браков в 1982 г. составил 33%, в сельской местности — 10 % ⁹³. Наиболее распространены в регионе украинско-белорусские, украинско-русские, белорусско-русские браки.

Этнически смешанные браки оказывают сильное влияние на развитие этнокультурных процессов. Такие браки способствуют утверждению интернациональных черт культуры и быта советских народов, преодолению пережитков прошлого, национальных предрассудков в сознании и поведении людей.

Ощутимо и воздействие межнациональных браков на процессы естественной ассимиляции в городах Белорусского Полесья. Выбирая национальность отца или матери,

дети от национально смешанных браков прерывают этническую линию одного из родителей. Из 360 смешанных в этническом смысле семей, обследованных нами, 39 % приходится на долю белорусско-русских. Дети в этих семьях чаще предпочитают русскую национальность. Немалое значение имеет национальность отца. Так, в семьях, где отец белорус, а мать русская, 64 % детей выбрали белорусскую национальность, 36%—русскую. В семьях, где отец русский, а мать белоруска, 76 % детей определили себя как русские, 24 % — как белорусы. В смешанных семьях, состоящих из белорусов и украинцев, 53 % детей назвали себя белорусами, 45%—украинцами, 2%—русскими. В случаях, когда в браке состоят белорусы и представители других национальностей, часто предпочтение отдается белорусской национальности.

Процессы естественной ассимиляции в сельских местностях Полесья идут менее интенсивно в сравнении с городом. Здесь они имеют свою специфику. В смешанных семьях, состоящих из представителей коренной для БССР и УССР и некоренных национальностей, в большинстве случаев предпочтение в выборе национальной принадлежности детей отдается белорусской (в БССР) и украинской (в УССР) национальностям.

Полиэтнический состав населения Полесья обуславливает интенсивные языковые контакты и взаимодействия. Как свидетельствуют материалы переписи 1979 г., большинство населения Полесья считает родным язык своей национальности: 83 % на Белорусском Полесье, от 92 % до 99 % на Украинском Полесье. Наряду с развитием национальных (белорусский, украинский) языков идет прогрессивный процесс добровольного приобщения населения к русскому языку как языку межнационального общения. 57 % белорусов Белорусского Полесья и 50 % украинцев Украинского Полесья свободно владеют русским языком. Наблюдаются процессы языковой ассимиляции, которые наиболее выражены на Белорусском Полесье, где каждый пятый считает родным язык не своей национальности⁹⁴.

За годы советской власти значительного расцвета достигла духовная культура населения Полесья. Повысился его образовательный уровень. До революции на Полесье не было ни одного высшего учебного заведения. В настоящее время только на Белорусском Полесье насчитывается семь вузов⁹⁵. Сегодня каждый областной центр Украинского Полесья имеет два-три вуза, десятки техникумов, ПТУ. Широкий размах получила культурно-просветительная работа. К услугам населения театры, кинотеатры, До^

ма и Дворцы культуры, библиотеки. Интеграционные процессы в этноконтактной зоне, каковой является Полесье, приводят к образованию смешанных форм культуры. Углубились и расширились взаимовлияние и взаимодействия украинской и белорусской культур. Культура населения Полесья в составе белорусской и украинской национальных культур обогащается интернациональными элементами, сближается с культурой других народов Советского Союза.

На этническое развитие Полесья положительное влияние оказывают интеграционные процессы между городом и селом, которые приводят не только к интеграции производственно-хозяйственных функций, социальной структуры города и села, но и отражаются на культуре и быте населения. На селе все сильнее проявляются общесоветские черты образа жизни. Постепенно исчезает традиционно присущий крестьянскому труду универсализм, отошла в прошлое былая замкнутость сельской жизни. Однако и сейчас деревня остается наиболее устойчивым носителем традиционной культуры, ее фольклорно-этнографических форм. Она сохраняет народно-поэтическое, песенно-музыкальное, хореографическое творчество, народное изобразительное искусство.

Возрастание монолитности белорусской и украинской социалистических наций отразилось на этническом самосознании населения Полесья. Среди различных этнонимических форм наиболее устойчивыми и распространенными являются этнонимы «белорусы» и «украинцы».

В результате процессов межэтнической интеграции усиливается сознание принадлежности к более широкой общности — советскому народу.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Белорусское и Украинское Полесье, преобладающую часть которого составляет низина бассейна Припяти,— мир болот и лесов. Глубокая котловина припятского бассейна, до XIX в. представлявшая собой непрерывный ряд болот и болотных водоемов, на огромных пространствах была не освоена под земледелие. Население, рассеянное по деревням и хуторам, удаленным друг от друга на значительные расстояния, весной и осенью было изолировано от активного общения с соседними деревнями, городами и местечками.

Следы древнего земледелия обнаружены археологами на возвышенностях с сухой суглинистой плодородной почвой, расположенных по обоим берегам Припяти (от Туро-ва до правобережья Днепра в Речицком уезде Минской губернии). Места с плодородной почвой встречались в Пинском уезде между реками Пиной и Ясельдой, где также обнаружены следы древней земледельческой культуры. Однако на всем пространстве Полесья господствовали болотистые и песчаные почвы, которые требовали усиленного удобрения и при низкой агрокультуре давали малые урожаи. Поэтому уже в конце XVIII — начале XIX в. актуальной стала проблема поиска более эффективных мер ведения зернового и животноводческого хозяйства.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ, ИХ УДЕЛЬНЫЙ ВЕС В КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ И ФЕОДАЛЬНЫХ ИМЕНИЯХ

Советские археологи на основании палеоботанических материалов (зерно, пыльца культурных злаков, отпечатки на глине зерен и колосьев) указывали, что в самые древ-

ние периоды развития земледелия на Полесье (IV—III вв. до н. э.) возделывались в основном злаковые хлеба, а также незначительное количество бобовых растений и технических культур. Возможно, уже в это время разводили овощные культуры, сажали плодовые деревья¹.

В первой половине XIX в. на песчаных почвах Полесья из злаковых в основном высевалась рожь—наиболее нетребовательная к почве культура. В палеоботаническом материале этот злак встречается реже, чем пшеница, что дает основания полагать, что рожь окультивирована была из сорняков в более позднее время и благодаря своей неприхотливости потеснила пшеницу, требующую более плодородной почвы.

Пшеница в XIX в. высевалась преимущественно в южной части Речицкого уезда и в Пинском уезде — на возвышенных, не затопляемых паводком местах. Однако, по свидетельству археологов, в древности мягкая пшеница — полба, являющаяся более неприхотливым сортом, была господствующей культурой в южной части лесной полосы Европы.

Палеоботанический материал свидетельствует, что уже в эпоху раннего железа в южной части Верхнего Подне-провья широкое распространение имел метельчатый вид европейского проса, которое в отличие от теплолюбивых сортов вызревает в более короткий вегетационный период. Кроме того, просо дает хорошие урожаи на лесных расчистках— гарях. А в лесном Полесье земледелие до XIX в. развивалось в постоянном наступлении на девственные дебри. Однако как растение, нуждающееся в плодородной, хорошо возделанной почве, просо, как и пшеница, со временем было вытеснено рожью и в более поздние века высевалось в незначительном количестве во всех районах Полесья, преимущественно на новине.

Природные условия Полесья наиболее подходили для архаической «пойменной» формы земледелия, «когда производилось разбрасывание зерна [проса] в черную потрескавшуюся поверхность пересохших болот»². Такой способ фиксируется от неолита и до более позднего времени на несколько более северных территориях Белорусского Полесья³.

В южной части Верхнего Поднепровья (стоянка Вита-Литовская) обнаружены древнейшие остатки ячменя (конец IV—III тыс. до н. э.). Ячмень является урожайной культурой в самых суровых климатических условиях, хо-

ло произрастает на подсеках. По сообщению П. В. Шей-на, в Белоруссии вообще по гарям сеяли преимущественно

ячмень, где он давал лучший урожай, чем другие злаковые⁴.

В восточных районах Полесья сеяли гречиху. Культура эта не встречается в древних слоях археологических раскопок. Появилась она в эпоху феодализма, но повсеместного распространения не имела.

Древнейшими культурами являются маслично-волокнистые растения—лен, конопля, семена которых обнаружены в слоях первой половины II тыс. до н. э. Этим же периодом датируются отпечатки льняных и конопляных тканей па сетчатой керамике, остатки льняной ткани. Лен, конопля, горох культивировались по всей территории Полесья.

Несмотря на неблагоприятные условия для земледелия, население Полесья целиком удовлетворяло свои потребности в хлебе, и лишь в неурожайные годы продовольственное зерно водным путем — по Днепру и Припяти — привозили из южных украинских губерний. Некоторые магнатские хозяйства в первой половине XIX в. часть зерна даже вывозили в соседние области, а часть перерабатывали на водку.

В незначительных размерах для местного потребления высевались: чечевица (мелкая и крупная), фасоль, бобы, выращивали также кукурузу, которую в ряде мест называли «турецкой пшеницей». С течением времени появлялись новые культуры, улучшалась сортность известных с древности зерновых. По наблюдениям Ю. В. Краснова, в лесной полосе Восточной Европы, значительную площадь которой занимало Полесье, в эпоху позднего неолита и бронзы культивировались мягкая пшеница, ячмень, просо, лен. В раннем железном веке уже известно четыре вида пшеницы (мягкая, карликовая, полба и спельта), ячмень, просо, рожь, овес, бобы, горох, пелюшка, лен, конопля, т. е. «население лесной полосы уже в раннем железном веке было знакомо почти со всеми зерновыми, бобовыми и техническими культурами, возделывающимися здесь и в настоящее время»⁵. Несколько изменился удельный вес культивирования определенных культур. Соотношения в посевах значительно отличаются в различные периоды истории. В конце I — начале II тыс. н. э., например, сравнительно большой удельный вес приходился на пшеницу, тогда как в XIX в. в полесских районах, как, впрочем, и во многих областях лесной полосы СССР, ее существенно потеснила рожь, которая стала основной зерновой продовольственной культурой. Значительные пространства в Полесье заняла гречиха.

Все эти перераспределения явились прямым следствием социально-экономического развития общества. Относительно небольшая численность населения Полесья в древние времена не требовала освоения новых, менее удобных для посевов земель. А в местах первоначального заселения земли были вполне пригодными для посевов пшеницы, причем яровых ее сортов, т. к. озимая пшеница не выносила суровых зим Полесья. В XIX в., правда, сеяли в Полесье и озимую пшеницу, но для этого выбирали участки, не подвергающиеся наводнениям, удаленные от лесов и болот. Такие места имелись в так называемом Загородье Пинского уезда, в окрестностях городов Туров, Мозырь, в южной части Речицкого уезда.

Итак, в XIX в. основными зерновыми производственными культурами были: рожь (жито), озимая или обыкновенная и реже — яровая (ярка), ячмень обыкновенный (или четырехрядный), овес нескольких разновидностей (обыкновенный, венгерский, казакский), пшеница яровая, в исключительных случаях озимая, гречиха, чечевица, просо, бобы, кукуруза, фасоль, горох, лен, конопля.

В XIX в. выращивали много картофеля различных сортов (белый, желтый, красный) и формы (продолговатый, бугристый).

Все зерновые, бобовые и масличные культуры в основном шли для местного потребления, только наиболее обширные помещичьи хозяйства продавали хлеб па местных и заграничных рынках.

СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ, СПОСОБЫ ОБРАБОТКИ ЗЕМЛИ

В XIX в. на Полесье, как и в других областях Белоруссии и Украины, и в крестьянских, и в помещичьих хозяйствах господствующей являлась паровая система земледелия с преобладанием трехлетнего цикла.

Трехпольная система земледелия, согласно археологическим и историческим источникам, получила широкое распространение уже в IX—XI вв. В. И. Довженок утверждал, что распространению трехполья способствовало в значительной мере развитие стойлового животноводства, от которого получали необходимое удобрение — навоз, а также культивирование озимых и яровых культур⁶.

При классическом трехполье участки земли делились на три части, одна из которых засеивалась озимыми, другая — яровыми, а третью оставляли под пар. На следующий год паровое поле засеивалось озимым хлебом, а быв-

шее под озимыми — яровыми, а то, что было под яровым, переходило в пар. Паровое поле с весны только вспахивалось и унавоживалось и лишь осенью поступало под посев озимого хлеба, который снимался осенью следующего года. Однако не только в крестьянских, но и в помещичьих хозяйствах ощущалась постоянная нехватка навоза для удобрения.

Документы и статистические отчеты середины XIX в. свидетельствуют, что количество вывозимого на поля навоза было недостаточным для восстановления плодородия почвы при трехполье. В большинстве случаев паровые поля удобрялись не целиком, а только наполовину. П. Бобровский отмечал, что «даже оставляя третью часть под паром, навоза хватает едва на 30 % обрабатываемой земли»⁷.

На песчаных почвах Брестского уезда поле удобрялось при посеве яровых и лишь частично — под озимые. В Каменец-Литовской волости того же уезда удобряли лишь половину парового поля. В Ратайчицкой волости Брестского уезда удобрялись частично паровое и яровое поля под посев ячменя, проса, картофеля. В некоторых волостях Брестчины унавоживали 1/4 или 1/6 часть парового поля⁸.

Недостаток удобрений вынуждал на малоплодородных песчаных почвах наряду с трехпольем в широком масштабе осуществлять перелоговую систему земледелия. При таком сочетании ближайšie к усадьбе земли обрабатывались по трехпольной системе, а на удаленных, никогда почти не удобряемых, практиковался перелог.

При перелогe часть земли отдыхала в течение нескольких лет, естественным путем восстанавливая плодородие. В Брестчине не только у помещиков, но и у крестьян, даже при удобрении песчаные земли, дававшие низкие урожаи, пустовали. В северной части Сосницкого уезда Черниговской губернии также широко практиковался перелог — на болотных островках («местинках», «клаптиках», «ковалках»), где была более твердая земля. Такие островки пахали, как правило, до тех пор, пока не создавалась опасность превращения земли в «выдым». Тогда земледелец оставлял данный надел на несколько лет, в отдых⁹. После отмены крепостного права увеличилось количество залежных земель. Помещики, лишённые бесплатного барщинного труда, либо отдавали часть земли в аренду, либо менее плодородные пускали под залежи, так называемые «пустки», которые находились между крестьянскими наделами. Эти «пустки» не обрабатывались по несколько лет,

иногда 10—15 и более. Некоторые пустовали до тех пор, пока их не брали в аренду или не продавали¹⁰.

Удобрение — одно из существенных условий плодородия почвы при трехполье. «Дай земле и она тебе даст», — говорят крестьяне. В Полесье хорошим хозяином считался тот, у которого ежегодно удобрялась 1/3 парового поля, т. е. 1/3 всего пахотного участка. Но даже эти нормы посильны были лишь там, где имелись торфяно-иловые почвы, которые использовали в качестве удобрений вместо навоза.

Естественно-географическая специфика Полесья также способствовала распространению перелога. Во многих местностях на пахотные поля, разбросанные среди лесов и болот на значительном удалении от деревень, вывоз навоза был затруднительным.

С ростом населения стал ощущаться недостаток пахотной земли и праздно паровое поле при трехполье становится обременительным. В беднейших хозяйствах Полесья во второй половине XIX в. наблюдается переход к двух-полью, когда ежегодно на поле сеют поочередно то озимые, то яровые несколько лет подряд, на отдых в пару оставляется не треть земли, как при трехполье, а пятая, шестая и даже седьмая часть.

Двухполье, по сообщению П. Бобровского, широко практиковалось в однодворческих околицах Кобринского уезда. Здесь земля была разделена на мелкие участки, и луга преобладали над пашнями.

В начале 80-х годов XIX в. в Речицком уезде трехпольных хозяйств было уже немного. По причине дробления первоначальные земельные наделы здесь настолько уменьшились, что большинство хозяев были вынуждены перейти к двухполью. При отсутствии пара жито сеяли сразу после яровых и картофеля. Земля под озимые обрабатывалась плохо, высевали после одноразовой вспашки. Соответственно и урожай был хуже¹².

В 80-х годах XIX в. на песчаных боровых почвах, в моховых и болотистых местностях северной части Сосницкого уезда Черниговской губернии, а также в придеснянских и задеснянских волостях встречалось двухпольное хозяйство с отсутствием яровых культур. Их здесь не сеяли на севооборотных землях, затопляющихся весенним паводком, а выращивали только на возвышенных местах. В некоторых северных полесских селах упомянутого уезда практиковалось своеобразное трехполье, когда земля не засеивалась в течение двух лет. Вследствие отсутствия связанности между частицами песка, обработка этой почвы

проводилась лишь один раз в течение трех лет: «Нашу землю грех часто пахать: потревожь ее за три года два раза, пойдут ветродувы, а тогда и в конец землю сга-дишь»,— говорили старожилы. В первый год сеяли рожь (жито), второй и третий годы землю оставляли под паром. «Двухлетний пар составляет постоянный и характерный признак сыпуче-песчаной почвы»¹³. Распространению двухпольной системы способствовало также увеличение посевов картофеля и кормовых трав¹⁴.

Наряду с перелогом и двухпольем, этих более примитивных по сравнению с трехпольем севооборотов, в Полесье в XIX в. широко велась разработка участков из-под леса. В документах эпохи феодализма часто упоминается «о проробках» или «лядах», называемых на Украинском Полесье «лядо», т. к. в мероприятиях земельной реформы «Уставы на волоки» (середина XVI в.) большое место занимало освоение под пашню полесских лесов. Феодалы насаждали в лесах новые села, жители которых прибегали к древнему, испытанному столетиями способу расчистки земель под пашню. Многочисленные источники свидетельствуют, что расчистка земель от лесов под пашню широко практиковалась и в более поздние века (XVIII—XIX вв.). Подобные расчистки проводились с разрешения феодалов, заинтересованных в расширении своей пахотной земли. Однако зафиксированы случаи самовольной порубки и расчистки крестьянами помещичьих лесов. Так, в письме управляющего Гомельского имения графа Паскевича от 30 октября 1834 г. сообщается, что за 16 лет крестьяне без ведома феодала распахали площадь, равную почти половине имеющейся в пользовании крестьян земли¹⁵. Разработка лесных участков не прекратилась и после отмены крепостного права. Малоземелье вынуждало крестьян арендовать у помещиков участки леса, которые они корчевали, распахивали и эксплуатировали в течение нескольких лет, а затем возвращали владельцу. Участки старого векового леса отдавались в аренду обычно сроком на шесть или более лет. Крестьяне этот лес вырубали, корчевали, превращая участок в пахотное поле, возводили здесь необходимые постройки и на льготных условиях эксплуатировали эту землю.

Агроном середины XIX в. Г. Глинский отмечал, что в некоторых белорусских уездах ляды из-под хвойного леса, вырубленного осенью или зимой, выжигаются весной, чернолесье же рубят весной, в период начала полевых работ¹⁶. На поле, расчищенном от зарослей, первый год сеяли просо, второй — рожь, третий — яровые, на четвертый

год земля оставалась под паром и входила в круг трехпольного севооборота. Вообще же состав культур, высеваемых на лядах, довольно разнообразный, причем большинство из них известны с глубокой древности. В XIX в. на лядах, как и в древности, высевали яровую пшеницу, ячмень, просо, озимую рожь. На близлежащих от деревень лядах выращивали корнеплоды — брюкву и репу. Широкое распространение этой системы объяснялось не только обилием лесов в Белорусском и Украинском Полесье, но также и большими выгодами, происходящими от того, что здесь без навозного удобрения в течение ряда лет получали сравнительно хорошие урожаи.

Даже в более поздние века, в условиях развитого трехполья и зарождающегося многополья, при обработке ляд прибегали к древним способам. При выжигании деревьев, а в более поздние века (когда лес предварительно вырубали) — высохших сучьев и кустарников, стогал и превращался в золу и верхний слой почвы. Это способствовало произрастанию зерен без предварительного глубокого рыхления почвы. Ляды в XIX в. нередко обрабатывали давними способами, примитивными орудиями ручной обработки почвы, т. к. не было необходимости, а зачастую и возможности из-за обилия пней и корней использовать тягловые орудия для более глубокой вспашки. Как уже отмечалось, ляды обычно засевали без предварительной подготовки почвы и только после посева зерна запахивали бороной-суковаткой. На Полесье не использовали соху при обработке ляд, как это иногда практиковалось в северо-восточных областях Белоруссии. Характерно также, что в западном Полесье участки из-под леса назывались «расчисткой», «навиной», «выдером», чаще «пасекой», а термин «ляда», известный в северо-восточной Белоруссии и России, здесь употреблялся применительно к своеобразному орудью, с помощью которого поднимали бревна на повозку.

При почвах, требующих хорошего удобрения, в многоземельных имениях Полесья многопольные системы в первой половине XIX в. составляли редкое исключение.

В помещичьих имениях более часто встречалась четырехпольная система — широко распространившаяся повсюду при увеличении посевов картофеля. При трехполье картофель сначала сеяли на паровом поле, удобренном навозом, затем после сбора картофеля на этом месте сеяли озимые хлеба. Однако при коротком лете и ранних замо-

розках озимые нередко пропадали, и такая практика не нашла широкого распространения. В этой связи появилась

необходимость делить пахотную землю на четыре поля, из которых одно засевалось озимой рожью, другое — яровыми хлебами, третье — картофелем, а четвертое отводили под пар¹⁷.

Из сказанного следует, что в Полесье как в крестьянских, так и помещичьих хозяйствах господствующей являлась трехпольная система севооборота, которая из-за недостатка удобрений, своеобразия природных условий Полесья зачастую нарушалась и не соответствовала классическим образцам.

Способ обработки пахотной земли в украинской и белорусской зоне Полесья был почти одинаковым и зависел в значительной мере от особенностей почв, системы земледелия, применения или отсутствия удобрений. Крестьяне придерживались приемов и сроков начала различных земледельческих работ, выработанных веками. За сравнительно короткий промежуток времени (примерно шесть-семь месяцев) необходимо было обработать почву под посев, посеять, вырастить и убрать урожай. Вспахивали землю по два, три, иногда и четыре раза: поздняя пахота под пропашные, технические и огородные культуры; летняя и осенняя (зяблевая), а также пахота под озимые — жито и пшеницу.

Твердые почвы под озимые посевы первоначально пахали поздней осенью, после того как убирали яровые. Весной эта земля бороновалась, в начале лета сюда вывозили навоз, разбрасывали его по полю и запахивали сохой. Вторая пахота — мешань — явление древнее. О мешани упоминают древнерусские летописи, что свидетельствует об общности земледельческой культуры восточнославянских народов, проживающих в сходных природно-географических условиях лесной полосы Восточной Европы. Вспаханную вторично с удобрением землю оставляли для перегнивания дерна и травы. После мешани через некоторое время снова бороновали, а примерно за неделю-две до посева снова пахали (подъем пара). Крестьянский опыт убедил — на легких песчаных почвах Полесья троение скорее вредно, чем полезно. Оно проводилось в южных селах Сосницкого уезда (Черниговщина) на «приподлив-ном» черноземе и водотопных почвах, вспахиваемых плугом¹⁸.

На вспаханной дважды почве высевали озимый хлеб. На влажных почвах Полесья для предохранения от застоя воды вдоль пашни проводили борозды, глубина которых определялась склоном полей.

Для яровых культур, которые сеют после озимых, паш-

ню приготавливали осенью, а весной эту землю бороновали, еще раз вспахивали — в зависимости от высеваемой культуры. В северных районах Черниговской и Сумской областей, например, весной два раза вспахивали землю под гречиху. Первую — раннюю пахоту («взмет», «запашка», «вспашка», «пашка») проводили в середине мая и бороновали, вытягивая пырей. Через две недели вспаханную землю, когда она «подопрела», повторно пахали, проводили сев, снова бороновали («скородили») засеянный участок¹⁹. Способов обработки под овес известно два: пахали либо один раз весной, на однорали, или два раза: первый — осенью под зябь, второй — в конце апреля. Чаще пахали два раза, считая, что урожай при двойной пахоте выше: «Кто два раза пашет, тот две корысти берет»²⁰. На легких грунтах яровые (кроме льна и конопли) сеяли по взбороненному полю.

При двухполье поле вспахивалось после уборки яровых и засевалось в сентябре.

Из технических культур на Полесье культивировали преимущественно лен, коноплю, картофель. Выращивали несколько сортов льна, из которых самым распространенным был «лушник» (короткий стебель, белый цвет, мягкая пряжа). В районах рек Припяти и Горыни отдавали предпочтение льну-долгунцу и особенно «простаку» (пряжа серого цвета). Под посевы льна предпочитали использовать новину, чернозем, поле, на котором перед этим были картофель, рожь. Сеяли его в хорошо прогретую землю. В зависимости от почвенно-зональных условий, степени прогревания земли в разных местностях лен сеяли в разные сроки, но, как правило, в мае — тогда он уже не боялся мороза и в конце июля, т. е. до начала жатвы он уже поспевал.

Конопля в отличие от льна была менее требовательной культурой, лен приходилось пропалывать, а коноплю — нет. Когда головки льна становились желтоватого, а стебли зеленоватого цвета, приступали к уборке урожая, как правило, в августе («в спасівку»). Убирали лен вручную (брали, рвали правой рукой — «в захват»).

Картофель («картопля», «бульба», «картоха») начали выращивать со второй половины XVIII в. Здесь его сажали двумя способами: в ямку «за мотыкой» или в борозду непосредственно «за плугом». Намеченное под картофель поле осенью пахали на зябь и мелко бороновали, весной перепахивали глубже. В борозду клали навоз, а на него картофель. После завершения посадки поле бороновали (бороной или граблями). Болотистые земли, отведенные под

картофель, не распахивали, а перекапывали, делали палкой ямки, сажали в них картофель и прокапывали канаву («разору») для отвода воды. В конце июня перед цветением картофель обычно окучивали вручную сапой или плужком. Выращивали преимущественно два сорта картофеля: ранний («корнега» — розового и «поспешка» — желтого цветов) и поздний.

Из пропашных культур в XIX в. получил распространение табак. В 1887 г. на Черниговщине он занимал площадь в 16,5 тыс. десятин²¹. Его культивировали в южных селах²² Сосницкого уезда. В других местностях Украинского Полесья табак почти не выращивали. Табачные плантации в Белоруссии встречались лишь у помещиков, крайне редко у любителей, разводящих лучшие сорта для собственного потребления. Для посевов табака избирался чернозем, в низменных местах земля возделывалась как под свекловицу, удобрялась конским навозом. Сначала табак сеялся в специальных рассадниках на огородах, оттуда примерно в конце мая пересаживался в поле. Урожай получали только при тщательном возделывании и хорошем уходе.

Под свекловицу почва также тщательно очищалась, для чего поле повторно пахали и бороновали, навоз, вывезенный в сентябре, запахивали на глубину плодоносящего слоя. Перед посевом весной поле снова вспахивали — сглаживали верхней стороной бороны. В ряде помещичьих имений при посадке употреблялось специальное орудие — «значник» или «однозначник», имеющее вид громоздких грабель с длинными зубьями, укрепленными на деревянном бруске на расстоянии 10—12 см друг от друга. В упрощенных вариантах таких зубьев могло быть только два. Брус с зубьями крепился к конской тяге. Этим орудием проходили вдоль и поперек полосы, разделявая ее на клетки. В ямки, образующиеся на скрещивании бороздок, укладывали по три зерна и прикрывали землей. Старались садить глубже. При небольшой глубине вспашки посевы очень зависели от погодных условий, довольно неблагоприятных на Полесье, где летом ливневые дожди часто сменяются засухой. Для свекловицы более благоприятны супесчаная и суглинистая почвы.

ОРУДИЯ ОБРАБОТКИ ПОЧВЫ, ТЯГЛОВАЯ СИЛА

Основным тягловым пахотным орудием на Полесье в XIX — начале XX в. была двухлемешная соха, которой обрабатывали любую почву под все культуры. Почти на всей

полесской территории господствовала соха, которая в старой сельскохозяйственной литературе называлась «литовской», «подляшской», а в современных этнографических исследованиях — «полесской»²³

Отличительной особенностью полесской сохи является громоздкость ее корпуса, приспособленного к парной волово-й упряжке. Длинный, около 3,5 м рогач, вырубленный из березы или ели, связывал все конструктивные части сохи. Естественные древесные корни, оставленные на одном ее конце, служили ручками. На противоположном конце с помощью витой из лозы петли («галля») крепили ярмо, зацепив его за кол, вбитый в отверстие рогача. Рядом с ручками в пробитое в рогаче отверстие вставлялась сошная доска — рассоха («плахтына», «розсоха»). Нижний конец рассохи раздваивался и на эти концы набивались железные наконечники («сошники», «нароги»). Отличительными конструктивными особенностями полесской сохи были: во-первых, сошники различной формы и размера (на одном и том же орудии правый сошник был уже левого на несколько сантиметров). Левый сошник был немного изогнутым. Во-вторых, насаживались сошники по отношению к поверхности земли и друг к другу неодинаково. Правый сошник ставился плоско (горизонтально), а левый — под углом к правому. Такая постановка сошников позволяла подрезать слой земли и снизу и сбоку. В-третьих, полесская соха имела обычно две полицы или полицу и приполок, которые чаще всего имели вид изогнутых деревянных или металлических пластин, укрепленных нижними концами к сошникам. С помощью такого устройства и такой установки сошников и полиц пласт земли при пахоте отваливался в одну сторону (вправо), как и при плуговой вспашке.

Полесская соха признавалась специалистами сельскохозяйственного производства в начале XIX в. наиболее совершенной из всех видов сох, бытовавших в то время в России. «Литовская соха в действии так превосходна, что ничего лучшего нельзя желать: она дешева, проста и хороша, почему и годится именно для нас лучше всякого другого сложного орудия»²⁴.

В обзоре деятельности Департамента сельской промышленности России отмечалось, что «многие отечественные старинные орудия оказались удобнее, выгоднее для нашего хозяйства, нежели выписанные»²⁵.

Полесская соха была распространена значительно шире определяемых ныне границ Полесья. В пределах Белоруссии граница ее распространения проходит севернее Минска, а на востоке — по рекам Березина и Днепр. За

пределами Белоруссии К. Мошинский проводит границу на северо-западе через города Вильнюс и Каунас, а на западе — по Висле²⁶. Я-Фальковский южную границу распространения полесской сохи проводит в Волынском воеводстве по северной части уездов Ковельского, Луцкого, Ровенского²⁷. Тожественную по типу соху описал В. С. Мамонов в с. Староселье Киевской обл.²⁸ Территория распространения сохи на Украине в XVIII—XIX вв. была большей, «чем считалось до настоящего времени»²⁹.

Таким образом, соха полесского типа распространена не только на территории Украинского и Белорусского Полесья, но и в пределах Литвы и Польши.

На территории Белорусского и Украинского Полесья воловая соха с двумя полицами в ее «классическом» виде дожила до конца X-IX в., т. е. до периода, когда началась интенсивная замена сох плугами.

В восточной части Гомельской обл., отделенной от Припятского Полесья течением Днепра, а также в северо-восточной части Новгород-Северского, Глуховского, частично Кролевецкого уездов Украинского Полесья известна была соха, в которой принцип устройства рабочей части был идентичен описанному, а устройство сошного корпуса приспособлено для одноконной упряжки с оглоблями и гужами. Глубина пахоты в этих сохах регулировалась подтягиванием или опусканием седелки и чересседельника. Чтобы соха лучше входила в почву, необходимо было постоянно нажимать на нее и держать ее на руках. Подобные сохи-односторонки с конской упряжкой бытовали на большей части Левобережной Украины³⁰.

Наряду с сохами в Полесье при обработке земли использовали однолемешные деревянные плужки, которые в ряде мест Белорусского Полесья назывались «радлом» или «сошкой» и использовались для вспомогательных земледельческих работ. В восточных районах Украинского Полесья (Сосницкий уезд Черниговской губернии) еще в XIX в. шел процесс замены старинных сох деревянными плугами. В 1870-х годах жители некоторых сел уже не знали, «как надо з сохой ходить», но с уважением говорили о плуге. Крестьянские деревянные плужки (сошки), как и сохи, изготовлялись обычно самими крестьянами из дерева, и только железный наконечник — сошник делали сельские кузнецы. У А. К. Сержпутовского имеется подробное описание устройства и назначения этого орудия, бытовавшего в XIX в. у белорусских крестьян Слуцкого, Мозырско-го уездов Минской губернии: «Сошка — небольшая соха употребляется для окупивания картофеля, для проложения

строчных борозд в поле, засеянном рожью и т. п. ... Состоит из крепкого дубового ствола с толстым суком, на конец которого насаживается сошник — лемех, в который по бокам врезают 2 палицы — несколько выгнутые наружу дощечки, служащие для отбрасывания земли»³¹. Полесская однолемешная сошка (рало) типологически близка полозо-вому ралу. В этих сошках упор для ручек шел почти под прямым углом к полозу. Дышель крепился к полозу деревянной поперечиной, около которой укреплялись деревянные отвалы в виде раздвижных крыльев. На заостренный конец полоза набивался железный сошник. Иногда в орудиях подобного типа насаживалось на грядиль колесико. На Украинском Полесье для культивации почвы использовалось однозубое и многозубое рало, один из древнейших образцов которого был зафиксирован Гюльденштедтом на Черниговщине и Полтавщине во второй половине XVIII в.³² Рало не переворачивает при пахоте почву, а разрывает ее и раздвигает по сторонам, делая таким образом борозду. Украинское рало (Черниговщина) состояло из длинной (до 3—4 м) круглой жерди («стебло», «вийе»), служившей дышлом. Снизу в отверстие жерди под прямым углом забивался ральник («стовбо», «кописть») — клинообразный деревянный брус, на конец которого набивали железный «наральник», «сошник». Сверху жерди вбивали ручку, на переднем конце делали несколько круглых отверстий: в одно из них вставляли кольцо, за который цеплялось ярмо. Соха и рало длительное время служили одновременно для обработки пахотной земли под посев и лишь позднее соха, как более производительное орудие, оттеснила рало. Такими же древними, как пахотные орудия с железными режущими рабочими частями, были и орудия боронования, которые использовались для культивации земли после пахоты и для засыпания посеянного зерна. На Полесье древнейшая борона-суковатка и смык использовались до конца XIX в. для первичной обработки выжженной земли на новине.

Суковатка (вершалина, волокуша) представляла собой вершину крепкого дерева, подсеченные сучки которого служили зубьями. Во время работы сучки-зубья, находясь в наклонном положении, довольно глубоко врезались в почву и хорошо рыхлили верхний сожженный слой земли. По мнению археологов, суковатка первоначально, как и другие граблеобразные, была орудием ручной обработки почвы. В эпоху феодализма суковатка была уже тягловым орудием, которое волочил вол или конь за тягу, укрепленную к вершинному концу.

А. К. Сержпутовский обнаружил суковатку в Белорусском Полесье в начале XX в. Он сообщал: «Волокушу употребляют вместо бороны, но главное ее назначение — это разрыхлять такие подлесные земли, которые по обилию крепких древесных пней и корней не поддаются вспашке не только плугом, но даже сохой. По такой земле сначала таскают при помощи быков или лошадей волокушу, которая своими сучьями кое-как разрыхляет верхний слой почвы, потом нетронутые места взрывают мотыгой или заступом. Для обработки песчаной подлесной почвы — это незаменимое орудие»³³. Во время этнографических экспедиций послевоенных лет аналогичные волокуши были обнаружены в ряде мест Гомельщины. Такие волокуши встречались и в Украинском Полесье³⁴.

Наряду с суковаткой на лядях применялась борона-смык довольно простого устройства. Несколько расколотых вдоль еловых обрезков длиной около метра скреплялись с помощью двух небольших обрубков, уложенных поперек по концам плашек. Для боронования служили естественные сучки, которые подравнивались с таким расчетом, чтобы орудие без особых затруднений перескакивало через пни, оставшиеся на огнищах. Подобные бороны широко были известны не только на Полесье, встречались они и у других народов лесной полосы Восточной Европы, у русских, у народов Поволжья и Прибалтики.

На всей территории Полесья господствовала плетеная борона, основу которой составляла толстая дубовая дугообразно согнутая жердь («каблук», «самойлук», «само-лук»). Борону делали из вязовых, черемуховых либо лещиновых толстых прутьев, уложенных крест-накрест попарно. На скрещении образовывались клетки-гнезда, куда вставлялись преимущественно дубовые зубья, для устойчивости закрепленные парными кольцами из тонкой лозы.

Для полесских районов характерной была плетеная борона с 25 зубьями. Такая же борона кроме Полесья известна в северо-восточных и центральных областях России, на северо-востоке Польши, в Познани, во многих районах Латвии. На Полесье плетеная борона с 25 зубьями всегда сопутствует сохе полесского типа.

Во второй половине XIX в. после отмены крепостного права происходит быстрое развитие капитализма. Эти факторы способствовали интенсивным изменениям не только социально-экономических условий в деревне, но и технологии земледельческого производства. Владельцы крупных имений начали вводить четырехпольные и многопольные севообороты, расширять посевы картофеля и технических

культур. Сельскохозяйственное производство Полесья не только удовлетворяло местные нужды в продовольствии, но и обеспечивало экспорт за пределы губерний и даже государства. Старинные землеобрабатывающие орудия либо совершенствовались, либо заменялись новыми, более производительными. Полесье, несмотря на изолированность некоторых районов от промышленных центров, также включалось в процесс капитализации сельского хозяйства.

Во второй половине XIX в. в помещичьих хозяйствах Полесья широко внедряется более совершенный сельскохозяйственный инвентарь по обработке земли и переработке сельскохозяйственной продукции. Еще в дореформенное время Якушик — крестьянин-самоучка из Пинского уезда соорудил более совершенную соху, производительность которой в такой же парной упряжке волов в четыре раза превосходила обыкновенную³⁵.

В 1834 г. в Стольнинской и Макошинской экономиях графа А. Г. Куселева-Безбородько были устроены «четыре одноконные сошки для показания стольнинским и макошинским крестьянам пахать оными». Но подобные изобретения не прививались у крестьян, которые продолжали работать своим старинным инвентарем. Однако для успеха развивающегося высокопородного овцеводства сохи стали заменяться железными плугами местной работы или импортированными.

Согласно данным, опубликованным в 1910 г., в Минской и Гродненской губерниях насчитывалось больше всего, по сравнению с другими белорусскими губерниями, железных плугов. Если в Могилевской губернии насчитывалось 75 770 железных плугов, то в Гродненской на этот же период — 107 587, а в Минской — 168 488³⁶.

Согласно дворовым переписям в Волынской губернии в 1910 г. преобладали железные плуги с деревянными частями (от 59 до 96 %) ³⁷. Одноконные и пароконные плуги с железными лемехами и деревянным корпусом изготавливались на местных заводах земледельческих орудий, хотя крестьяне предпочитали плуги, изготовленные ремесленниками по образцу фабричных.

Несколько иная картина наблюдается в использовании традиционной деревянной бороны. На легких песчаных почвах Полесья деревянная борона оказалась более целесообразным орудием и господствовала даже в помещичьих имениях еще в начале XX в. По статистическим данным же года в Гродненской губернии насчитывалось борон: деревянных 157165, деревянных с железными зубьями — 23284, железных — 4119, тогда как в Витебской соответст-

венно: 69828, 182540, 5885. В Гродненской губернии деревянных борон с железными зубьями было примерно в семь раз меньше, нежели в Витебской губернии.

На Украинском Полесье встречались бороны, в которых зубья не забивались, а, как и в плетеной бороне, привязывались лозой к брускам, что свидетельствует о генетической связи между брусковой и плетеной боронами³⁸. В XX в. в с. Мала Любаша Костопольского р-на Ровенской обл. применяли так называемые складные бороны. Две бороны соединялись параллельно замками. К такой складной бороне запрягали лошадей, соединяя упряжь с боронной поперечным брусом («стельвага») ³⁹. В восточно-украинском Полесье (преимущественно на Левобережье), где превалировала одноконная запряжка, характерным было соединение борон «ключом» ⁴⁰.

В помещичьих имениях наряду с плугами использовали и другие землеобрабатывающие орудия — железные окучники, борозняки, многолемешные запашники, которые в крестьянских хозяйствах не имели распространения.

Основной тягловой силой на Полесье являлись волы. При работе полесской сохой впрягали обычно двух волов, в редких случаях — вола и коня. В Кобринском уезде перед самой войной 1812 г. насчитывалось 24900 волов и 6575 лошадей, т. е. волов было больше, чем лошадей, в 3,8 раза. По данным на 1840 г. в Брестском уезде насчитывалось 26 тыс. волов и 8 тыс. лошадей ⁴¹. В Гродненской губернии накануне отмены крепостного права на крестьянскую семью в среднем приходилось по одной лошади и паре волов ⁴². Волы в качестве основной тягловой силы при сельхозработах преобладали также в четырех полесских уездах Волынской губернии: Ковельском, Луцком, Ровенском и Овручском. Следует отметить, что волы использовались при работе сохой, тогда как боронование, вывозку навоза и снопов с поля, а также извозные работы производили чаще на лошадях.

Во второй половине XIX в. область использования волов для обработки почвы стала постепенно сужаться. Объяснялось это многими причинами социально-экономического характера, а также капитализацией помещичьих хозяйств, интенсивно использующих более совершенный землеобрабатывающий инвентарь, приспособленный для конской упряжи.

В лесных зонах, где долго сохранялось подсечное земледелие, широко использовался ручной инвентарь для обработки почвы — мотыги. Еще в XVIII—XIX вв. мотыгой корчевали пни и раскапывали землю при очистке места от

леса, поднимали целину и т. п. Бытовали мотыги почти прямоугольной формы, несколько расширенной возле самого лезвия (прямого или овального). Прототипы их встречались уже во времена древней Руси ⁴³. У полесских мотыг прослеживаются некоторые черты сходства с топором, а именно: граненый обух и крепление рабочей части к державу под прямым углом; утолщение центральной части полотна. В примитивных формах мотыг, встречающихся местами на Полесье, вместо уха был простой проем для державы.

Широко использовалось на Полесье и такое древнее ручное орудие, как лопата («заступ»). Наиболее распространенным в XVIII—XIX вв. на Полесье являлся усовершенствованный вариант заступа, в котором деревянная лопасть по краю оковывалась железом, так называемым «насадом». Лопатами копали огороды, ямы, колодцы, сажали и выкапывали картофель и другие огородные культуры. Для на-капывания навоза в хлевах использовали «мач» («метач», «мачт») — деревянную, несколько изогнутую, продолговатой формы лопату и двурогие деревянные вилы («сохар», «сохары»). «Мач» использовали на этой работе наряду с топором и крюком. На Черниговщине, например, при вывозке из хлевов навоза его сначала рубили топором на брикеты, а затем «мачем» или «сохарем» накидывали на воз. Эти же орудия использовали, раскидывая навоз ровным слоем по огороду или ниве ⁴⁴. В конце XIX в. деревянные «сохары» и «мачи» были заменены железными вилами.

Основная масса крестьянства посев проводила древнейшим способом — вручную. Сортовые семена для посева использовались не повсеместно даже в помещичьих имениях. Основная же масса крестьянства сеяла семенами, не опробованными на всхожесть. Исходя из природно-климатических условий, полевые работы начинались в конце марта — начале апреля. Высевали обычно в такой последовательности: первой высеваемой культурой был овес, затем ячмень, яровая пшеница, просо, в мае сеяли гречиху.

При посеве вручную требовался опыт — для равномерного разбрасывания зерна из горсти. Поэтому эту работу выполнял обычно сам хозяин. Сев проводили в «один поде» и «два пос!ви». При первом сеятель, набрав из сеялки горсть зерна и, ступая шаг за шагом, равномерно, сквозь пальцы, бросал его перед собой под правую ногу, при другом способе — немного правее и левее от себя. Чтобы было видно крайнюю границу падения зерна, в ряде районов рядом с сеятелем шла жена или ребенок, следы которых или вставленные ими в грунт пучки соломы

служили ориентиром для сеятеля. На Черниговщине это называли «ходить за насшням» или «ляилть».

Зерно для посева сеятель держал перед собой в специально для этой цели изготовленной посудине — севалке («сіванька», «сявенька», «пяник»). В районах Полесья наиболее распространенной была севалка, сплетенная из лозы и соломы. Для восточнополесских районов характерна севалка из коры и лучины, известная в восточной Белоруссии и за пределами Полесья. Изготавливалась она из коры липы (луба), вяза или из тонких сосновых пластин. Плоское дно севалок выплеталось вместе со стенками (в соломенных) либо вставлялось (в лубяных). Севалки были обычно несколько вытянутой формы — овальной или прямоугольной, длиной до 35—40 см. Высота стенок не превышала 25 см, с тем чтобы удобней было брать горстями зерно. На узких стенках с внешней стороны укреплялись петли — «ушки», через которые протягивали ремень либо поясok из льняных или конопляных домашних ниток. С помощью этого пояса сеятель при работе подвешивал сеялку на шею.

С проникновением капитализма в сельское хозяйство в имениях появляется более совершенный инвентарь для посева и переработки зерновых — сеялки, жатки, молотилки, веялки. Уборочные машины появились еще в первой половине этого столетия задолго до реформы 1861 г. Их появление и сравнительно быстрое распространение в помещичьих имениях было вызвано недостатком рабочих рук в крупных хозяйствах. По статистическим данным в 1910 г. в Минском уезде Минской губернии в имениях насчитывалось 185 сеялок, в Речицком — 89⁴⁵. В начале XX в. механизированные сеялки появляются и в хозяйствах зажиточных крестьян, правда, в единичных случаях. По статистическим данным 1910 г. в Речицком уезде насчитывалось 89 механических сеялок, причем только три принадлежали крестьянам, а остальные распределялись по помещичьим имениям⁴⁶. В Гродненской губернии одна сеялка приходилась на 24398 хозяйств, в Минской — на 36742, а в Могилевской — на 182 226 хозяйств.

За многовековой период земледельческой практики у крестьян накопился большой опыт определения зрелости колоса той или иной культуры. Начало жатвы, как радостное событие в жизни земледельца, отмечалось угощением, которое брали с собой в поле. Первый сжатый сноп обычно приносили домой и устанавливали в почетном углу под иконами. Только в трудные голодные годы уборку начинали, не дождавись спелости зерен.

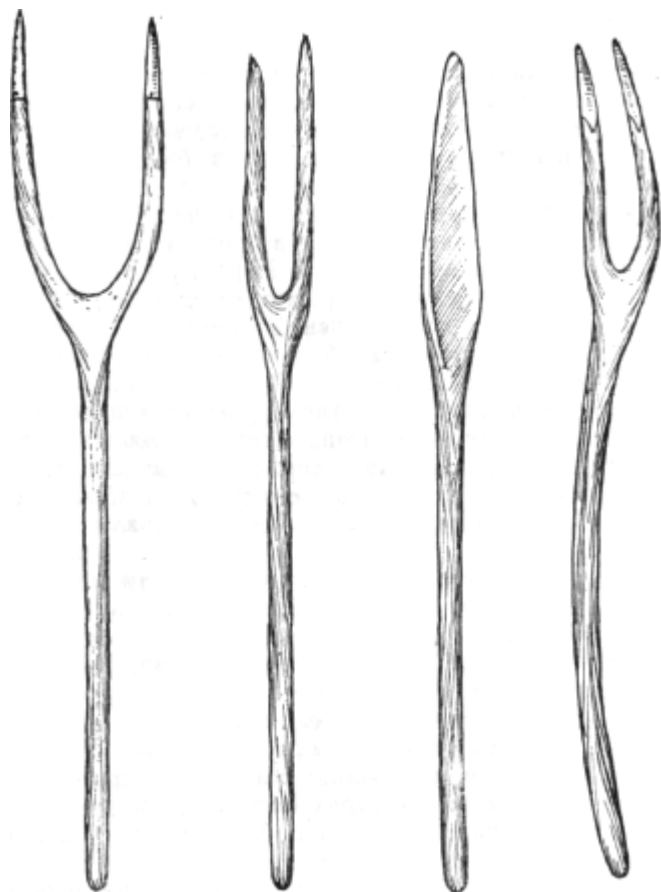
Все зерновые в Полесье убирали древнейшим орудием жатвы, серпом, известным почти у всех земледельческих народов мира, причём почти однотипного устройства повсюду. Изогнутое металлическое лезвие насаживается на короткую деревянную ручку. Местные отличия в форме изгиба полотна и ширине его средней части были незначительными. Серпы полесских крестьян, как и у всех славянских народов, имели зазубренную режущую часть. Зазубренные серпы использовались при жатве в древней Греции и Риме, у многих неславянских народов Европы. Серпы, обнаруженные при археологических раскопках в Белоруссии и на Украине, мало чем отличались от серпов XIX — начала XX в. Они также имели зазубренное полотно сферической формы, укрепленное на деревянной ручке. Местные кузнецы до конца XIX в. изготавливали серпы из старых кос, из стальных полос или из железа, затем закаляли, выгачивали и насекали зубцы. Когда насечка «слизывалась», ее восстанавливали. Не всегда удобные в работе фабричные серпы на Сумщине местные кузнецы переделывали по-своему. Лишь в конце XIX — начале XX в. серпы стали изготавливать в заводских условиях. Их приобретали на базарах. В каждом хозяйстве их было несколько, каждая жница имела свой серп.

Летняя уборочная пора, особенно жатва, была крайне трудной для крестьянок. Работа от темна до темна, под палящим солнцем изнуряла женщин. Тяжело приходилось кормящим матерям, которые брали на поле колыбель с грудным младенцем. В Сталинском р-не, например, колыбель подвешивали между трех колев, сверху накрывали легким пологом, защищающим ребенка от солнца и насекомых.

Сжатые зерновые горстями укладывали на перевясло, которое либо заготавливали дома из соломы обмолоченных в предыдущем году ячменя и овса, либо при жатве жита и пшеницы делали тут же на поле. С помощью перевясла стебли связывали в снопы.

В западном Полесье для более плотной увязки пользовались специальным приспособлением, которое называлось «цурка», «закрутэнь», «колок», «кныбель». Это тридцатисантиметровой длины палочка, с зазубринами на более тонком конце, нередко украшенная резьбой, в которую вписывались инициалы девушки, т. е. цурки парни часто дарили своим возлюбленным. Подобные приспособления в других районах Белоруссии не использовались⁴⁷.

Связанные снопы для просушивания складывали определенным образом по 10—15 снопов. Наиболее распростра-

Вилы.

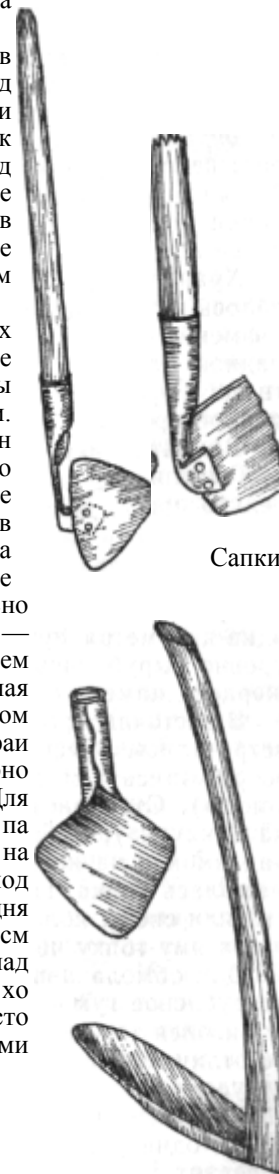
ненным на Полесье названием для укладки небольшого количества снопов жита в поле были «бабка», «десятка». При укладывании девяти снопов их ставили на комель, прислоняя вверху колосьями друг к другу и одним, десятым снопом как шапкой накрывали сверху. Подобная укладка ржаных снопов известна была не только в Полесье, но также во всех областях проживания восточнославянских народов. Снопы овса, гречихи обычно складывали в кучки. В западных районах Полесья яровые, особенно овес, связанный в объемные снопы, колосом вверх ставили в ряд по три и тесно прижимали друг к другу. Подобных рядов было несколько на небольшом расстоянии друг от друга. Каждый

ряд сверху накрывался горизонтально уложенным снопом.

Кроме вертикальной укладки снопов на Полесье, как и в других областях Белоруссии и Украины и за их пределами— у русских, известна была и горизонтальная укладка яровых хлебов.

При такой укладке — «в полукопки», «в повкопи» — крестом первый наземный ряд снопов состоял из четырех или восьми штук, уложенных под прямым углом друг к другу, колосьями вместе, на первый ряд плотно друг к другу укладывалось чаще всего до трех рядов по четыре, восемь в каждом, четвертый ряд насчитывал четыре снопа, все это накрывали сверху одним снопом-шапкой.

В западных полесских районах зерновые после просушки на поле свозили на гумно, где до молотбы снопы складывали в засторонки. Зерновые вымолачивали постепенно в течение осени и зимы. Наиболее зажиточные части снопов после просушки на поле складывали в стога, которые ставили либо на пригуменье, либо оставляли в поле на месте жатвы. Складывание снопов зерновых в стога («скирта») — чисто полесская особенность земледельческой культуры, известная лишь в западном и центральном Полесье. В восточно-полесских районах, на левобережье Днепра зерновые в стога не складывались. Для сохранения снопов от сырости и паудков стога обычно ставились на помосты («подок») либо на подстилку из хвороста и веток, поднятых на четырех столбах от 75 см до 1,5 м высотой. Работу по закладке стожка обычно начинал сам хозяин, укладывая на «подок» крестом образно четыре снопа колосьями вместе. Колосьями внутрь, а комля-

Сапки.

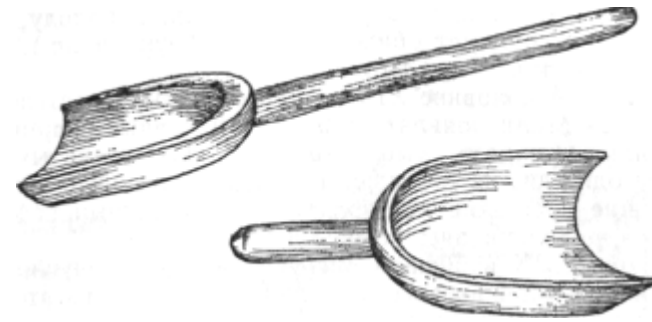
ми наружу укладывались и последующие ряды. Каждый последующий ряд немного выдвигался над нижним, поэтому сверху стог расширялся и лишь с половины высоты ряды начинали сужаться, оставив небольшой выступ на самой широкой части стога. Сверху стог покрывали осенней сухой травой или соломой. Для предохранения от ветра сверху укладывали больше десятка пар длинных березок. Чтобы солома и трава не сползали вниз, в широкий, выступающий слой стога втыкали тонкие (толщиной в палец) палочки-тычечки (35—40 см длиной) на расстоянии чуть больше полуметра одна от другой. По свидетельству информаторов подобные, умело сложенные стога могли без порчи стоять до 30 лет и более, причем зерно не теряло своей всхожести.

Хранение хлебных злаков на свайных помостах встречалось и у других славянских народов, причем повсюду в низменных местах, заливаемых паводком. Молотьба в западной части Полесья (Брестчина, правобережье Припяти до Горыи) проводилась без предварительной специальной просушки снопов.

В центральном Полесье — на левобережье Припяти, а от Горыни до Днепра и по правобережью снопы предварительно просушивались на специальных жердяных сооружениях «азяродах». Обычно на пригумнях ставились три-четыре толстых столба по одной линии, на расстоянии один-два метра друг от друга. Во всех столбах на одном уровне вырубались отверстия, в которые крепились концы жердей диаметром 10—15 см, уложенных горизонтально⁴⁸.

В восточных районах Полесья жердяные сооружения не встречались. Здесь для просушки снопов перед молотьбой сооружались специальные сушилки — овины («евня», «овин»). Ставились эти небольшие постройки внутри гумна («клубня»), либо в непосредственной близости от него, над ямой с неукрепленными земляными стенами, где размещалась топка. На редко поставленные жерди над ямой ставили снопы колосом вверх для просушки. Воздух поступал в яму-топку через каналы, прорытые за гумном.

Для обмолачивания и защиты снопов от осадков служило рубленое гумно («клубня»), внутри которого посередине выбивался ток для молотьбы. Способ молотьбы на Полесье не отличался от подобного процесса в других областях Белоруссии и Украины. При молотьбе ржаные снопы укладывались по середине тока в два ряда колосьями вместе, чтобы один ряд немного захлестывал другой. В полесских деревнях чаще молотили в два цепа, т. е. два человека, стоящие по разным сторонам настила, попеременно удара-

Ручные вейки.

ли цепами по середине настила и проходили настил — «посад» два раза (туда и обратно), после чего переворачивали снопы, развязывали перевяско и опять проходили два раза. После молотьбы двурогими вилами — «трясунами» отрясали солому, связывали ее в большой сноп («куль», «кулек») для покрытия хаты. Оставшиеся колосья иногда еще раз перемолачивали и затем граблями удаляли с зерна. Зерно сгребали к середине и обметали метлой, удаляя оставшуюся соломку. На территории Украины существовали разные способы веяния. На Сумщине, например, а также в некоторых уездах Харьковщины пользовались особым способом веяния — на залитом водой и просушенном или замороженном выгоне⁴⁹.

Основное орудие молотьбы — цеп («ціп», «цып») состоял из длинного гладкооструганого держака — («цапилна», «щ-пилно»), к которому с помощью ременной привязки («увязь», «вязь») крепился более короткий — четырех- или шестигранное било («бияк», «бич»). Полесские цепи мало чем отличались от украинских, общеполесских и общеславянских. Для полесских районов характерна была «гужевая», «капицевая» увязка держака с билем⁵⁰. «Капице-вий» способ крепления являлся наиболее распространенным не только в Полесье, но и у большинства европейских народов. «Распространение его — писал К. Мошинский, — начинается над Атлантикой в западной Франции и на по-граничье Португалии с Испанией, идет через значительную часть средней Европы до наших земель. Дальше к востоку капицевая увязка достигает с одной стороны западной Литвы, Эстонии, с другой — заднепровской Украины и южных рубежей Великокорсии»⁵¹.

В Полесье встречались и древнейшие способы отделения ржаного зерна от колоса — оббивания обычной палкой

либо путем хлестания об угол постройки, о колоду, либо какой-нибудь предмет обихода (ступа, бочка и др.)- Просо терли ногами.

Во второй половине XIX в. в зажиточных крестьянских хозяйствах стали появляться ручные и конные с приводом молотилки («кірат», «молотарка») ⁵². Их насчитывалось обычно одна-две на деревню, а иногда и на целую волость. Неимущие крестьяне пользовались молотилками сельских кулаков, расплачиваясь зерном и отработками.

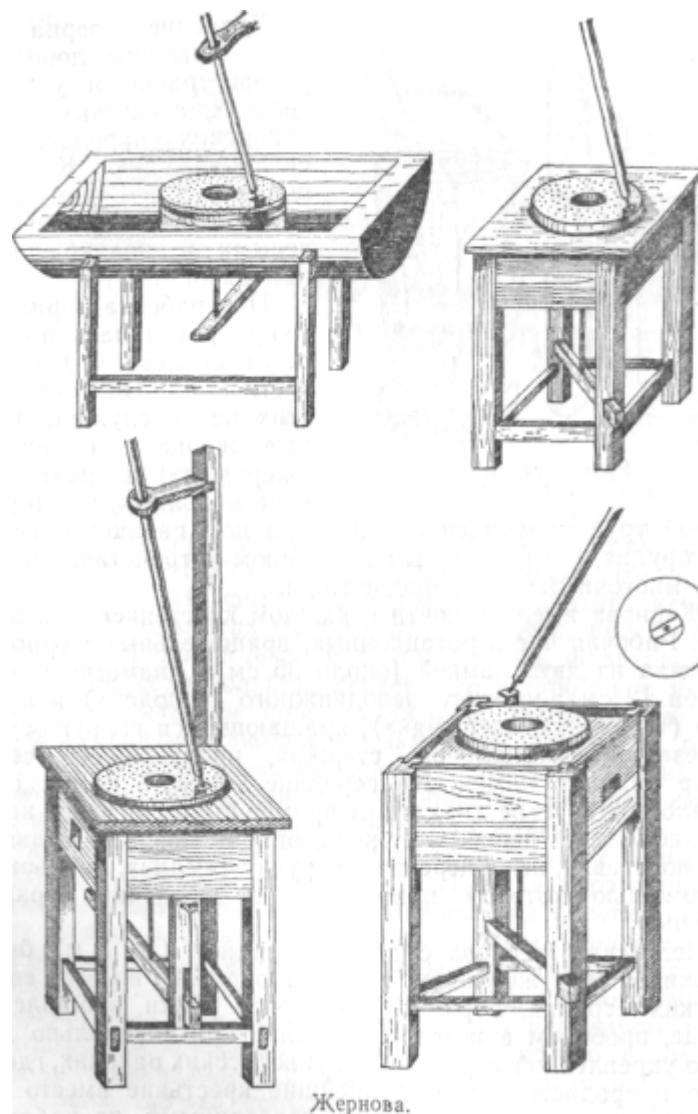
В конце XIX в. начали распространяться полусложные молотилки американского и английского типов, изготовленные на местных заводах. В начале XX в. появились сложные молотилки с веяльными и сортировочными устройствами.

Для провеивания обмолоченного зерна на Полесье, как и повсюду на Украине и в Белоруссии, пользовались простой или специальной лопатой («віялка, «веялка») с короткой ручкой. В конце XIX — начале XX в. в зажиточных крестьянских хозяйствах появляются механические веялки («арфы», «млинки»). Однако еще в начале XX в. в Гродненской губернии по статистике приходилась одна веялка на 149 хозяйств ⁵³.

Очищенное, провеянное зерно сыпали в объемные деревянные сосуды, долбленные из ствола дерева либо изготовленные из клепок, а также различной емкости «соломяни-ки», искусно сплетенные из соломы, и изготовленные из досок «скрипі». Эти сосуды ставили в клетях, в коморах, иногда в сенях. В восточном Полесье наряду с большими клетями зажиточные крестьяне ставили зерновые амбары с «засеками» или «орудами» для различного сорта зерна.

На территории Полесья издавна зерно хранили также в специальных зерновых ямах. Белорусские археологи обнаружили несколько зерновых ям в с. Хотомель Столинско-го р-на, в Житковичском р-не, в междуречье Припяти и Ствиги в слоях IV—II в. до н. э. ⁵⁴ О наличии зерновых ям свидетельствуют летописи и другие памятники письменности. О хранении зерна в ямах сообщается и в источниках XIX в. На Черниговщине еще в начале XX в. зерно хранили в ямах ⁵⁵. Копали ямы недалеко от жилья, обычно в местах с глубоким залеганием глинистого слоя. Они имели форму сосуда с суживающимся горлом. Вход в яму был узким, около полуметра в диаметре. По мере продвижения вниз яма расширялась до 1,5 м высотой. Е. Р. Романов считал, что хранение зерна в ямах практиковалось для того, чтобы обезопасить основное богатство крестьянина от пожаров и других неожиданностей, кроме того, это самое де-

I

Жернова.

шевое сооружение, на которое почти совсем не расходовалось дерево. Стенки ямы обкладывали древесной корой, соломой, либо обмазывали глиной и обжигали. Заполненная зерном яма сверху закрывалась березовой корой, досками или плотно пригнанной крышкой («ляда»), поверх которых насыпалась земля или ставилась двускатная крыша.

Ручные ступы.

Хранение зерна в ямах — явление довольно распространенное у европейских, азиатских и африканских народов. По предположению К. Мошиньского, в Европу этот обычай был занесен кочевыми и полукочевыми народами⁵⁶.

Переработка зерна на муку проводилась по мере надобности. С древних времен на Полесье для этих целей служили ручные жернова («жорна», «жерваны») и механические мельницы, в которых

ручной труд заменялся силой ветра или падающей воды. Эти орудия, с аналогичным принципом устройства, известны у многочисленных народов мира.

Жернова имелись почти в каждом крестьянском хозяйстве. Рабочая часть ротационных, вращательных жерновов состояла из двух камней (около 35 см в диаметре и толщины 12 см): нижнего неподвижного («сподак») и верхнего («верхняк», «вершняк»), вращающегося вокруг оси, — железного вертикального стержня, пропущенного через центр нижнего камня. На середине верхнего камня пробивалось отверстие диаметром примерно 10 см, через которое засыпалось зерно. Стержень, опиравшийся на подвижную подставку, имел деревянную ручку («млин», «мельон»), с помощью которой приводился в движение верхний камень.

Полесские жернова с длинной ручкой (до 1 м) были близки по типу жерновам, господствовавшим во всех европейских странах. Верхний конец этой ручки вращался в гнезде, пробитом в потолочной балке или специально для этого укрепленной перекладине. В полесских районах, где не было природного камня, беднейшие крестьяне вместо каменных жерновов пользовались деревянными, на рабочую поверхность деревянного диска набивались гвозди или металлические клинья. Каменные диски жерновов обычно устанавливали в деревянный с низкими бортами ящик — «скриню» на четырех ножках, которая размещалась у стены или в углу подсобного помещения — истопки, сени. С глубокой древности у славянских народов известны

Водяная мельница.

механические жернова-мельницы («млины»), древнейшими из которых являлись водяные мельницы, имевшие широкое распространение в Киевской Руси. Многочисленные инвентари XVI—XVIII вв. свидетельствуют, что водяные мельницы были почти в каждом, даже средней величины имении. Ставили их на берегах рек, ручек, иногда по несколько на одной реке, в одном имении, фольварке. Это были обычно небольшие деревянные постройки с несложным механическим приспособлением для размолва зерна. Весь механизм приводился в движение силой воды, падающей на основное звено механизма — колесо. Чаще на мельнице были одни жернова, но в богатых имениях имелась мельница с несколькими жерновами-поставами.

На речках делали запруды, и вода, падая с силой, приводила колесо в движение. Для Полесья характерны два типа водяных мельниц: неподвижные, на берегах нешироких речек, и наплавные, колеса которых приводились в движение быстрым течением воды. Для таких мельниц не требовалось сооружения плотин. В местах самого сильного течения реки ставили на прикол баржу или паром, где на специальной поперечной оси крепилось колесо, с помощью которого приводился в движение верхний жерновой камень.

Множество рек, проточных озер и болот на Полесье благоприятствовали строительству водяных мельниц, которые удовлетворяли потребности крупных имений и мелких крестьянских хозяйств. В Черниговской и Киевской губерниях во второй половине XIX в. насчитывалось самое большое количество мельниц⁵⁷. В других местностях Полесья издавна строили ветряные мельницы («ветраки», «втряки»). В конце XIX — начале XX в. наряду с небольшими на один

постав мельницами было немало и объемных шатровых мельниц на несколько поставов.

На Полесье известны ветряные мельницы двух типов: шатровые и стержневые. В стержневых мельницах, обычно небольших по размеру, которые превалировали на Полесье, при работе вместе с крыльями поворачивался весь корпус. Шатровые или так называемые «голландские» мельницы — это высокие сооружения, устанавливались они на бревенчатом неподвижном срубе, чаще многоугольном в плане. Здесь подвижной была только верхняя часть («шапка», «дашок») около 2,5 м высоты, при 15-метровой высоте всего сооружения. Под основание «шапки», регулирующей движение крыльев по ветру, подкладывались два поворотных бруса, вращающихся на поворотном колесе. Только принцип устройства вертикального колеса на горизонтальной оси и его соединения с горизонтальной шестерней был одинаков в обоих типах мельниц.

Следует отметить, что шатровые четырех- и шестикрылые мельницы чаще встречались в восточном Полесье (Гомельская, Сумская области). Для западнopolесских районов более характерны небольшие однопоставные стержневые мельницы — «козловки», которые иногда ставились на усадьбе шляхтича-хуторянина.

Для переработки зерна на крупу, измельчения пшеницы издавна использовалась ступа с толкачом. Это древнейшее орудие было известно у народов всех континентов. Ступу, как правило, выдалбливали из крепких пород дерева. Отличительной особенностью полесской ручной ступы является неглубокое выдолбленное или выжженное пространство в сравнительно объемном древесном кряже. Кроме ручных ступ на Полесье использовались более продуктивные и удобные в работе ножные. Ножная ступа состояла из четырехгранного либо круглого чурбана (колоды) высотой около 50—60 см, с выдолбленным углублением, в которое засыпали зерно. Толкач укреплялся на толстом бруске («подойме»), который приводился в движение человеком.

Перед толчением в ступе зерно (овес, ячмень, просо, режа пшеница и другие) обычно подсушивали в русских печах. Ячмень во время толчения немного увлажняли для лучшего отделения кожуры, после толчения снова немного просушивали. Истолченный овес просеивали через редкое решето.

ОГОРОДНИЧЕСТВО И САДОВОДСТВО

Огородничество было важным подспорьем в хозяйствах крестьян Полесья. Здесь выращивались различные культуры: брюква, лук, репа, свекла, огурцы, морковь, капуста, горох, бобы, фасоль, а также культуры, которые использовались в качестве дополнений и приправ к пище: пастернак, чеснок, мята, петрушка, тмин, укроп, хрен, горчица и др.

Крестьянские огороды были сравнительно малы. Только в местностях, прилегающих к городам и местечкам, для мещанского сословия огородничество составляло первостепенную статью дохода. Под огороды выделялись самые лучшие участки земли, прилегающие к усадьбам. Засевали огороды весной. В начале апреля высаживали семена капусты и брюквы в так называемые рассадники — своеобразные срубные ящики, заполненные землей, перемешанной с навозом. В конце апреля, когда сходил снег, сеяли горох, бобы, мак, а в первой половине мая — прочие культуры.

Малые крестьянские огороды обрабатывали вручную заступом. В обширных огородах почва приготавливалась, как и под зерновые, плугом, а грядки копали лопатой вручную.

Вскапывание земли весной и уборка некоторых овощей производились с помощью заступа, а окучивание картофеля, капусты, прополка гряд с рядовым посевом огурцов, свеклы — чаще при помощи мотыги-копаницы. Орудия ручной обработки долгое время оставались неизменными. Только мотыги, по сравнению с древним орудием мотыжного земледелия — копылом, стали менее массивными и, в отличие от топоробразного лезвия копыла, имели разнообразную форму режущей части: овальную, трапецевидную, прямоугольную.

В состоятельных имениях при значительных посевах картофель окучивали плужками — окучниками, которые привозили из-за границы. Устройство окучника напоминает однолемешную сошку с одним железным лемешком и ножом, укрепленным вертикально. Крестьяне для окучивания использовали деревянный плужок (сошку или рало).

В помещичьих хозяйствах при обработке земли под корнеплоды использовали так называемый трезубец. С помощью трех железных зубцов, имеющих вид остроконечных лопаток и расположенных треугольником, очищалась земля от сорных трав в междурядьях.

Сбор семян свеклы, капусты, репы, моркови, брюквы и других огородных культур проводился ранней осенью.

В последнюю очередь убирали капусту, которая не боится заморозков.

С глубокой древности известна традиция овощи и картофель хранить в подвалах. Обычно копали яму под спальными нарами (полом, отсюда и название — «подполле»). В жилищах нового типа в конце XIX в. ямы начали копать под деревянным полом хаты, сеней или коморы. Стенки ямы укрепляли деревянной обшивкой, а более состоятельные — кирпичом. Погребную яму, выкопанную вне жилища, внутри обкладывали обычно деревом, а сверху накрывали деревянным настилом и засыпали землей, оставляя для входа отверстие, от которого вниз вела лестница. Над ямой обычно ставилось двускатное сооружение, крытое соломой или досками. Для сохранения равномерной температуры погреб в сильные морозы обогревался горячими углями, а на лето часть его (ледник) заполняли льдом или снегом. Для хранения картофеля ямы обычно копали вне усадьбы, обкладывали стенки горбылем. Внизу, на определенном расстоянии от грунтового дна ямы, укладывали бревенчатый настил, на который и сыпали картофель. Сверху заполненная картофелем яма засыпалась землей и камнями. Для предохранения от гниения в подобных ямах для вентиляции через верхний слой земли и камня пропускались деревянные трубы, через которые воздух циркулировал от верхних слоев до нижнего подпольного пространства. Во время морозов трубки закрывались⁵⁸.

В конце XIX — начале XX в. широко начало практиковаться хранение картофеля на поле в копцах. Копцы складывали на картофельном поле, выбирая для этого ровную площадку. На ней вколачивали три довольно длинных кола, которые на всю высоту обматывались толстым соломенным жгутом. В отгороженное треугольное пространство ссыпали в кучу картофель до высоты кольев. Куча накрывалась толстым слоем соломы, поверх которой ровным слоем, толщиной в 1,5 аршина насыпали землю. Вентиляция осуществлялась за счет неплотного прилегания корнеплодов к деревянным кольям. Ссыпанный таким образом картофель хорошо сохранялся до весны⁵⁹.

В местах, где из-за высокого стояния грунтовых вод нельзя копать погреба и ямы, строили наземные постройки («клетки», «истопки», «вар!вт») ⁶⁰. Обычно это небольшие срубные постройки, с двускатной крышей и плоским дощатым потолком, небольшим окошком, закрываемым чаще деревянной задвижкой. Внутри вдоль стен досками отгораживались «загородки», «засторонки», куда ссыпались свекла, морковь, брюква, иногда картофель. На глинобитном

или просто земляном полу ставили бочки с заквашенной капустой, свеклой, солеными огурцами, грибами и другие пищевые продукты.

У полесских крестьян издавна, особенно в западных районах, на приусадебных участках перед жилищем разводили небольшие сады, в которых произрастали плодовые и ягодные деревья, не требующие особого ухода. В садах культивировали различные сорта яблок («житнички», «зі-муха», «антоновка», «титовка», «опороть» и др.), груш («глива», «храпка», «дички», «зимница», «лясовка»), сливы, вишни, кустарники крыжовника, смородины, малины. Почти все перечисленные деревья и кустарники встречались в окрестных лесах в диком состоянии. У помещиков сад являлся необходимой частью приусадебного владения. С XVIII в. наряду с садами в магнатских владениях появляются декоративные парки и обширные сады с оранжереями, где выращивали виноград, персиковые, абрикосовые деревья и многие другие культуры, черенки которых вывозили из стран Европы и Азии. Редкие сорта фруктов выращивали в садах близ Любешева, Дубоя, Лунина. В первой половине XIX в. в Пинском уезде у помещиков насчитывалось пять тепличных хозяйств. Прекрасные сады с разнообразными фруктовыми деревьями были в имениях в Братине, в Барварове, в Городище и Хойниках. Обширные сады имелись и в других имениях Речицкого уезда⁶¹.

После Великой Октябрьской социалистической революции создались благоприятные условия для развития сельского хозяйства на Полесье. С первых лет советской власти начались работы по преобразованию Полесья. Коллективизация и создание совхозов явились надежным условием подъема сельского хозяйства.

Успехи сельского хозяйства Полесья в значительной степени обусловлены улучшением сельскохозяйственного производства. Вследствие широкого применения минеральных удобрений, внедрения новой, более совершенной техники, значительно повысилась производительность земли.

В результате разработки прогноза комплексного использования природных ресурсов Полесья определены основные направления развития и специализации сельскохозяйственного производства на текущие пятилетки.

Благодаря наличию обширных естественных кормовых угодий специализация сельскохозяйственного производства Полесья направлена на развитие скотоводства мясо-молочного направления. В современном Полесье, по традиции, значительную часть, почти половину, посевных площадей занимают зерновые культуры, при посевах технических

культур (сахарной свеклы, льна) наследуются традиции, сложившиеся ранее. Картофель выращивают повсеместно. Почти каждый десятый гектар посевных площадей занят картофелем. Особенно много картофеля выращивается в восточном Полесье.

За годы советской власти реализованы меры не только по социальной перестройке деревни, но и по коренному изменению материально-технической базы сельскохозяйственного производства. За счет увеличения капиталовложений внедряется современная производительная техника, возрастает концентрация, специализация, совершенствуются система управления и оплата труда.

Сельское хозяйство перешло на индустриальные методы производства. Полностью механизированы посев и уборка зерновых, междурядная обработка пропашных культур, уборка картофеля. Здесь работают не только трактора, зерно- и картофелеуборочные комбайны, свеклоуборочные комбайны, зерноочистительные машины, разбрасыватели органических и минеральных удобрений, но и другая сельскохозяйственная техника.

Возрастает с каждым годом электрификация совхозов и колхозов. Во много раз увеличилось число электродвигателей. Так, только в колхозах УССР их количество с 307 в 1965 г. выросло до 1952 в 1981 г., а в БССР соответственно с 54 до 418, т. е. почти в 8 раз⁶². Примерно в таких же показателях росла и мощность электродвигателей.

Колхозы и совхозы УССР в десятой пятилетке получили 77 502 тыс. т минеральных удобрений и 2867 тыс. т химических кормовых добавок⁶³, а сельское хозяйство БССР — соответственно 28,1 тыс. т минеральных удобрений и 38 тыс. т химических кормовых добавок⁶⁴.

Внедрение новой, более совершенной техники, увеличение вносимых удобрений значительно улучшили производительные качества земли. Благодаря этому стало возможным получать стабильные урожаи и значительно повысить валовой объем продукции и производства основных продуктов сельского хозяйства на душу населения.

Задача наиболее полного удовлетворения растущих потребностей народа решается прежде всего за счет дальнейшей интенсификации производства, повышения производительности труда, более рационального использования всех видов имеющихся ресурсов.

В народнохозяйственном комплексе Полесья по числу работающих сельское хозяйство является до сих пор ведущей отраслью, хотя здесь менее благоприятные условия, чем в других районах Украины и Белоруссии. Использо-

вание богатейших потенциальных возможностей для развития многих отраслей увеличит производство сельскохозяйственной продукции, сделает район важной базой снабжения продуктами питания трудящихся нашей страны.

ЖИВОТНОВОДСТВО

В XIX—XX вв. животноводство играло важную роль в общем комплексе традиционных занятий населения Полесья. Археологические находки костей домашнего рогатого скота свидетельствуют о том, что животноводство составляло одну из древнейших отраслей хозяйства на этой территории, обеспечивая население мясными и молочными продуктами. Развитию животноводства на Полесье способствовали богатые пастбища и сенокосные угодья.

Существенным стимулом для развития полесского животноводства в середине XIX в. послужил возросший в европейских странах спрос на животноводческую продукцию. В этот период даже крестьянские хозяйства включились в товарное производство. В помещичьих имениях значительно увеличивается поголовье, ввозится из Европы породистый племенной скот симментальской, английской и немецкой пород, создаются чистопородные племенные стада крупного рогатого скота. В Украинском Полесье во второй половине XIX в. насчитывалось около 20 таких стад, в том числе 5 племенных стад высокопроизводительного голландского скота¹. Помещик Ровенского уезда основал в Вы-соцке колонию голландских поселенцев, которые занимались разведением коров и коней, а также переработкой животноводческих продуктов на созданном там заводе².

В конце XIX — начале XX в. на Полесье уже наметилась районная специализация животноводства. На северо-востоке Украинского Полесья, например, ведущим направлением становится мясное животноводство, в центральных и южных — мясо-молочное, в южных — овцеводство и коневодство³. Мясное и мясо-молочное животноводство базировалось на выращивании подольского крупного рогатого скота (красной, серой и мышастой пород, хорошо поддающихся межпородному скрещиванию).

Наряду с увеличением поголовья крупного рогатого скота увеличилось поголовье свиней улучшенных пород путем скрещивания местных длинноухих и короткоухих пород с беркширскими хряками⁴.

Развитие товарного животноводства в помещичьих имениях повлекло за собой интенсивное расширение площадей пастбищ и сенокосов за счет вырубки и выжигания лесов,

осушения и мелиорации болот, использования под пастбища пахотных земель⁵.

Во второй половине XIX в. в связи с развитием товарного животноводства оживилась торговля скотом на ярмарках, проводившихся в ряде крупных городов Полесья (Чернигов, Сумы, Новгород-Северский, Любеч, Овруч и др.). Оптовая торговля скотом шла на ярмарках Хабного (восточное Полесье) и в Ковеле (западное Полесье). Последний, кроме того, был важнейшим скотопрогонным пунктом при отправке скота в Польшу⁶.

Торговля скотом и продуктами животноводства проводилась и на сельских ярмарках полесских местечек.

В капиталистические отношения в конце XIX — начале XX в. вовлекались и многие слои крестьянского населения. Кулацкие хозяйства нередко поставляли скот и продукцию животноводства на внутренний и внешний рынки. Однако подавляющее большинство крестьянских хозяйств вели свое скотоводческое хозяйство прежним патриархальным способом и на продажу давали главным образом молодняк крупного рогатого скота и птицу. Имущественное неравенство полесского крестьянства особенно наглядно прослеживалось в количестве имеющегося в хозяйстве скота. Так, в Ковельском уезде Волынской губернии, например, в начале XX в. из общего количества 39 307 крестьянских хозяйств — 2787 не имели домашних животных; 24 936 хозяйств имели по одной корове; 79 хозяйств содержали по пять коров⁷. Если в крупных имениях Полесья насчитывалось по несколько сот голов крупного рогатого скота улучшенных пород (холмогорской, швейцарской, тирольской), то у крестьян был скот низкорослой местной породы. Тонкорунное овцеводство также практиковалось только в помещичьих имениях, у крестьян овцы были исключительно грубошерстных пород, менее прихотливые к кормам и стойловому содержанию. Если в помещичьих имениях тонкорунное овцеводство являлось прибыльной товарной отраслью хозяйства, то у крестьян продукция овцеводства шла в основном на потребление в своем хозяйстве: мясо на питание, шкуры и шерсть — на изготовление одежды.

На нужды семьи шла большая часть продукции от свиноводства — довольно развитой отрасли крестьянского животноводства Полесья. Согласно статистике, зажиточные крестьяне нередко выкармливали в год свыше 15 голов свиней. А помещики Гродненской губернии имели стада на 100—200 голов и торговали откормленными свиньями с Пруссией и Польшей⁸.

В крестьянских хозяйствах держали до десятка кур.

Обилие водоемов способствовало разведению водоплавающей птицы (гусей, уток). Птицу обычно продавали на ярмарках в городах и местечках.

Традиционными оставались и способы ухода за домашними животными. Крупный рогатый скот и свиней выгоняли на подножный корм ранней весной. По обычаю первый выгон скота приурочивали к Юрьеву дню (6 мая) или Ни-колину дню (22 мая). Этот выгон, как настоящий праздник, у крестьян сопровождался различными обрядами. В Туровской волости Мозырского уезда, например, молодежь в этот день организовывала шествие. Девушки-основные организаторы процессии надевали лучшую праздничную одежду. Испеченный у одной из участниц пшеничный пирог, украшенный веткой с кумачовыми лентами, пронесли по деревне с песнями, приуроченными к этому событию⁹. На Черниговщине (с. Горностаевка Ринкинского р-на), Киевщине (с. Товстый лес Чернобыльского р-на) в первый выгон скота со двора хлестали его «священной вербой», кормили хлебными крестиками, испеченными в «крестную» среду. Известно много примет, заговоров, якобы способствующих обеспечению хорошего состояния, сохранности скота.

В этот ранний период скот пасли на пастбищах и лугах недалеко от деревни, в казенных или общественных лесах на «старой траве»¹⁰.

В Житомирской, Волынской, Киевской, Сумской областях Украины, на Пинщине, Туровщине в Белоруссии широко бытовала отгонная форма выпаса, при которой весь крупный рогатый скот или значительная его часть выгонялась на отдаленные пастбища, расположенные среди лесов, где содержалась до осени. Скот постоянно находился под открытым небом — днем его пасли в лесу, а на ночь загоняли на отгороженную жердяным забором площадку среди леса — кошару. Пастухи также постоянно жили в куренях, поставленных в кошарах. Ночью для охраны скота от волков около кошар жгли костры¹¹.

Отгонная форма выпаса во многих случаях использовалась также для откормки молодняка или волов, предназначавшихся для продажи.

На отгонных пастбищах каждый хозяин часто пас свой скот сам. Иногда для выпаса и содержания скота объединялось несколько семей, обычно состоявших в родстве, а иногда нанимали пастухов. Для хранения кормов на отгонных пастбищах строили хозяйственные помещения — «буды». На Украинском Полесье кошарами называли и хозяйственные строения, стены которых делали из лозы. На

чердаках таких кошар хранили зимний запас сена. В непогоду там иногда ночевали пастухи. Внутри кошары были разделены на клетки («кліті»). Зажиточные хозяева сооружали на отгонных пастбищах хлевы, а иногда и жилые помещения¹².

Для пастушьих куреней ставили деревянную основу из жердей, которую сверху укрывали дерном, оставляя от-верстие для выхода дыма, а вокруг куреня выкапывали канаву для стока дождевой воды. Внутри курень мостили ветками и травой, которые застилали дмотканой дерюгой (Корюковский р-н Черниговской обл.¹³).

Шалаши также сооружали на деревянной основе из жердей, по укрывали только ветками. Огонь раскладывали у входа в шалаш, устраивая с трех сторон заслон от ветра.

Повсеместно практиковалась и выгонная форма выпаса скота, когда скот загоняли в хлевы на ночь.

Начало и конец выпаса регламентировались многовековой народной традицией, основанной на практических народных знаниях. Сроки эти, закрепленные обычным правом, широко соблюдались не только на территории всего Полесья, но и за его пределами.

Для коллективного выпаса нанимали пастуха, который пас стадо со всей деревни (если деревни небольшие). В больших поселениях нанимали несколько пастухов в различных частях или концах деревни. Известны случаи, когда зажиточные хозяева, содержащие много крупного рогатого скота, нанимали пастуха на несколько хозяйств. Па Черниговщине такого пастуха звали «самопасом»¹⁴. Стадо до 30—40 голов крупного рогатого скота пасло обычно два человека — пастух и подпасок. При выгоне скота на пастбище пастух шел впереди стада и играл в рожок, а подпасок сзади подгонял отстающих.

В пастухи нанимались обычно бедные, нередко одинокие крестьяне, пользовавшиеся хорошей репутацией. В подпасаках ходили мальчики, также из бедных семей.

Наем пастуха сопровождался определенным ритуалом и составлял важную сторону общественной жизни крестьян. С пастухом заключали договор, в котором оговаривались сроки пастьбы, обычно с 22 мая до 22 ноября (от Николая до Михаила). Однако при благоприятных погодных условиях пастух мог продолжить пастьбу, но только за дополнительную плату. В договоре предусматривалось также время суточной пастьбы (выгон утром в 6—7 часов, пригон в обед для дойки и возвращение вечером в 18—19 часов). Во время обеденной дойки, по договору, предусматривалось кормление обедом пастуха в порядке очередно

сти. Оплата пастуха обычно была натурой — зерном, картофелем, в количестве, предусмотренном в договоре, и выплачивалась в конце сезона — на «Пилипівку». Пастух ездил по дворам и собирал плату, а затем уже сам рассчитывался с подпаском. Нередко к оговоренной плате хозяева от себя добавляли определенное количество продуктов. В качестве поощрения наиболее распространенными были так называемые «выгонщика» и «петровщина» в начале и конце пастьбы. Это была либо «булка хлеба», пять-десять яиц, кусок сала. Кроме того, в середине срока на «пет-ровщину» пастуху давали творог, масло, яйца, хлеб. Получали угощение пастухи и на другие религиозные праздники.

Все эти установления, связанные с наймом пастухов, договорные формы оплаты и поощрения, которые были близки, даже идентичны не только на всем Полесье, но и на огромной территории расселения славянских народов, свидетельствуют о давности этого общественного института.

Для выпаса овец нанимали отдельного пастуха, с которым также заключали договор, однако оплата обычно была меньшей, нежели за пастьбу крупного рогатого скота.

Лошади, как и крупный рогатый скот, все лето находились на подножном корму. Пасли их отдельно по дубравам, лиственным лесам, а на низких полях нередко на стерне после уборки озимых, где оставалось много зелени. На Полесье, как и в других областях Украины и Белоруссии, лошадей на выпас выпускали в ночное время, т. к. днем их использовали на работе. Практиковался индивидуальный выпас каждым хозяином отдельно на своем лугу, но чаще групповой, когда несколько хозяев собирались вместе и гнали коней на общинный выгон или в лес. В лесных районах «в ночное» выезжали пожилые люди или подростки. Коней путали веревочными путами или надевали железные путы — «замки».

Свиной все лето содержали в кошарах, либо их пасли дети на общинном пастбище. Имеются сообщения, что свиной на весь сезон загоняли на речные и болотные острова, где они паслись без всякого присмотра.

Почти полгода домашний скот находился на стойловом содержании. Основным фуражом являлось сено, заготовленное летом. Полесские сенокосы располагались в лесах, дубравах, на окраинах хлебных полей. В зависимости от местонахождения они имели и разные названия: «румовые», «суходольные», «заливные», «болотные», «альсы» — болот-но-луговые, «плавни». Лучшими по урожайности и качеству сена были уголья, расположенные на заливных лугах бассейна рек Припять и Десна, с которых накашивали от 100

до 150 пудов сена с десятины, а с лугов верховьев Десны даже 200—300 пудов¹⁵. Богатые крестьяне имели собственные луга в разных местах, а в ряде случаев арендовали их у крупных землевладельцев. Бедные крестьяне за определенную плату заготавливали сено в государственных лесах или же на сенокосах помещиков за натуральную оплату сеном с половины или четверти заготовленного сена. Обычно землевладельцы на таких условиях сдавали дальние сенокосы — «ваканы», «урезы», «кругляки», расположенные среди болот небольшие (от двух до четырех десятин) участки¹⁶. На такие сенокосы косцы уходили на длительный срок, пока не заканчивали всей работы. Жили в курнях, косили при любой погоде, «только проливные дожди могли принудить уйти косцов обратно в деревню»¹⁷. Лишь при плохих урожаях в ряде мест крестьяне иногда покупали готовое сено.

Косить обычно начинали в начале июня. Раньше других выкашивали болотные сенокосы и позже, иногда уже во время жатвы, косили в речных поймах и в дубравах.

Повсюду в Полесье косили косами. В повсеместном бытовании были косы-литовки, получившие свое второе название от места их изготовления — города Вилейки (завод Посселя). Наряду с косами-литовками широкое распространение имели косы австрийского производства, так называемые тирольские косы. Деревянную ручку — косье длиной до 1,5 м изготовляли сами крестьяне. К косью с помощью металлического кольца крепилось металлическое лезвие косы. Приблизительно по середине косья крепилась ручка (дужка, лучок) из черемухи, вяза, либо молодого дубка. Лучок огибал косье и на концах связывался веревкой. Для Полесья был характерен передвижной лучок, при установке которого ориентировались на рост косца. Аналогичные передвижные лучки известны были в смежных областях Польши. Следует отметить, что до XX в., наряду с покупными косами, у беднейших слоев крестьянства бытовали косы кустарной работы, изготовленные местными кузнецами. От фабричных они отличались более коротким из железа лезвием, без ребра с внешней стороны.

Перед началом косьбы косы тщательно отбивали — «клепали» обычным молотком на металлической бабке.

Необходимым орудием при косьбе была небольшая лопатка — «ментачка», которая служила для заточки косы во время работы. В берестяном футляре с помощью веревки или ремешка она укреплялась на левом боку косца.

Скошенное сено на сухих лугах некоторое время просушивали на месте покоса, затем граблями его сгребали в

валы складывали в копны и хорошо высохшее стоговали. С дальних участков сено к месту стогования свозили возами а с ближних — перевозили или переносили целыми копнами на двух длинных деревянных жердях — за концы которых брались два или четыре человека, в зависимости от размеров копны.

Стоговали обычно на помостах, называемых «адонки» (восточное Полесье), либо «анажарье», «падок» (западное Полесье), из прутьев и хвороста для предохранения сена от сырости. На сильно увлажненных лугах Полесья нередко высота помоста над грунтом достигала 1—1,5 м. В центре адонка иногда укреплялся высокий шест для ориентировки и устойчивости стога. Сено на стог подавали обычно трехрогими деревянными вилами, которые изготовляли обычно сами крестьяне. На законченный стог для предохранения от ветра укладывали связанные попарно верхушки берез.

Сухое сено в полесских областях редко складывали в специально для этого приспособленные помещения. Только в центральнополесских районах по левобережью Припяти у крестьян известны были сенные сараи — «адрыны». На Брестчине для хранения сена издавна широко использовали легкие сооружения «щуры», состоящие из четырех столбиков и крыши, которая передвигалась по ним по мере наполнения. В начале XX в. повсеместно на Полесье, в Прибалтике, на Волыни и на севере России стали использоваться для хранения сена оборogi, по устройству аналогичные «щуре».

Зимний запас кормов складывали в гумне, «стодоле», «клуне», на одной или обеих сторонах или на верхнем помосте потолка («вышки»). Зажиточные для сена ставили специальные помещения — «сельники».

Домашний скот в холодные поры года содержался в специальных рубленых помещениях, которые повсеместно в Полесье назывались «хлевами», а в ряде мест — «аборай». Постройки для овец повсеместно в Полесье назывались «овчарник», «катух», для свиней — «свинарник», «закута». Помещения для содержания домашних животных строили обычно в один погон за жилым комплексом. При двухрядном погонном дворе иногда часть хлевов переносилась на другую сторону усадьбы. Строили хлева отдельными срубами-клетями для разных видов скотины. Каждая ячейка имела отдельный выход во двор и между собой они не общались. В хлевах устраивали кормушки — «ясли», «засе-и», для чего один из углов помещения отгораживали досками или жердями. В зимние холода молодняк (свиней,

овец, телят) нередко помещали в жилой хате или в сенях, которые обогревались от русской печи посредством специальных душников.

При недостатке сена крупный рогатый скот при стойловом содержании кормили соломой с примесью четвертой части сена («трушанка»). В корм коровам шла измельченная и распаренная солома «сечка». Заваренную мякину или разведенное мукой и отрубями пойло давали только после отелов.

При затяжной зиме и плохом урожае фуражного сена на корм животным использовали сушеные листья березы, вербы, рябины, осоку, кору деревьев, которую замачивали и перемалывали. Свиной кормили желудями. Уход за скотом был преимущественно обязанностью женщин.

Холодные, неблагоустроенные помещения для домашних животных, недостаток доброкачественных кормов вызывали частые эпидемии, массовые падежи скота. Почти полностью отсутствовала ветеринарная помощь.

В животноводстве, как и в других отраслях сельского хозяйства, за годы советской власти произошли кардинальные изменения.

После Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны развитие животноводства на Полесье складывалось различными путями. На территории восточного Полесья животноводство стало развиваться общим руслом социалистической перестройки экономического и хозяйственного уклада жизни деревни. Этот процесс осуществлялся в чрезвычайно трудных условиях послевоенной разрухи, значительного уменьшения поголовья крупного рогатого скота, лошадей, овец, свиней. Большое количество животноводческих помещений было уничтожено, не хватало кормов и фуража.

Лишь в 20-е годы наблюдаются некоторые изменения развитию животноводства, был проведен ряд мероприятий направленных на улучшение местных пород крупного рогатого скота и повышение их продуктивности. Для этого были созданы государственные племенные питомники и контрольные станции.

В 1927 г. в Понорницкий р-н Черниговской обл. были завезены из Германии породистые овцы «прекос» и создана понорницкая племенная овчарня, а в 1932 г. туда завезли также овец-мериносов

Огромное значение для развития животноводства в этот период имела организация и деятельность сельскохозяйственных кооперативов, которые объединили многочисленные мелкие крестьянские хозяйства, обеспечивая им сбыт животноводческой продукции.

Новый этап в развитии животноводства начался в 30-е годы на базе коллективизации сельского хозяйства. В это время начали создаваться специализированные животноводческие колхозы и совхозы. Сеть их низовых организаций была довольно широкой и обеспечивала не только количественное возрастание поголовья животных, твердые цены на животноводческую продукцию, но и их сбыт.

Но процесс развития хозяйства был прерван Великой Отечественной войной. Только на Волынском Полесье фашистами было реквизировано 2930 голов крупного рогатого скота, 55847 голов лошадей, 200218 голов овец и коз, 210521 голову свиней, уничтожено 545 животноводческих помещений. Поголовье домашних животных в результате этого уменьшилось на 35 %, а овец, в частности, на 48 %¹⁹.

После войны в чрезвычайно трудных условиях началось восстановление сельского хозяйства и животноводства Полесья. Уже к середине 50-х годов было реконструировано большинство животноводческих помещений, увеличилось поголовье, улучшился породный состав скота.

В послевоенные годы были приняты меры по улучшению породности крупного рогатого скота за счет межпородного скрещивания, создания племенных стад и специализации в размещении основных породных групп скота в соответствии с наиболее благоприятными природными условиями. Племенные заводы крупного рогатого скота были созданы в Ольке Волынской обл., на базе совхоза «Украина» Черняховского р-на Житомирской обл., на базе совхоза «Комсомолец Полесья» Чернобыльского р-на Киевской обл.²⁰.

Повышению материальной заинтересованности в производстве животноводческой продукции и ее увеличению способствовало Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 апреля 1965 г., согласно которому были введены надбавки к действующим ценам на крупный рогатый скот, овец и свиней, а с 1 мая 1965 г. были также повышены закупочные цены на птицу.

В 1970 г. были повышены закупочные цены на животноводческую продукцию — молоко, мясо, яйца, молодняк крупного рогатого скота высококачественных категорий, установлена надбавка на животноводческие продукты, продавав-

шиеся государству колхозами свыше установленного годового плана.

Увеличению животноводческой продукции способствовало создание в конце 70 — начале 80-х годов межхозяйственных объединений по выращиванию молодняка крупного рогатого скота и производству кормов. Животноводческие комплексы промышленного типа были созданы в Коросты-шевском и Лугинском районах Житомирской обл. Там же на базе комбикормовых заводов были организованы комплексы по выращиванию молодняка.

За годы советской власти в корне изменились не только социальная структура хозяйствования, но и способы ведения хозяйства, оснащение сельскохозяйственного производства, в том числе животноводчества, способы выпасов, заготовки кормов и условия стойлового содержания скота.

Современное общественное животноводство — высокопродуктивная отрасль сельскохозяйственного производства. По двум обширным полесским областям Белоруссии в 1981 г. валовая продукция сельского хозяйства составляла: по Брестской— 1043,0 млн руб., в том числе от растениеводства 476,4 млн, а от животноводства 566,6 млн руб. По Гомельской обл. 1095,6 млн руб., в том числе от растениеводства 486,8 млн, от животноводства 608,8 млн руб.²¹ Как показывают примеры, прибыль от животноводства значительно превосходит валовой доход от растениеводства. Такое же положение наблюдается и на Украинском Полесье.

Общественное колхозно-совхозное животноводство Полесья насчитывает огромное поголовье продуктивного скота: крупного рогатого, свиней, овец. Все это огромное, разнородное количество скота стало невозможным прокормить только на естественных пастбищах и кормах с традиционных сенокосных угодий. Поэтому наряду с окультивированием естественных кормовых угодий (сенокосов и выгонов) в настоящее время широкое распространение получило травосеяние. Уже в 70-х годах посевами сочных и грубых кормов в Белорусском Полесье было занято по одной трети пахотных угодий. Расширяется возделывание многолетних трав, кормовых овощей и картофеля.

На корм огромного общественного поголовья кроме сена идет сенная мука искусственной сушки и зеленые корма (подкормки); в значительных количествах используются также зерновые отходы (мука, крупа, отруби, жмыхи, шрот); овощи, корнеплоды, картофель, жом, барда, мезга, пивная дробина, солома, мякина, зерна и стебли кукурузы, мясная, мясо-костная, рыбная мука. Для откорма круп-

ного рогатого скота в огромных количествах используется силос всех видов кормовых семян.

Только максимальная механизация всех работ по уходу за скотом, по заготовке и приготовлению многообразного кормового материала на фермах и комплексах позволяет нормально функционировать этому огромному, многоотраслевому и сложному производству.

При заготовке кормов, кормоприготовлении и других производственных процессах в животноводстве широко используются машины и механизированные орудия.

Для заготовки кормов на сенокосных угодьях работают: сенокосилки тракторные, косилки-измельчители, грабли транспортные поперечные и боковые, подборщики-копнители, стогометатели, копновозы и т. д. Для приготовления кормов используются соломосилосорезки, универсальные дробилки кормов, смесители кормов, мойки-корнерезы, измельчители грубых кормов, раздатчики кормов для крупного рогатого скота, агрегаты для приготовления травяной муки, имеется оборудование для гранулирования травяной муки, транспортеры для уборки навоза. На фермах и животноводческих комплексах механизация больше коснулась одной из наиболее трудоемких операций в животноводстве — подаче воды, меньше распространилась на раздачу кормов и очистку помещений.

Вся техника работает в основном на электрической энергии, хотя до сих пор широко используется энергия пара. На нужды сельскохозяйственного производства работают сельские электростанции, хотя их вклад в общий расход энергии незначителен и в основном электроэнергия в сельскую местность идет от государственных электростанций. Котельно-печное топливо и теплоэнергия используются главным образом при отоплении животноводческих помещений, производстве брикетированных и гранулированных кормосмесей и пастеризации молока.

Огромную роль в успешном развитии общественного животноводства играет постройка и соответствующее оборудование помещений для скота, складов и хранилищ для хранения и консервации кормов.

В колхозах и совхозах Полесья в последние годы построены сооружения, которых не знала старая деревня — хранилища для травяной муки, склады для хранения сена, навозохранилища, в том числе механические.

В настоящее время наряду с общественным животноводством колхозов и совхозов скот содержится и в индивидуальных приусадебных хозяйствах колхозников и рабочих совхозов.

Как правило, каждая сельская семья (в колхозах и совхозах) держит одну корову. Но для Полесья характерно наличие в хозяйствах коровы и телки. Некоторые колхозники, особенно пенсионного возраста, крупный рогатый скот заменяют иногда козами. В каждом хозяйстве имеется обычно много кур и другой птицы.

Для корма индивидуального скота выделяются специальные угодья для сенокосения и для выпаса. Домашний скот и птица являются серьезным подспорьем в хозяйственных бюджетах сельских жителей. На питание семьи от своего хозяйства поступает молоко, мясо, жир, коровье масло, яйца. Кроме того, продажа на колхозных рынках излишков продукции составляет значительную долю денежного дохода семей колхозников и рабочих совхозов.

Современное общественное животноводческое хозяйство Полесья базируется на мощной современной технике, отличается высоким уровнем механизации производства, научными формами организации труда. Многие хозяйства обслуживаются специалистами со средним и высшим образованием, что создает предпосылки перехода производства животноводческой продукции на промышленную основу. Вместе с тем в практике производства, в частности в способах ухода за животными, в формах проведения выпаса широкое применение находят лучшие традиции прошлого.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ЗАНЯТИЯ

РЫБОЛОВСТВО

Наличие большого количества водоемов, богатых рыбой, обуславливало распространение с древних времен среди населения Полесья рыболовства. Об этом свидетельствуют археологические исследования стоянок первобытного человека.

В письменных источниках, касающихся древнерусского периода, неоднократно упоминается рыба среди продуктов питания. «Устав на волоки» 1557 г. уже регламентирует сроки рыболовства, указывает снасти, которыми разрешена ловля. В период феодализма крестьяне за право заниматься рыбной ловлей должны были отдавать феодалу часть улова или платить денежный налог, предоставлять транспорт для доставки рыбы, коноплю и лен для изготов-

ления снастей¹. Население сел, расположенных вблизи больших водоемов, должно было принять участие в рыбной ловле: одно село тянуло одно крыло невода, другое — второе, третье — сушило его и укладывало². Торговля рыбой обладалась налогом. В Луцке от бочки рыбы брали по шесть рыб мыта, а от тележки вьюнов — по восемь меток³. В люстрациях ратнинского и любомыльского старосте указано количество рыбаков, а также суммы, которые они выплачивали за право ловли.

Вплоть до начала XX в. рыболовство существовало как вспомогательное, а порой и как главное занятие полещуков, что объяснялось не только наличием большого числа водоемов, богатых рыбой, но и тем, что ловля рыбы была доступна людям разных возрастов, полов, и, в известной мере, общественного положения, не требовала сложных орудий труда, возможностью заготавливать рыбу в большом количестве впрок. А. К. Сержпутовский, характеризуя рыболовство полесских крестьян, писал: «Рыболовство играет огромную роль в жизни полещуков. Оно служит большим подспорьем в хозяйстве. Полещуки сами питаются рыбой и от продажи ее, особенно вьюнов, получают деньги, необходимые на мелкие расходы по хозяйству. Нередко рыбу и вьюнов обменивают на хлеб, лен и сырье, материалы, добываемые в своем хозяйстве в недостаточном количестве. Рыболовством занимаются все, но нет специальных рыбаков. Рыбу ловят в свободное от хозяйственных работ время в течение всего года, ловят различными способами, начиная от больших сетей, вплоть до удочки, остроги и глушения по льду»⁴.

В рыбной ловле кроме мужчин участвовали и женщины, подростки, они же помогали изготавливать сети, ремонтировать их, обрабатывать и продавать рыбу.

С развитием капиталистических товарных отношений, ростом городского населения, строительством железных дорог приобретала распространение ловля рыбы для продажи.

Развитие капитализма оказало влияние и на организацию рыболовного промысла. В нем прочное место занял арендатор (рыбопредприниматель), который за установленную плату приобретал на определенный срок водоем или часть его. Он организовывал добычу рыбы и ее сбыт. Предпринимателям сдавались озера и участки рек, которые принадлежали казне, помещикам, крестьянским общинам. Деньги, полученные за общинные водоемы, шли на общественные нужды. Крестьяне также ловили рыбу на СРОИХ водоемах не только для собственного употребления,

но и для продажи. Нередко водоемы арендовали и сами рыбаки. Когда одному рыбаку было трудно уплатить за аренду рыболовного участка, он организовывал в складчину группу рыбаков, которые и производили лов⁵. Иногда помещики сами организовывали промысел, и в некоторых поместьях за всю зиму добывали рыбы на несколько тысяч рублей серебром⁶.

С развитием товарного хозяйства и крупного рынка в рыболовном промысле вместе с предпринимателем-арендатором появилась еще одна важная фигура — скупщик, который на Полесье очень часто являлся одновременно и арендатором.

На Полесье существовали и особые формы аренды, когда территория делилась между скупщиками, что давало им возможность диктовать цены на рыбу при закупке, а также при сбыте⁷. Рыбаки часто находились в полной зависимости от скупщиков, которые поставляли им снасти за часть улова, которая составляла 25, а то и 50 %⁸. Часть снаряжения скупщики давали в кредит, причем до последней выплаты им принадлежало исключительное право забирать всю рыбу под обеспечение выделенного кредита. Частые изменения рыночной конъюнктуры делали невозможным контроль за цены со стороны рыбаков.

Арендаторами и скупщиками рыба продавалась на рынках местных городов и местечек, а также вывозилась за пределы Полесья, в Варшаву, Тернополь, Збараж. Для торговли свежей рыбой в конце XIX в. скупщики нанимали в Здолбунове пруд, где держали рыбу перед ее отправлением в крупные города⁹. В 30-е годы нашего века рыба с западного Полесья составляла более 50 % озерной и речной рыбы, которую привозили в Варшаву¹⁰.

Рыбаки принимали участие в промысле в качестве самостоятельных добытчиков или в составе рыболовных артелей.

Рыболовная техника полешуков отличалась значительным разнообразием. Иногда использовали одну-две снасти, порой больше, что зависело от сезона, характера водоемов, добываемой рыбы, от традиций.

Широкое бытование имели стационарные и подвижные рыболовные ловушки, что было обусловлено прежде всего наличием на Полесье большого числа водоемов, заросших водорослями, травой. Наиболее распространенным видом ловушек были бучи или коши («кіш», «верша», «лозовий кіш»), сплетенные из лозовых прутьев («дубців») конусовидные корзины с горловиной внутри. Горло («устинок») вставлялось в корзину и привязывалось к входному обру-

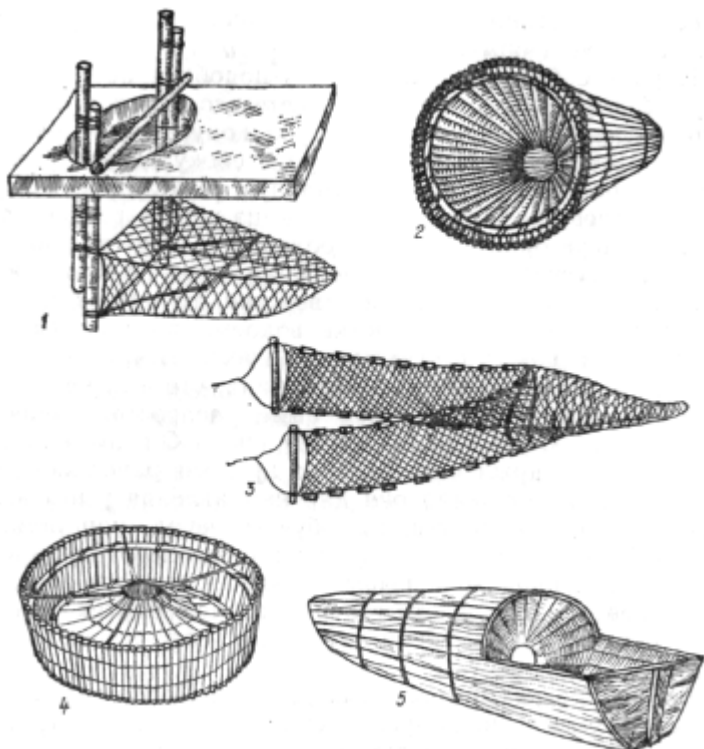
чу ее или вплеталось в стенку, что придавало ловушке колоколовидную форму.

Наряду с бучами, применялась подобная по конструкции и форме снасть —нерод из сетевого полотна, натянутого на деревянный каркас. У буча конусовидное окончание закрывалось травой, а в нероде сбоку делали узелок, через который вытягивали пойманную рыбу. Бучи и нероды использовали часто с гатками — из кольев в виде плетня. Ими перегораживались небольшие речки и протоки. В проемах устанавливались ловушки, хотя не всюду и не всегда. Если гатка не имела отверстия, то рыба вылавливалась в ограниченном участке водоема подвижными ловушками: сачками, топтухами, крыгами. Встречались заборы с камерами из того же материала, что и перегородка. Модернизацией гатки с бучем была распространенная по всему Полесью ловушка — венгер, жак. Он представлял собою нерод с крыльями. Ширина крыльев равнялась диаметру венгера, служили они для направления рыбы в ловушку. Крепился венгер, как буч и нерод, при помощи кольев. Наиболее богатым был улов с использованием этих ловушек в период хода рыбы на нерест и после него. Во время нереста эти снасти ставили горлом против течения возле берегов на неглубоких местах, а после нереста — наоборот.

В центральных и восточных районах Полесья для лова рыбы, которая весной опускалась по течению, обессилев от недостатка кислорода в зимней воде, использовались специальные ловушки — поплавы («вароти», «нити»). Они представляли собой сетевые мешки, прикрепленные к двум шестам. Внутри мешка вязывалась сетевая перегородка, преграждавшая выход рыбе, зашедшей в мешок. Шесты для лучшей устойчивости при помощи лозовых колец крепились к кольям, вбитым в дно водоема. Это позволяло поднимать ловушку со дна, двигая шесты вдоль кольев. Такие снасти использовались также на участке Днепра, от границы Белоруссии до Киева. Подобными снастями рыбачили весной на помостах, сооруженных над водой, а также в проемах язов.

В местах нереста рыбы, особенно язей, устанавливали сетевые мешки на двух шестах. Размещали их в шахматном порядке. Рыба, зашедшая в мешок, вырывала колья, они всплывали и захлопывали мешок.

Широко распространенным орудием зимнего промысла вьюнов была коробка («кош», «кошалка», «решето») из прутьев, планок, луба, из старого решета. Она представляла собой посудину цилиндрической формы с горлом вместо

Рыболовные орудия Полесья. / — поил
ап. 2 — буч, 3 — венгер, 4 — решето, 5 —
«скрипка».

дна. Горло делали из полотна или березовой коры. Устанавливались коробки в лунках. Чтобы вода в них не замерзала, ловушку покрывали ветками, сеном, присыпали снегом. В восточном Полесье и на Житомирщине для ловли вьюнов использовалась несколько иная по конструкции ловушка — «скрипка». Она представляла собой буч с корытцем или шейкой у входа.

Из подвижных ловушек на Полесье широко применялись топтухи, кломли, саки, волоки, наставки. Топтухи делали из лозы, а также сетевого полотна. Они имели форму конуса, деленного пополам. Топтухи были известны по всей территории Полесья. Топтухой рыбачили в заросших травой водоемах, загоняя вовнутрь рыбу ногами. Топтухой мог ловить один человек.

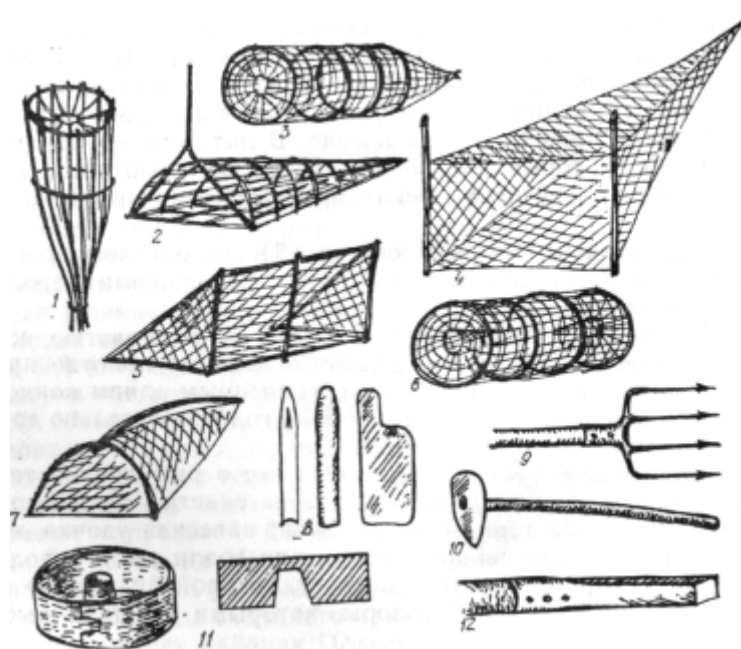
Распространенным на Полесье орудием ловли была кло-мля («кошара», «колыска») из прутьев или сетевого полотна, которые крепились к деревянному каркасу. Это была

треугольная призма с одной открытой боковой гранью. В ловле этой снастью принимало участие два рыбака. Ею можно было ловить и из лодки.

Полесские рыбаки часто пользовались сакон, сетевым мешком на обруче в форме полукруглости. Им пользовались при ловле вброд, а также с лодки.

На всей территории Полесья рыбаки пользовались волоком — снастью из сетевого мешка, прикрепленного к двум шестам. Волоком ловили рыбу два рыбака с использованием лодок. В западном Полесье подобной снастью («бро-даном», «брадником») рыбачили с одной лодки два рыбака. От волока эта снасть отличалась планкой, которая соединяла нижние концы шестов, что давало возможность пользоваться ею при ловле вброд.

Для этого района была характерна еще одна оригинальная подвижная ловушка — «наставка», представлявшая собой плетеный из лозы или сетевой усеченный конус на деревянном каркасе. В сетевой наставке было от

Рыболовные орудия Полесья.

У —верша. 2 — «комля», 3, 6 — «нерод», 4 — волок, 5 — «колыска». 7 — топтуха, 8 — инструменты для изготовления сетей — челнок, дощечка, «резевая» дощечка, 9 — ость, 10 — «бовт». 11 — «решето», 12 — пешня.

одного до трех сетевых полотен. В двойных и тройных стенках обязательно имелось одно густое сетевое полотно, остальные имели большие ячейки («реди»).

Указанные ловушки применялись в основном при ловле рыбы для собственного потребления и лишь вентери, по-плавы и некоторые другие использовались в промысловом рыболовстве.

Орудиями, предназначенными для промыслового лова, были сети и невода. На Полесье применялись одно-, двух- и трехстенные сети. Наиболее характерной для Полесья были трегубицы («рыжовки»). В этой сети по обе стороны густого полотнища размещались два полотнища с большой ячейкой. Трегубицей ограничивалась часть водоема, а рыба загонялась в сеть ударами специального шеста («бовта») по воде, затем сеть с запутавшейся в ней рыбой выбиралась в лодку. Подобным образом на Черниговщине ловили рыбу при помощи двухстенной сети. В восточном Полесье для ловли уклейки применялась небольшая одностенная сеть — уклеяница.

Невода для ловли рыбы использовали в больших водоемах. Из местных особенностей неводов в Полесье следует отметить его разновидность — «лату». Это была снасть без куля («матни», «кормы»), в котором собиралась рыба во время движения невода в воде. В лате она собиралась в желобе, который образовывало сетевое полотнище под воздействием течения реки при подтягивании снасти к берегу.

Характерным для рыболовства в Полесье было широкое распространение ловли рыбы вброд небольшими неводами — бреднями.

Полесские рыбаки пользовались и такой снастью, как крыга, известной по всему Полесью. Сетевое полотно крепилось в ней к двум полозьям, соединенным одним концом так, что они могли занимать любой угол относительно друг друга. Рыбачили крыгой вброд.

Значительно меньший удельный вес в рыболовной технике полешуков занимали крючковые снасти. Распространенными типами таких снастей были: навесная удочка, перемет и др. С древнейших времен для ловли рыбы использовали и ударные снасти — острогу, которой били рыбу во время нереста, дубины, топоры, которыми глушили рыбу под льдом.

Традиционная рыболовная техника полешуков, представляя в своей основе однородное явление, имеет и некоторые различия. Они заметны при сравнении рыболовных орудий западного и восточного Полесья. В частности,

это проявляется в бытовании на западе Полесья наставок, броданов, лат и в отсутствии или спорадичности применения их на востоке Полесья. То же самое можно сказать и относительно распространения в восточном Полесье поплаво-во, скрипки, уклеяцы. Определяя особенности рыболовной техники полесских рыболовов, следует отметить ее общность с рыболовной техникой других районов Белоруссии, Украины и других славянских народов.

За годы советской власти рыбный промысел в значительной степени механизирован, лодки рыбаков снабжены моторами, используется автотранспорт, применяются механизмы в подледном лове неводами. Разрозненные промыслы объединены в промышленные предприятия — рыбные заводы и комбинаты, которые в значительной мере обеспечивают население продуктами лова.

В советское время рыболовство приобрело еще одно примечательное качество. Оно стало массовым видом отдыха городского и сельского населения. Спортивное рыболовство, являясь одним из самых доступных и наиболее массовых видов спорта, имеет не только большое оздоровительное значение, но и содействует лучшей организации охраны рыбных запасов.

ОХОТА

Археологический материал свидетельствует о давних традициях охоты на территории Полесья¹¹.

В период Киевской Руси этот регион был основным поставщиком пушнины, выполняющей функции денег. В то время, пушнина была главным предметом дани населения Полесья князьям. В «Повести временных лет» летописец под 883 г. сделал запись: «Поча Олег воевати древляни и примучи вой имаша на них дань по черне куне»¹².

В XVI—XVII вв. на Полесье существовали селения, основным занятием населения которых была охота. Крестьяне многих сел платили дань пушшиной. Как и в других регионах, здесь взималась охотничья дань, называемая «ловче», «лоучае»¹³. Согласно люстрации 1615—1616 гг., в с. Литковцы на Черниговщине было 12 кунчинок¹⁴. В ревизии 1545 г. указано, что население с. Чернче-Городок давало бобров для Луцкого замка¹⁵.

В некоторых районах Полесья существовала специализация среди охотников. На Полесье выделялись бобровни-ки, стрельцы и пташники¹⁶. Полешуки охотились на лосей, кабанов, медведей, ланей, оленей, волков, косуль и других зверей.

Охота служила полешуку определенной статьей дохода, обеспечивала его питательным мясом¹⁷. Кроме того, она была обусловлена и необходимостью защиты крестьянского хозяйства от хищных зверей, которые в условиях Полесья приносили особенно большой вред. Например, в Волынской губернии в 80-х годах XIX в. волки уничтожали в среднем за год 1504 лошади, 1881 жеребенка, 1127 голов крупного рогатого скота, 937 телят, 2131 овцу, 1699 свиней¹⁸.

Еще в середине XIX в. фауна Полесья довольно стабильно сохраняла свое видовое поголовье. В малодоступных лесах, на болотных островах, многочисленных притоках рек, в зарослях лозняка звери находили надежное убежище, богатый и разнообразный корм, благоприятные условия для размножения.

После реформы 1861 г. население Полесья испытывает все большее влияние на свое натуральное хозяйство товарно-денежных отношений и в поисках товарной продукции начинает активнее использовать богатства природы. Проведение железных дорог во второй половине XIX в. способствовало также и сбыту продуктов охоты.

Для охоты на того или иного зверя крестьяне пользовались всевозможными западями, силками, сетками, петлями, огнестрельным оружием.

Из самоловных приспособлений для ловли зверей и птиц различаются неподвижные и подвижные. К первым относятся ловчие ямы, перескоки, плашки, «волковни». Известные еще с верхнего палеолита ловчие ямы без существенных изменений дошли до XX в. Ямы копали на медведей, волков и парнокопытных. Их прикрывали лозовыми плетенками, проваливающимися на поперечной оси, маскировали хворостом и травой. Иногда в яме забивали острые колья. Хищников к яме приманивали живым поросенком или куском мяса. Ямы на кабанов копались лейкообразной формы, глубиной около 1,6 м, ямы на волков — глубиной 2 м¹⁹. На волков ямы копали на тропинках, перекрестках дорог, среди хозяйственных строений, на сарн — на лугах, на кабанов — на границе картофельного поля, посевов проса, овса или на опушке леса. Попавших в яму зверей добывали кольями, топорами, вилами, а не пристреливали с ружья, чтобы запах пороха не отпугивал других зверей, и яму можно было использовать в будущем.

Многообразием и изобретательностью отличались многие приспособления для ловли волков. На Белорусском Полесье использовали так называемую «трайпу» или «трязуб» — двухметровую доску-сороковку с тремя вырезанными зубцами и двумя пазами между ними. Ее вертикально

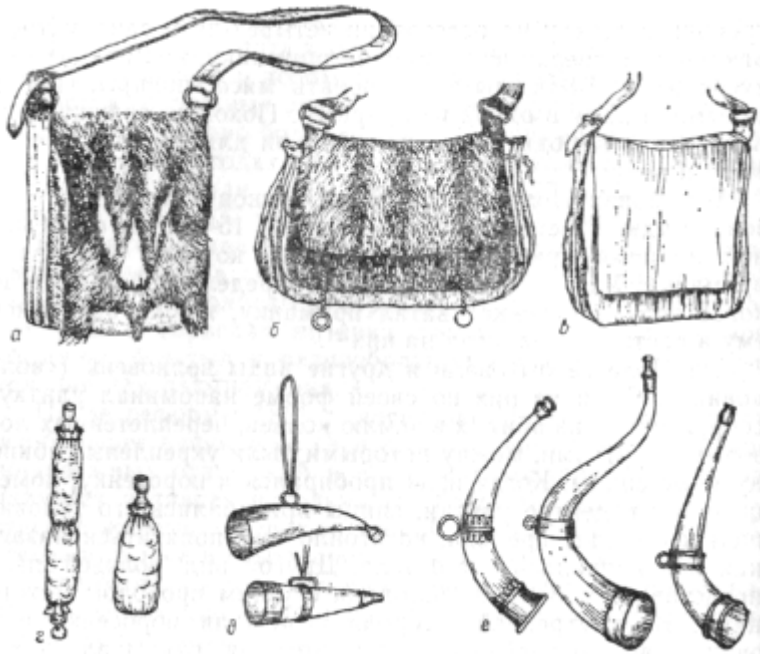
крепили к дереву на расстоянии четырех-пяти сантиметров от ствола, а сверху подвешивали приманку, как правило, — кусок мяса. Волк, пытаясь сорвать мясо, подпрыгивал и защемлял лапу в одной из прорезей. Похожие ловушки использовали народы Восточной Сибири для охоты на росомаху и волка²⁰.

В районах Полесья для ловли волков и лисиц использовали уды — металлический стержень 15—20 см с пружиной и тремя крюками на конце, за которые крепилась приманка. Уда подвешивалась на определенной высоте и, когда волк в прыжке хватал приманку, крюки впивались ему в пасть и он зависал на них²¹.

На Полесье бытовали и другие виды волковень («волковни»). Один из них по своей форме напоминал улитку, сооруженную из вбитых в землю кольев, переплетенных лозовыми прутьями, между которыми были укреплены гибкие дубовые спицы. Когда волк пробирался к поросенку, помещенному в центре улитки, спицы пригибались его туловищем к стенкам прохода, но стоило ему попытаться назад, как они впивались в его тело. Другой вид волчьей ямы представлял собою две изгороди с узким проходом между ними. Во внутренней изгороди помещали поросенка или овцу, а во внешней — калитку, которая открывалась вовнутрь, перекрывая проход. Волк, войдя в проход между изгородями, сам закрывал калитку и уже не мог выбраться. Аналогичные западни были известны на Балканах, в Карпатах²².

Мелких пушных зверей — куниц, горностаев, хорьков, белок — деревенские охотники добывали различными деревянными самоловами, изготовленными непосредственно на месте лова из подручных материалов. Наиболее широкое распространение имели самоловы типа перескоков («торкала») и плашек («ашчэп», «розчэп») — ловушек из двух плах или трех-четырех жердей.

Непосредственным предшественником современных капканов является «ступица» — простая по конструкции и изготовлению, но весьма оригинальная ловушка. Механизм ступицы, изготовленной без единой металлической детали, основан на использовании пружинистости лещиновых прутков, под действием которых две подвижные клепки захлопываются и защемяют ногу зверя, как только он наступит на клиноподобный сторожок, удерживающий клепки-зажимы в открытом положении. Все деревянные детали ступицы (два лещиновых прутка диаметром 2,5 см и две клепки) монтируются при помощи двух шпунтов и четырех колков в сквозном отверстии, выдолбленном в березовой

Предметы охотничьего снаряжения.

Ягдташи: *a* — барсучий, *б* — лосиный, *в* — юфтевый,
г — шотовни, *д* — пороховницы, *е* —
сигнальные трубы,

плашке размером 74X22 см. Ступица вытеснена капканами из широкого употребления в конце XVIII в., но использовалась в некоторых местностях вплоть до конца XIX в., а у горцев Украинских Карпат — еще в 20-х годах XX в.²³

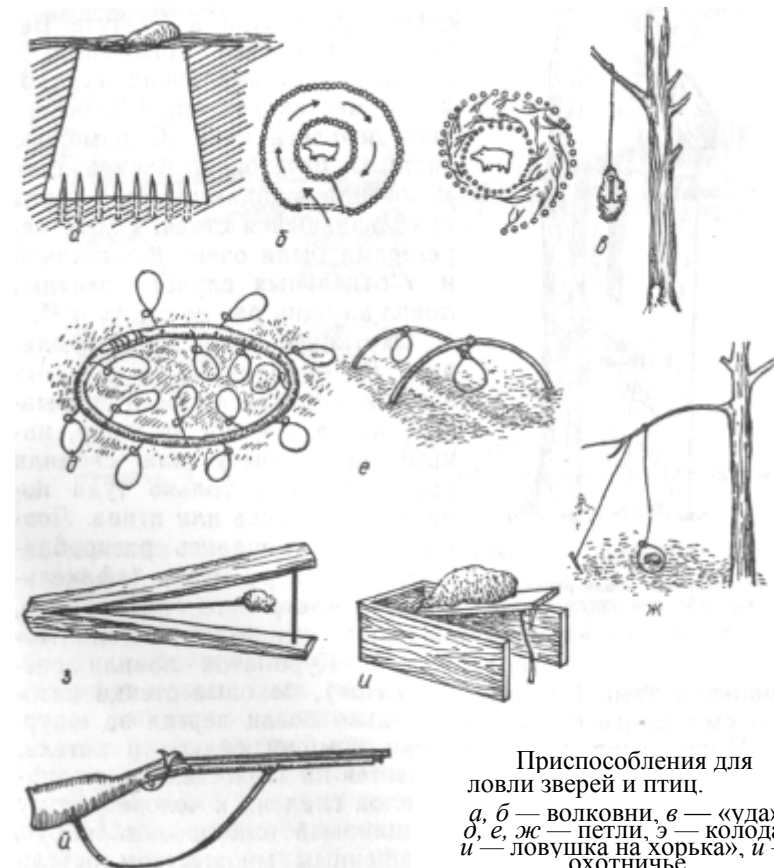
Еще большей простотой конструкции и принципа действия отличается ступа—отпиленный от ствола дерева круглый чурбак с выдолбленным в торце отверстием, имеющим форму перевернутой вверх дном бутылки. Ставили ступы на заболоченных лосиных тропах. Защемив ногу в ловушке, лось, стремясь освободиться, завязал в болоте. Ступа бытовала на восточном Полесье еще в XIX в.

На Полесье в 20—30-е годы нашего века широко использовались ловушки («сланцы», «слопцы») разнообразных форм и размеров. Механизм их действия аналогичен плашкам и перескокам. Как правило, они имели форму коробки с одной или двумя крышками, которые захлопывались в момент, когда зверь дотрагивался до сторожка. В районе Костополя на Ровенщине делали ограждения из лозы в форме квадрата с отверстиями с каждой стороны,

в которых ставили по слоцу, а внутри клетки помещали петуха²⁴ Такие ловушки использовали для ловли лисиц, хорьков 'куниц, а в границах усадьбы — мышей и крыс.

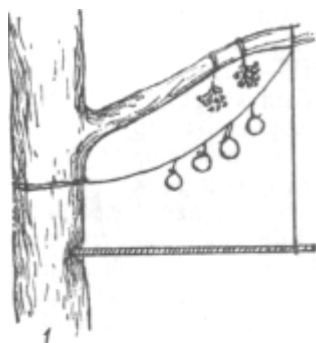
Похожим по принципу действия был «тулец» в Волинском Полесье, который ставили на хорьков и других мелких зверей. Он представлял собою деревянную коробку, верхняя крышка с острым шипом настораживалась при помощи палочки, а сверху клали груз. Когда зверь дотрагивался до сторожка, крышка падала под тяжестью груза и шипом прибивала его к земле²⁵. Такая ловушка была известна у многих народов: у южных славян это — «туляц», в России — «башмак», в Украинских Карпатах — «зазуб»²⁶.

С конца XVIII в. в употреблении входят ловушки заводского изготовления — металлические капканы. Местные

Приспособления для
ловли зверей и птиц.

a, б — волковни, *в* — «уда»,
д, е, ж — петли, *з* — колода,
и — ловушка на хорька», *к* —
охотничье
ружье — «пнеоновка».

Силки.

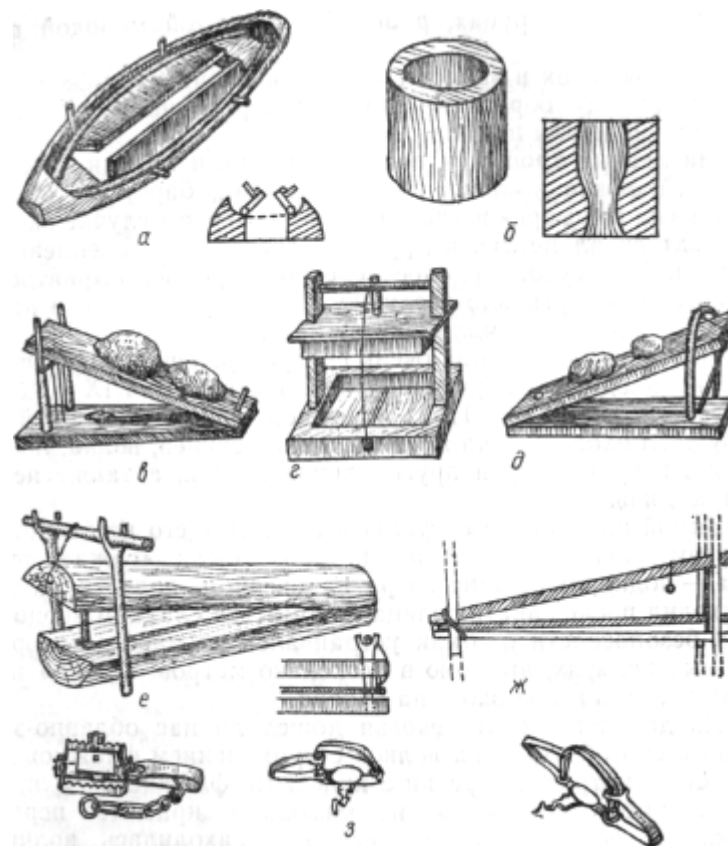
1 — пружки для ловли рябчиков,

сверху, как только ловец дергал за шнур. Много дичи добывали при помощи силков и петель. Этот способ был издавна известен на Полесье. На куропаток, особенно зимой, когда голод гнал их к человеческому жилью, ставили «кола» — лещиновый или лозовый обруч, переплетенный шнуром, оснащенный множеством петель

кузнецы часто изготавливали капканы по заводским образцам. Долгие годы они употреблялись вместе с деревянными ловушками, вплоть до начала XX в.

С давних времен известна на Полесье ловля животных и птиц при помощи сетей. Наиболее древними ловчими сетями были тенета и перевесы. Тенета служили для ловли зверей облавно-загонным способом, а перевесы — для ловли пернатой дичи. Перевесам посвящен отдельный раздел «Русской Правды», а также некоторые статьи в Статуте Великого княжества Литовского²⁷. Перевесы устанавливали на жердях в местах утреннего и вечернего перелета птиц. С помощью системы бечевки и блоков сеть мгновенно поднималась перед приближившейся стаей. Охота перевесами была очень добычливой и в отдельных случаях охотник ловил за один раз до ста уток²⁸.

Охотничьи сети подразделялись на самоловные, в которых зверь запутывался сам, и подрывные, когда, дернув за шнур, накрывали добычу или сводили края сети, как только туда попадало животное или птица. Ловчие сети отличались разнообразием форм и размеров («факельные», «летухи», «колокола», «шатры», «наезды», «плахты» и др.). Куропаток ловили специальной зимней сетью («корыто»), боковые стенки которой смыкались

Самоловные ловушки.

а — «ступца», б — «ступа», в, г, д — «сланцы», е — ошеп, ж — «сторкало», з — современные капканы.

из конского волоса. Приманкой служила соломенная труха и полова.

Рябчиков ловили «пружками» — небольшими, из восьми—десяти петель силками, привязанными к ветке дерева. Сверху подвешивали кисть рябины, снизу — пруток, толщиной в палец. Сидя на этом прутке и пытаясь достать ягоду, рябчик подпрыгивал и защемлялся в петле. Дупелей ловили на токовищах «поножами» — длинной веревкой с привязанными через каждые четверть метра петлями.

С конца XIX в. известны силки: на сарн — из скрученного провода, который привязывали к дереву, корню или к забитому в землю колу. Силки устанавливали на земле на

лесных тропах, срубях, а зимой — в густой молодой посадке.

На куропаток и зайцев ставили силки на картофельных полях. Между бороздами вбивали деревянные прутки, к ним привязывали петли.

На лесных тропах, у водоемов петлями ловили оленей и лосей, возле выходов из нор — лисиц, барсуков, ставя петли «на зашморг» и «на подрыв». В первом случае зверь сам затягивал петлю, в другом — согнутое и зацепленное вершиной за сучок молодое деревцо. Стремясь вырваться, животное выдергивало верхушку из-под сучка, дерево распрямлялось и поднимало добычу над землей.

Охота с ружьем была очень распространена на Полесье. Только в одном Овручском уезде в середине XIX в. было зарегистрировано 1150 охотников разных сословий²⁹. С ружьем охотились на медведя, диких свиней, волка, лося, оленя, косуль, лису и других диких зверей, а также пернатую дичь.

Зимой на медведя охотились, поднимая его из берлоги. Другим распространенным способом была «сижа», «сежа» — подкарауливание зверя на овсяном поле, куда он приходил после заката солнца лакомиться сладким зерном. Для безопасности охотник устраивался на заранее сооруженных полатах, высотой в несколько метров. «Сижа» использовалась и при охоте на кабана.

Из далекого средневековья дошел до нас облавно-загонный способ охоты на волков с применением флажков — многокилометровой веревки с красными флажками. В прошлом вместо флажков использовали красные перья. Накануне облавы квадрат леса, где находилась волчья стая, обкладывали флажками, а загонщики шумом поднимали волков и гнали на охотников.

С давних времен охотники прибегали к имитации голосов зверей с целью подзвать зверя к ловушке или на расстояние выстрела. Такой способ получил название «вабе-нье» (от слова «вабить» — подзывать, приманивать). Для этого использовали специальные приспособления — манки. Так, с помощью специального деревянного или берестового манка, напоминающего по форме бычий рог, издавали звуки, имитирующие голос самки лося. В 30-х годах нашего века в качестве манка для лосей служили обычное ламповое стекло или бутылка с обрезанным дном. Манки на рябчиков делали из гусиной или заячьей кости, из липы, гусиных перьев, отливали из олова. Тетёрок приманивали при помощи свистка из камыша или деревянного мундштука, которым имитировали голос тетерева на то-

ку³⁰ Лису подзывали голосом зайца, мышинным пискком.³¹ При охоте на сарн имитировали голос козы.

Полесские охотники умело использовали знание повадок зверей и птиц. Например, охотник, идя по лесу, время от времени сходил с тропинки и ломал ногами хворост, шелестел опавшей листвой. Если вблизи оказывался козел, то, интересуясь источником шума, он подходил к человеку на выстрел.

Для охоты на водоплавающую птицу использовали чучела и подсадных уток. Вокруг привязанной к деревянному кругу подсадной утки устанавливали до сотни волосяных петель на гибких прутьях. Таким способом ловили по несколько сотен селезней.

Продуктами охоты являлись мясо, кожа, рога, мех, но главное — мясо. Особенно ценилось мясо лося и оленя. Мясо по частям переносили домой или перевозили лошаадьми. Дома его варили, жарили, солили и коптили. Лосиные и оленьи рога продавали, изготовляли различные изделия и лекарства. Кожа шла на изготовление одежды, из нее шили охотничьи сумки, ее продавали³².

Частой добычей охотников были дикие свиньи, зайцы, утки.

Несмотря на то что численность пушных зверей уменьшилась, полещуки еще в конце XIX — начале XX в. в значительном количестве добывали куниц, хорьков, выдр, барсуков, лисиц, других пушных зверей. Пушнина ценилась довольно высоко и приносила значительную прибыль.

Продукты охоты использовались часто и в народной медицине. На некоторых зверей специально с этой целью охотились. Барсучье сало употребляли для лечения туберкулеза, воспаления легких, ревматизма, ожогов. Кровью зайца лечили лишаи, а перемолотым языком лисицы — зубы.

Занятие охотой сопровождалось, как и в других регионах, различными обрядами, заговорами, магическими действиями. Бытовали поверья о хороших и плохих охотничьих приметах, существовала убежденность в том, что можно придать чудодейственные свойства путем заговоров различным орудиям лова, что есть звери, которых не берет ни капкан, ни пуля, и т. п.³³.

Отсутствие в царской России действенных мер по решению вопросов воспроизводства и рациональному использованию природных запасов, в сочетании с другими причинами, главной из которых было массовое уничтожение лесов, привело к резкому сокращению лесной фауны Полесья. Только в одной Волынской губернии площадь лесов

в период с 1861 по 1914 г. уменьшилась с 41,9 до 25,4 % от всей территории³⁴. Отдельные виды промысловых животных полностью исчезли (зубр, тарпан, росомаха, медведь, соболь, лесной кот и др.), а многие находились на грани полного уничтожения (лось, благородный олень, бобр и др.).

Советское государство поставило охрану природы на научную основу. У истоков рациональной системы природопользования в СССР стоял В. И. Ленин. В первые годы советской власти им был подписан ряд декретов, в которых были определены основные принципы организации охоты и ведения охотничьего хозяйства. Ленинские идеи и декреты определили основные направления работы по охране природы на перспективу.

Животный мир Полесья играет важную роль в хозяйственной деятельности человека. В 1980 г. был принят закон СССР «Об охране и использовании животного мира», который заложил правовую основу сохранения и охраны животного мира. Важное значение для охраны живой природы имеют заповедники, заказники, заповедно-охотничьи хозяйства, в границах которых сохраняется природный комплекс в целом или его отдельные элементы.

В результате природоохранных мероприятий поголовье диких животных, которые в 20-х годах находились на Полесье на грани исчезновения, восстановлено и доведено до промысловой плотности. Кроме того, сюда завезены: ондатра, американская норка, енот-полоскун, енотоподобная собака, которые хорошо прижились. На Полесье также проводится реакклиматизация зубра. АН УССР и БССР разработаны критерии определения охраняемых территориально-фаунистических комплексов и разработана научно обоснованная схема их размещения и организации.

ПЧЕЛОВОДСТВО

В хозяйстве полешуков пчеловодство с давних времен играло важную экономическую роль. Мед употребляли не только как продукт питания, но и как обрядовый продукт — из него готовили канун при поминовении умерших, делали широко известный за пределами Полесья высококачественный хмельной напиток — медовуху, им угощали гостей на свадьбах, поминках, праздниках, он широко использовался еще в древнерусский период. Мед буквально сопровождал полешуков на протяжении всей жизни — от рождения до смерти. Его клали даже в могилу³⁵.

В течение многих столетий мед и воск выступали наряду с пушниной на внутреннем и внешнем рынках в качестве одного из расчетных эквивалентов — меновой и налоговой единицы. Мед являлся составной частью дани, взимаемой с населения Полесья.

Медовую дань на протяжении многих веков взимали на всей территории Полесья. Так, в XIII в. жители Берестя (Берест, Брест) платили князю Мстиславу Даниловичу «со ста по два лукна меда»³⁶. Аналогичное положение сохраняется и в XVI в.: «Давали с села Бабиничи... два лукны меда красного... в лукно укладывали по десяти пудов»³⁷. В этом же веке жители восточного Полесья «сычевали но-сагку меда»³⁸ мозырскому наместнику.

Успешному развитию пчеловодства благоприятствовала полесская природа с ее обширными лесами и лугами, изобилующими разнообразными медоносами. Не было крестьянина и шляхтича, который не имел бы в лесу или в своих волоках несколько колод. Русский академик В. Се-вергин посетивший в начале XIX в. Белоруссию, писал в своих воспоминаниях: «От самого Минска до Юхновки почти на каждом шагу встречаются улья, иногда по два и три на одном дереве»³⁹.

Большим спросом пользовались продукты пчеловодства — мед и воск в европейских странах. Поэтому, когда значительная часть Полесья вошла в состав Великого княжества Литовского, господствующая верхушка стремилась монополизировать бортовые угодья. В 1946 г. великий князь Александр предоставил Городне магдебургское право и одновременно разрешил построить «каменицу» с воскобойней и коморой. При этом подчеркивалось, что свои и иностранные купцы имели право приобретать за один раз не более трех камней воска, т. е. трех пудов⁴⁰. В привилегиях 1544 г. содержатся сведения о выдаче киевлянам разрешения содержать воскобойню — «щоб воски забивати»⁴¹.

*Экспорт продуктов пчеловодства, вывезенных через краковскую таможенно в 1510—1541 гг.*⁴³

Об этом свидетельствует сборнику налогов Владимира-ра-Вольнского: «Федько Лу довин и Станислав держали комору восковую»⁴². О размерах экспортной торговли медом и воском можно судить по статистическим данным краковской «мытной коморы», через которую вы-

Годы	Воск (камней)	Мед (бочек)
1510	15716	707
1523	—	168
1533	9840	650
1535	6527	321.5
1536	10869	—
1541	8996	—

возилась только часть экспортных товаров, главным образом из восточных районов Полесья.

Первоначальной формой пчеловодства на Полесье, как, впрочем, у всех восточных славян и их соседей, было бортничество, т. е. содержание и разведение пчел в «живых ульях» — поначалу только в естественных, а позже и в искусственных дуплах. Такой улей назывался бортью, а дерево, в котором она выдолблена, — стайлиной. В своем развитии бортничество прошло три основных этапа: 1. Охрана и уход за дикими пчелами, самостоятельно поселившимися в естественном дупле дерева. 2. Содержание сознательно осажденного роя лесных пчел в приспособленных под борти естественных дуплах. 3. Разведение и содержание пчел в специально выдолбленных бортях.

В результате многовековой практики выработалась и отшлифовалась оптимальная техника изготовления бортей, рациональные способы приманивания роев и ухода за пчелами, возникли и усовершенствовались специализированные бортные орудия труда, сложилась пчеловодческая обрядность, традиции и право. Об этой нелегкой профессии говорится в одном из первых древнерусских художественных сочинений: «Отец мой и брат древолазцы суть в лесе бо мед од древна вземлют... Аще ли кто урвется, сей живота гонзнет»⁴⁴. Профессия бортника обычно передавалась по наследству: ходить за пчелами учились с детства у родителей, на практике постигая тайны пчеловодства⁴⁵.

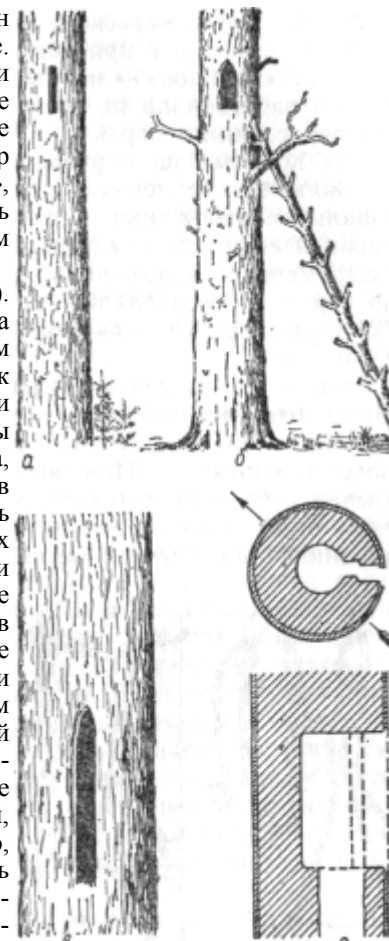
Бортные орудия труда и приспособления без существенных изменений дошли почти до наших дней. Они были известны на всей территории Полесья, правда, с теми или иными местными особенностями и названиями: лазиво, ле-зиво («жэнь», «ліна», «ліня», «плець»), барта («барда», «серка») — топор с широким лезвием, пешня с прямым или изогнутым в виде желобка острием, медорез — специальной формы нож для подрезания сот. Кроме того, бортники применяли и обычный столярно-плотничный инструмент.

Борти выдалбливались до роев. Бортник выдалбливал прямоугольное отверстие размером 60X14 см с солнечной стороны, затем вырубал камеру борти, подчищал стенки. На изготовление борти затрачивалось около двух недель.

Камера борти имела трапециевидную форму. По функциональному назначению в ней различали голову или шапку, где находился рой, середину («середину», «сярэдзіну»), где размещались соты, и дно («спід», «подак») — свободное пространство под сотами, куда падали мертвые пчелы, различный мусор. Сюда же при необходимости ставилась под-

кормка — сыта в деревянной или глиняной посуде. Для крепления и оттяжки пчелами сот в середине борти устанавливали крепостовину. Входное отверстие («довж», «доуж», «даужнік») закрывалось плотно подогнанным брусом («довжня», «длужня», «доужань»). Дополнительно лазейка прикрывалась снетом («сінтню»), который крепился к дереву двумя дубовыми штырями. В завершение работы бортник срубал вершину дерева, чтобы оно разрасталось в толщину и могло противостоять бурям. В местах, изобилующих медоносными травами и ягодниками, а также там, где сосны были не тоньше 60 см в диаметре, в одном дереве вырубали по две, а то и по три борти. На каждом бортном дереве хозяин вырубал свой знак (знамя, тавро), представляющий собою то или другое сочетание черточек, линий, колец. Их наносили для того, чтобы узаконить собственность на борть. В охране собственности были заинтересованы и князья. На страже бортных знамен стояло не только обычное право, но и первые письменные законодательства — «Правда русская» и «Статут Великого княжества Литовского»⁴⁶.

Следующим этапом, требующим определенных знаний, было приманивание роя в новую борть, для чего проводили «тварбу». Борть опрыскивали настоем из ароматных цветов и трав, натирали стенки мализой, клали ветки молодой

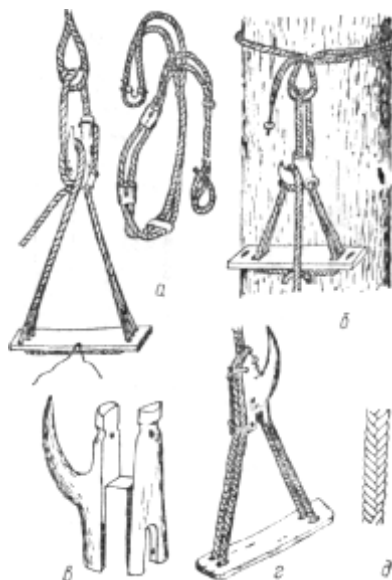

Бортные приспособления и орудия труда.
а — стайлина, б — стайлина с островками,
в — общий вид борти, г — продольный
разрез борти.

ольхи, окуривали вереском, внутрь клали кусочек старых сотов. Ловили рои и при помощи таким же образом обработанных «вабиков» — небольших ульев из еловой коры, которые расставляли по всему лесу. Поселившихся в улье пчел переселяли в борть.

Для подъема на бортное дерево применялось простое по технике изготовления и чрезвычайно интересное в функциональном отношении приспособление — лезиво, лезиво. Основная его часть представляет собою сплетенную из пяти сыромятных полосок кожи или конопли тридцатиметровую веревку с «сиделкой» на одном конце, деревянным крюком или петлей — на другом и подвижным козлом между ними.

Лезивы имели незначительные региональные конструктивные отличия, обусловленные различными способами подъема на бортное дерево. На Полесье их было два: «пе-рекид» и «потяг»⁴⁷. При подъеме перекидом бортник обвязывал себя и дерево несколько раз лезивом так, чтобы между ними было свободное пространство в 70—80 см. Из свободной части лезива бортник вязал петли-стремена то

Бортные приспособления и орудия труда.

а — лезиво, б — крепление лезива на бортном дереве, в — конструкция «козла», г — селенье, д — техника плетения лезива.

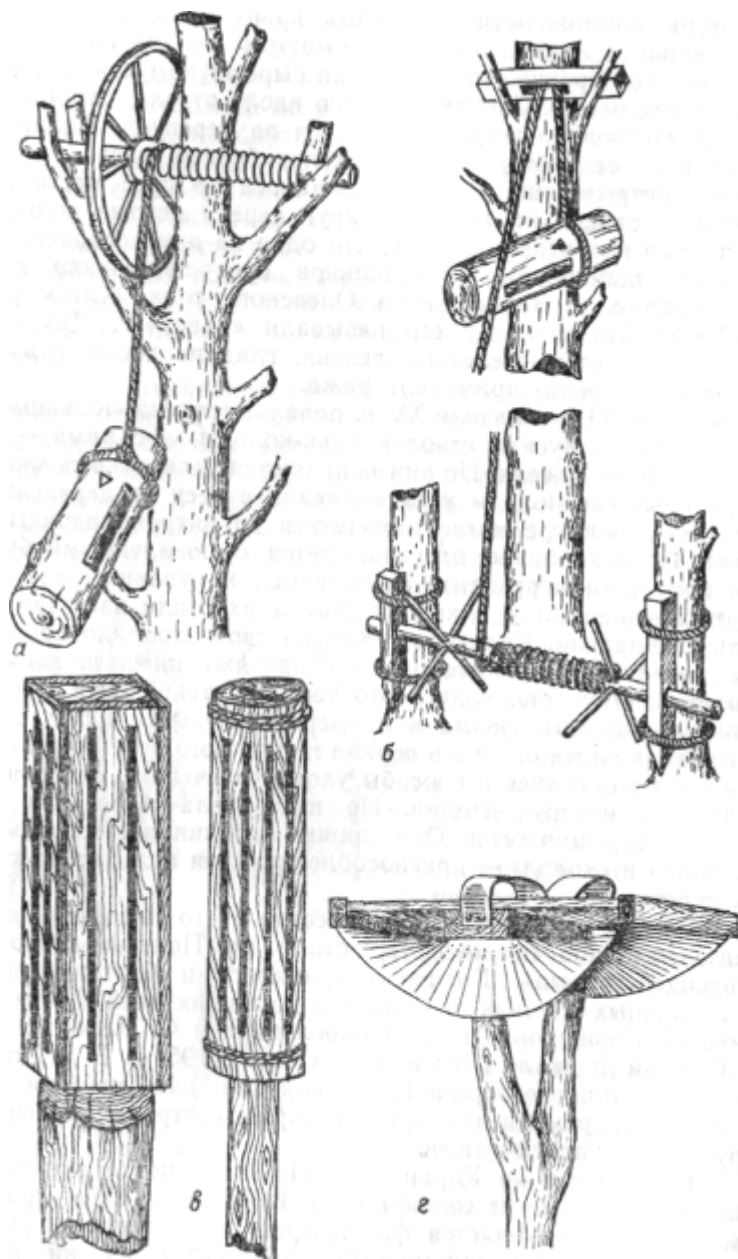
для левой, то для правой ноги, поднимаясь с каждым разом на 50—60 см. При подъеме потягом бортник перебрасывал через ветку или крепкий сук лезиво, садился на сиденье и, отталкиваясь от ствола ногами, подтягивал сам себя вверх. Осадив рой, следовало позаботиться и о его защите от медведей, которые буквально разоряли бортников. Наиболее распространенным в силу своей наибольшей эффективности был подкур — квадратный помост вокруг дерева. Ширина его делалась такой, чтобы медведь, держась одной лапой за ствол, другой не мог дотянуться до его края. Снизу подкур оснащали дубовыми, позже железными метровыми спицами, обращенными острием вниз. Они не дава-

ли зверю возможности проломить препятствие затылком. Для большей надежности под помостом вешали самобитку — толстое бревно или колоду на сыромятном, пропитанном дегтем ремне. Свисая свободно вдоль ствола, самобитка препятствовала зверю взбираться по дереву⁴⁸. Хищник отталкивал ее в сторону, но тяжелое бревно, часто оснащенное острыми шипами, возвращалось на свое место и сбивало медведя на вбитые вокруг дерева острые колья. Интересно при этом отметить, что одно из приспособлений защиты улья-колоды от хищников просуществовало до 1927 года в с. Замысловичи Олевского р-на Житомирской обл. По-местному его называли «одвор»⁴⁹. Другие способы защиты (железные лезвия, гладкие доски, отпугивающий курень) применяли реже.

В конце XIV — начале XV в. появляются выдолбленные в отпиленных кусках стволов улья-колоды, а с ними — и приусадебные пасеки. Но они появляются несколько позже. Первоначально колоды устанавливали в лесу на деревьях. На одном подкуре могло находиться до пяти колодочных ульев. Происхождение их связывается с поваленными бурей бортными деревьями. Выпиленная из упавшей сосны борть превращалась в колоду. Затем их стали изготавливать специально. Колодное пчеловодство сохранило прежнее название «бортничество» на протяжении нескольких столетий. Обусловливалось это тем, что технология изготовления колоды, форма и размеры камеры остались такими же, какими были и в период подлинного бортничества. Прежними остались и способы ухода за пчелами, и пчеловодческий инструментарий. Не претерпела изменения и бортная терминология. Она лишь пополнилась словами «колода» и «кодол» — приспособлением для подъема колод на деревья.

Вытеснив постепенно бортничество в его первоначальном виде, колодное пчеловодство стало на Полесье господствующей формой. Кое-где сохранялось и бортничество. В единичных случаях оно дожило до наших дней. Колхозники И. Коршунович из д. Приболовичи и С. Мельник из д. Санюки держали пчел в бортях еще в 1954 г. В д. Познань Рокитнивского р-на Ровенской обл. пять пасечников и до сего времени пользуются бортями, традиционными орудиями, инструментами.

Кроме колод на Украинском Полесье иногда встречались и плетенные из соломы улья. В фототеке Ленинградского музея сохраняется фотография, на которой зафиксирован плетеный соломенный улей (1907 г.) на Вольни⁵⁰.

Бортные приспособления и орудия труда.

а, б — колоды. в — маточники, г — привой.

Видимо, здесь, хоть и в незначительной степени, бытовали подобные формы ульев.

Процесс замены бортей на колоды происходил медленно и не затрагивал общих тенденций развития пчеловодства на Полесье. В XVIII в. наметились первые симптомы будущего упадка этой отрасли хозяйства. Первый ощутимый удар по пчеловодству нанесла предпринимательская деятельность помещиков, в частности массовое уничтожение лесов.

Будучи широко распространенным промыслом, в котором было занято большое количество людей, пчеловодство, как и каждая отрасль развитого производства, требовала определенного нормирования, регулирующего труд пчеловодов, их отношения между собою и другими членами общества. Первые нормы бортного права сложились на основе выработанных на протяжении длительного времени обычаев. Они первоначально выражали интересы всех членов общины и исполнялись добровольно, поддерживаемые традицией и авторитетом общественного мнения.

Обычное право было неписанным и сохранялось в коллективном сознании общества, в основе его лежал обобщенный опыт, совмещающий интересы общины с интересами бортника. Позже обычное право легло в основу государственного, в общегосударственный свод законов включались только те нормы, которые отвечали интересам правящего класса. Не является исключением и «Русская правда» — первый известный нам свод законов Киевской Руси. Однако создание общегосударственного закона не могло в те времена полностью исключить обычное право. Устойчивость обычаев поддерживалась силой традиции и приверженностью к ним населения⁵¹. Содействовало их сохранению и отсутствие тесной связи между центром и отдаленными районами, обусловленное большими расстояниями, бездорожьем, медленным транспортом. В глухих районах Полесья, например, обычное право оказывалось более действенным и оперативным, чем писанное, государственное. Да и власти на местах часто смотрели сквозь пальцы на приговоры коп, особенно если они не противоречили их интересам.

Преступить невидимую силу обычая мало кто отваживался. Воровство, как и убийство, считалось тяжелым проступком. А из всех видов воровства наиболее тяжелым было хищение меда с уничтожением пчел. Немаловажную роль в этом сыграло то обстоятельство, что пчелы считались «божьими созданиями». Кличка «пчелодёр» на всю

жизнь клеймила вора, ставила его вне общины. За разорение пчел изгоняли с родной земли или карали смертью.

В «Русской правде» Ярослава Мудрого, первая короткая редакция которого обобщила обычное право предшествующих столетий, о бортничестве говорится как о давно известном занятии. «Русская правда» устанавливала конкретную уголовную ответственность за различные бортные преступления: «Аже оукрадеть кто борть, то 12 гравнЪ продаже»⁵², «Аже рознаменаеть бърть, то 12 грен*»⁵³. Это значит, что за хищение и даже за уничтожение бортных знаков взыскивался такой же штраф, как и за убийство холопа. За поджог чужого имущества, в том числе и бортей, предусматривалось изгнание. Во всех трех редакциях «Статута Великого княжества Литовского» (1529, 1566, 1588) содержится ряд статей, посвященных бортному праву. Смертный приговор («на горло») за воровство меда предусматривала статья 14 «Статута». За воровство меда наказывались и солдаты. Войсковая устава Минского сейма 1507 г. как меру наказания за воровство меда установила смертную казнь: «Кто дерево с пчелами срубит, того также на шыбеницу»⁵⁴.

В XVI в. в Полесье, в частности в Пинском княжестве, за правильной и своевременной выплатой медовой дани, исчисляемой по формуле «половину в скарб, половину подданным», следили специальные лица, называемые полаз-никами⁵⁵.

Сведений о существовании в Белорусском Полесье бортных цехов в актовых материалах не обнаружено. В то же время на Украинском Полесье встречались воскобойничьи братства⁵⁶. Выполняя установленные феодалами, администрацией господарских экономии, держав и старосте повинности, бортники в то же время пользовались рядом льгот, обусловленных спецификой бортничества, без которых оно просто было немислимым. Они пользовались правом выбора в скарбовых и частновладельческих лесах пригодных для изготовления бортей деревьев. Были освобождены от тягловой службы, но должны были 12 дней в году ходить на толоку, а во время княжеской охоты выполнять обязанности осочников. Разрешалось им косить сено, ловить рыбу, но ни в коем случае нельзя было охотиться и заготавливать дрова.

У многих пчеловодов-полещуков и теперь имеется довольно много колодок ульев, но большинство из них стоит пустыми. Многие переделали их на рамочные ульи, расширив камеру и придав ей прямоугольную форму по размерам рамок.

Рамочное пчеловодство на Белорусское Полесье пришло позднее. В 1899 г. в Пинском уезде насчитывалось 30 тыс., в Мозырском — 15, Речицком — 10, Слуцком — 5 тыс. колод. И ни одного рамочного. В XIX в. рамочные ульи встречались sporadически только у шляхты, помещиков. Это были ульи системы Борисовского и Ромашинского. Начало массового распространения рамочных ульев относится к 20-м годам XX в.

Развитие пчеловодства на подлинной научной основе началось только в годы советской власти. Уже к 1926 г. из общего числа ульев на Полесье было 29,5 % рамочных. Сейчас почти на всех пасеках, общественных и индивидуальных, применяются рамочные ульи следующих типов: многокорпусный на 40 рамок, двухкорпусный на 24, улей-лежак на 20, украинский улей-лежак на 20, белорусский утепленный на 16 рамок и ряд других конструкций.

В последние годы для повышения товарности пчеловодства разработан ряд конкретных мер, предусматривающих создание на основе межведомственной кооперации крупных специализированных пасек. Опыт показал, что первые межхозяйственные хозяйственно-расчетные объединения на основе внедрения прогрессивной технологии содержания пчел, механизации трудоемких процессов и звеньевой системы труда значительно увеличили продуктивность пчел.

СОБИРАТЕЛЬСТВО

Собирательство — одна из древних форм хозяйственной деятельности человека, основанная на собирании естественных продуктов питания, а также лекарственных растений. Однако с развитием земледелия и животноводства собирательство стало дополнительным занятием и в определенной степени приобрело форму промысла. Предметом собирательства в Полесье, как и в других регионах, издревле были лесные плоды и ягоды, дикие и лекарственные растения. На Полесье известны две формы собирательства: первая связана с постоянным употреблением в пищу лесных плодов (грибы, черника, клюква и др.), диких растений (лебеда, щавель), а также сбором лечебных трав, вторая — со sporadическим использованием в пищу во время неурожая и голода листьев, древесной коры и других видов диких растений.

В соответствии с природными условиями разных местностей Полесья собирательству этого региона присущи определенные черты. Например, заготовка растений для

питания и лечебных целей более распространена по обеим сторонам бассейна р. Днепр до р. Горынь на западе. В западно-полесских районах (от Западного Буга до р. Горынь) собирали в основном лесные плоды, а также употребляемые в пищу растения — лебеду, шавель.

В эпоху феодализма вводились все более строгие ограничения в использовании лесных богатств. Согласно статуту Великого княжества Литовского (1529 г.), феодалам разрешалось задерживать человека в своем лесу и забирать у него все, что он там собрал⁵⁷.

С развитием товарного производства устанавливается еще более жесткий контроль над лесными богатствами Полесья, которые стали одной из доходных отраслей помещиков.

Например, для того чтобы пойти в помещичий лес по грибы или ягоды, крестьяне платили от 30 до 50 коп. серебром или же обязаны были отработать по два дня в помещичьем хозяйстве в летнюю пору⁵⁸. За самовольное собирание грибов и ягод в помещичьем лесу крестьяне платили штраф⁵⁹.

Основной вид собирательства на Полесье — это заготовка лесных плодов (ягод, грибов, диких яблок и груш, орехов, калины, шиповника, клюквы, березового сока). Чаще всего собирали ягоды черники. Малина, земляника, смородина в полесских лесах встречаются редко. Ягоды собирали в плетеные корзины — либо руками, либо используя деревянную гребенку.

Гребенка состояла из деревянного корпуса с ручкой, который имел шесть или восемь стальных зубьев. Такой метод собирания ягод известен и другим славянским народам⁶⁰.

Ягоды черники ели свежими, варили, использовали в лечебных целях, сушили на печи, заготавливали на зиму. Иногда по селам ездили купцы и покупали сушеные ягоды⁶¹.

Для питания широко использовали шиповник и клюкву. Ягоды шиповника собирали поздней осенью, когда они промерзли и становились вкуснее. Их ели в сыром виде, из них варили варенье. Отвар из шиповника употребляли при заболевании печени. Клюкву (журавина) собирали осенью, зимой и весной. Зимняя и весенняя клюква особенно вкусная, употребляли ее в натуральном виде. В урожайные годы клюквы заготавливали особенно много⁶². Из нее приготавливали квас, кисель, пили как освежающий витаминизированный напиток, отвар из клюквы употребляли при простуде, лихорадке.

Особенно много на Полесье собирали грибов; их ели сырыми, печеными, из них варили супы, их сушили⁶³. На Полесье издавна знали и умели отличать разнообразные виды грибов, о чем свидетельствуют названия их различных сортов: белые, боровики, подосиновики («краснуки»), моховики, масленки («маслюки»), лисички, моховики («ре-шетюки»), сморж съедобный («березжки»), опята («опень-ки»), шампиньоны («печерицы»), сыроежки, грузди и др. Однако некоторые из них имеют локальное распространение. Так, в западных районах Полесья распространены грибы под названием «зимняя губка» («земниці»), «голубинка серая» («голубки»), «сыроежка ароматная» («сертюки»), «подосичники» («багнюки») — Старовыжевский р-н Волынской обл.; «пеструк съедобный» («бабки») — Ковель-ский р-н Волынской обл., «рыжок вовнянка» («вовнянки»), «подвишень» («підвишники») — Овручский р-н, Житомирской обл.

Собранные грибы перед использованием хорошо очищают. Те, которые заготавливают на зиму (белые), сушат в печах, раскладывая на черень или же на металлический лист, покрытый соломой. Иногда их при этом нанизывают на нитку. Сушеные грибы употребляли в пищу, продавали на базарах купцам, которые их сбывали на отдаленных рынках. Например, в первой половине XIX в. купцы продавали сушеные белорусские грибы в Киеве, Чернигове, Чернобыле, Житомире, Николаеве, Одессе и даже в Москве и Петербурге по 4—6 руб. за пуд⁶⁴.

В пище полесских крестьян использовали и дикорастущие плоды: лепестки розы, семена конопли, дикие яблоки и груши. Лепестки дикой розы употребляли как в натуральном виде, так и в виде варенья (без сахара). Подобный метод приготовления варенья известен и у словаков⁶⁵.

Дикая конопля растет на лугах и в полях. Ее широко использовали как материал для ткачества, а семена конопли — в питании. Из толченого конопляного семени варили каши. Подобный метод использования конопляного семени в питании имел место и у словаков⁶⁶.

Дикорастущие яблоки и груши собирали в лесах в конце лета, сушили в печи, на солнце, зимой отваривали, толкли и использовали при выпечке пирогов.

В неурожайные годы полесское население употребляло в пищу дикие растения, как, например, лебеду, известную всем славянским и многим другим народам⁶⁷. Ее собирали в поле, варили, т. е. использовали при изготовлении супов.

Важное место в собирательстве занимал щавель. Информаторы сообщают, что это было наиболее употребляемое в пищу растение в весенний период. Собирали его на лугах, употребляли в натуральном виде, варили из него супы. Корень щавеля использовали также с лечебной целью.

Крапива также повсеместно использовалась в питании с лечебной целью, а также как ткацкое сырье.

Листья травы «верес» активно использовали в питании. Собирали эту траву в лесах и на болотистой местности вырывали вместе с корнями, сушили на печи и после этого употребляли в пищу. Использовали ее и как корм для скота, особенно для коров, т. к. она способствовала высокому надоям.

Разнообразные растения использовались полесскими бедняками при выпечке хлеба: лебеда, листья вереса, липы, кора дерева, коренья, желуди и др.

Значительное место в традиционном собирательстве занимали корнеплоды. Их собирали как для питания, так и с лечебной целью. Чаще всего собирали коренья пырея («перия»), который выкапывали в конце лета, а затем сушили, толкли в ступах, добавляли муку и выпекали «пампушки».

Корень «молочника» рос на пастбищах и гористой местности, его сушили, толкли, добавляли муку и выпекали «паланички». В Полесье собирали и употребляли в пищу дикий чеснок, дикую морковь и свеклу.

Коренья дикорастущих растений также использовались для лечебных целей: корень бобовника, лопуха. Важным продуктом собирательства в Полесье являются различного рода лечебные травы: зверобой, «бодринец», василек «синяя волошка», дереза, «зозульник», «калюжник», подорожник и др.

В качестве лечебных средств заготавливали также кору дуба, крушины, калины. Кору снимали с молодых деревьев ранней весной в период сокогония, так как в это время она снималась легко, а также имела особо целебные свойства. Сушили снятую кору на свежем воздухе над поветью. Кору дерева («лыко») использовали также для изготовления лаптей, дубления овчин, из липовой коры плели рогожи.

При строительстве деревянных домов полешуки широко использовали мох с целью утепления жилища. Наилучшим считался мох, собранный в еловых лесах. Мох использовали также в лечебных целях, прикладывая его к больным местам.

В Полесье широко известно собирание растений, которые по верованиям крестьян обладали магической силой.

Это так называемые «вовчки», растущие на лопухах, аютины глазки, цвет вербы, свежее сено, в отваре которых купали детей. Некоторые травы использовали для мытья головы (крапиву, ромашку, чебрец).

И в настоящее время собирательство имеет определенное значение как фактор пополнения пищевого рациона сельских и городских жителей. Современное собирательство в Полесье ограничивается собиранием лесных плодов, в основном грибов и черники. С этой целью предпринимаются меры для восстановления естественных ягодников черники.

Заготавливаются также настойки из трав, почек деревьев, листьев березы — как лечебное средство.

НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ И ремесла

ГОНЧАРСТВО

На протяжении многих веков гончарство являлось одним из важных занятий населения Полесья. Гончарные глины, достаточно равномерно залегающие на всей территории этого региона, были основным исходным сырьем, необходимым для развития керамического производства. Оно зародилось здесь, как и на других восточнославянских землях, в эпоху неолита.

В конце XIX — начале XX в. полесское гончарство характеризовалось обширным комплексом разнообразных народных производственных традиций. Оно развивалось более чем в 50 населенных пунктах, преимущественно сельского типа. Многие центры выделялись большим количеством мастеров, в некоторых из них работало одновременно до 200—300 гончаров. Крупнейшими центрами керамического производства являлись Пружаны, Городная, Ружа-ны и Погост-Загородский на Брестчине, Лоев и Юревичи на Гомельщине¹, Рокита и Кульчин на Волыни, Великая Клецка и группа сел в Дубровицком р-не Ровенской обл.², Троянов, Городница и Царивка на Житомирщине, Млачев-ка, Лубянка, Гавриловка и Плахтянка на севере Киевщины³, Олешня, Семеновка, Верба и Осмаки на Черниговщине, Кролевец и Шитрище в северной части Сумской обл. Между гончарами, особенно в крупных центрах, существовала острая конкуренция, она толкала на поиск наиболее благоприятных районов сбыта продукции. В данном отношении показательны торговые связи городенских мастеров. Нагрузив посудой фуры, городенцы развозили ее на рынки Пинска, Дрогичина, Столика, Давид-Городка, Турова.

Городенцы продавали свои изделия в Литве и на Украине, преимущественно на Ровенщине, в значительной степени обеспечивали гончарными изделиями Припятское По-

лесье. Обширным был рынок сбыта керамики у пружанских и ружанских гончаров. Они продавали свои изделия не только в западных районах Белоруссии, но и на Волыни, в Литве. В свою очередь гончары Олешни и других центров Черниговщины постоянно сбывали свои изделия в деревнях и местечках Гомельской обл.

Производство керамических изделий являлось достаточно трудоемким и продолжительным процессом. Оно требовало от ремесленника владения разнообразными навыками — начиная от выбора и добычи глины и кончая термической обработкой изделий.

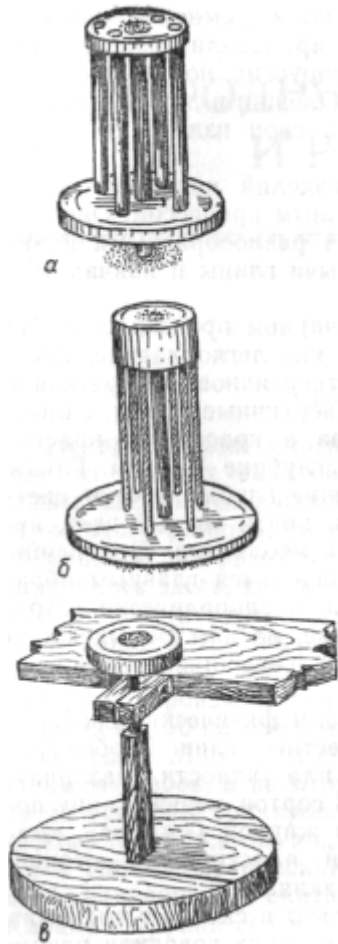
Глина — основное сырье в гончарном производстве. На исследуемой территории залегают как легкоплавкие, так и тугоплавкие глины, имеющие четвертичное и третичное происхождение. Преобладают четвертичные глины, сильно окрашенные соединениями железа в красный и красно-бурый цвет, расположены они на глубине 1 —16 м. Глины третичного образования, залегающие глубже, имеют светло-серый или темно-серый, иногда почти черный цвет, нередко содержат высокий процент каолинита. Эти глины более высококачественные. Они находятся главным образом на территории Ровенской обл. и sporadически встречаются на Брестчине и Гомельщине, на юге Волынской и Житомирской областей, в северной Киевщине и Черниговщине.

Полесские гончары хорошо знали физические свойства и технологические особенности местных глин. Особое внимание они обращали на степень пластичности, различая, как правило, несколько видов или сортов сырья. Глину повышенной пластичности называли жирной («жирна», «ма-стка», «тлустая»), а пониженной пластичности — тощей («пІсна», «муляна», «худая», «талакнявая»).

Ее добывали, как правило, только в специальных ямах глубиной 1,5—2 м и в некоторых случаях доводили разработку вглубь до 7 м, нередко со значительными подкопами в стороны.

Заготовленное сырье привозили домой и сбрасывали в глиняник («глинник», «глинница», «гара», «катух», «засек»), который располагался в углу избы, иногда во дворе и представлял собой яму или огороженное плахами хранилище на поверхности. Здесь глина в течение определенного времени перед обработкой прела. Этот процесс ускоряли неоднократно поливанием глины водой, раскесанием ее лопатой.

Процесс подготовки сырья имел в отдельных гончарных центрах свои особенности. Они проявлялись как в рецеп-

Ножные гончарные
круги.
а, б — с неподвижной
осью, в — с
подвижной осью.

туре, так и в технике обработки формовочной массы. В большинстве центров ремесленники составляли формовочную массу, смешивая разные по степени пластичности сорта глины. При этом глина низкой пластичности играла роль отощающего компонента, повышавшего огнеупорность изделий. Подготовка формовочной массы по такому рецепту была характерна в целом для Украины, а в Белоруссии, за исключением очагов гончарства в бассейне Припяти и Днепра на Гомельщине, практически не встречалась.

Используя разнообразные орудия труда, гончары подвергали сырье пластической обработке. Пласты глины сбивали деревянным молотом («довб-ня», «доубня», «чакуха») в стожок («стосик», «баба», «кабылка», «стоубш») и строгали поперек слоев бондарным либо сделанным из косы или серпа двуручным ножом — стругом. Таким образом формовочную массу обрабатывали несколько раз и, слепив в большие комья («вальки», «суваль-ки», «замятки», «клеты», «грудк!»), складывали преть в глиняник. Через один-два дня их тщательно месили руками, выбирали камешки, растительные остатки и разделявали на небольшие комья, достаточные по размеру для формовки одного сосуда. Аналогичные или отличавшиеся незначительными вариациями способы обработки сырья были почти повсеместно распространены на Полесье. Так, в одних гончарных

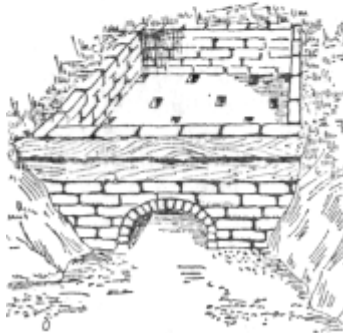
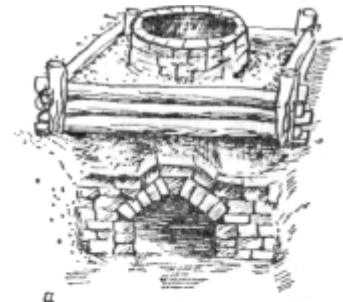
центрах глину дополнительно месили длительное время ногами, в других, кроме того, еще строгали проволокой. Некоторые различия наблюдались иногда и в последовательности операций.

Подготовленная глина практически сразу использовалась для формовки изделий на гончарном круге. На территории Полесья в конце XIX — начале XX в. были известны только ножные гончарные круги двух конструкций — с неподвижной и подвижной осями. Ныне повсеместно используется так называемый «волошский» или «немецкий» круг с подвижной осью, заменивший прежнюю модель «шленского» — «шестерню» с неподвижной осью, бытовавшую в первой половине XIX в. на правобережной части Украинского Полесья и во второй половине XIX — начале XX в. — на Черниговщине и в Белорусском Полесье.

Ножной гончарный круг с подвижной осью не имел на Полесье каких-либо ярко выраженных региональных особенностей. Он состоял из двух дисков — малого верхнего («верхняк», «головка», «покатилка», «галоўка», «верхняк») и большого нижнего («спідняк», «сподень», «сподак», «спадняк»). Они жестко соединялись с осью («веретено», «вертено», «шпень», «вєрацяно»), которая крепилась кронштейном к рабочей скамье и вращалась вместе с дисками. Круг крутили по часовой стрелке, толкая обеими ногами — правой к себе, левой от себя.

Преобладающим способом формовки керамических изделий было их вытягивание из одного комка глины. Единственным инструментом, которым пользовался гончар при вытягивании сосудов, являлся деревянный нож, при помощи которого стенкам придавалась гладкость и необходимая толщина. Только в отдельных гончарных центрах на западе Белорусского Полесья еще в конце XIX — первой трети XX в. применялась техника налепа. Этот прием использовался в сочетании с вытягиванием. Ручная лепка сосудов с применением гончарного круга на исследуемой территории не используется уже несколько столетий, в отличие от земель, лежащих к северу от Полесья, где она применялась еще в первой половине XX в. К этому приему прибегали лишь при изготовлении сливных носиков, ручек или ушек сосудов, создании игрушек и скульптуры.

Сформованный предмет, находясь еще на гончарном круге, получал окончательную пластическую отделку, в процессе которой производили рельефное орнаментирование пальцами, специальными палочками, наносили гравированные либо цветные орнаменты. Последние выполнялись перышком курицы или дятла (не отталкивающим воду) с применением бурой краски («описка», «аписка»). Ее изготовляли из болотной железной руды («рапы») путем ла на жерновах или растирания в макитре. Иполь-аали также глину с высоким содержанием окиси железа.

Этим красителем выводились прямые и волнистые линии («смужки», «паски», «криву-лі», «пасачкі», «шнурочки», «крывулькі»), черточки и запятые. Орнаментирование производилось при медленном вращении гончарного круга.

Расписанный предмет срезался с него тонкой проволокой («дротик», «дрот», «дро-тынка») и ставился на сушку. С этой целью на жердях под потолком устраивали в один-два яруса съемные дощатые полки («пятра», «пятрина», «вишка», «паліца», «палаткі»).

Наряду с этими приемами художественной отделки сырого керамического предмета в Брестской обл., во всех северных районах Волыни, а также частично в других гончарных центрах полесского региона —

Двухъярусные гончарные печи, на севере Житомирщины, Киевщины и

а - круглая, б - четырехугольная.

Сумщины — господствовало производство черно-лощеной керамики. Ее изготовляли из глины с высоким содержанием окиси железа, обжигая в восстановительной (бескислородной) газовой среде. В результате черепок окрашивался в серый, черный, иногда с синеватым оттенком цвет. Такую керамику полесские гончары называли «сіра», «чорна», «синя», «гартована», «сшая», «чор-ная». До обжига стенки полусухих предметов ложили при помощи камешка («гладыш», «крамушка»). В этой технике создавалась простейшая канва орнамента, обычно целиком покрывавшего сосуд. Декор состоял из разнообразных геометрических элементов в виде прямых и косых полосок, волнистых, зигзагообразных и спиральных линий, образующих незамысловатые узоры («сосонки», «столбики», «елачю», «клеткі»). Наряду с орнаментальным применялось сплошное лощение без узора.

Хорошо просушенные после формовки предметы подвергали обжигу, который являлся одним из самых ответственных моментов производственного процесса. Обжиг, как и в других зонах Украины и большей части Белорус-

сии, производился в специальной гончарной печи — горне («горен», «горень», «горно», «горан», «гарон», «гарно»). На Полесье бытовали два типа горна — четырехугольный и круглый (грушевидный).

Четырехугольный горн, характерный для западных районов Брестчины, известный в отдельных центрах Ровенской, Черниговской и Сумской областей, был кирпичным либо каменным, с толстым слоем глиняной обмазки, вмещал до 150—200 сосудов. По своему внутреннему устройству практически ничем не отличался от домашней печи, совмещая в одном конструктивном объеме функцию топки и обжигательной камеры и, очевидно, в своем происхождении связан с кухонной варистой печью.

Наряду с однокамерными четырехугольными горнами применялись и двухкамерные (двухъярусные). Очевидно, их возникновение связано с функциональным разделением внутреннего объема на две камеры — топочную и обжигательную. Отмечено две разновидности двухъярусных (четырёхугольных) горнов — с открытой и закрытой обжигательной камерой.

Круглый или грушевидный в плане горн характерен для остальной территории Полесья. Он типичен также в целом для Украины и белорусского Поднепровья. На Полесье известны две его основные разновидности. Горн грушевидной формы, вверху имел отверстие для загрузки изделий, в центре — столб высотой 40—50 см («козел»), вокруг которого проходил огневой канал («слесь»). На время обжига он частично прикрывался сверху кирпичами, образующими временную горизонтальную перегородку между огневой и обжигательной камерами. Эта разновидность горна применялась только для обжига в восстановительном огне, его конструкция восходит к традициям позднеархаического горна начала нашей эры⁴. Бытовал он в западной зоне Украинского Полесья (западнее р. Горынь), а также в смежных районах Польши.

Горн второй разновидности характерен для остальных районов Полесья. Это двухъярусное сооружение, известное на исследуемой территории уже в эпоху железа. Состоит горн из двух камер — огневой и обжигательной. Между ними на одной-двух опорах расположена стационарная горизонтальная перегородка («чершь», «черень»), имеющая

—30 отверстий для прохождения горячих газов («люх-і», «душники», «прогары», «дучкь»). Форма перегородки, к и днища горна, — круг, эллипс, иногда квадрат. Отверстия для загрузки — вверху, иногда несколько сбоку обжигательной камеры, вмещавшей обычно 300—500 изделий.

Ее заполнение, независимо от типа горна, имело ряд особенностей. Неполитые изделия укладывали плотно, миски ставили одна в другую, глазурированные располагали более свободно — так, чтобы они не склеились расплавленной поливой.

Техника обжига керамики у гончаров, применявших круглый (грушевидный) и четырехугольный двухъярусный горны, была одинаковой, а при пользовании однокамерным четырехугольным — имела свои особенности. Здесь на всю площадь пода ставили невысокий помост из плах. Загрузив посуду, под помостом в самом конце разводили огонь. Дрова поджигали так, чтобы огонь разгорелся вдоль задней стенки и равномерно распространялся по всей площади пода к устью. Обжиг продолжался пять-шесть часов — до тех пор, пока не сгорал помост.

В круглых и двухъярусных четырехугольных горнах термическая обработка состояла из двух фаз. Первая фаза («підкурювання», «обкурювання», «падкурка») характеризовалась невысокой температурой в печи и длилась обычно пять — семь часов, пока посуда постепенно не накалялась и из черепка полностью не испарялась влага, оставшаяся после сушки. После этого начиналась вторая завершающая фаза термической обработки, длившаяся четыре-пять часов. В течение этого времени гончарные изделия обжигали при более высокой температуре — около 900°.

Продуктом гончарного производства всегда были в первую очередь сосуды бытового назначения, применявшиеся для приготовления пищи, хранения съестных припасов, столовая посуда, декоративные изделия, игрушки, строительная керамика. Бытовые изделия представлены в полесском гончарстве разнообразными по форме и специфике предметами. Это горшки, сковородки, макитры («макутра», «ма-котра», «верцега», «мялка»), пампушницы, бабочники, крынки («гладышка», «глечик», «гладышка», «ладышка»), кувшины («глек», «дзбанок», «глечик»), узкогорлые сосуды—глеку («банька», «бунька», «тиква», «глек»), банки («слои», «слоік»), полевые горшки («двійнята», «дваякі», «блізняты») и миски, полумиски, тарелки, кружки, крышки для горшков и ульев. Среди декоративных изделий, игрушек преобладали вазоны, вазы для цветов, курительные трубки, свистульки. Ассортимент строительной керамики состоял из кирпичи, черепицы, изразцов и дымоходных труб. Основные предметы в традиционном ассортименте гончарных изделий — горшок и миска, имеющие ряд местных особенностей.

Региональные особенности формы сосудов выявлены преимущественно в двух основных зонах: западной (до р. Горынь) и восточной (западнее Горыни). Для керамики западной зоны характерны шаровидность горшков, кубышек, округленность и присадистость стенок мисок. Мискам присущи также четко выраженный коленчатый изгиб и широкий горизонтальный венчик. Для аналогичных изделий восточной зоны типичны конусовидность и вытянутость нижней части тулова. Верхняя часть мисок имеет округленную форму, плавно переходящую в узкий венчик.

Изучение полесского гончарства показывает, что в нем наряду с общерегиональными чертами имелись достаточно ясно выраженные локальные особенности. Они прослеживаются по различным элементам ремесленной техники и технологии, в форме и названиях керамических изделий. На большей части исследуемой территории народное гончарство развивалось в традициях, типичных в основных чертах для всей Украины и отчасти белорусского Подне-провья. Исключение составляли только западные районы Брестчины, которые, имея ряд самобытных черт, тяготели по одним производственным традициям к гончарству северо-западной части Украины, а по другим — к Белоруссии.

Ныне во многих населенных пунктах Полесья гончарное ремесло прекратило свое существование, а количество мастеров в действующих центрах уменьшается. В некоторых местностях существуют гончарные производства, подчиненные колхозам и промкомбинатам.

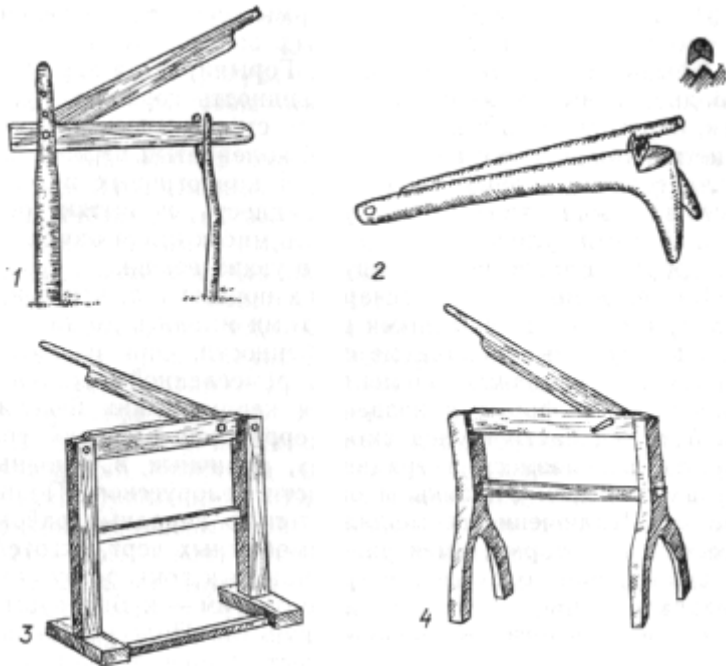
ТКАЧЕСТВО

Ткачество имело широкое распространение на всей территории Полесья. Его активное развитие было обусловлено как наличием сырья, так и потребностями населения.

Поэтапно проследить развитие ткачества на территории Полесья, начиная с древнейших времен, трудно, ввиду скудности археологического материала.

Однако некоторые имеющиеся археологические данные о ткачестве в Полесье⁵ и смежных с ним земель⁶, а также семантико-орнаментальная преемственность, сохранившаяся в украшении современных полесских тканей⁷, дают основания говорить о развитии ткачества на исследуемой территории с древнейших времен.

Об этом свидетельствуют также материалы раскопок раннеславянского периода в поселениях городища Знмно⁸, с. Лапутьки Чернобыльского р-на Киевской обл,⁹ и др.

Мялки. 1 — приставная, 2 — наклонная, 3 — на двух столбиках. 4 — на четырех ножках.

О полесском ткачестве Киевской Руси свидетельствуют материалы раскопок Райковецкого городища — детали ткацкого станка, веретено, мотовило и др.¹⁰, а также в районе Овруча с его богатыми залежами красного шифера, который издревле был крупнейшим центром изготовления шиферных пряслиц¹¹.

О народном ткачестве XV—XVIII вв. имеются отрывочные сведения — упоминание об обработке волокнистых растений в перечнях крестьянских повинностей, сообщения о сборе дани в виде полусырья и готовых ткацких изделий, а также судебные жалобы по поводу ограблений имущества и пр.¹² На основе этих данных можно сделать вывод о широком развитии ткачества в этот период в быту полесского населения.

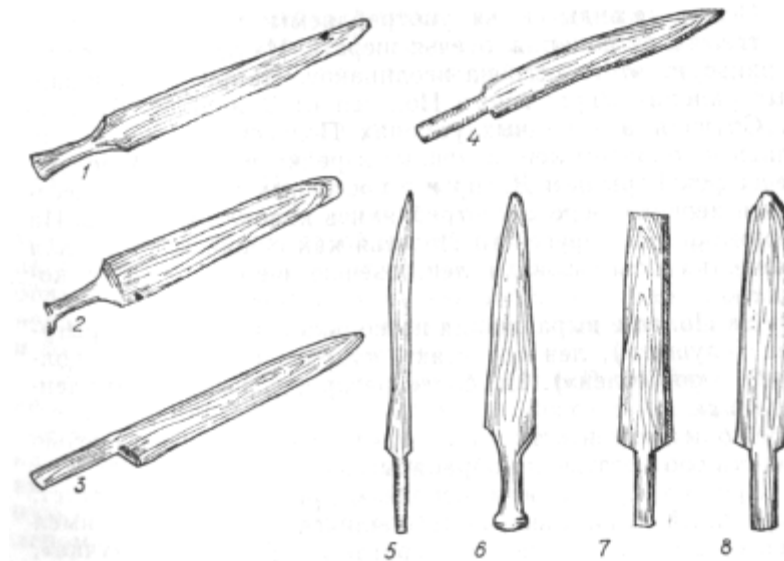
Новые условия, связанные с формированием крупных национальных рынков, требовали централизованных форм организации производств, в том числе и ткацкого. В связи с этим начиная с XVIII в. в городах Полесья развиваются новые формы производства — мануфактуры по изготовлению полотна, шерсти и ковров¹³.

Вторая половина XIX в. характерна для Полесья развитием промышленности, торговли, строительством шоссе и железных дорог¹⁴. Это, в свою очередь, дало толчок к интенсификации производственных сил края¹⁵. Помещики и зажиточные крестьяне сеяли с целью продажи больше зерновых и технических культур (льна, конопли), изготавливали ткани и сбывали их на рынках¹⁶.

В этих условиях домашние промыслы все более подчиняются системе рынка и приобретают значение кустарной промышленности. В полесских селах в это время широко развивается ткацкое ремесло. Здесь в каждом хозяйстве находится ткацкий стан для изготовления полотна, сукна и др.¹⁷ В отдельных селах излишки ткацких изделий продавали¹⁸.

В пореформенный период на территории Полесья растет количество промышленных предприятий, которые, естественно, создают конкуренцию сельскому кустарному производству, в частности ткацкому.

Уже в начале XX в. в селах начинают носить одежду из фабричных материалов, а в ткачестве используется хлопчатобумажная пряжа. И все же для основной массы населения главным источником обеспечения тканями оставалось домашнее производство.

Трепало. 1 и 6 — мечевидное, 3, 4, 5 — ножевидное, 7, 8 — лопатовидное.

Так, в начале XX в. в связи с экономическим кризисом, охватившим все отрасли промышленности России, статистическим бюро Волынской губернии земской управы (1910—1912 гг.) было зафиксировано, что среди других промыслов наиболее развит ткацкий¹⁹.

В 20-х годах западные районы Полесья были оккупированы буржуазной Польшей, тогда как восточные остались в составе молодого советского государства. Вследствие колониальной политики оккупационных властей западные районы Полесья остались одним из наиболее глухих уголков буржуазно-помещичьей Польши. Буржуазное правительство использовало территорию Полесья как сырьевую базу для польской промышленности, в том числе и текстильной.

В восточных районах Полесья, оставшихся в пределах советского государства, ткачество, как и другие промыслы, приобретает в основном характер декоративной отрасли. Здесь развиваются ткацкие очаги организованного типа (с. Обуховичи Иванковского р-на Киевской обл.), организовываются выставки народных ткацких изделий.

С воссоединением западных областей Белоруссии и Украины в составе СССР начался новый этап развития культуры и быта населения Полесья, его народных художественных промыслов, в том числе ткачества.

Основные виды сырья, употребляемые в полесском ткачестве,— лен, конопля, овечья шерсть. Их удельный вес на территории этого региона неодинаков. Например, в западных районах Украинского Полесья от Западного Буга по р. Случь и в западных районах Подесенья употребляли главным образом лен, коноплю, изредка шерсть. В междуречье рек Горынь и Днепр и в восточных районах Подесенья в первую очередь употреблялись конопля и шерсть. На территории Белорусского Полесья как основное сырье для ткачества использовали лен, овечью шерсть и реже коноплю.

На Полесье выращивали несколько сортов льна: прыгу-нец («лушник»), лен «простак», кудряш («мускаль»), долгунец («вирколен»). Наиболее распространенным был лен-«лушник».

Чтобы получить ткацкое сырье, лен, коноплю и овечью шерсть соответственно обрабатывали.

Время уборки льна в основном приходилось на август. Сорванный пучок льна, помещавшийся в одной руке, имел название «жменя» (на всей территории Полесья), «кучка», «пучка», «ручка» и «горстка» (в западных районах Украинского Полесья). Несколько пучков льна, объединенных

вместе, называли «снопок» (известны также названия «горстки», «купки», «кучки»).

После сбора льна наступал процесс выбивания семени, который на всей территории Полесья производился с помощью деревянного валька, а в северо-западных районах Украинского Полесья, в северных районах Белоруссии, у русских и литовцев применяли и метод обрывания льняных головок с помощью гребня²⁰.

Следующий процесс — стланье льна. Стлали лен на лугах и полях («стелищах»). Место выбирали ровное, не высокое и не низкое, чтобы лен не сгорел и не сгнил. Лен, имевший особенно твердые стебли, на Украинском Полесье перед стланьем дополнительно били «прачами», колами или же мяли ногами. Мятый ногами лен, как утверждают информаторы, давал пряжу высшего качества. Стланье льна характерно для всей территории Полесья. В ряде районов Белорусского и в западных районах Украинского Полесья лен, кроме того, мочили, а иногда мочили, а затем еще раз стлали. Вылежанный лен собирали, вязали в большие снопы и свозили домой.

Обработка конопли в основном идентична обработке льна, однако имелись и отличия. Конопля имела стебли двух видов: посконь и матерку. Посконь выбирали в августе, матерку рвали осенью. Матерка имела семена и твердые стебли, поэтому, выбив из нее семена, ее всегда мочили. В Белорусском Полесье стебли поскони мочили и стлали, в Украинском этот вид обработки отмечен только на Житомирщине.

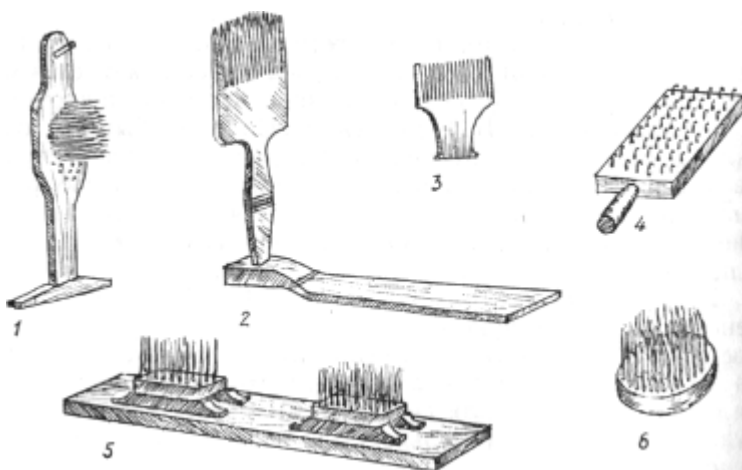
Лен и коноплю мяли при помощи специального орудия— мялки («чернца», «терница»), известной всем славянским народам. По форме мялки делятся на наклонные и горизонтальные. В Украинском Полесье бытуют оба типа, в Белорусском преобладает горизонтальная («церш-иа»), а наклонная мялка отмечена только в восточных районах. Составной частью мялок являются неподвижная станина («стопец»), верхние боковые части («шчок!», «щоки») и подвижная («мячик», «язык»).

В ряде полесских районов, входящих в Волынскую, Ро-венскую и Гомельскую области, имело место двухстадиальное мятьё льна. В таких случаях на первой стадии (ломка льняной тресты) использовались горизонтальные мялки с тяжелым одно- или двухгранным мечом. Иногда льняную соломку предварительно мяли ногами или «били» поленом.

На второй стадии мятьё использовалась мялка меньших размеров и с более мягким мечиком. Она имела ряд

конструктивных особенностей. Так, наиболее распространенной в западных районах Украинского и в Белорусском Полесье являлась мялка на четырех ножках, известная также в Черниговской обл., Подолии, Карпатах и у западных славян²¹. Мялка на двух ножках распространена от Западного Буга до Днестра, в северо-западных и центральных районах Черниговской обл., в восточных районах Белоруссии и у других славянских народов²². В центральных районах Украинского (Житомирская обл.) и в Белорусском Полесье, а также с некоторыми отклонениями у литовцев²³ наряду с названными выше имела место мялка, которая с одной стороны крепилась на стойке (вкопанный в землю столбик), а с другой — вставлялась в специальное отверстие, сделанное в стене или же в прибитой к стене доске. В восточных районах Полесья (Гомельщина) известны мялки «двуручки» — две горизонтальные мялки, соединенные вместе, и «карагод» — четыре соединенные мялки.

После мятья волокно очищали от костры с помощью трепала. Для Белорусского Полесья характерно трепало мечевидной формы, в единичных случаях отмечено трепало ножевидное. В Украинском Полесье распространены оба типа. Кроме того, в северо-западных его районах, как и у литовцев, наряду с мечевидными бытовали лопатовидные и узкие длинные трепала с углублением в средней его части.

Орудия для чесания волокна. 2, 3 — гребень, 4 — гремпля — «чремля», Л 5, 6 — щетка.

Орудия для прядения.
1, 2 — крутилка, 3 — кулька,
4, 5, 6, 7 — веретено, а — шпиль, б — головка.

В бассейне рек Десна, Уж, Уборть, включительно по Стырь на западе, а также в Белорусском Полесье волокно перед прядением чесали на деревянном гребне маленькой гребенкой («мыкаць», «микаты мички»). В западной части Украинского и на большей части Белорусского Полесья, в центральных и северо-западных районах Черниговской обл. лен еще обдирали на деревянном и железном гребнях, получая чистое волокно. Аналогичные способы обработки волокна наблюдаются также в Подолии, Карпатах, юго-восточных районах Украины, Белоруссии, у южных и западных славян, а также у прибалтийских народов. В междуречье Горыни и Случи при чесании волокна еще использовали «гремпли», которые состояли из прямоугольной закругленной дощечки длиной 25 см с ручкой и закрепленными на ней металлическими крючками. Таким образом получали волокно высшего качества для особо тонких полотен. Для выравнивания льняное и конопляное волокно в отдельных районах Полесья еще дополнительно чесали щеткой, изготовленной из шерсти дикого кабана. Соответственно обрабатывали и овечью шерсть. Стриг-овец дважды в год — весной и осенью. Эту работу выполняли женщины. Перед стрижкой овец мыли в реке

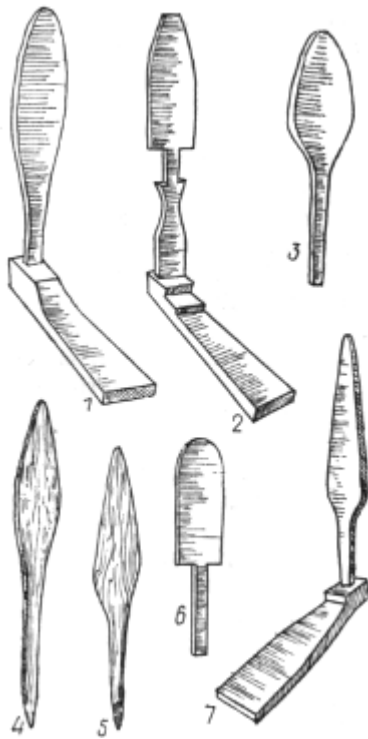
(западные районы) или же мыли остриженную шерсть (центральное и восточное Полесье).

Дальнейший этап обработки волокна и овечьей шерсти — прядение, известный всем народам из глубокой древности. Б. А. Рыбаков отмечает, что прялка и веретено стали необходимыми орудиями труда уже в эпоху неолита²⁴. Волокно, предназначенное для прядения, называлось «прядиво», «празд!ва». Это общеславянский термин.

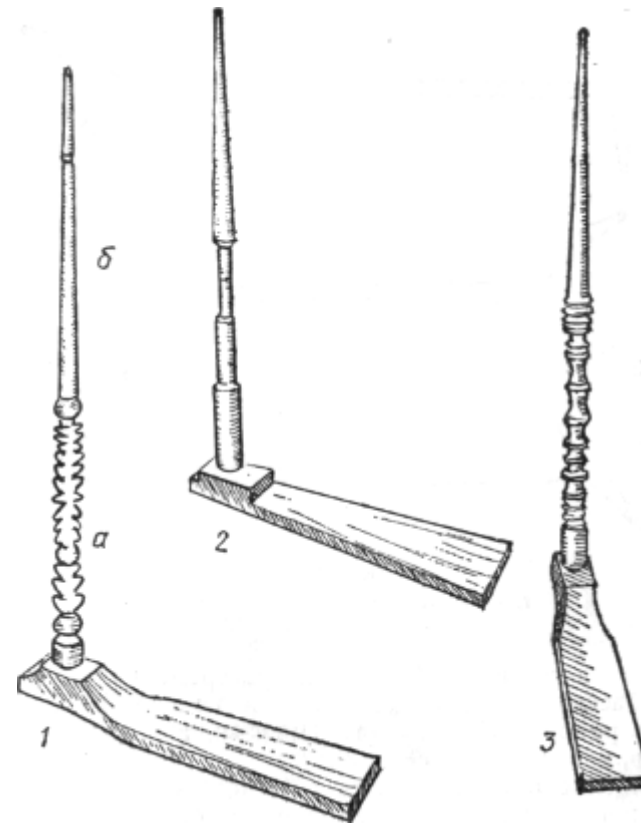
Для Полесья конца XIX — начала XX в. характерны следующие типы прялок: лопатообразная («прасница», «потюсь», «потась», «лопатка»), трубкообразная («кужил-ка»), палкообразная («куделя», гребневая), вилкообразная и ветвеобразная. Более других на Полесье применялась лопатообразная прялка. Ареал распространения лопатообразной прялки — бассейн Десны и Ужа до р. Стырь на западе, далее она известна в северной полосе Любешовского, Ратновского, Любомльского и частично Старо-выжевского районов Волынской обл., на всей территории

Белорусского Полесья и Литвы.

В центральных и восточных районах Полесья эта прялка без донца имела листообразную форму и употреблялась для прядения шерсти. В западных районах Украинского Полесья, как* и в Литве, она имела несколько разновидностей: ли¹стообразная, лопатообразная, срезанная сверху, широкая, веслообразная. Эти прялки имели донца и употреблялись для льняной и конопляной пряжи. Кроме того, на Полесье (северо-западные районы Волынской обл.) известны прямоугольные прялки этого типа, употреблявшиеся вместе самопрялкой. В междуречье Горыни и Случи и в Мозырском Полесье бытовали веслообразные прялки без донца. Лопатообразные прялки широко известны и на территории России, где они,

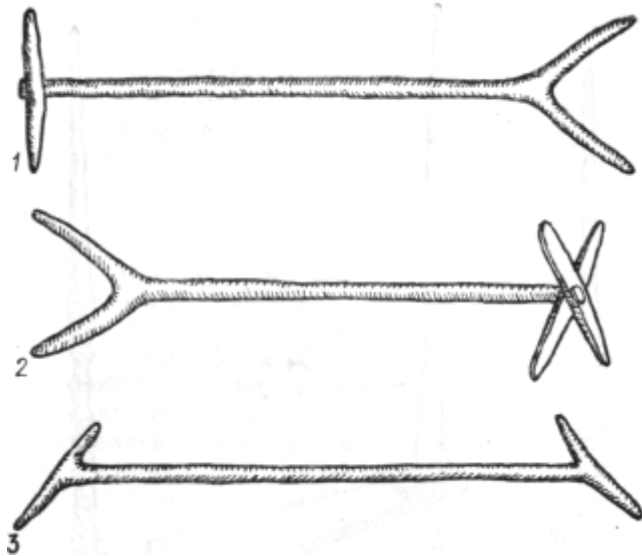
Лопатообразные прялки.

Трубкообразные прялки.

в отличие от полесских имели разнообразные формы. Трубкообразная прялка — «кужилка», как основная, применялась в юго-западных районах Украинского Полесья, на востоке, по р. Стырь, в южных районах Полесья (Ровенской и Житомирской обл.), а затем в центральных и северо-западных районах Черниговской обл. За пределами Украинского Полесья она известна на Подолии, Черкасщине, Карпатах, Польше, Болгарии, Румынии. Прялка-«кужилка» состояла из донца, в которое вставлялась палка («ружон»), и трубки, которая надевалась на палку. На трубку наматывали «кужель», который обматывали бумагой и перевязывали, чтобы не распалась пряжа.

Палкообразная прялка-«куделя» состояла из палки с продолбленной сверху дыркой для заматывания пряжи. Этими прялками пользовались в походном прядении,

Мотовила. 1,2 — вилкообразные,
3 — веслообразное.

затыкая их за пояс. Ареал распространения таких прялок — бассейн Уборти, изредка — в южных и северо-западных районах Украинского Полесья, а также у болгар, башкир, удмуртов и мордвы²⁵.

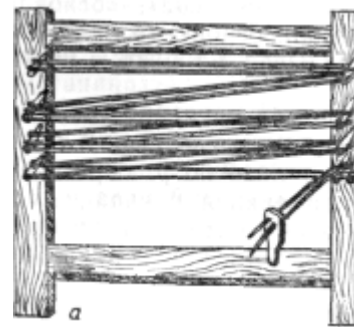
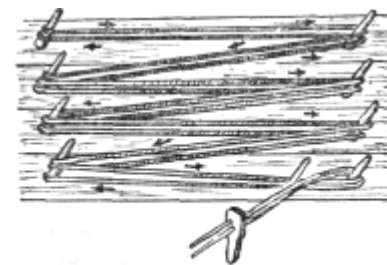
Прядение осуществлялось с помощью веретен — строганных и точеных. Полесские веретена состояли из трех частей: головки, средней утолщенной части и заостренного конца «шшня» («шпена»). По своей форме они отличались в ряде районов Полесья. В конце XIX — начале XX в. в связи с развитием ткацкого ремесла в быт входят более усовершенствованные орудия прядения — самопрялки с вертикальным и горизонтальным размещением колеса («стояк» и «лежак»). Распространение этих орудий связано с влиянием западноевропейского ткачества.

Нитки, напряденные на веретене, имели название «ручка», «ручайка», «матрушка» и др. «Ручайка» состояла из пяти «жмень прядива». Когда было готово десять «ру-чаек» на десять веретен, их вначале ставили на печь для просыхания, а затем сматывали на одно большое веретено. Смотанные таким образом нитки имели название «починок», «пачынак». Ниток из починка должно было хватить на основу и уток одной губы полотна. (Губа равнялась длине стены, на которой сновали.)

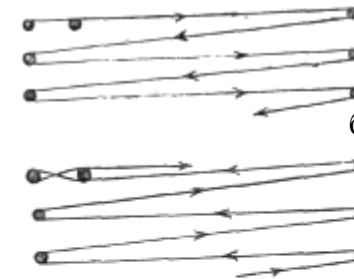
Если пряжу необходимо было стирать или красить, ее сматывали в мотки, используя для этой цели мотовило — вилкообразное или веселочное.

Веселочные состояли из палки, на двух концах которой прибивались горизонтальные планки. Вилкообразные на одном конце оканчивались вилкой, на другом — горизонтальной планкой. В восточных и центральных районах Полесья распространено вилкообразное мотовило, которое также применяется в Приднепровье, Карпатах и у других славян²⁶.

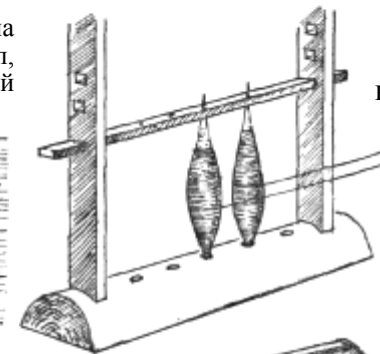
Но во многих случаях на Полесье обходились без мотовил, наматывая пряжу на узкий край

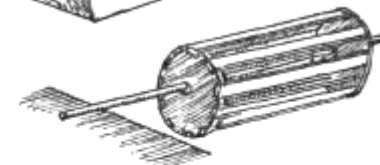
стола.

б

в

г

д

Основание и
устройства для
снования.

а-на стене и деревянной раме, б-опаясание, в —
витушка, г-барабанообразное устройство, д -
«ложечка» для основания

Последующий процесс подготовки пряжи к тканью — снование. Наиболее распространенный способ — снование по стене, которое на востоке Полесья осуществлялось внутри помещения, а на западе — как внутри, так и снаружи.

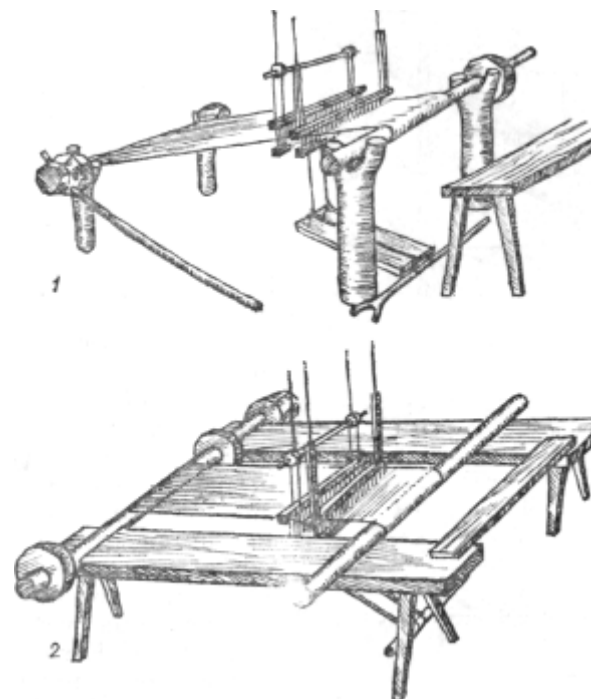
Для снования в стену вбивали два ряда колышек, количество которых зависело от длины ткани. Колышки размещались слева и справа, на расстоянии 15—20 см друг от друга. Расстояние между рядами зависело от ширины стенки. Со временем стало общераспространенным снование внутри помещения. Настенное снование преобладало в центральных районах Полесья (правобережье Днепра), в Белорусском Полесье, в то время как в западных и восточных районах применялось и наземное снование, с использованием рамочных сновалок. Известна и вращающаяся сновалка, состоящая из двух рам, закрепленных накрест на стержне, который прикреплялся внизу к колодке, а сверху к потолку.

На Полесье сновали с клубков и веретен. Снование с веретен применялось в северо-западных районах Украинского Полесья. Способ снования с веретен более древний и, по мнению польских исследователей, мог использоваться еще в доисторическом периоде, когда веретена для свободного вращения вставляли в отверстия глиняных грузил²⁷.

Пряжа сновалась с помощью специального устройства, называемого «ложечкой» — овальной формы с двумя выпаленными дырками, в которые втягивались две нитки. Сновали от одного колка к другому, расстояние между которыми имело название «губка». Для образования зева при сновании обязательно делали «глухий кшець», «глух! канец», который создавался с помощью дополнительно вбитого колышка на том месте, где заворачивались нитки. Основанные нитки имели название «кросна», «основа», «плетшня», «вогнево». Когда снимали основу, то начинали с глухого конца, аккуратно наматывая на руку. Снятую основу навивали на навой.

На Полесье существует два способа навивания основы: первый — с помощью ридок, который применялся в центральных районах Полесья, включительно по р. Горынь на западе. Второй — спиральный, применялся в западных и восточных районах Полесья. В процессе такого навивания нити основы для выравнивания все время причесывали деревянной гребенкой.

В Полесье конца XIX — начала XX в. использовались станы горизонтального типа («сохи», «стави», «козлы», «кросна», «верстати»). Станы-«сохи» применялись в междуречье Случи — Уборти (Ровенская, Житомирская облас-

Типы горизонтального ткацкого стана.

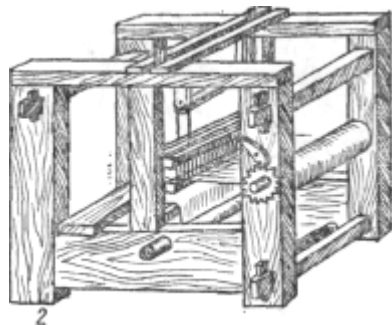
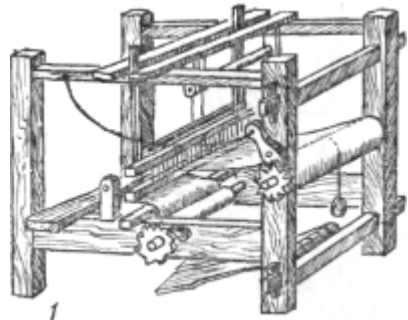
1 — козлы, 2 — сохи.

ти), в Речицком и Мозырском уездах, а также в Брянском Полесье. В западных районах распространены станы с названием «став» и «кросна». Общим в станах-«сохах» и «ставах» было крепление ниток к потолку, разница заключалась в том, что в станах-«сохах» пряжный навой укреплялся на лаве, а в «ставах» — на боковых частях («станинах»).

На территории Белорусского Полесья наряду с «кроснами на сохах» бытовали и станы-«ставы». В то время как на территории Украинского Полесья они имели определенные ареалы бытования (Олевский, Овручский районы Житомирской обл.) и лишь в населенных пунктах между Го-рыню и Ствигой наряду с «сохами» употреблялись «ставы».

3 конце XIX — начале XX в. примитивный ткацкий стан заменяется более усовершенствованным «верстатом».

едующим процессом было тканье, которому предше->вала более примитивная техника плетения. О. Н. Тру-

Ткацкие станы — «верстаты».

Плетение особенно широко известно на территории Украинского Полесья, в его восточных районах, включительно по реки Турья и Стоход на западе.

Более совершенное плетение — полутканье, для которого характерно наличие основы и утка, но отсутствует механическое чередование зева. К этому виду принадлежит ткань «на ниту», плетение шлей, поясов. Третий способ плетения — примитивное тканье, которое осуществлялось с помощью ткацких дощечек («бердечек»), на которых ткали узкие пояса (по рекам Турья и Стоход).

Высший этап ткачества — это механическое образование зева, связанное с появлением ткацкого стана. Важным моментом при этом является заправка ткацкого стана. Этот процесс состоит из таких основных действий, как навивание основы, пропускание ее в пит и бердо, закрепление основы на навое для полотна и тканье.

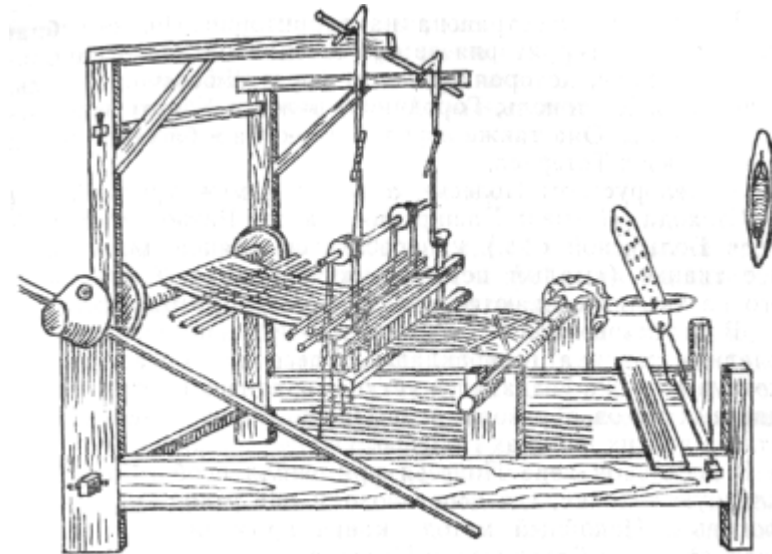
бачев утверждает, что ткачество — родное детище плетения²⁸.

Одна из наиболее давних техник плетения на Полесье — «брання», «пе-рабіранне», с помощью которой плели чепцы и пояса. Эта техника известна и в других районах Украины. Для плетения предварительно сновали нитки на двух колках, вбитых в стену, на расстоянии 1,5 м. Плетение осуществлялось

таким образом, что посередине основы соответственно сплетали верхние и нижние нитки, отгоняя плетение в две стороны. Таким образом одновременно плелись два чепца или два пояса. Когда плетение с обеих сторон доходило до середины и оставалась узкая полоска, ее зашивали или сплетали

в «замок» (в поясах).

Плетение особенно широко известно на территории

Ткацкий стан — «став».

Наиболее простым (двухнитовым) способом ткалось полотно, которое широко использовалось для мужской и женской одежды. Готовое полотно отбеливали непосредственно на солнце, предварительно замочив в воде. Отбеливали и на росе. Такие полотна с одной стороны были белого, с другой — серого цвета. Полотно отбеливали и при помощи золенья, используя при этом золу лозы или березы. Для отбеливания ниток использовался куриный помет (бассейн р. Уж).

Кроме полотна, изготавливали декоративные ткани: рушники, скатерти, рядна, ковры, наволочки, мешки-«сен-Нікі». При изготовлении этих тканей чаще использовалась четырехнитовая техника. Ткань в данном случае получалась узорной в виде елочек или ромбов.

Для изготовления верхней одежды ткали сукно нескольких видов: из шерсти, смешивая льняные и шерстяные нитки, с льняной основой и шерстяным утком. Ткали его в основном в четыре нита с узорами косых полосок. При орнаментации тканей применялись ремизная, браная и закладная техники. Ремизная техника давала гладкие полосы репсового и атласного переплетений. Репсовое — применялось на всей территории Полесья, атласное — в основном характерно для северо-западных районов включительно по р. Уборть на востоке.

Широко распространена на территории Полесья браная техника. Территория ее применения на юге ограничивается линией, которая проходит через Любомль, Ковель, Маневичи, Костополь, Городницю, далее к Уборти и в бассейне Десны. Она также изредка известна в бассейне р. Уж и в низовьях Тетерева.

В Белорусском Полесье, а также в междуречье Турьи и Стохода (Камень-Каширский, запад Ратновского районов Волынской обл.) употребляется браное двухстороннее тканье («малый перебір», «пярэбары»). С помощью его на тканях создаются мелкие крестообразные узлы.

В отдельных селах бассейна р. Уж распространена закладная техника («пераклад»). Здесь в процессе тканья контур рисунка создавался уступами, отчего на стыке двух цветных утков образовывалась щель. Эта техника неизвестна в других районах Полесья.

В восточной зоне Полесья применяли особого типа закладную технику, где использовали два утка—узорный и фоновый. Подобный метод тканья применялся в Черниговской обл. и Белорусском Полесье.

Важную роль в ткачестве играет крашение. В Полесье активно использовали красную краску. В древности, в зависимости от оттенка, ее изготавливали из червца, из луковичной шелухи, цветов васильков, ольховой коры, в настой которой добавляли пепел рябиновой коры. Для получения черной краски варили кору дуба. Такая краска имела коричневый оттенок и называлась «чорновата». В Белорусском Полесье ее получали путем смешивания различных компонентов: например, железной стружки и болотной ржавчины, сока свеклы с настоем из коры ольхи, иногда из коры дуба или березы; а также путем смешивания болотной ржавчины с корой рябины. Из ягод крушины получали синюю краску. Зеленый цвет получали из отвара травы.

Общее распространение получило изготовление зеленой краски из листьев березы. Для получения желтого красителя в Белорусском Полесье использовали кору березы, снятую ранней весной, высушенную в тени, а также кору барбариса. Иногда при этом использовали мох с осины или березы, а также цветки морковника.

Растения, которые использовали для крашения, собирали во время цветения, их сушили в тени, а позже варили в хлебном квасе, чтобы сохранить свежесть цвета.

В наше время ткачество Полесья сохранилось как особый вид народного творчества, в котором сочетаются традиционные и новые черты. Его ассортимент составляют

ткани декоративного назначения, для изготовления которых используется в основном промышленное сырье, многоремизное тканье. Это в значительной мере повлияло на особенности орнамента тканей, придавало им более современный облик.

ОБРАБОТКА ДЕРЕВА

Изделия из древесины сопровождали полещука на протяжении всей жизни, удовлетворяя потребности земледельца, скотовода, рыбака, охотника и ремесленника.

Творческая изобретательность и мастерство народа проявились в замечательных творениях архитектуры, в мастерстве плотников, воздвигавших храмы, жилые, хозяйственные и промысловые постройки, во многих других видах деревообрабатывающих ремесел.

Множество изделий деревообработки сбывалось на местных ярмарках. Некоторые ремесленники-торговцы возили свой товар — бочки, ковши, лукошки, берестяные коробки, ложки, ободья, колеса за сотни верст в безлесные районы Украины, откуда привозили хлеб и соль²⁹.

В начале XX в. в структуре кустарных деревообрабатывающих промыслов Полесья наиболее широко была представлена деревянная посуда, изделия столяров, плотников, тележников. Так, в Волынской губернии бондарным промыслом занимались в 1431 хозяйстве, изготовлением колес — в 1193, столярным и «древодельным» — в 1571 хозяйстве. В графе «плотники и мастера» были указаны 4540 дворов³⁰.

В Черниговской губернии бондарным промыслом в 1914 г. занимались в 2371 дворе, столярным — в 2253, заготовкой досок — в 1264, колесным промыслом — в 1216, санно-повозочным — в 997 дворах. Среди других специализированных кустарных промыслов важное значение имели изготовление деревянных гребней и прялок, плетение корзин, рогож, изготовление решет и сит, производство лодок и долбленной посуды³¹. Вместе с тем в послереформенный период деревообрабатывающие промыслы на Полесье, как и прежде, широко развивались. Домашний характер ремесленного производства на Полесье был более развит, нежели в других районах Белоруссии и Украины. Это объясняется относительной устойчивостью традиционных форм жизни, сохранением патриархального уклада, слабой развитостью средств коммуникаций.

Плотничество было повсеместным занятием, удовлетворявшим нужды быта и хозяйственного производства. Но в отдельных регионах оно приобрело характер кустарного промысла. Сохранились воспоминания о ярмарках, на которых можно было купить новую избу — «хату», которую в разобранном виде вывозили в базарный день для продажи. Как пишет Я. Ориджина, еще в начале XX ст. на севере Ровенской обл. можно было наблюдать, как на десятках подвод везли на дальние ярмарки стропила, слезы, балки, брусья, доски, оконные рамы и даже столбы для заборов³². Плотники возводили не только жилые и хозяйственные постройки, мосты и плотины, но и такие сложные и трудоемкие сооружения, как церкви, ветряки, водяные мельницы — стационарные и плавучие, помещаемые на лодках, так называемые «лодыжки». Ввиду сложности работ подобные заказы выполнялись артелями плотников.

Плотник, как правило, имел дело с крупномерной обработкой древесины, используя при этом сравнительно несложные, универсальные инструменты — топор, тесло, долото. Из других орудий труда, широко применяемых в народном домостроении, следует назвать плотничную и продольную пилы, струг, фуганок, рубанок, сверло, шнур с отвесом, планку-аршин, черту. Распиловка бревен на доски и брусья иногда превращалась в самостоятельное специализированное занятие и существовала в виде отхожего промысла.

В то время, когда народное домостроение обходилось без гвоздей и железных прикладных деталей, особую роль в плотничном деле играли такие инструменты, как долото и сверло («свердзел», «свердло», «тэбль»). С помощью этих инструментов делались разнообразные пазы, выемки, отверстия для прочного соединения частей и элементов строения.

Плотничное ремесло соединяло в себе ряд технических приемов — стесывание, строгание, раскалывание, распиловка, долбление, сверление, овладение которыми и их умелое варьирование свидетельствовали об уровне мастерства. Названные приемы в той или иной степени были характерны и для других деревообрабатывающих ремесел.

Основой строительства крестьянского жилища была срубная техника, известная на территории всей Белоруссии и северной Украины с праславянских времен. При возведении хозяйственных помещений (хлев, гумно, саран для сена и инвентаря) широко использовалась срубно-столбсь

конструкция. На территории Полесья наряду с ней ироко бытовала и каркасно-плетеная конструкция стен сеновалов, хлевов, поветей и даже сеней.

На большей части Полесья, особенно в его восточной части сруб жилищ рубили из круглых бревен, которые соединялись между собой в простой угол с остатком. В более давнем варианте угловая чашка вырубалась в форме трапециевидного углубления (а не овального полукружия) угол стесывался топором по концам бревен, которые приобретали на поперечном срезе шестигранную форму³³. Соседние венцы подгонялись друг к другу продольными пазами, последние в первой половине XIX в. еще нередко делались в верхней части бревен.

Во второй половине XIX в. в народном домостроении стали более широко использоваться симметрично стесанные по бокам брусковые бревна. В городском и культовом зодчестве такой прием бытовал и в более раннее

время.

На территории западного Полесья при строительстве жилища наряду со стесанными или спиленными по бокам бревнами широко применялись и более тонкие колотые брусья («дылі»). Соответственно менялась и конструкция угла. Характерная для этого района форма угла «в каню», или «канюк», возникла, очевидно, как модификация угла «в лапу» и представляла собой более прочное соединение деталей сруба. Самобытная техника и стиль строительства в этом районе сложились в процессе исторической производственной практики, отражая поиск наиболее рациональных строительных форм и приемов в условиях рыхлых песчаных грунтов, сильной заболоченности и более мягкой зимы. Рационализм народных зодчих проявлялся не только в рачительном использовании леса, но также в легкости самой конструкции и в ее прочности: построенное на болотистом грунте или песчаной дуне такое жилище было в большей мере застраховано от стихийных бедствий. Вместе с тем в условиях более короткой и мягкой зимы толщина стен была достаточной для сохранения тепла.

В качестве строительных материалов на Полесье наряду с хвойными породами широко использовались осина и даже ольха. Нижний венец сруба («падруба») делался из дубовых бревен. Дубовыми были и стулья («штандары») фундамента, промежуточные шулы стен, а также опорные столбы — сохи (несущая опора крыш, гумен, поветей и др.). Народные мастера использовали дубовую древесину также для разнообразных элементов построек, которые

подвергались быстрому изнашиванию,— ворот, дверей, косяков, надверных декоративных украшений, мельничных колес и др.

Строили жилища в основном летом, но лес рубили зимой, когда растительные соки уходили в корень. При этом выбирали те деревья, с которых никогда не добывали смолу-живицу.

Строительство жилища в народной традиции было сопряжено с определенными обычаями и обрядовыми нормами, которые отмечали собой те или иные важные этапы строительства (закладку первого венца, возведение крыши) или же связывались со временем и местом строительства, количеством окон, их ориентацией по сторонам света и др.

Начало строительства жилища обычно приурочивали к какой-либо знаменательной дате (конец великого поста, новолуние и др.). При этом наиболее благоприятными днями недели считали вторник и четверг, понедельник, среда в народном представлении относились к «тяжким» дням. При закладе первого венца по углам клали ломтик хлеба, соль, мед в сотах. В конце XIX — начале XX в. здесь еще сохранились и остатки языческих жертвоприношений, когда у основания новой хаты закапывали голову петуха³⁴. После укладки первого венца ставили в середину начатого сруба стол и торжественно отмечали «за-кладина».

В советское время социально-экономические преобразования затронули многовековой уклад полесского крестьянина, придав ему новые черты, новое содержание. Фашистская оккупация нарушила обычный ритм производственной и культурной жизни. Множество деревень исчезло с лица земли. Восстановление их из руин, возобновление жилого фонда в первые годы после войны шло на старой традиционной основе, при этом на внешний облик дворовых застроек в значительной мере накладывала отпечаток острая потребность в обеспечении элементарных жилищных условий.

Повышение материального благосостояния в последующие годы выдвигало на первый план новую задачу — упорядочения жилищного строительства с учетом возросших эстетических и культурно-бытовых требований. Значительные изменения испытал и крестьянский дворовый комплекс, из которого выпал ряд традиционных построек — гумно, амбар, конюшня и др. Вместе с тем выработанные народными мастерами-плотниками оптимальные- нормы, конструктивные формы и решения являются

•пеходящей ценностью, имеют важное прикладное знание и широко используются в практике гражданского и промышленного строительства.

Столярное ремесло

По отношению к домостроению это ремесло носило как бы прикладной характер и было сосредоточено на завершающей стадии строительства — изготовлении дверей, оконных рам, декоративно-прикладных элементов и пр. Столяры мастерили также разнообразную мебель, предметы домашнего обихода, сельскохозяйственные орудия труда и др. В крестьянском хозяйстве столяры нередко делали для себя и своих односельчан телеги, сани, лодки, деревянную посуду. Столярное ремесло отличалось, таким образом, универсальностью, что выражалось в его широком диапазоне и разнообразной номенклатуре изделий.

В столярном деле более широко, нежели в плотничном, использовались различные виды одноручных пил, в частности лучковая и пила-ножовка. Струги на территории Полесья разнятся длиной лезвия, его формой и расположением ручек. Наиболее широко использовались струги с прямым лезвием. Распространение рубанков в широкой производственной практике, очевидно, было связано с расцветом средневекового ремесла в городах и местечках. Рубанки отличаются большим видовым разнообразием, несмотря на одинаковый принцип работы. Большие рубанки («фуганак», «х!банак», «спуст») использовались для сглаживания поверхностей. Однако наиболее употребительными были рубанки с коротким бруском. Местные мастера свои столярные инструменты полностью или частично изготавливали сами³⁵. Железные части к ним ковали местные кузнецы.

Из ударных инструментов широко использовались долото и стамески, из сверлильных — сверла, дрель, коловорот. Важную роль выполняли и традиционные измерительные инструменты — аршин (метр), циркуль («размер», «розмір»), угольник, ватерпас («грунтавага»), черта. В широкой производственной практике наряду со столярным станком («верштак») использовалась и массивная скамья («услон», «ослінк»), которая имела специальный уступ и зажим для обрабатываемых деревянных заготовок. Такого же типа приспособления использовались и для обработки кровельных материалов, бондарных клепок, обручей и др.

Важнейшей специализацией столярного ремесла было изготовление разнообразного домашнего инвентаря и мебели. Типология и функционально-эстетические особенности мебели определялись уровнем социально-исторического развития и зажиточностью крестьянского хозяйства. В традиционной крестьянской хате такая обычная мебель, как скамейки, табуретки, столы, отличалась от современной и часто имела в основе широкую ровную опору, приспособленную для земляного (глинобитного) пола. Широкое распространение в крестьянском быту современной мебели — деревянных кроватей, стульев, диванов, шкафов, комодов — хронологически совпало с отменой крепостного права и шло параллельно с исчезновением курных изб.

Владея разносторонними навыками деревообработки, столяры помимо мебели изготавливали сельскохозяйственный инвентарь (сохи, бороны), ткацкие станки, разнообразные производственные орудия и предметы домашнего обихода. Такие сравнительно простые и необходимые в хозяйстве деревянные орудия, как заступы, лопаты, грабли, вилы, ступы, мог сделать почти каждый крестьянин. Все они предназначались для своих собственных нужд и в продажу поступали редко.

Столярное ремесло на Полесье базировалось на местных традициях, которые сохранили преемственную связь многих поколений мастеров. Породы дерева, которыми пользовались в каждом конкретном случае, соответствовали функциональному назначению тех или иных изделий, реальным возможностям и технике обработки.

Наиболее податливая, по сравнению с другими породами, осина использовалась для изготовления простой крестьянской мебели — столов, табуреток, шкафчиков, сундуков. Из ольхи и березы делались кровати, шкафы, кухонные полки. Из березы изготавливались земледельческие орудия труда, транспортные средства. Рабочие и трущиеся части их преимущественно были дубовые. Дуб использовался и при изготовлении некоторых предметов домашнего обихода и мебели. Кленовая древесина применялась для ручек тех или иных орудий труда, брусков, ремесленных инструментов. Последние, как показывают полевые материалы, очень часто делались из груши и граба. При изготовлении резной утвари, некоторых сельскохозяйственных орудий, мебели использовалась и древесина хвойных пород — ели и сосны. И все же в столярном деле местные мастера обычно отдавали предпочтение лиственным породам, в обработке которых они достигли высокого мастерства.

Столярное ремесло чаще всего существовало в виде

подсобного занятия, тесно сочетаясь с сельскохозяйственным трудом.

Мастерство столяров живо и в наши дни. Несмотря на существование развитой мебельной и домостроительной промышленности, производство окон и дверей для сельского строительства обеспечивается в значительной мере сельскими столярами. Они полностью осуществляют художественную отделку современных деревянных жилых домов Полесья — делают наличники на окнах, украшают стены филенками, предлагают собственное решение углов зданий, композицию крылечек, торцовых стен, ворот и заборов. Наличие различных видов отделочных материалов позволяет создавать сложные декоративные решения, сочетающие дерево с металлом, стеклом, жемчужью, применять разноцветные краски, усиливающие эмоциональную выразительность строений.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ПОСУДЫ И УТВАРИ

Деревянная посуда и утварь являлись наиболее древними и распространенными по сравнению с другими предметами домашнего обихода.

В конце XIX — начале XX в. большинство посуды, хозяйственной утвари, использовавшейся в повседневном обиходе полесского крестьянина, изготавливалось из дерева. Бочки, кадушки, ведра, ушаты, корыта, дежи, ложки, совки — все, без чего не могла обойтись ни одна крестьянская семья, в больших количествах изготавливались местными ремесленниками, для которых обработка дерева была обычным традиционным занятием.

Наиболее распространенной в крестьянском хозяйстве полешуков с давних времен была посуда и утварь — долбленая и бондарная. По своим конструктивным особенностям долбленые изделия можно разделить на две группы: а) корыта, ночевки, ковши, лохани, б) липовки, бучи, куб-лы, фаски, солонки и др.

Изделия первой группы отличаются корытообразной формой, они изготавливаются с помощью таких инструментов, как тесло, топор, скоб, резец. Во втором случае изделия имеют цилиндрический профиль, делаются с помощью пещни и долота. Корыта, ночевки, ковши служили для многоразового использования в повседневном обиходе, ^в то время как изделия второй группы употреблялись в основном для хранения разнообразных продуктов. Функциональные особенности накладывали свой отпечаток на внешний вид, технику изготовления изделий. Особенно

тщательно изготавливались ковши для воды и кваса, фаски для меда или масла, кублы для одежды, солонки.

Долблением изготавливали и некоторые виды мебели—• кухонные шкафчики, шкафы для одежды и сундуки, которые в своем архаическом виде представляли цилиндрическую форму³⁶. Аналогичным образом из толстого, часто дулистого ствола дерева делались колодные улья, которые еще в 30-е годы широко бытовали в Белоруссии, составляя большинство всех ульев³⁷. Довольно часто в крестьянском быту встречались и изготовленные тем же способом деревянные трубы, которые использовали вместо сруба в колодцах в качестве дымоходов, устанавливая в жилище над лучником или светильником, на чердаках, они также служили водоотводом. К древнему ремеслу относится изготовление долбленых челнов.

На изготовление долбленной посуды и утвари шли обычно мягкослоистые породы древесины — чаще всего липы, ольхи, осины. При этом учитывались внешняя форма, дулистость, однородность структуры древесины, ее органические свойства, которые были хорошо известны полесским мастерам из практики хранения (квашения) тех или иных сельскохозяйственных продуктов.

Бондарное ремесло было более специализированным занятием. До недавнего времени бондарная посуда была одной из самых распространённых, выполняя разнообразные хозяйственно-бытовые функции.

По своему функциональному назначению всю бондарную посуду и утварь, которые употреблялись в хозяйстве полесских крестьян, можно подразделить на несколько групп: а) для воды и других жидкостей: транспортная бочка, «водянка» («выдзянка», «кадка»), ведро, баклага («быклага», «біклага»), бочонок («барило»), насадка, ковш («конаука», «карац», «ківш», «корец»); б) для хранения сельскохозяйственных продуктов: бочка и кадь для зерна, бочка и кадка для квашения овощей, бочонки и полубочонки для овощей и кваса, кубел («кубелец», «саль-нік») для мясных продуктов; в) предметы быта для разнообразных нужд повседневного обихода: кубел для одежды и тканей, жлукта («жлукто») и лохань («балея») для стирки белья, ушат («цэбр»), ряжка («ражка»), дежа («дзяжа», «діжка», «хлебніца»), подойник («даенка», «дай-ніца», «дійнічка»), маслобойка («бойка», «біянка», «мас-ничка»); г) меры емкости: «осьмина», «шестнастка», гарнец.

Такая классификация несколько условна, так как одни и те же изделия могли использоваться по-разному.

Большинство названной посуды и утвари бытовало на Полесье повсеместно. Вместе с тем одни и те же бондарные изделия обнаруживают типологические различия, которые прослеживаются на территории восточной и западной части Полесья или же бытуют параллельно в одной местности.

Бондарное ремесло требовало хорошего знания технологии, навыков и опыта обработки древесины. Бондарную клепку строгали на специальном станке («верстак», «ста-люга», «кабыла») с помощью струга, рубанка («гэблік», «гемблікі»), фуганка («спуск»). Для придания клепке вогнутого профиля использовался струг с соответствующей формой лезвия, скоб и шерхебель («шаршебка»).

Днища размечались с помощью простого циркуля, который создавал сам бондарь. Обручи делали на верстаке, используя при этом струг и бондарный нож. Уторный паз для днища выпиливали затором («затор», «уторнік», «за-чэрточ»). При стягивании остова бочек использовалась веревка, которая наматывалась на колесо (по типу лебедки), а также «натягуши» («нацягач», «нацягівац»), деревянный молоток, клинья, лисички, с помощью которых фиксировали положение клепок.

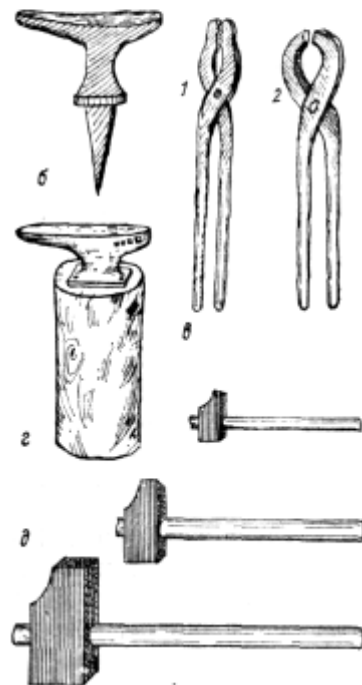
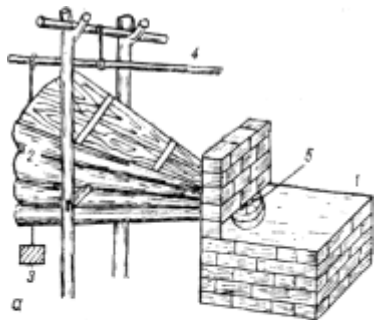
Большое внимание уделялось качеству древесины, которая использовалась в бондарном деле. Одной из наиболее ценных и качественных пород был дуб. В дежах иногда дубовая клепка чередовалась с сосновой или еловой. При этом дубовая клепка как обязательная выполняла определенную роль окислителя, способствуя квашению теста.

Употребительными в бондарном деле были хвойные породы— сосна и ель. При этом сам производственный процесс был менее трудоемким из-за мягкослоистой древесины. Наряду с дубом сосна использовалась для различных бочек и кадей.

Осина и ольха считались подходящими при изготовлении мер емкости (гарнцев, осмин), бочек для зерна, куб-лов для одежды. Из осины иногда делали бочки для квашения капусты. Как утверждают некоторые крестьяне, капуста, квашенная в осиновой бочке, имеет более ароматный вкус, по сравнению с капустой из дубовой бочки.

Обручи делали преимущественно из лещины и дуба, реже — из ели. При изготовлении некоторых видов посуды (баклаги, барилки, бочонки, ведра) нередко использовались железные обручи, кованые местными кузнецами.

Искусно владея несложным инструментом, полесские бондари тонко чувствовали пластику дерева. Зная технологические свойства древесины, они умело использовали их

Оборудование кузницы и кузнечные инструменты. *a* — горн: 1 — кузнечная печь. 2 — кузнечные меха. 3 — противовес. 4 — рычаг, 5 — углубление для угля, *б* — наковальня — «шпак»; *в* — кузнечные клещи: 1 — обычные, 2 — обушные; *г* — наковальня; *д* — молотки и молот.

в пределах 8—12 часов, выплавляли около семи пудов кричного железа³⁹.

В комплекс производственных зданий рудни входило несколько накрытых легкими навесами угольных ям, в которых выжигался древесный уголь.

Количество работников определялось объемом производства и редко превышало 12 чел. Для обеспечения всего цикла производственных работ необходимы были следующие специальности: рудник (руководитель производства и мастер рудного дела), дымари (сталевары), курачи (углекопы), рудокопы, плакари (обогагатели руды) и кузнецы.

Рудни в Белорусском Полесье в большинстве случаев основывались владельцами имений или «скарбом» и принадлежали им.

На Украинском Полесье в средние века добывание железной руды было сосредоточено в имениях казацкой старшины, при монастырях, военных частях, основывались они с разрешения гетмана, так как десятая часть добытого железа обязательно поступала в военную казну⁴⁰. На Правобережье, которое до конца XVIII в. входило в состав Речи Посено-литой, собственниками рудни и рудников были магнаты, шляхта, монастыри, промышленники, а хозяевами — чаще всего арендаторы. В XV—XVI вв. в северной части Украины расширилось добывание железа, сформировались центры, которые удовлетворяли потребности рынка и строительства.

В XVI—XVII вв. выплавка железа из местных руд достигала нескольких тысяч пудов в год и обеспечивала основные потребности хозяйства края в этом металле. Железо экспортировалось в ряд стран Западной Европы, где из него изготавливали оружие и сельскохозяйственные орудия⁴¹. Постепенно производство местного железа начинает сокращаться. К 1824 г. значительное количество полесских руден прекратило свое существование.

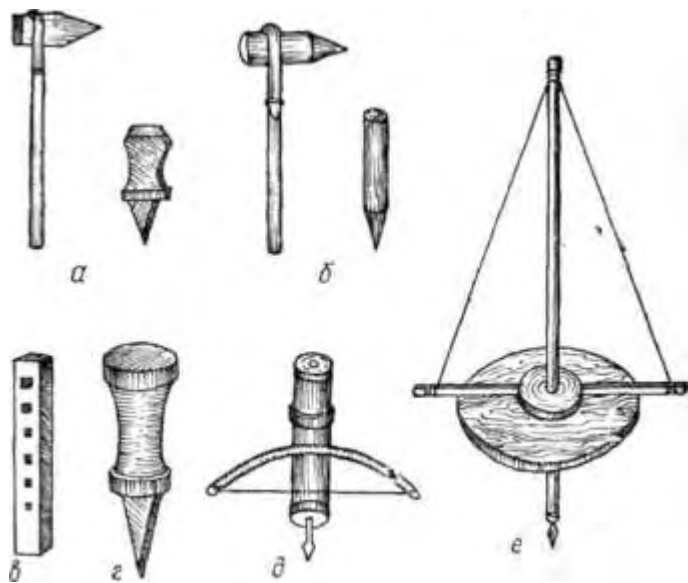
С конца XVIII — начала XIX в. начинает работать несколько металлургических заводов, которые изготавливали самую разнообразную продукцию: чугун, полосное, четырехгранное, шинное железо и изделия из него. В XIX в. отдельные чугунолитейные заводы поставляли также архитектурные элементы — капители, базы колонн, кронштейны, торшеры, фонари, решетки, ограды.

Сегодня многие образцы литейного искусства сохранились в сооружениях первой половины XIX в. в Житомире, Ровно и Луцке.

Непосредственно к производству железа примыкает кузнечное дело, но по мере расширения ассортимента кузнечных изделий, усложнения технологииковки произошла дифференциация кузнечного дела на ряд узких специальностей: замочников, рогатников, мечников, ножевников, ложечников, платнеров и т. д. В IX—XIII вв. древнерусские кузнецы изготавливали преимущественно ножи и гвозди.

В то же время параллельно с железными изготавливались изделия из стали, которые составляли приблизительно восьмую часть всей кузнечной продукции. Это были орудия для резания, оружие и некоторые инструменты.

Уже в X—XII вв. кузнечное мастерство достигло такого уровня, который базировался на таких способах обработки железа и технологии изготовления из него железных орудий труда и предметов бытового назначения, которые без существенных изменений дошли до нашего времени и успешно применяются сельскими кузнецами даже теперь. Кузнецы успешно владели сваркой, цементацией, закалкой и закалкой с отпуском. При изготовлении орудий труда (топоры, ножи, ножницы, пилы, сверла, зубилы, косы, серпы и т. д.) и оружия (мечи, наконечники копий и стрел, чеканы и т. д.) они применяли несколько способов соединения железа со сталью: внахлестку, псевдопакет, двухслойный, трехслойный, наварка стального лезвия. Применение сварки диктовалось не только экономией стали, но и назначением предмета. Наиболее древним видом соединения железа со сталью с конца первого тысячелетия была трехслойная сварка лезвия. Серпы с трехполосным

Кузнечные инструменты.

а — рубила, б — пробойники, в — гвоздильня, г — бабка, д — «дрелик», и пробойников, з — рожки для точки опоров,

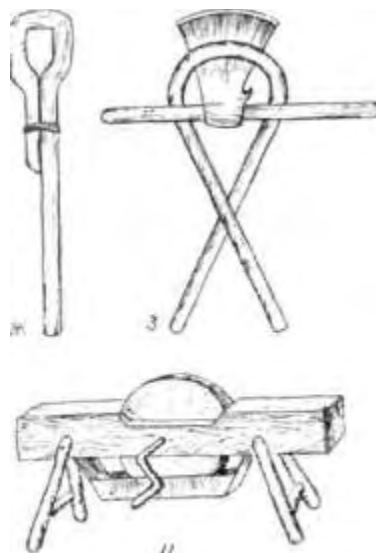
лезвием еще и теперь можно найти на Полесье, от фабричных они отличались тем, что их лезвие было более упругим.

Следующий этап в развитии технологии сварки — приваривание к железной основе (спинка ножа, обух топора) стального лезвия. Этот способ начал применяться в начале XII в.

В древнерусской письменности есть упоминания о стали, которую именовали «харалуг», «оцел», позже «уклад». Термин «харалуг» был общераспространенным. «Мечи харалужные» вспоминаются в «Слове о полку Игореве». Этот термин происходит от названия промышленного центра — местности Харалуг Корецкого р-на Ровенской обл.

Высоким исполнительским мастерством отличались бытовые вещи, многие из которых имели сложную форму и замысловатую конструкцию.

Интерес в этом отношении представляют разные по композиционно-конструктивному решению и назначению предметы: замки, архитектурно-строительные элементы (дверная и оконная фурнитура), принадлежности и украшения костюма, конская сбруя (накладные декоративные детали уздечек, набедренников, стремена, удила, шпоры), дгнива и пр.

е — дрель, ж — ручки для рубил, и — точило.

Опыт древнерусских мастеров сохранялся в металлообрабатывающем ремесле полесских городов до XVI в., когда мастера начали усваивать элементы новой, современной технологии. Сельские же мастера сохранили реликты старинной технологии вплоть до начала XX в.

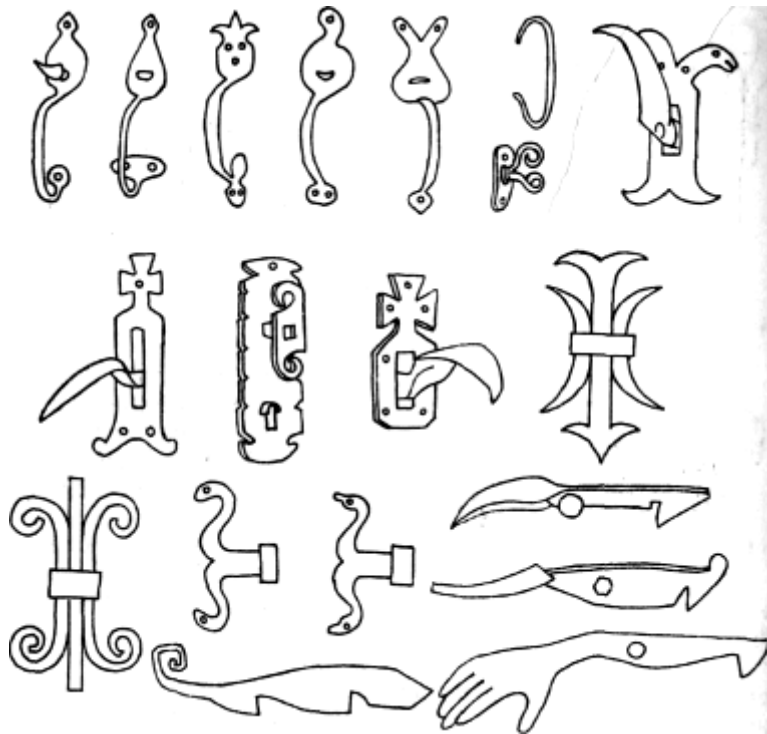
Увеличение объема работы и усложнение техники обработки металла обусловлены возникновением специально оборудованного помещения. В IV—V вв. таким помещением становится кузница.

Кузница, как вид специализированной мастерской, оснащалась необходимым для выполнения всех кузнечных работ оборудованием и комплектом приспособлений и инструментария.

Основным стационарным оборудованием кузницы были гори («горно», «горан») и соединенные через сопло с ним кузнечные меха («мих», «мех», «мяшок») из конской шкуры.

В набор кузнечного инструмента, необходимого для исполнения основных технологических операций, входили наковальня («кувадло», «кавадла») с конусом («клювиком», «дзобом») с одной и приплюснутой «почвою» с другой стороны, маленькая наковальня («шпарак»), молот двуручный, несколько одноручных молотков разного веса и величины. Рубили железо «зубилом» — остроконечным молотком с ручкой. Клещи («обценьги», «абцзнгі») кузнечные и обушные (в прошлом кричные), рубила («секачы», «мусліні») и пробойники («друшлякі», «прабівачы») для горячей и холодной обработки металла, первые крепились к дубовой или лозовой ручке («тронка»), рожки — приспособление для точки топоров, дрель, дрелик, гвоздильня и другие приспособления, например «натягач» — для натягивания шин на обода колес.

Для пробивания отверстий служила железная плита с отверстиями («пробойщик», «нагляйза»). Винты в середине трубы нарезали «гвинтайзой», которую мастера на Во-

Кузнечные изделия.

лыни называют «мечиком» или «леркой». Теперь используются орудия из самокала или победита.

В сельской местности активно бытовала традиция семейной преемственности кузнечного дела. Вообще у многих народов производная от слова «кузнец» фамилия является одной из наиболее распространенных.

Вскоре после отмены крепостного права кузнечное ремесло становится одним из важных звеньев народных промыслов и упорно конкурирует с фабричной промышленностью⁴².

В XIX в. значительной отраслью кузнечного ремесла на Полесье было изготовление железных ворот и оград — атрибутов господских усадеб, монастырей, культовых сооружений, а также крыльчечек, балконных решеток, сельскохозяйственных орудий.

Старых, традиционно оборудованных кузниц ныне сохранилось мало. В большинстве из них меха для нагнетания воздуха в горн заменены компрессорами с электромо-

торами, однако технологияковки и основной инструментарий, такой, например, как кузнечные щипцы с прямыми и полукруглыми губами, сохранили свою форму и размеры. Вместе с тем набор кузнечного инструмента значительно пополнился новыми, современными инструментами.

Механизированы многие процессы, расширился и ассортимент кузнечных изделий. Теперь колхозные кузнецы делают не только металлические части к телегам, плугам, боронам, но и довольно сложные детали к тракторам, комбайнам и другим сельскохозяйственным машинам.

КОЖЕВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Выделка кож и изготовление из них бытовых изделий— одно из давних занятий полешуков. В древнерусский период бытовала уже довольно развитая техника и технология обработки шкур животных, о чем свидетельствуют археологические находки (фрагменты обуви, упряжи, военного снаряжения, отдельные орудия труда и пр.). Распространению этих занятий способствовали обилие зверя в лесах, развитое животноводство, а также климатические условия, требующие теплой сезонной одежды и обуви.

С развитием производительных сил и расширением торговых связей кожи и меха стали неременной статьёй экспорта в Западную Европу. Так, в 1605 г. через Брест и Гродно было вывезено в Польшу более 6 тыс. беличьих шкурок, шуб бараньих, заячьих, лисьих, горностаевых, бобровых, куных — 1199 штук⁴³.

В XVI в. жителям Волыни, в том числе и Полесья, были известны такие кожаные и меховые изделия, как «боты», «полуботики» (даже сафьяновые), беличьи шубы, кожаные широкие пояса, калиты, мошны, сумки из юфти, барсучьей, лосиной кожи, упряжь⁴⁴. Эти изделия изготавливали городские ремесленники или сельские кустари, часть была и привозных.

Наиболее распространенными профессиями в данной отрасли были кожевники («чинбар!», «гарбары»), скорняки («кушнарны», «кожухарь», «аучыннш»), сапожники («шевец», «шауцы») и шорники («лимарь», «рымары»).

На протяжении столетий менялись формы кожевенного производства, уровень и динамика их развития определялись уровнем производительных сил и характером производственных отношений каждой исторической эпохи. В XVI — начале XVII в. в городах Полесья были осно-

ваны цехи кожевников и скорняков. В феодальных владениях в эпоху натурального хозяйства работали крепостные мастера — кожевники, скорняки, сапожники.

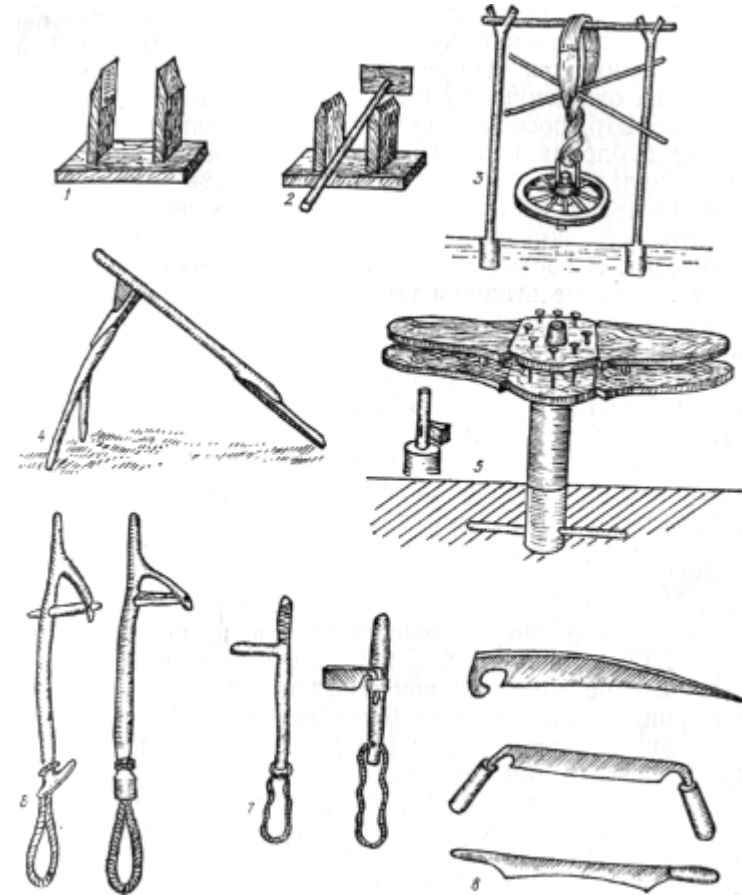
В XIX в., особенно в последней четверти, кожевенное производство Полесья развивалось как фабрично-заводское и кустарно-ремесленное с преобладанием последней формы. Типичными были мелкие мастерские, в которых кроме хозяина работало двое — четверо рабочих либо хозяин с членами семьи. Среди ремесленников было много таких, которые в связи с незначительными размерами производства не регистрировались и не вошли в списки занятых в данном производстве. Например, в 1933 г. в одном Сарненском уезде четвертая часть кожевников работала без промышленного свидетельства⁴⁵. Для многих промысел был подспорьем при основном занятии — сельском хозяйстве.

В конце XIX — начале XX в. среди основных видов кожевенных промыслов заметное место занимал промысел, базирующийся на выделке кож. В послереформенный период кожевенное производство расширилось в связи г. повышением спроса мещан и зажиточной прослойки крестьян на ремennую сбрую, сапоги, кожаную и шапки. Например, в 1863 г. в Брестском, Кобринском, Пружанском уездах Гродненской губернии крестьянами и мещанами ежегодно употреблялось до 50 тыс. штук выделанных овчин⁴⁶.

Обработка кожи и меха почти везде по числу занятых лиц и валовому производству стояла на третьем месте после таких доминирующих отраслей, как деревообработка, изготовление одежды, и опережала группы обработки шерсти, металлов, минералов и др.

В восточной части Украинского Полесья выделка кож наряду с изготовлением изделий из дерева занимала первое место, тогда как в северо-западных районах отходила па четвертое⁴⁷. В начале XX в. обработкой кож в Житомирском уезде было занято 1049 хозяйств, в Новоград-Во-лыньском — 973, Овручском — 419⁴⁸. На западе Полесья в 30-е годы XX ст. кожевники работали в уездах Ковельском — 302 чел., Сарненском — 316, Костопольском — 191, Любомльском — 136 чел.³⁹

На Белорусском Полесье кожевенные заводы с несколькими рабочими находились в Пинском, Слуцком, Мозырском, Речицком, Бобруйском уездах Минской губернии. Из 62 заводов Минской губернии 47 размещались на Полесье, больше всего в Слуцком и Речицком уездах. Прочностью и высоким качеством отделки славились мозырские кожи, имевшие спрос в Польше и Пруссии. Мастерски об-

Инструменты для выделки кож.

1, 2, 3, 5 — типы мял для выделки сыромяти, 4, 8 — «станок», «коса», ножи для чистки кож, 6, 7 — типы «ключей» для выделки овчин.

работывали кожи в Брестском, Кобринском, Пружанском, Слуцком, Давид-Городокском уездах.

Кожевники выделывали, главным образом, различного рода сапожный товар — «полувал», а также подошвенный материал. В Житомире и Житомирском уезде занимались выделкой «перчаточных» кож-замши и лайки⁵⁰. Наиболее распространенной была выделка юфти из шкуры крупного рогатого скота, реже — лошадей и телят. Выделка юфти включала этапы, известные и в других районах Украины, Белоруссии: размачивание высушенных щур и чистку,

выквашивание в ржаном растворе, для дубления употребляли преимущественно дубовую (реже лозовую) кору. Процесс дубления кож был довольно примитивным: в мелких мастерских очищенные от шерсти шкуры помещали в деревянное корыто, посыпали сухой корой и заливали водой⁵¹. Процесс дубления подошвенного материала длился около восьми недель и больше — в зависимости от качества сырья. Отделка юфти включала смазывание кож растительными или животными жирами, выравнивание и разглаживание их. В восточной части Полесья «товар» на передки сапог в конце выделки смазывали березовым дегтем⁵².

При выделке кож пользовались известными среди кожевников инструментами: чистку шкур, обезволашивание проводили на установленной под уклоном колоде, называемой повсеместно «кобилка» («столак», «козел», «кобили-ця»). Сгоняли шерсть тупым дугообразным ножом с двумя ручками или косой, выравнивали и разглаживали кожи гладилками или же специальными прессами. Для зolenия и дубления кож имелись отдельные деревянные чаны, бочки, в более крупных мастерских — иногда и цементированные ямы.

На Полесье была довольно распространена также выделка сыромяти. По технологии производства сыромятная кожа в XIX — начале XX в. подразделялась на две разновидности: скребеную и квашеную. Способ выделки скребеной сырицы представляется более древним. В этом случае размоченные шкуры золили (погружали в водный раствор гашеной извести или посыпали сухой золой), затем соскребали шерсть, чистили мездру и приступали к следующему этапу — мятью. Применение извести с целью обезволашивания шкур больше характерно для западного Полесья. В восточном Полесье, как правило, производили снятие шерсти без предварительного зolenия. Для получения квашеной сыромяти очистке шкуры предшествовала операция квашения, т. е. в данном случае для облегчения обезволашивания шкуры и ее размягчения применялась не известь, а хлебная ржаная закваска. Другая его разновидность, наиболее архаичная — отопревание в помете животных, так называемое «потение в навозе». Оба эти метода сохранились в быту полещуков до середины XX в. При этом, как показали полевые исследования на Белорусском Полесье, использование навоза является локальной особенностью восточного ареала (в частности, на территории к югу от Припяти, ограниченной Туровом, Петриковым, Ельском, а также в окрестностях Лоева). Для всего западного Полесья было характерно хлебное квашение. После зolenия

или квашения кожу очищали от шерсти и мезги косой или «стругом».

На Полесье существовали различные способы и орудия мятья сыромятной кожи, известные восточным славянам и другим народам. Сыромятная кожа повсеместно употреблялась главным образом для пошива конской сбруи: гужей, вожжей, шлей, чересседельников, постромков, шор, нарытников, уздечек, седелок, седел, хомутов. Пошивом сбруи занимались шорники. В XIX — начале XX в. они объединяли в своих руках оба вида ремесла — сыромятное и шорное.

Основной частью конской сбруи был хомут для одиночной и параконной упряжки. Форма, отдельные детали хомута определялись тем, с какими компонентами сбруи он употреблялся. Если с дугой, что преобладало в восточной части Полесья, тогда в клещах по бокам делали сквозные дырки, служившие для крепления хомута при помощи «гужей» к оглоблям. Если же хомут употреблялся с шорами, тогда имелись металлические кольца для постромков⁵³. В западных районах Украинского Полесья бытовало несколько разновидностей хомута для тяжелых сельскохозяйственных работ: без крышек или без гужей с постромками, крепкие «русские»; «краковские», употребляемые к шорам, с характерным украшением — металлическими рожками в верхней части⁵⁴.

В Белоруссии и восточной части Украинского Полесья повсеместно в состав упряжки входили седелка и «чересседельник», служившие для поддержания оглоблей, хомута и дуги. На северо-восточной части Украинского Полесья седелка появилась, очевидно, под влиянием русской упряжки с дугой, так как для западной части она не типична.

Орудиями и приспособлениями для пошива сбруи являлись пресс, железные щипцы, молоток, нож, шило, игла, дратва и пр.

Сыромять шла также на пошив кожаной крестьянской обуви — кожаных лаптей, особенно распространенных на Белорусском Полесье («поршні», «пасталь», «маршчакі»). Кроме того, у полещуков сыромять служила материалом для изготовления многих бытовых и хозяйственных принадлежностей — поясов, ременной витой веревки для подъема бортника на дерево («лазіва»), кожаных мешков для продуктов в дорогу и т. д.

Овчину и шкурки зверьков выделывали скорняки. Главное место занимала овчина, необходимая для пошива традиционной верхней одежды крестьян. Скорняки Полесья занимались только выделкой овчин, а кожану шили

портные. Лишь изредка эти два занятия совмещались в одном промысле, как это было принято в большинстве остальных районов Украины. Известными центрами скорняжного промысла в прошлом столетии были местечки Короп, Берез-но, Борзнь, Олишевка, Семеновка на Черниговщине⁵⁵. Производство кожухов концентрировалось в нескольких крупных центрах, одним из которых была Новая Выжва на Волыни. «Кожухар!» — портные Новой Выжвы работали не только для местного рынка, но и были очень известными в Белоруссии, Польше⁵⁶.

Выделка овчин на Полесье производилась теми же способами, что и на остальной территории Украины и Белоруссии. Технологический процесс включал ряд последовательных операций: размачивание, чистку, квашение, мягчение, дубление, крашение. Одна из основных операций — хлебное квашение в кислом ржаном (реже овсяном, пшеничном) растворе («квасе») с добавлением соли. Чистили мездру самодельным ножом особой формы — «шкафой», закрепляя овчину на специальной раздвижной раме («пяло», «прасло», «станок»). Мяли овчины полещуки, как и все славяне, крюком деревянным, железным или комбинированным. На западе Украинского Полесья некоторые скорняки (в Ратновском и Заречанском районах Ровенской обл.) для разминания овчин пользовались специальной скамьей с вертикально закрепленным в ней острием. До второй половины XIX в. традиционная выделка овчин на Полесье, как и вообще у восточных славян, проводилась без дубления — «набело». Дубление овчин растительными веществами (отвар коры дуба, лозы, ели и др.) стало распространяться на Полесье в конце XIX — начале XX в. и особенно широко вошло в практику с 30-х годов XX в. Дубление в кустарном производстве осуществлялось двумя способами: простое (поверхностное) и сквозное (в дубильном чане). Дубление или крашение овчин на Украинском Полесье было более распространенным в центрально-восточных районах. В XIX в. здесь применялась также черная «дубка» сандаловым деревом, химическими веществами, которые скорняки приобретали в лавках у скупщиков.

Выделка шкурок зверьков (на пошив шапок, воротников) проходила в основном те же технологические процессы, что и при обработке овчин. Некоторая специфика отмечена в инструментах для мездрения и отделки шкурок.

Сапожный промысел по численности ремесленников занимал первое-второе место и развивался преимущественно в местечках, больших селах. Самым крупным центром производства обуви на территории Украинского Полесья,

известным далеко за пределами этого региона, являлся г. Семеновка на Черниговщине. В 1913 г. здесь изготовлением обуви было занято около 4700 ремесленников⁵⁷. Семеновские сапожники развозили свой товар по ярмаркам соседних восточных и южных районов Украины, а также в Нижний Новгород, Орел, Брянск⁵⁸. И после революции, когда постепенно увеличивалось промышленное производство обуви, в 1924—1925 гг. в Семеновке насчитывалось 790 сапожников, а их годовая продукция составляла 7900 пар обуви⁵⁹.

В конце XIX ст. в городах Борзнь, Короп, Новозыбков ежегодно изготавливали до 25 тыс. пар сапог, которые сбывали на местных ярмарках, возили на юг России, на Кавказ⁶⁰.

Сапожным промыслом занимались и в Радомышльском, Житомирском, Новоград-Волыньском, Ковельском, Любомльском, Сарненском, Костопольском и других уездах⁶¹. Традиционным, известным еще с XVII ст., сапожным центром являлась Степань Ровенского уезда⁶².

В обзоре Минской губернии за 1875 г. сообщалось, что сапожничество по числу занятых лиц (417 чел.) было вторым среди ремесел. В 20-е годы XX в. максимальное число сапожников (более 3 чел. на 1 тыс. жителей) приходилось на Слуцкий, Бобруйский, Паричский, Туровский, Копатке-вичский, Калинковичский, Королинский, Наровлянский, Юровичский, Брагинский, а также на все южные районы Гомельщины. Широкой известностью пользовались сапожники Пинска, Давид-Городка, Брагина. На 1 тыс. жителей Брагинского района приходилось 9,9 сапожника. Давид-городокские сапожники в значительной мере снабжали обувью население северо-западной части Украинского Полесья (Ровенщину)⁶³.

Наиболее распространенными видами кожаной обуви являлись юфтевые крестьянские сапоги («чоботи», «боти») и ботинки.

Древнейшим типом сапог на Полесье, как и на всей остальной территории восточнославянских земель, были выворотные сапоги, голенища которых выкраивали вместе с головками. Их шили на прямой колодке, без каблука и твердого задника. Сшитое наизнанку изделие после увлажнения выворачивали на лицевую сторону, расправляли швы и на «правилах» («кручках») придавали нужную форму. Вытяжные сапоги («витяжки», «кручки», «выцяжю») с широкими одно- или двухшовными голенищами бытовали включительно до XIX ст. В последней четверти XIX в. (особенно с появлением в продаже хромовых, шавровых кож)

начали входить в быт сапоги более сложной крой с пришивными «головками» («пришви», «головки», «чоботи з шийками») ⁶⁴.

В этот период известны также рантовые сапоги, отличающиеся от выворотных прежде всего способом крепления подошвы с верхом: ее не пришивали дратвой изнутри, а крепили снаружи деревянными гвоздями. Рантовые сапоги считались щегольской обувью, их носили мещане. По селам вплоть до 40-х годов XX ст. распространенными были «вытяжки» или «пришви».

Женские ботинки («черевики», «полусапожки», «шну-роук!») вначале шили по заказам шляхты и мещан, но в конце XIX — начале XX ст. — и для зажиточных крестьянок — как праздничную обувь. Характерными особенностями крой этих ботинок были высокие голенища (до половины голени), застежка на кнопках или шнурках с пистонами, узкий носок и средний каблук. Для пожилых шили ботинки на низких каблуках и с низкими (до щиколотки) голенищами. Мужские ботинки на резинках изготавливались только для горожан и сельской интеллигенции.

В XIX—XX ст. на Полесье изменились не только виды кожаной обуви, но и формы ее, конфигурация и размеры отдельных деталей, а также приемы пошива. И только инструменты для изготовления обуви отличались наибольшей стабильностью — большинство из них дошли от древнерусского периода до XX ст. без существенных изменений. Традиционные колодки («копили», «правила»), молотки, ножи, прямые и кривые шилья, клещи, плоскогубцы, рашпили, долота, а также такие материалы, как щетина, дратва, воск и другие используются сапожниками и поныне. Исследование показало, что в традиционном сапожничестве Полесья не наблюдалось существенных локальных и региональных особенностей.

В советское время изменился удельный вес кустарного кожевенного производства. В первые же годы советской власти была поставлена задача кооперирования кустарных промыслов; начали создаваться и государственные предприятия нового типа. Однако в восстановительный период ремесленно-кустарное производство (шорное и сапожное — прежде всего) еще преобладало, особенно в сельской местности наиболее крупных потребительских центров.

К началу 30-х годов наблюдается тенденция возрастания общественного сектора в ремесленном производстве. Так, согласно переписи 1933 г., на территории Белорусского Полесья было организовано в 1927—1929 гг. 10 овчинно-шубных, сапожных, кожевенных мастерских ⁶⁵.

В связи с индустриализацией края и процессами урбанизации традиционное кожевенное производство на Полесье, как и повсюду, стало занятием спорадическим. В отдельных деревнях колхозники в свободное время выделывают овчины, меховые шкурки, пользуясь традиционными рецептами и приемами.

ПЛЕТЕНИЕ

Плетение — это соединение путем перекрещивания под прямым или косым углом различных эластичных материалов. Одна из полос, попеременно огибая сверху и снизу другие полосы, соединяет их в одну плетенку.

В конце XIX в. плетение перешагнуло границы полунаатурального домашнего хозяйства. Интенсификация торговли благоприятствовала расширению ремесел, взаимобмену опытом, обогащению техники плетения, расширению ассортимента изделий. Так, в Мозырском, Черниговском, Остерском и Радомышльском уездах получает развитие корзинный промысел. Во второй половине XIX в. на Черниговщине возникают земские мастерские, учебные пункты по плетению. В 22 селах Остерского уезда плетением занимались 4519 кустарей ⁶⁶. Они плели корзины для фруктов, дорожные корзины, детские коляски, дачную мебель. На Первой Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Москве (1923 г.) среди изделий мастеров Хотяновки (ныне Вышгородского р-на Киевской обл.) поражала высоким качеством мебель из лозы ⁶⁷.

Для плетения использовались разнообразны материалы: лоза, кора липы, ивы, береста, солома, корни ели, сосны, можжевельника, сосновая и дубовая лучина, шнуры, нитки, кожа. В наше время к традиционным материалам прибавились синтетические. Выбор материала определялся назначением изделий, традицией и вкусом мастера.

Лозу употребляли в виде целых окоренных (белое плетение) и неокоренных (серое плетение) прутьев. Белое плетение употреблялось для изготовления дорожных коробов, посуды, мебели, игрушек и т. д. Мастера иногда красили окоренную лозу. На Полесье можно встретить и такой прием украшения, когда на стенки плетеного изделия наносится изображение цвета крупными мазками двух-трех красок. В районе Киева и сейчас бытует иной, технологически более сложный прием усиления художественной выразительности изделия. Здесь наряду с белыми применяют прутья, окрашенные в розовый, фиолетовый, зеленый, а иногда и в желтый цвета. В процессе плетения мастер

путем чередования цветных прутьев достигает нужных декоративных эффектов. Серое плетение употреблялось при изготовлении сельскохозяйственного инвентаря. Кроме круглых, в плетении можно встретить остроганные либо расщепленные прутья и пластины.

Заготавливали лозу в основном ранней весной, осенью и зимой, когда нет сокодвижения. На территории Полесья растет несколько видов лозы. Наиболее пригодной является лоза-малакита («шиляг»).

Особенной популярностью на Полесье пользовалась солома. Лучшие технологические и фактурные качества имела солома ржи, которую собирали в то время, когда наливалось зерно. Такая солома была крепче, ее поверхность после просушки на солнце приобретала золотистый цвет и блеск. Ее употребляли для изготовления шкатулок, игрушек и украшений. Сохранились царские врата конца XVIII в. в церквях сел Вавуличи Дрогичинского р-на и Ле-мешевичи Пинского р-на, изготовленные из соломы на деревянном каркасе.

Из собранной после жатвы соломы делали более грубые по технике и фактуре, но интересные по форме короба, коробки, маты на окна, пояса для утепления дверей. Предметы из соломы были легкими, прочными, хорошо проветривались, поэтому в емкостях, изготовленных из соломы, хорошо сохранялись продукты, одежда.

Как материал для плетения широко применялась и береста. Из нее изготавливали табакерки, солонки, кубышки, рамки⁶⁸, кошелки, ею оплетали глиняную посуду, из нее плели лапти. Слабая теплопроводность позволяла сохранять определенную температуру в сосуде. Береста обладает и относительной влагоустойчивостью, поэтому предметы, которые клали в берестяные емкости, были сухими. Бересту прокладывали между подвалинами и с-рубом для предохранения стен от влаги. Заготавливали бересту летом, обдирая с дерева широкими пластинами или узкими полосками, сушили и держали на чердаке. Перед плетением размачивали.

Повсеместно применяли для плетения липовую кору (лыко). Она шла на изготовление лаптей, сумок для переноски тяжестей («вереньки»), корзин, из нее вили веревки. Лыко — очень прочный на разрыв материал, но недолговечный. Там, где было мало липы, употребляли лозовую кору.

Распространенным на Полесье было плетение из корней сосны, ели, можжевельника. Заготавливали корни во второй половине лета, на сухих песчаных местах, там, где

они выходят на поверхность земли. Корни — очень устойчивый к гниению материал, а пропитанные смолой, они долгое время сохраняют свои свойства. Поэтому из них делали разные емкости для переноски грузов — коши, кошелки, короба и т. д. Изделия из корня можно встретить во многих музеях Белоруссии и Украины. В фондах Музея этнографии и художественного промысла АН УССР (№ 70401) имеются работы, выполненные в начале XX ст. Агафией Чугай из с. Воронки Владимирецкого р-на Ровенской обл., среди которых выделяется высокий козубок — корзинка с крышкой для сбора ягод.

Использовали на Полесье и рогоз — многолетнее травянистое озерно-речное растение. Кошелки, сумки из рогоза — прочные, эластичные — и сейчас пользуются спросом.

Широко распространены были на Полесье плетенные из шерстяных ниток пояса разных цветов, с простыми мотивами: ромбами, квадратами, звездочками, полосками.

Среди полещуков распространено было и плетение из кожаных полосок. Для этого применяли как выделанную кожу, так и сыромять, из них плели пояса, конскую сбрую, «лязвива» (бортное приспособление), кнуты.

Исходя из назначения и использования плетеных изделий можно выделить следующие виды плетения: архитектурный — плетение стен, жилых и хозяйственных строений, фронтонов, заборов; промысловый — рыболовные снасти, охотничьи принадлежности, «лязвива», веревки, шнуры; инвентарно-транспортный — полукоши, корзины, короба; домашняя утварь — емкости для хранения продуктов питания, куфры-плетенки, столовая посуда; головные уборы и обувь — шляпы, фуражки, лапти, пояса; мебель — столы, столики, кресла, этажерки, диваны, детские кроватки, колыбели; игрушки — коляски, птицы, куклы, погремушки; культовые предметы — царские врата, рамы для икон; ритуальные предметы — венки, праздничные украшения; декоративные и сувенирные изделия.

Выбор материала, определение техники плетения, формы и размера диктовались функциональным назначением. Физические свойства материала позволяли создавать разнообразные формы (круглые, овальные, цилиндрические, квадратные и т. д.), а размеры изделий колебались в пределах от нескольких сантиметров до нескольких метров. Форма определялась назначением предмета и технологией производства.

В крестьянском плетении в основном бытовали различные техники. Более распространенные — спиральная и крестовая. Сущность спирального плетения заключается в

следующем: положенный по спирали соломенный жгут или прут скреплялся лозовым прутом или корнем. Ритм витков через один или два жгута, более густое или более редкое размещение витков определяли декоративный рисунок плоскости предмета.

Крестовую технику использовали при работе с прутьями, корнем, лыком, материал размещали под прямым или косым углом. Наиболее простой прием плетения крестовой техникой — плетение из прутьев, когда прутья цельной лентой вплетают через одну стойку, насаивая по наклонной спирали один ряд над другим. Такой способ напоминает спиральную технику, отличие состоит в том, что в крестовой технике спирали удерживаются «стойками» каркаса. Плетение через одну «стойку» встречается чаще при плетении корзин и стен строений, заборов.

Квадратное плетение, плетение рядами являются разновидностями крестовой техники. Это более сложные виды плетения, они употреблялись чаще всего при изготовлении прямоугольных корзин, которые использовались как дорожные емкости для перевозки разных предметов, т. е. выполняли роль современных чемоданов. Квадратным плетением и плетением рядами преимущественно владели ремесленники, которые делали свои изделия на продажу.

Большинство видов крестового плетения принадлежит к каркасной технологии. Каркас определяет форму и размеры предмета, делается он из более прочных материалов, чем оплетка,— толстых прутьев лозы, ореха, дубовых прутьев и т. д.

В крестовой технике употреблялось и бескаркасное плетение, особенно при плетении из лозовой, липовой коры или бересты. В этой технике изготавливали коробки, корзинки из сосновой лучины. Лучину размещали крестом перпендикулярно или под небольшим углом одна к другой и одновременно выплетали дно стенки, перекладывая все полоски.

Плетение верёвочкой, ажурное плетение получили распространение в конце XIX в., когда начали действовать школы по обучению ремеслу плетения. Теперь эти сложные виды плетения нашли широкое использование в изделиях художественных промыслов.

В современном плетении, основанном на традиционной технике и формах, используются новые материалы: из синтетического шнура плетут продуктовые сетки, из алюминиевой проволоки — корзины. Особенным спросом пользуются предметы, сплетенные из покрытого разноцветным

кембриком (белым, красным, голубым, зеленым, желтым) провода.

Среди разнообразных художественных изделий ныне значительным спросом пользуются плетеные предметы, которые могут быть использованы в оформлении интерьера жилых и хозяйственных зданий. Мебель, корзинки для цветов, фруктов, хлебницы, разные декоративные плетенки находят употребление в быту.

Богатые декоративные и пластические возможности соломы современные мастера воплощают в разнообразных композициях, жанровых сценках, в образах героев народных сказок.

Особенно плодотворно традиции плетения развиваются в отрасли прикладного искусства, при изготовлении сувениров, которые выпускают фабрики художественных изделий. Плетение как вид домашнего ремесла в настоящее время существует во всех селах Полесья. Все больше умельцев, используя традиционные приемы и формы, изготавливают функциональные плетеные предметы, многие из которых достигают высокого художественного уровня.

ОБРАБОТКА КАМНЯ

Полесье — один из наиболее богатых камнем районов Украины и Белоруссии. Здесь в изобилии встречаются такие ценные породы камня, как кварцит, кварцитовидный песчаник, габбро, лабрадорит, гранит, пиррофиллитовый сланец. Их добыча и использование для строительства и изготовления разнообразных предметов хозяйственного обихода были известны издавна и составляли важное вспомогательное (в отдельных случаях и основное) занятие значительной части населения.

Изучение исторической, экономической, этнографической литературы, статистических сведений, архивных данных и материалов полевых исследований позволяет утверждать, что добыча и обработка камня являются традиционным занятием населения Полесья.

Самыми ранними свидетельствами использования местного камня на данной территории являются археологические находки кремневых орудий⁶⁹, центров их изготовления⁷⁰. Наряду с кремнем широко использовались также сланцы и кварциты, из которых изготавливали боевое оружие (топоры, молоты, булавы), орудия труда (скребки, жернова и др.).

В эпоху Киевской Руси для изготовления саркофагов, литейных формочек, женских украшений, иконок и особен-

но пряслиц широко применяли пиррофиллитовый сланец (красный шифер), центром добычи которого в X—XI вв. был Вручий (Овруч).

Кроме шифера в строительстве и декоративной резьбе широкое применение находил и «белый камень» — известняк, крупные месторождения которого разрабатывались вблизи Новгорода-Северского⁷¹.

Овручский кварцит и кварцитовидный песчаник, из которого изготовляли карнизы, саркофаги, мозаичные полы, был использован при постройке церквей в Овруче и Пере-яславе, Десятинной и Кирилловской церквей, Софиевского собора и Золотых ворот в Киеве⁷².

В культовых целях камень на Полесье использовался еще задолго до принятия христианства. Своих богов язычники вырубали из камня. Каменные идолы или их головы обнаружены на Полесье возле сел Чаплин Кобринского, За-лужье Жабинковского, Остромечево Брестского районов. Немногочисленность находок языческой каменной скульптуры объясняется тем, что православие, ставшее государственной религией, повсеместно уничтожило капища и идолов. Для отвращения язычников от почитаемых ими священных мест вместо идолов устанавливали кресты, также вырубленные из камня.

Развитию камнерезного промысла в X—XI вв. благоприятствовало крупное строительство, бывшее результатом общего расцвета экономической культурной жизни древнерусского государства. С его упадком в период феодальной раздробленности добыча камня и масштабы его использования значительно сокращаются. В небольших количествах он продолжает использоваться местным населением для изготовления различных предметов, удовлетворяющих хозяйственные нужды.

Новый толчок развитию камнедобычи и камнерезного дела на Полесье дает период промышленной разведки и эксплуатации месторождений, который приходится на середину и вторую половину XIX в. Так, в 1835 г. были начаты разработки темно-серых лабрадоритов Камеппобродского месторождения (Житомирская обл.), на базе которых в середине XIX в. была организована мастерская по производству мозаичных наборов, мелких галантерейных и ювелирных изделий. Изделия этой и других мастерских — броши, браслеты, гребни, запонки, письменные приборы, вазы, столешницы — с неизменным успехом экспонировались на промышленных выставках в России и за рубежом⁷³.

По далеко не полным данным в конце XIX — начале

XX в камнерезным промыслом в Ковельском, Владимир-Волыньском и Овручском уездах занималось 67 хозяйств. Мелкие мастерские изготовляли жернова (с. Мизово Ко-вельского уезда, с. Крымно Владимир-Волыньского уезда, Леплевка Брестского уезда), надмогильные памятники (с. Бехи Овручского уезда, с. Клесов Ровенского уезда) и другие изделия⁷⁴.

Добычей камня была занята значительная часть населения. Этот вид промысла приобрел широкие масштабы в первой половине XX в. Так, только по Ковельскому уезду, по данным 30-х годов, средняя годовая занятость рабочих на разработке месторождений составляла более 6,5 тыс. чел., а в летний сезон увеличивалась до 10000 чел.⁷⁵ Добычей и обработкой камня в том же уезде занималось около 1000 мастерских, изготавливавших брусчатку, щебень, мостовую шашку, бордюрный камень, жернова, надмогильные памятники⁷⁶.

Добыча камня осуществлялась вручную, при помощи простых инструментов — «буров», клиньев, «забойников». Для вскрышных работ применяли ломы и лопаты⁷⁷. Монолитные глыбы отделяли от породных пластов при помощи самодельной взрывчатки, которую засыпали в отверстия, просверленные по линии отделения. Для сверления использовали железные ломы — «буры», которые молотами забивали в породу, поворачивая вокруг оси.

Отколовшуюся после взрыва породу отделяли «марья-ной» — тяжелым ломом длиной до 3 м. Крупные глыбы раскалывали на более мелкие заготовки, забивая по заранее отмеченной линии клинья.

Для обработки поверхности заготовок использовали скапели («шкарпели», «шкарпельки»), спицы («шпицы»), бучарды, гири. Спицами и бучардами выравнивали поверхность, скапелями придавали окончательную форму, а гирями шлифовали и полировали изделие.

Для профилей применяли «железки» — металлические плиты с деревянными ручками. Рабочая часть плит имела разнообразные формы: «на поясок» — для профильной обработки торцевых частей; на «галтель» — для обработки выемок и углублений и т. д.⁷⁸ Надписи и орнамент выполняли скапелями разных размеров и форм.

Реализация продукции осуществлялась в основном на месте, т. е. подавляющее большинство мастеров работали по заказам.

В советское время продолжалась разработка старых каменоломен, одновременно разведывались и новые месторождения, эксплуатация которых началась в годы пер-

вых пятилеток: серого гранита (Коростышевское и Кро-шиянское месторождения), красного гранита (Лезников-ское и Емельяновское), иризирующего лабрадора (Ка-меннобродское, Горбулевское, Головинское), габронорита (Букинское и Слипчицкое месторождения), кварцита и пи-рофиллитового сланца

На их базе были созданы камнедобывающие предприятия и обрабатывающие заводы, цехи и мастерские. Их деятельность была тесным образом связана с масштабами городского строительства в стране. Полесский камень отправляли в разные концы страны и, в частности, в Москву, Киев, Минск.

Еще более возросли масштабы эксплуатации каменных месторождений Полесья в послевоенные годы.

Массовое промышленное использование камня началось особенно в последние десятилетия. Без бетона, одним из основных компонентов которого является щебенка, как натуральная, так и полученная путем искусственного дробления камней, невозможно было бы не только индустриализировать строительство, но и развернуть его в том масштабе, в котором оно ведется сегодня на Полесье. В подавляющем большинстве конструктивных элементов современного жилого дома, хозяйственного и промышленно-производственного сооружения в том или ином виде присутствует камень. На селе из него муруют хлевы, погреба, фундамент. В городе натуральную фактуру камня используют и в декоративных целях. Небольшими валунами облицовывают стены цокольных этажей зданий, уличные переходы, из них komponуют постаменты памятников.

Современная обработка камня основана на использовании машинной техники, освободившей каменотесов от изнурительного труда. Молоток и клин заменили отбойные молотки, машины для раскалывания, распиливания и шлифования камня. Благодаря механизации основных и вспомогательных работ значительно возросла производительность труда, а переработка каменного сырья приобрела комплексный характер.

Продукцией кампедобывающих карьеров пользуются также мелкие предприятия и цехи по обработке камня, существующие в колхозах и быткомбинатах. Они изготавливают в основном облицовочную плиту и надгробные памятники по индивидуальным заказам. В 1972 г. началась разработка Микошевичского месторождения гранита. Полесский гранит широко используется для различных облицовочных и художественных работ.

В советское время были изучены и месторождения пи-

рофиллитового сланца, который является ценным сырьем для изготовления сажевых горелок маяков, для футеровки разливочных ковшей на металлургических заводах, используется как подолочное сырье.

Ограночные камни Полесья — топаз, аметист, горный хрусталь, дымчатый кварц (морион), опал, агат, халце-дон — служат сырьем для разнообразных ювелирных изделий.

ВАЛЯЛЬНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Валяльный промысел, издавна игравший важную роль в быту полешуков, имел целью валяние сукна и изготовление войлока, валенок, шапок. Из сукна шили верхнюю одежду, головные уборы, штаны. Войлок шел на изготовление конской упряжи: седелок, седел, хомутов. В конце XIX — начале XX в. в обиходе зажиточных крестьян появилась зимняя валеная обувь — валенки. Были известны в XIX в. на Полесье и валеные шапки.

Сырьем для валяльного промысла служила овечья шерсть. Процесс подготовки сырья включал стрижку, мытье и рыхление. Стригли овец дважды в год — весной и осенью. Для этого употреблялись специальные пружинные ножницы. Шерсть сортировали, мыли, просушивали, затем разрыхляли.

На Полесье повсеместно бытовало несколько традиционных способов рыхления овечьей шерсти, известных всем восточнославянским народам: разборка руками, чесание на гребнях и машинах («чесальні», «чохлаярні») ⁸⁰. Гребни употреблялись те же, что и для льняного волокна: вертикальные и горизонтальные с деревянной или проволочной щеткой. Разборка руками и чесание на гребнях sporadически бытуют в деревнях и сегодня при обработке небольшого количества сырья. Машины имели ручной и конный приводы, а также приводились в действие силой падающей воды, ветра или пара. Механический способ чесания овечьей шерсти получил распространение в конце XIX — начале XX в. «Чесальні существовали главным образом в местечках и городах, однако они обслуживали потребности и окружающего сельского населения.

Вытканное сукно для придания ему мягкости и прочности мяли («валяли», «валілі», «збівали»). На Полесье, как и на всей восточнославянской территории, широко применялись три способа валяния сукна: валяние ногами, валяние по шероховатой поверхности, толчение в ступах и тол-Чеях с водяным, ветряным, паровым приводом ⁸¹. В про-

цессе валяния сукно смачивали горячей водой. Наиболее давними являлись ручные способы — валяние ногами, ребристыми качалками и толчение в ручных и ножных ступах, они бытовали повсеместно в разных соотношениях. В западном Полесье (Белорусском и Украинском) известен давний способ валяния сукна ногами. В белорусском ареале, согласно полевым материалам, он существовал на территории нынешних Ивановского, Дрогичинского и Березовского районов, в украинском — в северных районах Волынской обл. Следует отметить, что этот архаичный метод, вышедший из употребления к началу XX в., имеет не только локальную (часть западного Полесья), но и региональную специфику и, судя по имеющимся данным, не характерен для остальной территории Белоруссии и Украины. Типология приспособлений для валяния сукна на ребристой поверхности отличалась некоторой конструктивной вариативностью. Самым распространенным в регионе подтипом была ручная сукновальня. Она представляла собой широкую доску с ребристой поверхностью, закрепленную на той или иной подставке. В процессе работы сукно расстилали на ребристой поверхности, поливали его теплой водой и сверху прижимали другой ребристой доской аналогичного размера, но с колышками (ручками), вбитыми по краям узких сторон доски. Взявшись руками за колышки, крестьяне толкали верхнюю доску взад-вперед по расстеленному сукну и таким образом разминали его.

Трудоемкая работа по валянию сукна выполнялась крестьянами по традиции коллективно, «толокой» в осеннее и зимнее время.

Во второй половине XIX в. начал активно распространяться кустарный метод валяния сукна на механических сукновальнях («сукнавалках», «валюшах»). Однако и в начале XX в. количество сукновален было невелико и каждая из них обслуживала территорию в несколько волостей. В основу действия сукновальни был положен принцип толчения в ступе. Приводимые в движение силой падающей воды или пара массивные деревянные толкачи попеременно били по сукну в большом дубовом корыте. Готовое сукно стирали, выравнивали, катая деревянным нарезным вальком.

С древних времен из шерсти овец валяли войлок для подхомутников, попои, седел и т. п. Для войлока использовалась также шерсть, счищенная со шкур крупного рогатого скота при выделке кож.

В ряде мест Полесья изготовляли и носили в XIX в. войлочные шапки («магерки»). В конце XIX — начале

XX в. на Полесье, как и в других регионах Белоруссии и Украины, получило распространение изготовление валенок, хотя и не повсеместное.

Техника и технология изготовления войлочных изделий на Полесье не имеют существенных ареальных и региональных особенностей по сравнению с остальной территорией Белоруссии и Украины. Технологический процесс заключался в неоднократном раскатывании и мятье пласта овечьей шерсти, облитого кипятком, руками и с помощью различных деревянных и железных качалок, круглых, граненых, ребристых («прут», «пруток», «щетка», «руоиха», «железо»). Полученную заготовку валенка или шапки насаживали на деревянные колодки («правша», «капылы») для придания изделию нужной формы, снова терли, затем сушили в печи и обжигали ворс⁸².

В советское время на территории Полесья кустарные промыслы стали постепенно вовлекаться в русло промысловой кооперации.

В годы первой пятилетки на базе кустарных промыслов были созданы социалистические предприятия мелкой промышленности во многих колхозах.

В связи с индустриализацией страны коренными изменениями быта, употреблением тканей и обуви фабричного производства некоторые виды валяльного ремесла полностью исчезли. Однако катание валенок бытует спорадически и теперь. Местные мастера изготавливают валенки (особенно детские) в небольшом количестве для своих нужд и на заказ с сохранением традиционной технологии и орудий труда.

ДОБЫВАЮЩИЕ ПРОМЫСЛЫ

Природные условия Полесья издавна стимулировали развитие различных лесных промыслов, игравших важную роль в жизни населения. Лесные промыслы составляли, по сведениям О. Кольберга за 1856 г., значительный источник добывания жизненных средств полешуков⁸³.

К числу традиционных лесных промыслов па Полесье относятся собирательство (сбор ягод, грибов, орехов, желудей, лекарственных трав), заготовка различного сырья (лыка, бересты, лозовых прутьев, дубовой и лозовой коры), лесозаготовка и лесосплав.

Собирательство является древнейшим промыслом, известным еще первобытному человеку. Ягоды, грибы, орехи употребляли в пищу в сыром, сушеном, соленом виде, частично продавали на местных рынках. Береста исполь-

зевалась для гонки дегтя, для изготовления поделок, дубовая и лозовая кора — для дубления кож. Из лозовых прутьев плели корзины, коши к возам, рыболовные снасти, вили—вицы для вязания плотов. Липовое и лозовое лыко шло на изготовление традиционной крестьянской обуви — лаптей. Березовый сок квасили и получали освежающий напиток.

В зависимости от рода занятий в лесных промыслах существовало половозрастное разделение труда. Собираательством занимались женщины и дети, лесозаготовкой и сплавом — мужчины.

Лесные промыслы

Лесные промыслы у жителей лесной полосы выступали неизменным спутником их хозяйственной деятельности, они носили подсобный характер по отношению к земледелию и были сезонным занятием, производились в свободное от хлебопашества время. «Рубка леса и первоначальная обработка его для собственного потребления,— писал В. И. Ленин,— составляют исконное занятие крестьянства, входящее почти повсюду в общий круг работ земледельца»⁹⁵.

В средневековый период крупным потребителем продукции лесных промыслов стало феодальное поместье, хозяйственные нужды которого определяли в значительной степени объем и ассортимент продукции, а следовательно, и степень того или иного вида лесных промыслов.

Рост товарно-денежных отношений, развитие рынка способствовали дальнейшей интенсификации процесса. Производственные возможности лесных промыслов постепенно переросли потребности личного хозяйства и феодального имения, вследствие чего все большая часть их продукции начала реализовываться на внутреннем и внешнем рынках.

Во второй половине XIX в. до 60 % лесных угодий на Полесье принадлежало частным владельцам, около 20 % — казне и лишь 20 % — крестьянам, мещанам и колонистам. В конце XIX в. крупнейшим лесопромышленным предприятием стало акционерное общество «Товарищество эксплуатации лесных произведений Полесья», владевшее 40 000 десятин леса и закупавшее лес на сруб. Крупнейшие лесопильные заводы были расположены в Овручском, Радомышльском, Житомирском, Новоград-Вольнском, Ро-венском уездах⁹⁶.

Развитие капиталистических отношений, расширение

внутреннего и внешних рынков сбыта продукции привели к возрастанию товарного значения лесов и лесных промыслов. Накануне реформы 1861 г. многие помещики активизировали вырубку леса и вывоз его за границу с целью повышения доходности хозяйств. Вторая половина XIX в.— период массового экспорта деловой древесины на западноевропейские рынки, который увеличился по сравнению с предшествующими десятилетиями в целом по России в 12 раз⁹⁷. В то же время значительно возрастал спрос на лесные материалы и на внутреннем рынке. Полесье с его системой рек и каналов, выгодным географическим положением, большими запасами ценной древесины стало в XIX в. районом массового лесного предпринимательства. Но владельцы лесов редко вели их эксплуатацию сами. В большинстве случаев как частные, так и государственные леса сдавались в аренду лесопромышленникам, которые, кроме того, скупали и крестьянские леса. Купцы вели лесозаготовки силами наемных рабочих, наживаясь на эксплуатации разоренного крестьянства. Промысел по заготовке леса имел две формы: местную и отхожую. Расширение масштабов лесозаготовки привело к тому, что рубка леса и лесосплав (плотогонство) стабилизировались в форме отхожего промысла⁹⁸. Вместе с тем хищническое истребление лесов предпринимателями в погоне за наживой привело к исчезновению огромных лесных массивов.

Значительная часть лесной продукции служила предметом торговли. Крупнейшими рынками сбыта леса в конце XIX в. стали Любеч, Новгород-Северский, Короп, Степань и другие, откуда корабельный и строительный лес, клепка, пиломатериалы, шпалы, рудостойка поставлялись на оптовые рынки в Кременчуг и Мемель (Клайпеда). Розничная торговля лесом и лесоматериалами велась на местных ярмарках в Ратном, Степани, Добровице, Понорнице, Городне и др.⁹⁹

В процессе развития лесозаготовок к концу XIX — началу XX в. сложилась определенная материально-техническая база этого промысла, на ее основе развились стабильные формы организации труда и быта рабочих, основные черты которых определялись общим уровнем развития лесной промышленности с капиталистическим характером производства.

Организация лесосечных работ и транспортировки леса базировалась на использовании ручного труда наемных рабочих. Работодателями выступали мелкие и крупные лесопромышленники. Они нанимали рабочих через подрядчиков и субподрядчиков, формировавших бригады, опре-

делявших объем работ, сроки их исполнения и производивших расчет с рабочими. Общепринятый порядок найма был следующим: крестьяне заключали с промышленником письменный или устный договор («условия»), согласно которому определялось место и срок проведения работ (с ноября по март), виды работ (рубка, вывозка и т. д.), количество леса к вырубке, сумма заработка в целом и выдаваемого задатка.

На лесозаготовках существовало профессиональное разделение труда. «Рубщики» работали на порубке и обработке дерева, «возчики» — па вывозке его к берегам сплавных рек. Разделение труда сказывалось и на размерах заработной платы. Рабочим производили оплату аккордно и поденно. На Украинском Полесье, например, в конце XIX — начале XX в. размер поденной платы составлял от 0,35 до 1 руб. в зимнее время, летом же увеличивался на 25 %. За вывоз леса к пристаням платили, в зависимости от расстояния, от 2—3 до 20 коп. с пуда¹⁰⁰. Заготовку леса вели в основном осенью и зимой, вырубая его узкими участками — «делянками», «пасеками». Вывоз осуществляли зимой и весной, до начала полевых работ.

Характеризуя условия труда и быта рабочих на лесозаготовках в России во второй половине XIX в., В. И. Ленин писал: «Лесные работы принадлежат к наиболее дурно оплачиваемым; гигиенические условия их отвратительны, и здоровье рабочих подвергается сильнейшему разрушению, положение рабочих, заброшенных в лесную глушь, наиболее незащитное, и в этой отрасли промышленности царят во всей своей силе кабала fruck — system и тому подобные спутники «патриархальных» крестьянских промыслов»¹⁰¹. Эту ленинскую характеристику в полной мере можно отнести и к Полесью. И. Зеленский в середине прошлого века писал об обогащении помещиков и лесопромышленников: «При крепостной зависимости лесные промыслы во многих помещичьих имениях лесной части Минской губернии были не источником благосостояния крестьян, а причиной их разорения и нищеты»¹⁰².

Проживали рабочие в лесу в антисанитарных условиях, во временных помещениях — шалашах или землянках. А. К. Сержпутовский в этнографическом очерке «Полещу-ки — белорусы», написанном в 1908 г. в результате полевых исследований в Мозырском и Слуцком уездах Минской губернии, дал классификацию временных жилищ, возводимых при лесных работах, выделив два их типа: землянки и наземные сооружения («курень», «будан», «станок», «сторожка» и др.). Он отмечал, что землянки как

древнейший тип построек к началу XX в. уже не бытовали. Наземные сооружения при некоторых конструктивных особенностях (с четырехугольным или круглым основанием, двускатным, односкатным или коническим покрытием) представляли собой разновидность шалаша. Наиболее примитивным строением являлся «стан», «станок» — односкатный на двух сошках шалаш из горбылей, веток, луба. Более поздняя конструкция шалаша — «будан» с двускатной крышей из жердей, веток на уровне человеческого роста. «Курень» имел несколько иное устройство: это было сооружение из жердей или бревен высотой до 3 м, конической формы с круглым основанием и очагом внутри¹⁰³. Односкатные и двускатные шалаша были зафиксированы во второй половине XIX в. в Речицком Полесье Ч. Петке-вичем¹⁰⁴. Все эти сезонные жилища слабо защищали их обитателей от холода. Дым от очага, отсутствие достаточного освещения, условий для сушки влажной одежды, ночлег на земляном полу, скученность приводили нередко к различным простудным и иным заболеваниям.

Процесс заготовки лесоматериалов состоял из нескольких стадий: рубка (валка) леса, его обработка, доставка к речным пристаням или станциям железных дорог, сплав. Операции обработки сваленного дерева имели определенную последовательность. Вначале обрубали сучья и вершину, соскабливали кору, затем выделяли различные сорта товарного материала — мачты, балки, колоды, брусья, шпиры. При заготовке необработанной древесины и дров стволы лишь очищали от сучьев и вершин.

В материально-техническом отношении, несмотря на крупные масштабы лесозаготовок, в дореволюционное время они оставались одной из самых отсталых отраслей лесного производства. Традиционными орудиями на лесоразработках являлись топор, пила, деревянные или металлические ломы. Для направленной валки деревьев использовали длинную жердь с металлической вилкой на одном из концов, а для окорки — скобню. Валка леса производилась топором, с древнейших времен вплоть до конца XIX в., когда получила распространение стальная поперечная пила, которую приобретали на местных рынках. Топор для рубки и обработки дерева на Полесье, как и вообще в Белоруссии и на Украине, бытовал двух видов: обычный, с узким лезвием («тапор», «сякера», «сокира») и массивный, с широким лезвием («склюд», «шклюд»). Рубка леса, очистка стволов от сучьев и верхушек, окорка, поперечная разделка на части производились топором с узким лезвием, вытесывание брусьев — с широким. Топоры с узким лезви-

ем различались конической формы, со слегка закругленным лезвием и Г-образной формы, с прямым лезвием и изогнутым вырезом у топорика. Первый тип был повсеместно распространен на территории Белоруссии и Украины, второй имел ареальное распространение. Топоры с широким лезвием отличались многообразием, создаваемым формой лезвия, наличием или отсутствием обуха. Наибольшее распространение получили конусообразный топор с асимметричным закругленным лезвием и Г-образный с прямоугольным лезвием. Третий тип — треугольной формы, в отличие от первых двух не имел обуха, топорике вставлялось в сквозное отверстие в широкой части лезвия. Этот тип имел региональное и локальное бытование¹⁰⁵.

Топор служил необходимым орудием также при заготовке досок. Для пиловки бревен на доски использовалась продольная пила. Продольное пиление дерева производилось двумя способами: во рву и на высоких козлах («ста-люгах») — в зависимости от массы и длины ствола. Пиление на козлах производилось обычно за пределами леса. Архивные документы, полевые исследования свидетельствуют, что оба способа бытовали, в частности, на Брестчине во второй половине XIX — начале XX в.¹⁰⁶.

В процессе лесоразработок помимо заготовки товарного дерева, дров, кровельных материалов (досок, драни, гонта), бочарной клепки изготовлялись также предметы для гужевого транспорта (ободья, оглобли, полозя, дуги). В 1864 г., например в Мозырском уезде Минской губернии, было выработано 1050 скатов ободьев ясеневых, 2107 коп клепки дубовой¹⁰⁷. С середины XIX в. возник новый вид лесных промыслов: изготовление древесной соломки для спичек. Крестьяне с помощью специального струга строгали из осинового дерева спичечную солому. В конце века в ряде полесских городов (Пинск, Мозырь, Гомель) начали действовать крупные спичечные фабрики.

Для вывозки леса в чащах прорубались просеки — трели. Вывозка лесоматериалов — трелевка осуществлялась гужом, на лошадях в осеннее и зимнее время. Однако преобладала зимняя трелевка по более легкому санному пути.

Для перевозки бревен на Полесье в XIX — начале XX в. использовалось несколько типов рабочих колесных повозок: специальные телеги-лесовозы («роспуски»), раздвижная мажара при снятых решетках и в разомкнутом положении переднего и заднего ходов. Известен был и способ перевозки леса на передней оси воза волоком, при котором предварительно на брусок оси клалась колодка («лисица») и закреплялась на шворне ""

Зимой лесоматериал транспортировали на санях специальных («кары», «лесовозы») и обычных. Вместе с карами употреблялись небольшие прочные сани — «подсанки». При этом бревна укладывались комлем на кары, а более тонким концом — на подсанки с «лисицей»¹⁰⁹. Лес перевозили с подсанками и на обыкновенных рабочих санях, но в этом случае поперек саней укреплялся толстый брусок с полукруглыми выемками для бревен («лисица», «баба»). Бытовал и другой способ трелевки леса — без подсанок («цяглом»). Однако этот способ, как менее удобный, в XIX — начале XX в. применялся реже.

Вывезенные зимой к берегам рек лесоматериалы складывались в штабеля на постоянных и временных пристанях («рум», «биндуга», «биндюга», «бендюха»), где с наступлением весны формировались плоты. К началу XX в. в Украинском Полесье насчитывалось около 50 временных сплавных пристаней в западной части региона, около 30 — в центральной и до 50 — на востоке. Крупными постоянными лесосплавными пристанями были Чернигов, Новгород-Северский, Дробышевка, Горки, Славск, Высоцк, Александрия, а в белорусском ареале — Лоев, Речица, Давид-Городок, Пинск и др.¹¹⁰ Лесосплав являлся на протяжении столетий самым удобным и дешевым способом транспортировки древесины. Выгодное географическое положение территории Полесья с разветвленной речной сетью, имеющей выход к Балтийскому и Черному морям, социально-экономические условия, способствовавшие развитию частного предпринимательства, содействовали необычайному расцвету лесосплава на Полесье в XIX в., особенно в пореформенный период. Припятский бассейн являлся крупнейшим сплавным бассейном в Белоруссии и на Украине.

Плотогонство было в XIX в. самым распространенным отхожим промыслом полещуков. В середине XIX в. количество рабочих, занятых на плотовом сплаве в бассейне Припяти, не считая тех, которые нанимались на складские работы, составляло: в 1853 г. — 6380, в 1865 — 5195 чел.¹¹¹ В 1894 г. на сплаве лесов (и судов) в полесских уездах Минской губернии (Речицкий, Мозырский, Пинский, Бобруйский, Слуцкий) было занято 10,4 тыс. рабочих, в то время как в остальных уездах Минщины (в том числе лесистых приднепровских Борисовском и Червенском) — лишь 3,2 тыс. чел., т. е. почти втрое меньше¹¹². В период с 1859 по 1895 г. по Припяти ежегодно сплавливали не менее 200 плотов, а иногда свыше 1000, в том числе в 1859 г. — 262 плота, в 1866—1895, в 1895 — 249 плотов. В 1801—

1895 г. в среднем 200 плотов в год сплавляли по рекам Горынь и Тетерев, 400 — по Случи¹¹³.

Плотогонство было особенно развито в Березнянской и Высоцкой волостях Ровенского уезда Волынской губернии, Олевской и Народычской волостях Овручского уезда, Ха-бенской и Чернобыльской волостях Киевской губернии¹¹⁴.

Для сплава использовались притоки Припяти: Турья, Стоход, Стырь, Горынь, Случь, Цна, Лань, Уборть, Уж, Тетерев, Десна, Сейм, а также некоторые из их притоков, сеть каналов как судоходных, так и мелиоративных. На некоторых реках были построены гидротехнические сооружения (береговые укрепления, плотины), проведены работы по расчистке и регулированию русел, обеспечивающие надежный сплав. До середины XIX в. существовали плотины в Тучине, Александрии и Козине на Горыни, регулировка русел была проведена в конце XIX в. на Студенице и Плаве (притоках Ствиги), Здвиже (притоке Тетерева)¹¹⁵. Особенностью сплава на полесских реках с мелями и изменчивым фарватером было обозначение опасных мест фарватера и мелей шестами, а проходных мест — шестами с соломенными вешками¹¹⁶.

Значительная масса лесоматериалов и других грузов, за исключением небольшого количества для местных нужд, отправлялась из Полесья плотами за границу: на запад по Днепро-Бугскому каналу, Мухавцу, Западному Бугу (притоку Вислы) в Данциг, по Огинскому каналу, Неману в Кенигсберг и на юг — по Припяти, Днепру — в украинские города и черноморские порты Кременчуг, Екатерино-слав, Херсон, Одессу.

Организация сплава леса носила капиталистический характер. Как правило, этим отхожим промыслом занимался постоянный контингент жителей прибрежных деревень и местечек. Внутри партии плотогонов существовала профессиональная дифференциация с выделением складских рабочих, сплотчиков и высококвалифицированных сгонщиков и лоцманов. Плотогонов и лоцманов («ретма-нов») нанимали партиями весной. На длительный период составляли письменные договора, утверждаемые в волостном управлении¹¹⁷. Оплату производили соответственно квалификации и выдавали ее частично деньгами (обычно в конечном пункте сплава), частично натурой. В конце XIX — начале XX в. она составляла в среднем 1,5—2 руб. в неделю. Из продуктов обычно выдавали крупу ячменную или пшеничную, горох, сало, соль, водку¹¹⁸. Плотогоны нанимались на весь рейс или на определенный участок пути за понедельную или поденную оплату с харчами¹¹⁹.

Чаще всего на сплавные работы шли малоземельные крестьяне, лишние работники в семье, бедные мещане. В поисках средств для пропитания и хозяйственных нужд они работали за небольшую плату, сплачивая лес в ледяной воде, сплавляя плоты в любых погодных условиях, получая увечья, рискуя жизнью. О тяжелых условиях труда и быта плотогонов свидетельствует ряд источников. Газета «Минские губернские ведомости» писала в 1881 г.: «Эксплуататоры-лесопромышленники сильно злоупотребляют трудом крестьян, они нанимают их за самую мизерную плату в то время, когда у них нет хлеба, и условия заключают такие, которые ставят крестьян в безвыходное положение. Нанятые рабочие несут ответственность за сохранность плотов и за прогульные дни, включая болезни. Одним словом, вся сила на стороне лесопромышленников... И они, как пауки, опутывают сетью свои жертвы»¹²⁰.

Сплавной сезон начинался с вскрытием рек и продолжался до поздней осени. В зависимости от ширины русла реки существовали два способа лесосплава: молевой и плотовой. На небольших речках лес сплавляли иногда модем (россыпью), т. е. отдельными бревнами. Однако молевой сплав проходил медленно, т. к. течение, ветер сталкивали колоды, прибывали их к берегу, для поимки бревен в устье реки нужно было устраивать перегородку, цепь из бревен («бон», «забому»). Поэтому чаще всего бревна скреплялись в плоты. В зависимости от ширины речного русла, сорта и назначения отправляемого материала, плоты отличались размерами и конструкцией. На небольших реках бревна скреплялись по несколько штук в небольшие плоты, состоявшие обычно из двух звеньев. На большой реке количество звеньев увеличивали, их счаливали по длине и ширине, составляли целые караваны плотов — «пасы». Преобладали однорядные плоты, однако при высоком уровне воды делался «накат», создающий двухрядные лоты. Плоты с накатом типичны для больших рек. На притоках Припяти сплавлялись небольшие однорядные плоты торцами по течению. По сведениям информаторов, на Птичи, Оресе звенья в плоту вязали иногда вкруговую возле одной клейны. Такой способ увязки назывался «ка-чаном»¹²¹.

Небольшими плотами, состоящими из двух — пяти звеньев, управляли два-три сплавщика. Партию, караван пло-опровождала артель, в которую входил караванщик (ман), «штырнж», «ретман»), «дубовики» и гребцы на -дубах, а также плотогоны. Атаман являлся ру-дителем артели, он должен был хорошо знать сплав-

ной путь. В обязанности «дубовиков» входило регулирование хода плотов, снятие их с мели. Поскольку плоты находились в пути длительное время, на них оборудовалось помещение для отдыха, хранения продуктов. С этой целью на втором звене плота устраивался небольшой соломенный или дощатый шалаш с двускатной крышей («будка», «курень», «скарбивка»). В караванах плотов устраивались две-три будки, а на заднем звене — деревянный домик («скарбивка»), где находился купец или приказчик, запасы продовольствия и реквизит. Недалеко от будки делали горн («горан», «кухня»), где варили пищу в чугунных котлах. На ночлег плот обычно причаливали к берегу, затормозив «шрыком» («шрых»), «шорц») — заостренным колом, укрепленным на первом и последнем звеньях плота, и закрепившись на берегу с помощью «орала» («рала», «причала») ¹²².

В XIX — начале XX в. на Полесье бытовала бурлацкая тяга плотов против течения. С развитием пароходства плоты на Припяти буксировали пароходы. В начале XX в. начала применяться и тяга лошадьми. Один пас из 20 звеньев на Пине, сплавляемый в Брест, тянули, идя по берегу, 15—30 чел. или 4 пары лошадей.

В советское время в Белоруссии и на Украине, в том числе и в полесском регионе, произошли коренные изменения в организации лесного хозяйства. В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции леса, как и другие природные богатства нашей страны, были национализированы и обращены в общенародное достояние.

В послевоенный период для планового ведения лесного хозяйства и лесозаготовки повсеместно была создана сеть лесхозов и леспромхозов.

За годы советской власти лесозаготовки превратились из кустарного промысла, основанного на применении топора, ручной пилы и гужевого транспорта, в крупную механизированную отрасль народного хозяйства. Техническая оснащенность лесозаготовительных работ быстро росла. В настоящее время полностью механизированы валка, трелевка, погрузка и вывозка леса. Изменились условия труда и быта рабочих на лесозаготовках. Для них оборудуется комфортабельное жилье, налажено горячее питание, осуществляется необходимый медицинский профилактический контроль. В связи с развитием перевозок лесоматериалов другими видами транспорта — автомобильным, железнодорожным — значение лесосплава резко упало, и сегодня сплав леса в плотах не производится.

В настоящее время для нужд народного хозяйства на Полесье заготавливаются стройлес, рудостойка, пиловочник, балансы для целлюлозно-бумажной промышленности, мебельное, фанерное, спичечное сырье и пр. Некоторая часть этих материалов идет на экспорт.

Из традиционных лесных промыслов на Полесье в настоящее время имеют некоторое бытование заготовка прутьев и лучины для изготовления плетеных изделий, мебели, заготовка коры (лозовой, дубовой, еловой) в качестве дубильного средства при обработке кож и т. п.

Комплексный подход к использованию лесных ресурсов Полесья одной из главных задач имеет бережное отношение к охране лесов. Для лесовозобновления, начиная с 60-х годов, стали создаваться государственные базисные лесорассадники и питомники, селекционные плантации.

Лесные богатства Полесья, бережно охраняемые Советским государством, поставлены на службу человеку с целью максимального удовлетворения хозяйственных и бытовых нужд населения.

Лесохимические промыслы

В хозяйственно-экономической жизни населения Полесья с древних времен исключительно важную роль играло производство продукции путем сухой перегонки древесины. Гонка смолы и дегтя, выжигание угля были развиты у восточных славян еще в период Киевской Руси. Несколько позднее стала известна и выварка поташа. Жители региона занимались этими промыслами как для своих потребностей, так и на продажу. Широкое распространение лесохимических промыслов на Полесье было обусловлено не только наличием лесных массивов, но и относительной трудностью доставки товарного дерева к балтийским портам вплоть до конца XVIII — начала XIX в., когда были прорыты Огинский и Днепровско-Бугский каналы.

Продукция сухой перегонки древесины пользовалась большим спросом на территории Украины и Белоруссии, кроме того, отправлялась в большом количестве в западноевропейские страны. Смола, деготь, уголь широко применялись в домашнем хозяйстве крестьян и феодалов, позднее — в мануфактурной и фабрично-заводской промышленности. Смола была необходима для пропитки речных и морских

судов, канатов, рыбацких неводов. Для смазки колесных осей ардной медицине широко использовали деготь.

Уголь требовался в большом количестве для рудного и

дела. Возникновение и распространение произ-

водства поташа — щелочной соли (углекислый калий), вывариваемого из древесной золы, связано с развитием цехового ремесла и мануфактур как в Западной Европе, так и на восточнославянских землях. Поташ употреблялся в самых разнообразных отраслях производства: для стеклоделия, мыловарения, изготовления фаянсовой поливы, красителей, отбеливания тканей, мытья шерсти, очистки сукна, в фармацевтическом и кондитерском деле, на фабриках курительного *табака*.

Местом производства продукции в лесных пуцах служили буды, смолярни, рабочие которых имели различные названия: «смоляры», «дегтяри», «угольщики», «попелары» (жгли пепел для поташа), «будники».

На западном Полесье крупные буды существовали в Беловежской пуце, они находились в ведении Брестской королевской экономии. Изготовленный поташ доставлялся водным путем в балтийские порты — Крулевец, Гданьск, Эльблонг. В течение трех лет (1780—1783 гг.) от продажи поташа из Брестской экономии было выручено 113005 злотых 68 грошей. На Украинском Полесье в эти годы самыми крупными районами производства поташа были Ковель-ский и Овручский уезды Волынской губернии¹²⁴. Поташные и смоляные буды на Полесье принадлежали в конце XVII — начале XIX в. крупным землевладельцам¹²⁴.

На будном промысле существовало профессиональное разделение труда, особенно четко наблюдающееся при производстве поташа. Заготовку сырья (золы и щепы) осуществляли попелары, клепочники; выварку поташа производили поливачи, корытники; изготовление тары (бочек) — бондари; транспортных средств — колесники; имелись также возчики, конюхи, кузнецы, кирпичники. В штат поташной буды входила и администрация: писарь, казначей, атаман, надзиратель. Подобная организация труда существовала и в России. А. И. Мелешко пришел к выводу, что поташни во второй половине XVIII в. носили признаки начальной вотчинной мануфактуры¹²⁵.

На Полесье при обилии лесов и скудости пахотных площадей лесохимические промыслы (наряду с лесными) имели большое значение в быту населения. В архивных документах начала XIX в. отмечалось, что выработка и продажа смолы, дегтя, поташа составляли значительный доход владельцев имений, а для многих крестьян служили «способом к пропитанию». После открытия выхода России к Черному морю в конце XVIII в. лесохимическая продукция Полесья стала активно сплавляться по Припяти и Днепру через южные порты (Херсон, Одессу) в Малую Азию

и Западную Европу. Корабельные верфи Херсона и Николаева также являлись крупнейшими ее потребителями. Минский губернатор сообщал в отчетах за 1804—1810 гг., что гонка смолы и дегтя наиболее практиковалась в уездах, расположенных на судоходных реках, в том числе в Речицком, Мозырском и Пинском. Продукция отправлялась в основном в низовья Днепра, в меньшей степени продавалась на месте, т. к. на юге Украины цена была в несколько раз выше¹²⁶.

В 30—60-е годы XIX в. смолокурение и поташное дело на Полесье продолжали процветать во многих уездах: Речицком, Мозырском, Пинском, Пружанском в Белоруссии; Овручском, Ковельском, Житомирском, Ровенском, Радо-мышльском на Украине. С ростом товарно-денежных отношений эти промыслы охватывали все большее количество помещичьих имений и вовлекали значительное количество крестьянского населения. Если изготовление поташа в силу сложности технологического цикла производилось исключительно в помещичьих будах (поташные заводы), то смолокурение и жжение угля осуществлялись многими крестьянами самостоятельно, для своего обихода и мелкой продажи в окрестных деревнях, местечках и городах.

Выжигание угля — древнейший из лесохимических промыслов Полесья. Уголь выжигался преимущественно из твердолиственных пород: дуба и березы, однако употребляли сосну и ель. Уголь получали как остаточный продукт при гонке смолы из соснового осмола в ямах — майданах и печах. Кроме того, добывание угля существовало и в качестве самостоятельного промысла. Промысел углежжения был представлен двумя способами: в ямах и кучах (кострах). Ямный способ является наиболее древней формой, а в XVII—XVIII вв. возник и кучевой (костровой) способ¹²⁷. В XIX в. на Полесье бытовали оба эти способа, сохранившие свои архаические черты, хотя костровой преобладал. При костровом способе выход угля составлял 65—70%, а в ямах — меньше¹²⁸. В XX в. ямный способ уже не существовал. По форме (способу укладки дров) кучи (костры) подразделялись на стоячие и лежащие. В стоячих кострах поленья устанавливались стоймя в виде конуса в один или несколько рядов, а в лежащих — горизонтально, штабелем. Как показало изучение документальных данных XIX в. и полевых экспедиционных материалов, стоячие костры особенно широкое распространение имели на территории Белорусского Полесья. Лежачие костры были больше по объему и сооружались лишь в тех случаях, когда требовалось выжечь крупную партию угля. Быто-

вание лежачих костров в восточном Полесье в начале XX в. было, в частности, зафиксировано во время экспедиции 1982 г. в Лоевском р-не Гомельской обл.¹²⁹ Полесская терминология стоячих костров для «выпаливания» («пален-ня») угля в XIX—XX вв.: «капа», «капец», «капаяк», «ворах», «мулер», «штабель», «шопа»¹³⁰.

Выжигание угля производилось, как правило, в лесу или недалеко от поселений. Подготовка костра производилась следующим образом: заготовленные поленья («чурки») длиной около 1 м устанавливались стоймя на сухой и ровной площадке («току») так, чтобы они плотно прилегали друг к другу. Возводили два и более ярусов в виде конуса. Сверху накладывали мелкие поленья. Затем сооружали крышку с целью защиты от доступа воздуха. Уложенные дрова обкладывали со всех сторон дерном, травянистой стороной внутрь, затем обсыпали землей (песком), оставив лишь несколько отверстий (продушин).

Рабочие-углежогги регулировали процесс горения с помощью продушин в крышке костра, уменьшая или увеличивая с помощью лопаты их количество. По окончании процесса костер засыпали землей, чтобы погасить огонь. Через двое-трое суток остывшую кучу разбирали и доставали уголь. Длительность процесса получения угля зависела от объема костра и составляла одну-две недели.

Технологический процесс изготовления поташа включал два этапа: подготовительный и производственный. Подготовительный этап представлял собой заготовку сырья — золы, щепы, дров и доставку их на буду. Второй этап — изготовление поташа — состоял из таких операций: выщелачивание золы, выпаривание щелока, перекаливание и сушка поташа-сырца. Древесная зола для варки поташа подразделялась на печную и лесную. Печную золу собирали из фольварковых и крестьянских печей, а лесную выжигали в кострах, ямах как наемные рабочие, так и владельческие крестьяне в счет пригона, а также за натуральную (хлебом) или денежную оплату.

Процесс производства поташа во второй половине XVIII — первой половине XIX в. претерпел существенную эволюцию по сравнению с предшествующими столетиями. В восточной Белоруссии, в том числе и на востоке Полесья, в XVII—XVIII вв. до второй половины XVIII в. бытовал так называемый «гартовый» способ добывания поташа. Для этого способа было характерно расположение производственного участка под открытым небом. Поташная печь («горн», «гарт») представляла собой большой кирпичный очаг без свода. В нее укладывали несколько рядов колотых

плах определенного размера («щепа», «клепка») и поджигали. Рабочие-поливачи поливали сверху горящую клепку щелоком («лугом»). Выщелачивание золы предварительно производилось «корытниками» в деревянных корытах. В результате выпаривания щелока на дне гартовой печи оседала бурая порошкообразная масса — поташ, который затем просушивали. Во второй половине XVIII в. возник более совершенный «котловой» способ изготовления поташа, при котором процесс происходил не под открытым небом, а в специальных помещениях. Поташ варили в котлах (железных, чугунных, медных), вмезанных в под печи. Полученная масса перекаливалась и просушивалась в специальных печах. При этом получали поташ более высокого качества. Товарный поташ закупоривали в бочки и отправляли потребителям.

Для гонки («курения», «сидки») смолы сырьем выступали сосновая древесина («смоляки») и березовая кора (береста). Березовая смола у восточных славян называлась дегтем («чистый деготь»). В народном быту сосновая смола употреблялась в качестве колесной мази, а березовый деготь применялся при выделке кож и в лечебных целях. Смолу выкуривали преимущественно из старых сосновых пней (пневого осмола), реже использовали и нижнюю часть ствола (стволовой осмол). Пни подкапывали лопатой, обрубали корни топором и подваживали бревном. Пни топором кололи на поленья («лучину», «лучиво»). Заготовленную лучину собирали в кучу («ворох») и затем перевозили на возах к смолярне, где складывали в штабеля («шурки»). На приготовление одного штабеля из пневой лучины уходило три — шесть дней.

Известно несколько традиционных способов гонки смолы и дегтя, которые применялись не только на Полесье, но и у западных и южных славян. Древнейший из них — ям-ный способ, когда смолу высиживали в специальных ямах — «майданах», которые у белорусов, украинцев, русских, западных и южных славян по своему устройству принципиально не отличались. Это была воронкообразная яма в форме опрокинутого конуса, «убитая» внутри глиной с отверстиями и обложенная берестой или сосновой дражкой¹³¹. По способу выбирания смолы ямы были двух типов: с прямым и боковым стоками. В первом случае смола стекала в подъямник, откуда ее после остывания выбирали специальным черпаком на длинной ручке, или в поставленный там приемник-бочку. Во втором случае из подъямника проводился деревянный желоб, труба («рура»), по

которому смола стекала в бочку, поставленную на поверхности земли. Преобладали ямы с прямым стоком.

Со второй половины XIX в. древний ямный способ начал уступать место печному. Тогда же получили распространение наземные смолокурные печи, которые устраивались крупными промышленниками. На западе Белоруссии первые кирпичные смолокурные печи начали появляться в начале XIX в. Характерными конструктивными чертами этого типа печей являлось наличие кирпичной печной камеры и стенки («кожуха», «плаща») вокруг нее. В печную камеру загружали смолевое сырье, а в промежутки между стенкой и камерой — дрова для топлива. Горячий воздух циркулировал вокруг печной камеры и способствовал лучшему тлению смолы в печи. В таких печах можно было получать и скипидар, для этой цели служила отводящая металлическая трубка.

С середины XIX в. начали устраиваться усовершенствованные печи с железными горизонтальными и вертикальными котлами. Котлы вмуровывались в под кирпичной печи, внизу устраивали топку. Котлы наполнялись смолем и закрывались железной крышкой. Внизу котла имелось отверстие, через которое смола вытекала в приемник — деревянный чан. Пары скипидара по медной трубе проходили по змеевику через чан с холодной водой и конденсировались в скипидар, вытекающий в отдельный чан¹³². Этот способ был выгоден тем, что в процессе производства древесина использовалась более рационально, с получением многих выходных продуктов — смолы, скипидара, угля. В конце XIX — начале XX в. печи с металлическими котлами получали все более широкое распространение. Так, по сообщению старожила с. Бабуничи Петриковского р-на Гомельской обл. купеческий смолокурный завод с железным котлом существовал до революции в деревне Куричи-чи¹³³. Только на территории Овручского, Ровенского, Житомирского и Радомышльского уездов котлы использовали 42 смолокурных завода с годовой продукцией 165 000 пудов смолы и 35 000 пудов скипидара. Вторичной перегонкой смолы с добавлением извести получали корабельный и сапожнический вар — твердую смолу¹³⁴.

С конца XIX в. на востоке Полесья смоляные заводы стали оборудоваться также металлическими котлами-ретортами цилиндрической формы, огороженными кирпичной стенкой. Для западного Полесья в это время была характерна «латышская» печь — яйцеобразная кирпичная емкость с кирпичным кожухом и приспособлением для выхода скипидара. «Латышская» печь бытовала на Полесье

вплоть до середины XX в., когда была заменена более рациональной металлической ретортой с цилиндрическим котлом.

Гонка дегтя из бересты по своим размерам и значению была второстепенным промыслом по отношению к смолокурению. Гонка дегтя осуществлялась несколькими способами: в ямах-майданах (как и сосновой смолы), в вертикальных кострах-кучах, в печах и в глиняных горшках. Костровой способ бытовал меньше. Ямным и костровым способом обычно гнали деготь в лесу, в пределах поселений — в горшках, в обычной домашней печи, во дворе или неподалеку от деревни. Последний способ («корчажный») особенно был характерен для русских¹³⁵. При этом способе глиняные горшки с берестой устанавливались на кирпичных подмостках, на поверхности земли или на дне вырытого рва. Затем закрывались керамической крышкой, которая для герметичности замазывалась глиной. Горшки обкладывали горючим материалом (дрова, щепки) и поджигали его. Получаемый в процессе сухой перегонки деготь стекал через отверстие в дне горшка по боковому стоку — деревянному желобу или корыту в приемник (бочку, кадку)¹³⁶.

Наряду с гонкой смолы и дегтя распространенным промыслом было также добывание живицы (подрезкой, «подсочкой») — коры хвойных пород, преимущественно сосны. Это сезонное занятие проводилось с весны до поздней осени. Специальными инструментами (резец, огибающий хак) на коре деревьев за несколько лет до рубки делали нарезки (насечки). Существуют различные способы «подсочки» — восходящий, нисходящий и т. п. Смола стекает по насечкам в конусообразную (металлическую, раньше глиняную и берестяную) посуду («лейку», «черпак»), откуда загустевшую массу выбирают в ведра и бочки.

После отмены крепостного права лесохимические промыслы перешли от помещиков главным образом в руки купцов, арендовавших или покупавших лесные участки и производящих работы наемным трудом. Нанимались на будный промысел большей частью бедные крестьяне, однако заработок их был незначительным.

На лесохимических промыслах широко эксплуатировался наряду с мужским женский и детский труд. Так, в 1870-е годы в Мозырском уезде лесопромышленники нанимали женщин и детей мужского пола для подноски лучины к печи с поденной оплатой 10—20 коп. в день. Одновременно при одной печи работало 20—30 женщин и детей. Взрослые мужчины получали по 2 руб. в неделю¹³⁷.

Лесохимические промыслы на Полесье имели две формы: местные и отхожие. Отход крестьян до реформы 1861 г. особенно усиливался в голодные неурожайные годы, а в период капитализма являлся типичным явлением.

Во второй половине XIX в., несмотря на усовершенствование техники и технологии производства, началось сокращение масштабов выхода лесохимической продукции в связи с возрастанием размеров лесозаготовок и сбыта товарного дерева. Решающую роль сыграло в этом процессе развитие капиталистической промышленности, использование новых видов сырья (каменный уголь, сода, смазочные масла из нефти), постепенно заменивших традиционные древесный уголь, смолу, деготь и поташ. К концу XIX в. кустарное смолокурение пришло в упадок, хотя бытовало еще и в XX в., а поташное производство к началу XX в. прекратилось совсем.

Таким образом, становление, развитие и функционирование лесохимических промыслов на Полесье были тесно связаны с естественно-географическими условиями, социально-экономическими факторами, определявшими уровень развития и характер промыслов на каждом этапе.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции лесохимические промыслы на Полесье особенно широкого развития достигли в 20—30-е годы. За годы первой пятилетки возрос процент охвата кустарей промысловой кооперацией и одновременно шел процесс роста социалистического сектора в промышленности.

В настоящее время в связи с истощением запасов сырья смоло-скипидарное производство на Полесье значительно сократилось. Еще в 1970-е годы прекратилось производство дегтя из бересты, хотя до этого времени на государственных смолокурных заводах были установлены специальные установки для получения дегтя.

Лесохимическое производство теперь является одной из составных частей в производственной деятельности лесопромышленных объединений по комплексной переработке древесины. Кроме того, лесохимические участки созданы почти в каждом лесхозаге, что позволяет более рационально использовать отходы лесного производства. За счет этого значительно возрос уровень выпуска лесохимической продукции.

Полученные продукты лесохимии имеют важное народнохозяйственное значение, используются также в быту. Смола отправляется не только по всей нашей стране, но также идет на экспорт — в Швецию, А-тлию, Югославию, Венгрию, Кубу и др.

Современное социалистическое производство продуктов лесохимии имеет своими истоками традиционные народные промыслы, зародившиеся в глубокой древности. С течением времени совершенствовались техника и технология производства, в советское время коренным образом перестроена организация труда.

Исследование традиционных лесохимических промыслов на Полесье показало, что некоторые локальные различия между западной и восточной частями региона прослеживаются главным образом в смолокурении, в остальных же отраслях (жжение угля, производство поташа, живицы) преобладала общность. Значительное сходство технологии и техники промыслов по сухой перегонке древесины наблюдается у всех восточнославянских народов, а также у западных и южных славян. Это объясняется сходством процессов промышленно-экономического развития, хозяйственных потребностей, сырьевой базы, а также древностью традиционных этнокультурных связей родственных славянских и других соседних народов.¹³⁸

СТЕКЛОДЕЛИЕ

Развитие стеклоделия на Полесье было обусловлено наличием необходимого сырья: песка, мела, извести, огнестойкой и тугоплавкой глин, необходимых для выплавки донниц, в которых варили стекло, а также древесного топлива. Возникновению местного стеклоделия во многих полесских городах, городищах и даже в мастерских феодальных замков раннего средневековья способствовал киевский стекольный центр, где стеклоделие развивалось как ремесло.

Согласно архивных источников XVI в. стекольное производство особо развитым было в Волынском и Киевском воеводствах, существовало на Полесье в городах Бресте и Пинске¹³⁹, а также на Подлясье в Панкове, пять сельских («лесных») гут действовало в окрестностях Замостья в междуречье Буга и Вепра (теперь ПНР)¹⁴⁰.

Гутники-ремесленники чаще работали семейными коллективами, реже пользовались наемным трудом. Первые гуты представляли мелкотоварное производство, но уже к середине XVI в. в Великом княжестве Литовском гуты переросли в специфическую форму — вотчинную мануфактуру-ПУ. Однако на Полесье в XVI в. стеклоделие развивалось "а мелких гутах, размещенных в лесистой части Полесья и городских гутах ремесленников, обычно за городским ва-ом. На таких гутах владелец и привлеченный со стороны ремесленник работали вместе. Стеклоделие этого периода

и последующих XVII—XVIII вв. базировалось на ручном труде.

Возникновение гут было тесно связано с лесом — как источником топлива. Гутное ремесло возникало в тех лесах, где поблизости имелись кварцевые пески, тугоплавкие глины, мел или мергель, речушка или озеро. Гуты чаще работали в зимнее время, свободное от полевых работ, гут-ники часто брали земли в аренду у помещика вместе с лесом, лугом, мельницей, озером, полем, служившими одновременно средством для пропитания всей гутной челяди, которая в XVI—XVII вв. была еще немногочисленной. Плата за аренду устанавливалась «натурой» (изделиями) или деньгами («чиншем»). В этот период стеклянной посудой преимущественно пользовались феодалы и их окружение, помещики, старосты, чиновники, военнослужащие, казачество, духовенство вместе с монастырями, аптекари. Оконное стекло использовалось городскими и сельскими жителями. «Фля-ши», «скляници», «четверти» продавались в специальных пивных будках.

Особенно широко развивалось стеклоделие на территории современных Гомельской и Черниговской областей, где в этот период работало около 100 гут¹⁴¹. По примеру чешских мастеров стеклоделы Полесья начали добавлять в стекломассу известь и мел. Это придало стеклу неведомый до этого времени эффект внутреннего свечения и блеска — такое стекло напоминало горный хрусталь, которое начали называть «богемский хрусталь». Распространению западноевропейской технологии в стеклоделии Полесья способствовали бродячие стеклоделы из Богемии, Силезии, которые свободно перемещались по всей Европе и ставили «лесные гуты» не только на землях помещиков, но и на землях королевских, заключая договоры на аренду этих же гут. Особенно много «лесных гут» бродячие стеклоделы создали на Гомельщине и Черниговщине в XVIII в. Эти гуты изготавливали посуду столовую, аптечную, кухонную, тарную, оконное стекло.

В XVIII в. полесские магнаты, феодалы и помещики начали создавать собственные («вотчинные») стекольные мануфактуры в местах, где раньше действовали мелкие «лесные» гуты местных ремесленников, которые привлекались для работы на мануфактурах.

Наиболее квалифицированные гутные мастера, гравировщики, шлифовщики и другие специалисты стеклоделия не были крепостными и свободно перемещались по Полесью от гуты или мануфактуры одного магната до другого.

Кроме крупных вотчинных мануфактур, стеклянные из-

делия выдувались на мелких «лесных» гутах, а также ремесленниками-стеклодувами в городах. Они изготавливали посуду — столовую, кухонную, аптечную, для сохранения и транспортировки напитков, растительных масел, оконное стекло. Посуда таких гут украшалась гутными декорами (стеклянными жгутами, нитями, лентами, налепами, медальонами-печатками, стеклянной цветной крошкой), а также росписью эмалями и резе золотом. Мастеров, которые расписывали стеклянную посуду, называли «травниками».

В конце XVII — начале XVIII в. спрос на стеклянные изделия возрос, увеличилось их производство за счет роста численности гут, мануфактур и заводов, а также роста объема изготавливаемых на них изделий. Это привело к изменению характера сбыта стекла, которое начали продавать уже оптом приезжим купцам и «барышникам», по заказам, для чего, например, были созданы каталоги, на местечковых ярмарках и в специализированных лавках, установленных во многих полесских городах. В этот период стекло уже стало доступным не только простым горожанам, но и сельскому жителю, который бывал на местечковых ярмарках.

В первой половине XIX в. стеклоделие на Полесье получило особенно широкое распространение. В этот же период существовали различные организационные формы стеклоделия — помещичьи (вотчинные) мануфактуры и заводы, а также более мелкие «лесные» (сельские) гуты.

Так, в 1795 г. в Волынской губернии насчитывалось восемь стеклянных производств, сосредоточенных преимущественно в его северной части, насчитывавших 55 рабочих, производивших рюмки, бутылки, стаканы. К 1823 г. их было уже 14 с 243 рабочими¹⁴², а к 1850 г. лишь в одном Житомирском уезде действовало уже 20 гут¹⁴³.

В этот же период в Черниговском Полесье, где численно преобладали мелкие гуты, стеклоделие начало угасать. Это было следствием многих причин: отмены крепостного права и потерей дешевой рабочей силы, результатом слабой конкурентоспособности мелких гут, которые вначале не смогли перейти на изготовление гравированных и шлифованных изделий (не было средств на приобретение необходимых станков за рубежом), а позже — на изготовление прессованной посуды с помощью прессовальных станков. Такие мелкие гуты продолжали формовать и декорировать посуду гутным методом, т. е. пластическими элементами, или декорировать такую посуду росписью, спрос на которую сохранялся только на местном рынке.

Гутное стеклоделие Полесья как социальное и художественное явление постепенно угасало. Выстояли только отдельные мелкие гуты, изготавливающие простое ламповое тарное и оконное стекло старыми методами — свободным формованием с применением несложных ручных приспособлений.

В период первой мировой войны, а затем в годы гражданской войны и последующей интервенции гутное стеклоделие Полесья понесло большие потери и практически угасло в 20-е годы.

В период индустриализации крупный стекольный завод по производству листового стекла был построен в Гомеле. Курчицкая гута в Городничском р-не Житомирского Полесья была реконструирована в крупный стекольный завод. Развитие крупной стекольной промышленности в СССР шло за счет укрупнения заводов с хорошо механизированной технологией и резкого сокращения бесперспективных, мелких гут. Традиции гутного полесского стеклоделия в какой-то мере возродились в 60-е годы на Львовской керамико-скульптурной фабрике посредством участия в ее работе мастеров — выходцев из Полесья.

ОТХОЖИЕ ПРОМЫСЛЫ

На Полесье издавна были развиты как домашние, так и отхожие промыслы. Последние, зародившись в эпоху позднего феодализма, получили особое распространение при капитализме. Отходничество — это временный отход крестьян от мест постоянного жительства в деревнях на заработки в районы развитой промышленности и сельского хозяйства.

Являясь следствием разложения патриархального уклада, роста товарно-денежных отношений, отхожие промыслы имели распространение уже в конце XVIII в. Об этом свидетельствуют данные документальных и литературных источников. Так, в «Описании села Кузьминичи» (на Го-мельщине) за 1796 г. сообщается: «На протяжении семи месяцев осенних и зимних с каждого двора один мужик ходит в побочные заработки, а иной раз некоторые и в летние месяцы остаются на заработках, таким образом помогают своим семьям». Известные в конце XVIII в. коновалы местечка Холмеч Речицкого уезда Минской губернии отходили «в большом количестве» в соседние губернии¹⁴⁴.

До реформы 1861 г. отход крестьян носил преимущественно принудительный характер: владельцы отдавали своих крепостных в наем купцам по договорам (контрактам).

Правила» 1835 и 1842 гг. об отдаче крестьян по контрактам на земляные работы и сплав судов юридически узаконивали фактически существующее в западных губерниях (в том числе Минской, Волынской, Подольской, Киевской) положение. Помещики получали от подрядчиков крупные суммы денег, а крестьянам выдавались мизерная плата и харчи.

Отхожие промыслы на Полесье бытовали в двух формах — земледельческие и неземледельческие, причем преобладал неземледельческий отход.

Одним из наиболее развитых и исторически давних видов неземледельческого отхода населения Полесья был отход на заготовку и сплав леса. Он был развит повсеместно благодаря значительным массивам лесов на Полесье и наличию сплавных и судоходных рек. В «Экономических примечаниях» конца XVIII в. отмечалось, что летом многие крестьяне Речицкого, Белицкого и других уездов с разрешения помещиков нанимались для сплава плотов и судов с грузами по Днепру к Киеву и Кременчугу, а обратно тащили суда с крымской солью, хлебом, табаком по Днепру, Припяти, Березине. На западе Полесья в конце XVIII в. большую роль играл вывоз лесных товаров. По материалам Брестско-Кобринской экономики за 1780—1783 гг. лесоматериалы (балки, клепка, доски), а также поташ в значительном количестве доставлялись по Мухавцу, Западному Бугу и Висле в Гданьск и Крулевец. Из Гданьска доставляли соль, железо, сельдь, предметы роскоши¹⁴⁵.

В пореформенный период на основе классовой дифференциации крестьянства, интенсивного роста рядов сельского пролетариата, расширения внутреннего рынка и образования относительного аграрного перенаселения отхожие промыслы приобрели массовый характер. В. И. Ленин указывал: «Освобождение крестьян уничтожило неподвижность населения и поставило крестьян в такие условия, что они не могли уже прокормиться с тех клочков земли, которые у них остались. Бездна народа бросилась на поиски заработка, идя на фабрики, на строительство железных дорог... Масса народа пошла на заработки в города, занималась строительством фабричных и торговых зданий, доставкой топлива к фабрикам... Производству потребовались наемные рабочие, и сотни тысяч и миллионы крестьян пошли, забросив свои мизерные наделы, в батраки и поденщики к новым хозяевам, которые выращивали хлеб на продажу»¹⁴⁶. Минский губернатор отмечал в отчете за 1876 г., что «в уездах с малым процентом пахотных земель, когда не заполнено все свободное время крестьянского на-

селения земледельческим трудом, жители вынуждены искать заработок на стороне, в отхожих промыслах»¹⁴⁷.

После отмены крепостного права с развитием капиталистических отношений и ростом аграрного перенаселения крестьяне шли в отход с целью заработать деньги для уплаты податей, покупки хлеба, соли, инвентаря, а также посылались волостными властями за недоимки. Таким образом, во многих случаях вольный наем сочетался с принудительным на очень, к тому же, невыгодных условиях для крестьян. Так, газета «Минские губернские ведомости» сообщала в 1881 г.: «Эксплуататоры-лесопрмышленники очень злоупотребляют трудом крестьян, они нанимают их за самую мизерную цену и в то время, когда у них нет хлеба, и условия заключают такие, которые ставят крестьян в безвыходное положение»¹⁴⁸. Подрядчик обычно прибывал в волость и заключал сделку с волостным писарем. Затем созывали крестьян на сход и требовали от них уплаты недоимок податей. Бедняков, не имеющих возможности срочно внести деньги, посылали на сплав леса.

Кроме сплава и заготовки леса значительное количество отходников было занято также и в лесохимических промыслах — на смоляных, поташных и дегтярных будах и т. п. Так, на сплаве древесины и пиломатериалов на Белорусском Полесье в середине XIX в. работало ежегодно до 8 тыс. сезонных рабочих, а в 90-е годы XIX в. — до 25 тыс. сезонных рабочих в год¹⁴⁹. На Украинском Полесье в этот период в некоторых волостях Овручского уезда Киевской губернии, Ровенского уезда Волынской губернии весной на сплав уходило больше половины взрослого мужского населения. Значительная часть из них партиями по 20—50 человек нанимались на сплав в Ровенском, Дубенском, Луцком, Острожском уездах, откуда гнали плоты до Бреста, а иногда и до Гданьска¹⁵⁰. Работали на сплаве от середины мая до середины июня.

Широко бытовал также отход на поташные буды, смоляные купеческие заводы, особенно в Речицком, Мозырском, Пинском, Брестском, Пружанском уездах Белорусского Полесья и в Овручском, Житомирском, Радомышльском, Ковельском уездах Украинского Полесья.

Среди неземледельческих отхожих промыслов населения Полесья важным по своему значению был также извозный промысел, особенно развитый в местностях, расположенных в стороне от речных путей, где преобладал гужевой транспорт. Грузы перевозили гужом как летом, так и зимой, но чаще зимой по санному пути. Извозом за-

нимались не только крестьяне, но и мещане, как самостоятельно, так и по купеческому подряду.

Можно выделить несколько основных направлений гужевой транспортировки грузов из Полесья: на запад и северо-запад — в города и местечки Гродненской и Волынской губерний, а также в Варшаву, Ковель, Вильнюс, Ригу; на восток и северо-восток — в Поднепровье; на юг — в Киев, Житомир, Бердичев, Нежин и другие населенные пункты Украины. На западе крупнейшими перевалочными пунктами были Пинск и Ковель. Извозчики Пинского, Коб-ринского и Брестского уездов пользовались известностью не только в полесском регионе, но и за его пределами. В одном из архивных документов 70-х годов XIX в. сообщалось: «До открытия Брестско-Смоленской железной дороги крестьяне Кобринского уезда в зимнее свободное время отправлялись целыми вереницами в город Пинск и, нагружив там свои телеги бочками с салом или табаком, транспортировали их в Брест. Каждый извозчик получал за перевозку тяжестей в 50 пудов на 120 верст из Пинска до Бреста 4,5—5 рублей»¹⁵¹. В Брестском уезде высоким профессионализмом отличались извозчики из Ратайчицкой, Домачевской волостей. В Ратайчицкой волости в конце XIX в. из 230 дворов было до 150 чел. извозчиков. В деревне Новоселки Домачевской волости все крестьяне занимались извозным промыслом, который представлял для них из-за малоземелья первостепенный источник жизненных доходов. Тем не менее в отношении заработка извозчиков документы упоминают, что не заметно, чтобы этим кто-нибудь поправил свое хозяйство и что денег едва хватало на покупку соли¹⁵². На востоке Полесья извоз как отхожий промысел был наиболее распространен на Го-мельщине, Черниговщине, Киевщине, Сумщине, особенно в Глуховском уезде¹⁵³.

В лесистых районах извоз широко практиковался для перевозки древесины, пиломатериалов, продуктов лесохимии. Извозчиков нанимали на сезон или же по подряду, заключая с ними договора в волостном правлении. Поденная плата извозчика в конце XIX в. составляла от 0,35 до 1 руб. в день, летом была выше на 25 %.

Подрядная оплата начислялась в зависимости от веса груза и расстояния. Так, за пуд платили по 2—3 коп., при перевозке на расстояние до 10 верст, и по 10—20 коп. — при перевозке на расстояние до 80 верст¹⁵⁴. На вывозке смолы специализировались возчики Туровского уезда, Волыни. Там они объездили в артели по 50—100 чел. и по бездорожью вывозили из леса на лошадях бочки со смолой. У извозчиков

смолы в силу специфики их труда сложился определенный бытовой уклад и коллективистские производственные отношения¹⁵⁵. Эти черты роднят их с украинскими чумаками, занимавшимися доставкой на волах смолы с Волыни на юг, соли, рыбы и других товаров из Таврии и Новороссии в ее северные районы.

В связи с проведением в 60—80-х годах XIX в. Полесских, Либаво-Роменской, Киевско-Брестской и других железных дорог транзитный извоз пришел в упадок, однако продолжал существовать местный подвоз товаров и продуктов внутри губерний в города, к станциям железных дорог и речным пристаням.

Наряду с извозным промыслом значительное место занимал отход землекопов («грабаров»), труд которых особенно широко использовался при строительстве шоссе и железных дорог, проведении судоходных и мелиоративных каналов, сооружении крепостей, рытье колодцев и т. п. Снабженные ручными орудиями труда — лопатой, ломом, киркой, тачкой — рабочие ради скудного заработка вынуждены были выносить каторжный труд, жестокою эксплуатацией и произвол подрядчиков. В землекопы шло беднейшее население как западного (Брестский, Ковельский уезды), так и восточного Полесья (Чернобыльский уезд и др.)¹⁵⁶.

Значительное количество населения в первой половине XX в. находило заработок на разработках природных богатств Полесья — каолина, камня, торфа и пр. Только на Волынском Полесье в 30-е годы на добыче камня, каолина и щебенки в сезон работало свыше 12 000 чел.¹⁵⁷

В западном Полесье был распространен также отход рабочих ремесленных специальностей: плотников, каменщиков, печников. Особенно славились своим мастерством плотники из деревни Вульки Волчинской волости Брестского уезда, выполнявшие работы не только в своем, но и соседних уездах. В Добучинской волости Пружанского уезда плотничеством занимались до 200 чел. Они артелями отправлялись на заработки в города и селения, на строящиеся железные дороги, зарабатывая в год до 70 руб. Каменотесов и печников насчитывалось до 200 чел., во время отхода их заработок составлял до 80 руб. в год¹⁵⁸.

Некоторая часть малоземельного и безземельного населения находила сезонный заработок на местных кожевенных, бумагоделательных, спичечных, суконных фабриках, кирпичных, сахарных, винокурных заводах в Пинске, Гомеле, Шостке, Сумах, Чернобыле, Ковеле и других населен-

ных пунктах. Среди отхожих рабочих значительное место занимали чернорабочие и прислуга в городах.

В конце XIX — начале XX в. все более широкие масштабы принимает и земледельческий отход населения Полесья. Потоки отходников направлялись в основном на юг Украины, в Таврию, а из западного Полесья — в Польшу¹⁵⁹.

В это время структура и распространение отдельных видов отхожих промыслов претерпевают значительные изменения. Одни из отхожих промыслов получают дальнейшее распространение, удельный вес других уменьшается. Отход землекопов на строительные работы резко уменьшился с сокращением строительства крепостей, шоссе и железных дорог. Изменились масштабы извоза, в связи с прокладкой сети железных дорог транзитный извоз утратил свое былое значение и продолжал бытовать лишь местный подвоз товаров к речным пристаням, железнодорожным станциям, в ближние местечки и города. Бурлачество было вытеснено в основном к началу XX в. буксирным пароходством. Продолжал бытовать отход на лесные промыслы, лесосплав; в XX в. шютогонство было особенно развито в 20—30-е годы. В это время только на реках бассейна Припяти на сплаве в сезон нанималось более 3 000 чел.¹⁶⁰. Значительная часть отходников была занята также в сахарной промышленности, на камнедобывающих и обрабатывающих предприятиях. По данным за 1939 г. в каменные карьеры и на предприятия по переработке леса только в Волынской губернии нанимались в сезон соответственно 6 453 и 3 186 сезонных рабочих¹⁶¹.

С развитием капиталистической экономики возрастало также отходничество на промышленные предприятия и в сельскохозяйственные районы России и Украины.

При отходе на заработки нужно было получить вид на жительство — паспорт (на срок 6 месяцев, 1 год и более) либо отпускной билет (на 1, 2, 3 месяца). Отсутствующий должен был платить подушную подать не на месте своего действительного жительства, а на месте прописки по ревизии. Паспортная система кроме финансовых целей являлась также формой государственного контроля за передвижением населения. Тяжелые формальности получения паспорта отягощали отход на заработки. В. И. Ленин подчеркивал, что даже временные отлучки крестьян на заработки связаны для них с множеством ограничений и издержек из-за круговой поруки и паспортной системы¹⁶².

Отход населения на заработки, зародившись как элемент развития капитализма в недрах феодального строя, был прогрессивным явлением. «Неземледельческий от-

ход,— указывал В. И. Ленин,— представляет из себя явление прогрессивное. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности... Отход в города повышает гражданскую личность крестьянина, освобождая его от той бездны патриархальных и личных отношений зависимости и сословности, которые так сильны в деревнях¹⁶³.

Отхожие промыслы как общественное явление содействовали пролетаризации крестьянства. В период капитализма они являлись одним из источников формирования промышленного и сельскохозяйственного пролетариата.

В бытовом отношении отходничество крестьян на заработки в дореволюционной Белоруссии и на Украине играло на протяжении XIX—XX вв. чрезвычайно важную роль. Отхожие промыслы являлись для крестьян необходимым источником добывания денежных средств в условиях феодального и капиталистического строя, хотя наемные рабочие и подвергались жестокой эксплуатации со стороны помещиков, промышленников и купцов.

Отход полещуков в соседние губернии Белоруссии, Украины, России, Польши, Прибалтики взаимно обогащал материальную и духовную культуру народов. Это проявлялось в ряде общих черт в промысловом и ремесленном производстве — сходстве технологии и техники, терминологии, формах и назначении готовых изделий. В области духовной культуры взаимное влияние наблюдалось в обрядности, фольклоре и т. п.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАРОДНЫХ ПРОМЫСЛОВ

Ремесла и промыслы Полесья имеют глубокие этнические традиции, которые своими истоками уходят в общеславянскую эпоху. На протяжении многих столетий они развивались на местной самодеятельной основе. Это придавало им самобытный характер и большую жизненную силу, определяя значительное локально-вариативное многообразие¹⁶⁴. Отдельные группы деревень, образуя своего рода погосты, разделенные обширными болотными пространствами, еще в начале XX в. несколько различались между собой особенностями местной культуры и быта.

Самодетельное творчество и талант местных мастеров запечатлены в замечательных памятниках народного зод-

чества оригинальных, приспособленных к местным условиям орудиях труда, самобытной керамике и деревянной посуде, уникальных предметах узорного ткачества, вышивки, художественного плетения и т. п.

Развитие машинного производства, повлекшее девальвацию ручного труда, нарушило гармонию ремесла и искусства. Именно в это время сложилось то обыденное понятие «ремесла» как антипода искусству. В сфере общественного производства ремесла и промыслы были исторически закономерно оттеснены на второстепенное место. Однако многовековой производственный опыт, накопленный в ремесленной деятельности, являясь непреходящим культурным наследием, широко использовался в становлении и развитии промышленности.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ И СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Состояние путей и транспортных средств отражает уровень хозяйственной деятельности, производственную специализацию и общественное разделение труда. Выгодное географическое положение Полесья на исторически сложившихся путях между Востоком и Западом, густая речная сеть, образующая единую водную систему, значительные природные богатства определили всемерное использование и важное значение *водных путей сообщения*. Уже в эпоху Киевской Руси водные артерии Полесья связывали русские земли с Днестром, служили выходом к Балтийскому морю. В XVI—XVII в. в связи с развитием торговли, необходимостью вывоза хлеба, леса и продуктов переработки древесины (деготь, смола, поташ) роль водных путей возросла.

Водные пути сообщения оказали значительное влияние на развитие транспортно-экономических связей особенно в конце XVIII — начале XIX в. вследствие изменения границ России, освоения Причерноморья. Реки активно использовались для перевоза товаров как на местные, так и на более отдаленные рынки. Основное место в структуре перевозок занимали лесные грузы (до 70-х годов XVIII в. — в Рижский порт, позже — к портам Черного моря), а также хлеб, пенька, конопляное масло, пушнина и др...В этот период водно-транспортные пути Полесья превратились из местных в пути транзитного значения. Через водные пути Днепровского бассейна товары из Москвы, Петербурга направлялись в Польшу, Ригу¹. Кроме Днепра водными артериями были Припять и Десна, которые играли важную роль в торговых связях между Черным и Балтийским морями. Из городов, расположенных в их бассейнах, на средний Днепр приходило множество судов (байдаков) с хле-

бом, мелом, известью, мылом, железом, строительным и жерновым камнем. Самостоятельное транспортное значение имели реки Горынь и Стырь, по которым из Волынской губернии везли пеньку, лен, коноплю, мед, посуду, сплавливали лесные грузы.

Развитие речного транспорта требовало строительства пристаней. В границах Черниговской губернии на Днепре имелись две пристани — Каменка и Козлы, где происходила перегрузка различных товаров, которые отправлялись в Киев. Обратными рейсами сюда привозили железо, соль и рыбу, их продавали на местных рынках, отвозили в Белоруссию. Важными перевалочными пунктами в торговых связях были пристани Пинск на Пине, Кладьковка, Чернигов, Новгород-Северский на Десне². Строились и небольшие пристани местного значения.

Развитие хозяйства, экономических связей требовало улучшения транспортных путей, в первую очередь водных. В конце XVIII в. началось строительство искусственных водных путей — каналов. Основную роль в XIX в. играл Днепровско-Бугский (Королевский) канал, соединивший Днепр через Припять и Пину) с Западным Бугом и Вислой. Этот канал успешно функционирует и поныне. Особое место принадлежало Огинскому каналу, связавшему Днепр с Балтикой через Ясельду (приток Припяти) и Щару (приток Немана). В конце XIX в. Огинская система пришла в упадок из-за обмеления канала. Местное значение для перевозок грузов, пассажиров и сплава леса имели мелиоративные каналы, проложенные в 70—80-е годы XIX в., общей протяженностью 4770 км.

Таким образом, в процессе социально-экономического развития и расширения торговли в зоне Полесья к началу XIX в. сложились четыре основных направления водных путей: 1. Днепр — Херсон — Черное море; 2. Днепр — Березина — Березинский канал — Западная Двина — Рига; 3. Днепр — Припять — Огинский канал — Неман; 4. Днепр — Припять — Днепровско-Бугский канал — Западный Буг — Висла.

На полесских реках вплоть до XX в. употреблялись различные типы водных транспортных средств.

Древнейшим и простейшим средством передвижения являлись плоты, т. е. связанные в ряд бревна. Плоты при их малой осадке могли проходить по сплавным и судоходным рекам практически в течение всей навигации. Это делало их незаменимым сезонным транспортным средством для перевозки лесоматериалов и других товаров. Перевозка хлеба и различной клади на плотах была характерна в

XIX в. также для систем Днепроовско-Бугского и Огинского каналов, т. к. большие суда не могли пройти через шлюзы³. По Десне на плотках сплавляли большое количество мела, извести, целые дома в разобранном виде для продажи (на пристани Кладьковка)⁴. Даже в середине XIX в. количество плотов не уменьшилось. Так, на речках Черниговской губернии с 1860 по 1861 г. количество плотов возросло с 179 до 318, на них приходилась значительная доля перевозок традиционных полесских грузов⁵. То же относится и к Волынской губернии. Если в 1843 г. было зарегистрировано 1843 плота, то в 1883 г.—557 303⁶.

К разновидности плотов относятся деревянные плавучие мостки, состоящие из двух колод — заостренных, длиной до 5 м, покрытых дощатым настилом. Таким традиционным средством передвижения пользовались в районах Волынской, Ровенской, Житомирской областей⁷.

Для перевоза грузов, повозок, людей с одного берега реки на другой на расстояние 50—100 м использовался паром. Конструктивно паром представлял собой помост, обнесенный с двух сторон перилами и уложенный на двух-трех больших лодках. Движение парома осуществлялось при помощи блока, по канату, протянутому с одного берега реки на другой. Паром управлялся с помощью шестов, а во время разливов рек — большим веслом. Часто паром заменяла огромная плоскодонная лодка длиной до 12 м, шириной до 2 м, способная перевозить две повозки⁸. С развитием и расширением транспортных путей число паромов постоянно росло, их бытование зафиксировано и в XX в.

Типология лодок на Полесье обусловлена особенностями местных водных путей и региональными традициями. В зависимости от способа изготовления лодки известны двух видов: долбленные из колоды дерева челны и лодки, сбитые из досок. Наиболее употребляемыми в XIX в. на Полесье были челны («човен», «доубанка», «кодлуб», «дуб», «душегубка», «плавица») из различных пород дерева: дуба, вербы, сосны, осины, осокора, липы. Приемы выдалбливания лодок зависели от местных традиций и имели локальную специфику. Так, в восточном Полесье зачастую перед выдалбливанием в колоде сверлили контрольные дырки па толщину днища и бортов челна, в которые забивали кольшки («сторожки»). Для разгибания («розкладки») бортов челны в процессе изготовления распаривали над костром. При этом известную роль играла порода дерева. Дубовые челны, например, не разгибали. В западном Полесье распаривание колоды и сверление дырок не бытовало⁹.

Хотя форма челнов существенных локальных различий во всем регионе не имела, но и она несколько варьировалась: нос и корма закругленные, заостренные, реже — корма отвесная и заостренный нос. В зависимости от назначения судна, величины реки или канала колебались и размеры челнов — от 2,5 до 10 м в длину и 1—2 м в ширину.

Переходным типом от долбленной к дощатой лодке являлась «обшиванка» или «шугалея» («шугалия») — долбленная лодка с осиновой обивкой в верхней части бортов. Такая лодка могла везти до 300 пудов груза, хотя бывали они и меньших размеров. Это типично полесская лодка, прообразом которой является древнерусская «набойная» лодка¹⁰.

Дощатые лодки, получившие повсеместное распространение на Полесье в конце XIX — начале XX в., меньше варьировались по форме (как правило, имели заостренный нос и тупую корму) и способам постройки. Разнообразие прослеживалось в размерах и терминологии («лодка», «крыпа», «галка» и пр.), однако существенных локальных и региональных отличий не имелось. Изготавливались они из сосновых досок, которые скреплялись металлическими скобами, заклепками, сбивались гвоздями, стягивались дубовыми кокорками. Щели между досками затыкались мхом. Снаружи лодку смолили.

Управлялись челны и дощатые лодки одним веслом без уключин. Характерной деталью полесского весла является поперечина на ручке (черенке) — «мылица», «кавылька»¹¹. Длина весел была различной — от 1,5 — до 2,2 м.

С конца XVIII —начала XIX в. в торгово-экономических связях Полесья большую роль начали играть различные типы мало- и крупногабаритных судов: байдаки, бер-лины, барки (на Днепре, Припяти), лыжвы, дубасы, шку-ты (на Мухавце и Западном Буге)¹². Эти суда, в основе своей имеющие конструктивное единство, вместе с тем несколько отличались друг от друга формой, размерами, оснасткой. Байдак имел заостренные нос и корму, слегка расширенные борта, берлина — закругленный нос, отвесную корму (другая разновидность — с заостренным носом и кормой) и развернутые борта, барка — закругленные нос и корму и слегка наклонные борта. Байдак, берлина накрывались двускатной крышей и оснащались парусами. Полесская («пинская») барка, в отличие от сплавной днепроовской, использовалась в течение нескольких навигаций, ходила и против течения Припяти и Пины, а также по каналам, оснащалась парусом и имела, в силу небольшой глубины и ширины фарватера, меньшие размеры.

Традиционными приспособлениями для вождения судов на Полесье в XIX в. были весла, шесты, паруса, а против течения суда тянули бурлаки на канатах («лінах») и лямках («скарачах»).

Строили суда народные мастера на пристанях или берегах рек и озер с помощью простых орудий труда — топора, тесла, струга, скобли, пилы. Специальных верфей на Полесье не существовало вплоть до середины XIX в., когда был основан Пинский судостроительный завод, а в начале XX в. (1903 г.)—Гомельская судоремонтная мастерская. Знания народных умельцев передавались из поколения в поколение. Многовековой народный опыт выработал удобные и экономичные типы судов. При их строительстве учитывались особенности местных рек — мелководье, отмели, извилистость русла, поэтому полесские суда, как правило, были плоскодонными, имели небольшую осадку.

Основными центрами судостроения в белорусской зоне были города Речица, Мозырь, Пинск, Давид-Городок, Брест, местечки Лоев, Городец, Телеханы, Бытень, села Дубой, Кузеличино, Добромысль и др., в украинской зоне крупными судостроительными центрами являлись города Любеч, Радуль и др.

В XIX в. на реках Полесья появляется новый вид речного транспорта — пароходы. Первый пароход был построен на Украине в с. Мощы вблизи Киева в 1825 г.¹³ Количество пароходов постепенно возрастало. С развитием пароходства связано возникновение в конце XIX в. буксируемой баржи, получившее широкое распространение в начале XX в.

Плотогонство как промысел до середины XX в. имело большое распространение, вызванное потребностями рынка в лесоматериалах. Способы и приемы вязания плотов на всей территории Белоруссии и Украины оставались неизменными на протяжении столетий. Плоты вязали весной на воде или на берегу реки из окоренных и просохших бревен. Вплоть до XX в. бревна в плоты увязывали с помощью виц из ольховых, лозовых, березовых прутьев, изредка сбивали деревянными гвоздями — нагелями. В XX в. плоты стали сбивать и металлическими гвоздями.

В терминологии плотогонства наблюдается региональная специфика. В бассейне Днепра плоты назывались «гребенки», «торки», в бассейне Припяти — «клейны», «гонетки», бали. Длинную вереницу связанных плотов длиной 90—100 м называли «пасами». На них грузили клепку, смолу, деготь и др. Плотогоны на Полесье назывались сплавщиками, пасовыми, флисами, бальниками¹⁴.

С распространением пароходства к концу XIX в. плотогонство резко сократилось, однако еще широко бытовало и в 20—30-е годы XX в.

Водно-транспортные пути Полесья до начала XX в. играли важную роль в экономическом развитии края, его связях с другими регионами. Ведущее значение водных средств передвижения, как наиболее удобного и дешевого вида транспорта, сохранялось до расширения сети железных дорог. На протяжении XIX — в начале XX в. существенно изменились типология судов и способы судовождения, однако технические приемы и орудия труда оставались архаичными.

В советское время в водном транспорте Полесья произошли коренные изменения. Судостроение переведено на индустриальную основу, унифицирована типология судов. Традиционный деревянный флот транзитного назначения вышел из употребления, лишь у рыбаков продолжают бытовать лодки, главным образом дощатые, долбленые челны встречаются редко. Употребляется и паром, несколько измененный конструктивно и буксируемый пароходом.

Сухопутные пути и средства передвижения органично связаны с народным бытом и приспособлены к местным условиям. Природные условия определили характер и состояние дорог. Полесье характеризовалось плохим состоянием дорог. Дороги и пешеходные тропы прокладывались между населенными пунктами, к угольям, лесным лядам, речным причалам. Здесь бытовали народные способы строительства дорог и мостов, которым занимались громады. Только кладки и небольшие мостки строились самостоятельно.

До начала XX в. на Полесье преобладали грунтовые дороги. Природные условия затрудняли их строительство, особенно через болота, на которых строились дамбы и гати («гребли»). Простейшей из них была гать из хвороста («лума»). Сообща строились гати из кругляков, лозы, связанной в снопы, которые укладывали в один или два слоя. На торфяниках гати строились из хвороста и земли. На 10-метровые ольховые колоды («лигары»), лежащие на земле, клали кругляки, в землю забивали мостковые сваи. Летом, когда помост оседал на болото, сверху накладывали лозу. По обе стороны гати копали канавы и плели изгородь высотой в полметра¹⁵. Порой такие гати тянулись на десятки верст на болотах. На участке купеческого тракта, который вел на Украинское Полесье между Озерянами и Тонежем, рулотворная гать тянулась по болотистой мест-

пости 30 верст¹⁶. Вырытые вдоль гати рвы выполняли мелиоративную и транспортную роль.

В условиях Полесья существовала большая необходимость в сооружении кладок и мостов. Через болота и ручьи прокладывались кладки, мостки-переходы, представляющие собой узкий помост из двух-трех положенных вдоль тесин или кругляков. Порою такие мостки, или лавы, на десятки и сотни метров расходились по болотистым урочищам и поймам¹⁷. К обрабатываемым полянам прокладывались более широкие кладки для лошадей. Разветвленными были охотничьи и рыбацкие кладки.

Мосты строились на дубовых или ольховых сваях («быки»), настил делали из расколотых кругляков. Ширина таких мостов доходила до 4 м. Мосты на главных дорогах строили специалисты, многое позаимствовавшие от народных умельцев. На всем протяжении новых шоссе было устроено много мостов: на реках Стыр — 9, Турий — 4, Стоход — 11 и т. д.¹⁸

Значительно лучшими были дороги в лесистой местности, соединяющие города. Очень важная грунтовая дорога, которая соединяла глубинные центры Полесья, проходила вдоль Припяти от Мозыря до Скригайлова, где существовала паромная переправа, затем шла по левобережью до Перерова и Людинова, там предстояло вновь переправиться на пароме на правый берег, чтобы достичь Турова, а затем Пинска. Несколько дорог пересекали Полесье в меридиональном направлении, среди них тракты Пинск—Ровно и Пинск—Антополь—Кобрин, где дорога выходила на трассу Варшава—Брест—Москва. В XIX в. это были основные в западном Полесье почтовые дороги с регулярным сообщением. Еще одна важная почтовая дорога вела с Бреста через Ковель, Житомир на Киев. В XVII в. были проложены Пинско-Слонимский и Пинско-Волынский тракты с регулярным почтовым сообщением¹⁹. В XVIII в. по этим маршрутам были проложены новые, более широкие пути. Развитие капиталистических отношений, потребности рынка вызывали необходимость новых транспортных путей. Одновременно со строительством Днепровско-Бугского канала была проложена грунтовая дорога улучшенного типа от Слонима на Волынь²⁰. Появились новые дороги, соединявшие города Луцк, Владимир-Волынский, Ковель с Новоград-Волыньским и Житомирским. В 1861 г. было открыто Киево-Острожское, строились и вступили в действие Житомир-Бердичевское, Ровенское шоссе с твердым покрытием. Для защиты дорог от разливов рек строили дамбы.

В зависимости от напряжения движения, благоустроенности и специального назначения, все дороги в XVII—XIX вв. делились на три основные категории — почтовые, торговые и проселочные. Почтовые дороги имели регулярное пассажирское сообщение и специальную почтовую службу, почтовые станции (для постоя, для транспортных экипажей), комплексы хозяйственных и промышленных построек.

Торговые тракты играли важную роль в экономической жизни. Большая масса сельскохозяйственных товаров — хлеб, лен, пенька, сало, мед, воск — направлялись по ним на ближайшие ярмарки и торги; с другой стороны, соль, фабричные ткани, краски и другие промышленные товары поступали для нужд сельских жителей. Значительная часть сельскохозяйственных продуктов, местное сырье доставлялись к речным пристаням, откуда направлялись по Припяти и Днепру на юг в черноморские порты. Огромный поток товаров шел в зимний период из Пинска в Брест и далее на Варшаву. Брестские купцы, посредники торговли, нанимали в извозчики местных крестьян, которые в свободное от сельскохозяйственных работ время перевозили на своих подводах торговые грузы²¹. Летом торговые грузы в большом количестве перевозили в специальных фургонах или фурах. По широкому торговому трактам, которые пересекали Полесье с юга на север и связывали Украину с Белоруссией и Прибалтикой, прогоняли гурты скота, направляя его к прибалтийским портовым городам. Широкие тракты, специально приспособленные для прогона и выпаса скота, вели из Житомира на Могилев и из Волыни в Понеманье. По волинскому тракту прогонялось много скота на крупнейшие ярмарки в Зельву, Свислочь, Влдову.

Кроме того, важное экономическое значение в XVIII—XIX вв. имели и так называемые военно-коммуникативные дороги. Кроме целевого назначения они широко использовались для транспортировки торговых грузов и перевозок местного значения. Несколько таких дорог сходились в Бресте, Пинске, Ковеле. В восточной части Полесья они тяготели к Мозырю. К этим важным дорогам примыкало множество менее значительных проселочных путей, которые возникали в результате повседневной хозяйственной деятельности и имели существенное значение в жизни сельской провинции. Некоторые из них когда-то играли важную роль в межрайонных и даже в международных связях. В частности, одна из самых древних дорог, ведущая из Петрикова в Литву через Михедовичи и Слуцк, в XIX в.

оказалась совершенно запущена, и движение по ней осуществлялось на отдельных участках²².

Сухопутное сообщение на Полесье затруднялось песками, сильной заболоченностью, широкими и продолжительными разливами рек. Даже на почтовых и военно-торговых трактах проезд был связан с большим риском. На отдельных участках дороги оказывались под водой, и движение по ним прекращалось, а сообщение местного значения осуществлялось на лодках или плотах. Особенно опасны были переправы через реки. Часто лошадей с экипажем загоняли в воду у покатога берега, а пассажиров переносили по воде местные крестьяне-носильщики, для которых это занятие было своего рода промыслом. «Скорчивши ноги и уцепившись за шею услужливого полешука, странник в таком каррикатурном виде наконец достигает благополучно цели своего путешествия, щедро вознаграждая носильщика за труд»²³, — так рисует переправу через Припять один из местных корреспондентов в начале 70-х годов прошлого века. На речных переправах у Петрикова, Копат-кевич, Скригайлове и других существовала даже специальная служба носильщиков.

Наилучшим временем для сухопутного сообщения являлась зима. В этот сезон на Полесье возникало множество новых проезжих путей, которые вели от поселения к поселению, через непроходимые ранее болота и реки, в лес и на луга. В этот период крестьяне рубили и сплавливали лес, вывозили заготовленное летом сено.

Сухопутные транспортные средства соответствовали состоянию путей сообщения, отражая практические запросы хозяйственной деятельности и технические возможности времени. Сезонные амплитуды погодных условий определили бытование на Полесье двух конструктивных типов гужевых транспортных средств — колесных (летних) и полезных (зимних).

Полезный транспорт — сани — является более древним, о чем свидетельствуют как данные фольклора, так и множество археологических находок на территории Полесья. На своей прародине, отмечал исследователь славянских древностей Л. Нидерле, славяне пользовались только санями²⁴. В условиях заболоченности и боздорожья сани были более удобным видом транспорта и нередко использовались даже в летний сезон. Полозные виды транспорта Полесья не имеют значительных отличий от других регионов — две полусогнутые жерди, соединенные между собой поперечными планками. Прототипом саней послужили волокуши, в которые запрягали лошадь или вола. В условиях

Полесья даже летом волокуши разного типа широко использовались при заготовке сена, трелевке леса и лесоматериалов. Часто в качестве волокуши использовали также челн, запряженный волами²⁵.

Архаические сани имели две пары копылов и полозья с небольшим естественным изгибом. Эволюция конструкции саней шла по пути функциональной дифференциации / специализации с учетом тех или иных видов работы и транспортных перевозок. В зависимости от назначения сани можно разделить на обычные рабочие (розвальни), грузовые (кары, лесовозы) и выездные (возки).

В хозяйственной практике крестьян, особенно на востоке Полесья, наиболее широко употреблялись рабочие сани типа русских розвальней. Они состояли из двух невысоко загнутых впереди полозьев, соединенных между собой по копылам гибкими вязами. На концы копылов поверх вязов набивались «наклески» («наклесня», «на-маржня»). При перевозке сыпучих и малогабаритных грузов, а также при пассажирской езде на сани ставился плетеный короб или полукош²⁶. Постепенно их, кроме восточного Полесья, вытеснили «двойные» сани («подсанки»), которые наиболее приспособлены к природным условиям. Такие сани использовались и при перевозке леса. В этом случае на подсанки укладывали более тонкие концы бревен. Их клали поверх саней (и подсанок) на так называемые лисицы — толстые бруски, закрепленные поперек саней²⁷.

«Двойные» сани обеспечивали легкость и маневренность передвижения. Они наиболее часто используются в хозяйствах полешуков. Часто при трелевке, перевозке грузов вместе с подсанками использовались специальные грузовые сани — кары, или лесовозы. Они имели более массивные полозья с брусковыми поперечинами.

Выездные сани наиболее широко бытовали среди привелигированных слоев населения. Уютный, декоративно оформленный кузов их нередко подбивался изнутри сукном, бархатом или выстилался шкурами. Иногда такие возки имели закрытый верх. В крестьянской среде возки распространялись лишь в пореформенный период. В типичном варианте они представляли собой более легкую конструкцию рабочих саней со специально приспособленным для пассажирской езды кузовом. Кузов был обшит лубом или тонкими тесинами.

Летние транспортные средства, по сравнению с зимними, полозными, отличались большим разнообразием и требовали от мастеров больше труда и умения при их изго-

товлении. Именно поэтому наблюдались дифференциация и специализация по производству ободьев, колес, тех или иных типов повозок, железных деталей. По своему функциональному назначению летние гужевые средства передвижения можно разделить на те же три группы: рабочие, грузовые (лесовозы) и выездные. Телеги, или возы, кроме чисто сельскохозяйственных нужд, широко использовались для перевозки торговых грузов, полесской древесины к речным пристаням и даже к портам.

В хозяйственной практике полесских крестьян наиболее широко использовались простые рабочие телеги — дроги и мажары. Дроги не имели кузова, вместо него нередко использовался плетеный кош. Короткие ручки иногда имели гибкие полудужья, в которые зажимались неширокие бортовые доски.

В центральной и западной частях Полесья в конце XIX — первой половине XX в. наиболее распространенным типом рабочих возов была разводная («розворова») мажара со съёмными боковыми решетками — «драбинами». В «драбины» вкладывалась плетеная кошовка со спинкой сзади. Подвижное соединение переднего и заднего ходов давало возможность использования ее при перевозке леса. Мажара соединяла в себе функции обычной рабочей и грузовой повозки. Она чаще имела дышель для двухволовшей упряжки.

В центральном и западном Полесье возы имели свои особенности. Здесь все они — с дышлом и всегда без дуги; колеса, как правило, большого диаметра, что обеспечивало проезд по болотистым местностям. Полесские возы в большинстве своем были приспособлены для узких дорог, имели небольшие габариты (0,8 м ширина), однако были длиннее обычных (3—4 м)²⁸. Вплоть до XX в. они изготавливались из дерева, не имея почти ни одной железной детали. Ободья делали из гнутого дуба, ясеня, вяза, клена²⁹. На таких возах, запряженных волами, полешуки с успехом преодолевали бездорожье, даже пересекали вплавь глубоководные реки.

В восточной части Полесья преобладали возы с неподвижным соединением переднего и заднего хода, без дышла, с оглоблями. Такие возы вместо прямой соединительной «разворы» чаще всего имели изогнутую впереди и раздвоенную сзади тройню, которая фиксировала расстояние передней и задней части³⁰. Эти телеги были несколько короче западнополесских, имели дощатый или решетчатый кузов и, приспособленные для оглобельной упряжки, отличались легкостью и компактностью.

В производственном быту полешуков широко использовались также возы, специально приспособленные для трелевки и перевозки леса — «багулы», «люшні»³¹. Они имели простую конструкцию — состояли из низко посаженных переднего и заднего ходов, которые могли разводиться в зависимости от длины бревен. Задний ход имел дополнительный элемент — дугообразные «палонікі», которые насаживались с двух сторон на концы оси; передними концами они ложились поверх бревен и использовались для регулирования движения воза на поворотах. Конструкции рабочих и грузовых транспортных средств отличались рациональной простотой и целесообразностью.

Выездные повозки появились на более позднем этапе развития колесного транспорта и поначалу мало отличались от обычных рабочих повозок. Усиление культурно-экономических связей, улучшение дорог, налаживание почтовой службы вызвали заметное совершенствование выездных (пассажирских) транспортных средств. На почтовых трактах постепенно появились улучшенного типа экипажи — брички, кареты, кочи, фаэтоны, фурманки и др. Все они отличались внешним видом, размерами, конструктивными особенностями, являясь своего рода социальной меткой их владельцев. Брички имели более простой, открытый кузов на рессорах или без них и являлись типичными экипажами мелкопоместной и средней шляхты. Более привилегированные феодальные слои имели в своем распоряжении двух- и четырехместные кареты и кочи с крытым верхом.

Кузов поддерживался над колесной основой с помощью ремней или цепей, которые в XVIII — XIX вв. почти повсеместно были заменены железными рессорами. Что касается почтовых экипажей, которые использовались на регулярных маршрутах, то наиболее комфортабельными были кареты, берлинки, фаэтоны, ландо, дилижансы³². Для массового провоза пассажиров служили фурманки, многоместные экипажи, которые нередко имели крытый верх³³.

В крестьянской среде выездные повозки — брички начали распространяться лишь во второй половине XIX в. Прежде всего они появились в хозяйствах более зажиточных крестьян, сельских умельцев, однодворцев. Деревянные (дубовые) оси, простой кузов без железной оковки со специальной площадкой для ездовых, бортовые щитки, которые закреплялись над колесами, подножки, разного диаметра передние и задние колеса — таковы элементы, составлявшие типичные особенности крестьянских колымажек. Высокая спинка, сделанная в виде решетки или цельного щитка,

нередко расписывалась или украшалась художественной резьбой.

Основным тягловым животным на Полесье были волы. Они использовались для работы вблизи дома, для перевозки грузов на короткие расстояния. Волы ходили в ярменной упряжке: в парной (дысельной) использовалось двойное ярмо, в оглобленной — более легкое ярмо на одного вола.

При пассажирской езде и перевозке грузов на большие расстояния использовались лошади. Их активнее использовали на востоке Полесья, где они находили более широкое применение и на полевых работах. В транспортных экипажах лошади запрягались в оглобли. При перевозке более тяжелых грузов рядом в постромки («у прысцержку») припрягалась другая лошадь. Нередкой была и дысельная упряжка. Своеобразный способ упряжки отмечен в восточной части Полесья (Наровлянский р-н). Лошадь запрягалась здесь в постромки, вместе с тем для удобства управления (особенно при спуске с горы) телега была снабжена одной оглоблей; при перевозке тяжелых грузов оглоблю снимали и на ее место цепляли дышель для пароконной запряжки³⁴. Различия в отдельных районах Полесья обнаруживались и в упряжи: на востоке лошадей запрягали в хомут, на западе чаще использовалась шлея³⁵. Вся упряжь полесских районов отличалась простотой и скупостью украшений.

Типологическое разнообразие транспортных средств, их функциональная целесообразность, приспособленность к местным условиям Полесья свидетельствуют о богатых производственных традициях, которые сложились в процессе трудовой деятельности.

В конце XIX — начале XX в. водный и гужевой транспорт постепенно вытеснялся развитием железнодорожного транспорта. Формирование железнодорожной сети относится к 60—90-м годам XIX в., когда территорию Полесья пересекли линии Казатин — Бердичев — Брест, Киев — Ковель — Брест — Кенигсберг, Ромны — Бахмач — Минск — Либава, и наконец, Полесская, соединившая глубинные районы с Мозырем, Пинском, Брестом. Кроме основных на Полесье действовали линии местного значения, в том числе узкоколейки³⁶. Однако в связи с природными условиями Полесья железнодорожные линии не могли охватить всю территорию. Поэтому в отдельных районах, например, Вольни, гужевой транспорт играл важную роль, а количество транспортных лошадей даже возросло в 2,5 раза³⁷. С развитием железных дорог резко сократился чумацкий

промысел. Ходаковские чумаки, которые еще возили в степные районы смолу и деготь, были последними на Вольни³⁸.

Особенно бурно все виды транспорта начали развиваться в годы советской власти, что отвечало потребностям социалистического строительства СССР. Продолжалось строительство железных дорог. В годы первых пятилеток построена одна из важных линий Чернигов — Овруч — Житомир — Коростень — Гомель, которая соединила Украину и Белоруссию. С 1939 г. широким фронтом проводились работы по реконструкции железных дорог в западных областях Полесья. В настоящее время общая сеть только правобережного Полесья состоит из пяти главных и пяти местных линий³⁹.

Развитие народного хозяйства требовало улучшения и обновления водных путей. Строительство Днепрогэса сделало Днепр рекой сплошного судоходства. Важным шагом стала реконструкция Днепровско-Бугского соединения, произведенная в 1940 г., укрепившая взаимодействие местного Украинского Полесья с промышленными районами нашей страны. После Великой Отечественной войны был обновлен речной транспорт. Улучшены судоходные качества Днепровско-Бугского канала и рек, увеличено количество судов, возрос объем перевозок грузов и пассажиров. Но в связи с развитием других видов транспорта, в первую очередь автомобильного, удельный вес рек в перевозках стал незначителен⁴⁰.

В дореволюционное время, а в западных областях до 1939 г. автомобильного парка на Полесье не было, дороги были плохо приспособлены для движения автомобилей, протяженность их была недостаточной. В годы первых пятилеток и особенно после Великой Отечественной войны строятся дороги с твердым покрытием. Только в Черниговском Полесье длина автодорог увеличилась с 400 км в 1950 г. до 2400 км в 1970 г.⁴¹ Это же можно сказать и о других областях. Автомобиль и автобус стали здесь основным видом транспорта. Современная автодорожная сеть Полесья состоит из дорог республиканского, областного и местного значения. К числу важнейших относятся магистрали Киев — Ровно — Львов, Ровно — Луцк — Брест, Гомель — Калинковичи — Пинск — Брест, Винница — Житомир — Мозырь и др. На сегодня все областные и районные центры Полесья связаны автотранспортной сетью, организовано постоянное пассажирское автобусное сообщение областных и районных центров со всеми центральными усадьбами колхозов и совхозов.

Воздушный транспорт Полесья получил развитие в послевоенные годы. Все областные центры имеют современные аэропорты, постоянную связь с Москвой, Киевом, Минском, а также между городами областного значения. Значительно расширились линии местного значения, особенно с районами, удаленными от областных городов. Одновременно развивается авиация специального назначения (санитарная, сельскохозяйственная и лесная).

Итак, пути сообщения и средства передвижения за вековую историю претерпели значительные изменения. В зависимости от социально-экономических условий в разное время тот или иной вид транспорта сыграл определяющую роль в экономическом развитии края, повлиял на культуру и быт населения Полесья.

ПОСЕЛЕНИЯ

Типы поселений, как материальное выражение социально-культурной жизни, менялись и совершенствовались вместе с эволюцией человеческого общества. План поселений не является чем-то стабильным, застывшим. Под действием различных факторов поселения совершенствовались, меняли тип планировки. Села с бессистемной планировкой становились уличными, возникли села с комбинированными типами застройки, где отдельные углы не подчинялись общему правилу расселения дворов в селе и т. д. На Полесье в силу сложившихся обстоятельств, изолированности территории закономерности, правила, строительные тенденции одного периода очень часто сохранялись еще тогда, когда в свои права вступал уже последующий.

Социально-экономические отношения и способ хозяйствования, выработанный с учетом естественно-географических условий, а также традиционные устои играли основополагающую роль в формировании плана поселений, и потому типы планов находились в прямой зависимости от общественно-политических формаций, изменения которых влияли на уклад жизни населения.

Заселение Полесья началось во втором тысячелетии до н. э.¹ На сегодня мы не имеем достаточно данных, чтобы говорить о каких-то особенностях первых поселений Полесья. Как и всюду, в них нашли отражение условия жизни населения. Здесь и стоянки, обитатели которых добывали средства к существованию охотой, рыбной ловлей, собирательством, и более поздние поселения, относящиеся к середине II тыс. до н. э., связанные с возникновением животноводства и подсечного земледелия, и укрепленные поселения (городища), появление которых в первой половине тыс. до н. э. вызвано межплеменными войнами, связанными с борьбой за лучшие земли.

В I тыс. н. э. начинает распространяться более продуктивное пропашное земледелие, при котором наметилась тенденция к разложению первобытнообщинного строя и образованию малых семей. В итоге к концу дофеодалного этапа развития общества на Полесье преобладающей формой поселений становятся малодворные³.

При достаточном количестве еще не освоенных земель застройка велась бессистемно. Жилища располагались, как правило, небольшими группами, из которых складывалось селение.

Такая планировка получила название гнездовой («скупенной»). В ней нашли проявление сильные к тому времени патронимные связи, при которых кровные по происхождению семьи селились компактными группами (раскопанное поселение возле с. Скобичи Брестского р-на⁴, относящееся к VIII—X вв.).

Еще один фактор способствовал образованию бессистемно-гнездовых поселений — водный режим региона. Большинство поселений возникало на берегах рек. При отсутствии дорог река выполняла роль коммуникационной артерии.

Частые наводнения вынуждали выбирать места под жилье, не затопляемые водой. Такую же картину можно наблюдать и в более поздние периоды (XVI — XIX вв.) при образовании некоторых хуторов, поселков. Для этого типа поселений характерно незначительное количество дворов — от 5 до 20.

Потребность в упорядочении застройки возникла с ростом численности населения, в связи с ограничением количества пригодных площадей и появлением собственности на землю.

Упраздняется общинное землепользование, при котором вопросы планировки поселений, застройки усадеб регулировались выработанными принципами, обычным правом⁵ другими моментами, которые действовали на определенных территориях, имели локальный характер.

«Устава на волоки» (1557 г.) внесла свои коррективы раздел земель, что, в свою очередь, повлияло на планировку поселений. Толчком к переходу от малодворных с бессистемным размещением построек к поселениям укрупненным, с уже регулярной застройкой было усиление закрепощения крестьян. Конечно, далеко не каждое село было перепланировано или укрупнено, хотя тенденция к укрупнению поселений в этот период проявилась⁶. Семи-, десятидворные поселения объединились в относительно большие села — из 30—80 дворов. Этот процесс мог происходить ка

Бессистемная застройка части села. С. Красин Сарненского р-на Ровенской обл. 40—60-е годы XIX в.

следствие разрастания и слияния рядом лежащих поселений или переселения несколько малодворных на одно место.

В том случае, когда закладывалось новое поселение, оно получало регулярную структуру благодаря введению землераздела. Однако следует отметить, что еще до введения «Уставы на волоки» встречались поселения с регулярной застройкой⁶, сформировавшиеся под воздействием географического фактора. Жилища и хозяйственные постройки размещались в ряд, по одну сторону дороги, как в поселении, раскопанном у Райковецкого городища⁷. Такой же тип планировки встречается и у некоторых деревень, азложенных на основе «волочной померы», как, например, с. Степное (бывшая Юриновка) Ямпольского р-на⁸. Этот тип планировки, получивший название «рядовой», сохранился в отдельных селах вплоть до начала XX в.⁹

Основная же масса «волочных» деревень застраивалась по обе стороны улицы. Если крестьянин брал одну волоку, то на одной стороне улицы возводилась хата и теплые хозяйственные постройки, на другой¹⁰ — холодные: гумна, амбары, оборogi. С увеличением численности населения и дроблением семей жилые постройки начали строить и на противоположной стороне улицы.

Исключение составляли уже разросшиеся бессистемные поселения, заниматься перепланировкой которых было экономически невыгодно или же на которые «Устава на волоки» не распространялась. К последним относятся и «околицы» — поселения шляхты, имевшей право собственности на землю¹¹. Во многих «околицах» дворы были разбраса-

ны так, что в них трудно было въехать, а еще труднее выехать¹².

В поселениях с бессистемной застройкой образуются со временем постоянные коммуникационные связи — проезды, которые позже застраивались по обе стороны и как бы получали статус улицы, что в итоге привело к бессистемно-уличной застройке некоторых поселений.

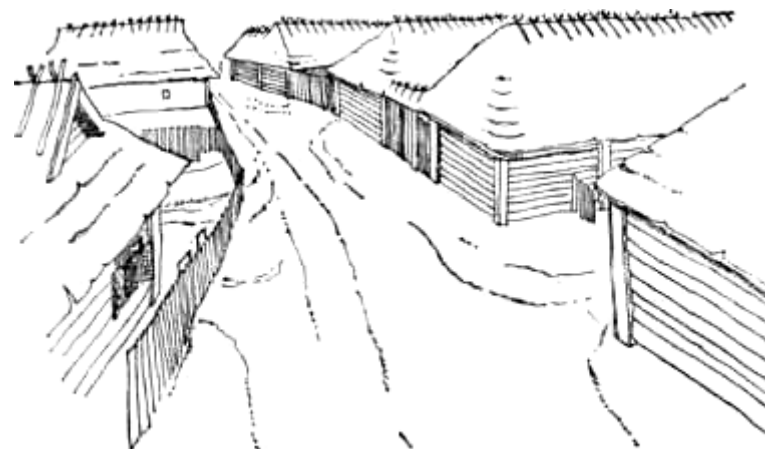
С ростом населения и разделом больших семей начала меняться структура некоторых поселений. Уплотняется застройка за счет возникновения новых дворов. Как правило, новой семье выделялось место на отцовском участке. При значительных размерах надела под новую застройку выделяли место у дороги и участок делили в продольном направлении. В дальнейшем под новые хозяйства могла отводиться земля в глубине участка, что приводило к образованию переулков, обеспечивающих проезд. Поэтому можно говорить о патронимном происхождении так называемого гребенчатого плана поселения, возникшего на основе одноуличного¹³.

После реформы 1557 г. вплоть до начала XX в. заметного усовершенствования планировочной структуры сельских поселений Полесья на общегосударственном или административном уровнях не проводилось.

Новые социально-экономические отношения слишком медленно проявлялись и в изменении планировок поселения. Те же планы сел, хотя уже начинает обозначаться центр села. Школы, волостные управы, магазины, корчмы, общественные амбары, церковная усадьба формируют своеобразный общественный центр.

Подобный центр имелся не в каждом селе. Если же он был, то не всегда в нем присутствовали все общественные сооружения. Такие сооружения могли также быть и разбросаны по селу. Тем не менее новые формы общественной жизни способствовали формированию пусть по-разному, но обозначенных центров сел. Здесь и обыкновенное расширение улицы, вплоть до создания площади (села Тимоновичи, Погорельцы Семеновского р-на), или центр образовался на перекрестке улиц (с. Михальчипа Слобода Новгород-Северского р-на, с. Хочино Олевского р-на), или при ответвлении переулка (с. Велимче Ратновского р-на).

Эти новые формы центра села свидетельствовали о том, что начала меняться структура застройки. Дороги связывали уже не только поселения с основными путями сообщения, но и близлежащие села друг с другом, так что составным элементом даже одноуличных сел становится перекресток (иногда Т-образный). Появление новой дороги, 9

Застройка села. С. Великая Фосня Овручского р-на Житомирской обл. XIX — начало XX в.

в селе — новой улицы не всегда существенно меняло общую картину расселения. На новой улице размещалось незначительное количество дворов. На Полесье традиция поселения вдоль основной улицы была довольно устойчивой, переулки в глубину застраивались медленно. Чаще можно наблюдать картину образования новой улицы параллельно или под углом к основной. Раньше это мог быть проезд вдоль наделов к гумнам, как это произошло в селах Погорельцы Семеновского р-на, Пнивное Камень-Каширского р-на и целом ряде других. При этом главенствующей оставалась улица, которая выполняла роль тракта и на которой находились общественные постройки. Так возникли двух-, трех- и реже четырехуличные поселения.

Зарождение кулачества и земельная реформа (1907—1916 гг.) дали дополнительный толчок к распространению хуторов. Хуторские поселения имели место во все периоды общественного развития. На карте, составленной М. З. Козакевичем¹⁴ видно, что поселения хуторского типа были распространены на всей территории Полесья.

Природа и период возникновения этих поселений очень разнообразны. Здесь и поселения, возникшие во время заселения территории, и в период феодализма, и кулацкие поселения периода столыпинской реформы, и поселения первых лет советской власти. Несмотря на то что реформа 1907—1916 гг. способствовала образованию хуторов, они возникали далеко не при каждом селе. На Полесье сильны были традиции общественного землепользования, что

способствовало компактному размещению строений. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в некоторых селах восточных районов Полесья фрагменты компактной застройки, относящиеся к концу XIX — началу XX в. (села: Великая Фосня Овручского р-на, Погорельцы Семеновско-1 го р-на, Чаплеевка Ямпольского р-на и др.), с минимальными — в 2—3 м — разрывами между постройками.

Проникновение капиталистических отношений существенных изменений в структуре сельских поселений не вызвало, но некоторые из сел взяли на себя функцию посредника между городом и селом. Это, как правило, большие села, находящиеся на основных путях сообщения и обеспечивающие товарами определенную группу поселений. Здесь размещались лавки, мастерские, заезжие дворы (села Нивное, Стобыхва, Камень-Каширского р-на, Степовое Ямпольского р-на, Чаплиевка Шосткинского р-на, Погорельцы Семеновского р-на и др.).

Торговля сосредоточивалась в основном в руках мелких торговцев, зачастую непосредственных производителей товаров. Большинство из них объединяли ремесло с земледелием, и их усадьбы ничем не отличались от усадьбы простого крестьянина. Только разбогатевшие торговцы или ремесленники из престижных соображений возводили более крупные здания.

Раньше роль поставщика ремесленных товаров населению выполняли города и местечки — переходная форма между городом и сельским поселением, отличающаяся от города меньшими размерами и отсутствием городских оборонительных сооружений. Строились они на торговых путях, у замков феодалов, которым принадлежали и где во времена опасности укрывались жители.

Городские поселения на Полесье начали формироваться в период возникновения и развития феодального строя на основе старых укрепленных поселений и вблизи мест, имеющих оборонно-стратегическое и торгово-экономическое значение¹⁵. К древним городам, возникшим на Полесье еще во времена Киевской Руси, относятся Чернигов, Новгород-Северский, Овруч, Путивль, Владимир-Волынский, Туров, Пинск, Брест, Мозырь и др.

Ядро города обычно составлял детинец, позже — замок, где находилось жилище феодала, размещались различные службы. Ремесленники и торговцы селились в «окольном городе». Как и детинец, окольный город имел свои оборонительные сооружения.

Развитие городской структуры носило на первых этапах стихийный характер. Когда городу становилось тесно в ста-

рых стенах, возникал пригород, вокруг которого, в свою очередь, сооружались оборонительные сооружения: валы, стены, рвы, башни.

Сеть улиц обычно была сориентирована на детинец или городскую площадь, но единой планировочной схемы у древнерусских городов не было.

На западных территориях, которые с середины XIV в. находились под властью литовских феодалов, а позже — шляхетской Польшей, ряд городов, достигнув политической и экономической зрелости, получали право на некоторую самостоятельность — городское самоуправление согласно так называемому Магдебургскому праву¹⁶. Магдебургское право предъявляло свои требования к городской застройке. В городах появляется прямоугольная рыночная площадь, габариты и характер строений регламентируются установленными требованиями.

Судя по дошедшим до наших дней фрагментам застройки XVII—XIX вв., архитектура домов, лавок, мастерских центральной части поддавалась веяниям архитектурных стилей и моды. Строения окраин мало чем отличались от традиционных крестьянских.

Композиционным центром становится рыночная площадь с ратушей — универсальным сооружением, выполняющим одновременно несколько функций. Здесь размещалось городское самоуправление (магистрат), суд, тюрьма, помещения первого этажа могли арендоваться под торговые лавки.

В домах, выходящих на площадь, функции были совмещены. Это одновременно торговые или производственные помещения и жилье. Обязательно присутствие в этом ансамбле корчмы и заезжего двора.

Население в городах не было однородным по своему этническому составу. Поэтому кроме ратуши и церкви над рядовой застройкой может возвышаться католический костел и синагога.

В XVIII—XIX вв. для некоторых городов восточной части Полесья разрабатываются планы переустройства городской застройки. Закладывается регулярная уличная сеть, которая приобретает геометрическую четкость¹⁷, исчезают оборонительные сооружения, особое значение придается центру города. И хотя многие планы не были реализованы, многие в процессе воплощения в силу ряда причин претерпели изменения, нельзя отрицать их положительного влияния на совершенствование планировочных городских структур.

Из поля зрения архитекторов-профессионалов выпадали местечки и села, застройка которых и далее происходила стихийно.

Первый советский закон о земле 1917 г. упразднил частную собственность на землю и ее природные богатства, предоставил на выбор различные формы землепользования: хуторскую, подворную, общественную и коллективную.

Хуторская, подворная и общественная форма землепользования были известны и раньше, определив формирование названных типов поселений. С первых лет советской власти выделение новых участков под застройку осуществляли местные Советы. Обязанность контроля за планировкой поселений была возложена на наркомземы. Были разработаны рекомендации и типовые проекты застройки сел, направленные на ликвидацию недостатков планировки дореволюционного села. Начались работы по проектированию колхозных сел.

Перестройка сельского хозяйства не сразу привела к изменениям планировочных структур поселений. Сказывалась экономическая отсталость Полесья, сложившаяся исторически в этом краю лесов, рек, озер и болот. Вопросы перестройки, перепланировки сел, упорядочения их планировочных структур были отнесены на второй план. На практике все сводилось к качественным изменениям непосредственно самой застройки и к включению хозяйственных комплексов и общественных сооружений в исторически сложившуюся застройку сел.

Наметилась тенденция к уменьшению общего количества хуторских поселений, но следует сказать о пульсации этого процесса. Большое количество хуторов, возникших после реформ царского правительства 1907—1916 гг., было частично дополнено в 1918—1926 гг. вновь возникшими хуторами на бывших помещичьих землях. Хотя при распределении земель, согласно декрету ВЦИК «О реализации земель» от 27 ноября 1918 г., преимущества отдавались трудовым сельскохозяйственным коллективам, по урочищам и заимкам снова закладывались хутора. Этот процесс был приостановлен и пошел на спад в связи со взятым страной после XV съезда ВКП(б) 1927 г. курсом на коллективизацию сельского хозяйства и форсированием в связи с этим работ по землеустройству.

В западных районах процесс развития хуторских хозяйств и далее всячески поощрялся правительством буржуазной Польши. Здесь проводился курс на развитие индивидуальных хозяйств — «комасацию» (выделение на хутора) и «парцеляцию» (распродажа земель). С 1923 по 1939 г. на

Волыни из 918 сел отошли на хутора 193 655 хозяйств. Аграрная политика, проводимая польскими властями, была направлена на защиту интересов крупных землевладельцев, а также колонизацию восточных территорий.

С воссоединением в 1939 г. с Советской Украиной земли западного Полесья включились в процесс экономического обновления края, который прервала агрессия фашистской Германии.

На Полесье война не пощадила ни одной деревни. Более двух третей жилищ были уничтожены. Пострадали и производственно-хозяйственные комплексы, и культурно-бытовые сооружения. Советский народ по мере освобождения своих территорий приступал к восстановлению разрушенного хозяйства.

Недостаточное количество квалифицированных кадров, занимающихся вопросами архитектуры села, отсутствие исходных материалов привели к тому, что вопросы планировки поселений были пущены на самотек. В лучшем случае ограничивались схемой планировки поселений. Это, в свою очередь, повлекло за собой новую волну распространения хуторов.

Начиная с 50-х годов ширится движение за укрепление колхозов. Старые формы хозяйствования не обеспечивали необходимого уровня производства сельскохозяйственной продукции, получившая широкое распространение хуторская система расселения сдерживала упорядочение колхозных полей, применение новых форм обработки земли, не позволяла концентрировать производственные и энергетические мощности, утрудняла их обслуживание, влияла на удорожание инженерного и коммунального обеспечения поселений. В силу этих причин многие малодворные поселения лишены были учреждений культурно-бытового обслуживания. Предстояла большая работа по формированию колхозных сел с благоустроенными жилыми кварталами, хозяйственно-производственными зонами и культурно-бытовыми центрами. Особенно сложной была ситуация в западных областях Полесья — Ровенской и Волынской, где еще в середине 50-х годов поселения с хуторами составляли более 50 % общего количества поселений, а общая численность хуторов в этих областях по сравнению с Киевской и Житомирской областями была выше в 10—20 раз.

Необходимо было на основе тщательного анализа определить наиболее перспективные поселения в границах конкретных районов, изучить их возможности. Эти задачи должны были решать проекты районных планировок. Но на

практике все сводилось к массовому, не всегда оправданному выселению из хуторов. При этом колхозники сами выбирали место под строительство новой усадьбы. Г. Ю. Стельмах («Историчний розвиток сільських поселень на Україні») приводит примеры самостоятельного решения колхозниками планировки в селах Волынской, Житомирской, Киевской и других областей, где новая застройка развивалась в старых традиционных формах — возникали дополнительные улицы, параллельные основной, новые переулки, удлинялись старые¹⁸.

Для сел Полесья характерным было удлинение основной улицы, как это случилось, например, в селах Имшана и Гирное Середино-Будского р-на Сумской обл. или в с. Каленском Коростенского р-на Житомирской обл.

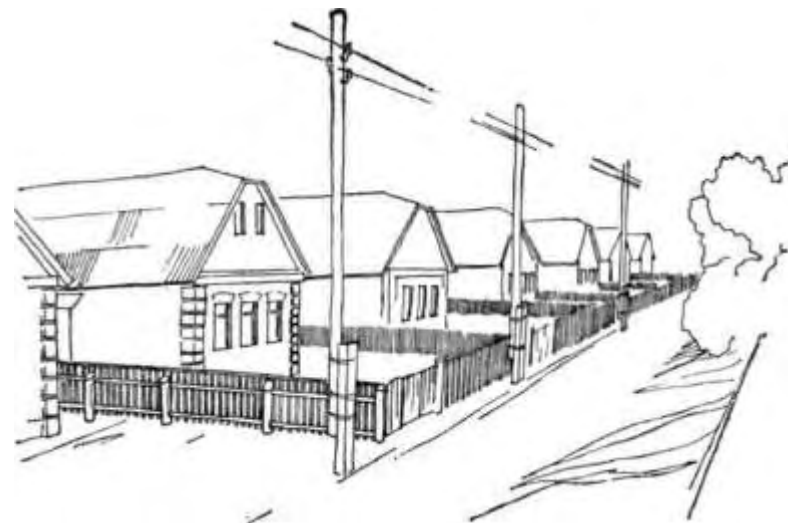
В ряде случаев планировки разросшихся поселений не учитывали возможностей и потребностей перспективного развития, не отвечали возросшим требованиям, вели к удорожанию работ по инженерному обеспечению застройки и ее благоустройству.

Работа по устранению недостатков в планировке и строительстве сельских населенных пунктов целенаправленно была развернута после совместного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г., которое указывало на назревшую необходимость в переходе на типовое проектирование и внедрение типовых проектов в практику строительства.

При планировании жилой зоны была взята ориентация на квартальную застройку. Жилье размещалось по периметру квартала, ближе к улице. В глубине участка размещались хозяйственные постройки. Предпосылки к подобным образованиям можно было наблюдать и раньше. Так, в планировке двух или более уличных сел, развившихся самостоятельно из одноуличных или гребенчатых, видим ряд общих признаков. Нельзя не учитывать при этом и влияние городского строительства, в котором квартальная застройка сформировалась значительно раньше в условиях стесненного пространства, с учетом обеспечения жизненных потребностей населения и нормального функционирования городского организма в целом.

Значительное влияние на организацию застройки сел оказал опыт строительства первых совхозов и колхозов. Особенно это сказалось на усовершенствовании функционального зонирования территории поселений, упорядочении связей жилой застройки и производственных зон.

В первые десятилетия колхозного строительства критерием размещения общественно-хозяйственного двора или

Застройка современного полесского села.

отдельных его сооружений служило наличие свободной территории вне зависимости от того, где она находилась. В поселении создавались очаги антисанитарии, источники шума. Иногда производственно-хозяйственные сооружения были разбросаны по селу. Явления рассредоточенного размещения сооружений производственного характера можно наблюдать в селах Михальчина Слобода и Дегтяревка Новгород-Северского р-на, Четвертя Маневичского р-на и ряде других.

Анализ современного строительства свидетельствует о двух основных направлениях в организации сельскохозяйственной деятельности: 1) укрупняются производственные зоны, совершенствуются их связи с жилой застройкой; 2) продуктивно используются бросовые земли и сохраняются малодворные поселения и хутора (этому способствуют распространяющиеся семейный и бригадный подряды).

С целью определения наиболее удачных вариантов сельской застройки, а также проектов отдельных жилых, хозяйственных, общественных торговых и других зданий практикуется экспериментально-образцовое строительство, которое ведется комплексно. Одновременно возводятся производственные объекты, общественные сооружения и жилищная застройка.

В 50—70-х годах застройка жилых зон в основном велась по квартальной схеме. Как показала практика, несмотря на целый ряд преимуществ, при решении чисто технических вопросов не удалось избежать некоторого однообразия застройки в целом. В последнее время для разнообразия сельской застройки рекомендуется использование и чередование разнообразных планировочных решений, большинство из которых возникло на основании традиционных приемов.

Значительное внимание уделяется реконструкции и включению в современную структуру сел застройки, сложившейся исторически, представляющей собой историческую, культурную и архитектурную ценность.

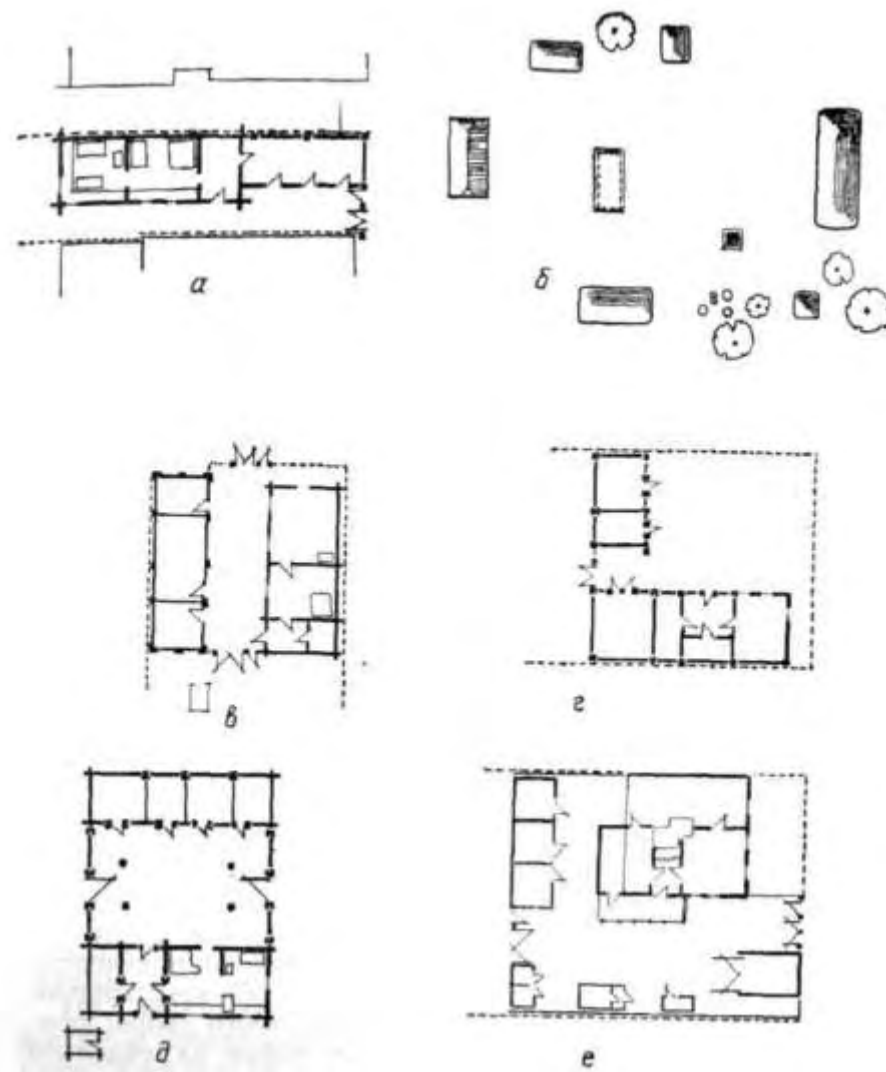
Сегодня много средств и усилий направляет партия и правительство на преобразование жизни на селе, улучшение условий труда и быта колхозников, видя в этом один из важнейших факторов успешного решения экономических и социальных задач, стоящих перед нашим обществом на современном этапе его развития.

УСАДЬБА

Сегодня много средств и усилий направляет партия и правительство на преобразование жизни на селе, улучшение условий труда и быта колхозников, видя в этом один из важнейших факторов успешного решения экономических и социальных задач, стоящих перед нашим обществом на современном этапе его развития.

В комплекс крестьянского двора кроме хаты входили хозяйственные постройки, количество которых определялось не только зажиточностью крестьянина, но и характером хозяйственного индивидуального производства. Для обеспечения всех его процессов крестьянин должен был иметь помещения для размещения и обработки сельскохозяйственной продукции, содержания скота, хранения продуктов питания, семян, сельскохозяйственного инвентаря, предметов быта и утвари. Но так было далеко не во всех хозяйствах.

В большинстве случаев различные по функциональному назначению помещения совмещались, а иногда тяжелое экономическое положение вынуждало крестьянина обходиться одной постройкой, в которой содержался весь скот, проводился обмолот зерновых, хранились сено, инвентарь, инструменты, телеги.

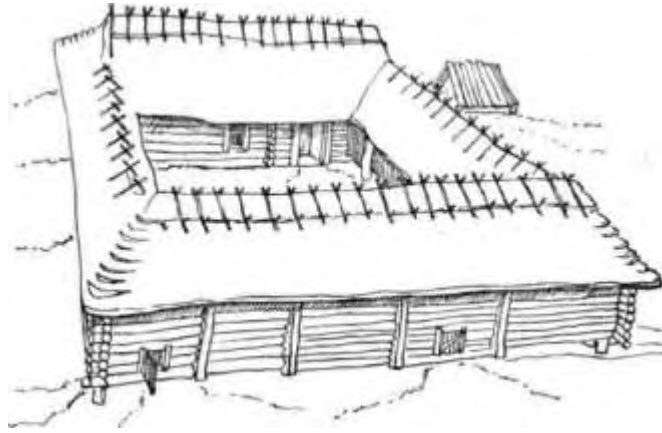

Типы застройки усадеб.

a — однорядная, *б* — свободная, *в* — двурядная, *г* — Г-образная
о — замкнутый двор («пидварок»), *е* — современная застройка двора.

Порядок размещения хозяйственных построек относительно хаты и друг друга, как правило, по совокупности основных особенностей составлял тот или иной тип усадебной планировки.

К концу XIX — в начале XX в. одним из наиболее распространенных был двор с однорядной застройкой (по гонного типа).

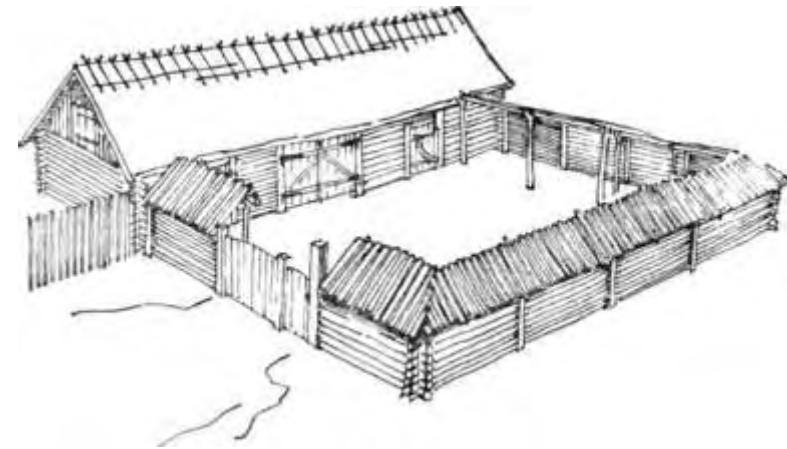

«Пидварок».

В системе размещения построек наблюдалась устоявшаяся последовательность, в основе которой лежит стремление строить хлева для содержания животных в удалении от жилого помещения. Например, двор Игната Корзуна, проживавшего в 1912 г. в с. Дворец (ныне Лунинецко-го р-на), в котором хозяйственные постройки располагались в следующем порядке: хата + сени + истепка + амбар-амбарчик + повець — коровник + телятник + конюшня + сеновал + овчарня + свинарник + шопа. Такая последовательность была типичной, хотя и случались отклонения, но во всех случаях и при всех модификациях, имеющих индивидуальный характер, животноводческий комплекс всегда располагался компактно и неизменно следовал за так называемыми чистыми постройками. Количество и качество их зависело от материальных возможностей крестьянина.

Распространенность однорядного погонного двора, формирование компактной дворовой застройки из отдельно стоящих сооружений объясняется древними строительными традициями, а также условиями жесткого землераздела на основе «Водочной померы». Экономное отношение к земле приводило к малым разрывам между сооружениями. Со временем эти промежутки перекрывались навесами, крышами, дополнялись стенами.

Дворы с однорядной застройкой встречались по всему Полесью, но особенно часто в северных районах, где при более холодном климате, из соображений меньших теплопотерь как жилья, так и некоторых хозяйственных сооружений выгоднее было размещать строения под одной крышей.

Замкнутый хозяйственный двор. С. Лучанки Овручского р-на Житомирской обл. 50-е годы XX в.

Для южных районов более характерны дворы с отдельно стоящими постройками. В чистом виде такой двор встречался редко, как правило, многие строения блокировались.

К началу XX в. дворы с несвязанными строениями встречались в основном на хуторах и в поселках.

Следующим этапом эволюции плана усадьбы с несвязанными постройками было более компактное размещение хозяйственных и жилых помещений и образование хозяйственного двора с периметральной П-образной двухрядной и реже с Г-образной расстановкой строений, которая отличалась от однорядной застройки наличием хозяйственных построек, размещенных перпендикулярно к основной группе.

При периметральном (веночном) типе застройки все жилые и хозяйственные строения располагались по периметру приближенного к квадрату прямоугольника, образуя комплекс построек с двором в центре.

В северо-восточных районах Черниговской обл., в частности в с. Дегтяревка Новгород-Северского р-на, встречаются усадьбы с периметральной застройкой конца XIX — начала XX в., где жилье находится в глубине участка. Переднюю линию застройки от улицы образует навес («повітка», «шопа»), где распрягали лошадей, хранили сбрую, инвентарь.

Подобные сооружения бытовали в жилищном комплексе русских, поэтому наличие их на Черниговщине вполне закономерно.

Вдоль южной границы западного Полесья шириной 10—15 км проходила зона интенсивного распространения «пидварков», где воплощен принцип периметральной планировки с той лишь разницей, что все строения размещены значительно компактнее и соединены общей крышей. Открытые со стороны звора навесы («шопы») служили укрытием для орудий труда, телег, саней, дров. Они также выполняли функцию санитарного барьера между жильем и постройками для скота. Для «пидварков» характерно двое ворот, которые обеспечивали в условиях узкого двора сквозной проезд. И сегодня на хуторах в традиционном жилище можно встретить «пидварки» в селах Датынь и Величье Ратновского р-на. Исследователи видят в них отзвук древнего оборонительного зодчества²⁰.

Бытовали также замкнутые хозяйственные дворы, где жилые постройки стояли обособленно²¹. Причем встречались они не только на хуторах, а и в застройке поселений. Своего рода подосновой для их образования, очевидно, послужил традиционный земельный раздел, встречавшийся во многих селах вплоть до начала XX в., при котором хозяйству выделялась земля по обе стороны от дороги. По одну сторону строились жилые сооружения, а по другую — хозяйственные. Со временем разбросанные хлева, шопы, овчарни объединились в единый комплекс заборами, дополнительными навесами. Это позволяло содержать двор перед жильем в безопасности и чистоте.

Широкого распространения такие дворы не имели. Но традиция сохранилась, и сегодня можно встретить усадьбы подобной планировки в Овручском р-не, построенные в 50—70-е годы.

П-образная (трехсторонний венок) и двухрядная (двухрядный погонный двор) застройки формировались под воздействием тех же факторов, что и периметральная, с той лишь разницей, что в первом случае одна, а в другом — две стороны (как правило, от улицы и от города) не застроены. Наряду с однородной застройкой наибольшее распространение получила двухрядная застройка, особенно на восточном Полесье.

При двухрядной застройке в одном ряду размещалась хата с сенями и коморой. На противоположной стороне плотным рядом располагались хозяйственные сооружения: коровник, телятник, овчарня, свинарник, поветь для дров и сельскохозяйственных орудий. Со стороны улицы двор замыкался воротами и калиткой, а от «пригуманья» — низкой изгородью с воротами для проезда на огород и к гумну. В некоторых деревнях ворота отсутствовали, и двор со сто-

ны улицы был открытым. Строения стояли, как правило, перпендикулярно к улице и лишь в редких случаях при ее неблагоприятной ориентировке (восточно-западной) могли размещаться параллельно к ней. Очевидно, подобное планировочное решение возникло на основе необходимости ориентации жилья как можно большим количеством окон на юг при уже заданном направлении дороги.

Возникновение рассмотренных форм усадеб было вызвано дроблением земельных наделов в период феодализма и капитализма и приводило к чрезмерной скученности застройки. Нередко расстояние между строениями соседних усадеб в результате разделов и переделов не превышало 2, а в отдельных случаях — 1 м.

С первых лет советской власти начался пересмотр многих планировочных решений усадеб. Но процесс этот имел несколько замедленный характер. Поэтому и сегодня в отдаленных селах можно встретить участки старой плотной застройки.

Создание колхозов и совхозов в 30-х годах на восточном и в 40-е годы XX в. на западном Полесье вызвало изменения в планировке усадьбы крестьянина. Широкое распространение в последние десятилетия получил двор с несвязанными постройками или объединенными в два блока: хозяйственный, состоящий из помещений для содержания скота и птицы, хранения хозяйственного инвентаря и топлива, и бытовой — из летней кухни, погреба или кладовой и гаража. Бытовой блок размещают как можно ближе к жилью или пристраивают к нему.

Изменения в структуре усадьбы колхозника были обусловлены коллективизацией и в этой связи обобществлением орудий труда, тягловой силы и некоторой части продуктивного скота, строительством животноводческих и производственных комплексов, что привело к перемещению основных производственно-хозяйственных процессов со двора крестьянина на колхозную и совхозную усадьбы.

ЖИЛИЩЕ

Полесское жилище длительное время сохраняло архаические черты древнего народного строительства²², что обусловлено не только низким экономическим уровнем развития крестьянского хозяйства на всех предыдущих этапах экономического развития, но и естественно-географической изолированностью. До недавнего времени здесь можно было встретить уже отсутствующие в других регионах

конструктивные и планировочные приемы сельского строительства.

Основой для классификации жилища служит планировочная структура, в которой отражаются особенности быта населения. Такие компоненты, как вертикальное развитие жилища, конструктивные особенности его отдельных частей характеризуют уровень развития строительной техники и культуры на том или ином этапе.

Планировка полесского народного жилища развивалась, как и у всех восточнославянских народов, от однокамерного к двух- и трехкамерному и к последующим типам сложной современной планировки, с учетом сохранения особенностей строительства региона.

Если почти повсюду однокамерный тип жилища был уже редкостью, то на Полесье, особенно в Олевском, Ов-ручском, Рокитновском районах в конце XIX в. он еще широко бытовал на фоне более сложных планировок. Отдельные строения начала века, позже переоборудованные под хозяйственные, можно встретить и сегодня в отдаленных селах (таких, как Познань, Глинное Рокитновского р-на, Лучанки — Овручского).

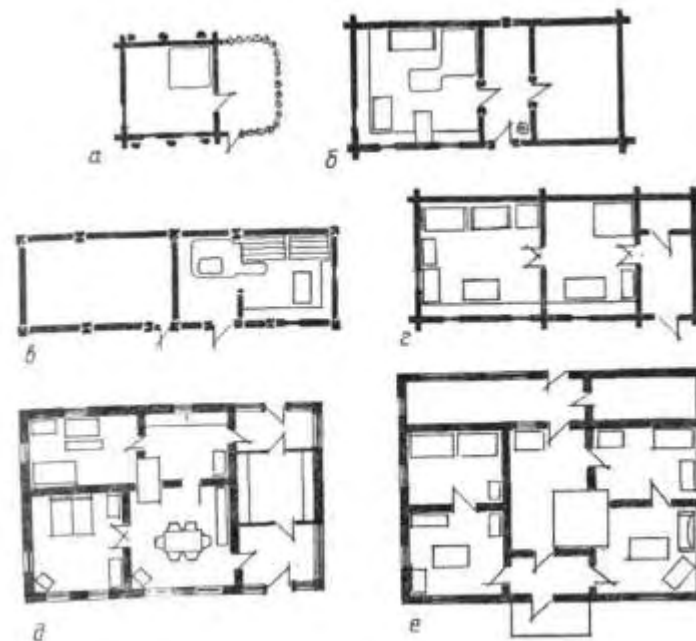
Этот тип планировки жилища относится к самым давним, хотя и он претерпел в процессе эволюции много изменений: здесь и отказ от углубления в землю, и изменение высоты сруба, конструкций, материала покрытия, изменения формы очага (печи).

Первый шаг в планировочной эволюции жилища — двухкамерное жилище—хата + сени. Очень часто сени возводились позже, когда хата уже была возведена. Им не придавалось особого значения. Возводили их и в сруб, и в «шулы», из менее качественного материала²³, иногда ниже основного сруба и, как правило, без потолка.

В сенях двухкамерного жилища часто отгораживали вдоль или поперек их истепку («степку»). Но поскольку размер истепки незначителен и ощутимых изменений в организацию внутреннего пространства не вносил, в отдельный планировочный тип подобные сооружения не выносятся, тем более что истепка могла быть сооружена значительно позже основного строения.

Трехкамерный тип жилья на Полесье представлен в основном тремя видами: хата + сени + комора, хата + сени+ хата, хата + хата (кухня)+сени.

Первый из них известен давно в строительной практике восточнославянских народов²⁴ и был широко распространен на всей территории Полесья. В северо-западных районах бытовала хата с подсенями. Ее особенностью было то,

Типы планировок жилищ.

а — двухкамерное жилище, б — трехкамерное жилище, в — переходной тип, г — хата-пятистенка, д, е — современная планировка жилищ.

что комора и сени занимали только 2/3 ширины жилища. Подсени использовались для мелких хозяйственных работ в летнее время и в сумерки, а также для отдыха. Хаты с подсенями встречаются и теперь, а в прошлом, по утверждению старожилов, лет 80—100 тому назад преобладали.

Второй тип был менее популярным и сформировался в результате приспособления помещения коморы для проживания новой семьи.

С приходом капиталистических отношений усилилось социальное размежевание в самом крестьянстве, что не замедлило сказаться и на жилищном строительстве. Наряду со старыми, стандартными размерами жилого помещения (от 3,2Х3,4 до 4Х4 м) в отдельных зажиточных хозяйствах размеры сруба жилья увеличиваются до 5,5х6,6 м. С ростом уровня жизни наметилась и тенденция к размежеванию мест с различными функциями в жилом помещении. Выделение отдельных помещений выразилось внача-

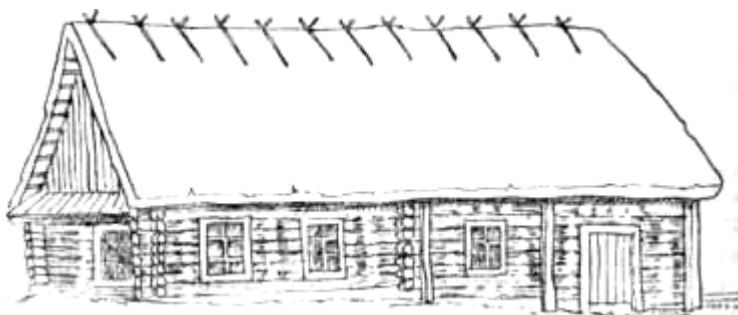

Однокамерное жилище.

ле в трансформации формы печи. На смену курной и обыкновенной печи с дымоходом пришла так называемая «русская печь» с пристроенной «грубой» или отдельно стоящим стояком, которая отделяла спальное место в жилом помещении.

Увеличение плана жилища и его функциональный раздел на кухню и хату в итоге привел к конструктивному разделу помещений на хату, кухню и сени, вначале с помощью нескольких балок с кирпичным заполнением, позже — деревянного простенка с дверным отверстием.

В послевоенные 50—60-е годы XX ст. с ростом экономического благосостояния хозяйств острее стала тен-

Трехкамерный жилой дом.

Современный жилой дом.

денция к функциональному разделу объема жилища на отдельные помещения: кухню, жилую комнату, спальню — одну или две. План получает развитие не только в длину, но и в ширину.

Некоторые жилые постройки 60—70-х годов являют собой как бы два сблокированные трехкамерные сооружения, приспособленные для проживания одной семьи. В современных постройках более дифференцированно подходят к разделу внутреннего пространства жилого дома. Значительная часть отводится под парадную комнату и спальню. Отапливаются эти помещения печами, топки которых стараются вывести в кухню.

Кирпич, который интенсивно начали применять в 70—80-е годы, более гибко позволяет решать вопросы внутренней планировки, что привело к новым планировочным решениям.

Введение в сельское строительство строительных норм и правил привели к ускоренному процессу усовершенствования сельского жилища. На первый план выступают функциональная целесообразность, экономичность. При закладке нового дома пользуются, как правило, типовыми проектами, приспособляя их к потребностям конкретной семьи. В то же время используются традиционные приемы народного строительства при устройстве некоторых помещений, печей, в декоративном оформлении интерьера и экстерьера.

Конструкции. Основным строительным материалом, из которого выполняются почти все конструктивные элементы и детали жилища на Полесье, издавна была древесина. От-

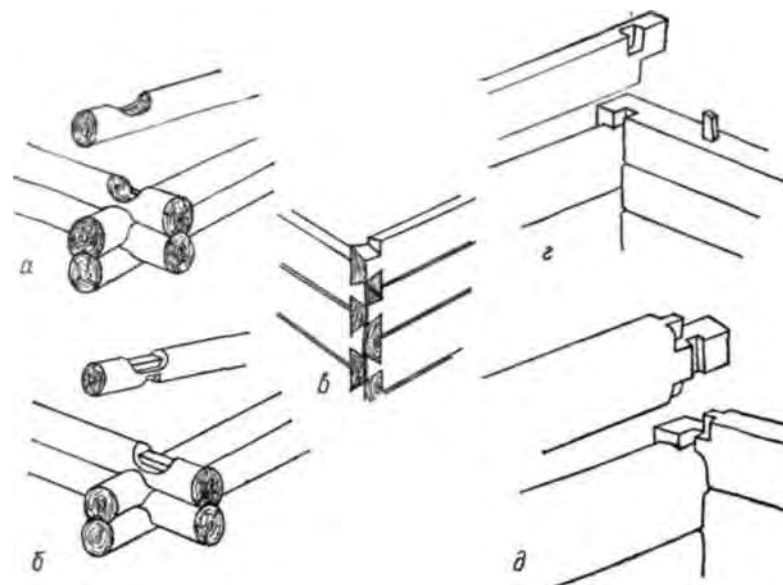
носительно легкая обработка, достаточная прочность, технологическая гибкость, хорошие теплоизоляционные свойства подняли ее до уровня универсального строительного материала. Фундамент, сруб, крыша, пол, потолок, двери, фронтоны, крыша — все делалось из древесины (сосна, дуб, режа — осина, береза). В большинстве районов преимущественно отдавали сосне, хотя в ряде сел (Калеевка Шосткинского р-на, Михальчина Слобода Новгород-Северского р-на) дом из осины, построенный на сухом месте, считался суше, теплее, долговечнее. На особо ответственные части строения — фундаменты, подвалы, тыбли (соединяющие бревна сруба) шел дуб.

Песчаные зыбкие грунты, высокий уровень грунтовых вод вызывали потребность в фундаменте. Камень отсутствовал, его заменяли дубовыми сваями («штандарами», «штимпалями», «пнями»).

Устанавливались «штандары» на углах и реже — посередине прогонов стен. При значительных размерах здания встречаются сплошные ленточные фундаменты из установленных рядом свай.

Подобные фундаменты встречаются не только на Полесье. География их распространения довольно обширна. Они встречаются во многих районах Украины, России и Белоруссии, но здесь наблюдается их преобладание. В более поздний период (конец XIX — начало XX в.) при строительстве фундаментов из привозного камня или кирпича в ответственных местах устанавливали сваи или делали утолщения, пилястры, которые как бы напоминают традицию свайных фундаментов. Частым явлением была укладка первых венцов (подвалин) прямо на землю. Отсюда, очевидно, идет традиция увеличенных размеров первого венца. Изготавливали венцы из дуба или смолистой сосны. Соединялись они вначале техникой «в простой замок», с увеличением размеров строения необходимо было более жестко крепить основу и потому начали применять сложные замки с зубом.

При возведении стен пользовались двумя техниками — срубной (веночной) и каркасной (столбовой). Обе техники бытовали²⁵ и бытуют одновременно, часто дополняя друг друга даже в одном строении. Применение той или иной техники зависело от уровня строительного мастерства, индивидуальных вкусов застройщика. И хотя столбовая конструкция со временем стала менее популярной при строительстве жилья, встречаются села, где она еще довольно часто применяется. По своим пропорциям и планировочным решениям хаты столбовой конструкции ничем не от-

Различные способы соединений материала стен.

а, б — простой замок, в — рыбий хвост, г — канюк, д — французский замок.

личаются от срубных. Сегодня каркасные конструкции применяются в основном в хозяйственных строениях. На Пинщине и Брестчине можно встретить дома, построенные в последнее время, в которых бревна заполнения расположены не горизонтально, а вертикально. Снизу они упираются на установленную на каменном (кирпичном) фундаменте подвалину, сверху скреплены обвязочным венцом, к которому крепится несущая конструкция крыши. Снаружи стены обшиваются досками, изнутри — древесностружечной плитой или штукатурятся.

Сооружения, выполненные в каркасной технике, сегодня чаще встречаются в западных и центральных районах Полесья. В восточных районах столбовые конструкции применяют в основном при сооружении хозяйственных и временных строений.

Основной все же остается срубная техника строительства. При возведении зданий бревна первоначально соединялись простыми замками с остатком («в обло», «в чаш-

При различных способах врубок они обеспечивали надежность соединения материала стен лишь при наличии выпусков венцов — остатка.

Выпуски не только укрепляли углы, но и способствовали меньшим теплотерям. Они исчезают с началом применения в строительстве пиломатериалов (конец XIX в.) и модой на «чистый угол» (соединения «рыбий хвост» либо «канюк»). Эти соединения были известны и раньше, но применялись преимущественно в культовых сооружениях, помещицьем либо местечковом жилище.

На стены дома шел обработанный кругляк или брус, на Пинщине и Брестчине — пластинчатые дыли — расчлененные или распиленные бревна. При возведении сруба для скрепления венцов пользовались колыями из твердых пород — тыблями, швы заделывались мхом.

Начиная с Заречнянского и Владимирецкого районов и далее на восток для уплотнения швов между бревнами выбирают «драчку» — продольный паз в бревне. В старых строениях драчку выбирали с верхней части нижнего венца. Влага, попадавшая на стену, задерживалась в этих выемках. Начиная с конца XIX в. строители выбирают драчку с нижней части верхнего бруса. По этому признаку можно определить примерную дату и место постройки. Драчка — это, скорее всего, проявление влияния соседнего русского народного зодчества, где она применялась значительно шире.

Бытование открытых срубов прослеживается в северной части Украинского Полесья²⁶. В южных районах сруб белили или обмазывали глиной, причем обмазывали только жилую часть, сени и комору, как правило, не белили.

Промежуточным этапом выступала побелка или обмазка стен вокруг окон. Вначале это было обыкновенное уплотнение оконных заполнений, позже обмазка дополняется лаконичными узорами по контуру окна. К элементам декора стен, встречающимся на Полесье, следует отнести и затеску выпусков срубов на шестигранник (при срубе из полукругляка на пятигранник), которая встречается в Олевском, Коростенском, Овручском, Иванковском²⁷, Петриковском, Мозырском и Лельчицком районах.

Низкие (130—140 см) входы в дом, как правило, не оформлялись. Лишь начиная с 20—30-х годов XX в. появляются крылечки — заимствование из усадебного помещицкого строительства.

Мастера пользовались системой своеобразных пропорций, оперировали определенными стандартными размерами. Высоту сруба связывали с размером плана. В старых строениях при размерах плана до 4X4 м высота сруба равнялась 2X2,4 м, в более поздних строениях при плане 5,5X

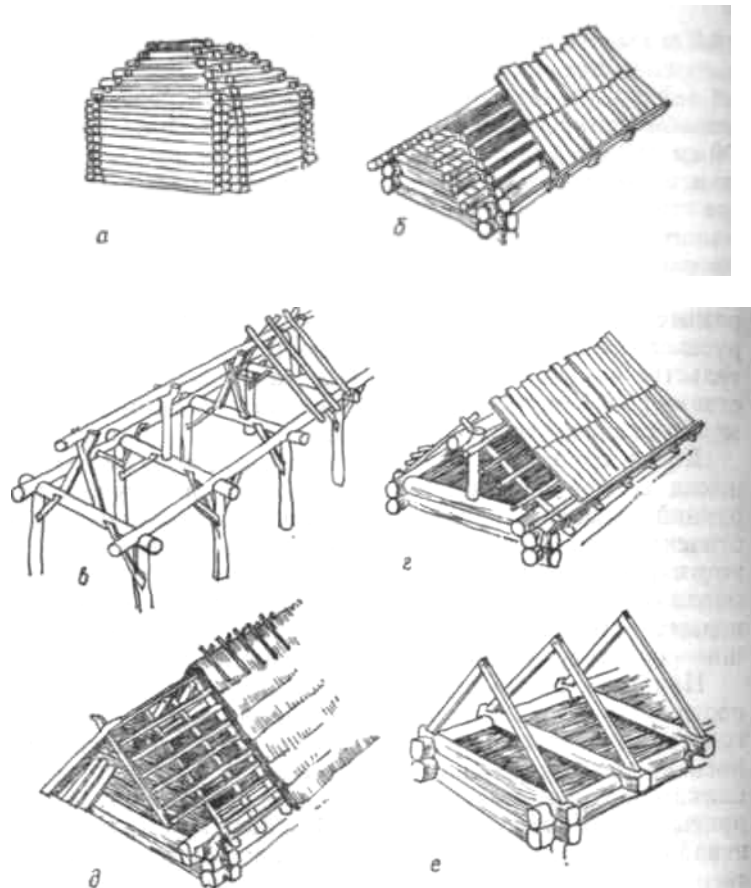
Х6,6 м высота сруба была равной 2,8x3,2 м. Стандартным было количество окон и их размеры, диктовавшиеся высотой венцов, так как окно задалбливалось в два венца. Размещение самих окон тоже было стандартным — от 80 до 100 см от угла строения. У хат, относящихся к началу века, размеры окон могли быть неодинаковыми. Окна, освещающие стол, по ширине и высоте в полтора — два раза больше печного окна. Начиная с 20-х годов с увеличением габаритов окон при оформлении оконных проемов применяются резные наличники. Их появление объясняется влиянием русского зодчества, где они известны в городском строительстве начиная с XVI—XVII в., а в сельском строительстве — с XIX в.²⁸ Ареал их интенсивного применения примерно тот же, что и у «драчки».

Когда сруб был выведен на достаточную высоту, возник вопрос перекрытия пространства и несущих конструкций крыши. К наиболее архаичным типам перекрытий относится «самцовое» (или крыша «на перекладах», «на-котом», «закотом»). В этом случае конструкции крыши могли одновременно выполнять роль потолка. Конструкции первых потолков жилища как бы дублируют форму крыши — они треугольные²⁹, трапециевидные³⁰.

Наиболее распространенным в силу своей универсальности был плоский потолок. Он применялся при любой конструкции крыши. Колотые плахи или доски укладывались «в разбежку» или «впритык» по трем поперечным балкам, покоящимся на продольном сволоке («траме»), и присыпались глиной с кострицей. «Трам» выходил на торцевой фасад и декорировался в форме завитка или уступчатого кронштейна, выступающего за пределы стены на 30—40 см. Это типичный потолок, но одновременно с ним применялись перекрытия по одному или трем поперечным сволокам. Считалось, что парное количество несущих балок, уложенных в одном направлении, принесет в дом несчастье. Встречались хаты, где балки потолка размещены вдоль помещения. Скорее всего, это результат эволюции трапециевидного и треугольного потолка. Несущие конструкции таких перекрытий, как правило, примитивно обработаны.

В 20—30-е годы XX в. доски потолка укладывают уже не на балки, а на задолбленные полки или прибитые бруски. В 50—60-е годы начали применять подшивные потолки.

С завершением устройства потолка приступали к сооружению крыши. Крыши «накотом» и крыши на сохах и полусохах относятся к наиболее архаичным типам крыш.

Конструктивные типы перекрытий.

а — шатровое перекрытие, б — перекрытие «накотом», а — комбинированная конструкция, г — перекрытие на сошках, д — крыша на кроквах, е — крыша «под коробку».

Крыши на стропилах в жилье встречались еще в XV в/с началом интенсивного использования в строительстве щепы и соломы они оказались наиболее приспособленными под эти кровельные материалы и начали вытеснять все остальные. Выработывались своеобразные пропорции и новая форма кровли — крыша с усеченным фронтоном. Высота крыши определялась длиной стропил и зависела от ширины сруба. Брался размер от гнезда (под «мауерлат») до гребня крыши, он составлял в большинстве обследованных районов Полесья $\frac{2}{3}$ ширины здания. Угол ската крыши при этом был достаточным для покрытия из дранки и из соломы или камыша.

В некоторых селах Олевского и Овручского районов (села Зубровичи, Хочино, Лучанки и др.) размер стропил составлял $\frac{2}{3}$ ширины сруба + 20 см. «Мауерлаты» здесь выходили за плоскость стены и для сохранения оптимального угла ската крыши размер стропил увеличивали. Вынос крыши, обеспечивающий отвод осадков от стен, колебался от 50 до 80 см. Значительно большим вынос бывал на торцах зданий, где балка, несущая скат крыши, выносилась на 100—150 см от плоскости стены.

Крыши «под коробку» начали строить сравнительно недавно — в 30—40-х годах. Производной подобной конструкции, учитывая изолированность Полесья, могла послужить козликковая конструкция («чапелка»), часто применяемая в комбинированном варианте с применением полусошек.

Описанные выше конструкции и их пропорции возникли на основе оптимальных вариантов конструктивного обеспечения сохранности здания и его частей.

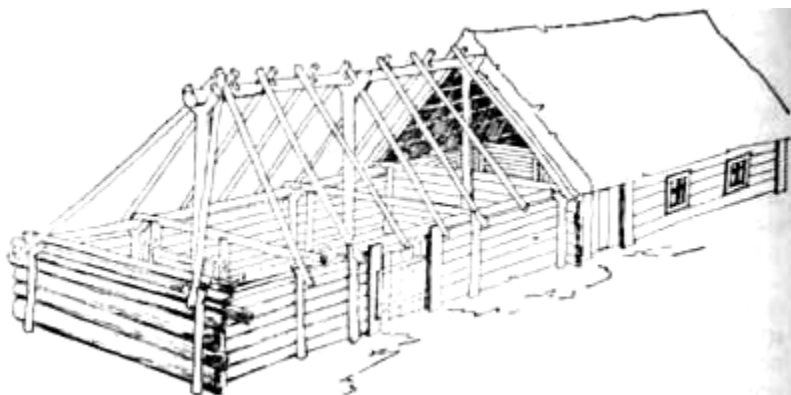
Традиционным кровельным материалом на Полесье издавна были доски, дранка, щепка, солома.

В сельских поселениях около рек, озер и болот солому заменял камыш.

К наиболее архаичным относится покрытие из дранки. Незначительные размеры хат, ширина которых редко превышала 4 м, позволяли перекрывать их одним или двумя рядами дранки. Для обеспечения гребня крыши от осадков доски одного из верхних рядов выступали выше на 30—40 см или запускались в пазы коньковой балки («вильчи-ка»). Нижние концы упирались «в закрылины», закрепленные на ключинах. Дранка дополнительно прижималась к конструкциям кровли дилем или брусом, прибитым кольями к несущим конструкциям кровли. Покрытия из щепы начали применяться значительно позже из-за отсутствия и дороговизны необходимых для таких покрытий гвоздей.

При использовании соломы применялись два способа покрытия: снопами комлем вниз и снопами колосьями вниз. Снопами комлем вниз укладывается, как правило, нижний первый ряд и грани кровли в тех случаях, если крыша четырехскатная. ОСНОВНЫЕ плоскости кровли покрываются снопами колосьями вниз.

На коньке, т. е. в месте соединения обоих скатов крыши, солома заламывалась с одной стороны на другую, обмазывалась глиной, дополнительно обкладывалась льняной кострой, пыреем. Сверху конек на всем протяжении мог прикрываться двумя досками, сбитыми под углом. Через конек перебрасывались, соединенные кольшками жерди или связанные верхушками молодые березы. Располагаясь

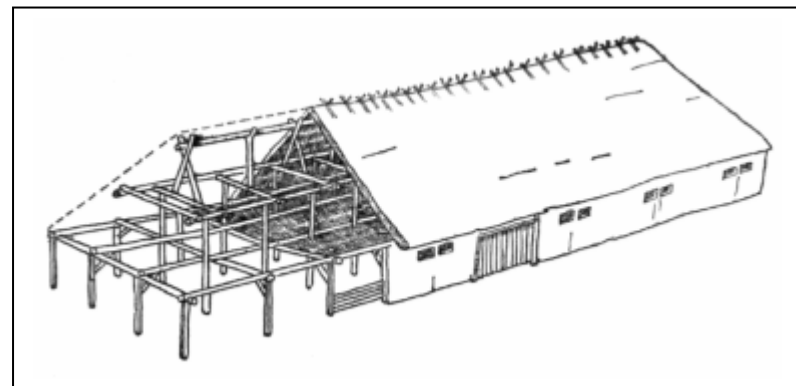

Хата и хлев, построенные с использованием архаических столбовых конструкций.

через равные промежутки по всей крыше, они прижимали солому к обрешетке, предохраняя ее от «задирания» ветром. Выступающие над коньком перекрещенные концы козлов воспринимались как декоративные элементы, а их чередование членило крышу на равные промежутки, тем самым создавая своеобразный ритм. В Олевском и Овручском районах встречается локальный способ завершения соломенной крыши. Снопы, опрокинутые колосом вниз, раздваивались и насаживались на гребень, образуя идеально ровное, интересное по форме завершение кровли. Торцы склонов крыши прикрывались «ветровыми» досками. Сверху ветровые доски перекрещивались. Им обычно придавали вид бычьих рогов, голов диких или домашних животных.

Распространенным элементом крыши полесской хаты являлся фронто́н, замыкающий чердачное пространство с обеих торцевых сторон хаты. Фронто́н занимал после окон второе место по декоративной насыщенности. Это достигалось путем фигурной укладки досок и широкого применения выполненных в технике резьбы и накладки разнообразных орнаментов. Наиболее распространенным элементом украшения фронтона на Полесье было изображение солнца с расходящимися лучами. Нижний ряд «ветровых» досок украшали ленточным орнаментом.

С появлением в 50—60-х годах XX в. новых кровельных материалов — кровельного железа, шифера, которые обеспечивают меньшие углы наклона покрытия, большинство хат получило более пологие кровли. Способствует распространению новых форм крыши применение в современном строительстве типовых проектов, в которые закладываются

Колхозные конюшни, построенные с использованием архаических конструкций.

новые перспективные конструктивные и архитектурно-художественные решения. Параллельно приспособляются к современной архитектуре и многие приемы народного зодчества.

ИНТЕРЬЕР

Традиционный интерьер полесской хаты отражал хозяйственно-бытовые потребности крестьянской семьи. Его обстановка была предельно проста, отличалась утилитарностью, практичностью, оптимальным использованием жилой площади. Каждый угол хаты имел свое конкретное назначение, а каждая вещь — свое раз и навсегда определенное место. Отличительной особенностью общего планировочного решения интерьера традиционной полесской хаты конца XIX в.³² является длительное сохранение реликтовых, примитивных конструкций и форм, которые массово применялись в народном творчестве Полесья вплоть до начала XX в.

Достоверных данных о первоначальном виде полесского интерьера мы не имеем. Предположительно, он был идентичен с интерьером истепки с открытым очагом, которые относят к самому раннему типу жилища³³.

Конструкции здания, соответственно дополненные немногочисленными предметами домашнего обихода, печь — очаг — составляют интерьер народного полесского жилища.

Жилое помещение имело форму прямоугольника, приближающегося к квадрату. Стены из тесаного бруса или из

кругляка, примитивно обработанные балки системы перекрытия, аморфные формы глинобитной печи придавали своеобразную пластичность интерьеру строения.

Функциональный раздел помещения был стандартным — очаг, место для принятия пищи и работы, место для сна.

Композиционным центром интерьера хаты была печь. Она служила для приготовления пищи, выпечки хлеба, отопления, сушки, а также для сна.

В начале XX в. курная печь — редкость; на Полесье она — явление еще весьма распространенное. Характер очага в значительной мере отражался на оформлении интерьера. В хате, отапливаемой «по черному», стены не белились, все было направлено на максимальное сохранение тепла в помещении.

Данными об интерьере жилищ без потолков и с треугольным потолком мы не располагаем, но можно допустить, что они мало чем отличались от примитивных, традиционных. Это подтверждается тем, что интерьер жилища с трапециевидным перекрытием, переходным от треугольного к плоскому, идентичен по компоновке интерьеру жилища с плоским потолком.

Примитивная пластика конструкций потолка значительно обогащала внутреннее пространство. В хатах с трапециевидным перекрытием на балки шел кругляк. Доски по балкам укладывались, как правило, «в разбежку». От постоянного дыма, который выходил прямо в помещение, потолок и верхние венцы сруба покрывались копотью. Ниже уровня дыма, который диктовался отметкой дверной перемычки или специального отверстия, размещались основные предметы интерьера.

Печь всегда размещалась у входа, устьем к окну продольной стены. Это создавало наиболее благоприятный режим для сохранения тепла. Печь могла находиться как справа, так и слева от входа. Курные печи устраивались на настиле из кругляка или плах, обмазанном глиной, который, в свою очередь, укладывался по балкам, уложенным на стояки или на две массивные подвалины. В более поздних печах основа могла быть срубной с консольными выпусками верхних венцов для припечка.

В качестве шаблона-формы для свода печи использовали расколотый пень, горку дров, мешок с просом, овальную опалубку³⁴. Затем устанавливали внешнюю опалубку и утрамбовывали глину. Печь подсыхала и ее обжигали.

От печи к торцевой стене шел настил из досок («піл», «полати»), конструкции которого вязались со стенами.

Здесь же висела прикрепленная к балке на четырех веревках колыбель («колиска», «люлька»). Вдоль лицевой и торцевой стен на всем протяжении до полатей шли стационарно установленные лавы. В углу («на покуті») стоял стол, рядом — переносная лава простейшей формы, где в качестве ножек могли использоваться естественные сучья дерева, из которого она была вытесана.

В противоположном от печи углу при входе размещались полки для кухонной утвари («мисник»). Они укладывались на вбитые в стены деревянные колья. Здесь же находилась кадка с водой. По этой причине угол называли «водник».

Оборудование интерьера дополнялось системой жердей («гряд»), врубленных в стены или подвешенных на клочинах к потолку. В качестве опоры для одного конца жерди мог выступать столб, закрепленный на углу печи³⁵. Такое же крепление встречается в жилищах южных районов России³⁶. «Гряды» (с протесанной верхней частью или даже всеми четырьмя сторонами) выполняли роль полок, на которых просушивали дрова, развешивали одежду, сушили постель.

В XIX в. в полеской хате более зажиточных крестьян место неподвижных лав занимает деревянный диван («канана»). Это, очевидно, один из первых предметов обстановки крестьянской хаты, который, кроме чисто утилитарного назначения, служил и украшением жилища. Разнообразные формы ножек, подлокотников и спинок в сочетании с орнаментом, выполненным в технике контурной, сквозной резьбы, часто поднимали их до уровня произведений прикладного искусства. Начинают применять резьбу и при оформлении полок для посуды.

Как элемент украшения интерьера начали использовать и глиняную замазку, которую употребляли вначале для уплотнения швов между бревнами стен и досками потолка. Затем белой глиной обмазывали печь, стены, конструкции потолка.

В XIX в. в полеской деревне получают распространение сундуки («скрыни», «куфры»).

С началом применения в печном строительстве кирпича произошли изменения в форме и конструкции печи. Осуществляется как бы дифференциация ее функций. Появляется стоек («груба») для обогрева помещения, несколько поз-
Ba
ристая плита. В некоторых печах тут же был отведен угол для «подсветки» с общей с печью вытяжкой. Отпала потребность в автономных подсветках с отдельным ходом из коры, лозы, грубого холста или цельного

Клеть.

кадуба, обмазанных глиной, с подвешенной решеткой, на которой жгли лучину. Лучину могли сжигать и на колоде с плоским камнем или обмазанной глиной, или на лопате, закрепленной в стене, или на камне в виде человеческой головы («адамовой головы»), подобной русскому светцу³⁷.

При переходе на освещение керосиновыми лампами угол подсветки на печи постепенно исчезает.

С увеличением размеров жилой части печной стояк («груба») выделяется из общего объема печи и в зависимости от ориентации (вдоль или поперек хаты) служит уже не только для обогрева, но и для членения пространства. В дальнейшем для раздела помещения строят перегородки, кухня отделяется от хаты. В начале века этот процесс наблюдался в основном при строительстве хат у зажиточной части населения. В 30—60-е годы XX в. жилье такого типа получило широкое распространение. При его оформлении начинают применять элементы городской обстановки: шкафы, кровати, тумбы, стулья. Наряду с предметами фабричного или кустарного изготовления пользуются традиционными приемами оборудования помещений. Вдоль лицевой стены размещаются лавы — как в кухне, так и в хате. В кухне у печи часто сохраняются полатки. При оформлении печи начинают применять чисто декоративные элементы. Традиционные их образцы встречаются и в наше время.

Дальнейшие изменения в оформлении интерьера происходили под влиянием типовых стандартных решений обо-

Истепка.

рудования помещений в зависимости от их назначения, с использованием современных образцов мебели промышленного изготовления.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Земледелие и животноводство — основные занятия населения Полесья, что сказывалось на характере хозяйственных построек. Одни из них были связаны с потребностями обработки и хранения продуктов земледелия, другие предназначались для хранения инвентаря, третьи служили помещениями для скота.

Клеть («амбар», «овиран», «свиранок») — неотопливаемая постройка, в которой хранились продукты, зерно будущего урожая, ценная домашняя утварь, одежда.

Размещали клеть на расстоянии от остальных построек, но в зоне видимости из окна. Ставилась клеть на штандарах, довольно высоко над землей. Пол из полукругляка или досок имел значительную толщину, чем создавались условия для сохранности продуктов и материальных ценностей. На клеть шел отборный материал — сосновый кругляк или брус, реже — дуб. Как правило, клетки строились в сруб³⁸. Лишь неимущие строили клеть каркасной конструкции. Если крыши накатом в жилых зданиях исчезли уже в конце XIX в., то при строительстве клетей, из-за их надежности, они использовались еще в 20—30-х годах XX в.

Характерным для клетей Полесья является значительный вынос двускатной крыши «накатом» над входом, реже — четырехскатной соломенной на кроквах. Под выносом крыши, перед входом на выпусках подваulin устраивался небольшой помост.

Погреба.

На западе Белорусского Полесья в клети редко делали засеки, т. к. весь запас зерна и семян хранили в «свирон-ках» — маленьких амбарчиках. В клети же держали только то, что предназначалось для ежедневного пользования — муку, крупу, сало, мясо. Овчины, овечья шерсть и пряжа висели на жердях, стационарно вмонтированных в сруб.

В усадьбах шляхты XVIII—XIX вв. были распространены «лямусы» — двухъярусные клети с галереей на уровне второго яруса.

При современном укладе сельской жизни отпала потребность в клети как в отдельном сооружении, да и выгодней хранить продукты ближе к кухне. Теперь клети-кладовки — обязательный атрибут современных благоустроенных домов.

Истепка («степка», «истепка») — отдельно стоящее строение, предназначенное для хранения овощей, сегодня уже почти исчезнувшее. С увеличением размеров хаты появилась возможность выделить в ней место для хранения овощей и отпала потребность в дополнительном очаге, которым в сильные морозы отапливались истепки.³⁹

Традиционно же истепку строили недалеко от жилья. Это было небольшое срубное сооружение с дву- или трехскатной крышей, как правило, с потолком. Для уменьшения потерь тепла швы между бревнами обмазывались глиной. В особо холодный период она отапливалась печью или очагом, при их отсутствии — чугуном или ведром с жаром.

Погреба устраивались в тех местах, где позволял уровень грунтовых вод. Еще и сегодня встречаются погреба — от самых примитивных, предназначенных для хранения картофеля, до более сложных, значительных размеров. При их строительстве применяются простейшие конструкции: сохи,

ключины, срубы в несколько венцов с перекрытием из бревен или кругляка.

Клуня — наиболее крупногабаритная постройка усадьбы, расположенная как можно ближе к полю. Здесь хранились необмолоченные снопы. В одном хозяйстве, в зависимости от наличия орной земли, могло быть и несколько клунь.

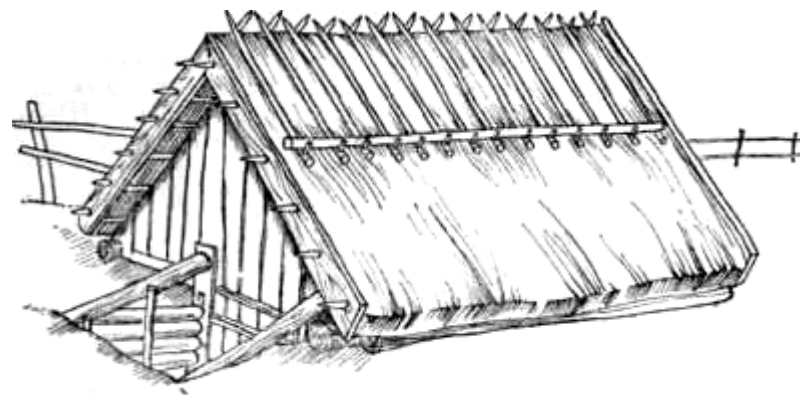
Поскольку крыши клунь перекрывались преимущественно сошными конструкциями, мерилom размеров клунь выступало количество сох при относительно постоянном прогоне между ними — 3—4 м (клуни на двух, трех, четырех и более сохах).

Сошная конструкция крыши дольше сохранялась на восточном Полесье, на западном она в начале XX в. начала заменяться стропильной, пройдя промежуточный этап полу-сошковой конструкции.

В продольных стенах устраивались ворота для заезда и разгрузки. Причем ворота могли быть одни, но чаще для удобства их было двое. К. Мошинский описывает клуню с четырьмя воротами, где по углам строения размещались «засторонки»⁴⁰.

В центре клуни, обычно между сох, находился ток — глинобитная площадка для молотбы. При незначительных размерах сооружения обмолачивать снопы могли и на улице или в каком-нибудь другом, временно приспособленном для этой цели сооружении.

Сруб не конопатился, венцы особенно тщательно не подгонялись. Щели обеспечивали свободную циркуляцию воздуха, что значительно ускоряло сушку необмолоченного хлеба.

Погреба.

Клуя.

Возникли клуны давно. Об этом свидетельствуют реликтовые конструктивные формы, применяемые при их строительстве. В связи с этим особый интерес вызывают шестигранные клуны («осети») с шатровым перекрытием на котом⁴¹. Существовали и прямоугольные в плане клуны с шатровым перекрытием⁴². Эпицентром, в котором удалось зафиксировать эти, уже исчезнувшие малоизученные формы, была Олевщина. Встречались они, начиная с Рокит-новского р-на, на восток к пойме Днепра⁴³.

В с. Березово зафиксированы две клуны постройки 50-х годов, не прямоугольные, а скорее семиугольные в плане. Это не следствие деформации, а продуманный прием для увеличения внутреннего объема помещения при ограниченном количестве строительного материала.

Материалом покрытия для клуны служили солома, камыш, реже — длинная дранка. Крыши в основном четырехскатные. Если покрытие протекало, его притрушивали сеном или мervленой соломой и прижимали длинными березовыми козликками. В восточных районах Полесья (Новгород-Северском, Семеновском) встречаются клуны каркасной конструкции со стенами из плетня — «пиледы». На этой же территории для просушки снопов и обкуривания зерна перед обмолом строились овины и как отдельные сооружения, и как встроенные в клуны-пиледы.

Подобный процесс обработки зерна характерен для северо-восточных районов Белоруссии и западных районов России.

Зерно, обработанное таким способом, лучше сохраняло свои качества, что позволяло хранить его в ямах. Яму копали на сухом месте, глубиной 3—3,4 м, диаметром по

дну до 2 м, с зауженным проходом, так, чтобы свободно прошла «мерка». Стены и пол обшивались берестой при помощи осиновых кольшков. Если яма пустовала, ее использовали зимой для хранения ульев.

Хлев (сарай). Скот на усадьбе содержался, как правило в одном сооружении или комплексе из нескольких сблокированных строений. Количество животных менялось, поэтому в хлеву, хотя и были стационарные перегородки между «сенником» (где хранили корм) и стойлами, места между животными отделялись в зависимости от конкретных нужд. Хлев часто имел несколько дверей-ворот для ввода и вывода скота. При необходимости достраивали в срубных или каркасных конструкциях недостающие помещения. Такие пристройки приводили к образованию сооружений длиной до 30—40 м.

При раздельном содержании скота строили и более мелкие сооружения, как отдельно стоящие, так и пристроенные. В Камень-Каширском и Ратновском районах бытовали дома с «прибоками» (относящиеся к застройке 30—50-х годов XX в.), в которых содержался скот. Такие пристройки встречались и в других районах, но там они носили случайный характер.

В хлевах венцы подгоняются плотнее и утепляются — иногда мхом или обмазываются глиной. Для лучшего хранения тепла устраивается потолок из досок, на котором хранится сено.

В с. Боровое Рокитнянского р-на зафиксирован хлев конструкции, предшествовавшей каркасному строительству. Столбы каркаса здесь заменены сохами и столбами, расположенными рядом, между которыми заложены стены из бруса. Все конструктивные элементы взаимосвязаны при помощи примитивных средств — врубок, кольшков. Крыша лежит на трех сохах, врытых в землю, на развилки которых уложена балка («трам», «слід», «сволок»), по ней — ключины, так что их нижние концы фиксируют каркас стен. Хотя постройка относится к 30-м годам XX в., можно предположить, что именно так решались конструктивно первые каркасные сооружения.

С зарождением коллективных хозяйств возникла необходимость в строительстве более крупных хозяйственных сооружений. Новые задачи решаются с использованием традиционных конструкций. В с. Дегтяревка Новгород-Северского р-на в 50-е годы построены колхозные конюшни, где для перекрытия значительного пространства (10x50 м) использованы традиционные элементы народного строительства: сохи, козлы, ключины.

Традиция строительства хлевов каркасной конструкции нашла свое дальнейшее развитие. В 70-е годы в с. Боровое Зареченского р-на построен коровник, где несущие столбы выполнены из кирпича, заполнение — в «закидку» из брусьев. Этот же прием использован при строительстве подсобных сооружений в индивидуальных хозяйствах отдельных сел Ямпольского, Новгород-Северского, Любешовского и др.

Трудно представить себе хозяйство без оборогов («навесов»), шоп, ворот, оград, колодцев. Имея различное хозяйственное назначение, они помогают организовать ход ведения хозяйства на усадьбе.

Обороги (навесы). Не всегда все сено или солому удавалось разместить в приспособленных помещениях и для этого использовали оборogi, хотя на Полесье они распространены меньше, нежели в Карпатах и Прикарпатье. Здесь они имеют свою специфику. Помост, на который укладывается сено или солома, устанавливается на четырех кольях, вбитых в землю, на высоте 50—80 см. На каждый из колея надет опрокинутый непригодный чугунок или иной сосуд, который служит надежным средством от мышей и своеобразной гидроизоляции. Если колья «штанда-ры» прогнивали, помост переносили на новые. На углах обвязки помоста устанавливаются четыре столба, толщиной до 10 см, по которым двигается четырехскатная крыша на высоту до 3—4 м — в зависимости от количества сена или соломы. Четырехскатная крыша характерна более для западных районов Полесья. Начиная с Дубровицкого и Сарненского районов и далее на восток, крыши оборогов двускатные или односкатные с козырьком, причем последняя может устанавливаться стационарно.

Ограды. Ограды служили для размежевания участков, ограждения строений двора, его функционального членения. К простейшему типу оград, который в основном использовался для размежевания участков, следует отнести

жерди, уложенные в один ряд по сохам или в три и более рядов между двух колея.

Довольно распространен такой тип ограды, как частокол позже трансформировавшийся в штахетник. К реликтовым его разновидностям следует отнести частокол из колея или расколотого кругляка, нижние концы которого вбиты в землю, а верхние соединены при помощи лозы или протесанной жерди, вставленной в раскол сверху колея. Частокол используется и для ограждения места для кур. Здесь его высота достигает 2,0—2,5 м.

Свидетельства старожилов и литературные источники⁴⁴ указывают на широкое бытование раньше плетней. Сегодня они попадаются изредка в некоторых селах западного Полесья. Бытовали плетни как с горизонтальным, так и вертикальным плетением.

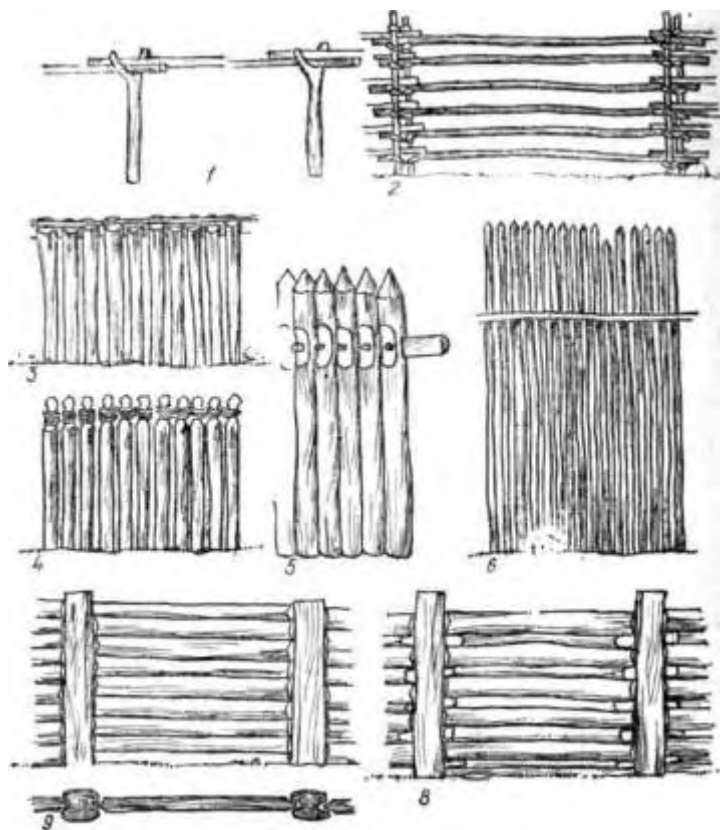
районов

В районах, особенно богатых лесом, популярностью пользовался «баркан» — забор столбовой конструкции, с заполнением из дылей или кругляков. Иногда между брусьями вставляли прокладки (камни или клинья). Такой забор назывался «лупатый (баркан)».

В восточных областях с начала XX в. распространяются дощатые заборы высотой 2—2,5 м, характерные для русского строительства. Ворота и калитка примерно той же конструкции и высоты. В 30—40-х годах они еще единичны, в застройке 50—60-х годов в некоторых селах восточных районов они выступают уже массовым явлением.

На Полесье бытовала и своеобразная конструкция ворот на бегунах. Жесткость дверному полотну разных размеров и различного назначения (въездные ворота, калитка, двери в сарай, клуню) придавал естественный сук, с которым выбирали дерево на дверную ось и к которому прибавались доски дверного полотна. Строились и более легкие ворота из жердей, с поворотной осью посередине или сбоку⁴⁵. Ворота такой конструкции использовались и для перекрытия дороги в селе на ночь. Роль ворот выполняли и жерди, уложенные на две стойки в виде лестниц, где при необходимости нужное количество жердей легко убиралось.

Колодцы. Высокий уровень грунтовых вод сопровождал широкому устройству колодцев. Так, из 50 обследованных дворов в Рокитновском р-не Ровенской обл. 38 имели колодцы. Здесь, как и в строительстве, встречается две техники: срубная и каркасная. В зависимости от глубины залегания грунтовых вод пользовались в основном двумя способами поднятия ведер. Если вода находилась на незначительной глубине (1,5—2,0 м), обходились обыкновенной

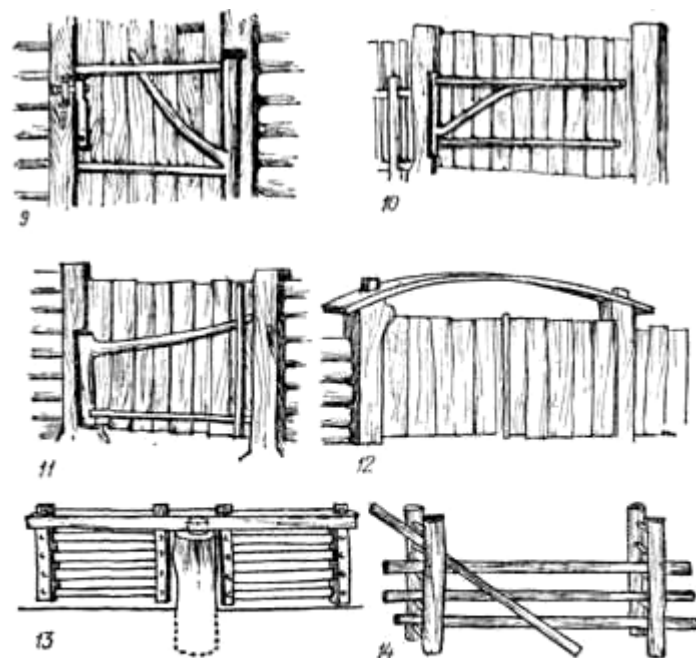

ключиной, если глубже, строили «журавли», или барабанные подъемники (последние появились значительно позже). В тех случаях, если колодец обслуживал несколько дворов, его устраивали при входе на усадьбу или на обочине дороги, или даже на перекрестке дорог (в селах Дегтярев-ка, Великий Обзырь).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Суровые условия жизни полешуков наложили отпечаток сдержанности, лаконичности, функционализма на все творения народных мастеров. В народном строительстве на протяжении веков вырабатывались для каждого региона свои, наиболее предпочтительные формы, соответствующие потребностям данного времени в данной местности.

Новые социальные отношения, становое сельское само-

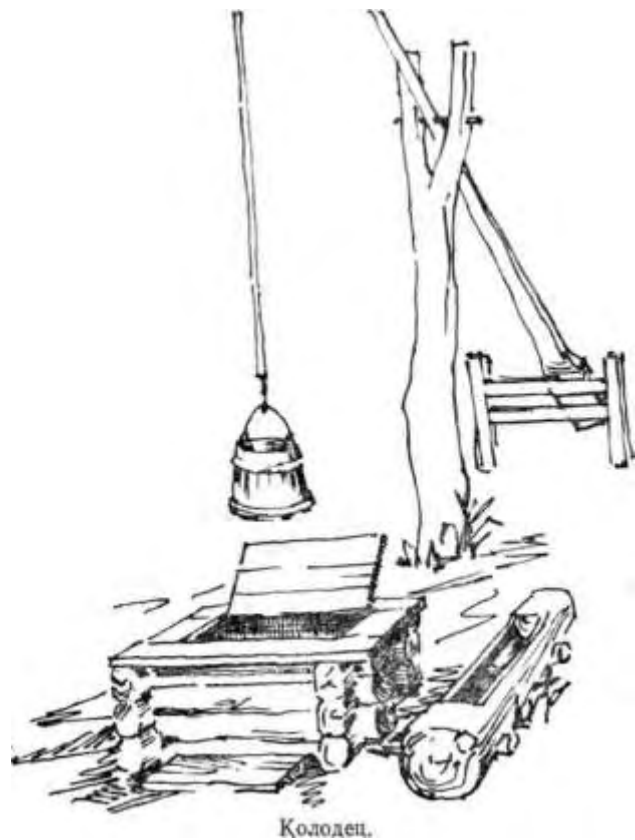

Ограды и ворота.

1, 2 — ограды из жердей, 3, 4, 5, 6 — различные виды частоколов, 7 — баркан, 8 — «лупатый баркан», 9, 10, 11 — различные способы крепления полотна ворот к поперечной оси, 12 — ворота с перемычкой, 13 — ворота, которыми перекрывались на ночь дороги в селах, 14 — разборная ограда из жердей.

управление, узаконенное реформой 1861 г., способствовали формированию в селах своеобразных общественных центров. Как правило, при возведении зданий общественного назначения отказывались от традиционных приемов и решений и ориентировались на местечковую архитектуру, либо использовали как аналоги усадебные сооружения, которые значительно быстрее реагировали на изменения стилевых архитектурных направлений. Своим видом они отличались от рядовых крестьянских построек.

Волостные управы («гмины»). Из дошедших до наших дней волостных управ удалось зафиксировать три, построенные в конце прошлого века в селах Погорельцы Семёновского р-на Черниговской обл., Пивное Камень-Каширского р-на Волынской обл., Березово Рокитновского р-на ^{овенско}й обл. Это внушительные по своим размерам здания с коридорной планировкой, где размещалось волостное Управление, заседал волостной суд.

Управа из с. Березово входит в комплекс относительно хорошо сохранившегося общественно-торгового центра, состоящего из редко встречающегося, практически полного набора сооружений, характерных для застройки сел в конце XIX — начале XX в. (бывшее помещение волостной управы, церковная усадьба, усадьба сторожа, лавки).

Это вытянутое в плане здание, сложенное из бруса, в сруб без остатка. Фундамент высотой 50 см из кирпича. Внешние стены обшиты тесом. Цоколь по окна и верхняя часть сруба выше окон обшита с вертикальной расшивкой. Нижние концы досок над окнами затесаны на зубчики. Оконные простенки обшиты досками, уложенными горизонтально. Четкий ритм здания создают оконные проемы, обрамленные резными наличниками.

Вход в здание — со стороны церковной усадьбы. Перед входом — крыльцо под двускатной крышей, поддерживае-

мой двумя колонами. От крыльца, расположенного по оси здания, внутрь ведет коридор, по обе стороны которого размещаются комнаты. Зал заседаний находился в конце коридора. Помещения отапливались печами. Топки печей для поддержания чистоты в помещении выведены в коридор. Строгая геометричность при компоновке фасадов и декора, художественная обшивка досками стен и фронтонов, четкий ритм окон, оформление входа свидетельствуют либо о наличии проекта, либо об использовании в качестве аналога спроектированного стандартного сооружения.

Зная чрезвычайно низкий экономический уровень развития полесских деревень, можно предположить, что подобные сооружения были не по силам большинству сельских общин, да и ни к чему они были в отдаленных изолированных селениях, где жизнь в основном и далее протекала по установкам обычного права.

Школы, как специальные, более или менее приспособленные помещения, возникали в селах при церквях (как церковно-приходские), в редких случаях — как казенные. Период их появления примерно тот же, что и волостных управ.

Помещением для первых школ служили обыкновенные хаты, занятия в которых, как правило, проводили священнослужители. Первые специально построенные школьные помещения были совмещены с жилищем учителя (чаще всего священнослужителя). Такое сооружение, построенное в конце прошлого века, сохранилось в с. Выдерта Камень-Каширского р-на Волынской обл.

Строение выделялось на фоне рядовой крестьянской застройки своими размерами. Фундамент из непрерывного ряда свай, стены из деревянного бруса со средним сечением 20X20 см, в сруб без остатка. Значительная длина сооружения потребовала дополнительных креплений стен в форме внешних вертикальных накладок из бруса, соединенных со стеной посредством металлических болтов. Такое крепление иногда встречается в жилищном строительстве, очевидно, его можно рассматривать как усовершенствованный 21 1-м.

Бывшая волостная управа. С. Березово Рокитновского р-на.

древний способ укладки стен между двух столбов. Высота стен — 2,3 м. Помещения перекрывают 11 балок, уложенных поперек здания. Крыша двускатная, с усеченным сверху фронтоном. Материалом покрытия раньше служила щепа. Вход в здание с торцевой стены. В срубе видны следы от примыкавшего ранее крыльца.

Внутренняя планировка здания коридорная, большая часть строения отводилась под жилое помещение — кухню, спальне комнаты, обширную гостиную и классную комнату. Так примерно выглядели школы, где занятия проводились одним учителем.

После Великой Октябрьской социалистической революции основным звеном просвещения становится начальная, четырехгодичная школа. Под здание школы отводились небольшие строения с двумя или четырьмя классами и с подсобным помещением. Хотя в 1921—1922 гг. и был создан ряд проектов школ, в основном школы устраивались в реконструированных хатах, а новое строительство велось на основе аналогов. В том же селе Выдерта сохранилось помещение школы середины XX в., построенной народными мастерами именно как начальная школа.

Здание возведено на кирпичном фундаменте из деревянного бруса, в сруб с остатком. Крыша здания четырехскатная, первоначально была покрыта щепой. Перед входом устроено крыльцо под двускатной крышей на четырех сгруппированных по две колонны. Коридор делит здание на две равные части — на два класса. В двух больших классных комнатах установлены печи, которые в свою оче-

редь разделяют классные комнаты. Этот прием использован для того, чтобы учитель мог одновременно проводить урок для различных возрастных групп учащихся, пребывая в одном помещении. Сегодня, когда обязательным стало среднее образование, школы на два — четыре класса отошли в прошлое.

За последние десятилетия в селах Полесья возведены прекрасные здания по специальным проектам, рассчитанные на современную программу обучения, со специализированными кабинетами, спортивными залами и спорткомплексами. В том же селе Выдерта, кроме описанных сохранившихся зданий школ XIX — первой половины XX в. построено здание современной школы, отвечающее высоким требованиям, предъявляемым к системе среднего образования сегодня.

Корчмы. Как свидетельствуют литературные источники, в Киевской Руси корчмы существовали уже в XI в. За столь длительную историю существования выработались те или иные типы их решений — в соответствии с функциональным назначением.

Практически до второй половины XIX в. право на открытие корчмы было сосредоточено в руках дворянства, которое сдавало их на откуп. Корчмы и заезжие дворы возникали, как правило, в местечках и поселениях на торговых путях. В глухих полесских селах корчмы были редкостью. Здесь они получают более широкое распространение только в XIX — начале XX в. Назначение корчмы многофункциональное: здесь останавливались на ночлег, обедали, ужинали, торговали, приготавливали пищу путникам, здесь могли происходить сельские сходы, сюда просто приходили обменяться новостями.

В зависимости от назначения корчмы существовали двух основных типов: корчма без заезда, корчма с заездом. Даже в пределах одного типа строения они отличались внутренней планировкой, объемно-пространственными и конструктивными решениями. Некоторые из них строились как обыкновенная крестьянская хата (иногда даже двухкамерная), иные представляли собой сложные в планировочном отношении сооружения с торговым залом («шинком»), кухней, жилыми помещениями, комнатами хозяев и постояльцев, с кладовыми и другими подсобными помещениями⁴⁶.

В том случае если корчма функционировала и как заезд она блокировалась со стойлами для лошадей. Помимо помещений обеспечивающих обслуживание посетителей на усадьбе могли находиться хозяйственные

21*

строения, характерные для развитого крестьянского хозяйства.

На фоне сельской застройки корчма выделялась своей постановкой. Ее размещали на главной улице или на раздорожье, она могла находиться и на некотором удалении от поселения, но непременно у дороги, к которой она, как правило, была обращена главным фасадом, в то время когда жилые здания традиционно ориентировались торцевыми фасадами к улице.

Объемно-пространственные решения корчем довольно вариативны. Здесь чувствуется влияние городской и местечковой архитектуры, но применяемые конструктивные элементы и решения базируются на традициях народной архитектуры, характерной для данной местности.

В с. Погорельцы Семеновского р-на Черниговской обл. сохранилось здание бывшей корчмы, построенное в начале XX в., со всей атрибутикой, характерной для строений подобного назначения. Жилье хозяев сблокировано с торговыми и подсобными помещениями. Внешне корчма почти не отличалась от жилища зажиточного крестьянина — кирпичный фундамент высотой около 50 см, рубленые из бруса стены, четырехскатная крыша, дверные и оконные проемы украшены резными наличниками, на окнах ставни. Первоначально вход в общий зал размещался по центру фасада. В зале, в тыльной стене, почти на всю ее ширину устроен проем, выполняющий функцию прилавка, по правую сторону жилое помещение, слева кухня и кладовая (коридор и еще одна кладовая, построены позже). Сзади к постройке примыкали жилые помещения. На фоне существовавшей застройки корчма выделялась своей ориентацией — главным фасадом вдоль улицы и добротностью использованных при строительстве материалов.

Торговые лавки, магазины. С проникновением капиталистических отношений на село некоторые поселения взяли на себя функции своеобразных торговых центров, обслуживающих определенную округу. В них значительно увеличилось количество лавок, торгующих предметами промышленного и кустарного производства. С одной стороны, они обеспечивали крестьян из окрестных сел необходимыми товарами, с другой, ужесточали процесс экономического закабаления основной массы крестьянства. Вначале эти строения мало чем отличались от крестьянских хат. В дальнейшем они перенимали уже выработанные планировочные и архитектурно-художественные решения у местечковой архитектуры, более приспособленной к торговой функции.

Бывший приходской дом. С. Выдерга Камень-Каширского р-на
Волинской обл.

В первые годы советской власти обеспечение населения промышленными товарами осуществлялось в новых формах, но с использованием старых или переоборудованных для этой цели жилых помещений. Новые торговые помещения строились в основном по старым образцам.

Кардинальные изменения происходят в строительстве учреждений торговли в селах Полесья в последние десятилетия. Наряду с мелкими магазинами в крупных селах появляются большие универмаги со специализированными отделами.

Общественные амбары («магазины»). Частые неурожаи и недоимки в отдельных хозяйствах вынуждали многие сельские общины запасать зерно для обеспечения им особо нуждающихся или на случай критической ситуации. К сожалению, эти строения на Полесье не сохранились, но по описаниям старожилов можно воссоздать их облик. Это были сооружения типичной для амбаров-клетей конструкции, увеличенные в размерах, состоящие из нескольких секций, с засеками по одну или по две стороны от прохода. Размещались они, как правило, в центре села или в другом месте, находящемся под постоянным надзором. С зарождением колхозов и совхозов в подобных сооружениях отпала надобность.

Приходские дома («плебани»). Дом священника в селе, как правило, отличался своими размерами и зачастую сложной внутренней планировкой, отвечающей более высокому уровню жизни священнослужителей по сравнению с крестьянами. Строились эти дома на средства общины, мастерами из народа, но в роли социального заказчика выступала церковь. Практически ничего нового в конструктивном плане при их возведении не применялось, ундаменты из пней или кирпича, срубные стены, окна

Клуб. С. Степное. Ямпольского р-на Сумской обл.
Постройка начала XX в.

и двери с наличниками, крылечки, подшивные потолки, крыши, покрытые традиционным материалом. Но материал был высокого качества: отборные брусья стен, качественная кровля (в отдельных случаях черепица или листовая металл) и пр. Можно сравнить любой из трех сохранившихся церковно-приходских домов в селах Выдерта Камень-Каширского р-на, Березово Рокитновского р-на, Бережки Дубровицкого р-на, построенных в конце прошлого века, с обыкновенной крестьянской хатой того же периода. Такие архитектурно-конструктивные элементы, как подшивные потолки, деревянные полы, резные наличники в жилище того периода встречаются редко, здесь же они выступают как обязательные атрибуты.

В целом эти постройки в значительной мере были подвержены изменениям, связанным с пожеланиями их владельцев, с веяниями архитектурной моды, эталоном для которой на том этапе развития строительной культуры на Полесье служило местечковое и поместное строительство.

«Народные дома», клубы. В конце XIX — начале XX в. в некоторых больших селах начинают строиться «народные дома», клубы — своеобразные очаги культуры. Строились они в основном на средства богатых землевладельцев и их количество на первых порах было минимальным. Так, на Ровенщине в 1913 г. насчитывалось всего восемь клубов. Такое же положение было и в других местностях. Коренным образом оно изменилось в советский период. Клубные помещения становятся насущной необходимостью

даже самых удаленных сел. Чаще всего их размещали в старых «народных домах» и других, относительно больших сооружениях.

Параллельно развернулось строительство новых клубов, но экономические трудности, переживаемые молодой республикой, сказывались на их архитектурном решении. Большинство построек отличалось от рядовой застройки только своими габаритами. К началу 40-х годов почти в каждом селе существовал клуб. На землях западного Полесья, оккупированных буржуазной Польшей, строительство клубов — «народных домов» значительно отставало, вплоть до воссоединения западных областей Украины с Советской Украиной.

До и после Великой Отечественной войны строительство общественных зданий, в том числе клубов, осуществляли местные мастера, используя традиционные приемы строительства и строительные материалы при возведении зданий общественного назначения.

В последние годы на Полесье ведется строительство объектов социально-культурного назначения на основе типовых и индивидуальных проектных предложений. В целом ряде сел — Великая Фосня Овруцкого р-на Житомирской обл., Бобер Полесского р-на Киевской обл., Погорельцы Семеновского р-на Черниговской обл. и многих других выросли клубы, Дворцы культуры, увязанные с остальными сооружениями центра в единые архитектурные комплексы. Это целые общественно-культурные центры, спроектированные и построенные с учетом функциональных потребностей и законов архитектурно-пространственной композиции.

Культовые сооружения. С культовыми сооружениями — колокольнями, церквями, часовнями — связана общественная жизнь дореволюционных поселений. Церкви сооружали, как правило, на возвышенности, в центре села, или на раздорожье.

К очень давним относится традиция размещать возле церкви сельское кладбище. Даже возле церквей, находящихся в центре села, встречаются захоронения. Ограда Церкви выполнялась из тех же материалов, что и ограда усадеб. Вход на церковную усадьбу решался примерно так же, как и вход на хозяйский двор (входные ворота и калитка). Но здесь обязательным элементом выступала двускатная крыша. При этом перемычка над калиткой могла размещаться на высоте 130—150 см, так что каждый ходящим должен был наклонить голову. Четырехстолбо-

! пространственное решение входа с четырехскатной

Колокольня. Г. Овруч
(по Ф. Волкову).

крышей, как, например, в с. Сущаны Житомирской обл.⁴⁷ встречается реже, нежели в остальных регионах Украины. Подобное решение исходит из традиции использования колокольни как въездных ворот, что, в свою очередь, было заимствовано у древнего оборонительного зодчества (села Залесочье Киверцовского р-на, Тур Маневичского р-на, Зубки Клецкого р-на⁴⁸ и др.).

За оградой размещалось не только здание церкви, но и, как правило, отдельно стоящая колокольня, сторожка, примыкала к ним и поповская усадьба. Основу всей

композиции составлял

объем церкви. До нашего времени дошли неоднократно перестроенные объекты. Памятники в процессе эксплуатации ремонтировались, достраивались, меняли свой облик. Уже первые исследования, проведенные Львовской комплексной архитектурно-реставрационной мастерской института «Укрпроектреставрация» по воссозданию первоначального вида некоторых памятников монументальной архитектуры Полесья, показали, что менялись не только декоративные элементы, но и планировка и соответственно объемно-пространственное решение. Так, натурные исследования показали, что памятник архитектуры XVIII в. — Дмитриевская церковь (из с. Град-дя Маневичского р-на) — трехсрубный однокупольный храм — являлась раньше двухсрубной кладбищенской часовней, а третий сруб с порталом, выполненным в классицистическом стиле, она получила значительно позже, в середине XIX в.⁴⁹ Исследование другого памятника — Ильинской церкви в г. Камень-Каширский Волынской обл. — также указывает на полное несоответствие первоначального вида памятника и современного⁵⁰.

Натурные и архивные исследования показывают, что в соответствии с требованием «высочайшего синода»⁵¹ подобным переделкам подверглись почти все церковные строения Полесья.

На Полесье встречаются церкви, архитектура которых

носит отчетливые следы влияния различных архитектурных школ. Особенно ощутимы они на окраинах — на Черниговщине, Волинии.

Основой, модулем в монументальном народном строительстве является сруб с шатровым перекрытием, с характерными особенностями, сформировавшимися в жилых и хозяйственных постройках. Прекрасный пример — часовни в селах Выдerta Камень-Каширского р-на и Удрицк Дубровицкого р-на, аналоги которым можно найти в простейших строениях крестьянского двора. При сравнении их с током из с. Кишени Олевского

Колокольня. Пгт Луково
Ковельского р-на Волынской обл.

р-на⁵² заметна общая конструктивная основа. В упомянутых часовнях, как и у тока, четырехскатная крыша. Только в культовых сооружениях завершением служит восьми- или четырехгранный барабан с луковицей и крестом. В плане этих простейших монументальных сооружений обязательно заложен квадрат. Шестиугольный план, который встречается в клунах Полесья⁵³, нашел свое дальнейшее развитие в монументальном строительстве (часовня с. Дунайчи Клецкого р-на)⁵⁴.

Композиционно более сложными являются двухсрубные церкви. Упоминания о них мы находим в различных литературных источниках⁵⁵. Двухкамерный план встречаем и в каменном строительстве⁵⁶. Эти церкви удовлетворяли потребности малодворных поселений, служили также кладбищенскими церквами-часовнями. Завершение их срубов при этом обязательно шатровое. Они могли перекрываться единой дву- или четырехскатной крышей. Церкви этого так называемого «хатного» типа встречаются повсеместно. Их лаконичные формы свидетельствуют о чисто утилитарном подходе к архитектурному решению здания, а некоторое преобладание их в западных районах По-

лесья свидетельствует еще и о влиянии костельного строительства, где подобные формы являются массовым явлением.

С ростом населения становились необходимыми новые дополнительные объемы в культовых сооружениях. Простейшим выходом была достройка еще одного помещения. Так произошло, например, с церковью из с. Граддя, к двухсрубной основе которой был пристроен бабинец. Но это не значит, что церкви с большим количеством срубов появились как итог синтеза традиционных срубов-клетей. Одновременно с простейшими культовыми сооружениями существовали композиционно сложные, художественно завершенные памятники.

Трехсрубные церкви наиболее характерны для украинского монументального народного зодчества. Ареал их распространения обширен. Общая трехсрубная композиционная основа по-разному трактуется народными мастерами. Если в Карпатах вводятся дополнительные горизонтальные членения (многочисленные заломы, опасанья), то на равнинном Полесье акцентируется центричность композиции.

В старинных трехсрубных храмах Полесья выделяется центральный сруб-нава⁵⁷. В плане это квадрат или приближающийся к квадрату прямоугольник, ширина которого в 1,2—1,5 раза больше ширины бабинца или алтарной части (в более поздних постройках основой срубов может служить восьмиугольник).

Помогает выделению центрального объема и форма кровли. При пирамидально-уступчатом завершении всех трех помещений верх навы выше, здесь либо большее количество заломов, либо размеры их значительнее (к примеру, церкви в селах Поляны Березовского р-на, Серники Дубровицкого р-на, Сущаны Овручского р-на⁵⁸ и др.).

Распространена и комбинация сложного пирамидально-уступчатого или купольного завершения навы и скатного покрытия алтарной части и бабинца (церкви в селах Тугарновичи Сарненского р-на, Шурин Ратновского р-на, Свитанок Корецкого р-на).

Начиная со второй половины XIX в. в церквях проводились реконструктивные работы, вследствие чего многие памятники получили дополнительный пристроенный четвертый объем — колокольню. В здании церкви колокольни в народном строительстве — явление распространенное, но на Полесье колокольня стояла, как правило, отдельно, хотя в редких случаях могла находиться и над бабин-

Церковь. С. Сущаны Овручского р-на Житомирской обл.

По-разному трактуется наличие в народном культовом строительстве храмов с крестовидным планом. Их появление приписывается двум факторам: дальнейшему развитию трехсрубного плана и влиянию каменного строительства⁶⁰. В строительной практике давно известны взаимовлияния различных строительных техник, архитектурно-художественных решений.

В ряде районов Украины крестовидный план преобладал в деревянном зодчестве. На Гуцульщине, это, как правило, однокупольные крестовые храмы, на Черниговщине и Слобожанщине встречаем пятиглавые сооружения с вертикальным членением оснанных масс. Особого распростра-

нения этот тип на Полесье не получил. Его основу составляют однокупольные сооружения (церкви в селах Удрицк Дубровицкого р-на, Нуйно Камень-Каширского р-на, Городище и Волосковцы Менского р-на и др.)- Центричность композиции подчеркивается более внушительным и сложным пирамидально-уступчатым или купольным завершением центрального объема. Церкви, крестовые в плане, встречаются на Полесье в основном в Черниговской и Сумской областях.

Мы рассмотрели основные строительные схемы, которыми пользовались народные мастера при сооружении памятников церковного зодчества, отбрасывая, чаще всего, на основе визуального анализа, те формы, которые появились после повалых реконструкций памятников во второй половине XIX в.

Особенно пострадали от перестроек колокольни. Отдельно стоящие сносились и пристраивались к зданию церкви — стандартные, похожие одна на другую. Старых колоколен осталось очень мало, и почти все они дошли до нас в измененном состоянии.

Родословная колоколен идет от оборонительных башен-колоколен⁶¹. Об этом свидетельствуют их архитектурно-композиционное сходство и ряд общих конструктивных приемов и элементов, а также место расположения некоторых колоколен при входе на церковный двор.

На Полесье сложились два конструктивных типа колоколен: каркасные и комбинированные — срубно-каркасные. Каркасные колокольни встречаются здесь в самых простых функциональных формах, как например, колокольня в Овруче⁶². В каркасно-срубных колокольнях полесским зодчим удалось сберечь и приумножить традиции древнерусских построек этого типа. Это массивный сруб, утопающий в тени многоярусных опасаний, традиционная четырехскатная крыша, четырех- или восьмигранный барабан, луковичное завершение.

Значительная высота сруба полесских колоколен требовала отвода осадков от стен. Эту задачу мастера решали так же, как и при строительстве завершений объем церкви, т. е. устраивались опасания со значительным выносом. Пирамидально-уступчатые формы завершения колоколен вторили верхам церквей.

Выполненные на одной тектонической основе из одного материала, они создавали единый архитектурный комплекс.

При строительстве монументальных сооружений пользовались теми же строительными материалами и конструк-

циями, что и в бытовом строительстве. Фундаменты из «штандаров» в связи со значительными размерами строений размещались почти без разрывов. Дубовые подвалины и стены из кругляка, чаще из бруса, вязались в «простой замок», «канюк», «французский замок». Материалом покрытия культовых сооружений служили щепы, реже — колотые доски. По данным натурных исследований, а также литературных источников известно, что строители использовали архитектурно-художественные особенности горизонтального ритма открытых венцов срубов⁶³. Но во многих культовых строениях расстояние от первого венца к выносу крыши значительное, и тогда необходима была шалевка для защиты материала стен от осадков. При этом художественным элементом, обогащающим фасад, выступали шляпки деревянных кольев, которыми прибиты доски к стенам.

Консервативность народных мастеров помогла сохранить отдельные реликтовые монументальные формы. Бесспорно, народная архитектура Полесья испытывала на себе влияние стилевой канонической архитектуры, в свою очередь, местная каменная архитектура многое позаимствовала у деревянной, а церковь в с. Тростянец полностью наследует образ трехсрубного полесского храма.

Архитектура общественных и культовых зданий Полесья является частью архитектурного наследия культуры трех братских народов, которая сохранила в себе многие черты памятников периода древней Руси.

ОДЕЖДА И ВЫШИВКА

ОДЕЖДА

Разнообразные материалы по одежде Полесья публиковались в изданиях дореволюционного и советского времени. О тканях, отдельных компонентах костюма сообщается в судебных актах, таможенных книгах и других памятниках письменности XVI—XVIII вв.¹ Богатая информация об одежде сельского населения Полесья содержится в описаниях отдельных деревень, районов и областей, опубликованных во второй половине XIX — начале XX в.²

Материалы по народному костюму Полесья имеются в трудах видных ученых-этнографов (русских, украинских, белорусских, польских) дореволюционного и советского времени³. Хотя опубликованные материалы характеризуют одежду различных районов Полесья с неодинаковой полнотой и с различных социальных позиций, они представляют особый интерес для современного исследователя.

Ценным источником по одежде полешуков являются коллекционные собрания, которые хранятся в музеях Ленинграда, Киева, Львова, Минска и многих других краеведческих музеях Украины и Белоруссии.

Для данного исследования большое значение имели материалы, собранные во время экспедиций по Белорусскому и Украинскому Полесью.

С ранних этапов человеческой истории вырабатывались наиболее рациональные типы одежды, соответствующие роду занятий, в свою очередь обусловленных природно-климатической средой, социальными условиями. Эта универсальная закономерность касается и одежды населения Полесья.

Низкий уровень производительных сил способствовал тому, что именно в этом регионе и в эпоху капитализма

сохранялись патриархальные пережитки, господствующим являлось мелкое крестьянское хозяйство и кустарные промыслы, удовлетворяющие основные бытовые потребности населения в одежде, обуви, предметах домашнего обихода и пр. В силу этих обстоятельств здесь долго сохранялись виды одежды, изготовленной из местного сырья, обработанного кустарными способами, восходящими к глубокой древности.

Полесье издавна было районом развитого льноводства и животноводства, которые в достаточной степени обеспечивали население шерстью и овчинами. Из этого сырья изготавливались все виды нательной, верхней одежды, головные уборы и некоторые виды обуви. Флора полесской низменности располагала соответствующим сырьем для изготовления плетеной обуви, господствующей у крестьянства до XX в.

Еще в первой четверти XX в. материалы для одежды изготавливали из собственного сырья. Льняное и конопляное полотно ткали в домашних условиях. Шкуры домашних животных для верхней одежды, головных уборов и обуви вырабатывали местные скорняки и овчинники. Способы тканья, как и исходный материал, известны всем славянским народам с глубокой древности. Холсты из льняных или конопляных нитей использовались для пошива нательной одежды (из грубого шили повседневную рабочую одежду, из тонкого, хорошо отбеленного — праздничную и обрядовую). Из тонких нитей льна-долгунца ткали высококачественные холсты, из которых изготавливали головные уборы — наметки.

В нательной одежде превалировал белый цвет, тогда как верхняя, поясная и нагрудная одежда имели разнообразную цветовую гамму. На Полесье в XIX— начале XX в. было распространено тканье холста в клетку и в полоску, при этом на основу шли цветные нити, а уток оставался белым, что давало сочетание белого с синим, белого с красным, белого с неотбеленной серой нитью.⁴ Ткали также купонный холст — по основе из неотбеленных нитей с одной стороны толстой красной нитью способом бранья ткали широкую красную полосу. Такое полотно шло на изготовление юбок и передников. На пошив юбок, запасок, кофт широко использовался и крашеный холст. Цвет окраски зависел от используемых естественных красителей. Коричневый цвет получался при окраске холста дубовой корой или железом, ржавчиной которого настаивали воду около месяца, черный — при окраске отваром из шишек ольхи. В качестве красителей шерстяной

пряжи широко использовали кору дуба, листья березы цветы желтой водяной лилии, шелуху ореха и лука. В зависимости от того, сколько времени пряжа была в растворе, получали разные цвета и оттенки: желтый, оранжевый (если добавляли листья березы), светло-коричневый разных оттенков, вплоть до черного. Чтобы процесс крашения проходил интенсивнее, в раствор добавляли хлебный квас, рассол огурцов, помидоров, квашеной капусты. Окрашенные растительными красителями ткани не линяли до самого износа. Процесс крашения анилиновыми красителями, широко вошедшими в обиход во второй половине XIX — начале XX в., был упрощен, но краска быстро линяла, портила изделие.

На рубеже XIX—XX в. в полесских деревнях бытовали различные ткацкие техники. Даже при тканье шерстяных окрашенных ниток техникой простого полотняного переплетения получали разноцветные ткани благодаря комбинации цветных ниток. Четкий ритм достигался путем чередования разной ширины разноцветных полос красного, желтого, зеленого тонов, а при цветной основе ткали также клетчатую ткань, комбинируя нити зеленых, бордовых, белых цветов.

Использование в ткачестве разнообразного сырья, различных технических приемов создавало предпосылки для формирования локального разнообразия одежды. Так, тканье шерстяных тканей браной техникой характерно было преимущественно для западных районов Полесья, где из них шили поясную одежду.

Повсеместно для верхней одежды ткали плотное сукно из толстых шерстяных скрученных ниток или полусукно, когда для основы брали льняные или конопляные нити, а для утка — шерстяные. Сотканную на ткацком стане ткань сбивали или валяли для прочности на специальных сукновальнях — фолюшах или в домашних условиях.

С глубокой древности как материал для верхней зимней одежды использовали овечьи шкуры. В полесских селах работали мастера, которые выполняли скорняжные работы, шили кожухи и меховые шапки.

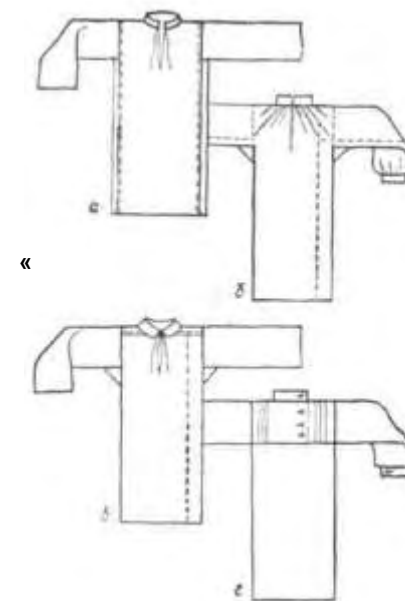
Основная рабочая обувь изготавливалась преимущественно из местного древесного сырья и сыромятной кожи.

Развитие капитализма в России захватило и сельское хозяйство отдаленных окраин страны. Рост шоссевого, водного и железнодорожного строительства в Полесье явился существенным стимулом возрастания экономических связей между отдельными районами. Экономическое

развитие приводило к нарушению сравнительного единообразия в народной одежде. В районах, связанных с центрами промышленного производства, весьма интенсивно изменялась традиционная одежда. В комплексе костюма традиционные компоненты заменялись новыми, изменялась функция некоторых традиционных компонентов.

В народной одежде менялся не только исходный материал, но и цветовая гамма, т. к. покупные ткани фабричного производства (ситец, сатин и др.) имели различную расцветку. Соответственно материалу менялся и крой одежды и манера ношения. Покупные головные уборы и обувь также существенно влияли на комплекс традиционной одежды.

При капитализме возросла классовая дифференциация сельского населения, которая обусловила различия в костюме даже в пределах одного населенного пункта.

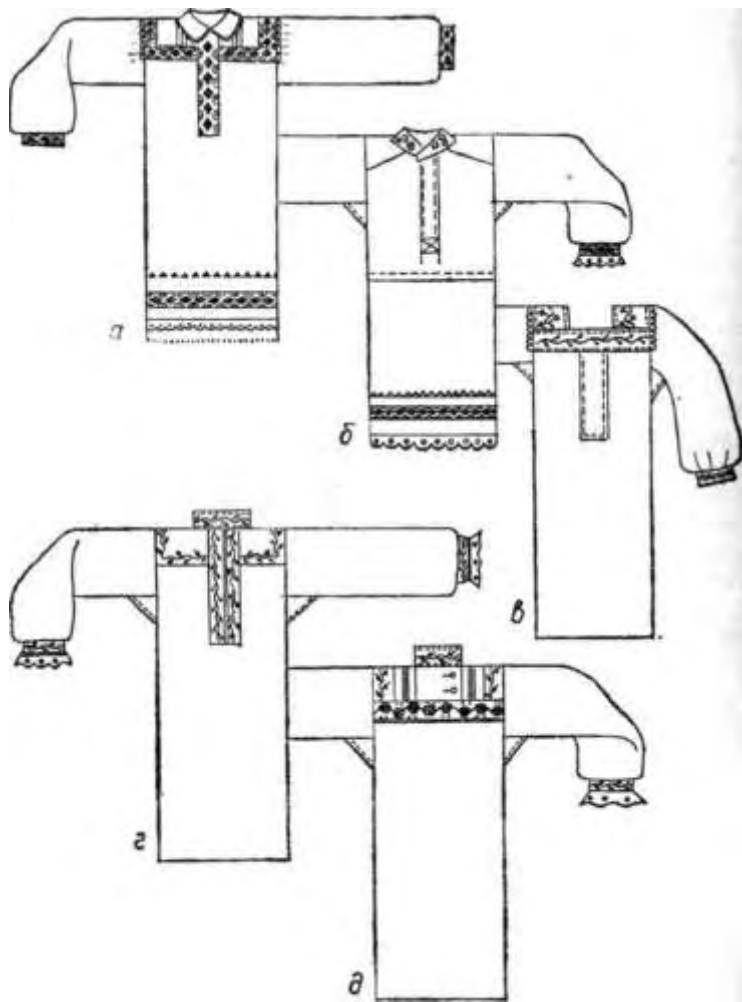

Сорочки женские.

а — туникообразная, *б* — с прямыми поликами, *в* — с узкими нашивками на плечах, *г* — на кокетке.

Костюм населения Полесья — женский и мужской — имел много общего в конструктивных, качественных и художественных характеристиках.

Во второй половине XIX — начале XX в. на всей территории Полесья комплекс женской одежды состоял из четырех основных компонентов: нательной рубахи («рубах», «сорочка», «кашуля»); поясной одежды (сшитая юбка и несшитая плахта); передника («фартух»); нагрудной одежды («гарсет», «кабат»). Верхней одеждой во всей полесской зоне являлись суконные свиты и овчинные кожухи. Характерным компонентом полесского комплекса — мужского и женского — была плетеная из лыка обувь, Удобная и практичная в условиях заболоченного края, своеобразие полесского женского комплекса составляли:

Сорочечки женские. *а* — цельнокроенная на кокетке с отложным воротником, *б* — поликовал с отложным воротником, *в* — цельнокроенная на кокетке с квадратным вырезом, *г*, *д* — цельнокроенная на кокетке с воротником-стойкой.

полотенчатые головные уборы, донесшие до XX в. отголоски глубокой древности, разнообразие и обилие украшений (тканых, вышитых, нашитых, съемных).

Основным компонентом женского комплекса являлась сорочка («рубаша», «кошуля»), которую на всей территории Полесья до XX в. шили из домотканого полотна

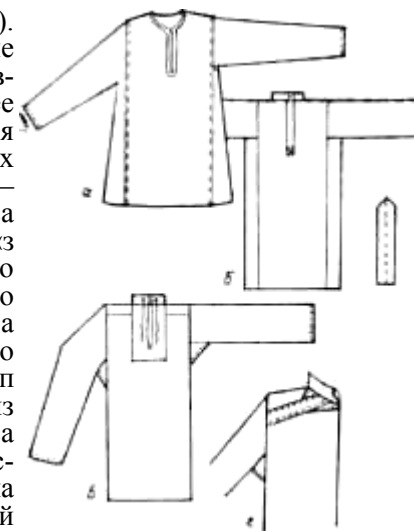
(льняного, конопляного). Локальное своеобразие полесских сорочек проявлялось в их крое. Наиболее характерны для Полесья сорочки из двух сшитых частей стана: верхней — станок и нижней — подстава (сорочка с «подставой», «з підточ-кою»). Подставу часто шили из полотна худшего качества («згребнины»), а станок — из более тонкого материала. Такой принцип шитья сорочек — из материала разного качества — был широко распространен, как известно, на всей территории, заселенной восточными славянами. Наряду с этим бытовали и сорочки с цельным станом («суцель-ная», «додільна»), выполненные из

односортного полотна. Их шили более зажиточные слои сельского населения — мелкая сельская шляхта, бывшие мещане, переведенные в крестьянское сословие.

Конструктивное решение стана определялось также количеством полотнищ («полок»), что зависело от ширины домотканого полотна. Преобладали сорочки из двух полотнищ, третье иногда разрезалось пополам и вставлялось по бокам.

Характерными для всего Полесья являлись сорочки с поликами («устаукамі», «установками»), т. е. с прямоугольными вставками из того же полотна, пришитыми либо по утку, либо по основе. Полик, скрепляющий переднее и заднее полотнища, одним узким концом в присобранном виде пришивался к воротнику, а противоположным — к верхней части рукава.

Рукава женских сорочек были длинными, с ластовицей — для расширения проймы. Неширокие рукава заканчивались обшивкой — узкими полосками вдвое сложенной и в повседневных рабочих сорочках и манжетами — в праздничных. Для праздничных сорочек западного Полесья характерны были широкие манжеты, по краю укра-

Сорочки мужские.

а — туникообразная, расширенная книзу, *б* — туникообразная прямая, *в, г* — туникообразная прямая с вставкой в плечевой части.

шенные кружевом либо полностью кружевные. Поликовая сорочка шилась с воротником — стоячим либо отложным. Стоячий преобладал в будничных сорочках, отложной — в праздничных. Повсеместно господствовал давний тип покроя сорочки — с глубоким разрезом посередине груди, с застежкой или завязкой у ворота.

Появление в сельском обиходе фабричных тканей внесло некоторые изменения в традиционный покроем. Под влиянием города в начале XX в. распространился покроем на кокетке («гестке»), при котором полики заменили сплошным поперечным полотнищем. Трансформировалась форма воротника и окошейного разреза, орнамента.

На Полесье сорочки обязательно украшались узорным орнаментом: тканым (более древний вид) и вышитым, либо сочетанием тканья и вышивки, широко распространившимся в конце XIX в. Только рабочие повседневные сорочки иногда оставались без украшений. Тканый и вышитый узор в поликовых сорочках располагался, как правило, на поликах, верхней части рукава, на манжетах, воротнике, на груди. В Белорусском Полесье украшение по нижней кромке сорочки встречалось редко, лишь в восточных районах. Для Украинского Полесья украшение подола—распространенное явление, связанное, по-видимому, с широким бытованием несшитой поясной одежды. В сорочках «на гестках» орнаментировка располагалась произвольно и во многом зависела от вкуса исполнителя. Расположение орнамента, характер орнаментальных мотивов являются устойчивыми признаками локальных особенностей одежды.

Поясная одежда имела на Полесье большое количество вариантов. Во многих районах Украинского Полесья до начала XX в. в обиходе была несшитая поясная одежда, состоящая из двух полотнищ холста белого цвета. Одно полотнище («попередница») крепили завязками на талии спереди, а другое («запаска») — сзади. Несшитую холще-вую одежду в виде двух фартуков в XIX в. белоруски восточных районов надевали только в жатву. Этот своеобразный вид поясной одежды, сохранившийся в XIX в. в виде реликтовой формы, в древности широко был распространен у славян (болгар и сербов). В Карпатах (у гуцулов) подобные запаски бытовали до недавнего времени⁴.

Господствующим типом поясной женской одежды в XIX—XX вв. была сшитая юбка, которая, в зависимости от материала (шерсть, полотно), расцветки и покроя, характера украшений, носила различные названия («сукня», «домоткан», «портюх», «фартух» и др.). Почти повсемест-

но известны такие разновидности поясной одежды: «андарак» — юбка, сшитая из цветного — однотонного или узорного — сукна или полусукна; «сподница» — холщевая (белая или окрашенная) юбка; «бурка», «летник» — шерстяные юбки из ткани специфической расцветки и орнаментировки. Различные юбки шили обычно из двух, трех, четырех, реже — пяти продольных полотнищ. Переднее полотнище юбки из узорной ткани отличалось более простым рисунком. Прямые, одинаковой ширины полотнища сверху у неширокого пояса собирались в сборки или складки.

Необходимой составной частью полесского женского комплекса во всех его локальных вариантах являлся передник («фартух») из тонкого домашнего полотна, а в ряде районов Украинского Полесья и белорусско-украинского пограничья — из шерстяной узорной ткани. Холще-вые передники («фартушок», «фартувына», «пярздік», «прытулка», «затулка») шили из одного, двух, двух с половиной продольных полотнищ, которые собирались около неширокого пояса в сборки, реже — в складки. Фартуки всегда украшались тканым узором, вышивкой или тем и другим вместе. Для украшения передников широко использовалось кружево, которое плели из суровых домашних ниток. Кружевные прошвы вставляли между полотнищами либо внизу перед оборкой («хвальбоной»). Чаще же кружевом украшали низ и боковые полотнища. По расположению орнамента, по способу ношения фартуков определяется локальное своеобразие этого вида одежды.

Для Полесья характерен комплекс женской одежды с безрукавкой (лишь в немногих районах безрукавки не являлись обязательным компонентом комплекса). Здесь известны разнообразные виды покроя и многочисленные названия безрукавок. На Полесье бытовали цельнокроенные длинные безрукавки с разрезами по бокам, а также короткие, прямого покроя безрукавки.

Определенные типы покроя компонентов одежды, виды украшений встречались в определенных районах, являясь одним из ярких показателей локального своеобразия костюмного комплекса.

Мужской комплекс одежды Полесья был довольно однородным на всей территории. В отличие от других регионов Украины и Белоруссии, в этом комплексе еще в на-

чале XX в. сохранялось немало давних особенностей в покрое и способах ношения одежды. Длинные полотняные рубахи (почти до колен) и белые холщевые штаны полесские старики глухих деревнях носили еще в 30-е годы XX века.

Покрой безрукавок.

Рабочие повседневные рубахи чаще шились туникообразными, без воротника, праздничные, а в ряде мест и повседневные, имели поликовый крой, стоячий либо отложной воротник. В отличие от женских сорочек, в мужских для прочности с изнанки пришивали второй слой полотна, который от воротника сзади доходил до половины спины. Рукав всегда выкраивался прямым, с ластовицей. Рукав туникообразной рубахи заканчивался простой обшивкой, а поликовой — нешироким манжетом, застегивающимся на пуговицу. Прямой разрез по середине груди вверху у горловины либо застегивался на блестящую пуговицу—

шпонку, либо завязывался лентой из цветной фабричной ткани, продетой в прорези по обе стороны пазухи. На воротнике, манжетах, на подоле, иногда в местах соединения рукава со станом располагалась вышивка. Со второй половины XIX в. в праздничных рубахах около разреза накладывалась манишка, которая обычно вышивалась. Носили рубахи преимущественно навыпуск, подпоясывая их поясом — плетеным, тканым, либо изготовленным из покупной шерстяной ткани.

Штаны из домотканого полотна или шерсти чаще окрашивались домашними или анилиновыми красителями, но иногда шили и белого цвета. Преобладающим типом покроя были штаны с ромбовидными либо квадратными клинами между штанинами. Этот тип покроя широко распространен и в других регионах Украины и Белоруссии. В центральных районах Белорусского Полесья штаны шили со вставкой треугольной формы, а также составленной из двух клиньев.

Безрукавка в праздничном полесском мужском комплексе была широко распространена лишь у сельской шляхты. Крестьяне в праздники носили ее в редких случаях.

Теплую безрукавку на вате крестьяне надевали повсеместно в будни. У бывшего шляхетского населения широко бытовали и суконные штаны («майтки») городского покроя.

Как и на остальной территории Украины и Белоруссии, на Полесье холщевые штаны у пояса стягивались бечевкой («очкурром»), протянутой в широкую обшивку.

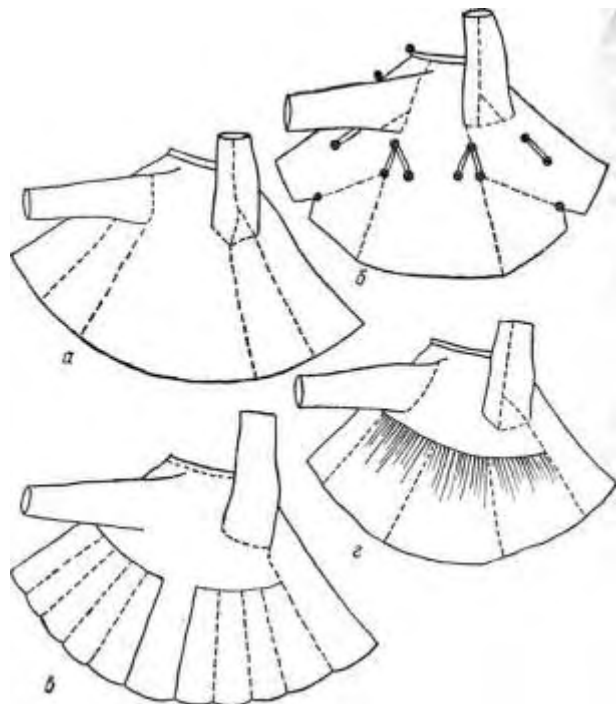
Характерной особенностью мужского комплекса Полесья являлось наличие дополнительных элементов к костюму. Это «калита» — кожаная сумочка (ее подвешивали через плечо или к кожаному поясу), широкий кожаный пояс с металлическими пряжками, который надевали на рубаху, тогда как одежду подпоясывали широкими матерчатыми поясами красного, зеленого, а иногда белого и черного цветов. С рабочим комплексом носили холщевую сумку-торбу, ее подвешивали через плечо на правом боку.

Показательным компонентом в определении локального своеобразия комплексов являлась верхняя суконная одежда, которая в полесских районах различалась типом покроя и характером украшений, названиями.

Наиболее характерным, типично полесским видом суконной мужской и женской одежды являлась одежда с боковыми вставными клиньями («з вусами»). Одежда такого покроя на территории западного Полесья называлась «латухой». Шилась латуха неотрезной, между спинкой и передними полами вшивались клинья (в форме сильно вытянутых треугольников с шириной низа 18—22 см), которые образовывали нечто вроде фалд. Боковые полки и пазуха сшивались толстыми рубцеобразными наружными швами. Застегивалась латуха с помощью крючков и петель. Одежда однотипного покроя иногда называлась «свитой», хотя типичная суконная свита имела другой покрой и шилась, как правило, длинной.

Суконная верхняя одежда любого покроя не имела подкладки, только у воротника (чаще стоячего) и обшлагов складывалась иногда вдвое. Шилась она двубортной, без лацканов, правая пола примерно на 18 см находила на левую, защищая грудь от дождя и снега. Женская одежда была короче мужской, но обычно не доходила до земли примерно на 20 см. Верхняя суконная одежда всегда подпоясывалась тканым либо плетеным, довольно длинным поясом. Из всех видов верхней суконной одежды наиболее активно украшалась западно-полесская латуха: цветными шерстяными шнурами, шариками из цветных шерстяных ниток («куклами»).

чинная одежда — кожухи, шубы, полушубки, имела, а правило, прямой крой, шилась с отложными воротни-

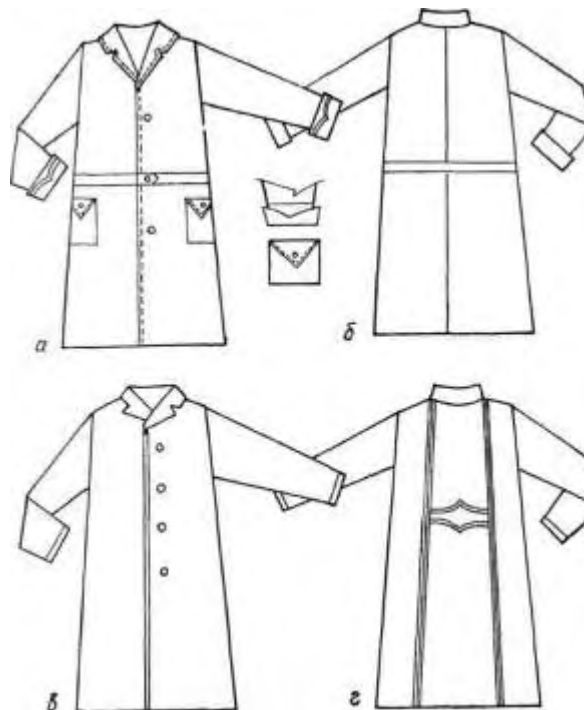
Верхняя суконная одежда:

а — свита с прямой спинкой, б — латуха с двумя клиньями, в — свита с «проходкой», г — свита с подрезом и мелкими сборками в талии.

ками разной ширины, мехом наружу. меховая одежда, особенно праздничная, украшалась меховыми отворотами на рукавах и меховой опушкой по низу и полам.

В конце XIX в. в широкий обиход наряду с традиционными видами верхней суконной и меховой одежды входят различные виды короткой одежды из домашнего сукна и пальто городского покроя из фабричной покупной ткани.

Комплекс одежды населения Полесья при наличии многих общих черт был довольно разнообразным по покрою, характеру украшений, цветовой гамме всего комплекса в целом и отдельных его компонентов. Разнообразие прослеживалось в пределах одной местности, даже в

Женская верхняя одежда из сукна домашнего изготовления.

пределах одного населенного пункта, где праздничная и обрядовая одежда отличалась от будничной рабочей, а также различалась в зависимости от материального благосостояния разных слоев крестьянства. Но подобное разнообразие касалось частности при сохранении общего колорита костюма, его цветовой и орнаментальной основы.

Характерным компонентом женского и мужского костюма были головные уборы. Этот компонент является одним из критериев, определяющих национальное и локальное своеобразие костюма. Полесские головные уборы сохранили в разнообразных формах и способах ношения давние традиции и признаки.

Особенным разнообразием отличаются женские головные уборы. Традиция строго распределила их по функцио-

Покрой верхней суконной одежды — «латухи».

пальному назначению. Женский головной убор и даже способ его ношения — это прежде всего отличия возраста, семейного и социального положения его владелицы. Такое же знаковое значение имела и женская прическа, с которой головной убор тесно связан.

Распущенные по плечам волосы — простейшая и наиболее древняя прическа, распространенная среди полесских девушек, как и всех девушек-славянок, в конце

XIX в. стала исчезать, сохраняясь только на левобережье среднего течения Горыни (с. Яполоть).

В конце XIX — начале XX в. девушки обычно заплетали волосы в косы (одну или две), разделив их на две равные части пробором посередине головы. Одну или две косы либо свободно опускали на спину, либо укладывали венчиком вокруг головы. Иногда возле ушей оставляли пряди волос («начесы»). В косы вплетали ленты («кісьники», «стрічки», «стяжки», «канськи», «стужки», «плетки») — шелковые в праздничные дни и простые в будни. Иногда одновременно вплетали по несколько лент. Бытовал и общеславянский обычай — заплетать волосы не до конца, а до половины длины.

Как и у всех восточнославянских народов, на Полесье повсеместно соблюдался обычай носить девичий головной убор, не закрывая макушку. Венцеобразные голозные уборы были характерны для девушек всех социальных слоев. Венки отличались очень большим разнообразием. Бытовали плетеные и комбинированные затылочные венки из живых цветов, известны были и венки из бумажных цветов. На жесткую круглую основу из гибкого прута крепились бумажные цветы. Вспомогательными материалами служили нитки или тонкая проволока. Повсеместное распространение имели венки-повязки. В начале XX в. их изготовляли из тонкой домотканины или из белой фабричной ткани. Иногда обычные платки повязывали в виде венка, складывая его по диагонали узкой полоской, которую завязывали вокруг головы, концами на затылке. Нередко к узлу крепили разноцветные ленты.

Праздничные и обрядовые венки имели форму невысокого цилиндра из плотной бумаги, шириной около 2,5—4 см. Твердый обруч обтягивали лентой, сзади подвешивали еще 10—12 лент. Такие обручи («кокошники»), по свидетельству П. П. Чубинского, носили и в будни, но без лент сзади. Летом за «кокошник» закладывали полевые и садовые цветы⁶. Аналогичные венки описывал Д. К. Зеленин в конце XIX в.⁷ При неизменности формы высота венка увеличивалась от 2,5 до 14 см. В селах западного Украинского и Белорусского Полесья венки изготовляли из мелких куриных или петушиных перьев, окрашенных в зеленый цвет⁸.

В конце XIX — начале XX в. с проникновением в сельский быт товаров и элементов городской моды венки постепенно исчезают из повседневного обихода, их надевают лишь во время свадебного церемониала.

Женщины в отличие от девушек волосы в косы не заплетали, а по древнему славянскому обычаю, разделив их на две пряди пробором, укладывали под головные уборы.

В XIX в. на Полесье были известны «основанные» платки («засновані хустки») из грубого домашнего полотна, украшенные, как и «старовіцькі», красными полосами. Со временем их вытеснили «расписанные» («пописані»), затканые вдоль и поперек тонкими полосками, которые образовывали клетку. Полесские женщины носили также шерстяные покупные платки — однотонные или цветные.

В западном Украинском Полесье и на Туровщине в Белоруссии известны полотняные платки с одним вышитым углом, который украшали еще и кисточкой («кутасом»). С древности у полесских женщин были в обиходе большие шерстяные платки — «опинки», черные с зелеными полосами по краям. В ряде сел западного Полесья опинки ткали также в клетку. Одновременно носили и большие платки фабричного производства, называемые «кырухамы».

Женские головные уборы западной части Полесья имеют общие черты с женскими головными уборами латышек, русских северных районов европейской части РСФСР. Головные уборы женщин восточной зоны Полесья приближаются к женским головным уборам общеукраинским и общеполесским.

Головные уборы мужчин довольно разнообразны по форме и способам изготовления. Издавна мужские головные уборы — летние и зимние — изготавливали в домашних условиях из сукна, овчины, соломы. По способам изготовления они подразделяются на плетеные, валяные, шитые.

Широкополые плетеные шляпы («капелюши», «брылі») с большим искусством плетали из ржаной и пшеничной соломы, тонкого речного камыша и травы. В с. Ярыновка Березовского р-на Ровенской обл. для плетения шляп-брылей применялась трава — «мычка», «хвущ». Плетеный «капелюш» имел довольно широкие прямые поля и тулью цилиндрической формы либо формы сильно усеченного конуса. Праздничные «капелюши» украшались матерчатой лентой, повязанной вокруг тульи.

В конце XIX в. на Полесье бытовали полусферические или напоминающие усеченный конус шапки из валяного сукна белого и серого цветов. В западных районах Полесья отдавали предпочтение шапке из сукна того же качества, что и свита. Иногда суконную шапку одной и той же формы в разных селах называли по-разному. На-

пример, в с. Великие Озера Дубровицкого р-на шапку из сукна полусферической формы, с завернутым внизу краем (3_Ю см) называли «ковпак», а в с. Шахи, расположенном всего в 5 км от соседнего, такую же шапку называли «шоломок». В селах центрального Полесья шапки обшивали шнуром из шерстяных ниток красного цвета, сбоку подвешивали кисточки. Шапкам-шоломкам свойственна характерная форма, создаваемая высокой тульей и четырехугольным ромбическим дном. (Такие шапки бытовали и у поляков.) Четырехугольное дно шоломка обшивали красным шнуром. К каждому из углов («роги») были пришиты кисточки. Внизу шапка-шоломок имела манжет, который в холодную погоду отворачивали и закрывали уши. Шапки указанного вида в разных местностях отличаются названием. Так, в с. Самары Ратновского р-на Волынской обл. их называли «джемерками», в селах Зареченского р-на на Ровенщине, как и в Белорусском Полесье, — «рогатівкою».

В конце XIX в. под влиянием городской моды повсеместно стали носить «кепки», фуражки или «картузы», во многих селах — фуражки из сукна или холста с блестящими козырьками по образцу военных.

Зимние шапки шили из обработанной бараньей шкуры. Они имели различные формы и названия: «папаха овеча», «кучма», «шапка», «крымка», «ковбанка» и др.

В Белорусском Полесье носили высокие меховые шапки — «кучмы», «капузы» цилиндрической либо конической формы, высотой около 25 см. Нередко дно такой шапки делали из сукна, чаще всего синего цвета. Такие шапки известны также в с. Нобель Зареченского р-на Ровенской обл. Шились «кучмы» и «капузы» из серых или черных бараньих шкур. Носили полешуки и меховые шапки с ушами — «обловухи», также из овчин и лишь у зажиточных — из лисьего или белчьего меха. Все разнообразные виды и формы шапок полешуков восходят к общеславянским типам.

В Полесье дольше, чем в других областях Белоруссии и Украины, сохранилась в обиходе традиционная плетеная из древесной коры обувь. Плетеная обувь в западном Белорусском Полесье называлась, как и на всей территории Украинского Полесья, не «лаптями» — термином, широко известным у всех восточнославянских народов, а «постолами», т. е. термином, относимым в других восточнославянских областях к обуви, изготовленной из кожи.

границах распространения термина «постола» бытовало

и особое название веревочных привязей лаптей — «волоки».

Постолы (лапти) — удобный вид обуви, если учесть природные условия региона, род занятий населения. Лапти носили мужчины, женщины и дети. Для многих это была единственная доступная обувь в будни и праздники. Бедняки даже к свадебному костюму обували лапти. Значительная часть населения взаимобразно брала сапоги на свадьбу, иногда только на время венчания. Во многих крестьянских семьях одна пара сапог была на всех членов семьи. Приобретение сапог для кого-либо из домочадцев было настоящим событием в крестьянской семье. И конечно же, только в богатых семьях сапоги или ботинки имел каждый член семьи, что, однако, не исключало ношения лаптей на работу.

Лапти изготовляли из очень доступного материала — лыка, техникой прямого плетения, а в восточных районах Полесья — и техникой косо́го плетения. Плетеные лапти были недолговечны в носке, поэтому у каждого крестьянина было заготовлено достаточное количество пар этой обуви. Кроме того, всегда имелись запасы необходимого сырья для ее изготовления. Полесские постолы изготовлялись из неплотно прилегающих друг к другу лыковых полос, с одинарными подошвами. Носы делались короткими, по бокам и на носке выплетались петли, в которые пропускали веревку или лыко, для того чтобы стянуть лапоть на ноге.

Привязи плетеной обуви («оборы», «волоки») делали из лыка, конопля, конского волоса или кожи длиной до 3 м. Их продевали в петли постолов с таким расчетом, чтобы оставались два ровных конца, которыми обвивалась икра ноги.

Кроме лыковых способом прямого плетения изготовляли постолы из льняных и конопляных шнуров, которые в западном Полесье называли «башмакы», а в селах, граничащих с Брянской областью, — «московцы»¹⁰. Постолы из шнуров плели на деревянной колодке, глубокие, с разрезом для подъема, чтобы удобнее было натягивать на ногу.

В западных районах Полесья бытовали также постолы из цельного куска телячьей или свиной кожи, с прорезями по краям, в которые протягивали ремешок, чтобы стянуть и прикрепить обувь к ноге. Необходимым компонентом при постолах были онучи — холщевые летом, суконные зимой.

В летнее время большинство сельского населения всех возрастов ходило босиком. Женщины западного Полесья

для предохранения кожи ног от царапин в жатву икры обвивали холщевыми лоскутами — «завойками», укрепляемыми оборами. Эти завойки шли от стопы до колена, ступня оставалась босой. Подобный обычай в других регионах Украины и Белоруссии не имел распространения. Бедные крестьяне для повседневной работы использовали так называемые «дрепы» — обувь на толстых деревянных подошвах, с кожаным верхом, который закрывал только переднюю часть ступни¹¹.

В городах широкое распространение имела кожаная обувь, во многих городах Полесья сохранились цеховые книги сапожников XVII в.¹²

Бытовали два вида кожаных сапог: цельные сверху донизу («вытяжки») и с подкройной головкой («прости»). Сапоги-«вытяжки» были праздничной обувью, их шили из улучшенной тонкой хромовой кожи, сапоги с головкой — из грубой кожи, они были повседневной рабочей обувью.

Зажиточные женщины по праздникам носили черные ботинки на высоких каблуках («кирках», «абцасах»), с голенищами до середины икры, с петлями для шнуровки или с застежками на несколько пуговиц. Каблуки ботинок подбивали медными и железными подковками.

В сапоги и ботинки, надеваемые по праздникам, вместо онуч надевали чулки («панчохи»), длина которых доходила до колена или чуть выше. Их вязали сами из грубых льняных или шерстяных ниток толстыми спицами.

Рассмотренные компоненты одежды, головные уборы, обувь свидетельствуют об общности характерных особенностей мужского и женского костюма на всей обширной территории Полесья.

Однако при однотипности общего комплекса костюм Полесья был разнообразен в деталях: различными были ткани (по технике изготовления, фактуре и расцветке), покрой отдельных компонентов костюма, украшения, манера ношения. Чаще отдельные особенности бытовали дисперсно в самых разнообразных комбинациях и сочетаниях с другими компонентами, но иногда целая группа особенностей концентрировалась на определенной территории, создавая существенное локальное своеобразие в костюме.

По совокупности ряда показателей на территории Полесья выделяются три обширных региона: западнополесский, центральнополесский и восточнополесский, хотя границы между выделенными регионами были расплывчатыми: по одним особенностям костюма очерчивалась более узкая зона, по другим — довольно обширная.

Комплексом локальных особенностей в одежде выделяется западнopoлесская зона, занимающая юго-западные районы Брестской обл. и северные районы Ровенской и Волинской. Западнopoлесский комплекс обеих республик при наличии общих черт (длинные рубахи со всеми характерными деталями поликового покроя, юбки из продольных полотнищ и др.) имел различия, выразившиеся в технике изготовления материалов для поясной одежды (в юбках, которые шились из узорных холщевых, полушерстяных тканей домашнего изготовления). Здесь в качестве праздничной одежды широко бытовали так называемые «бурки» и «летники», из плотной или тонкой шерстяной ткани с богатой орнаментацией. Материал ткался из льна или шерсти браной техникой. Затканые узоры чаще располагались в несколько поперечных полос, чередующихся в определенном ритме. Самая широкая и сложная по рисунку полоса шла по нижнему краю, сверху полосы становились уже и проще по рисунку. Переднее полотнище, которое закрывалось передником, либо совсем не украшалось, либо украшалось очень скромно. Орнамент узорно вытканых полос представляет разнообразные сочетания геометрических фигур: квадратов, розеток, ромбов, треугольников и т. д. Нередко затканый узор сочетался с вышивкой разноцветными нитками.

Своеобразие в западнopoлесском регионе прослеживается в типах, названиях и покрое нагрудной одежды — безрукавок и суконных свит — латух. Короткие безрукавки, называемые здесь чаще шнуровками и сшитые из покупного атласа, бархата, сукна, подгонялись с помощью вытачек по фигуре, в нижней части имели пришивную узкую оборку. Полки около переднего разреза (посередине) украшались шерстяными либо шелковыми нитями. В ряде мест вышивку делали и на спинке.

Обязательный компонент западнopoлесского комплекса — передник («хвартух») шился обычно из двух полотнищ домашнего тонкого полотна, которые собирались у пояса в мелкую сборку или складку. Только на территории западного Полесья известен такой вид головного убора, как «убрус», «плат», который повязывался особым образом.

В западном Полесье наряду с плетеной обувью, называемой постолами, носили и кожаные постолы. Только здесь в период жатвы женщины надевали холщевые «за-войки».

Наряду с господствующим в западнopoлесском регионе Белоруссии и Украины красным и черным цветом вы-

шивки в ряде деревень вышивали только черными нитками которыми выполняли орнамент, аналогичный орнаменту прикарпатских районов Украины.

В ряде деревень этого региона Полесья при шитье безрукавок использовали комбинированные ткани: в передние полочки нагрудной части вставляли по вертикали цветные полосы шириной около 12 см или полосу контрастного цвета пришивали внизу в виде широкого пояса. В Дубро-вицком р-не Ровенской обл. все предметы одежды (сорочку, юбку, передник, наметку) изготавливали из тонкого прозрачного домотканого полотна. Этот комплекс отличался безукоризненной белизной и очень скромным декором. Сорочку украшали только узкой красной полоской на рукаве — выше манжета, узкую красную полосу ткали по подолу юбки и передника. Подобный костюм надевали только по праздникам, дополняя его белой наметкой, украшенной узорчатой красной каймой, и белой свитой. В Мало-ритском р-не в женском комплексе как обязательный компонент костюма отсутствовала безрукавка. Отсутствием безрукавки в какой-то мере можно объяснить обилие затканых и вышитых украшений сорочки.

Белый с красными акцентами женский комплекс западного Полесья сохранил много древнеславянских черт. Наслоения культуры позднейших эпох не нарушили его своеобразной окраски. В ряде районов украинской зоны еще в начале XX в. женщины носили запаску из ткани в поперечную полосу с нарастанием ритма полос снизу вверх. Здесь же и юбку носили с расчетом, чтобы был виден нижний край сорочки, что в Белорусском Полесье вообще явление редкое.

Значительное своеобразие женского комплекса прослеживается в центральных районах Полесья.

Господствующим на всей территории центрального Полесья комплексом женской одежды был следующий: полотняная сорочка поликового покроя, украшенная вышивкой красными и черными нитками на рукавах, воротнике, на груди. В последнем случае вышивалась или украшалась тканым узором вся верхняя часть сорочки на груди вместе с поликами, либо украшалась только нашивная манишка. Первый вариант был широко распространен в северной части Пинского р-на, второй — на широкой территории центрального Полесья. Поясную одежду из клетчатой домотканой шерсти, а в ряде мест и из покупной шерстяной материи украшали нашивкой по подолу лент золотистого или серебристого галуна (в праздничных). Фартуки, сшитые из двух полотнищ домашнего полотна,

из покупного каленкора — короткими и узкими. Обязательным компонентом центральнополесского комплекса является безрукавка, имеющая несколько локальных вариантов. В Телеханском р-не, например, распространены были длинные безрукавки с разрезами по бокам, украшенные нашивкой галунов или шелковых лент вдоль разреза впереди, по нижнему краю и на спине. В Сталинском и Микашевичском районах господствовали короткие, прямого покроя безрукавки с характерными украшениями разноцветной аппликацией в виде нескольких рядов зубчатой полосы на груди. Безрукавка не доходила до юбки, и это пространство закрывалось широким, чаще вязаным из красных ниток поясом. Третий тип безрукавок, распространенный в восточных районах этого региона, — отрезные в талин. Верх ее подгоняли по фигуре, а нижнюю часть у шва собирали в сборку. Безрукавки эти на груди украшали вышивкой цветными шелковыми нитями и нашивкой металлических бляшек.

Центральное Полесье являлось довольно отсталым в промышленном отношении краем. Население, проживавшее в деревнях, изолированных от других территорий Белоруссии и Украины, с одной стороны, сохраняло в своем быту немало древних черт духовной и материальной культуры. С другой стороны, значительное количество проживавшей здесь мелкой шляхты обусловило сравнительно раннее проникновение в быт местечковой и городской культуры, что наложило определенный отпечаток на комплекс народного костюма в целом. В центральных районах Украинского Полесья выделялись своеобразием костюма села Житомирщины (Бежи, Дидковичи, Ходаки, Чоповичи, Васюковичи), население которых не знало крепостного права. Они раньше обратились к покупным тканям и одежде, подражая мещанскому костюму. В шляхетской среде раньше стала известна «перкалевая» сорочка на гестках с различными воротниками и околошейными вырезами. Тканые узоры раньше стали вытесняться вышивкой, аппликацией. Юбки из покупных тканей (шерсти, атласа) украшали оборками («фальбонами»), кружевами, лентами, галунами. Раньше, чем у крестьян, в комплексе появились различного материала и покроя кофты, которые надевали поверх традиционной сорочки, постепенно ставшей нижним бельем. Шились кофты («капоты») приталенными, украшались складками, оборками, кружевом, а теплые зимние — мехом. Жакеты на подкладке («саки») шили из черного сук-

на. Зимние шубки, иногда на лисьем меху («лиси»), были приталенными, с мелкими сборками в талии, а над оборками — пояс, украшенный стеклянными пуговицами, бляшками и другой мишурой. Голову, в отличие от крестьян, повязывали покупными платками. Шляхтянки стремились приобрести кожаные сапоги (боты) или ботинки. В центральных районах Белорусского Полесья особый вариант представляет костюм Давид-Городка. В деревнях, расположенных в непосредственной близости от Давид-Городка и в самом местечке, женские сорочки шились из тонкого белого полотна, совершенно не украшались ни узорным тканьем, ни вышивкой. Однотонными, без украшений были безрукавки, составившие как бы лиф поясной одежды. Шерстяные андараки шили из домотканины, вытканной в узкие продольные полосы различного цвета (синие, желтые, белые и т. д.) по красному фону. Но наиболее яркой отличительной чертой являются своеобразные металлические шейные украшения, совершенно неизвестные в других местах Белоруссии и Украины. На массивные металлические цепи подвешивали большие нагрудные кресты, ладанки. Несколько рядов таких цепей целиком закрывали грудь. Своеобразными в этом комплексе были и головные уборы женщин — высокие, типа тюркских тюрбаны.

Определенное своеобразие представлял костюм, распространенный в районе верхнего течения реки Уж. Здесь поликовые полотняные женские сорочки вышивали наряду с красными еще и белыми нитками, что для Полесья в целом не характерно. В этом комплексе как поясная одежда бытовали плахты, и только в начале XX в. плахты были заменены полотняными или шерстяными юбками. Наряду с полотняными в обиходе были и шерстяные передники. Отличительной чертой этого комплекса являлась верхняя нагрудная одежда, называемая свитой или юпкон, с девятью клиньями сзади. Выделялся этот комплекс еще и преобладанием красного цвета в материале одежды (плахт, запасок, юбок, безрукавок, головных уборов).

На значительной территории центральнополесского региона господствующим женским головным убором, как и в западнополесском комплексе, были сложные уборы с наметкой.

Восточнополесский комплекс женской одежды отличается от западно- и центральнополесского рядом особенностей. Поликовую сорочку из домотканины в этом регионе нередко шили без воротника, с простейшей обшивкой — бейкой вокруг круглого выреза. Прямой рукав также заканчивался простой обшивкой. Манишку пришивали

редко, а если и пришивали, то, как правило, не украшали вышивкой. Одежда восточного региона, расположенного в Поднепровье, т. е. в районе с многочисленными промышленными центрами, уже в XIX в. претерпела существенные изменения под влиянием городской культуры. Сравнительно рано сорочка здесь становится нижним бельем, поверх которого надевались кофты и жакеты из покупных тканей. Несмотря на трансформацию нагрудной части костюма, в поясной одежде, однако, долго сохранялись древнейшие типы и способы ношения. В украинской зоне восточного Полесья заметную роль играла несшитая пояс-пая одежда — две запаски из толстого домотканого сукна, затканые поперечными полосами, задняя черного цвета, передняя синего. У женщин старшего поколения бытовали плахты из шерстяной ткани, окрашенной в синий, красный, желтый и черный цвета¹³. Длинной, до пят плахтой оборачивали фигуру, прореху спереди закрывали однотонной шерстяной запаской красного, синего или зеленого цвета. Полесская плахта отличалась от плахт других районов Украины лишь орнаментом.

Господствующим типом поясной одежды восточнополеского региона белорусской зоны являлась юбка, сшитая из четырех полотнищ шерстяной домотканины. Кроме андараков и «суконников» из домотканины бытовали «сая-ны» — из покупного сукна или шерстяной ткани. (Все эти виды сшитой поясной одежды бытовали также в пограничных с Белоруссией районах Украины.) Суконные андараки восточнополеского комплекса сохраняли черты древнеславянской несшитой поясной одежды — поневы, что проявлялось в материале (клетчатая ткань), в способе ношения — с подтыканием впереди, не зафиксированные в других районах Полесья.

Наряду с традиционными суконными длинными свитами здесь бытовала короткая суконная одежда — «летники». Широко известна верхняя одежда из покупных тканей — «корта», «саина» — на утепленной подкладке, которая по традиции называлась «катанкой». На Киевщине спинку катанки выкраивали с девятью клинами («вусиками»), которые от талии вниз расширялись. На талии напротив каждой фалдочки нашивали пуговицы, бляшки или кружочки красной шерстяной ткани. На Черниговщине одежду, аналогичную киевским катанкам, называли «юпками». Термин «юпа», «юпка» применительно к верхней суконной одежде широко известен в поднепровских селах Белоруссии. Так иногда называли обычную верхнюю суконную одежду.

В восточнополесском белорусском комплексе женской одежды не было полотенчатого головного убора. Здесь в ряде мест еще в начале XX ст. зафиксирован своеобразный древний убор — кичкообразная «галава», к которой сзади крепилось тонкое полотенце. Обычным головным убором был платок.

Обувались здесь в лапти прямого и косоного переплетения, а также в башмаки из конопляных веревок.

Для восточнополесского комплекса характерно шейное украшение из мелкого бисера, которое в Киевском Полесье называлось «лучка».

Особенно богата локальным своеобразием обрядовая одежда полесского крестьянства. Традиционная народная одежда играла важную роль при исполнении различных обрядовых церемоний, особенно в таких важных обрядах, как свадебный и погребальный. На этот случай либо готовили специальную одежду, либо использовали отдельные, типичные в данной местности компоненты костюма, придерживаясь многовековой традиции.

Венок на голове девушки, цветок на костюме жениха, гостей, полотенце через плечо у свата и дружек — это те атрибуты, без которых не обходилась крестьянская свадьба. Установленные традицией нормы не нарушались, т. к. отход от норм порицался односельчанами и, как считалось, был «не к добру».

У всех восточнославянских народов, в том числе у белорусов и украинцев Полесья значительную роль в свадебной обрядности играл обряд причесывания невесты — расплетание косы, закручивание волос на обруч и надевание женского головного убора.

Не только невесты, но и свахи, сваты, дружки украшали свою одежду и головные уборы цветами, бантами из лент, рушниками, чтобы отличаться от общей массы участников свадьбы.

Свадебный костюм состоял из тех же компонентов, что и праздничный, только украшался он более богатым декором.

На Полесье, как и на остальной территории Украины и Белоруссии, неотъемлемым компонентом свадебного костюма невесты был венок. В западном Полесье — из разноцветных бумажных цветов с укрепленными сзади лентами, в центральных районах Полесья к бумажным цветам добавляли крашенные гусиные перья. Подобные венки часто называли «пава». В восточнополесских районах иногда цветы к венку изготовляли из оберточной конфетной бумаги, добавляя к ним зеленые веточки аспарагуса.

Сзади к венку прикрепляли не менее двадцати разноцветных лепт. В Старовыжевском р-не (с. Любохины) венки делали из сложенного в виде полоски белого платка, к которому крепили ленты.

В конце XIX в. в широкий обиход входит покупной венки из бумажных цветов, покрытых воском. В венки невесты из с. Горностайполь Репкинского р-на к восковым цветам добавляли окрашенные в зеленый, желтый, голубой цвета петушиные или индюшачьи перья¹⁴. В северных районах Черниговского Полесья ленты крепили не только к венку, но и к ожерелью¹⁵. В ряде сел Репкинского р-на (Горностайполь, Пушкари) невеста не надевала венки, а вплетала в косу шесть лент.

На Пинщине венки надевали невесте и жениху. У невесты он украшался сзади разноцветными лентами, свободно свисающими вдоль спины. Во время венчания к венку невесты обязательно крепилась длинная, почти до пола вуаль из тонкой белой кисеи, которая свободно лежала на плечах и спине.

Кроме венков из натуральных или искусственных цветов в Белорусском Полесье бытовали венки из разноцветных лент, скрепленных особым образом. В с. Светица Ляховичского р-на упомянутые венки имели вид шапки, верх которой прикрывали лентой либо мятой.

В западной части Украинского Полесья (Любешовский р-н) голову невесте повязывали «кокошицей» (от старинного «кокошь» — курица¹⁶). Это богатый головной убор, для изготовления которого использовали стеклянные бусы, белое полотно, шелковые ленты, петушиные перья, окрашенные в красный цвет. Вначале на голову надевали ки-балку, обшитую красными лентами и бусинами. С обеих сторон над висками прикрепляли по одному пучку петушиных перьев, которые назывались «кокошица», что и дало название всему головному убору.

В с. Повитье Дрогичинского р-на поверх наметки невесте накладывали налобную повязку, твердая основа которой обшивалась материалом, собранным в мелкие складки. На верхний край этой повязки укреплялись пучки крашеных птичьих перьев, образующих своеобразные рожки. «Рогатые» головные уборы были известны всем восточным славянам. У украинок и белорусок они имели ту особенность, что «роги» были короткими¹⁷. Д. К. Зеленин считал, что «рогатые» головные уборы исполняли функцию оберега ребенка и его матери (роженицы) от нечистой силы и злого глаза¹⁸. Рога, по народным поверьям, охраняли от всего злого.

Своеобразным был обряд «повязывания невесты в молодуху». В с. Дубчицы Зареченского р-на Ровенской обл. для свершения этого обряда отрезали три метра полотна, которое крепили к палке (как знамя) и обходили гостей. Гости в знак уважения к невесте и ее родным вытирали этим полотном лица. После того, как обошли всех гостей, полотно снимали с палки и набрасывали на голову невесте.

Некоторые локальные отличия наблюдались в свадебном обряде повязывания головы невесты головным убором после снятия венка. В с. Азерница Пинского р-на на молодую сразу же после того, как снимали девичий венки, надевали «повивало» — две скрепленные вместе наметки, одной из которых закрывали лицо, а другой обкручивали голову. По прибытии в дом мужа повивало отдавали свекрови, а на голову молодой надевали наметку.

В начале XX в. в ряде мест Полесья бытовало повязывание головы невесты несколькими платками. В с. Бехи Коростенского р-на Житомирской обл. зафиксировано повязывание тремя платками, сложенными по диагонали. Первый платок набрасывали на голову и, охватывая им шею, концы завязывали на затылке. Второй платок надевали сверху и концы закрепляли на макушке или под подбородком. Два конца третьего платка завязывали большим узлом на макушке, платок свободно ниспадал на грудь. В селах Ходаки и Сингаи Коростенского р-на вместо первого платка надевали чепец. В с. Толстый Лес Полесского р-на надевали белый полотняный или из покупной ткани чепец, а затем голову невесты повязывали платком под подбородок. В отличие от Полесского р-на, где чепцы изготавливали из ткани, в с. Горностайполь Чернобыльского р-на их делали из плотной бумаги или картона. На свадьбе и после свадьбы девушки старались снять с головы невесты чепец, разрывали его на куски и прятали за бусы, в карман — для того, чтобы быстрее выйти замуж¹⁹. В с. Староселье Городнянского р-на Черниговской обл. чепец (обязательно красный) надевала невесте мать. Поверх чепца она повязывала еще и белый, отороченный кружевом платок, завязывая его узлом под подбородком, чтобы он при этом закрывал лоб чуть ниже бровей²⁰.

В ряде мест центрального Белорусского Полесья во время свадебной церемонии специальные обрядовые головные уборы надевала и сваха. В с. Радостов Дрогичинского р-на, например, сваха поверх наметки надевала шапочку

из гофрированной бумаги, к которой сзади крепились разноцветные ленты.

Женский свадебный костюм дополняли украшениями. В западном Полесье надевали стеклянные бусы, в центральных и восточных районах — до десяти и больше низок корраловых бус, в восточном Полесье — плетенные из мелкого бисера украшения, янтарное ожерелье. Однако в некоторых селах Житомирщины (с. Сингаи) и Черниговщины (с. Сновское) нагрудные украшения исключались из свадебного костюма, венчаться в кораллах считалось грехом²¹.

В свадебном костюме отличия прослеживались и в способах надевания его компонентов. В Камень-Каширском р-не Вольнской обл., например, невеста на сорочку надевала красную сатиновую безрукавку, в с. Дубчицы Заре-ченского р-на Ровенской обл. — байковую блузу («кап-тан»), в центральном Полесье (Коростенщина) — кофточку и юбку из шерстяной красной, зеленой, синей, бордовой покупной ткани, а поверх кофточки — черный шерстяной капот или шелковую капотку. В центральных районах Украинского Полесья к свадьбе изготавливали свиту белого цвета. Свита другого цвета вызывала неодобрение и насмешки. В с. Любохины Старовыжевского р-на невеста надевала две и больше юбок из домашней шерсти, такое же количество пиджаков и свит²².

Костюм жениха отличался в разных местах в основном дополнениями. В Камень-Каширском р-не Вольнской обл., например, на шапку накладывали венок из бумажных цветов. Отличительным знаком жениха в с. Дубчицы Заре-ченского р-на Розенской обл. были пришитые к шапке разноцветные ленты («вінки») ²³. В соседнем селе Ниго-вищи к шапке жениха прикрепляли не ленты, а цветок²⁴. В восточном Полесье костюм жениха дополняли скрученным из зеленых или красных ниток шнуром с кистями на концах, подпоясывая им сорочку вместо пояса.

Народный погребальный костюм был более однообразным. С приближением старости каждая женщина собирала себе одежду на смерть («в домовину»). В аккуратно завернутом узелке тщательно укладывались красивые и обязательно новые полотенца, платки, рубахи, юбки, фартуки. На умершую девушку надевали костюм, который она приготовила к своей свадьбе. На голову, как и невесте, накладывали венок, на грудь — красный бумажный цветок, на руку — белый платок, на палец надевали перстень, иногда из воска. На Коростенщине на ноги умершей девушки надевали черные чулки²⁵. Гроб украшали цветами и

платками. Чем богаче девушка, тем больше укладывали ей в гроб платков и одежды. На могильный крест вешали венок.

Умершего юношу тоже хоронили в свадебной одежде. На Коростенщине за гробом парня ехали всадники на лошадях, покрытых коврами, которые привязывали к лошади поясом. В гривы коней вплетали красные ленты. Троице передним всадникам повязывали через плечо шелковые платки, остальным на рукава — повязки из белых платков, а сверху — черные сатиновые ленты. Один из всадников держал в руках черное знамя²⁶.

Умершую замужнюю женщину хоронили в длинной цельнокроеной сорочке. Сорочкой же устилали гроб, на ноги надевали белые чулки (на Коростенщине), правую руку перевязывали белым платком²⁷, по шею укрывали белым покрывалом из перкаля, на голову обязательно накладывали наметку. Наметку и три платка клали на руки. Наметками обшивали гроб. На надгробном кресте женского захоронения вешали наметку («дарунок Роду на тугу») ²⁸, полотенец, запаску, красные ленты. В западном Полесье гроб опускали в могилу на наметках. Всех присутствующих на кладбище одаривали платками, наметками и рушниками, иногда все это отдавали в дар церкви.

На умершего мужчину также надевали все новое. На ноги, как и женщинам, натягивали белые чулки (Коростенщина), на голову надевали шапку или клали ее рядом с умершим. В южных полесских районах Черниговщины покойника одевали в рубаху, куртку, брюки, верхняя одежда оставалась у родственников. Необходимую «на том свете» одежду укладывали в гроб, сверху гроб покрывали той одеждой, которую он носил при жизни. Одежду, которую клали на гроб перед погребением, родственники снимали и с плачем и причитаниями несли домой, сопровождаемые погребальной процессией²⁹.

На надмогильном кресте мужчины вешали богато орнаментированное полотенце³⁰.

В погребальном и свадебном обрядах в большинстве случаев функциональное назначение полотенца и наметки одинаково.

Обрядовая одежда раскрывает теснейшую связь костюма с мировоззрением народа, дает возможность судить о многообразии народного быта. В сфере функционирования обрядового костюма прослеживается много общего в духовной культуре восточнославянских народов и славянского мира в целом.

На одежду городского населения Полесья конца XIX в. влияли возрастающие темпы развития капитализма. Жители города шили одежду из фабричных тканей. Женщины носили шерстяную или шелковую кофту со стойкой или отложным воротником, с длинными рукавами на манжетах. Переднюю полочку украшали рядами вертикально застроченных складок. Борта застегивали на пуговицы. Юбку к этому варианту костюма шили из такой же ткани. Низ юбки украшали складочками, иногда нашивали два-три ряда ленточек. Любимыми цветами были вишневый, красный, зеленый, синий, черный. Обязательным компонентом выступала прямоспинная или приталенная, короткая, до талии, безрукавка. Из головных уборов бытовали платки — вишневые, зеленые, из обуви — сапоги и ботинки. Зимой костюм дополняли короткие кожушки, пальто из фабричной ткани.

Мужчины носили сорочки из домотканины или фабричной ткани с воротником стойкой или отложным, брюки и пиджак — из покупных тканей. Зимой — пальто, тулупы, сапоги. Верхняя одежда иногда изготавливалась по традиционному крою.

Со временем отдельные компоненты костюма стали общими как для сельского, так и городского населения. Как и крестьянки, женщины городов и местечек в комплекте одежды имели блузы. Эта нагрудная одежда — наиболее распространенная, имеющая множество вариантов. Блузы без кокетки («кохты», «куфаечки», «блузки») шили из сатина, ситца, байки, шелковых и шерстяных тканей. В районах восточного Полесья использовали традиционный крой сорочки, только манишку заменяли продольной планкой. В селах центральной зоны Полесья блуза из байки («пиджак») имела прямую спинку, накладные карманы на передних полах, прямой рукав с манжетами, воротник с острыми концами. Застегивали ее на пуговицы. В западных районах Полесья блузы также шили с прямой спинкой, с рукавами длинными или короткими, на полочках застрачивали вертикальные складочки.

Блузу («кафтан», «каптан») на кокетке носили обычно навывпуск. На передних ее полочках от кокетки вниз застрачивали складочки. Спинка в таком варианте блузы была приталена, с тремя вертикальными складками по бокам. В талии между складками вставляли хлястик. В нижней части пристрачивали пояс, который застегивали на пуговицу. Распространенной была блуза на кокетке, пря-

мая, без продольных складок, с небольшим разрезом и застежкой на двух небольших пуговицах на кокетке.

В широком обиходе у горожанок были безрукавки — приталенные, с большим круглым вырезом, закругленными полами. В западных районах Полесья приталенные безрукавки кроились с подрезом ниже талии. Полы сверху донизу застегивали на пуговицы. Горловину делали круглой или с неширокой (5—6 см) бейкой.

В деревне появились новые виды нагрудной одежды с рукавами — пиджаки, саки, пальто, гуньки, бекешы, бурнусы, капоты, в которых заметно продолжение традиций старинного кроя свит. Особенно ярко это прослеживается в крое пальто. В западных районах Полесья бекешы — из тонкого сукна, приталенные, небольшой воротник-стойка прилегал вплотную к шее, на спинке — два вертикальных шва, которые проходили от плечевого соединения к низу. Рукав — вшивной с накладными манжетами, отделанными черной тканью треугольничками (в «зубы»). Застежка — на четырех пуговицах. Полы украшали округленные накладные карманы с фигурными клапанами. Новым компонентом одежды был сак — тип укороченной (ниже колен) женской суконной верхней одежды. В крое сака поражает простота и четкость конструктивных линий. Он двубортный, прямого силуэта, спинка цельная, рукав вшивной с манжетами 8—15 см, воротник отложной, карманы с большими накладными фигурными клапанами, от которых отходят вниз по вертикали объемные декоративные строчки.

Пиджаки шили из домашнего или фабричного материала, на подкладке с отложным воротником, с лацканами, на спинке размещали один шов посередине или два смещенных в стороны от центра спинки. К пиджаку пришивали пояс или фигурный хлястик.

В центральных районах Полесья изготавливали женскую верхнюю нагрудную одежду двух типов: короткий род жакета, называемый «капот», «капотка», и длинное до середины икр пальто, называемое «гунька», «бурнус». Капоты шили из черного сукна с утепленной подкладкой, приталенные, с прямыми рукавами с манжетами, окантованными бархатом. Спинка имела три застроченные складки, расходящиеся книзу. Капотку кроили аналогично капоте, но из легкой шелковой ткани, без утепленной подкладки.

Длинные пальто шили из сукна с отложным воротником, с лацканами или без них. Приталенный силуэт расширяли клиньями, вставленными по бокам. Рукава дела-

ли прямые, вшивные. В гуньках, в отличие от свит, наблюдалось большое разнообразие деталей — фигурные накладки на рукавах и карманах, лацканы или отложные воротники с отрезными концами, украшенные пуговицами. Зимнюю одежду шили приталенной, расширенной книзу (фалдами), на ватной подкладке (в центральном Полесье ее называли «бурнус»). В восточнополесских районах нагрудную одежду из покупных хлопчатобумажных тканей называли «юпкой», шили с подкроенным воротником-стойкой, прилегающей к шее. Силуэт расширяли книзу от талии тремя — пятью встречными складками на спинке.

Хотя мужской костюм модернизировался раньше женского, однако в некоторых компонентах его, даже изготовленных из покупных материалов, использовали народный крой. В мужских пальто — крой старинных свит и бурок из сукна без подкладки, их надевали на свиту или кожух в непогоду. В бурках нового городского образца делали теплую подкладку. В городе их шили приталенными, с отложным воротником и большими лацканами, прямыми рукавами, украшенными поясами. На полях пришивали накладные карманы с клапанами. Спину украшали вертикальной встречной складкой и широким отстроченным хлястиком с четырьмя пуговицами на нем. В верхней части спинки складка заканчивалась фигурной строчкой.

Общественное производство, социалистические преобразования хозяйства повлекли за собой перестройку всего жизненного уклада, быта, и в том числе замену традиционной одежды. Современные дороги, авиалинии связали самые отдаленные и глухие полесские уголки с культурными центрами и способствовали снабжению полесского села разнообразными промышленными товарами и в первую очередь тканями, одеждой, обувью фабричного производства.

Однако каждое новое поколение, даже в условиях новой социально-экономической формации, в той или иной мере осваивает опыт прошлого. В крестьянской одежде долгое время сохранялись некоторые элементы традиционной одежды, которые либо в неизменном виде включаются в практику современного моделирования, либо переосмысливаются художниками-модельерами.

В современной сельской одежде Полесья, как и в других регионах БССР и УССР, по традиции широко используются льняные ткани, принципы народного кроя в получивших вторую жизнь традиционных элементах костюма (безрукавки, жакетки с рукавами, сарафаны, блузки и др.). Фабрики художественных изделий, организации мест-

ной промышленности Украины и Белоруссии изготавливают одежду традиционного покроя, ткани имеют цвет и рисунок традиционного орнамента — также либо в неизменном виде, либо композиционно упрощенном.

* *

Народный костюм Полесья XIX—XX вв. сложился в процессе длительного исторического развития. В нем органически сочетались наиболее древние черты и инновации более позднего времени.

Сложившиеся в древности основные виды одежды: нагрудная, поясная, верхняя, головные уборы и обувь при наличии общих черт имеют немало существенных отличий, которые создают локальные варианты. Наибольшие отличия наблюдаются в декорировании, способах ношения одежды, в приемах компоновки составных частей в комплексы, в дополнениях и украшениях. Различия наблюдаются в покрое и названиях одежды.

Положение Полесья внутри славянского мира на стыке трех крупных восточнославянских этносов с яркой очевидностью отобразилось в традиционном костюме. Среди разновременных напластований его элементов и черт выделяется архаический пласт, восходящий к общей праславянской основе и ярко выраженный в одинаковом крое некоторых видов одежды, богатом декорировании одежды и единой системе в расположении орнамента и идентичности семантики древнейших орнаментальных мотивов, восходящих к раннеязыческим верованиям.

В народном костюме XIX—XX вв. наблюдаются черты общности не только с костюмом восточнославянских народов, но также с костюмами их соседей славянского и неславянского происхождения.

Анализ традиционного полесского костюма XIX—XX вв. расширяет возможности практического применения художественных традиций в практике единой многонациональной советской культуры.

ВЫШИВКА

На Полесье вышивали головные уборы — наметки, платы, кибалки, повязки, нагрудную одежду — сорочки, корсетки, кожухи, свиты; поясную — юбки, передники и др.; интерьерно-обрядовые ткани: скатерти — обруссы, полотенца и др. На протяжении веков формировалась четкая система размещения вышивки в определенных частях

одежды, интерьерно-обрядовых предметах, своеобразие ее орнаментально-композиционного решения³¹.

Вышивка Полесья сохранила глубокие архаические пласты, отражавшие в прошлом древние мифологические представления полещуков. Она тесно связана с давними поверьями, обычаями и обрядами. Особенно интересна вышивка на обрядовых рушниках, обрусах, свадебной одежде³² др. Именно в районах Полесья долго сохранялся обычай развешивать вышитые рушники на надмогильных крестах. Вышивка Полесья богата древними мотивами, своеобразными знаками, символами³³.

Веками формировались художественные особенности полесской вышивки. В ее арсенале особо важное значение имеет материал, техника исполнения, орнаментально-композиционное решение, их эволюция в историческом аспекте. Как и у других восточнославянских народов, вышивали на Полесье ручнопрядеными нитками: льняными, конопляными, шерстяными, с середины XIX в. стали шире применять нитки фабричного изготовления — «заполочь», «біль», «кумак», «гарус», «волічка» и пр. Привозными шелковыми, металлическими, золотыми, серебряными нитками, бисером, жемчугом вышивали по преимуществу в помещицкой, дворянской среде, монастырях.

Археологические, музейные и другие материалы дают возможность утверждать, что степень использования материалов, техники вышивания, орнаментальные мотивы, принципы их размещения менялись очень медленно. Убедительным подтверждением сохранности традиционных приемов нанесения вышивальных прямых, косых стежков для сплошного заполнения или контурного очертания мотивов являются памятники XVII—XVIII вв. Это произведения высокого художественно-технического уровня, так называемые прославленные гапты. Анализ гаптов из районов Черниговского, Киевского, Житомирского Полесья подтверждает прямые аналогии с памятниками предыдущих эпох: древнерусскими XII—XIII вв.³⁴, европейскими изделиями того же периода³⁵. Сохранившиеся памятники³⁶ орнаментальных вышивок и изобразительных гаптов XVII—XVIII вв. дают возможность проследить, как постепенно менялся характер художественно-технических принципов полесского вышивания. Получает развитие тенденция к более плоскостной передаче геометрических и сюжетных мотивов, появляется свободное соотношение разных по величине стежков при сплошном заполнении основы холста. Моделирование стежков, разные приемы их нанесения на плоскость (двустороннее, лицевое, изнаночное

шитье), соединение сплошь заполненных плоскостей большими и малыми стежками характерны для вышивок ручнопрядеными льняными, шерстяными нитками, ааполочью, шелком. Они в отличие от металлических ниток придавали облегченное живописное звучание орнаментальным мотивам. В этом аспекте особенно интересны вышивки кнбалок в районах Черниговщины.

Безусловно, характер вышитых изделий определял тот факт, что ее создатели и потребители принадлежали к различным общественным слоям. Сказывались вкусы потребителей и мода времени. Наиболее устойчиво сохранила традиционные приемы технического, орнаментально-композиционного решения вышивка, распространенная как домашнее занятие крестьянско-городского населения. Датированные экспонаты в музейных коллекциях раскрывают разнообразное богатство полесской вышивки, свидетельствуют о многовековом пути ее развития.

К середине XIX в. усложняются вышивальные техники, художественные решения вышивки во всех районах Полесья. В зависимости от назначения, интерьерно-обрядовые изделия вышивали различными техниками³⁷. Техника за-низывания вышивали попки, манжеты, воротники, пазухи женских, мужских сорочек, наметки, женские платки; верхоплутом — преимущественно воротники, манжеты; гладью, «козликком», стебельчатым швом — кожухи, свиты; тамбуrom — рушники и т. п. Разные техники исполнения влияли на характер орнамента вышивок.

Яркой особенностью полесской вышивки является ее геометрический орнамент, который включает в себя простые мотивы и сложные фигурные изображения. Выделяются полосы из рядов прямых черточек, прямоугольников, зубчатых ломаных и волнообразных линий — «дороги», «бігунці», «хвильки». Одна из основных геометрических фигур — ромб, иногда его заменяет квадрат, поставленный на угол. Вариантность его трактовки создает богатую разновидность ромбического узора полесской вышивки. Розетка — наиболее распространенный мотив архаических композиций, она составляет основной мотив геометрических узоров, распространенных во всех районах Полесья. Часто лепестки одной розетки вышиваются поочередно, черными и красными нитками. Розетки обычно чередуются с изображением ромба, круга, квадрата, креста, 5-об-разной фигуры и т. д. Мотив креста представлен в вышивке в виде прямого равноконечного, иногда с ромбическими концами или же косога креста в разных вариантах. Он часто вписан в ромбы, прямоугольники в найденном

ритме повторения. В соответствии с ритмом очередности орнаментальных мотивов вводятся красный и синий или красный и черный цвета.

В орнаменте полеской вышивки выделяются орнито-морфные, зооморфные мотивы. Среди них один из любимых — мотив птиц, который передается очень обобщенно. Характерно профильное изображение двух птиц с мотивом древа жизни в центре, иногда птицы изображены на ветках с цветами, ягодами и др. Во многих узорах можно определить голубей, уток, лебедей, павлинов, орлов. Образ филина распространен в вышивках рушников Черниговского Полесья³⁸. Реже встречаются зооморфные мотивы — олени, кони, грифоны и др. В вышивке рушников, скатертей Черниговского Полесья встречается изображение двуглавых геральдических орлов, выполненных различными техниками, часто двусторонним швом. Известны две разновидности геральдических орлов — с распростертыми и поднятыми крыльями.

В архаических вышивках Украинского Полесья встречаются геометризованные антропоморфные мотивы ромбической трактовки. Их называют «на козака».

В орнаменте полеской вышивки с середины XIX в. идет сложный процесс превращения геометрических мотивов в растительные. Постепенно все большее значение занимает растительный орнамент — побеги волнистых ветвей с цветами и листьями.

В орнаменте вышивок Полесья второй половины XIX в. растительный орнамент занимает уже видное место. Изображения древа жизни, листьев дуба, калины, цветов менялись в процессе перехода от геометризации к более пышным растительным узорам. В этом плане интересна эволюция распространения геометрических мотивов древа жизни и розеток. Зооморфные, антропоморфные, растительные мотивы подчинены ведущим ромбическим мотивам. Живописностью изображения выделяется вышивка растительных мотивов в тамбурной вышивке Украины, гладевой — Белоруссии.

Композиция орнамента вышивки, его размещение в основном находятся в прямой зависимости от ее назначения.

Специфика кроя, выделение для вышивки плоскостей отдельных компонентов одежды, тканей интерьерного назначения содействовали созданию ленточных и розеточных композиций. Горизонтальными ленточками-полосками размещена вышивка на краях, иногда на лобной части головных уборов — наметок, а также верхних частях рукавов,

на полках, манжетах, воротниках, нагрудной части сорочек — пазухах, подолах юбок, передников-запасок и т. д. Полы свит, сермяг, кожухов часто вышивались розе-точными, центрально-лучевыми композициями. На рушниках Сумского Полесья распространена сложная композиция вазонов. Это типичные композиции украинской полеской вышивки.

Типологизация вышивки, принимающая во внимание комплекс формальных признаков вышивки, таких, как орнамент, технические приемы, материал, колорит, композиционное расположение узоров, объекты приложения вышивки, сочетаемость ее с узорным тканьем, терминологические обозначения и т. д., позволяет выделить своеобразие вышивок отдельных регионов. Так, на территории Белоруссии выделяется традиционное «нашивание» западного и восточного Полесья.

Орнаментальное богатство западнополесских вышитых узоров сосредоточено прежде всего на предметах традиционной народной одежды: полотенчатых головных уборах, фартуках, сорочках — женских и мужских. Традиционной вышивке этого региона свойственен в целом монохромный красный колорит, сдержанность, которую нередко разнообразят незначительные добавки синего или черного цвета. Комплекс технических приемов довольно обширный, применялись разнообразные украшающие швы, среди которых центральное место занимает набор («нацяг»), характерны декоративные краевые, соединительные швы. Основу западнополесского орнамента составляли геометрические узоры, хотя нередко и растительные, ведущий прием композиционной упорядоченности мотивов — орнаментальные полосы-бордюры.

Сравнительное сопоставление вышивок Белорусского и Украинского западного Полесья показывает совпадение ряда существенных признаков. Характерна идентичность основного технического приема традиционного шитья — «набора», обозначаемого терминами «нацяганне», «занизування», «заволикання»; общность колорита — красный с незначительными вкраплениями синих или черных нитей; схожесть традиционного орнамента в виде геометрических бордюрных композиций.

Ареальные исследования вышивок западного Белорусского Полесья позволяют выделить несколько локальных типов, условно названных кобринским, малоритским, прилукским, луницецким. Своеобразие кобринских вышивок — в тонкой изысканности ромбических узоров, которые покрывают поверхность ткани узкими легкими «нацяга-

німi» бордюрами с тщательной проработкой деталей, равенством фона и узора. Преобладающий красный цвет дополнялся тонкими линиями синего, черного цветов. Характерно применение старинного «маршчэння» — орнаментального белого шитья по сборкам на женских сорочках, фартуках. Типичным является и соединительная ажурная белая (или двухцветная) «размярэжна», которой сшивали полки фартука, полики с рукавом. Растительный орнамент вышивали красными и черными нитями односторонним крестиком.

Если вышивка Кобринщины представляла собой, как правило, совокупность равнозначных бордюров, расположенных на определенном расстоянии друг от друга, то на Малоритчине основой композиции являлось сочетание центрального и примыкающих к нему дополнительных бордюров. Специфика — ив сплошном шитье, при котором орнамент образовывали просветы фона. Своеобразная «весомость» и монументальность узоров подчеркивалась насыщенным колоритом — темно-красным с коричневым оттенком.

Устойчивость геометрического «нашивання» наблюдается и на юге Кобринского р-на, по стилистике узоров примыкающего к малоритскому ареалу вышивок. В первые десятилетия XX в. наряду со старинными способами орнаментации одежды в виде геометрического шитья счетными швами получили распространение новые приемы: аппликация, вышивка крестом. Для аппликации, представлявшей собой нашивание цветных полос, служил сатин красного, синего, черного, желтого цветов. В первой половине XX в. декор праздничной обрядовой одежды этой зоны зачастую представлял собой сочетание аппликации и вышивки полихромных растительных мотивов. Подобные особенности вышитого декора прослеживаются в народном костюме смежного с Кобринским Ратновского р-на Волынской обл.

В западном Полесье заметно выделяются узоры Брестского р-на. Их особенность проявляется в ряде черт: использовании хлопчатобумажных нитей черного или терракотового цветов, своеобразной трактовке геометрических мотивов, общей усложненности композиционного построения широких бордюров.

Применялась техника «нацяга», причем нить прокладывали иногда не только по направлению утка или основы, но и по диагонали. Подобная вышивка украшала «фартушкі» и женские сорочки.

Локальный тип вышивок лунинецкого ареала прослеживается в пределах Лунинецкого, Солигорского, Клейкого, Копыльского районов. В конце XIX — начале XX в. предметы женской и мужской одежды орнаментировали здесь геометрическим «нашиванием» способом «процяга», используя для этого определенное соотношение красных и синих нитей. Орнамент отличается строгой четкостью плотных узоров, в основе которых нередко лежали параллельные линии описанных ромбов. На Копыльщине встречаются вышитые рушники, орнитоморфная орнаментика которых, по всей вероятности, имела свои истоки в узорах, широко распространенных кролевещких тканых рушников, с середины прошлого столетия приобретших промысловое значение.

Для вышивок населения восточного Белорусского Полесья характерно бытование нескольких разновременных орнаментальных слоев: от древнейших геометрических до новых, получивших распространение лишь в первой половине XX в.

Сравнительно с западным Полесьем здесь преобладали растительно-геометрические формы, однако нередки и более сложные варианты: своеобразный сплав геометрических и растительных элементов, стремление к изобразительному решению растительной орнаментики. Разнообразна композиционная организация мотивов: орнаментальные полосы-бордюры, иногда единичные ме-дальонные фигуры, сетчатый орнамент, т. е. мотивы, расположенные вдоль прямых или косых линий. В восточном Полесье, выделяются вышивки Туровщины, Стародорожского, Калинковичского, Брагинского ареалов.

Немало своеобразия в вышивках Туровщины (Житковичский, Лельчицкий районы Гомельской обл.). Геометрическая вышивка сохранилась здесь лишь на женских сорочках.

Обращает на себя внимание монохромный красный, белый цвет вышитого декора, орнаментация подола строчным шитьем. В первые десятилетия XX в. особую популярность получила вышивка в виде стилизованных крупных цветов (часто роз) в красно-черной расцветке. Вышивка крестом обильно украшала рукава сорочек, отложные воротники, фартуки, платки, мужские сорочки. Начиная с 1940-х годов этот тип вышивок сменяется поли-хромным растительным декором в технике «свободной» глади.

Ареал калинковичских вышивок — междуречье Припяти и Днепра, от Жлобина до Ельска. В образцах старин-

ных вышивок, которых немало сохранилось среди населения этой зоны, преобладал монохромный колорит красным по белому полотну в технике «процяга».

В вышивках крестиком конца XIX — начала XX в. преобладающий красный цвет дополнялся черным. Особенность вышивок — в яркой декоративности узоров, которая достигалась укрупнением мотивов, гармоническим сочетанием геометрического и растительного орнамента, в традиционном окаймлении широкого бордюра на женских сорочках, фартуках, разреженным подузором; использовании декоративных соединительных швов.

Своеобразием выделяются вышивки населения Стародорожского, Пуховичского, части Осиповичского районов. Основной круг украшаемых вышивкой тканей — предметы традиционной праздничной одежды. Вышивку этой местности отличает использование техники набора, особые приемы в разработке композиций, безупречных с точки зрения художественной выверенности декора. Орнаментика обращает на себя внимание тонкой изысканностью дробного узора, исключительно красным цветом ниток.

В юго-восточной части Гомельского Полесья (Брагинский, Хойникский, Норовлянский районы) геометрические узоры сравнительно редки, а если встречаются, то на женских сорочках. Основной способ вышивания одежды — техника крестом, гладью; для украшения предметов декоративно-обрядового обихода широко использовали двойной крест, строчевое «расшиванне».

На основании орнаментально-композиционного решения, технических приемов выполнения, колорита в Украинском Полесье выделяется вышивка западных (Волинская, Ровенская области), центральных (Житомирская, Киевская области), восточных районов (Черниговская, Сумская области). В каждом из них есть локальные школы. Выделяются вышивки северо-западной части Волинской обл., в частности Любомльский, Шацкий районы. Здесь распространена техника низи в традиционной системе ленточного композиционного решения. Вышитые полосы высотой 2—2,5 см расположены на поликах рукавов, воротниках, подолах, внизу белых юбок. В ленточных узорах ряды ромбов расположены в прямоугольных плоскостях, поочередно вышитых синими и красными нитками. Надо отметить, что вышивка низью крайнего северо-западного ареала с мелкими мотивами, преимущественно сине-красного колорита аналогична сине-красному колориту вышивки горных районов Бойковщины³⁹, черно-красной

вышивке восточного Подолья. Восточнее эта раздробленность орнамента исчезает. Получила развитие в селах Владимир-Волинского, Киверуовского районов геометризованная растительная орнаментика, выполняющаяся настилом, крестом. Вышивка северных районов Волинской обл. во многом близка к вышивке, распространенной на севере Ровенщины, Житомирщины. Композиция узоров более монументальна, богата разнообразными вариантами трактовки мотива розеток — звезд, «рож». Широкие вышитые полосы размещаются на определенных частях разных компонентов одежды, на рушниках, скатертях⁴⁰. В Любешовском, Камень-Каширском районах часто вышитые полосы соединялись в определенной очередности с ткаными орнаментальными рядами.

Много общего в вышивке Ровенского и Волинского Полесья. В таких районах Ровенской обл., как Владимирецкий, Сарненский, используются преимущественно техники: «низь», «заволювання», «настилування», «козлик», «верхоплут». Особую изобретательность проявили народные мастера в разработке сложных композиционных решений с мотивами розеток, кружков, крестиков и пр.⁴¹.

В центральных районах Полесья (Житомирщины, Киевщины) наиболее типичными были древние принципы орнаментально-композиционного решения вышивок. Преобладала техника занизывания. Вышивка исполнялась красными нитками, с введенными поперечными черными полосками — с целью разделения по центру или обрамления орнаментальных полос. Особый интерес представляют вышивки Овручского р-на Житомирской обл.

По мере удаления от пограничья с Белоруссией, где преобладала техника занизывания и красный цвет ниток⁴², в вышивке менялись колорит и техника исполнения — преобладала белая гладь с вырезью. Излюбленные мотивы: «бігунчики», «шашечки», «зерна», «волові очка», «виноград», «хміль» и др. Вышивка белой гладью, употребление разных видов мережек (одинарный, двойной столбики, «гречечка», «шабак» и др.) получили массовое распространение на Черниговщине, Сумщине. Большого искусства достигли народные мастерицы в белых вышивках женских сорочек, рушников с широкими полосами мережек, на которых настилом очерчены крупные геометрические, растительные мотивы.

Оригинальна вышивка Черниговского Полесья. Примыкая по колориту и технике исполнения и некоторым стилистическим особенностям к вышивке Киевщины, она

отличается более монументальной трактовкой композиции мотивов: «древо жизни», «березка», «дубовый лист», «желуди». Использовались здесь техники: гладь, «під застіж», «через чисницю», «штапівка», «обманна», «настил на мережку» и др.

Особая школа «шитья» рушников сложилась в центральных районах Черниговского Полесья. Здесь высокого уровня художественного мастерства достигла сюжетная вышивка.

Сирины, орлы, фантастические птицы вышиты двусторонним, стебельчатым швом, иногда крестиком, часто сочетаются с широкими орнаментальными или гладкоткаными полосами. Интересные варианты известных композиций вышивок на скатертях, рушниках, исполненных в 1760, 1878 гг., встречаются в вышивках XIX в.⁴³. Это преимущественно рушники, скатерти, вышитые двусторонним шитьем с мотивами орлов, птиц, цветов. Антропоморфные мотивы встречаются в вышивках Семеновского, Новгород-Северского районов.

Оригинальностью композиционного решения выделяются вышивки сел Новые Боровичи Щорского р-на, Ло-книстое Менского р-на, где на рушниках преобладали мотивы древа жизни, Красное Черниговского р-на, Макишин Городнянского р-на с преобладанием на рушниках узоров «барвинки», «дубовый лист», «соколки». Своеобразны черно-коричневые вышивки рушников в пгт. Макошино Менского р-на, где поперечные полосы в соответственном ритме повторения с рядами мотивов геометризованных листьев-клиньев, желудей, цветов калины заполняют весь холст рушников длиной до 5 м. Излюбленные узоры вышивок в с. Пекуровка Городнянского района — «на мороз», «рябиной», «под сливы». Популярны рушники с. Зметнев Сосницкого р-на с мотивами: «повна рожка», «резаная жоржина», «пиония», «звоночки», «васильки» и др. В сложных геометрических формах переданы цветы Черниговского Полесья. Геометрические и растительные мотивы в вышивках этих сел подчинены орнаментальным задачам. Сюжетные узоры чаще встречаются в вышивках Новго-род-Северского, Корюковского районов.

Вышивка всех районов Полесья богата разнообразием орнаментально-композиционных решений.

Богатые художественные традиции полесской вышивки получили дальнейшее развитие в советский период.

Современная вышивка — многогранное художественное явление. Она развивается в трех основных направлениях

ях — как традиционное, профессиональное и самодеятельное искусство. В каждом из этих направлений есть свои специфические методы и грани взаимодействий.

Творческие поиски вышивальниц 80-х годов сосредоточены на дальнейшем развитии художественных традиций вышивки Полесья.

Художники, народные мастера разрабатывают новые модели одежды, в которых ярко звучат акценты народного полесского моделирования и декорирования вышивкой, мережкой, аппликацией и др. На основе традиционных принципов вышивания и мережек рушников, скатертей создаются изделия интерьерного, сувенирного характера.

ПИЦЦА И УТВАРЬ

Народная пища в значительной степени зависела от направления крестьянского хозяйства. У белорусов и украинцев Полесья главными исходными продуктами питания были зерновые, овощи, молоко и мясо.

Продукты, производимые в своем хозяйстве, пополнялись в летне-осенний сезон грибами, ягодами, орехами, лекарственным сырьем, грушами-дичками. Существенным подспорьем являлись рыболовство, охота на диких кабанов, лосей, медведей, зайцев. В XIX в. на Полесье широко было развито бортничество. Мед использовался для приготовления напитков, для приправы ритуальных блюд, как лакомство.

Лишь незначительную часть продуктов питания, прежде всего соль, полешуки покупали. Соль поступала в основном из Галиции в виде плотных цилиндрических, :живающихся сверху голов. Высокие цены на соль и низшая покупательная способность основной массы крестьян-тва были причиной того, что население предельно экономило этот необходимый для жизни продукт. Более зажиточные крестьяне кроме соли, покупали сахар, чай и различные импортные специи, сладости.

МУЧНЫЕ И КРУПЯНЫЕ БЛЮДА

Как у каждого земледельческого народа, основу питания полешуков составляли блюда из муки, крупы и овощей. Однако низкая урожайность полесских земель, недостаточность земельных наделов вызывали постоянный недостаток даже в основном продукте питания — хлебе,

У большинства крестьян его не хватало на весь год, у многих хлеб кончался весной, а у некоторых — в середине зимы.

Хлеб на Полесье, как и повсеместно на Украине, в Белоруссии, в России выпекали из ржаной («жытнай», «житньої») муки с добавлением овса, ячменя, а в восточной части Полесья — гречихи. Чистый, без примеси повседневный хлеб считался признаком богатства. Со второй половины XIX в. в хлебное тесто стали добавлять сырой тертый или вареный картофель. В белорусских селах он назывался «бульбяны хлеб». В неурожайные годы весной в селах восточного Полесья выпекали хлеб с примесью измельченной коры молодых липовых побегов¹, к ржаной муке добавляли в значительном количестве толченые желуди, листья лебеды.

В полесских селах, как и в других районах Украины и Белоруссии, издавна существовало почтительное отношение к хлебу. Если на землю падал хлеб или крошки, их поднимали и целовали². Хлеб играл важную роль в семейных обрядах как символ благополучия: с хлебом навещали роженицу, отправлялись сватать, встречали почетных гостей. Хлеб клали на углы сруба при постройке дома.

Как у всех восточнославянских народов, в полесских селах хлеб пекли из заквашенного теста. Тесто замешивали вечером. Вместо дрожжей использовали остатки теста от предыдущей выпечки («тесто», «кісто», «рашчына», «закваска»). В селах западного Полесья закваской служил также тертый картофель. Подошедшее тесто утром месили, разделявали на буханки и сажали в печь с помощью деревянной лопаты, выстланной капустным, дубовым или кленовым листом, аиром («лепехою») или посыпанной мукой. Буханка хлеба называлась в центральном и западном Полесье «паляница», «буханка», «бохан», «боханець», а в селах восточного Полесья — «кулідка», «коврига», «корвіга», а иногда «пірог», «пиріг», «палянка»³.

Хлебных отходов почти никогда не было, т. к. сухие корки, куски, покрошенные в квас, сыворотку, в березовый сок или в подсоленную воду, составляли особое блюдо — «цюрю», широко известное у беднейших слоев белорусов-полешуков.

Из ржаного хлебного теста на завтрак пекли лепешки — «підпалки», «пудпалки», которые ели вместо хлеба. В украинских селах восточного Полесья кроме ржаных выпекали невысокие буханки из гречневой муки («гречаники:»).

На всей исследуемой территории в конце XIX в. из хлебного ржаного теста на воскресные и праздничные дни зажиточные крестьяне пекли пироги с фасолью, картофелем, квашеной капустой, тертой коноплей («масльонкой»), пшенной кашей, маком и сухими фруктами: яблоками, грушами, летом — с черникой и вишнями⁴.

Из ржаного хлебного теста выпекали небольшие круглые булочки — «пампушки»⁵. На Пинщине пампушки начиняли тертой коноплей и употребляли в пищу с постным маслом, салом или сметаной. Украинцы центрального Полесья (Овручский р-н Житомирской обл.) к «пампушкам» варили «урду» — из растертого и разведенного с водой конопляного семени. Образовавшуюся сверху белую массу пережаривали с луком и постным маслом⁶.

В ряде сел Белорусского Полесья (Ельский р-н Гомельской обл.) выпекали плоские продолговатые лепешки — «паленіцы» из ржаного заквашенного теста, замешанного не так круто, как на хлеб. После выпечки «паленіцы» сверху обсыпали мукой.

В украинских селах восточного Полесья из пшеничного, реже гречневого заквашенного теста пекли треугольные или прямоугольные пирожки типа ватрушек, начиненных толченой коноплей, горохом, маком, пшенной кашей с маком. Назывались они «резнічки», «разінки».

В кулинарии белорусов Полесья известны были печенья из пресного теста, которые восходят к глубокой древности. Одно из них — ржаные лепешки, испеченные в золе, на Туровщине назывались «прышч»⁷. Его готовили обычно в дорожных условиях. Этот древнейший способ выпечки в XIX в. широко практиковался и у болгар⁸. На Туровщине зафиксированы своеобразные блюда, которые обычно готовили в петровский пост — «плещаніка», «баланда». Первое готовили из гречневой муки, размешанной с водой. Лепешки из этого теста сверху посыпали толченым маком и, сложив в глиняную миску, ставили в печь. Для «баланды» растирали голубику («буякі») с ячневой мукой, формовали лепешки, которые пекли на дубовых листьях.

Много блюд делалось из закисшего, но не подошедшего теста, прежде всего — блины. Это древнейшее блюдо восточнославянских народов на Полесье готовили обычно из гречневой муки в праздничные и воскресные дни. В ряде мест центрального Полесья (Столинский, Туровский районы), в связи с тем что гречиху не выращивали, блины пекли из ячневой, у зажиточных — из пшеничной муки. Ели их утром и в обед с творогом или «клинковым» сыром, разведенным молоком или сметаной, жареным («праже-

ным») салом, а в пост — «с конопляным молоком». Последнее готовили из поджаренного истолченного конопляного семени, разведенного небольшим количеством воды.

На Полесье, как и у всех восточнославянских народов, издавна из квашеного ржаного теста повсеместно во время постов готовили «кулагу», «саладуху», «квашу». В некоторых селах восточного Полесья это блюдо готовили из пророщенной ржи, которую запаривали кипятком (отсюда название этого блюда «париш», «париші» в западном Полесье). На протяжении ночи тесто для кулаги бродило («солодало», «гуляло»), утром его варили. Получалась кисло-сладкая масса различной густоты. Часто в кулагу для кислоты добавляли сушеные яблоки или калину. Потребляли в пищу с хлебом, печеным картофелем.

У восточнославянских народов и их соседей — поляков, литовцев — древним мучным блюдом был овсяный кисель, который впервые упоминается в летописном рассказе (под 997 годом) об осаде Белгорода печенегами⁹. Способ приготовления овсяного киселя на Полесье такой же, как и в других областях Украины и Белоруссии: овсяную муку, разведенную теплой водой, оставляли в теплом месте на полсутки, после чего процеживали, разбавляли водой и варили. Готовили его чаще всего во время постов, потребляли с постным маслом, маковым молоком, а также со сладкой водой — сытою. В селах центрального с западного Полесья готовили «жур», «джюр» — жидкий овсяный кисель.

Древнее восточнославянское кушанье — толокно во второй половине XIX — начале XX в. больше употреблялось в деревнях заболоченного пинского Полесья и в северных районах центральной части Украинского Полесья. При его приготовлении муку из высушенного в печи и запаренного кипятком овса разводили небольшим количеством соленой или сладкой воды. Это блюдо не требовало дальнейшей тепловой обработки. Толокно употребляли в пищу обычно в дороге и на полевых работах¹⁰.

Распространенными в полесских селах были такие мучные блюда, как «затірка», «кулеш», «лемішка», «галушки», «палюшки».

«Затірку», «зацірку» готовили из пресного гречневого или ячменного теста, которое пропускали через решето, растирали руками и варили в воде или молоке. Ничем не заправленное, это блюдо в украинских селах называлось «порожня затірка». В селах Белорусского Полесья (в Пинском уезде) из гречневой либо пшеничной муки варили

«кулеш»): засыпали муку в кипяток и размешивали («взби- >али») особой суковатой палочкой — «калатушкой».

«Лемішка» — блюдо (называемое в селах восточного Полесья «саламахой») из поджаренной гречневой или ржаной муки, которую заваривали небольшим количеством кипятка и выпекали в печи¹¹. «Лемішку» потребляли: молоком или постным маслом. В украинских селах [Сумской обл.] «лемішка» являлась обязательным блюдом (о время уборки конопли, по поверью, для того, чтобы на следующий год конопля была такой мягкой, как «лемішка»¹²).

Повсеместно полешуки делали галушки из гречневой, ржаной, а зажиточные — из пшеничной муки. Ели галушки на обед вместе с водой или молоком, в которых они варились. Аналогичные «балабухи» в украинских селах центрального и западного Полесья ели без жидкости, заправляли постным маслом или салом. На Пинщине готовили «вареніну» из круто замешанного мучного теста пополам с тертым конопляным семенем.

Излюбленным блюдом полешуков были вареники, которые ели в воскресные и праздничные дни, в восточном Полесье обычно — из ржаной муки, в центральном и западном — из гречневой. Начинкой для вареников служила варенная мятая фасоль, пшенная каша на молоке, квашеная капуста, вареный картофель, творог, мак, летом — ерика, вишни. Во время постов готовили вареники с ертой коноплей, разведенной небольшим количеством воды. На Брагинщине (Белоруссия) варили вареники из квашеного теста, начиняли их толчеными сухими грибами-дичками или маком.

Так же как и пирогам, вареникам в отдельных случаях приписывалась магическая функция. Их обязательно готовили (правда, лишь в зажиточных семьях) при отелении овец, чтобы телята были тучными¹³.

Важную роль в питании полешуков играли каши из речневой, ячменной, пшенной, репе — из ржаной и овсяной крупы. Наиболее распространенной в XIX — XX вв. была пшенная каша с молоком (крутая и жидкая). В крутую кашу в зажиточных семьях добавляли яйца, масло, после чего запекали в печи. Поэтому в некоторых селах она называлась «запиканка». Жидкая каша с молоком называлась «кулеш», «кулеш».

В центральном и западном Полесье (современные Ровенская и Житомирская области) готовили крутую пшенную кашу с фасолью или на сыворотке («сироватчина

каша», «сироватка»). Ячменная каша называлась «кутя», «груця», «путра».

До начала XX в. в полесских селах во время полевых работ готовили кашу древнейшим способом: смоченную крупку насыпали в полотняный мешочек и клали в горячую золу¹⁴. На Туровщине в дороге готовили «пячону» кашу, для чего промытое пшено обсыпали мукой и клали в горячую золу на 10—15 минут.

ОВОЩНЫЕ БЛЮДА

Из овощей на Полесье, как и в других регионах Украины и Белоруссии, готовили преимущественно первые жидкие блюда. Наблюдается некоторое разнообразие в названиях и способах приготовления блюд из одних и тех же исходных продуктов. Основные ингредиенты овощных жидких блюд — свекла (буряки), морковь, лук и в первую очередь капуста (свежая и квашеная, в зависимости от времени года).

Распространенным жидким блюдом у полешуков Украины и Белоруссии был борщ. Несмотря на общее название, его готовили по-разному. В полесских селах известно несколько разновидностей борща — в зависимости от времени года и локальных традиций.

В середине XIX — начале XX в. повсеместно на Полесье борщ варили из квашеной свеклы либо капусты, часто использовались оба продукта. В селах центрального и западного Полесья в борщ добавляли картофель, фасоль. Большую часть года, как отмечал П. Чубинский в конце XIX в., готовили постный борщ¹⁵ — с грибами или рыбой, часто с выюнами. Только в праздники борщ сдабривали мясом или салом.

Локальное распространение у украинцев западного Полесья имел так называемый «голий борщ» — из сухих грибов, рыбы и хлебного кваса, заправленный постным маслом, который готовили в постные дни и на свадьбах¹⁶.

Летом полешуки довольствовались борщом из стеблей и листьев свеклы, а также щавеля и лебеды.

Борщ считался одним из важнейших обеденных блюд. «Як нема борщу — то нема й їжі!», «Як не їсть борщу — то не хазяїн», «Борщ — усьому голова», — считали полешуки.

Из квашеной капусты, заправленной сушеными грибами или крупой (пшенной, ячменной), у полешуков известно жидкое блюдо — «капуста». Блюдо из капусты или капустного кваса, грибов и крупы называлось еще «квас».

>тваренную и приправленную жиром квашеную капусту ли просто с хлебом или картофелем, такую капусту использовали для вареников.

Осенью в селах Волынского Полесья свежую капусту екли в печи: кочаны капусты, разрезанные пополам, складывали в чугунок или горшок, ставили в печь, готовую соли и поливали постным маслом, ели с хлебом или картофелем.

Морковь в пищевом рационе полешуков играла незначительную роль. Летом ее варили с пшеном. Это было дгое, как каша, блюдо. Известно жидкое блюдо «морк-а» — отваренная морковь, залитая молоком.

Бобы, горох, фасоль широко употреблялись при заправке жидких овощных блюд.

Летом полешуки употребляли «холодний борщ», «хездець», «халаднік» — из зеленого лука, укропа, огурцов хлебного или березового кваса.

Осенью повсеместно варили кашу из тыквы и пшена, также пекли тыкву в печи.

Локальное распространение (в украинских селах Винского Полесья) имело густое блюдо «пастернак» — из астернака и фасоли.

Характерной особенностью полесской кухни было значительное употребление мака — как добавки к супу, картофельному пюре («товмач»), он был незаменимым как ачинка пирожков и вареников.

Среди овощей в конце XIX — начале XX в. главную роль начинает играть картофель. Становится более разнообразным ассортимент картофельных блюд. Картофель («бульбу», «картоху») во время постов варили в кожуре («шалупках», «в шолупайці», «в лушпайках», «нелупка») ели ее с квашеной капустой, огурцами. При отсутствии (ноплиного масла картофель макали в толченое конопляное семя. Распространенным блюдом был сваренный ищенный и толченый картофель, заправленный салом, МАКОМ или коноплей («товмачь», «тауканіна», «комы», «ами», «токмачі») ¹⁸.

Из мятого картофеля жарили на сковороде в жире («ладки», «лінівці») и пирожки, начиненные фасолью, капустой и грибами.

Белорусы из вареного картофеля и ячменной или гречевой муки пекли на поду русской печи коржи. На Туровщине коржи («ковжи») готовили, отправляясь в дорогу. Белорусском Полесье известно своеобразное картофельное блюдо — «капрук»: со сваренного с луком, солью и рцем картофеля сцеживали жидкость и в нее крошили

хлебные корки. Локальное распространение (на Брагинщине) имело картофельное кушанье «гуляй». Отваренный очищенный картофель толкли в ступе, месили с мукой, раскатывали «скрыгліками», резали на куски, пекли на противне. Ели «гуляй» с постным маслом, салом, а часто и без него.

На Полесье известно много блюд из тертого картофеля. Наиболее распространенными были картофельные блины («деруны», «бульбовники», «бульбяники», «драні-ки», режа — «струсні», «пунтики»). В тертый картофель добавляли немного гречневой или ржаной муки, немного вареного картофеля, яйца и жарили на сковороде. Потребляли их преимущественно на завтрак со сметаной или творогом, разведенным молоком.

«Бабку», «бульбяну бабку» выпекали в печи в чугуне или в металлической форме, добавив в тертый картофель жир или молоко. Испеченную бабку макали в сметану или поджаренное («пражене») сало.

Из тертого картофеля готовили картофельные галушки, на дубовых листьях выпекали небольшие лепешки «бульбаники», «налісніки». В белорусских селах бытовало своеобразное блюдо — «колдуны»: в блины из тертого картофеля заворачивали нарубленное мясо, слегка обжаривали и складывали на сковороду с жиром для упаривания. Для приготовления киселя, лапши, крахмальных блинов повсеместно использовался картофельный крахмал.

Картофель во всех полесских селах использовали в суп («юшка», «юшонка», «булян», «буллен», «кришани з бульби», «варенок», «варьонки», «голий суп»). В зажиточных семьях суп варили с мясом. Кроме картофеля добавляли фасоль, грибы, крупу, заправляли салом, «здором», постным маслом, а суп из одного картофеля называли «голий суп».

МОЛОЧНАЯ ПИЩА

У полесского крестьянства в пищу шло исключительно коровье молоко, хотя использовалось оно в достаточном количестве лишь по праздникам. В остальное время молоко было приправой к пище из растительных продуктов. В качестве приправ употреблялось свежее и кислое молоко, сыворотка и отходы от сбивания масла. Из молока готовили творог, творожный сыр, из сметаны сбивали масло. Все эти продукты употреблялись в пищу без дополнительной переработки. Повсеместно полешуки готовили на молоке густую или жидкую пшеничную кашу. С молоком ели

густые каши, сваренные на воде. Творог, разведенный молоком, был маканиной («омачка», «гумочка») для блинов, пампушек, пирожков. С творогом варили вареники. Праздничными блюдами были творожники («сирники»), налистники («перегартованички»), молочный кисель, мучная или крахмальная лапша на молоке.

Украинцы полесских сел из первого после отела коровы молока и яиц выпекали в печи молозиво.

БЛЮДА ИЗ МЯСА И ЯИЦ

Несмотря на развитие животноводства, полесские крестьяне в повседневном питании редко использовали мясо. Свежее мясо ели только во время убоя скота, в основном же потребляли свиную солонину и только по праздникам и семейным торжествам — баранину и телятину. С мясом готовили борщ, тушили картофель («жарьонку»), капусту («кочанья з мясом», «жарена капуста»). В праздничные дни на крестьянском столе появлялись мясные блюда, самым распространенным из которых был студень — «холодец» («холодьонка», «дрижка», «дригель», «холодное», «квашеніна»). В селах центрального и западного Полесья готовили мясной соус («моченку», «потравку»), в который макали пироги, блины. На праздники мясо варили, жарили или запекали в больших глиняных мисках—«латках», приправляя луком и перцем; готовили колбасы, которые подавали на стол в холодном или подогретом виде.

При приеме гостей жарили яичницу из взбитых или целых яиц («пражана яешня», «цалкавуха»).

ГРИБЫ И ЯГОДЫ

В питании полешуков существенным подспорьем были грибы и ягоды. Свежие грибы отваривали и жарили на сковороде. Сушеные грибы во время поста добавляли в борщ и суп. Высушенные ягоды и фрукты (яблоки, черника, груши) употребляли для приготовления компота («звар», «озвар»), из которого с добавлением крахмала в восточном Полесье готовили густой кисель («чорний кисіль»). В селах центрального и западного Полесья, кроме того, готовили жидкий кисель из черники («мурза»), калины («каліновнік»), груш («грушовнік») ¹⁹. Очень характерным блюдом на Туровщине был «каліновнік». Калину сушили, сухие ягоды заливали кипятком и парили в печи примерно с обеда до вечера. Затем процеживали, сок пе-

ремешивали с ржаной мукой. Сваренный в печи средней густоты кисель ели ложками. На Брагинщине в калиновник, кроме ягод калины, добавляли грушек-дичек, все это варили, затем в отвар лили расколоченную в холодной воде муку. Жидкую кисловатую массу ели ложками. В полесской кухне широко известны печения из теста с перетертыми ягодами (черникой, голубикой).

РЫБНЫЕ БЛЮДА

Большую роль, нежели в других районах Украины и Белоруссии, играли в питании полешуков блюда из рыбы, хотя в полесской кулинарии было мало специальных рыбных кушаний. Наиболее распространенной была уха. Жареная рыба редко появлялась на крестьянском столе. Из свежей рыбы готовили рыбное холодное («студень», «студ-зень», «холодьонку»).

В селах западного Полесья мелкую рыбу тушили в горшке, а в белорусских селах еще готовили и рыбные клецки — «галки», для чего измельченную вареную рыбу перемешивали с мукой, луком и перцем, скатывали в шарики и бросали в кипяток. В пищу употребляли вместе с бульоном

ТРАДИЦИОННАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ И ОБРЯДОВАЯ ПИЦА

Праздничная пицца полешуков отличалась от будничной разнообразием блюд, качеством исходных продуктов, более обильным употреблением мяса, яиц и масла, а также приготовлением специальных обрядовых блюд и печений.

На семейные торжества (рождение ребенка, крестины, свадьбу) и похороны готовили борщ, пшеничную кашу, гречневые блины, отварное мясо, студень и др. Свадебная, крестильная и похоронно-поминальная трапезы отличались между собой обрядовыми и специальными блюдами и печеньями.

На крестины обязательно готовили кашу («бабина каша»), на свадьбу — каравай, на поминки — кутью («куця», «коливо»).

Крестильная каша символизировала продолжение рода. Обычай готовить ее сохранился во многих местах до наших дней. Кашу (пшеничную или гречневую), обильно заправленную жиром, готовила повивальная бабка или хозяйка. В конце крестин начинался торг: кто давал на кашу

больше денег, тот на крышке -квашни разбивал горшок с кашей. Присутствующие должны были воткнуть в кашу монету, загоразивая середину каши и приговаривая: «Ану, городи, нехай не лязать поросята в просо»²¹. Деньги отдавали роженице и повивальной бабке на новый горшок. Обычай готовить «бабину кашу» был широко распространен у всех восточнославянских народов²².

Так же как в других районах Украины и Белоруссии, в полесских селах выпекали свадебный каравай. Древние славяне приносили его в жертву языческим божествам²³. В полесских селах каравай пекли в доме жениха и невесты из ржаной или пшеничной муки. В нижней части каравай («пудощва») каравайницы запекали зерно и деньги. Сверху каравай украшали шишками, фигурками птиц и людей из теста, бумажными цветами, ветками можжевельника («ялівцю», «язловца»), а украинцы западного Полесья — деревянными двузубыми или трезубыми вилочками, облепленными тестом²⁴. В конце свадьбы каравай делили между гостями, а нижнюю «пудощву» отдавали музыкантам.

На поминки после похорон полешуки устраивали обед, обязательными кушаньями которого было 3—4 праздничных блюда — борщ, вареный горох, клецки, каша на молоке или на сыворотке («сироватка»). Обязательным считалось горячее первое блюдо — борщ или суп, ибо, согласно поверью, вместе с паром отлетала душа покойника²⁵.

Обрядовую роль на поминках играло «коливо», называемое еще «сыта», «канун», «кануна». Это покрошенный белый хлеб или пресные коржи, политые медовой сытой. «Коливо» ели в начале обеда по три ложки.

В белорусских селах западного Полесья (в Дрогичинском р-не) на похороны и поминки специально пекли пресные маленькие булочки с маком. На Полесье был распространен древний обряд («дiди», «деди», «дзяды») — поминание умерших родственников. Его отмечали два или три раза в году — весной и осенью. Обычай этот сохранился до середины XX в., представители старшего поколения отмечают его и в настоящее время. К этим дням даже в самой бедной семье обязательно готовили обед из трех (борщ, каша, кулеш или печеное мясо), семи или девяти блюд (два вида борща — из квашеной капусты и свеклы, пшеничный суп, блины, кашу, творог, «сироватку», яичницу)²⁶. По народным представлениям, умершие родственники в этот вечер приходят на ужин. Три ложки каждого блюда бросали на стол или в отдельную миску — для умерших предков. В с. Карасин Сарненского р-на Ровен-

ской обл. в конце ужина выливали под стол немного воды со словами: «Вибачайте, предки, чим мали, тим поминали». На следующий день пекли блины, которые во многих селах считались обязательным поминальным блюдом.

На Полесье повсеместно, как и в других районах Украины и Белоруссии, поминали умерших после пасхи — «на проводи», «на радуніцу». На кладбище приносили, и все присутствующие ели, куличи — «паски», яйца, мясо, блины, вареники. Для умерших под крест выливали водку или клноквенный квас, закапывали яйца.

Из календарных праздников зимнего периода главными были сочельник, рождество («коляда», «куляда», «кутя»), новый год («багата кутя»), крещение («голдна кутя»). На сочельник и крещение пища была постная, на новый год и рождество — скоромная. Обязательными блюдами на всех этих праздниках были кутя («куцця») и компот («узвар», «звар»). Как и каравай, кутя еще в дохристианский период была жертвенной пищей языческим божествам²⁷. Это густая каша, приготовленная архаическим способом из зерен ячменя, реже — пшеницы. Кутью ели с медовой сытой и маком либо поливали постным маслом, борщом, компотом, а на рождество обычно — салом или молоком. Первую ложку кутя в сочельник бросали вверх, чтобы был хороший урожай.

На масленицу обязательным блюдом были вареники с творогом, а в восточном, центральном и частично западном Полесье — блины. В первый день великого поста пекли для каждого члена семьи пресные ржаные, гречневые или ячменные лепешки («жиляники», «дужики»), сверху их посыпали маком или мазали медом, иногда добавляли сухую чернику.

На праздник «сороки», отмечаемый 9 марта, повсеместно должны были варить сорок вареников или галушек, выпекать 40 пирожков или «жаворонков».

В среду четвертой недели великого поста, называемой «серединопiстя», «хрестці», выпекали из пресного или заквашенного теста печенье в виде креста («крижики», «хрестяники», «хрестци»), имевшее ритуальное значение. В некоторых селах это были продолговатые пироги, положенные накрест, они начинялись фасолью, сушеными грушами или толченым маком. Из выпеченных трех или шести штук один оставляли в закромах до нового хлеба (чтобы всегда был хлеб), другие съедали члены семьи, а также скармливали скоту. Весной с «крижиком» начинали посев ржи и посадку картофеля (чтобы был хороший урожай). С «крижиком» первый раз выгоняли скот на пастбище,

чтобы «череда добре паслась». Этому печеню приписывалось свойство оберега и силы плодородия.

На пасху полешуки пекли одну или несколько ржаных или пшеничных куличей — «пасок». Обязательными для этого праздника считались крашеные яйца — «крашанки». К этому празднику старались заколоть свинью; окорок или кусок мяса, сала запекали в печи. Зажаренный в печи поросенок считался обязательным пасхальным кушаньем на Полесье, хотя далеко не все крестьяне имели возможность его приготовить. Поросенка начиняли сваренными потрохами (легкое, печенка, сердце, почки) или потрохами, смешанными с гречневой крупой.

В ряде мест восточного Полесья (Сумская обл.) на пасху пекли «сирницю» — творожный кулич с яйцами и мукой²⁸.

На летний праздник Петра, считавшийся пастушьим, полешуки пекли из творога и яиц небольшие лепешки, называемые «сирники», «мандрички», «мандрики».

На «маковей» обязательно готовили блюда из толченого в ступе мака; чаще — пироги с маком, вареники с маком или маковый суп. На «яблочный спас» на всей исследованной территории обязательными были пироги с яблоками и фруктовый кисель (т. к. снимался запрет употреблять фрукты). В некоторых селах, кроме того, готовили лепешки с маком, как на «маковей».

Обрядовые кушанья и печенья полешуков восходят к глубокой древности, к дохристианским верованиям, жертвенным приношениям различным божествам. Христианская церковь, не одолевшая этой древней традиции, многое приурочила к христианским праздникам, однако языческая сущность ритуальных печений и церемоний их приготовления и употребления дожила до современности.

ДОМАШНИЕ ЗАГОТОВКИ

Основные продукты питания крестьяне заготавливали впрок — сушили, квасили, солили, коптили.

На зиму квасили капусту, заправляя ее морковью, семенами укропа, тмином, клюквой, иногда яблоками — «антоновкой». В шинкованную капусту иногда укладывали целые головки («качань») или половинки («пелюстки»), из которых зимой варили борщ, ели с постным маслом. В селах центрального и западного Полесья известен специфический способ заготовки капусты, предварительно подпеченной в печи. Она называлась «качани печоние», «обпечена капуста» или «парона капуста»²⁹. Приправой к

ней был укроп. Заквашенная таким способом капуста быстрее была готова к употреблению, считалась вкуснее.

Повсеместно в полесских селах квасили свеклу: разрезанную пополам («палютками»), ее заливали водой. Из свекольного кваса и квашеной свеклы готовили борщ.

Засолка огурцов и вообще соление продуктов из-за дефицита соли практиковались реже, нежели их консервирование. При засолке огурцы приправляли чесноком и хреном. В кадках солили рыбу. Изредка посоленную мелкую рыбу толкли в кадке деревянным пестом³⁰.

Одним из древнейших способов заготовки продуктов было сушение — грибов, ягод (черники), фруктов (яблоко, груша), а также рыбы. Все это сушили в печи — на поду, только с начала XX в. — в металлических противнях («деко», «бляха»).

Клюкву заготавливали впрок. При длительном хранении брусники украинцы центрального Полесья применяли тепловую обработку: ягоды тушили («стоплювали») в печи. Такую бруснику ели зимой с картофелем.

Во время петровского поста, когда было много молока, а его запрещалось употреблять, полешуки заготавливали творог: солили и помещали его в деревянный бочонок — «сирницю», перекладывая маслом. Украинцы западного Полесья кроме соленого творога делали так называемый «квашеный сыр»: оттопленный, но не отдавленный творог сливали в деревянную кадку, заливая молоком³¹. Хранили «квашеный сыр» в прохладном месте. Ели его с картофелем зимой, когда не было молока. Аналогичный способ заготовки молока («писне молоко») был распространен у карпатских украинцев³².

Из молока впрок готовили сыр, который назывался «клинковый», «клинки», «сухий» или «грудка», для чего сильно отдавленный, посоленный творог сушили на солнце. Ели его зимой с картофелем, со свежим молоком. Такой сыр готовили по всей Белоруссии, а также русские При-уралья³³.

Из сырой или оттопленной в печи сметаны полешуки сбивали масло. В пост масло солили и хранили вместе с творогом.

Мясо и сало для длительного хранения солили и коптили, мясо еще и сушили.

Сушение мяса было одним из наиболее древних способов заготовки³⁴, сохранившимся в украинских селах западного Полесья до настоящего времени. Посоленным мясом (без костей) набивали свиной желудок и засушивали несколько дней возле печи, после чего выносили на чердак

или в кладовую. Это мясо называлось «карук», «кучук» или «иванчик». Его ели без предварительной обработки во время полевых работ, с ним готовили первые блюда.

В конце XIX — начале XX в. зажиточные крестьяне стали широко практиковать засолку мяса и сала, которые кладывали в деревянные бочки — «кубліки», «дзєжкі». Окорок и лопатку («плечко»), предварительно посолив, вешали в коморе, на чердаке или, потушив в печи, заливали жиром. Полешуки солили внутренний жир («здор», «пасалницю», «затовку»). Посоленный и скрученный внутренний жир подвешивали на чердаке или помещали на дно бочки с салом. Так же как и в других районах Украины и Белоруссии, на Полесье изготавливали мясные колбасы и начиняли желудок («кіндюк», «кендюх»). Мясо, порезанное кусочками, заправляли чесноком, лавровым листом и перцем. В селах центрального и восточного Полесья колбасу пекли в печи, для более длительного хранения ее заливали горячим смальцем. В селах центрального и западного Полесья готовили сухую («сиру») колбасу³⁵. Способ приготовления ее такой же, как и сухого мяса «кару-ка». Перед употреблением «сиру» колбасу варили или жарили на сковороде.

Изредка в селах восточного Полесья готовили «ковбик» — набивали свиной желудок мясом, заправленным перцем и чесноком. Немного обваренный «ковбик» запекали в печи.

Чаще из свиного желудка делали сальтисон («ковбик», «ковбух», «вантробьянка», «Іванко», «мацько»), способ приготовления которого тот же, что и в других районах Украины и Белоруссии³⁶.

Повсеместно из свежей свиной крови, сала и гречневой крупы или муки делали кровяную колбасу, называемую «кров'янка», «кишка з кров'ю», «кашанка», «кривава ковбаса». Кровянки пекли в печи на сковороде или в металлической форме.

Коптили мясо из-за отсутствия специальных коптилен в банях, а в белорусских селах западного Полесья — в дощатых вытяжных трубах курных печей, выведенных в сени.

Полешуки знали много способов переработки и заготовки мяса, но не всегда основная масса трудового крестьянства могла их применять.

Природно-географические условия полесского региона обуславливали своеобразие традиционных напитков домашнего приготовления. Древнейший напиток восточных славян — хлебный квас — известен повсеместно, употреблялся наряду с ягодно-фруктовыми и медовыми напитками.

Для приготовления хлебного кваса выпекали специальные лепешки из пресного или кислого ржаного теста, либо употребляли сухари. Их крошили, заливали теплой кипяченой водой. Через сутки квас уже можно было употреблять³⁷. Для большей резкости, цвета и запаха в квас клали пчелиный воск или поджаренный ячмень. Распространенным напитком был березовый квас («березовик», «березівка», «квасок»): собранный весной березовый сок заправляли поджаренным ячменем, овсом, сушеными яблоками или вощиной, а иногда и ничем не заправляли. Березового кваса заготавливали много, так что его хватало до осени. Квас был обязательным напитком и в будни, и в праздники.

Реже заготавливали кленовый, черничный и брусничный квас. Кленовый сок заправляли сахаром и специальной лепешкой из муки и картофеля, что способствовало брожению сока³⁸. Для брусничного, клюквенного и черничного кваса ягоды заливали охлажденной кипяченой водой и добавляли немного сахара. Через две недели квас был готов.

Повсеместно распространенным напитком был компот («звар», «узвар», «озвар»). Его варили преимущественно во время поста из яблок и груш. В белорусских селах нередко «узвар» готовили густым и ели ложками.

Ритуальным и праздничным напитком являлся медовый напиток «сыта», «сита». Для его приготовления разводили мед колодезной или кипяченой водой.

Алкобольные напитки (пиво, водку) в домашних условиях готовили редко. В украинских селах на праздники готовили из компота и стручкового перца алкогольный напиток «варенуху».

РЕЖИМ ПИТАНИЯ

Режим питания полешуков зависел от времени года, трудовой деятельности и зажиточности семьи.

У жителей Полесья, как и в других районах Украины, Белоруссии и России, осенью и зимой был трехразовый

прием пищи: завтрак («снідання», «снєдання», «обід») обед («полудень», «обід») и ужин («вечеря»).

В долгие весенне-летние дни между обедом и ужином был полудник («полудень», «подвечорок»).

На завтрак готовили одно или два блюда (в зависимости от достатка семьи): картофельный суп («булян») и картофельное пюре («камы», «товмачі», «тавчонка») жарили картофельные или гречневые блины, готовили овсяное толокно.

Обед, как правило, состоял из двух-трех блюд. Обязательными были борщ, крупник, суп и пшенная или ячменная каша. В зажиточных семьях, кроме того, готовили галушки с тертым картофелем, пирожки с фасолью («бобовник»), «кулагу».

Полдник, который ели чаще в поле, на сенокосах, состоял из хлеба и овощей — лука, чеснока, огурцов, нередко сала, а у зажиточных — соленого мяса («карука»).

На ужин шли остатки обеда или же варили молочные Олюда (галушки, «затірку»), суп или пекли картофель.

ПОСУДА И УТВАРЬ

В полесских селах в конце XIX — 30-х годах XX в широко бытовала деревянная, глиняная, а также соломенная утварь разных видов, форм и назначения. В 20— 30-е годы XX в. в широкий обиход входит стеклянная и металлическая посуда.

По функциональному назначению посуда и утварь делится на несколько групп: для приготовления пищи (варка в русской печи, выпечка хлеба); для хранения молочных продуктов и жидкостей; для транспортировки пищи и напитков; для заготовки продуктов впрок; столовая посуда.

Большую группу составляла посуда для выпечки хлеба и приготовления пищи.

На Полесье тесто для хлеба заквашивали и месили в деревянной квашне, изготовленной бондарями из дубовых или еловых, с обязательным дополнением дубовых клепок. Она называлась «пїкна дїжка», «пекальна дежка» «хлебная дежка», «хлебная дзяжа». Квашня играла важную роль в семейной обрядности (свадьба, крестины). В свадебном ритуале был широко распространен обряд «посада» на дежу молодой.

Для приготовления пищи в русских печах издавна использовались глиняные горшки различных размеров — от 1 л до ведра емкостью. В состоятельных семьях со второй

Посуда и утварь для приготовления пищи, выпечки хлеба.
1 — хлебная дежа, 2, 3 — горшки, 4 — «латка», 5 — чашка деревянная
6 — «ковганка», 7 — половик, 8 — хлебная лопата, 9 — ухват.

половины XIX в. начали использовать железные луженые чугуны («чгаганы», «залєзніки») такой же формы, как горшки.

Для посадки хлебов в печь использовалась специальная деревянная хлебная лопата круглой или овальной формы, а для чугунов — железные ухваты, «вилки».

Для приготовления пищи в печи широко распространной посудой в Полесье была «латка», «латушка» — невысокая глиняная плошка, в которой тушили мясо, жарили яичницу, разливали студень, использовали ее вместо миски. Блины, сало жарили в металлической сковороде («пательня»),

Посуда для молочных продуктов и воды.

1 — подойник, 2 — гладуцга, 3 — маслобойка, 4 — «фастка» для масла, 5, 6 — ведра, 7 — бочка — «вадзянка».

Поскольку жидкие блюда заправляли толченым салом и луком, в обиходе были деревянные долбленные сосуды — «лаганка», «салотовка», «ковганка», «ступка» с толкачом. В каждой семье имелась глиняная макитра для растирания мака, конопляного семени, творога.

Для хранения и переработки молочных продуктов употреблялась обычно глиняная и деревянная посуда. При доении коров использовали деревянные подойники («дайніца», «даенка»), одна из выступающих клепок служила ручкой. Подойники, бытовавшие на Полесье, по форме были аналогичны подойникам в Карпатах³⁹.

У крестьян Полесья, как вообще у белорусов и украинцев, для хранения молока в широком употреблении были высокие узкогорлые глиняные сосуды («кувшин», «гладыш-ка», «ладыш», «збанок»). Эти сосуды были немного расширены в нижней части и имели почти прямые стенки высокого горла. Сбивали масло в специальной, сделанной из клепок, узкой маслобойке («бітуха», «бойка», «масля-ничка», «збиянка») или в глиняной макитре. Хранили

Посуда для транспортировки пищи и напитков.

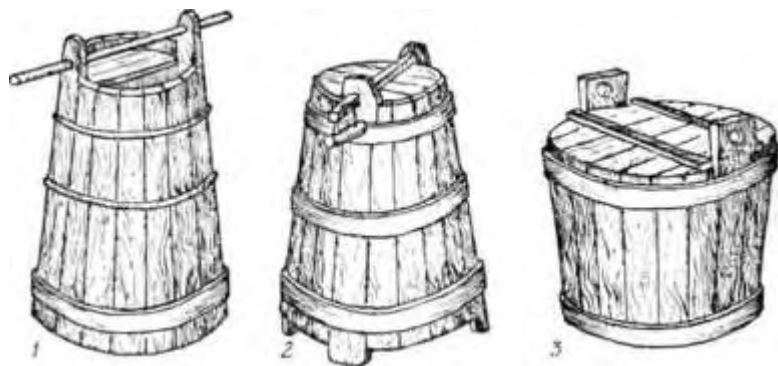
1 — «носатка», 2 — баклажка, 3 — сосуд для воды «кубншка», 4 — двойные горшки — «близнята».

масло в небольших кадках, сделанных из клепок, цилиндрических или в форме усеченного конуса («квасочка», «фасточка», «стаубунчык», «сирничка») ⁴⁰.

На Пинщине, на Воляни для хранения домашнего сыра выплетали своеобразные коши («кіш», «кош на сыры») из лозовых и ракитовых прутьев, чаще в форме конуса. У основания имелось отверстие, которое закрывалось дощечкой.

Воду носили и держали в деревянном ведре («цэбер», «ряшка»). В 20—30-х годах XX в. в полесских селах наряду с деревянными получают распространение металлические ведра. В избе воду хранили в небольшой кадке (в форме усеченного конуса), называемой «воднік», «водник».

Для транспортировки воды и пищи в поле служили деревянные «барильця», «носатки», глиняные сосуды — *глек», «кубышка», «спарыши». «Барильце» — двухдонный

Посуда для заготовки продуктов.

1, 2 — скубел, 3 — «дежечка»

Зондарный бочонок с ручкой, имеющий в одной из клепок два отверстия для наливания и выливания содержимого; «сносатка» — зондарная посуда в форме усеченного конуса, которая имела сбоку носик (чем обусловлено название), а сверху — ручку. «Кубышка», «глек», «пущка», «сбанька», «глек» — глиняный шаровидный сосуд с узким горлышком, распространен и в других районах Украины и Белоруссии. Такая посуда использовалась также для хранения спиртных напитков и постного масла. Для переноски кидкостей употреблялся двухдонный зондарный, круглой формы сосуд — «баклага», «барильце»⁴¹. Пищу в поле юсили часто в сдвоенном горшке — «спарыши» с большой круглой ручкой-дужкой.

Для заготовки продуктов впрок использовались разнообразные деревянные сосуды. Мясо и сало солили в деревянных бочках с крышкой («кубел», «бодня», «сальни-я»), в дне которых были отверстия, чтобы стекала соевая вода «ропа». Капусту, свеклу квасили также в очках, кадках («разрезах», «пирарэзах») различной вместимости.

Зерно, крупу и муку ссыпали в объемные долбленные кадолбы, сплетенные из жгутов соломы и сосуды типа очки с крышкой («саламянікі», «козубчикі»).

Характерной полесской посудой для сбора ягод и грибов были прямоугольные коробки — «коробки», «кошільки», «ягодниці», сплетенные из дубового лыка.

Столовая посуда состояла из больших деревянных и глиняных мисок, тарелок и деревянных ложек, которые ранили в настенном посуднике — «паліце». Разливали

пищу большой деревянной ложкой — «полонником», «ополонником». Вареники вынимали специальным «ополонником» с отверстиями.

Древними сосудами для питья были деревянные долбленные ковши («коуш», «карэц», «корчик») круглой или овальной формы. Ковш имел ручку с зарубкой, при помощи которой он подвешивался на край кадки с водой. Для питья использовались также деревянные «кварты», «кухліки», «ко-науки» или глиняные кружки. В начале XX ст. появляются металлические кружки, ковши «корчики» в форме половника.

Посуда и утварь жителей Полесья была простой и целесообразной по форме, практичной и удобной в употреблении. Долгое сохранение в быту полещуков посуды и утвари, вошедшей своими корнями к глубокой древности, является следствием консервативности бытовых устоев, а также доступности и обилия местного сырья, используемого для изготовления посуды.

Столовая посуда.

1 — миска, 2 — деревянная чашка, 3, 4 — деревянная солонка, 5 — «кухлік».

СОВРЕМЕННАЯ ПИЩА ПОЛЕЩУКОВ

Основу современного питания крестьян Полесья составляют продукты сельского хозяйства, животноводства, получаемые от своего хозяйства, а также покупные.

Развитие питания на Полесье, как и в других районах Украины и Белоруссии, идет по пути улучшения питательных качеств традиционных блюд и напитков вследствие употребления мясо-молочных продуктов, исчезновения части традиционных блюд; появления новых блюд, напитков, печений, способов заготовки и переработки продуктов.

В современном питании полещуков значительное место, как и раньше, принадлежит мучным блюдам, изделиям из пшеничной муки. Это — вареники с творогом,

картошкой, капустой, а летом — с вишнями, черникой; домашняя лапша, блины, галушки. Их готовят в праздничные и будничные дни. Кроме традиционного способа варки вареников в воде, в украинских селах восточного Полесья распространилось приготовление их на пару⁴².

Блины пекут из пшеничной муки, добавляя яйца, молоко и соду.

Хлеб полешуки покупают обычно в магазинах, только на праздники пекут его дома.

В пищу колхозного крестьянства входит много мучных изделий, которые выпускает пищевая промышленность (лапша, макароны, вермишель).

Из крупяных блюд наиболее распространенными являются каши (пшеничная, гречневая, перловая, рисовая, манная), которые употребляют в пищу с молоком, маслом, салом.

Важная роль в современном полесском питании, как и раньше, принадлежит картофелю, из которого варят картофельное пюре («товмачі», «товчонка», «комы», пюре), делают блины из тертого картофеля («драніки», «бульбовники», «пунтики»), галушки, бабку. Часто готовят жаркое из картофеля и мяса, а также лапшу из крахмала. Из вареного и тертого картофеля пекут пирожки с грибами или толченой фасолью⁴³.

На завтрак и ужин готовят традиционный суп, часто с крупой или макаронными изделиями.

Как и раньше, одним из основных первых блюд является борщ: летом — из щавеля, осенью — из свежей капусты, зимой — из квашеной капусты, нередко с грибами или рыбой, заготовленными летом.

Осенью и зимой широко распространенным блюдом стала тушеная с мясом квашеная капуста.

В пище жителей Полесья появилось новое повседневное и праздничное блюдо — голубцы («голуби») — из листьев свежей капусты, начиненных отваренным рисом и рубленным мясом. Пекут их в печи, заливая томатным соусом⁴⁴.

Изредка употребляют в пищу морковь и свеклу, отваренные в воде и заправленные молоком.

Традиционным способом на всей исследуемой полесской территории готовят печеную тыкву и тыквенную кашу.

Круглый год употребляется в пищу молоко и молочные продукты. С молоком варят многие традиционные блюда: молочный кисель, «сыроватку», «молозиво», налистники, кулеш, галушки, домашнюю лапшу, каши, готовят «сухой» творог и т. д. Во всех полесских селах традиционным способом заготавливают березовый и хлебный квас, которые

с добавлением вареного картофеля, яиц, мяса, огурцов, редиски, лука, укропа идут на приготовление традиционной окрошки («холодец», «холоднік»).

В советское время широкое распространение получили новые напитки — чай, кофе, какао.

Праздничная пища полешуков сохранила больше традиционных блюд (студень, картофельное жаркое, вареники, сырники, налистники, кисели). В родильной обрядности и сейчас повсеместно обязательной является «бабина каша». На поминальные обеды готовят «коливо», «канун», «кутю» из белого хлеба с медовой сытой.

На семейные праздники готовят много новых блюд из мяса — котлеты, пельмени, жареную печень, паштет из печени, тушеные куры, голубцы с мясом, куриный бульон; из овощей — салаты из редиски, свежей капусты, огурцов и помидоров; выпекают широкий ассортимент сдобного печенья, блинчики с творогом; из фруктов варят кисель или компот.

В способах переработки продуктов сохраняется много традиционных приемов: засолка мяса, сала, сушение ягод, фруктов, грибов, рыбы, квашение капусты, огурцов, помидоров. Распространилось повсеместно маринование и консервирование огурцов, помидоров, грибов, фруктов, приготовление из фруктов и ягод варенья, повидла, соков. На зиму крестьяне заготавливают щавель. Все эти заготовки делают пищу крестьян более разнообразной, в определенной степени устраняют сезонность в питании.

Наряду с традиционными способами переработки мяса (изготовление колбас, сальтисона, «ковбика», кровяной колбасы и др.) в советское время, распространились новые: засолка мяса и сала в стеклянной таре, приготовление домашних тушёнок⁴⁵. В Полесье тушёнку готовят двумя способами: из тушеного и сырого мяса. При приготовлении тушёнки первым способом мясо, порезанное кусочками и приправленное лавровым листом, перцем, тушат в печи в новом чугуне, после чего, расфасовав в стеклянные банки, закрывают металлическими крышками. При другом способе сырое посоленное и заправленное специями мясо, разложенное в банки, накрывают и на жаровне ставят в печь на 3—4 часа, после чего банки закрывают металлическими крышками.

Питание крестьян Полесья в советское время — высококалорийное, разнообразное по ассортименту, достаточное по количеству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научное познание этнографии Полесья развивается главным образом по пути накопления фактического материала и его осмысления в рамках разработки вопросов, в большей или меньшей степени относящихся к этой теме. Особенно результативным представляется этнолингвистический аспект исследования, включающий привлечение значительного полевого материала из сферы традиционно-бытовой культуры населения Полесья. Важными являются результаты новых антропологических исследований в этом регионе.

Однако этнографы пока еще не располагают достаточным материалом для обстоятельного решения ряда вопросов, в частности, определения точных границ полесского этнографического ареала, географии локализации и распространения специфических реалий традиционно-бытовой культуры, их местных разновидностей, динамики изменений в прошлом, степени сохранности и трансформации в наше время. Здесь нередко мы опираемся на весьма общие сведения и зачастую прибегаем к данным из других областей знаний, особенно географии и лингвистики.

Своими историческими судьбами Полесье с древнейших времен тесно связано с другими частями восточнославянского мира. Генетическое восточнославянское единство населения этого региона подтверждается и антропологическими данными. Но при этом нельзя не учитывать и многие особенности, присущие общественно-историческому и социально-экономическому развитию этого края в разные времена. Это расселение здесь разных восточнославянских племен (волынян, древлян, дреговичей, радимичей, полян, северян), их соприкосновение, особенно в северной зоне, с балтами, принадлежность территории Полесья

после древнерусского периода к разным государственно-политическим образованиям, насильственное конфессиональное расчленение населения, переориентация хозяйственно-экономических связей, определенная естественная природная изолированность региона, различный уровень и динамика социально-экономического развития его разных частей и районов, консервация многих архаических особенностей быта и культуры.

Все это и еще многие частные факторы общественно-политического, социально-экономического и экологического порядка не могли не сказаться на общей структуре и всех составных традиционно-бытовой культуры Украинского и Белорусского Полесья. В ней много общих определяющих черт, но на всей протяженности полесского ареала отчетливо сказываются и существенные различия, локальные культурно-бытовые особенности. Достаточно полно можно будет представить эти различия только с помощью метода этнографического картографирования. В нынешней попытке обобщенного рассмотрения основных компонентов традиционно-бытовой материальной культуры населения Полесья они прослеживаются в более или менее общем плане.

В хозяйственном укладе и производственной деятельности населения Полесья издревле главную роль играло земледелие. Освоение участков плодородной почвы между болот, песчаных дюн, пойм, на лесных расчистках, их возделывание требовало огромного труда и соблюдения веками складывающихся традиционных агротехнических знаний. Поэтому при наличии общего с культурой земледелия других регионов в Полесье имелись и многие своеобразия, сложился зависимый от местных климатических условий свой сельскохозяйственный календарь. Господствующей была трехпольная система севооборота, но агротехника, структура производственных культур зависели от характера почв. Основное место среди зерновых здесь заняли рожь (озимая и яровая), ячмень, овес (нескольких разновидностей), со второй половины XVIII в. в Полесье широко освоено выращивание картофеля. Для полесского земледелия XIX — начала XX в. характерным остается сохранение давних способов и примитивных землеобработывающих деревянных орудий, в частности: сохи своеобразного полесского типа, бороны-суковатки из вершка дерева с сучками-зубьями, мотык архаических форм и др.

С земледелием тесно связана и другая, не менее важная и также весьма древняя отрасль хозяйства населения

Полесья — животноводство. Ему способствовали наличие здесь богатых сенокосных угодий и пастбищ, а развитие обуславливалось потребностями удобрений для малопродуктивных полесских почв, тягловой силы для земледелия, обеспечения населения мясными и молочными продуктами, сырьем для одежды, обуви, а также спросом рынка на животноводческую продукцию, особенно возросшими в эпоху капитализма. Повсеместно практиковалась обычная выгонная форма выпаса скота, широко распространенной была отгонная форма. Последняя использовалась для откормки молодняка и волов, предназначенных на рынок. В организации отгонного выпаса, содержания скота и в быту пастухов сложились определенные местные формы и обычаи. Этнографические своеобразия имелись в таких видах хозяйственной деятельности, как заготовка сена на дальних сенокосах, устройстве приспособлений для сушения сена на болотах, его стогования и хранения, построек, для домашнего содержания животных и на отгонных пастбищах.

Значительный удельный вес в хозяйственно-производственной деятельности населения Полесья традиционно принадлежал разным вспомогательным занятиям. Прежде всего — рыболовству и охоте, которые в силу природных условий были здесь развитыми и в некоторых местах региона являлись главными занятиями части населения. Большим разнообразием и приспособлением к местным условиям отличалась традиционная рыболовная и охотничья техника. Всевозможные ставные и подвижные ловушки, сети, западни, силки, «манки» сохранили вплоть до нашего века свои древние конструкции, формы и названия. С давних времен повсеместно на Полесье были распространены пчеловодство и собирательство. Полесское пчеловодство до наших дней донесло уникальные реликты этого древнейшего хозяйственного занятия славян, данные об основных этапах его развития, орудия труда, приспособления. Предметом собирательства были лесные плоды, ягоды, грибы, орехи, лекарственные растения.

Среди других хозяйственных занятий важное место занимали на Полесье и сельские ремесла, особенно разные виды обработки дерева — плотничество, столярное, бондарное дело; гончарство; изготовление разнообразных тканей бытового и декоративного характера; выделка кожи и изготовление из нее бытовых изделий; плетение из лозы, коры липы, корней ели, сосны, можжевельника, из соломы, ниток, кожи; кузнечное ремесло; валяние сукна и

изготовление войлока; обработка камня, изготовление изделий из кости, рога. Полесские домашние ремесла и промыслы характеризуются значительной исторической глубиной производственных традиций. На основе преемственной связи многих поколений мастеров образовались определенные очаги традиционных ремесел и промыслов, развивавшие и сохранившие многообразие локальных форм, ассортимента, элементов техники, инструментарий, названия. Самобытность форм и декора особенно примечательны для изделий полесского гончарства, бондарства, ткачества, плетения.

В общую структуру производственной деятельности полещуков входили и такие промыслы: лесные (рубка леса, его первоначальная обработка и транспортировка), лесохимические (производство смолы и дегтя, выжигание древесного угля, выварка поташа), гутные выплавки железа и стекла. С этими занятиями были в значительной степени связаны и отхожие промыслы, активизировавшиеся в эпоху капитализма. Отходы способствовали усилению внутри- и интеррегиональных связей населения Полесья, а также привнесению в его культуру и быт новых явлений.

Главными в условиях Полесья были водные пути сообщения. Это обстоятельство сказалось и на характере традиционных средств передвижения с преобладанием водных (плоты, паромы, разные типы лодок — долбленые из колоды дерева и сбитые из досок), сохранивших в своей конструкции, способах изготовления и управления многие архаические черты. Свои этнографические особенности сложились на Полесье в строительстве сухопутных дорог через болота с употреблением дамб и гатей, а также в гужевом транспорте — полозном и колесном — разных видов и функциональных назначений (волокуши, сани, возы, рабочие и выездные повозки).

В зависимости от местных природных условий и социально-экономического характера организации хозяйства складывались и основные формы полесских поселений со скученной, гнездовой, рядовой и наиболее распространенной в XIX—XX вв. одноуличной застройками, а также хуторского типа. Традиционному облику полесского села этого периода присущи своеобразные типы усадебной планировки — двор с древней однорядной или характерной для западной части региона периметральной застройкой, а также сохранившие древние черты планировка жилья, его интерьер, система хозяйственных построек,

строительная техника (срубная и каркасная), ориентация всего усадебного комплекса по отношению к улице и т. п.

На территории Полесья сложились комплексы традиционной женской и мужской одежды, которые в отличие от других регионов Украины и Белоруссии еще в начале XX в. сохранили немало древних особенностей — ткани домашнего производства, тип, покрой, характер украшений, цветовая гамма, манера ношения (рубашки туникообразного и поликового покроя, большое количество вариантов женской поясной одежды, холщевые штаны, покрой верхней суконной одежды, формы головных уборов, плетеная из древесной коры и кожи обувь и др.). При наличии многих общих черт народный костюм Полесья характеризуется и существенными местными отличиями, образующими локальные варианты.

Общие и специфически полесские моменты с наличием локальных разнообразий и многих реликтовых элементов прослеживаются и в таком весьма важном компоненте традиционной материальной культуры населения данного региона, как пища. Главными в ней были продукты земледелия и животноводства, рыболовства и собирательства. Определенная региональная вариативность сказалась особенно в ассортименте блюд из этих продуктов, в способах их приготовления, употребления, хранения, в традиционном наборе посуды и утвари. Особый интерес представляют восходящие к глубокой древности обрядовые кушанья и печенья полешуков.

По совокупности основных показателей рассмотренных компонентов материальной культуры на территории Украинского и Белорусского Полесья выделяются три обширных подрегиона: западнополесский, центральнополесский и восточнополесский. Их размежевание в значительной степени условное. Не прослеживается также по данным материальной культуры и определенное разграничение между украинской и белорусской частями этих подрегионов.

В сфере традиционной материальной культуры фиксируются довольно определенные различия и по линии социальной дифференциации населения Полесья (например, в жилище, одежде, питании бедных и зажиточных крестьян, мелкой шляхты и горожан). Прослеживаются изменения и в диахронном плане. Весьма существенно сказалось на характере изменений в традиционно-бытовой культуре усилившееся в конце XIX — начале XX в. вовлечение По-

лесья в процесс капиталистических общественно-экономических отношений, расширяющихся связей с городом и центрами промышленного производства, значительное увеличение в сельском быту доли покупных орудий труда, материалов, тканей и др.

Кардинальные изменения во всех составных сферах материальной культуры произошли на Полесье в советское время вследствие коренных преобразований социально-экономических основ жизни, общественных отношений. Преодолена была экономическая отсталость края. На принципиально новой материальной базе основываются такие традиционные отрасли хозяйства и производственного быта, как земледелие, животноводство, лесное хозяйство, совершенствуются структура и культурно-бытовое благоустройство полесских сел, они электрифицированы, радиофицированы.

Ушли в прошлое еще недавние бездорожье и оторванность от мира отдаленных полесских глубин. По-новому выглядят усадьбы, их постройки, особенно жилые дома с внутренней обстановкой и убранством, изменились одежда и питание полешуков.

И все же многое из реалий традиционной материальной культуры и ныне бытует, действует, особенно в личном хозяйстве полешуков, в ремесленных занятиях, строительных приемах и технике, домашних промыслах, рыболовстве, собирательстве, способах заготовки и хранения продуктов питания, приготовления блюд, в одежде старшего поколения и пр.

Это не столько пережитки прошлого, сколько жизненно важные и жизнеспособные компоненты быта и производственной деятельности, сложившиеся и опробованные на основе многовекового опыта и в связи с конкретными экологическими обстоятельствами.

Поэтому традиционная материальная культура Полесья заслуживает внимательного изучения не только в научно-познавательном, но и в практическом этносоциальном плане. Очевидно, что более серьезное отношение к сложившейся здесь вековой экологической обстановке и традициям взаимодействия человека с природой не привели бы к тем досадным просчетам и издержкам, которые имеются в реализации мелиорационной программы в этом регионе. Это относится также к лучшему учету и использованию традиционного народного агротехнического опыта в условиях Полесья, целесообразности оживления, возрождения и более активного введения его в современную хозяйствен-

но-экономическую систему традиционных народных промыслов, особенно ткачества, гончарства, бондарного дела, плетения.

Не только в сфере традиционной духовной культуры Полесья, но и материальной содержится еще немало такого, что и ныне способно послужить для более цельного использования потенциала наших возможностей в перестройке и дальнейшем развитии советского общества. На это нацеливают и документы XXVII съезда нашей партии: «КПСС придает большое значение более полному и глубокому освоению трудящимися массами богатств духовной и материальной культуры, активному приобщению их к художественному творчеству»¹,

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ Ленин В. И. О государстве//Полное собрание сочинений.— Т. 39.— С. 67.

² Толстые М. И. и С. М. О задачах этнолингвистического изучения Полесья//Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования.— М., 1983.— С. 8.

ПОЛЕСЬЕ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ИСТОЧНИКАХ

¹ Геродот. История: В 9 кн. Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Под общ. ред. С. А. Утченко.— Л., 1972. Кн. 4.— С. 21, 22, 102, 105, 108, 109, 119, 120, 122, 123, 136; Ильинская В. А. О скифах-пахарях и будинах Геродота//Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.— М., 1951.— Вып. 40.— С. 28—33.

² Полное собрание русских летописей.— Спб., 1908.— Т. 2.— С. 873. (Далее: ПСРЛ.)

³ Diugosz J. Dzieje Polski.— Kraków, 1866.— Т. 2.— С. 417.

⁴ Kromer M. Polska czyli o poioieniu ludności, obyczajach, urzkdach i sprawach publicznych Królestwa Polskiego.— Olsztyn, 1977.— Кн. 1.— С. 15—25.

⁵ Strykowski M. Kronika polska, litewska, imudzka i wszystkiej Rusi.— Warszawa, 1848.— Т. 1.— С. 238—381.

⁶ Zienkiewicz R. Piosenki gminne ludu picckiego.— Kowno, 1851; Zienkiewicz R. О uroczyskach i zwyczajach ludu picckiego oraz о charakterze jego pieśni//Biblioteka Warszawska.— 1852.— Т. 4.— С. 505—527; 1853.— Т. 1.— С. 104—133.

⁷ Штилевский П. Ат Путешествие по Полесью и Белорусскому краю//Современник.— 1853.— Т. 39.— № 6.— С. 75—98; Т. 40.— № 7.— С. 1-20, 39—110; 1854.— Т. 48.— № II.— С. 1—58; 1855.— Т. 52.— № 7.— С. 1-62.

⁸ Киркор А. Литовское Полесье. Белорусское Полесье//Живописная Россия.— 1882.— Т. 3.— Ч. 1—2.

⁹ Довнар-Запольский М. Белорусское Полесье // Сборник этнографических материалов, собранных М. Довнар-Запольским. Вып. 1. Песни Пинчуков.— Киев, 1895.

¹⁰ Карский Е. Беларусь.— Вильна, 1904.— Т. 1.

¹ Quldensadt I. A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Qebirge.— St-Peterburg, 1787—1791; Горленко В. Ф. Нариси з історії української етнографії.— К., 1964.— С. 96—98.

¹² Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России, из частей которой оно наместничество составлено, сочиненное действительным статским советником Афанасием Шафонским в Чернигове. 1786 — Киев, 1851.

¹³ Волыньские записки, сочиненные Степаном Руссовым в Житомирском мире.—Спб., 1809.

¹⁴ Podryś Kontryma urzkdnika banku polskiego, odbyta w roku 1829 po Polesiu.—Poznań, 1839.

¹⁵ Czarnowska M. Zabytki mitologii sioviacskiej w zwyczajach wiejskiego ludu na Białej Rusi, dochowane (qub. Mohilewska) // Dziennik Wileński.—1817.—Т. 6.

¹⁶ Sniadecki J. Polesie. Poioienie geograficzne, rolnictwo, handel // Biblioteka Warszawska.—1845.—Т. 2.—С. 1—34.

¹⁷ Zienkiewicz R. Piosenki gminne ludu picckiego; Zienkiewicz R. O uroczyskach i zwyczajach ludu picckiego oraz o charakterze jego pięni.

¹⁸ Цейпка К. А. Слова про Сыракомлю.—Мінск, 1975.

¹⁹ Шпилевский П. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю.

²⁰ Goikbiowski L. Lud polski, jego zwyczaje, zabobony.—Warszawa, 1830.

²¹ Kraszewski J. Wspomnienia Polesia, Woynia I Litwy.—Wilno, 1840.

²² Dolęga-Chodakowski Z. O sioviaczczyunie przed chrześcijacstwem.—Kraków, 1835.

²³ Jaroszewicz L. Materyaly do statystyki i etnografii gubernii Grod-cskiej. Powiat Bielski//Athenaeum.—Wilno, 1848.—Т. 6.

²⁴ Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym opisana przez M. Balińskiego i T. Lipieckiego.—Warszawa, 1884.—Т. 2.—С. 816—933.

²⁵ Медикотопографическое описание государственных имуществ Киевского округа с изображением некоторых произведений из царств растительного и животного, с приложением статистики всякого селения, с видами, снятыми с природы, изображением крестьянских костюмов и географической карты Киевского округа, составленное доктором медицины Де-Ла Флизе.—Киев, 1854.—1245 с.//Центральная научная библиотека АН УССР.—Отдел рукописей.—Ф. 8, ш. 187 (Лаз. 15); См. также: Горленко В. Ф. Де-Ла Флиз как этнограф//Советская этнография.—1965.—№ 1.—С. 107—116. (Далее: СЭ).

²⁶ Михельсон В. Литовская соха//Журнал Министерства государственных имуществ.—1849.—Ч. 30.—Отд. 1.—С. 141—142. (Далее: ЖМГИМ).

²⁷ Братчиков А. Изготовление и сбыт хлеба в Волынской губернии//Волыньские губернские ведомости.—Житомир, 1855.—№ 15. (Далее: ВГВ).

²⁸ Перлштейн А. Волыньское Полесье//ВГВ.—1855.—№ 15; Перлштейн А. Охота на Волыни и в Полесье//ВГВ.—1857.—№ 18; Перлштейн А. Речное судоходство на Волыни//ВГВ.—1857.—№ 24.

²⁹ Некоторые подробности о сплаве местных материалов в нашем крае //ВГВ.—1856.—№ 32; Бахлашев М. Очерк охоты и промысла на зверей и птицу в Овручском уезде//Охота.—№ 2, 4, 7; Свадьба в Полесье//Киевский телеграф.—1859.—№ 19, 20, 25; Kilka zagysuw z życia ludu wiejskiego w Kobryckim // Athenaeum.—Wilno, 1850.—Т. 4.

³⁰ Oczapowski M. Gospodarstwo wiejskie.—Warszawa, 1856.

³¹ Этнографический сборник Русского Географического общества.—Спб., 1853.—Вып. 1.—С. 294—312.

³² Там же.—1858.—Вып. 3.—С. 115—276.

³³ Зеленин Д. Описание рукописей ученого архива Русского Географического общества.—Пг., 1914.—Вып. 1; 1915.—Вып. 2.

³⁴ Там же.—Вып. 1.

³⁵ Материалы, собранные Северо-Западным отделом РГО, хранятся в Рукописном отделе библиотеки Вильнюсского университета. (Далее: РОНБ ВГУ.)

³⁶ Архив Географического общества Союза ССР.—Ряд 54.—Оп. 1.—№ П.—С. 1—4.

³⁷ Там же, № 16.—С. 14.

³⁸ Труды Этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, подготовленной Русским географическим обществом. Юго-Западный отдел: Материалы и исследования, собранные действительным членом П. П. Чубинским.—Спб., 1872—1878.—Т. 1—7. (Далее: Чубинский П. Труды...)

³⁹ Stecki T. Woyc pod wzgldem statystycznym, historycznym i archeologicznym.—Lwów, 1864.—Т. 1; 1872.—Т. 2; Stecki T. Juck starożytny i dzisiejszy.—Kraków, 1876; Stecki T. Miasto Rywne (1889): Kartka z Kroniki Woynia.—Warszawa, 1880.

⁴⁰ Теодорович Н. И. Волынь в описании городов, местечек и сел.—Почаев, 1890.—Т. 2.

⁴¹ Братчиков А. Материалы для исследования Волынской губернии в статистическом, этнографическом, сельскохозяйственном и других отношениях.—Житомир, 1868—1869.—Вып. 1—2; Братчиков А. Из местных наблюдений. Рыбные рынки и рыболовство в Волынской губернии//ВГВ.—1874.—№ 8; Братчиков А. По вопросам местного водства и огородничества//ВГВ.—1883.—№ 28—31, 64—66, 68; Братчиков А. К исследованию о местном народном календаре и его значении в сельском хозяйстве//ВГВ.—1883.—№ 46.

⁴² Киевские губернские ведомости.—1867.—№ 55, 59, 61, 62, 67, 69; 1868.—№ 83, 85—87; 1875.—№ 53—56.

⁴³ ВГВ.—1872.—№ 30.

⁴⁴ Кулжинский Г. Об этнографических сведениях касательно Западной России//Гродненские губернские ведомости.—1866.—№ 41; 1867.—№ 21.

⁴⁵ Эремич И. Очерки белорусского Полесья // Вестник Западной России.—1867.—Кн. 8 —С. 107—133; Кн. 9 —С. 201—222; Кн. 10.—С. 1—20; Кн. П.—С. 95—117.

⁴⁶ Тур Б. Л. Туров и Туровщина//Минские губернские ведомости.—1877.—№ 4—9.

⁴⁷ Дударев С. А. Деревенские обычаи в некоторых местностях Суражского уезда Черниговской губернии // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.—1874.—Т. 13; Юхневич М. Свадебные обряды в Морочском приходе Мозырского уезда // Минские губернские ведомости.—1877.—№ 23, 24, 26; Волотовский М. Очерки Полесья//Русский мир —Спб., 1875; Васильева А. Я. Свадебные обряды в районе Грабовской волости Мозырского уезда//Минские губернские ведомости.—1877.—№ 32—34; Краткий очерк села Грабова Мозырского уезда//Минские губернские ведомости.—1877.—№ 35, 37, 39, 41, 43, 44; Крестьянские поминки в Мозырском уезде//Минские губернские ведомости.—1877.—№ 45; Выдержки из жизни белорусской женщины//Виленский вестник.—1880, № 246 и др.; Вуковский П. Рієнні obrzkdowe ludu ruskiego z okolic Picska // Zbiyr wiadomoŃci do antropologii krajowej.—Kraków, 1878.—Т. 2.—С. 260—285. (Далее: Збиг...); Orzeszkowa E. Wspomnienia z powiatu Picckiego//Tygodnik Ilustrowany.—1867.—№ 380, 381; Błędzikiewicz A. Picsk i Picszczyzna//Tygodnik Ilustrowany.—1863.—№ 197; Kamiecki M. WraŃenia z podryŃ//Tygodnik Ilustrowany.—1867.—№ 389—391, 393; Kamiecki M. Wspomnienia Picszczyzny // Kalendarz polski ilustrowany J. Jaworskiego,—

1867.—S. 37—44; Kilka styw o zwyczajach ludu w gubernii Micskiej// Tygodnik Ilustrowany.— 1867.— N 422; *Gloger Z.* Zwyczaje ludu z okolic Tykocina i Bielska//Biblioteka Warszawska.—1868.—Т. 1; *Трусевич И.* Космогонические предания жителей Полесья // Киевлянин.— 1866.—№44; *В-ой.* Очерки Полесья // Русский мир.—1875.—№ 206; *Сумилов К.* О нравственной стороне крестьян Мозырского уезда// Минские губернские ведомости.—1869.—№ 34; *Быковский Вл.* Свадебные обряды и песни в Пинском уезде Минской губернии//Памятная книжка Виленского генерал-губернаторства на 1868 —Спб., 1868; *Кокшикин Ф.* Три месяца на Волини//День.—1863.—№ 52; 1864.—№ 2, 4, 6.

⁴⁸ ВГВ.—1860.—№ 37; 1863.—№46; 1867.—№40; 1867.—№3; 1868.—№ 2, 8—16, 146—148; 1871.—№ 101—107; 1872.—№3, 14, 15, 30; 1873.—№ 20; 1874.—№ 8; 1875.—№ 81.

⁴⁹ Черниговские губернские ведомости.—1878.— № 16, 17; Записки Черниговской статистической комиссии.—1872.— Вып. 5, 6; Смолярное производство на Волини//Киевлянин.— 1867.— № 37.

⁵⁰ *Янчук Н.* Из научной поездки в Белоруссию // Минский листок — 1886.—№ 71, 73; 1887.—№ 2, 3, 6, 7, 9, 11, 14, 16, 19, 21, 70, 89; Доклад о поездке в Белоруссию // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.—1887.— Т. 1, вып. 1.

⁵¹ *Запольский М.* Заметки из путешествия по Белоруссии // Виленский вестник.— 1890.—№ 202, 206, 210, 211, 217, 219, 220 225, 232, 264, 265; 1891.—№ 9, 18, 22, 23, 25, 27, 28.

⁵² Виленский вестник.— 1892.—№ 174, 186; Этнографическое обозрение.—1897.—Кн. 1, 2.

⁵³ Этнографическое обозрение.— 1891.— Кн. 1.

⁵⁴ *Довнар-Запольский М.* Исследования и статьи.— Киев, 1909 — Т. 1; Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под редакцией В. П. Семенова.—Спб., 1905 —Т. 9.—С. 135—227.

⁵⁵ *Довнар-Запольский М.* Крестьянские игры в Минской губернии// Живая старина.— 1891.— Вып. 4; *Довнар-Запольский М.* Белорусское Полесье.

⁵⁶ *Kolberg O.* Zwyczaje obrzkdwy weselne z Polesia // Zbiyr...— 1889.—Т. S. 208—245.

⁵⁷ *Kolberg O.* Dzieia wszystkie // Bialorus-Polesie.— Wrociaw; Poznac, 1968. Т. 52.

⁵⁸ *Federowski M.* Lud biaioruski na Rusi Litewskiej.— Warszawa; Krajuw, 1897—1903.—Т. 1—3.

⁵⁹ *Расченко З.* Гомельские народные песни (белорусские и малорусские). Записаны в Дятловицкой волости Гомельского уезда Могилевской губернии Зинаидой Радченко.— Спб., 1888.

⁶⁰ *Jeleska E.* Wień Komarowicze w powiecie Mozyrskim//Wista, 1891.—Т. 5.—S. 290—331, 479—520.

⁶¹ ВГВ.— 1882.—№ 41, 51; 1883.—№ 28—31, 64—66, 68.

⁶² *Juniewski T.* Socha Litewska, Podlaska.— Warszawa, 1899.

⁶³ *Rokossowska Z.* Wesele i pieśni ludu ruskiego ze wsi Jurkyw — szczyzny w pow. Zwiawelskim na Woyniu//Zbiyr...— 1883.— Т. 8.— S. 150—243.

⁶⁴ *Brukczyski Ks. A.* Zapiski etnograficzne z Polesia Woicyckiego.— Krakuw, 1888.

⁶⁵ *Kolberg O.* Zwyczaje i obrzkdwy weselne z Polesia.— S. 208—245.

⁶⁶ *Литвинова-Бартош П.* Весільні обряди і звичаї у селі Земляниці Глухівського повіту у Чернігівщині. // Матеріали до українсько-руської етнології.—Львів, 1900.—Т. 3.—С 70—173.

⁶⁷ *Литвинова П.* Южно-русский народный орнамент.— Харьков, 1902.

» Братчиков А, К истории обычаев Купала// ВГВ.—1891.— №45;

Українка Леся. Купала на Волині // Життя 1 слово.— 1894.—Т. 1, кн. 2.— С. 276—283; Кн. 3.—С. 454—461; Праздник Ивана Купала в Борзенском уезде //Жизнь и искусство.—1898.—№ 198; *Малинка А. Н.* Иван Купала в Черниговской губернии // Этнографическое обозрение.— 1898.— Кн. 2.— С. 128—131; Ивана Купала: Этнографические заметки//Волинь, 1902.—№ 136.

⁶⁹ *Buttner W.* Zabytki pogacstwa na Polesiu//Kiosy.—1890.—Т. 50.—N 1282.—S. 60—62.

⁷⁰ *Беньковский Ив.* Поверья, обычаи, обряды, суеверья и приметы, приуроченные к «Риздвяным святам»//Киевская старина.— 1896.—Т. 52.— Кн. 1.— С. 1—9; *Беньковский Ив.* Смерть, погребение и загробная жизнь по поминаниям и верованиям народа//Киевская старина.— 1896.— Т. 54.—Кн. 9.—С. 229—261.

⁷¹ *Wykowski P.* Pieśni obrzkdowe ludu ruskiego z okolic Pieska // Zbiyr...—1878.—Т. 2.—S. 200—285; przyczynek do etnografii ludu ruskiego na Woyniu. Z materiaiyw, zebranych przez Zofie Rokossowsk№ ze wsi Jurkowszozytne w pow. Zwiawelskim opt. prof. Dr. J. Kopernicki//Zbiyr...—1887.—Т. 11.—S. 130—228; *Brykczyski A.* Zapiski etnograficzne z Polesia Woicyckiego//Zbiyr...—1888.—Т. 12.—S. 82—108; *Kolberg O.* Wañi z Polesia//Zbiyr...— 1889.—Т. 13.—S. 208—245.

⁷² *Rokossowska Z.* Chleb: Jego znaczenie w przes№dzie, lecznictwie i codziennym iyciu, zebrane na Woyniu ze wsi Jurkowszczyunie w pow. Zwiawelskim //Wisia.— 1881.— Т. 3.—S. 153—158; *Stolyhwo K.* Drobiazgi ludoznawcze, ganye wierzec i praktyk z pow. Owruckiego z Berdy czowa //Wisia.— 1902.— Т. 16.—S. 797—798; *Stolyhwo K.* Leczniehwo ludowe we wsi Boioituicy pow. Owruckiego qub. Woicyckiej //Wisia.— 1903.—Т. 17.—S. 89—90.

⁷³ *Naikowski W.* Polesie//Ziemia.—1912.—N 42.—S. 674—675; *Frankowski E. Z.* Polesia Woicyckiego//Ziemia.— 1914—1919.— N5.—S. 155—156, 165—168, 183—186, 196—197; *Moszycki K.* Wypalanie no wiu //Ziemia.— 1925.— N 10.— S. 120—131; *Moszycki K.* O kulturze ludowej poludniowo-srodkowego Polesia//Ziemia.— 1925.—N 10.—S. 120—131; *Zaborski B.* Typy wsi wschodniego Polesia // Ziemia.— 1928.—N 6, 7, 8 — S. 131 — 132.

⁷⁴ *Orzeszkowa E.* Ludzi i Kwiaty nad Niemnem //Wisia.— 1888.—Т. 2.—S. 145, 675—703; 1890,—Т. 4.—S. 1—31; 1891,—Т. 5.—S. 235—247; *Бандарчык В. К.* Гісторыя беларускай этнаграфіі XIX ст.— Мінск, 1964 —С 258—259.

⁷⁵ Кое-что о пчеловодстве в Полесье//Виленский вестник.— 1890.— № 60, 61; *Czechowska H.* Wesele w Rudzku//Materiaiy antropologiczne, archeologiczne, etnograficzne.— Krakuw, 1896.— Т. 1; *Булгаков А. М.* Памятники народного творчества в Минской губернии, собранные членом Минского губ. стат. ком. А. М. Булгаковым // Виленский вестник.—1881.— № 144, 145, 146, 148, 149, 151; Село Ляховы Брестского уезда//Гродненские губернские ведомости.— 1891.— № 73, 75, 77; Село Дружилович Кобринского уезда // Гродненские губернские ведомости.— 1892.— № 3, 4, 7; *Пашин Дмитрий.* Некоторые суеверные обычаи и предрассудки прихожан м. Петрикова Мозырского уезда//Минские епархиальные ведомости.— 1880.— № 3; *Павлюкевич Василий.* О суевериях и предрассудках крестьян Переровского прихода Мозырского уезда // Минские епархиальные ведомости.— 1884.— № 12; Об интеллектуальном развитии полешуков (жителей Полесья) // Минские губернские ведомости.—1891.— № 1, 4, 5; *Czechowska Helena.* Wesele w Rudzku //Materiaiy antropologiczne, archeologiczne, etnograficzne.—Krajuw, 1896. Т. 2; *Pietkiewicz Zenen.* Lud Polesia Litewskiego//Tygodnik Powszechny.—Warszawa, 1889.—N 22.

Полесье: Библиографические материалы по истории, географии, статистике и этнографическому состоянию Полесья.—Спб., 1883.

⁷⁷ Архив Государственного музея этнографии народов СССР.—Ф. 1.—Оп. 2.—Д. 574. (Далее: Архив ГМЭН.)

⁷⁸ *Сергнуптовский А. К.* Земледельческие орудия белорусского Полесья//Материалы по этнографии России.—Спб., 1910.—Т. 1.

⁷⁹ *Сергнуптовский А. К.* Бортничество в Белоруссии//Материалы по этнографии России.—1914.—Т. 2.

⁸⁰ *Сергнуптовский А. К.* Ловля вьюнов//Живая старина.—1907 — Вып. 4.

⁸¹ *Сергнуптовский А. К.* О завитках в Белоруссии//Живая старина.—1907, вып. 1; *Сергнуптовский А. К.* Очерки Белоруссии//Живая старина.—1907.—Вып. 3-4.

⁸² *Сербов И.* Село Великое. Рисунки из жизни Белоруссии.— Минск, 1910; *Сербов И. А.* Поездки по Полесью 1911 и 1912 гг.—Вильна 1914.

⁸³ Живая старина.—1901.—Вып. 2; 1906.—Вып. 1.

⁸⁴ *Smolicz J.* Kaptur i namitka na Biaiorusi. Litewskiej od XVI w // Ziemia.—1911.—Т. 2—N 9.—S. 136—138.

⁸⁵ *Николаев Е. П.* Юрьев день в Белоруссии // Витебский вестник.—1913 — № 89; *Шкулевич В.* Szkice z Biaiorusi//Ziemia.—1912 —Т 3 — S. 219—222.

⁸⁶ *Moszycki K.* Polesie wschodnie.—Warszawa, 1928.

⁸⁷ *Pietkiewicz Cz.* Polesie Rzeczyckie.—Krakow, 1928; *Pietkiewicz Cz.* Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego.—Warszawa, 1938.

⁸⁸ *Moszycki K.* Kultura ludowa siołian. Cz. 1. Kultura material na.—Krakow, 1929; Cz. 2. Kultura duchowa.—Krakow, 1934.

⁸⁹ *Грица С.* Філарэт Михайлович Колесса.—К., 1962.—С. 92, 94; *Колесса Ф.* Народна музыка на Поліссі // *Колесса Ф.* Музыкознавчі праці.—К., 1970.—С. 409.

⁹⁰ *Frankowski E. Z.* Polesia woicyckiego//Ziemia.—1914—1919 — R. 5.—S. 155—156, 165—168, 183—186, 196—197; *Zaborski B.* Typy wsi wschodniego Polesia//Ziemia. 1925.— R. 10.—S. 131 — 132; *Kostecki B.* Ghata wiejska na Woyniu//Rocznik woicycki.—1930.—Т. 1.—S. 80—83; *Dynowski W.* Barwne kury chiopskie z okolic Wilenszczyzny. Polesia.—Wilno, 1935; *Korzeniowska I.* Haty poleskie i woicyckie.—Warszawa, 1933; *Dmochowski Zb.* Zt studiow nad poleskim budownictwem czewnym.—Warszawa, 1937.

⁹¹ *Rysiewicz Z.* O praoczyznie siołian// Lud.—Lwyw, 1936 —Т 14- Rocznik Woicycki.—1939.—Т. 8.—S. 411.

⁹² *Sulimirski T.* O poleskiej praoczyznie siołian//Z otchiani wiecyw.—1939.—N 3/4.—S. 33—42; Ziemia.—1914.—Т. 5.—S. 168; Ziemia.—1912.—Т. 3.—S. 691; *Stotyhwo K.* Lecznictwo ludowe we wsi zoitnicy pow. Owruckiego qub. Woicyckiej//Wisla.—1903.—Т. 17.—S. 89—90; *Романицький В.* Народна медицина у Ровенському повіті іа Волині//Матеріали до українсько-руської етнології. 1905.—Т. 6.—Z. 100—107; *Pietkiewicz Cz.* Higiena w życiu Poleszukow//Lud — 1931 — Г. 30.—S. 14—35;

" *Орынйна І.* Przemysly ludowy w wojewydzstwach Wileckiem, Nowogrydzkiem, Poleskiem i Woicyckiem.—Warszawa, [6. p.].

⁹⁴ *Seweryn J.* Jowiectwo ludowe na Woyniu//Lud.—1932.—Т 31 — >. 24—34.

⁹⁵ *Hoffman I.* Ubiory ludowe na Woyniu // Korespondencyjny kurs eutralny.—1930.—N 8.—S. 259—265; *Guzowska A.* Stroje ludowe w iow. Zdoibunowskim na Woyniu//Rocznik Woicycki.—1938—Т. 7 — S. 443-450.

⁹⁶ *Korzeniowska I.* Hafty poleskie i Woicyckie.—Warszawa, 1933.

⁹⁷ *Guzowska A.* Technika haftow woicyckich//Rocznik Woicycki.—1938—Т. 7.

⁹⁸ *Morelowski Marian.* Hafty ludowe Woynia (Zagadnienia z po granicy etnografii i historii sztuki//Rocznik Woicycki.—1938.—Т. 7.

⁹⁹ *Hoffman Jakyb.* Pisanki Woicyckie//Rocznik Woicycki.—1930,—Т. 1—S. 138—149.

¹⁰⁰ *Sawicka I.* Zwyczaje wwiNeczne w okresie Boiego Narodzenia w Grydku//Ziemia.—1927.—N 7,—Т. 12,—S. 104—107; *Dymnycz Nazar.* Obrzky i wierzenia ludowe, w czasie wwiNet Boiego Narodzenia // Rocznik Woicycki.—1930,—Т. 1,—S. 94—104; *Dymnycz Nazar.* Obrzky i wierzenia ludowe w okresie wwiNet Wielkiej Nocy // Rocznik Woicycki.—1931,—Т. 2,—S. 455—462; *Moszycki K.* Zwyczaje wwiNeczne na zachodnim Polesiu//Lud Siowiacski,—1929/1930,—Т. 1,—S. 76—88; *Dymnycz N.* SwiNeto Iwana Kupajia na Woyniu // Rocznik Woicycki,—1934.—Т. 3,—S. 435—442; *Leski Z.* Pieczywo ludu weselnego// Ziemia Woicycka,—1938,—N 2.

¹⁰¹ *Moszycki K.* Uwagi po siowiackiej terminologii topograficznej i fiziograficznej, oparte przewainie na materiale bialorusko-poleskim // Archiwum Nauk antropologicznych.—1921—Т. 1, N 5,—S. 19. *Ossowski L.* Zagadnienia jeinyowe Polesia.—Warszawa, 1935.

¹⁰² *Obrkbski J.* Problem cluiczny Polesia // Sprawy narodowosciowe.—1936.—R. 10.—Z. 1/2.

¹⁰³ Курс белорусоведения. Лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 года.—М., 1918—1920.

¹⁰⁴ Архив ГМЭН.—Ф. 2.—Оп. 2.—№ 185, 286, 287, 288, 290.

¹⁰⁵ *Сергнуптовский А. К.* Справздача аб паездцы ў Гомельскую губерню летам 1926 г.—Мінск, 1926.

¹⁰⁶ *Тамкович М.* Да пытання аб санітарна-бытавым стане вёсак: Глядкі, Шабунькі, Куляшы, Бранчычы, Чапялі Старобінскага раёна Бабруйскай акругі//Наш край.—1927.—№ 12.

¹⁰⁷ *Азбукін М. М.* Мазырская акруга // Наш край.—1928.—№ 8—9.

¹⁰⁸ *Бараноўскі Я.* Санітарна-бытавы стан вёскі Радзівілавічы, Букчанскі сельсавет, Тураўскі раён. Мазырская акруга // Наш край,—1928.—№ 8, 9.

¹⁰⁹ *Жук У., Папкова П.* Санітарна-бытавы нарыс вёскі Дубравы Лельчыцкага сельсавета раёна Мазырскай акругі // Наш край.—1929.—№ 2.

¹¹⁰ *Кулакод Т. П., Валатоўскі М. С.* Крукавіцкі сельсавет Азярыцкага раёна Мазырскай акругі//Наш край.—1929.—№ 2, 11.

¹¹¹ *Шаўковіч С.* Некаторыя звесткі аб Танескім сельсавете Тураўскага раёна//Наш край—1930.—№ 2.

¹¹² *Лебедева Н. И.* Жилище и хозяйственные постройки Белоруской ССР.—М., 1929.

¹¹³ *Рак Р.* Да пытання геаграфічнага размяшчэння дробнарамесніцкай прамысловасці па БССР.—Мінск, 1932.

¹¹⁴ *Ляўданскі А. Н.* Да гісторыі жалезнага промыслу на Палессі.—Мінск, 1933.

¹¹⁶ *Гершэнбаўм І.* Саматужніцкае мястэчка (Падабранка Церахаўскага раёна) //Савецкая краіна.—1931.—№ 8.

¹¹⁸ *Сергнуптовский А. К.* Прымхі і забавоны беларусау-палешукоу.—Мінск—1930.

¹¹⁷ *Нікольскі М. М.* Міфалогія і абраднасць валачобных песень.—Мінск, 1931; *Нікольскі М. М.* Жывелы ў звычаях, абрадах і вераваннях беларускага сялянства.—Мінск, 1933.

¹¹⁸ *Бядуля З.* Вера, паншчына і воля ў беларускіх народных песнях і казках.—Мінск, 1929.

¹¹⁹ *Кухаренко Ю. В.* Полесье и его место в процессе этногенезиса славян (по материалам археологических исследований! //Полесье: Линг-

вистика, Археология, Топонимика.—М., 1968.—С. 18—46; *Оссовский Х.* Западное Полесье—прародина славян// Вопросы языкознания.—1971.—№ 1.—С. 111—118.

¹²⁰ *Стельмах Г. Ю.* Етнографічна експедиція до Волинської області в 1955 р.//Українська етнографія. Наукові записки.—К., 1955.—Т. 4.—С. 125—131; *Ломова М. Т., Козакевич М. З., Жолтовський П. Н.* Разведывательная этнографическая поездка в Украинское Полесье//СЭ.—1954.—№ 4.—С. 127—132; *Фіголь Д. І. Суха Л. М., Козакевич М. З., Матейко К. І., Ломова М. Т.* Деякі особливості сучасного побуту українців Полісся//Матеріали з етнографії та художнього промислу.—К., 1956.—Вип. 2.—С. 48—59; *Грица С.* Видатний дослідник фольклору Слов'янщини.— Народна творчість та етнографія.— 1971.— №4.—С. 46—58. (Далі: НТЕ); *Мишанич С. В.* Фольклорні експедиції на Волинське Полісся//НТЕ.— 1977.—№ 4.—С. 87—93.

¹²¹ *Козакевич ЛІ* Про розвиток плану житла колгоспників українського Полісся // Матеріали з етнографії та художнього промислу.—К., 1957.— Вип. 3.—С. 14—29; *Козакевич М.* Типи поселень на українському Поліссі//Матеріали з етнографії та мистецтвознавства.—К., 1959.— Вип. 4.—С. 24—40; *Козакевич М.* Селянська садиба на українському Поліссі (в другій половині XIX і першій половині XX ст.) // Матеріали з етнографії та мистецтвознавства.—К., 1959.— Вип. 5.—С. 9—25; *Козакевич ЛІ* Крестьянские жилища на украинском Полесье во второй половине XIX и первой половине XX в. и пути его дальнейшего развития: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.—Киев, 1961.

¹²² *Стельмах Г. Ю.* Историчний розвиток сільських поселень на Україні.—К., 1964.—С. 44—63.

¹²³ *Стельмах Г. Ю.* Питання типології українського житла XIX — початку XX ст.//НТЕ.—1982.—№ 4.—С. 35—44.

¹²⁴ *Таранушенко С* Давнє поліське житло//НТЕ.— 1962.— У. і 1.—С. 8—23.

¹²⁵ *Таранушенко С* Клуни українського Полісся // НТЕ.— 1968.— №3.—С. 60—64; *Таранушенко С* Вітряки // НТЕ.— 1958.— № 1.—С. 80—99.

¹²⁶ *Приходько М.* Особливості сільського житла на Поліссі // НТЕ.— 1970.— № 6.—С. 50—54.

¹²⁷ *Данилюк А.* Замкнені двори на Поліссі//НТЕ.— 1975.— № 4.—С. 102—103; *Данилюк А.* Особливості розвитку традиційного житла Волинського Полісся//НТЕ.— 1977.—№ 1.—С. 50—56; *Данилюк А.* Витвори народних будівничих//Жовтень.—1977.—№ 6.—С. 150—154; *Данилюк А.* Олійні//Наука і суспільство.— 1976.— № 1; *Данилюк А.* Періодизація розвитку народного будівництва українського Полісся//НТЕ.—1982.—№ 6.—С. 56—61.

¹²⁸ Нариси історії архітектури Української РСР (дожовтневий період).—К., 1957; *Цапенко М.* Архітектура Левобережної України XVII—XVIII століть.—Киев, 1967; *Цапенко М.* По равнинах Десны и Сейма.—М., 1967; *Федорук О.* Земля, красою засіяна//НТЕ.—1968.— № 2.—С. 92—97; *Таранушенко С. А.* Монументальна дерев'яна архітектура Левобережної України.—К., 1976.

¹²⁹ *Ковальський М. П.* Поширення тяглових знарядь обробітку ґрунту в селянських господарствах Волині на початку XX ст.//Матеріали з етнографії та мистецтвознавства.—К., 1962.— Вип. 7/8.—С. 152—188.

¹³⁰ *Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С* Народна земле-робська техніка українців.—К., 1971.

¹³¹ *Лебедева Н. И.* Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки: Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-м и 1926-м годах.—М., 1927; *Маслова Г. С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этногра-

фический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в.—М., 1956.—С. 543—757; *Кульчицька О. Л.* Народний одяг західних областей УРСР : Альбом.—К., 1959; Українське народне мистецтво. Вип. 2. Вбрання.—К., 1961; *Гургула І.* Народне мистецтво західних областей України.—К., 1966.—С. 11; *Миронов В. В.* Розвиток народного одягу українського Полісся за радянського часу//НТЕ.—1974.—№ 3.—С. 14—22; *Наулко В. И.* Развитие межэтнических связей на Украине.—К., 1975.—С. 200, 272; *Матейко К. І.* Український народний одяг.—К., 1977.—С. 146—153; *Стельмаиук Г. Г.* Поліські жіночі головні убори (кінець XIX — поч. XX ст.)//НТЕ.—1982.— № 1—С. 53—56; *Стельмаиук Г. Г.* Магія народного одягу//Жовтень.—1982.— № 10.—С. 99—100; *Стельмаиук Г. Г.* Народний костюм українського Полісся кінця XIX — нач. XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук.—Минск, 1983.

¹³² *Сидорович С. І.* Орнамент народних тканин західних земель України XIX — поч. XX ст.//Матеріали з етнографії та художнього промислу.—К., 1958.— Вип. 3.—С. 64—88; Українське народне мистецтво. Тканини та вишивки. Альбом / Упорядники К. Д. Манучарова, С. І. Сидорович, І. Ф. Красицька.—К., 1960; *Сидорович С. І.* Орнаментальні композиції українських народних тканин XIX — початку XX ст. (на матеріалах Ровенської, Львівської, Тернопільської, Івано-Франківської, Чернівецької і Закарпатської областей // Матеріали з етнографії та мистецтвознавства.—К., 1963.— Вип. 7/8.—С. 39—71.

¹³³ *Сидорович С. Я.* Художня тканина західних областей УРСР.—К., 1979.—С. 152.

¹³⁴ *Спаська Е. Ю.* Кахлі Чернігівщини.—К., 1927; *Матейко К. І.* Українська народна кераміка//Довідник по фондах Українського музею етнографії та художнього промислу АН УРСР.—К., 1956.— Вип. 1.—С. 23—46; *Матейко К. І.* Народна кераміка західних областей Української РСР XIX—XX ст.—К., 1959.—С. 72—73; *Мусієнко П.* Сидір Перепілка — видатний майстер кахлярства XVIII ст.//НТЕ.—1963.— № 4.—С. 98—100; *Мусієнко П.* Українська кахля // НТЕ.— 1968.— № 3.—С. 80—88; *Вагіна Л.* Унікальні вироби в Музеї етнографії народів СРСР//НТЕ.—1968.—№ 4 —С. 78—83; *Бокотей Андрій.* Художня мова ічнянських кахлів//НТЕ.—1968.— № 5.—С. 47—48.

¹³⁵ *Лаиук Ю. П., Тесленко Е. Е.* Каменярство Полісся // НТЕ.— 1983.— № 1.—С. 79—81.

¹³⁶ *Шевченко Л.* Промисли колгоспників с. Борки Любешівського р-ну Волинської області//Українська етнографія.—К., 1958.—Т. 4.—С. 115—124.

¹³⁷ *Рожанківський В. Ф.* Художнє скло в збірках Музею етнографії та художнього промислу//Матеріали з етнографії та художнього промислу.—К., 1954.— Вип. 1.—С. 88—103; *Рожанківський В. Ф.* Художнє скло Української РСР // Матеріали з етнографії та художнього промислу.—К., 1957.— Вип. 3.—С. 86—96; *Рожанківський В. Ф.* Скляне гутництво на Україні в XVI—XVII ст. // Матеріали з етнографії та мистецтвознавства.—К., 1959.— Вип. 4.—С. 81—99.

¹³⁸ *Рожанківський В. Ф.* Українське художнє скло.—К., 1959.—С. 128—143.

¹³⁹ *Петрякова Ф. С.* Українське гутне скло.—К., 1975.—С. 30; *Петрякова Ф. С.* Украинский художественный фарфор (конец XVIII — начало XX в.).—К., 1985.

¹⁴⁰ *Долинський Л. В.* Старий український фарфор//Матеріали з етнографії та мистецтвознавства.—К., 1959.—Вип. 5.—С. 89—119. *Долинський Л. В.* Фаянс західних земель України (дорадянський період)—К., 1964—С. 47—57.

¹⁴¹ *Долинський Л. В.* Український художній фарфор.—К., 1963.—С. 5—36.

¹⁴² Камінський В. Свято Купала на Волинському Поліссі // Етнографічний вісник.— К., 1927.— Кн. 5.— С. 11—24; Семанюк Н. В. Традиційне народне свято Івана Купала//НТЕ.— 1963.— № 2.— С. 78; Максименко Г. Г. На сільському святі Івана Купала//НТЕ.— 1963.— №4.— С. 156—158; Горленко В. Ф. Нариси з історії української етнографії.— С. 44—45; Кітва С. «Водіння куста» на Поліссі//НТЕ.— 1972.— № 3.— С. 67—73.

¹⁴³ Гринблат М. Я., Молчанова Л. А. Новые явления в быту колхозной деревни (Опыт этнографического изучения колхоза «Большевик» Хойницкого района Гомельской области) // Беларускі этнаграфічны зборнік.— Мінск, 1958.

¹⁴⁴ Пашикова Г. Т. Етнокультурні зв'язки українців та білорусів Полісся: На матеріалах весільної обрядовості.— К., 1978.

¹⁴⁵ Народы мира. Этнографические очерки. Т. 1. Народы Европейской части СССР.— М., 1964.

¹⁴⁶ Залескі А. І. Быт беларускіх селян у партызанскім краі.— Мінск, 1960.

¹⁴⁷ Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — на чале XX в.

¹⁴⁸ Беларуская народная жылля.— Мінск, 1973; Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў.— Мінск, 1974; Беларуская народная адзенне.— Мінск, 1975.

¹⁴⁹ Титов В. С. Историко-этнографические регионы в экспозиции Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта.— Мінск, 1982; Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры Белоруссии.— Мінск, 1983.

¹⁵⁰ Бандарчык В. К. Псторыя беларускай этнографіі.— Мінск.— 1964; Бандарчык В. К. Псторыя беларускай этнографіі. Пачатак XX ст.— Мінск.— 1970; Бандарчык В. К. Псторыя беларускай савецкай этнографіі.— Мінск.— 1972.

¹⁵¹ Полесье: Лингвистика. Археология. Топонимика; Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования.— М., 1983.

¹⁵² Толстой Н. И. О лингвистическом изучении Полесья // Полесье.— М., 1968.— С. 5—48; Толстой Н. И. Об изучении полесской лексики// Лексика Полесья. Материалы для Полесского диалектного словаря.— М., 1968.

¹⁵³ Покальчук В. Ф. Надсарненський говір на Волині та його фонетичні особливості // Наукові записки Луцького державного Інституту ім. Л. Українки.— 1956.— Вип. 2; Никончук М. В. Матеріали до лексичного атласу української мови (Правобережне Полісся).— К, 1979; Никончук М. В. Правобережно полесскіе говори в лингвогеографическом освещении: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук.— Житомир, 1980; Перепатько М. Л. Говори Дубенского района Ровенской области : Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Киев, 1959; Лисенко П. С. Словник польських говорів.— К, 1974.

¹⁵⁴ Мацкевич Ю. Ф. Дыялектныя асаблівасці паўднебеларускіх гаворак//Матэрыялы першай дыялекталагічнай канферэнцыі БССР.— Мінск, 1950; Войтович І. Т. Окающие-акающие вокализмы в белорусских говорах // Вопросы диалектологии восточнославянских языков.— М., 1964; Тураўскі слоўнік.— Мінск, 1982.— Т. 1—2; Атлас української мови.— К, 1984.— Т. 1; Назарова Т. В. Лінгвістичний атлас Нижньої Прип'яті.— К., 1985 і др.

ПОЛЕСЬЕ КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ, ЕЕ ЛОКАЛИЗАЦИЯ И ГРАНИЦЫ

См., напр.: Михайловская В. А. Флора полесской низменности.— Минск, 1953; Танфильев Г. И. Болота и торфяники Полесья.— М., 1952; Коржуев С. С. Рельеф Припятского Полесья.— М., 1960; Геохимическая характеристика литогенеза ландшафтов Белорусского Полесья.— Минск, 1966; Маринич О. М. Українське Полісся: Фізико-географічний нарис.— К, 1960.— С. 122—124.

² Живописная Россия: Белорусское Полесье.— Спб.; М., 1882 — Т. 3, ч. 2.— С. 345.

³ Энциклопедический словарь братьев А. и И. Гранат.— М., 1913 — Т. 32.— С. 668—671.

⁴ Ilustrowana Encyklopedia Trzaski, Everta i Michalskiego.— Warszawa, 1927.— Т. 4 —С. 324.

⁵ БСЭ.— М., 1955.— Т. 33.— С. 519; М., 1975.— Т. 20.— С. 186.

⁶ ПСРЛ.— Спб., 1908.— Т. 2.— С. 873.

⁷ Акты Литовско-Русского государства.— М., 1897.— Т. 2.— С. 456, 466, 502; Белорусский архив древних грамот.— М., 1824.— Ч. 1.— С. 28; Литовская метрика. Книга публичных дел. Ч. 9//Русская историческая библиотека.— 1914.— Т. 30.— С. 59—60.

⁸ Krotter M. Polska czyli o poioieniu, ludności, obyczajach, obrzkdach i sprawach publicznych Kryststwa Polskiego.— Olsztyn, 1977.— Кн. 1.— С. 15, 18—19, 21, 25.

⁹ Diugosz I. Dzieje Polski.— Krakow, 1868.— Т. 2.— С. 4, 7.

¹⁰ Акты, относящиеся к истории Западной России.— Спб., 1846.— Т. 1.— Док. № 8.

¹¹ Летопись по Ипатьевскому списку.— Спб., 1871.— С. 599—601.

¹² Литовская метрика, Книга записей. Т. 1 // Русская историческая библиотека.— 1910.— Т. 27.— С. 97.

¹³ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии.— Варшава, 1885.— С. 285.

¹⁴ Псторыя Беларусі у дакументах і матэрыялах.— Мінск, 1936.— Т. 1.— С. 337—338.

¹⁵ Крыжановский Е. Забужская Русь.— Спб., 1885.— С. 60—61.

¹⁶ Левшин А. И. Письма из Малороссии.— Харьков, 1816.— С. 147—148; Гамалия К. Белоруссия и Литва.— Киев, 1883.— С. 8; Витков-ский В. Топонимы и этнонимы в словаре украинского языка П. Белецкого-Носенко//Восточнославянская ономастика.— М., 1979.— С. 185—186.

¹⁷ Encyklopedia Powszechna.— Warszawa, 1865.— Т. 20.— С. 965.

¹⁸ Дневник новгородского подсудка Федора Евлашевского (1564—1604 гг.) // Мемуары, относящиеся к истории Южной России. (Первая половина XVII в.)— Киев, 1896.— Вып. 2.— С. 32—33.

¹⁹ Казлоў Л. Р. Першыя карты Белай Русі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі.— 1980.— № 4.— С. 31.

²⁰ Акты Виленской Археологической комиссии.— Вильна, 1889.— Т. 16.— С. 401, 405; 1901.— Т. 28.— С. 276; 1904.— Т. 30.— С. 386; 1909. Т. 34.— С. 8, 47, 156, 245 (Далее: АВАК); Величко Самоил. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII-м веке.— К., 1848.— С. 96, 117; Летопись Самовидца по новооткрытым спискам — К 1878.— С. 19; Архив Юго-Западной России.— К, 1863.— Т. 1 ч 3 — С. 222, 330. (Далее: АЮЗР.)

²¹ Татищев В. Н. Избранные труды по географии России — М 1960.— С. 45, 97, 145.

²² Strykowski M. Kronika Polska, Litewska. Zmudzka i wszvstkiei Rusi, — Warszawa, 1868.— Т. 1.— С. 367, 381.

²³ Беглый взгляд на историю Литвы // Вестник Европы.—1826.— Март.— апрель.— С. 191—241.

²⁴ *Витковский В.* Топонимы и этнонимы в словаре украинского языка П. Белецкого-Носенко.— С. 185—186.

²⁵ ПСРЛ.— Т. 35. Летописи белорусско-литовские.— М., 1980.— С. 247.

²⁸ Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона.— Спб., 1898.—Т. 24.—С. 448.

²⁷ *Бобровский П.* Гродненская губерния.— Спб., 1863.— Ч. 1.— С. 621—623.

²⁸ Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона.— Т. 24.— С. 456—458.

²⁹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка.— Спб., 1882.— Т. 3.— С. 268; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка.— М., 1971.— Т. 3.— С. 309; Словник української мови.— К., 1976.—Т. 7.— С. 79.

³⁰ *Домонтович М.* Материалы по статистике и географии Черниговской губернии. Уезды Мглинский, Суражский, Новозыбковский, Стародубский и Городнянский.—Спб., 1865.— С. 532—534; *Чубинский П.* Труды...—1872.—Т. 7.—С. 538; Живописная Россия.—Т. 3, ч. 2. Бело-русское Полесье.— С. 430—437; Народы мира: Этнографические очерки. Т. 1. Народы Европейской части СССР.— М., 1964.— С. 145.

³¹ *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии: Очерки истории и теории.— М., 1981.— С. 48.

³² *Кухаренко Ю. В.* Полесье и его место в процессе этногенеза славян. По материалам археологических исследований // Полесье. Лингвистика. Археология. Топонимика.— М., 1968.— С. 30—37, 43.

³³ «Дзялекталагічны атлас беларускай мовы.— Мінск, 1963.— Карты № 4—7, 10—11, 15, 16, 18, 29—31, 34, 52—53, 55, 57, 73, 85, 127, 137, 150, 156, 167, 168, 170, 178, 179, 184.

³⁴ *Nalepa J.* «Polekszanie» (Poiechiani) — plemik jawnieskie u rui pnosno-wschodnich granic Polski/Rocznik Biaostocki.— 1968.— Т. 7.— С. 7—34. *Непокупный А. П.* Sudawskie, Sudowlanu i еще одно старо-белорусское название ятвягов. // Балто-славянские исследования. 1980.— М., 1981.—С. 191—195.

³⁵ *Катанова Е. П.* Балто-славянские контакты и проблемы этимологии гидронимов // Тезисы докладов конференции «Проблемы этногенеза и этнической истории балтов».— Вильнюс, 1981.— С. 96—98; *Карлюнас С.* Литовское «Polymas» — болотистое место // Этимология. 1979.— М., 1981.—С. 110—111.

³⁸ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России.— Т. 4.— С. 51.

³⁷ *Соболевский А. П.* Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв. // Русский филологический вестник.— Варшава, 1886.— Т. 15.— № 1.— С. 20—28.

³⁸ *Ossowski L.* Zagadnienie jzykowe Polesia // Komisja naukowych badacz ziem wschodnich.— Warszawa, 1936.—S. 607.

³⁸ *Веренич В. Л.* Об этническом и языковом членении Полесья // Этногенез белорусов: Тезисы докладов на конференции.— Минск, 1973.— С. 160—161.

⁴⁰ *Чаквін І. У.* Паўночная граніца Палесся паводле даных этна-німікі і гістарыяграфіі // Народная культура і быт беларусаў. Тэзісы дакладаў навуковай канферэнцыі.— Мінск, 1982.— С. 24—26; *Кутов В. С.* Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов.— Минск, 1983.— С. 20—21; *Чаквін І. У.* Полісся та його локалізація / по історичним, історіографічним польовим матеріалам // НТЕ.— 1984.— №2,—С. 56—61; *Чаквін І. У.* Гістарычная этнаніміка Палес-

ся // Вестні АН БССР. Серыя грамадскіх навук.—1985.— №4.— С. 74—81.

⁴¹ *Танфильев Г. И.* Болото и торфяники Полесья.— М., 1953.— С. 25—26.

⁴² *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.—М., 1982.— С. 10—19, 94—113, 151.

⁴³ Архив Института искусствоведения этнографии и фольклора АН БССР.—Ф. 6.—Оп. 4.—Д. 138 «а»; Ф. 6.—Оп. 13.—Д. 1. (Далее: Архив ИИЭФ.)

⁴⁴ «Малое Полесье» — термин исключительно физической географии Украинской ССР. Эта территория расположена между возвышенно-стями: Вольнской на севере и Подольской на юго-востоке. На востоке Малое Полесье начинается вблизи городов Шепетовка и Славути и тянется через Раву-Русскую на запад на территорию Польской Народной Республики (См.: *Маринич О. М.* Українське Полісся.— С. 122—124).

⁴⁵ *Ланько А. Л., Маринич О. М., Щербань М. І.* Фізична географія Української РСР.—К., 1969.—С. 156—179.

⁴⁶ Энциклопедия Белоруссии: В 4 т.— Минск, 1980.— Т. 2.— С. 76; География Белоруссии.— Минск, 1977.— С. 114—121.

ПРИРОДА ПОЛЕСЬЯ

¹ *Клизунова Н. К., Марцинкевич Г. И.* Ландшафты Белорусского Полесья и их антропогенезация под влиянием мелиорации // Проблемы Полесья.—Минск, 1980.—Вып. 6.—С. 226—237; *Личков Б. А.* К вопросу о геологической природе Полесья.— Ленинград, 1928; *Маринич О. М.* Українське Полісся.— К., 1962.

² *Абатуров А. М.* Полесья русской равнины.— М., 1968.— С. 18.

³ *Маракуев В.* Полесье и полешуки.— М., 1879, с. 25.

⁴ *Воейков А. И.* Климат Полесья // Очерки работ западной экспедиции по осушению болот. Пг 1889.— С. 28.

⁵ *Маринич О. М.* Українське Полісся.— С. 60—61; *Абатуров А. М.* Полесье русской равнины.— С. 60.

⁶ *Каминский А. А.* Климатологический справочник по СССР.— М., 1932.—С. 53—67.

⁷ *Абатуров А. М.* Полесья русской равнины.— С. 55.

⁸ *Попов В. П.* Баланс влаги в почве и показатели степени сухости климата УССР.—К., 1948.—С. 37.

⁹ *Маринич О. М.* Українське Полісся; Каталог річок України.— К., 1957; *Соколов А. А.* Гидрография СССР.— Ленинград, 1952.

¹⁰ *Тутковский П. А.* Карстовые явления и самобытные артезианские ключи в Вольнской губернии // Труды общества исследователей Волини.— 1911.— Т. 6.—С. 107.

¹¹ *Абатуров А. М.* Полесья русской равнины.— С. 171.

¹² *Зеров Д. К.* Болота УССР.—К., 1928.—С. 53.

¹³ *Маринич О. М.* Українське Полісся.— С. 94; *Лавриненко Д. Д.* Типы леса Украинской ССР.—Ленинград, 1954.— С. 13.

¹⁴ *Алексеев Е. Ф.* Типы украинского леса Правобережья.— К., 1928.

¹⁶ *Маринич О. М.* Українське Полісся.— С. 82.

¹⁸ *Глібо М. І.* Грунти Полісся та їх удобрення.—К.; Х., 1937.

¹⁷ *Бондарчук В. Г.* Геологічна структура УРСР.—К., 1959.—С. 7.

¹⁸ *Лазаренко Є. К.* Надрові багатства західних областей України.— Львів, 1946; *Маринич О. М.* Українське Полісся.

¹⁹ *Пагоסקин И. К.* Флора Полесья и прилегающих местностей // Труды Петербургского общества естествоиспытателей.—1900.—Т. 27 — С. 115.

²⁰ Грунты Украины.—Харків, 1930.—С. 112—115.

*¹ Там же.
²² *Маринич О. М.* Українське Полісся.— С. ПО; *Татаринів К. А.* Фауна хребетних заходу України.— Львів, 1972.— С. 17.
²³ Там же.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ ПОЛЕСЬЯ

¹ *Алексеев В. П.* Геноегеография человека // Наука и человечество.— М., 1968.— С. 51—55; *Рышков Ю. Г., Яцук Е. В.* Генетика и этногенез. Состояние и тенденции генетического процесса в связи с особенностями развития народонаселения Европы // Вопросы антропологии.— 1983.— Вып. 72.— С. 3—18.

² *Бунак В. В.* Антропологические исследования в южной Белоруссии // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 33. Антропологический сборник 1.— М., 1956.— С. 1—36.

³ *Дяченко В. Д.* Антропологічний склад українського народу.— К., 1965.

* После смерти М. В. Витова его материалы обработаны и проанализированы Л. И. Тегако.

⁴ *Тегако Л. И., Микулич А. И., Саливон И. И.* Антропология белорусского Полесья: Демография, этническая история, генетика.— Минск.— 1978.— С. 5.

⁶ *Тегако Л. И., Микулич А. И., Саливон И. И.* Антропология белорусского Полесья.— С. 20—40.

⁶ *Сегеда С. П.* Одонтологическая и дерматоглифическая характеристика украинцев в связи с вопросами этногенеза: Автореф. дис. ... канд. истор. наук.— М., 1980.

⁸ Этническая одонтология СССР.— М., 1979.

⁸ *Ваиаева Е. Ф.* Одонтологическая характеристика русских западных и северо-западных областей РСФСР // Вопросы антропологии.— 1977.— Вып. 56.— С. 102—112. *Ваиаева Е. Ф.* Одонтологическая характеристика русских центральных, южных и северных областей европейской части РСФСР // Вопросы антропологии.— 1977.— Вып. 57.— С. 133—142.

⁹ *Данилова Е. И.* Гематологическая типология и вопросы этногенеза украинского народа.— Киев, 1971.

¹⁰ *Тегако Л. И., Микулич А. И., Саливон И. И.* Антропология белорусского Полесья.— С. 134—149.

ПОЛЕССКИЕ ГОВОРЫ В СОСТАВЕ БЕЛОРУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

¹ Большая Советская энциклопедия.— М., 1975.— Т. 20.— С. 186; *Беларуская Савецкая энцыклапедыя.*— Минск, 1975.— Т. 8.— С. 48—49; *Украинская Советская энциклопедия.*— Киев, 1982.— Т. 8.— С. 359; *Абагуров А. М.* Полесья русской равнины.— М., 1963.

² *Титов В. С.* Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов.— Минск, 1983.— С. 136—149.

³ Дыялекталагічны атлас беларускай моавы.— Минск, 1963.

⁴ Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак.— Минск, 1968.— С. 180—182, карты № 1—9, 71.

⁶ Примеры в статье приводятся в записи упрощенной транскрипции на основании белорусской и украинской орфографии (в зависимости от языковой отнесенности рассматриваемых говоров).

⁸ *Клімчук Ф. Д.* Гаворкі Заходняга Полесься. Фанетычны нарыс.— Минск, 1983.— С. 7—13, 38. О лексических особенностях этих говоров см.: *Клімчук Ф. Д.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья //

Лексика Полесья.— М., 1968.— С. 20—78; см. также статьи Ф. Д. Климчука, Н. Н. Алехновича, П. А. Михайлова, П. И. Сигеды, И. С. Шпаковского, И. И. Лучица—Федорца и других авторов в сборниках: 3 народнага слоўніка.— Минск, 1975; Народнае слова.— Минск, 1976; Народная лексика.— Минск, 1977; Жывое слова.— Минск, 1978; Народная словатворчасць.— Минск, 1979. См. также: *Tarnacki J.* Podział jzykowy Polesia na podstawie faktów leksykalnych.— Warszawa, 1936; *Tarnacki S.* Studia porównawcze nad geografią wyrazów (Polesie — Mazowsze).— Warszawa, 1939.

⁷ *Вайтовіч Н. Т.* Ненаціскны вакалізм народных гаворак Беларусі.— Минск, 1968; *Назарова Т. В.* З вокалізму брэстскага ареаля // Праці XII Республіканскай дыялекталогічнай нарады.— К., 1971.— С. 87—102 и др.

⁸ *Клімчук Ф. Д.* Гаворкі Заходняга Полесься.— С. 3.

⁸ *Толстой Н. И.* О лингвистическом изучении Полесья // Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика).— М., 1968.— С. 10—11; ANU Bosne i Hercegovine. Posebna izdanja, Kn. 31—34. Odeljenje društvenih nauka. Kn. 6 Zbornik radova.— Sarajevo, 1977.— S. 190.

¹⁰ *Вештарт Г. Ф., Выгонная Л. Ц., Лучыц—Федарэц І. /., Марты-наў В. У.* Лексіка Полесья ў прасторы і часе.— Минск, 1971; *Крешіўскі А. А.* Полесские говоры Белоруссии и современный белорусский диалектный язык // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции.— М., 1983.— С. 50—52.

" Называют ее в системе диалекта также восточной (случко-бобруйско-мозырской) в противовес другой, западной группе говоров в этом диалекте (гродненско-барановичской). См.: *Блінава Э., Мяцель-ская Е.* Беларуская дыялекталогія.— Минск, 1969.— С. 162.

¹² О словарном составе говоров см.: Тураўскі слоўнік у пяці тамах.— Минск, 1982—1987.— Т. 1—5; *Янкова Т. С.* Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны.— Минск, 1982; Матэрыялы да слоўніка Гомельшчыны // Беларуская мова і мовазнаўства. Міжвузаўскі зборнік.— Минск, 1975.— Вып. 3.— С. 161—260; 1976 — Вып. 4.— С. 134—273; Беларуская мова, 1977.— Вып. 5.— С. 98—181; 1978 — Вып. 6 — С. 120—234; 1980.— Вып. 7.— С. 138—175; 1980.— Вып. 8.— С. 120—188; 1981.— Вып. 9.— С. 107—175; 1982.— Вып. 10.— С. 110—159.

¹³ Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак (карты).— Минск, 1969.— Карта № 10.

¹⁴ *Бевзенко С. П.* Українська діалектологія.— К., 1980.— С. 198—207. Говори української мови. Збірник текстів.— К., 1977.

¹⁵ Атлас української мови: В 3 т. Т. 1. Полісся. Середня Наддніпрянина і суміжні землі. К, 1984.— С. IX.

¹⁶ *Жилко Ф. Т.* Нариси з діалектології української мови.— К, 1966.— С. 165—173; Говори української мови: Збірник текстів.— С. 560.

¹⁷ Атлас української мови: В 3 т.— Т. 1.— Карты № 1—4, 7—11, 14—16, 20, 28—49, 53, 55, 57—62, 64—67, 89, 90, 93, 102, 112 и др.

¹⁸ *Залесский А. Н.* Некоторые спорные вопросы в изучении украинских полесских говоров // Полесье и этногенез славян.— М., 1983 — С. 48.

¹⁹ *Никончук Н. В.* Правобережнополесские говоры с лингвогеографической и исторической точек зрения // Полесский этнолингвистический сборник.— М., 1983.— С. 154. О лексических особенностях говоров северного украинского наречия см.: *Лисенко П. С.* Словник поліських говорів.— К., 1974; *Никончук М. В.* Матеріали до лексичного атласу української мови (Правобережне Полісся).— К., 1979.

²⁰ Оно имеет продолжение на территории ПНР. См.: *Янчук Н. А.* Корницкий говор б. Константиновского уезда Седлецкой губернии // Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка — 1927.— Вып. 9.— С. 13—34; *Glinka S.* Granica jzykowa i przykiady

zryinowania fonetycznego gwar biaioruskich Biaiostoczczyzny // Sprawozdania z prac Naukowych Wydziału Nauk Społecznych PAN. III.— Warszawa, 1960.— Z. 5. S. 36—45; Teksty gwarowe z Biaiostoczczyzny z komentarzem jzykowym. Praca zbiorowa pod red. A. Obrbskiej-Iabiockiej.—Warszawa, 1972; Atlas gwar wschodniosłowiańskich Biaiostoczczyzny. T. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980; *Kura-szkiewicz W.* Ruthenica // Studia z Historycznej i Wsypycznej Dialektologii Wschodniosłowiańskiej.— Warszawa, 1985.

²¹ О типологии западнополюских говоров Белоруссии и диалектном ландшафте в пределах их распространения см.: *Климчук Ф. Д.* Гаворкі заходняга Полесья.— С. 7—41.

²² По этому вопросу, в частности, см.: *Михальчук К. П.* Наречия, поднаречия и говоры Южной России в связи с наречиями Галичины // Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Юго-западный отдел.— Спб., 1872, т. 7; *Карский Е. Ф.* К вопросу о разграничении русских наречий // *Карский Е. Ф.* Труды по белому русскому и другим славянским языкам.— М., 1962.— С. 405, 408—410; *Карский Е. Ф.* Русская диалектология.— Ленинград, 1927.— С. 118; *Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н.* Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии // Труды Московской диалектологической комиссии.— М., 1915.— Вып. 5.— С. 72—74; *Курило О.* Фонетичні та деякі морфологічні особливості села Хоробричів (на Чернігівщині).— К., 1924.— С. III; *Ганцов В.* Діалектні межі на Чернігівщині // Чернігів і північне Лівобережжя. К., 1928; *Бузук П. А.* Да характэрыстыкі дыялектаў беларускіх і переходных да украінскіх // *Sveslavenski zbornik.— Zagreb, 1930.— S. 154—167; Ossowski L.* Zagadnienie jzykowe Polesia.— Warszawa, 1936; *Назарова Т. В.* Украинско-белорусская языковая граница в районе Нижней Припяти // Вопросы диалектологии восточнославянских языков.— М., 1964; *Жылко Ф. Т.* Полеськія гаворкі ўкраінскай мовы // Беларускае і славянскае мовазнаўства. Да 75-годдзя акадэміка АН БССР Кандрата Кандратавіча Крапівы.— Мінск, 1972.— С. 149; *Никончук Н. В.* Правобережнополюские говоры в лингвогеографическом освещении. Автореф. дис. ... докт. филол. наук.— Житомир, 1980; *Бевзенко С. Ф.* К вопросу о критериях разграничения украинских и белорусских порубежных говоров // Региональные особенности восточнославянских языков, литератур, фольклора и методы их изучения. 4. 1. Тезисы докладов и сообщений III республиканской конференции.— Гомель, 1985.— С. 10—12 и др.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ ПОЛЕСЬЯ

¹ *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины.— М., 1968.— С. 272.

² Там же.— С. 210—211, 278—279, карта 14.

³ *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья.— М., 1962.— С. 174—214; *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины.— С. 284, карта 16; Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках.— К., 1981.— С. 65—84; *Vuga K.* Rinktiniai Raňtai.— Vilnius, 1961.— Т. 3.— С. 491—550.

⁴ *Непокупный А. П.* До балто-східнослов'янських мовно-етнографічних та етнічних взаємин // Мовознавство.— 1969.— № 3.— С. 16—28.

⁵ *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного.— М., 1973.— С. 323.

⁶ *Лемцогова В. П.* Беларуская айканімія.— Мінск, 1970, с. 36.

⁷ ПСРД.— Т. 2.— Стлб. 373.

• Там же.— Стлб. 876.

* *Непокупный А. П.* Балто-северославянские языковые связи.— Киев, 1976.— С. 142—145.

¹⁰ *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья.— С. 244.

¹¹ *Седов В. В.* Некоторые ареалы архаических славянских гидронимов в археологии // Перспективы развития славянской ономастики.— М., 1980.— С. 144.

¹² *Arutaa P.* Sur les principes et methodes d'hydronymie russe: les noms en-gosr? // Scando-Slavica, 1960.— Т. 6.— Р. 114—175.

¹³ *Виноградский Ю. С.* Назви міст, сіл і річок Чернігівщини // Мовознавство.— 1957.— Т. 14.— С. 29—39; *Кордуба М.* Що кажуть нам назви осель.— Львів, 1938; *Жучкевич В. А.* Происхождение географических названий (топонимика) Белоруссии.— Минск, 1961.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПОЛЕСЬЯ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА (ДО СЕРЕДИНЫ XIX В.)

¹ *Горнунг Б. В.* Из предыстории образования общеславянского языкового единства.— М., 1963.— С. 3—4, 48, 107 и др.

² *Седов В. В.* Ранний период славянского этногенеза // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев.— М., 1976.— С. 68—108; *Кухаренко Ю. В.* Полесье и его место в процессе этногенеза славян.— С. 35—46.

³ *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян.— М., 1981.— С. 222.

* *Кухаренко Ю. В.* Полесье и его место в процессе этногенеза славян.— С. 24.

⁵ Там же.— С. 25.

⁶ *Максимов Е. В.* Зарубинецкая культура на территории УССР.— К., 1982; *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии.— Минск, 1971, 1973.— Кн. 1—2.

⁷ *Третьяков П. Н.* По следам древних славянских племен.— Л., 1982.— С. 28, 30—31, 51—59.

⁸ *Кухаренко Ю. В.* Полесье и его место в процессе этногенеза славян.— С. 29, 30; *Кухаренко Ю. В.* Славянские древности V—IX вв. на территории Припятского Полесья // Краткие сообщения Института археологии—1955, № 57.— С. 33—38. (Далее КСИА.); *Петров В. П.* Памятники корчакского типа: по материалам раскопок С. С. Гамченко // Материалы и исследования по археологии СССР.— 1963.— № 108.— С. 16—38. (Далее: МИА.). *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв.— М., 1976.— С. 12—55; *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.— М., 1982.— С. И, 13.

⁹ *Загорюльский Э. М.* Древняя история Белоруссии.— Минск, 1977.— С. 71—72; *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины.— С. 270—273; *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья.— С. 159—173, 232—242.

¹⁰ *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.— С. 11; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв.— С. 62, 80; *Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четвертей I тыс. н. э. в верхнем и среднем Подесенье // Раннесредневековые славянские древности.— Л., 1974.— С. 40—118; *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге.— М.; Л., 1966.— С. 259—264, 269—279.

¹¹ Очерки по археологии Белоруссии.— Минск, 1970.— Ч. 1.— С. 170—173; *Митрофанов А. Г.* Железный век средней Белоруссии (VII—VI до н. э.— VIII в. н. э.).— Минск, 1978.— С. 85—87.

¹² *Мачинский Д. А.* Миграция славян в I тысячелетии н. э.: По письменным источникам с привлечением данных археологии // Формирование раннефеодальных славянских народностей.— М., 1981.— С. 35—50.

¹¹ Мартынов В. В. Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Полесья // Советское славяноведение.— 1965.— № 4.— С. 70.

¹⁴ Обзор литературы по данному вопросу см.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян.— С. 214—284, Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян.— М., 1979.— С. 7—52.

¹⁵ Повесть временных лет.— М.; Л., 1950.— Т. 1.— С. 13—14.

¹⁶ Тимофеев Е. И. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв. // Советская археология.— 1961.— № 3.— С. 56—73; Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья.— М., 1961.— С. 32; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.— М., 1964.— Т. 1.— С. 347.

¹⁷ Повесть временных лет.— Т. 1.— С. 11.

¹⁸ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— М., 1970.— С. 87—89.

¹⁹ Бунак В. В. Антропологические исследования в южной Белоруссии // Труды Института этнографии АН СССР.— М., 1956.— Т. 33.— С. 21; Дяченко В. Д. Наслідки роботи Української антропологічної експедиції // Матеріали з антропології України.— К, 1960.— Вип. 1.— С. 18—33; Тегак Л. И., Микулич А. И., Саливон И. И. Антропология Белорусского Полесья.— Минск, 1978.— С. 3, 12—16, 20—41; Толстой Н. И. О лингвистическом изучении Полесья // Полесье. Лингвистика. Археология. Топонимика.— М., 1968.— С. 5—18; Жучкевич В. А. Топонимика Белоруссии.— Минск, 1968.— С. 116—117.

²⁰ Русанова И. П. Территория древлян по археологическим данным // Советская археология.— 1960.— № 1.— С. 63—69.

²¹ Annales Berthiniani / Ed. G. Waitz // Monumenta Germaniae Historica Scriptores.— Hannover, 1883.— P. 19—20, см. также: Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.— Л., 1936.— С. 23—34.

²² См. например: Шаскольский И. П. Известие Вертинских анналов в свете данных современной науки // Летописи и хроники. 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания.— М., 1981.— С. 43—44, 48—54.

²³ Повесть временных лет.— Т. 1.— С. 21.

²⁴ Lowmiaski H. Studia nad poczatkami spoleczestwa i państwa Litewskiego.— Wilno, 1932.— Т. 2.— С. 105—106.

²⁵ ПСРЛ.— Т. 2.— С. 79.

²⁶ ПСРЛ.— Т. 35. Летописи белорусско-литовские.— М., 1980.— С. 91—93, 106—109, 146—147, 170—171, 194—195, 215—219; АЮЗР.— Т. 1 (1340—1506).— Спб., 1846.— № 1.— С. 1—2.

²⁷ Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства.— М., 1915.— С. 81—94.

²⁸ Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae / Ed. A. Theiner.— Romae, 1961.— Vol. 2.— P. 277—278.

²⁹ Собрание древних грамот и актов городов Вильны Ковпа Трок.— Вильна, 1843.— Ч. 1.— № 13—14. (Далее: СДГА.); АЮЗР.— Т. 1.— № 100—227.

³⁰ ПСРЛ.— Т. 35.— С. 157; Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры.— Мінск, 1959.— С. ПО; Юхо І. Аб паходжанні назваў Белая і Чорная Русь // Беларусь.— 1955.— № 9.— С. 20.

³¹ Бантыш-Каменский Н. Н. Известия об унии.— Спб., 1805.— С. 31—32; АВАК.— 1875.— Т. 8.— № 13—15.— С. 29—39. ЛЮЗР.— 1871.— Т. 4.— № 138.— С. 193.

³² Довнар-Запольский М. В. Баркулабовская летопись.— Киев, 1908.— С. 17.

³³ АВАК.— 1909.— Т. 34; Акты, относящиеся к истории Западной России.— 1851—1853.— Т. 4—5.

³⁴ Довнар-Запольский М. В. Баркулабовская летопись.— С. 17.

⁸⁸ Czubek J. Pisma polityczne z czasow pierwszego bezkrylewia.— Krakow, 1906.— S. 395.

³⁸ Історія Української РСР: У 8 т., 10 кн.— К., 1979.— Т. 2.— С. 18; Дневник новгородского подсудка Федора Евлашевича (1564—1604).— С. 32—35.

³⁷ Игнатенко А. П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией.— Минск, 1977.— С. 58—63.

³⁸ Лола О. П. Гайдамацкий дух на Україні 20—60 pp. XVIII ст.— К, 1965.— С. 85.

³⁹ Історія міст і сіл Української РСР: Волинська область.— К, 1970.— С. 457.

⁴⁰ Там же.— С. 457.

⁴¹ Жукович П. Н. Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II // Журнал Министерства народного просвещения.— 1915.— № 2.— С. 293. (Далее: ЖМНП.)

⁴² Рябинин И. С. К вопросу о побегах русских крестьян в пределы Речи Посполитой в конце XVIII в.— М., 1911.— С. 7, 10.

⁴³ АЮЗР.— 1871.— Т. 4.— С. 51.

⁴⁴ ПСРЛ.— Т. 2.— С. 873; АВАК.— Т. 16.— С. 401, 405; Т. 23.— С. 276; Т. 33.— С. 386; Т. 34.— С. 8, 47, 156, 245.

⁴⁶ Центральный государственный исторический архив СССР.— Ф. 1874, оп. 1, д. 395.— Л. 4—6. (Далее: ЦГИА.)

⁴⁶ Подсчитано по следующим источникам: Атлас народонаселения Западно-Русского края по вероисповеданиям.— Спб., 1863; Географическо-статистический словарь Российской империи.— Спб., 1863—1875.— Т. 1—5; Лебедин М. О. О расселении племен Западного края Российской империи // Записки Русского географического общества.— 1861.— Кн. 3; Бобровский П. Гродненская губерния // Материалы для географии и статистики Российской империи.— Спб., 1863.— Т. 1—2; Зеленский И. Минская губерния.— Спб., 1863.— Т. 1—2; Статистические таблицы Российской империи: Наличное население на 1854 г.— Спб., 1863.

⁴⁷ Подсчитано по данным: Атлас народонаселения Западно-Русского края по вероисповеданиям; Географическо-статистический словарь Российской империи; Лебедин М. О. О расселении племен Западного края Российской империи.

ПОЛЕСЬЕ В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА

⁴⁸ Історыя Беларускай ССР.— Мінск, 1972.— Т. 2.— С. 96.

⁴⁹ Памятная книжка Минской губернии.— Минск, 1897.— С. 28.

⁵⁸ История городов и сел УССР. Черниговская область.— К, 1983.— С. 43.

⁵¹ Экономика Белоруссии в эпоху империализма.— Минск, 1963.— С. 81.

⁵² Історія Української РСР: У 8 т., 10 кн.— Т. 3.— С. 296, 343.

⁸³ Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып. 11. Полесская полоса.— Спб., 1903.

⁵⁴ Там же.— С. 1.

⁵⁵ Історія міст і сіл УРСР: Волинська обл.— С. 19.

⁵⁸ Історыя Беларускай ССР.— Т. 2.— С. 480; История городов и сел УССР: Черниговская область.— С. 118.

⁵⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч.— Т. 3.— С. 233.

⁵⁸ Історія Української РСР: У 8 т., 10 кн.— Т. 3.— С. 347.

⁵⁹ Макарчук С. А. Этносоциальное развитие и национальные отношения в западноукраинских землях в период империализма.— Львов, 1983.— С. 568; История городов и сел. Черниговская область.— С. 48—

- ⁸⁰ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. 11. Гродненская губерния; Т. 22. Минская губерния.— Спб., 1904.
- ⁶¹ Там же.
- ⁸² Памятная книжка Минской губернии.— С. 29.
- ⁸³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г.; Статистический ежегодник России. 1912 г.— Спб., 1913.
- ⁶⁴ Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. 22. Минская губерния.— Спб., 1904.
- ⁶⁵ Історія міст і сіл УРСР: Житомирська область.— С. 36.
- ⁶⁶ Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. 11. Гродненская губерния.
- ⁶⁷ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. 9. Волынская губерния.— С. 9.
- ⁶⁸ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. 9. Волынская губерния.
- ⁸⁹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 48. Черниговская губерния.— С. 50, 54.
- ⁷⁰ Пономарев А. П. Межнациональные браки в УССР и процесс интернационализации.— Киев, 1980.— С. 80.
- ⁷¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. 9. Волынская губерния; Т. 11. Гродненская губерния; Т. 22. Минская губерния; Т. 48. Черниговская губерния.— Спб., 1901—1905; Статистический ежегодник России. 1912.— Спб. 1913.

ПОЛЕСЬЕ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

- ⁷² История городов и сел УССР: Черниговская область.— Киев, 1983.— С. 63.
- ⁷³ Социалистическое строительство БССР за годы второй пятилетки.— Минск, 1939.— С. 29—30.
- ⁷⁴ Історія міст і сіл УРСР: Житомирська область.— К, 1980.— С. 49; Сумська область.— С. 52.
- ⁷⁵ Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР.— Ф. 5515.— Оп. 24.— Д. 90.
- ⁷⁸ Козлов В. И. Национальности СССР.— М., 1982.— С. 217.
- ⁷⁷ *Mały Rocznik statystyczny*.— Warszawa, 1939.— С. 22.
- ⁷⁸ Макаруч С. А. Этносоциальное развитие и национальные отношения в западноукраинских землях в период империализма.— С. 134.
- ⁷⁹ Там же.— С. 167.
- ⁸⁰ *Rocznik statystyki*.— 1927.— Р. 4.— С. 26.
- ⁸¹ *Наулко В. І.* Карта сучасного етнічного складу населення Української РЖР.— К., 1966.
- ⁸² *Mały Rocznik statystyczny*.— Warszawa, 1939.— С. 22.
- ⁸³ Історія міст і сіл УРСР. Чернігівська область.— С. 65; Житомирська область.— С. 51; Волинська область.— С. 37; Ровенська область.— С. 50, 550.
- ⁸⁴ Псторыя Беларускай ССР.— 1975.— Т. 5.— С. 21.
- ⁸⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года.— М., 1973.— Т. 5.— С. 21, 25.
- ⁸⁶ Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года.— М., 1972.— Т. 1.— С. 20—21; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года.— М., 1984.— С. 108—109.
- ⁸⁷ Архив ИИЭФ.— Ф. 6.— Оп. 12.
- ⁸⁸ Пономарев А. П. Межнациональные браки в УССР и процесс интернационализации.— С. 34.

- ⁸⁹ Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года.— С. 108, 109.
- ⁹⁰ Пономарев А. П. Межнациональные браки в УССР и процесс интернационализации.— С. 32, 33.
- ⁹¹ Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года.— С. 360, 361.
- ⁹² Пономарев А. П. Межнациональные браки в УССР и процесс интернационализации.— С. 80, 81.
- ⁹³ По данным анкетного обследования, проведенного в городах и селах Белорусского Полесья//Архив ИИЭФ.— Ф. 6.— Оп. 12.
- ⁹⁴ Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года.— С. 102—109.
- ⁹⁵ Народное хозяйство Белорусской ССР. 1986 г.: Статистический ежегодник.— Минск, 1987.— С. 221.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

- ¹ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы.— М., 1971.— С. 14.
- ² Вестник Западной России.— Вильна, 1867.— Т. 3, кн. 2.— С. 96.
- ³ Исаенко В. Ф. Неолит Припятского Полесья.— Минск, 1976.— С. 122.
- ⁴ Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края.— Спб., 1902.— Т. 3.— С. 12—13.
- ⁵ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы.— С. 19.
- ⁶ Довженко В. И. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. в эпоху Киевской Руси // Материалы по истории земледелия СССР.— М., 1952.— Сб. 1.— С. 157—158.
- ⁷ Бобровский П. Гродненская губерния//Материалы для географии и статистики России.— Спб., 1863.— Ч. 2.— С. 24.
- ⁸ Архив Северо-Западного Отдела Русского географического общества.— Ф. А-58.— Д. 10663.— Л. 2; Ф. А-58.— Д. 10660.— Л. 1; Ф. А-58.— Д. 10663.— Л. 2 об.
- ⁹ Филимонов Е. С. Сосницкий уезд // Материалы для оценки земельных угодий, собранные Черниговским статистическим отделением при губернской земской управе.— Чернигов, 1884.— Т. 13.— С. 12.
- ¹⁰ Бобровский П. Гродненская губерния.— С. 23.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Pietkiewicz Cz.* Polesie Rzeczyckie.— Krakow, 1929.— С. 36.
- ¹³ Филимонов Е. С. Сосницкий уезд.— С. 11.
- ¹⁴ Зеленский И. Минская губерния//Материалы для географии и статистики России.— Спб., 1863.— Ч. 2.— С. 10.
- ¹⁵ ЦГИА БССР.— Ф. 2240.— Оп. 1.— Л. 23—24.
- ¹⁸ Глинский Г. О лядном полеводстве // Журнал Министерства государственных имуществ.— 1854.— № 1.— С. 44—45. (Далее: ЖМГИМ.)
- ¹⁷ Зеленский И. Минская губерния.— С. 11.
- ¹⁸ Филимонов Е. С. Сосницкий уезд.— С. 12.
- ¹⁹ Архив Львовского отделения Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР им. М. Ф. Рильского.— Ф. 1.— Оп. 2.— Ед. хр. 208.— Тетр. 14.— Л. 5. (Далее: Архив ЛЮ ИИФЭ.)
- ²⁰ Филимонов Е. С. Сосницкий уезд.— С. И.
- ²¹ Русое А. Я. Описание Черниговской губернии.— Чернигов, 1898.— Т. 1.— С. 369.
- ²² Филимонов Е. С. Сосницкий уезд.— С. 36.
- ²³ Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов.— Минск, 1968.— С. 16.

²⁴ Михельсон Б. Литовская соха // ЖМГИМ.—1849.—Ч. 30.— Отд. 1.— С. 141—142.

²⁵ Обзор деятельности Департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в течение 10 лет 1844—1854.—Спб., 1855. С. 250.

²⁶ Moszycki K. Kultura ludowa Siowian.—1929.—Cz. 1.—S. 161—162.

²⁷ Falkowski J. Narzkdzi rolnicze typu gylcowego // Studium paleo-etnologiczne.—Lwyw, 1931.—S. 85.

²⁸ Мамонов В. С. Старинные орудия для обработки почвы из с. Староселье на Днепре // СЭ.—1952.—№ 4.—С. 78—79.

²⁹ Волков Ф. Антропологические особенности украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем.—Пг., 1916.—Т. 2.—С. 468.

³⁰ Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С. Народна земле робська техніка українців.—К., 1971.—С. 60.

³¹ Сержпутовский А. К. Земледельческие орудия белорусского Полесья // Материалы по этнографии России.—Спб., 1910.—Т. 1.—С. 47.

³² Гюльденштедт А. Описание некоторых в Малой России употреб ляемых плугов // Технологический журнал.—1804.—Т. 1.—Ч. 2.—Табл. 1, фиг. 3.

³³ Сержпутовский А. К. Земледельческие орудия белорусского Полесья.—С. 48.

³⁴ Украинский народ в его прошлом и настоящем.—Т. 2.—С. 470.

³⁵ Улащик Н. Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии.—М., 1965.—С. 241.

³⁸ Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г.—Спб., 1913. (Здесь приведены данные с вычетом уездов, теперь отошедших от Белоруссии.)

³⁷ Улащик Н. Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии.—С. 190.

³⁸ Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С. Народна земле робська техніка українців.—С. 74.

³⁹ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 208.—Тетр. 15.—Л. 16.

⁴⁰ Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С. Народна земле робська техніка українців.—С. 75.

⁴¹ Улащик Н. Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии.—С. 185.

⁴² Бобровский П. Гродненская губерния.—Ч. 2.—С. 25.

⁴³ Довженок В. И. Материалы по истории земледелия СССР.—С. 39.

⁴⁴ Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С. Народна земле робська техніка українців.—С. 67; Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов.—С. 35.

⁴⁵ Бобровский П. Гродненская губерния.—С. 25.

⁴⁸ Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г.—С. 39.

⁴⁷ Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў.—Мінск, 1974.—С. 56—57.

⁴⁸ Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов.—С. 37.

⁴⁹ Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С. Народна земле робська техніка українців.—С. 99.

⁵⁰ Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў. С. 66, рис. 19.

⁵¹ Moszycki K. Kultura ludowa Siowian.—Cz. 1.—S. 202.

⁵² Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў. С. 70, карта 10.

■ Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г.—С. XXII—XXIII.

⁵⁴ Очерки по археологии Белоруссии.—Минск, 1970.—Ч. 1.—С. 71, 229.

⁵⁶ Украинский народ в его прошлом и настоящем.—Т. 2.—С. 473.

⁵⁸ Moszycki K. Kultura ludowa Siowian.—Cz. 1.—S. 229.

⁵⁷ Горленко В. Ф.; Бойко І. Д., Куницький О. С. Народна земле робська техніка українців.—С. 104.

⁵⁸ Зеленский И. Минская губерния.—С. 71.

⁵⁹ Романов Е. Р. Белорусский сборник.—Вильна, 1912.—Вып. 8.—С. 57.

⁸⁰ Дыялекталагічны атлас беларускай мовы.—Мінск, 1963.—Карта 240.

⁶¹ Зеленский И. Минская губерния.—С. 73.

⁸² Народное хозяйство Белорусской ССР в 1981 г.: Статистический ежегодник.—Минск, 1982.—С. 31.

⁸³ Народное хозяйство Украинской ССР в 1980 г.: Статистический ежегодник.—Киев, 1981.—С. 164.

⁸⁴ Народное хозяйство Белорусской ССР в 1981 г.—С. 31.

ЖИВОТНОВОДСТВО

¹ Шевченко Г. А. Ріст і розвиток молодняка чорно-рябої породи від різних бугаїв-плідників // Питання збільшення виробництва продукції рослинництва і тваринництва в Західному Поліссі УРСР.—Львів, 1967.—С. 154.

² Історія міст і сіл УРСР. Ровенська область.—К., 1973.—С. 270.

³ Предварительный учет ориентировочного исследования животноводства в Вольнской губернии, произведенного в 1913 г.—Житомир, 1913.—С. 13, 14.

⁴ Вопросы развития сельского хозяйства Полесья // Труды конференции по вопросам развития производительных сил Полесья УССР.—К., 1958.—С. 25, 44.

⁸ Юго-Западный край. Статистическое обозрение. Т. 1. Восточное Полесье.—К., 1897.—С. 302—303.

⁸ Wojtyna J. Handel miksny w њwietle organizacji gynku Warszawskiego.—Warszawa, 1935.—S. 148.

⁷ Szturm de Szirem E. Inwentarr iуwy w Polsce.—Warszawa, 1928.—S. 82.

⁸ Улащик ф. Н. Орудия производства и системы земледелия в помещичьем хозяйстве Литвы и Западной Белоруссии в период разложения феодально-крепостного строя // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.—М., 1961.—С. 202.

⁹ Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского на селения Северо-Западного края.—Т. 3.—С. 245.

¹⁰ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1, оп. 2, д. 277а.—С. 10, 17.

¹ Pietkiewicz Cr. Polesie Rzeczyckie.—S. 41.

¹² Данилюк А. Будівлі на відгінних пасовищах Волині //НТЕ.—1980.—№ 6.—С.

¹³ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Д. 277а.—С. 21.

¹⁴ Там же.—С. 10, 13, 17.

¹⁵ Русое А. Описание Черниговской губернии.—Т. 1.—С. 333.

¹⁸ Там же.—С. 335.

¹⁷ Pietkiewicz Cz. Polesie Rzeczyckie.—S. 47.

¹⁸ Пшенікін А. Д., Заяц А. В. Продуктивні і племінні якості овець породи прекокс // Заходи по поліпшенню луків, підвищенню врожайності сільськогосподарських культур та збільшення виробництва продуктів тваринництва на Поліссі УРСР.—К., 1962.—С. 95.

* Історія міст і сіл УРСР: Волинська область.—К., 1970.— С 232.

²⁰ Животноводство Украины.— К., 1975.— С. 23.

²¹ Наподное хозяйство Белорусской ССР в 1981 г.— С. 89—95.

РЫБОЛОВСТВО

¹ Zydla dziejowe.—Warszawa.—1877.—Т. 6.—С. ХС.

² Ibidem.— С. ХСІ.

⁸ Ibidem.—С. ХІ.

* — Метка — пруг длиною около 50 см с нанизанными на него вьюнами.

* Архив ГМЭН.—Ф. 1.—Оп. 1.—Д. 534.—Л. 137.

⁵ Архив Л О ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 306.—Л. 9.

⁸ Sniadecki J. Polesie //Biblioteka Warszawska.—1845.—Т. 2.—С. 32.

⁷ Gbbski E. Stosunki rybackie na Polesiu w dziedzinie zbytu//Przeglad rybacki.—1936.—N 10.—С 399—400.

⁸ Ibidem.—С. 400.

⁹ Забелин А. Военно-статистическое обозрение Волинской губернии.—К., 1887.—Ч. 1.—С. 307.

¹⁰ Gbbski E. Stosunki rybackie na Polesiu...— С. 396.

ОХОТА

¹ Археологія, нумізматика і геральдика Беларусі.— Мінск, 1979.— С. 197; Исаенко В. Ф. Неолит Припятского Полесья.— С. 120.

¹² ПСРЛ.—Т. 1.—С. 24.

¹³ Zydla dziejowe.—Warszawa, 1877.—Т. 6.—С. ХС.

¹⁴ Ibidem.—Т. 5.—С. 98.

¹⁵ Ibidem.—Т. 6.—С. 78.

¹⁶ Корноухое Е. Судьба бобровников, стрелцов и пташников Черниговской губернии // Труды Черниговской архивной комиссии.— Чернигов, 1913.—Вып. 10.

¹⁷ Эремич И. Очерки белорусского Полесья // Вестник Западной России.—1867.—Кн. 8.—С. 60.

¹⁸ Забелин А. Военно-статистическое обозрение Волинской губернии.—Ч. 1— С. 277.

¹⁹ Seweryn T. Jowietwo ludowe w Polsce // Lud siowiacki.— Krajuw, 1931.—Т. 2.—С. 56.

²⁰ Moszycski K. Kultura ludowa siowian.— Cz. 1.— С. 45.

²¹ Seweryn T. Jowietwo ludowe na Woyniu//Lud.— Lwyw, 1932.— Т. 11.—С. 26.

²² Moszycski K. Kultura ludowa siowian.— Cz. 1.— С. 41.

²⁵ Ubysz A. Wspomnienia z gyr.— Jowiec, 1880, N 10, с. 155; Seweryn T. Jowietwo ludowe na Woyniu.— С. 32.

²⁴ Ibidem.—С. 31.

²⁵ Seweryn T. Jowietwo ludowe w Polsce.— С. 200, 203.

²⁸ Moszycski K. Kultura ludowa Siowian.— Cz. 1.— С. 54.

²⁷ Статут Великого княжества Литовского 1588 г. М., 1854.— С. 277.

²⁸ Юрьев Д. Топографическое описание Северного Урала и его рек//Записки русского географического общества.— 1875.— Кн. 6.— С. 317.

²⁹ Перлштейн А. Охота на Волини и Полесье// ВГВ.— 1857.— № 18.—С. 60.

³⁸ Seweryn T. Jowietwo ludowe na Woyniu.— С. 33.

³¹ Seweryn T. Jowietwo ludowe w Polsce.— С. 63—64.

¹¹ Перлштейн А. Охота на Волини и Полесье.—С. 62—63.

³³ Seweryn T. Jowietwo ludowe na Woyniu.— С. 27; Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1, оп. 2, ед. хр. 306.

³⁴ Маринич О. М. Українське Полісся.— К., 1962.— С. 95.

ПЧЕЛОВОДСТВО

³⁵ Завитневич В. В. Формы погребального обряда в могильных курганах Минской губернии // Труды IX Археологического съезда в Вильне.—М., 1895.—Т. 1 — С. 229.

³⁸ ПСРЛ.—Т. 2.—С. 932; Живописная Россия —Спб.; М., 1882.— Т. 3.—С. 193.

³⁷ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси.— Вильна, 1867.— Т. 1.— С. 216.

³⁸ Клепатский П. Г. Очерки истории Киевской земли.— Одесса, 1912.—С. 482.

³⁹ Севергин В. Записки путешествия по западным провинциям Росийского государства, или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда через оные в 1802 году ... Спб., 1803.—С. 140.

⁴⁰ Акты Виленской Археологической комиссии.— Т. 7.— С. 56; Войцик Л. А. Кароткі нарыс з гісторыі пчалярства//Беларуская борць.— 1935.—№ 3/8.—С. 6.

⁴¹ Срезневский Н. Материалы для древнерусского языка.— Спб., 1893.—Т. 1.— Стлб. 306.

⁴² АЮЗР.—Т. 2.—С. 121.

⁴³ Войцик Л. А. Кароткі нарыс з гісторыі пчалярства.— С. 6.

⁴⁴ Повесть о Петре и Февронии.—Л., 1979, с. 214.

⁴⁵ Ковалев Н. И. Живая летопись волинского пасечничества.— Житомир, 1916, *Сербод 1*. Вічынскія паляне.— Мінск, 1928.— С. 45.

⁴⁶ Скуратівський В. «Руська правда» і охорона бортництва // Радянська правда.—1979.— № 6.— С. 79—88.

⁴⁷ Эремич И. Очерки белорусского Полесья.— С. 12.

⁴⁸ Сержпутовский А. Бортничество в Белоруссии//Материалы по этнографии России.— 1914.— Т. 2.— С. 12.

⁴⁹ Скуратівський К. Т. Развитие пасечничества на Україні // НТЕ.— 1978.— №5.— С. 51, Скуратовський Василь. Бортницький промисел// Жовтень.— 1980.— № 9 — С. 122.

⁵⁰ Архив ГМЭИ.—Ф. 4113— Ед. хр. 19.

⁵¹ Чубинский П. Очерк народных юридических обычаев и понятий. в Малороссии // Записки Русского географического общества.— Спб., 1869.—Т. 2.—С. 714—715.

⁵² Соудь Ярославль Володимирица Правда Роуськая. Древнейший список//Хрестоматия по русской истории.— М., 1922.— Т. 1.— С. 67.

⁵³ Там же.— С. 68.

⁵⁴ Акты, относящиеся к истории Западной России.— Спб., 1848.— Т. 3.—С. 27—28.

⁵⁵ Хвальчевский С. Писцовая книга Пинского и Клецкого княжества, 1552—1555 гг.—Вильно, 1884.—С. 4.

⁵⁶ Кудринский Ф. Цеховые братства в местечке Степани // Киевская старина.—1890.—Кн. 7.—С. 93; Скуратівський В. Т. Традиційне бортницьке право на Україні//НТЕ.— 1983.— №5. — С. 33—44,

СОБИРАТЕЛЬСТВО

- "Статут Великого княжества Литовского 1529 года.— Минск, 1960. с. 195.
- ⁵⁸ РОНБ ВГУ.—Ф. 34.—Д. 309.—Л. 3.
- ⁵⁹ Там же.—Ф. 3.—Д. 68.—Л. 3.
- ⁶⁰ *Mosrycki K.* Kultura ludowa siowian.— S. 22.
- ⁸¹ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 251.—Тетр. 5.—С. 8.
- ⁶² *Никифоровский Н. Я.* Очерки простонародного життя—бытъя в Витебской Белоруссии.— Витебск, 1897.—С. 480.
- ⁶³ *Mosrycki K.* Kultura ludowa ltowian.—S. 21.
- ⁶⁴ РОНБ ВГУ.—Ф. 34.—Д. 228.—Л. 2, об.
- ⁶⁵ *Markus Michai.* Zberna gospodarstwo na Horehroni//Slovenski narodopis.— 1961.—N 2.—S. 221.
- ⁶⁶ Ibidem.—S. 221.
- ⁶⁷ Ibidem.—S. 197, 14.

ГОНЧАРСТВО

- ¹ *Милоченков С. А.* Белорусское народное гончарство.— Минск, 1984.—С. 15—17.
- ² *Матейко К. І.* Народна кераміка західних областей Української РСР XIX—XX ст.—К., 1959.—С. 24.
- ³ *Данченко Л.* Народна кераміка Наддніпрянщини.— К., 1969; *Данченко Л.* Народна кераміка Середнього Придніпров'я.— К., 1974; *Кравець І., Повод К., Пудов Ю.* Кераміка Центральної Київщини // НТЕ.— 1980.— № 1.—С. 70—75.
- ⁴ *Лашук Ю. П.* Нові дані про кераміку XIV—XV ст.: За матеріалами знахідок на Верхньому Подністров'ї та Волині // Середні віки на Україні.—К., 1971.—Вып. 1—С. 200—203.

ТКАЧЕСТВО

- ⁵ *Антонович В. Б.* Древности Юго-Западного края.— Спб.,— 1983.— С. 6; *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы.— К., 1982.—С. 27, рис. 22, С. 30, рис. 9, С. 48, рис. 21, С. 83, рис. 17—20.
- ⁶ Стародавнє населення Прикарпаття і Волині.— К., 1976.— С. 102.
- ⁷ Стародавнє населення Прикарпаття і Волині.— С. 101, 235; *Поволь Л. Д.* Славянские древности.— Минск, 1971.— С. 36, 127.
- ⁸ *Ауліх В. В.* Зимнівське городище.— К., 1973.—С. 77—81.
- ⁹ Древнерусские поселения Среднего Поднепровья.— К., 1984.— С. 33.
- ¹⁰ *Гончаров В. К.* Райковецьке городище.—К., 1950.— С. 34, 35, 36.
- ¹¹ *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси.— М.; Л., 1948.— С. 189—190.
- ¹² АЮЗР.— К., 1859.—Т. 1, ч. 1.—С. 23, 54, 240—241; Памятні ки, изданніе Киевской комиссией для разбора древних актов.— К., 1898 — Т. 2—С. 559; Центральный исторический архив БССР.— ф. 694.—Оп. 2.—Д. 2001.—Л. 21; Д. 3137.—Л. 33—35.
- ¹³ *Нестеренко О. О.* Розвиток промисловості на Україні.— К., 1959.—Т. 1.—С. 161.
- ¹⁴ *Оксенюк Р.* Нариси з історії Волині 1861—1939 рр.— Львів, 1970.—С. 21.
- ¹⁵ Там же.— С. 26.
- ¹⁶ *Теодорович Н. И.* Волинь в описании городов, местечек и сел.— Почаев, 1888.—Т. 5.—С. 452.

¹⁷ Кустарные промыслы Вольнской губернии по данным текущей сельскохозяйственной статистики.— Житомир, 1914.— С. 12. ¹⁶ Там же.— С. 13.

- ¹⁹ Там же.— С. 5, 6.
- ²⁰ *Курилович А. Н.* Способи й зняряддя обробки льону в білорусів (кінець XIX—поч. XX ст.)//НТЕ.— 1976.— № 5.—С. 46.
- ²¹ *Falicska Barbara.* Polskie siownictwo tkackie na tle siowiacskim.— Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gracsk, 1977.— Т. 2.— С. 53.
- ²² *Mosrycki K.* Kultura ludowa siowian. Kultura materialna.— Kra kuw, 1929.—Cz. 1.—S. 297.
- ²³ *Нюнкен-Таллат-Климайте Г.* Домашнее ткачество и ткани в Литве в XIX — начале XX в. Автореф. дис... канд. ист. наук.— Вильнюс, 1968.—С. 9.
- ²⁴ *Рыбаков Б. А.* Макрокосмос в микрокосмосе народного искусства // Декоративное искусство СССР.— 1975.— № 3.— С. 40.
- ²⁵ *Лебедева Н. И.* Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX вв. // Восточнославянский этнографический сборник.— М., 1956.—С. 488.
- ²⁶ *Mosrycki K.* Kultura ludowa siowian.—Cz. 1.— S. 312.
- ²⁷ *Kostrzewski J.* Kiedy zjawily sie w Polsce krosna piozoimenowe// Lud polski.—Wroclaw, 1954,—Т. 16.—Сг. 1.—S. 667.
- ²⁸ *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках.—М., 1966.—С. 19.

ОБРАБОТКА ДЕРЕВА

- ²⁹ Архив ИИЭФ.—Ф. 7.—Оп. 2.—Д. 114.—Л. 81
- ³⁰ Кустарные промыслы Вольнской губернии по данным текущей сельскохозяйственной статистики.— С. 30.
- ³¹ Земский сборник Черниговской губернии.— Чернигов, 1914.— Вып. 2.—С. 15—17.
- ²⁵ *Оруніуна J.* Przemysly ludowy w Polsce.— Warszawa, 1937.— S. 142.
- ³³ Архив ИИФЭ.— Ф. 6.—Оп. 12.—Д. 49.—Л. 6, 7, 11, 12; *Титов В. С.* Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. XIX —начало XX в.— Минск, 1983.— С. 65.
- ³⁴ *Богданович А. Е.* Пережитки древнего миросозерцания у белорусов.—Гродно, 1895.—С. 67—68.
- ³⁵ Архив ИИФЭ.—Ф. 6.—Оп. 12.—Д. 49.—Л. 26; Оп. П.—Д. 22.—Л. 9, 12, 13, 15; Оп. 13.—Д. 1а.—Л. 4.
- ³⁶ *Тыдман Л.* Этюды о мебели.— Декоративное искусство СССР.— 1970.— № П.—С. 30—35.
- ³⁷ *Гурков В. С., Терехин С. Ф.* Бортничество в Белоруссии.— Минск, 1980.—С. 23.
- ³⁸ Архив ИИФЭ.—Ф. 14—2/246.—Л. 271—272.

МЕТАЛЛУРГИЯ И ОБРАБОТКА ЖЕЛЕЗА

- * Гута — металлургическое или стекольное предприятие.
- ** Буда — место производства в лесу древесного угля — поташа. Происходит от слова «буда» — легкое строение для временного проживания.
- ³⁹ *Баркоўскі С, Скардзіс В.* Аб жалезнай прамысловасці...
- ⁴⁰ Украинский народ в его прошлом и настоящем.— Т. 2.— С. 486.
- ⁴¹ *Аусевич М.* Железная руда//Родная прырода.— 1982.— № 5.— С. 25.

⁴² *Добрильский А.* Кузнечный промысел в Киевской губернии // Кустарная промышленность в Киевской губернии: Итоги анкетного местного обследования, произведенные Киевской губернской земской управой по поручению губернского земского собрания.— Киев, 1912.— С. 81, 84, 101.

КОЖЕВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ

⁴³ *Копынский З. Ю.* Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI—первой половине XVII в.—Минск, 1966.—С. 217—219.

⁴⁴ Актова книга Житомирского мисского уряду кінця XVI ст.—К., 1965.—С. 34, 40, 76.

⁴⁵ *Izba RzemieŃnicza w Jucku // Sprawozdanie za rok 1933.*—■ Juck, 1934.—S. 25.

⁴⁶ *Бобровский П.* Гродненская губерния.— С. 338.

⁴⁷ Юго-Западный край. Статистическое обозрение. Т. 1. Восточное Полесье.—С. 401; Кустарные промыслы Волынской губернии по данным текущей сельскохозяйственной статистики.— С. 4, 6.

⁴⁸ Кустарные промыслы Волынской губернии по данным текущей сельскохозяйственной статистики.— С. 18.

⁴⁹ Волинь в цифрах. Збірка статистичних таблиц, що відносять ся до Волинського воєводства.— Житомир, 1939.— С. 74.

⁵⁰ Юго-Западный край. Статистическое обозрение. Т. 1. Восточное Полесье.—С. 379—401.

⁵¹ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 254.—Тетр. 3.—Л. 20—24; Тетр. 2.—Л. 4—5.

⁵² Там же.—Ед. хр. 254. Тетр. 3.—Л. 23, 41.

⁵³ Там же.—Тетр. 2.—Л. 7, 11.

⁵⁴ Там же.—Л. 8, 16, 35.

⁵⁵ Географическо-статистический словарь Российской империи.— Спб., 1885.—Т. 5.—С. 57.

⁵⁶ *Дзензелівський Й. С.* Арго нововижівських кожухарів на Волині // *Studia slavica Hungar.*—Будапешт, 1977.—Т. 23.—С. 289—333.

⁵⁷ Новозыбковский архив Брянской обл.—Ф. 793.—Д. 113.—Л. 26—28.

⁵⁸ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 254.—Тетр. 3.

⁵⁹ Новозыбковский архив Брянской обл.—Ф. 793.—Д. 113.—Л. 26—28.

⁶⁰ Географическо-статистический словарь Российской империи.— Т. 5.—С. 67.

⁶¹ Юго-Западный край. Статистическое обозрение. Т. 1. Восточное Полесье.— С. 379, 402; Памятная книжка Волынской губернии на 1888 г.—Житомир, 1887.—Отд. 3.—С. 38; Волинь в цифрах. Збірка статистичних таблиц...—С. 75.

⁶² Центральный государственный исторический архив УССР во Львове.—Ф. 131.—Д. 702.—№ 845.

⁶³ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 254.—Тетр. 2.—С. 12, 17; *Рак Р.* Да питання геаграфічнага размяшчэння дробна-рамісніцкай прамысловасці на БССР.—Мінск, 1932.—С. 27—28.

⁶⁴ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 254.—Тетр. 3.—Л. 15, 43, 46, 52, 53.

⁶⁵ Спіс прамысловых прадпрыемстваў БССР.—Мінск, 1935.—Вип. 1.

ПЛЕТЕНИЕ

⁶⁶ Краткий обзор кустарных промыслов Черниговской губернии с приложением очерков по производству изделий из прута и кожевенному производству.—Чернигов, 1914.—С. 82.

⁶⁷ *Українкустарспілка.*—Харків, 1924.—№1-2.—С. 54—55.

⁶⁸ Наш край.—1927.—№ 8-9.—С. 72.

ОБРАБОТКА КАМНЯ

⁶⁹ *Штейнгель Ф. Р.* Раскопки курганов в Волынской губернии, произведенные в 1897—1900 гг.—Киев, 1905.—С. 148—149; *Яроукий Я. В.* Могильники по среднему течению р. Уборти//Археологическая летопись Южной России за 1903 г.—Киев, 1904.—С. 176—180.

⁷⁰ *Z otchiani wiekuw.*—1937.—Р. XII.—С. 82, 166.

⁷¹ *Мезенцева Г. Г.* Скульптура // *История украинского мистецтва.*—К., 1966.—Т. 1.—С. 239.

⁷² *Оссовский Г. О.* Откуда привозился красный шифер, встречаемый как в древних храмах, так и в других памятниках Киева // *Труды III Археологического съезда.*—Киев, 1878.—Т. 2.—С. 159—164.

⁷³ *Супричев В. А.* Сказание о камне-самоцвете//Самоцветы Украины.—К., 1975.—С. 117, 118.

⁷⁴ Кустарные промыслы Волынской губернии по данным текущей сельскохозяйственной статистики.—С. 24—25.

⁷⁵ *Rocznik Ziemi Wschodnich.*—Warszawa, 1936.—S. 112.

⁷⁶ *Ibidem.*—S. 114.

⁷⁷ Архив ИИФЭ.—Ф. 15.—Оп. 3.—Д. 257.—С. 171.

⁷⁸ Архив ЛО ИИФЭ АН УССР.—Ф. 1.—Оп. 2.—Д. 278.—С. 2.

⁷⁹ *Семенченко Ю. В.* Цветные камни Украины.—К., 1974.—С. 52.

ВАЛЯЛЬНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

⁸⁰ Архив ИИЭФ.—Ф. 6.—Оп. 13.—Д. 7.—Л. 45; Оп. 12, д. 39.—Л. 8, 10; Ф. 7.—Оп. 2.—Д. 181а.—Л. 1.

⁸¹ *Лебедева Н. И.* Прядение и ткачество восточных славян в XIX—начале XX вв.// *Востоочнославянский этнографический сборник.*—С. 533; Архив ИИЭФ.—Ф. 6, оп. 13, Д. 7.—Л. 48, Оп. 12, д. 39.—Л. 6, 7, 36; Ф. 7, оп. 2, д. 181.—Л. 1, 7.

⁸² Архив ИИЭФ.—Ф. 7.—Оп. 2.—Д. 181а.—Л. 12, 42; Ф. 6.—Оп. 13.—Д. 7.—Л. 46—49.

ДОБЫВАЮЩИЕ ПРОМЫСЛЫ ⁸³ *Kolberg O.*

Viaioгуь — Polesie.—Warszawa, 1963.—S. 75.

ЛЕСНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

⁸⁵ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч.—Т. 3.—С. 525.

⁸⁶ Юго-Западный край. Статистическое обозрение. Т. 1. Восточное Полесье.—К., 1897.—С. 73, 394; *Забелин А.* Военно-статистическое обозрение Волынской губернии.—К., 1884.—Ч. 1.—С. 51, 57.

⁸⁷ Лесная промышленность дореволюционной России.—М.; Л., 1957.—С. 27—37.

⁸⁸ Архив ГМЭИН.—Ф. 1.—Д. 574.—Л. 149, 150.

⁸⁹ *Братчиков А.* Материалы для исследования Волынской губернии...—Житомир, 1868.—Вып. 1.—С. 141; *История міст і сіл УРСР.* Чернігівська область.—К., 1969.—С. 243, 353, 473, 575.

- ¹⁰⁰ *Забелин А.* Военно-статистическое обозрение Волынской губернии.—Ч. 1.—С. 305—306.
- ¹⁰¹ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 3.—С. 527, 528.
- ¹⁰² *Зеленский И.* Минская губерния//Материалы для географии и статистики России.—Спб., 1864.—С. 106.
- ¹⁰³ Архив ГМЭИ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Д. 574.—Л. 70, 72, 73, 75.
- ¹⁰⁴ *Pielkiewicz C.* Polesie Rzeczyckie.—Krakow, 1928.—Cz. 1.—S. 172, 219, 220.
- ¹⁰⁵ Архив ГМЭИ.—Ф. 2.—Оп. 2.—Д. 15.—Л. 15; Архив ИИЭФ.—Ф. 6.—Оп. 12.—Д. 39.—Л. 2, 31, 62; Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Д. 277а.—Л. 1, 3.
- ¹⁰⁶ РОНБ ВГУ.—Ф. 34-1.—Д. 10661.—Л. 10; Д. 10719.—Л. 10.
- Архив ИИЭФ.—Ф. 6.—Оп. 12.—Д. 39.—Л. 63—64.
- ¹⁰⁷ Историко-статистическое описание девяти уездов Минской губернии.—Минск, 1870.—С. 25.
- ¹⁰⁸ Архив ИИЭФ.—Ф. 6.—Оп. 12.—Д. 39.—Л. 63.
- ¹⁰⁹ *Титов В. С.* Народные деревообрабатывающие промыслы Белоруссии.—Минск, 1976.—С. 121.
- ¹¹⁰ *Русое А.* Описание Черниговской губернии.—Чернигов.—1898.—Т. 1.—С. 234—239; *Забелин А.* Военно-статистическое обозрение Волынской губернии.—Ч. 1.—С. 30.
- ¹¹¹ *Братчиков А.* Материалы для исследования Волынской губернии.—Вып. 1.—С. 142.
- ¹¹² *Панютин В. П.* Из истории формирования пролетариата Белоруссии.—Минск, 1969.—С. 166.
- ¹¹³ Юго-Западный край. Статистическое обозрение. Т. 1. Восточное Полесье.—С. 430—442; *Братчиков А.* Материалы для исследования Волынской губернии.—Вып. 1.—С. 142; *Stecki T.* Woju pod wzgldem statystycznym, historycznym i archeologicznym.—Lwyw, 1864.—Т. 1.—С. 17.
- ¹¹⁴ Юго-Западный край. Статистическое обозрение. Т. 1. Восточное Полесье.—С. 407.
- ¹¹⁵ *Забелин А.* Военно-статистическое обозрение Волынской губернии.—Ч. 1.—С. 39, 40; Юго-Западный край. Статистическое обозрение. Т. 1. Восточное Полесье.—С. 48, 51, 62.
- ¹¹⁶ *Stecki T.* Woju pod wzgldem.—С. 218.
- ¹¹⁷ *Забелин А.* Военно-статистическое обозрение Волынской губернии.—Ч. 1.—С. 306.
- ¹¹⁸ Wkdrywka od trydei do ujnca Horynie przez Jozefa Dunina-Karwjskiego.—Krakow, 1891.—С. 122.
- ¹¹⁹ Архив ИИЭФ.—Ф. 6.—Оп. 12.—Д. 39.—Л. 50; Оп. 13.—Д. 7.—Л. 33; *Забелин А.* Военно-статистическое обозрение Волынской губернии.—Ч. 1.—С. 306.
- ¹²⁰ Документы і матэрыялы па гісторыі Беларусі.—Мінск, 1940.—Т. 2.—С. 653.
- ¹²¹ Архив ИИЭФ.—Ф. 6.—Оп. 12.—Д. 1.—Л. 42; Д. 39.—Л. 4, 19, Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря.—М., 1968.—С. 167, 189.
- ¹²² Народная лексика.—Мінск, 1977.—С. 149—150; Архив ИИЭФ.—Ф. 6.—Оп. 12.—Д. 39.—Л. 3, 4, 19, 20, 26; Ф. 7.—Оп. 2.—Д. 181а.—Л. 183.

ЛЕСОХИМИЧЕСКИЕ ПРОМЫСЛЫ

¹²³ *Леонтович Ф.* Сельские ремесленники в Литовско-Русском государстве.—Варшава, 1898.—С. 26; *Генсірц С. А., Бондар В. С.* Лісо ві ресурси України та їх використання.—К., 1973.—С. 42.

- ¹²⁴ Документы і матэрыялы па гісторыі Беларусі.—Т. 2.—С. 235.
- ¹²⁵ *Мелешко В. И.* Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии.—Минск, 1975.—С. 150, 151, 157, 162.
- ¹²⁶ Документы і матэрыялы па гісторыі Беларусі.—Т. 2.—С. 235.
- ¹²⁷ *Грынблат М. Я.* Селянскія промыслы і рамесствы ў Беларусі ў канцы XIX — пачатку XX ст. // Весті АН БССР. Серыя грамадскіх наук.—1957—№ 2.—С. 50.
- ¹²⁸ *Бабицкий О.* О лесных промыслах в Минской губернии//ЖМГИМ.—1851, ч. 4, с. 184.
- ¹²⁹ Архив ИИЭФ.—Ф. 7.—Оп. 2.—Д. 181-а.—Л. 32.
- ¹³⁰ Там же.—Ф. 6.—Оп. 13.—Д. 8.—Л. 48; Ф. 7.—Оп. 2.—Д. 181-а.—Л. 32; *Бабицкий О.* О лесных промыслах в Минской губернии.—С. 184.
- ¹³¹ *Бабицкий О.* О лесных промыслах в Минской губернии.—С. 279, 180; *Домонтович М.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Черниговская губерния.—Спб., 1865. С. 389; *Moszycki K.* Polesie wschodnie.—Warszawa, 1928.—S. 84, 85.
- ¹³² РОНБ ВГУ.—Ф. 6.—Оп. 13.—Д. 8.—Л. 59.
- ¹³³ Архив ИИЭФ.—Ф. 6.—Оп. 13.—Д. 8.—Л. 59.
- ¹³⁴ Юго-Западный край. Статистическое обозрение. Т. 1. Восточное Полесье.—С. 397.
- ¹³⁵ *Бабицкий О.* О лесных промыслах в Минской губернии.—С. 183; *Грынблат М. Я.* Селянскія промыслы і рамесствы ў Беларусі ў канцы XIX — пачатку XX ст.—С. 51.
- ¹³⁶ *Грынблат М. Я.* Селянскія промыслы і рамесствы ў Беларусі ў канцы XIX — пачатку XX ст.—С. 183; Архив ИИЭФ.—Ф. 6.—Оп. 13.—Д. 8.
- ¹³⁷ РОНБ ВГУ.—Ф. 34/2.—Д. 10781.—Л. 5; Д. 10786.—Л. 10.
- ¹³⁸ *Samsonowicz H.* Rzemioslo wiejskie w Polsce XVI—XVII w.—Warszawa, 1954.—S. 164—Mi; *Olejnik I.* Prispewok k poznaniu ciwota lelnych robotnikov v oblasti Vysoke Tatry // Sbornik slovenskeho Narodneho Musea.—1964.—R. 8.—S. 48—61; *Taiki L.* Uhliari a drevorubaci na Ciernom Balogu//Slovensky narodopis.—1980.—R. 28.—S. 293—306.

СТЕКЛОДЕЛИЕ

- ¹³⁹ *Aleksandrowicz S.* Kierunki produkcji rzemiełniczej... // Historia (Leszyty naukowe Uniwersitetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu, 1964.—N 6.—S. 36.
- ¹⁴⁰ Polskie szkio do polowy 19 wieku.—Wrociaw; Warszawa; Krakow; Gdacs, 1974.—S. 46.
- ¹⁴¹ *Яніцкая М. М.* Беларускае мастацкае шкло (XVI—XVIII ст.)—Мінск, 1977.—С. 8.
- ¹⁴² *Нестеренко О. О.* Розвиток промисловості на Україні.—К, 1959. Т. 1.—С. 143, 144, 296, 405.
- ¹⁴³ Волынская губерния. Военно-статистическое обозрение.—Спб., 1850.—Табл. 5.

ОТХОЖИЕ ПРОМЫСЛЫ

- ¹⁴⁴ ЦГИА БССР.—Ф. 3014.—Оп. 1.—Д. П.—Л. 67.
- ¹⁴⁵ Центральный государственный архив древних актов.—Ф. 1355.—Оп. 1.—Д. 735.—Л. 2.
- ¹⁴⁶ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч.—Т. 2.—С. 88.
- ¹⁴⁷ Документы і матэрыялы па гісторыі Беларусі.—Т. 2.—С. 624.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁸ Обзор Минской губернии за 1899 г.—Минск, 1900,

- ¹⁵⁰ *Забелин А.* Военно-статистическое обозрение Волынской губернии.—Ч. 1.—С. 306.
- ¹⁵¹ РОНБ ВГУ.—Ф. 34/1.—Д. 10760—Л. 7.
- ¹⁵² Там же. ДФ. 34—1.—Д. 10658.—Л. 7; 10655.—Л. 2.
- ¹⁵³ Історія міст і сіл УРСР. Сумська область. К., 1973.—С. 19.
- ¹⁵⁴ *Забелин А.* Военно-статистическое обозрение Волынской губернии.—Ч. 1.—С. 306.
- ¹⁵⁵ Минские губернские ведомости.—1877. № 9.—С. 102.
- ¹⁵⁶ Історія міст і сіл УРСР. Київська область.—К., 1971.—С. 718.
- ¹⁵⁷ *Boryssowicz St.* Tęcańiejszońж і przysziońж Woynia/Rocznik Ziemi Wschodnich.—1939.—R. 5.—S. 1C8.
- ¹⁵⁸ РОНБ ВГУ.—Ф. 34—1.—Д. 10698.—Л. 3, 7.
- ¹⁵⁹ *Boryssowicz Si.* Tęcańiejszońж і przysziońж Woynia.—S. 124.
- ¹⁶⁰ *Ruhle E.* Studium powiatu Kowelskiego // Rocznik Woicycki.—Ruwne, 1937—Т. 5-6—S. 148.
- ¹⁶¹ *Woicy w Liczbach.*—Juck, 1939.—S. 30—31.
- ¹⁶² *Ленин В. И.* Поли. собр. соч.—Т. 2.—С. 524.
- ¹⁶³ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч.—Т. 3.—С. 576, 577.
- ¹⁶⁴ *Лащук Ю. Ф.* Районирование украинского Полесья по данным народного искусства // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции.—М., 1983.—С. 43—45.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ И СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

- ¹ *Истомина Э. Г.* Водные пути России во второй половине XVIII — начале XIX века.—М., 1982.—С. 202, 204.
- ² Там же.—С. 202, 207—208.
- ³ *Янеон Ю.* Пинск и его район—Спб., 1869.—С. 98, 102, 103.
- ⁴ Украинский народ в его прошлом и настоящем.—Пг., 1916.—Т. 2.—С. 497.
- ⁵ *Домонтович М.* Черниговская губерния.—Спб., 1865.—С. 93.
- ⁶ *Забелин А.* Военно-статистическое обозрение Волынской губернии.—К., 1887.—Ч. 1.—С. 41, 93.
- ⁷ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Д. 285.—С. 42.
- ⁸ Украинский народ в его прошлом и настоящем.—Т. 2.—С. 498.
- ⁹ Архив ИИЭФ.—Ф. 7. Оп. 2.—Д. 181а.—Л. 5.
- ¹⁰ Лексика Полесья.—М., 1968.—С. 177, 192.
- ¹¹ Архив ИИЭФ.—Ф. 7. Он. 2.—Д. 181а.—Л. 3, 30.
- ¹² *Домонтович М.* Черниговская губерния.—С. 91; Лексика Полесья.—С. 161.
- ¹³ *Домонтович М.* Черниговская губерния.—С. 91.
- ¹⁴ Народная лексика.—Минск, 1977.—С. 148, 149; Лексика Полесья.—С. 161, 180, 189; Архив ИИЭФ.—Ф. 6. Оп. 12.—Д. 1—Л. 42; Д. 39.—Л. 26; Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1. Оп. 2.—Д. 277а.—Л. 2.
- ¹⁵ *Эремич М.* Очерки белорусского Полесья // Вестник Западной России.—1867.—Кн. П.—С. 103.
- ¹⁶ *Маракуев В. И.* Полесье и полешуки.—Спб., 1897.—С. 95.
- ¹⁷ Украинский народ в его прошлом и настоящем.—Т. 2.—С. 509.
- ¹⁸ *Забелин А.* Военно-статистическое обозрение Волынской губернии.—С. 93; *Теодорович Н. И.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии.—Почаев, 1888.—Т. 1.
- ¹⁹ *Жучкевич В. А.* Дороги и водные пути Белоруссии.—Минск, 1977.—С. 55.
- ²⁰ *Истомина Э. Г.* Водные пути России...—С. 209.
- ²¹ *Янсон Ю.* Пинск и его район.—Спб., 1869.—С. 89.
- ²² РОНБ ВГУ.—Ф. 34.—Д. 233.—Л. 29.
- *» Там же.—Л. 27.

- ²⁴ *Индерле Л.* Славянские древности.—М., 1956.—С. 358. " *Тулинов Н. В.* Полесье.—Спб., 1903.—Вып. 1.—С. 13. ²⁸ *Сербов И. А.* Поездки по Полесью 1911 и 1912 гг.—Вильна, 1914.—С. 14.
- ²⁷ *Титов В. С.* Народные деревообрабатывающие промыслы Белоруссии.—Минск, 1976.—С. 121.
- ²⁸ Украинский народ в его прошлом и настоящем.—С. 500, 501.
- ²⁹ *Kolberg O.* Dziel№ wszystkie. Т. 52. Białogonь — Polesie.—Wrocław; Poznań, 1968.—S. 71.
- ³⁰ *Титов В. С.* Народные деревообрабатывающие промыслы Белоруссии.—С. 90—92.
- ³¹ Архив ИИЭФ.—Ф. 7.—Оп. 2.—Д. 114.—Л. 42, 61; Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 285.
- ³² Słownik terminologiczny sztuk pięknych.—Warszawa, 1969.
- ³³ *Жичкевич В. А.* Дороги и водные пути Белоруссии.—С. 69.
- ³⁴ Архив ИИЭФ.—Ф. 6.—Оп. 12.—Д. 48.—Л. 6; *Титов В. С.* Историко-этнографические регионы в экспозиции Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта.—Минск, 1982.—С. 49.
- ³⁵ Украинский народ в его прошлом и настоящем.—Т. 2.—С. 501.
- ³⁶ *Забелин А.* Военно-статистическое обозрение Волынской губернии.—Ч. 1.—С. 93; *Русое А.* Описание Черниговской губернии.—Чернигов, 1889.—Т. 2.—С. 193, 197.
- ³⁷ *Забелин А.* Военно-статистическое обозрение Волынской губернии.—Ч. 1.—С. 93.
- ³⁸ *Абрамов И.* По волыньским захолустьям // Живая старина.—1906.—Вып. 2.—С. 160.
- ³⁹ *Жембровський М. О.* Розвиток шляхів сполучення...—С. 28.
- ⁴⁰ *Паламарчук М. М.* Экономическая география Украинской ССР.—Киев, 1977.—С. 167.
- ⁴¹ История городов и сел Украинской ССР. Черниговская область.—С. 78.

ПОСЕЛЕНИЯ ПОЛЕСЬЯ

- ¹ *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли.—Минск, 1974.—С. 10; *Загорулский Э. М.* Древняя история Белоруссии.—Минск, 1977.—С. 127; *Исаенко В. Ф.* Неолит Припятского Полесья.—Минск, 1976.—С. 46—90; *Поликарпович К. М.* Стоянки Среднего Полесья. Материалы по БССР.—Минск, 1957.—Т. 1.—С. 45—148.
- Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.—М.—1982.—С. 12, 14.
- ² Там же.—С. 17, 18; *Циркунов В. Ю.* Зарождение зодчества // Всеобщая история архитектуры.—Л., 1970. Т. 6.—С. 32, 33.
- ³ *Баран В. Д., Максимов Е. А., Смиленко А. Г.* Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. / Институт археологии АН УССР.—К., 1985.—С. 11, 153; *Исаенко В. Ф.* Неолит Припятского Полесья.—С. 125.
- ⁴ *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.—М., 1973.—С.
- ⁵ *Стельмах Г. Ю.* Историчний розвиток сільських поселень на Україні.—К., 1964.—С. 45.
- ⁶ *Успенская А., Рехнер М.* Очерки по истории русской деревни // Труды государственного исторического музея.—М., 1957.—Вып. 32.—С. 57.
- ⁷ *Гончаров В.* Райковецкое городище.—К., 1950.—С. 55.
- ⁸ Черниговские губернские ведомости.—1855.—№ 26.—С. 213.
- ⁹ *Стельмах Г. Ю.* Историчний розвиток сільських поселень на Україні.—С. 49.

- ¹⁰ Там же.— С. 58; *Гурков В. С.* Беларусіе народнае жылле — Мінск, 1973.—С. 17.
- ¹¹ *Пецюкевич М.*, Матеріальна культура Сакальскага повета // Науковы зборник.— Беласто'к, 1964.— С. 220.
- ¹² Матеріалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Собранные П. В. Шейном.—Т. 3.—С. 59—60.
- ¹³ *Стельмах Г. Ю.* Историчний розвиток сільських поселень на Україні.—С. 50, 60.
- ¹⁴ *Козакевич М. З.* Типи поселень на українському Поліссі // Матеріали з етнографії і мистецтвознавства.—К., 1959.—С. 26.
- ¹⁵ *Асеев Ю. С., Максимов П. Н.* Архитектура древнерусского государства (X — начало XII в.)//Всеобщая история архитектуры.—Л., 1966.—Т. 3.—С. 519.
- ¹⁶ *Квитницкая Е. Д.* Архитектура Белоруссии // Всеобщая история архитектуры.—Л.—1968.—Т. 6.—С. 453.
- ¹⁷ *Чантурия В. А.* Архитектура Белоруссии. Архитектура конца XVIII — начала XIX вв.//Всеобщая история архитектуры.— Т. 6.—С. 532—533.
- ¹⁸ *Сербай І. А.* Вічынскія паляне.—Мінск, 1928.—С. 8—9.
- ¹⁹ *Данилюк А. Г.* Замкнені двори на Поліссі//НТЕ.—1976.— № 4.—С. 102.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Pietkiewicz C.* Polesie gzczyckie.— Krakow, 1928.—Т. 1 — С. 116—117.
- ²² *Самойлович В. А.* Народное творчество в архитектуре сельского жилища.— К., 1961.— С. 19—20; *Таранушенко С.* Давне поліське житло//НТЕ—1969.—№ 1.—С. 12.
- ²³ *Таранушенко С.* Давне поліське житло.— С. 19, 15; *Якимович Ю.* Драўпяне дойлідства беларускага Палесся.— Мінск, 1978.— С. 38.
- ²⁴ *Бломквист Е. П.* Общие черты в крестьянском жилище русских и украинцев//СЭ.—1954.—№ 4 —С. 27, 29.
- ²⁵ *Рапорт П. А.* Древнерусское жилище.—Л., 1875.— С. 158—160.
- ²⁶ *Бломквист Е. П.* Общие черты в крестьянском жилище русских и украинцев.— С. 40.
- ²⁷ *Приходько М.* Особливості сільського житла на Поліссі // НТЕ.—1970.—№ 6.—С. 62.
- ²⁸ *Чижикова Л. Н.* Архитектурные украшения русского крестьянского жилища // Русские. Историко-этнографический атлас.— М., 1969.—С. 15.
- ²⁹ *Moszycki K.* O kulturze ludowej poludniowo-srohowego Pole sia//Zemia.—1925.—№ 6-8.—С. 127.
- ³⁰ *Таранушенко С.* Давне поліське житло.— С. 21, 23.
- ³¹ Там же.— С. 17.
- ³² *Юрченко П. Г.* Деревянное зодчество Украины.— К., 1949.— С. 10.
- ³³ *Бломквист Е.* Общие черты в крестьянском жилище русских и украинцев.— С. 29.
- ³⁴ *Свирида Р. О.* Обладнання традиційного житла правобережного Полісся//НТЕ—1979.—№ 3.—С. 56.
- ³⁵ Там же.—С. 61.
- ³⁶ *Станюкович Г. В.* Внутренняя планировка, отделка и меблировка русского крестьянского жилища // Русские. Историко-этнографический атлас.— С. 64.
- ³⁷ *Данилюк А. Г.* Світло погаслих поевітів//Жовтень.— 1979.— № П.—С. 126—130; *Свирида Р. О.* Обладнання традиційного житла правобережного Полісся.— С. 57.
- ³⁸ *Moszycki K.* Polesie wschodnie.—S. 110—111.

- ³⁹ *Данилюк А.* Замкнені двори на Поліссі//НТЕ.— 1975.— № 4. С. 102.
- ⁴⁰ *Moszycki K.* Polesie wschodnie.— S. 107, 108.
- ⁴¹ *Таранушенко С.* Клуні українського Полісся//НТЕ, 1968.— № 3.— С. 60—61; *Ломова М. Т.*; *Козакевич М. З.*; *Жолтовский П. Н.* Разведывательная этнографическая поездка в украинское Полесье//СЭ—1953.—№ 4.—С. 126—130.
- ⁴² *Верговский С. В.* Давне народне будівництво українського та білоруського Полісся//НТЕ.—1979.—№ 2 —С. 74, 78.
- ⁴³ *Таранушенко С.* Клуні українського Полісся.— С. 61.
- ⁴⁴ *Pietkiewicz Cz.* Polesie Rzeczyckie.—Krakow, 1928.—Т. 1.—С. 245.
- ⁴⁵ *Ibidem.*— S. 245.
- ⁴⁶ *Сергачев С. А.* Архитектура корчмы в Белоруссии // Архитектурное наследство.—1985.—№ 33.—С. 149—151.
- ⁴⁷ *Волков Ф.* Старинные деревянные церкви на Волыни//Материалы по этнографии России.— Спб., 1910.— № 1.— С. 31.
- ⁴⁸ *Gloger Z.* Budownictwo drzewne i wyroby z drzewa w dawnej Polsce.—Warszawa, 1907.—Т. 1.—С. 94.
- ⁴⁹ Проект реставрации памятника архитектуры XVII в. Дмитриевской церкви в с. Градья // Архив Львовской комплексной архитектурно-реставрационной мастерской института «Укрпроектреставрация». (Далее: ЛКАРМ.)
- ⁵⁰ Проект реставрации памятника архитектуры 1700 г. Ильинской церкви в г. Камень-Каширский // Архив ЛКАРМ «Укрпроектреставрация».
- ⁵¹ Волыньские епархиальные ведомости.— 1869.— № 1.— С. 27; № 60, с. 244.
- ⁵² *Верговский С. В.* Давне народне будівництво українського та білоруського Полісся.— С. 75.
- ⁵³ Там же.— С. 75.
- ⁵⁴ *Квитницкая Е. Д.* Архитектура Белоруссии. Архитектура XVII в.//Всеобщая история архитектуры.— М., 1968.— Т. 6.— С. 524, 526.
- ⁵⁵ *Цинкаловський О.* Волинські дерев'яні церкви (XVII—XVIII ст.).—Львів, 1935.—С. 9; *Теодорович М.* Историко-этнографическое описание церквей и приходов Волынской епархии.— Почаев, 1888—1903 гг.—Т. 1—5; *Верговский С. В.* Давне народне будівництво українського та білоруського Полісся.— С. 76.
- ⁵⁶ *Історія українського мистецтва.*—К., 1967.—Т. 3.—С. 50.
- ⁵⁷ *Волков Ф.* Старинные деревянные церкви на Волыни.— С. 32.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ *Gloger Z.* Budownictwo drzewne i wyroby z drzewa w dawnej Polsce.—S. 91, 92, 93.
- ⁶⁰ *Юрченко П. Г.* Дерев'яна архітектура // Історія українського мистецтва.—К., 1967 —Т. 3.—С. 52, 53.
- ⁶¹ *Юрченко П. Г.* Дерев'яна архітектура.— С. 17, 28, 29, 30.
- ⁶² *Волков Ф.* Старинные деревянные церкви на Волыни.— С. 24.
- ⁶³ Проект реставрации памятника архитектуры 1700 г. Ильинской церкви в с. Камень-Каширский//Архив ЛКАРМ Института «Укрпроектреставрация».

ОДЕЖДА И ВЫШИВКА

¹ АВАК — Т. 34; Археологический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси.— Вильна, 1867—1890.— Т. 1—11.

² *Эремич И.* Очерки белорусского Полесья // Вестник Западной России.— 1867.— Кн. 8—И; Село Ляховцы Брестского уезда //Грод-

ненские губернские ведомости.— 1891, № 73, 75, 77; *Jeleska E.* Więń Kamagowicze w powiecie Mozyrskim//Wisia.—1891—Т. 5.— Zesz. 1—2; *Serbađ I. A.* Вічынскія паляне.— Мінск, 1928; *Serbađ I. A.* Белорусы-сакуны//ОРЯС— 1915.— Т. 94.— № 1; *Чубинский П. П.* Труды...— Т. 7.— С. 412—443; *Марацевич И.* Село Кобылья Волынской губернии Новоград-Волынского уезда//Этнографический сборник.— Спб., 1853.— Вып. 1.— С. 294—312; *Перлиштейн А.* Народный быт Волынского Полесья//ВГВ.— 1866.— №7, 9; *Абрамов И.* Черниговские малоруссы// Живая старина.— 1905.— Вып. 3—4.— С. 513—553.

³ *Moszycki K.* Polesie wschodnie.—Warszawa, 1928; *Kolberg O.* Dzieia wszystkie. T. 52. Białogonь — Polesie — Wrocław; Poyznac, 1968.— S. 68—70; *Kraszewski J. I.* Wspomnienia Woynia Polesia i Litwy.—Wil no, 1840.—Т. 1—2; *Pietkiewicz Cz.* Polesie Rzeczyckie.—Krakow, 1928; *Stecki T.* Woicy pod wzgłkdem statystycznym, historycznym i archeologicznym.—Lwuw, 1864.— 72.— Т. 1—2; Украинский народ в его прошлом и настоящем.—Пг., 1916.—Т. 2.—С. 543—595; *Матейко К. I.* Український народний одяг.— К., 1977; *Маслова Г. С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов//Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956.—С. 543—757; *Zelenin D.* Russische (Ostslawische) Volkskunde.—Leipzig, 1927.

⁴ *Шиманский И.* Жизнь волынского крестьянства после освобождения его от крепостной зависимости//ВГВ.— 1866.— №6.— С. 298; *Сидорович С. И.* Художня тканина західних областей України.— К., 1979.—С. 63.

⁵ *Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива Русского географического общества.— Пг., 1914.— Вып. 1.— С. 304.

⁶ *Чубинский П. П.* Труды...—Т. 7.—С. 423.

⁷ *Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива Русского географического общества.— С. 319.

⁸ Архив ГМЭН.—№ 2110—98.

⁹ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 251-а.—С. 44.

¹⁰ Там же.—Ед. хр. 259.—С. 59

¹¹ Архив ГМЭН.—№ 1202—87, 1202—88.

¹² Кустарни промысловість та кустарний промысел, кооперація на Україні: Збірка статей за редакцією С Зарудного.— Харків; Київ.— 1923.—С 16.

¹³ *Матейко К. I.* Український народний одяг.— С. 152.

¹⁴ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 259 —С. 44.

¹⁵ Там же.—С. 72.

¹⁶ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка.—По письменным памятникам.—Спб., 1893.—Т. 1.—С. 1248.

¹⁷ *Прилико Я. П.* Етнокультурні зв'язки болгар і східних слов'ян.—К., 1964.—С. 90.

¹⁸ *Зеленин Д. К.* Женские головные уборы восточных (русских) славян//Slavia.—Прага, 1926.—Вып. 3.—С. 320.

¹⁹ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2 —Ед. хр. 259.—С. 56.

²⁰ Там же.—С. 81.

²¹ Там же.—С. 109.

²² Там же.—Ед. хр. 251.—С. 3.

²³ Там же.—Ед. хр. 251-а.—С. 9.

²⁴ Там же.—Ед. хр. 251.—С. 77, 84.

²⁵ *Черв'як К. Г.* Похоронні звичаї й культ покійників з точки зору весільного ритуалу//Науковий збірник Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури.— 1927.— Ч. 7.— Вып. 1.— С. 115.

²⁶ Там же.—С. 118.

²⁷ Там же.—С. 115.

²⁸ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2 —Ед. хр. 251-а.—С. 35.

²⁹ *Щишацкій-Ильич А.* Местечко Олешевка Козелецкого уезда Чер'

ниговской губернии (в историческом и этнографическом отношении) // Черниговские губернские ведомости.— 1854.— № 25.— С. 189.

³⁰ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ер. хр. 251.—С. 92.

³¹ *Матейко К. I.* Український народний одяг.— С. 66; *Молчанова Л. А.* Материальная культура белорусов.—Минск, 1968.—С. 128; *Раманюк М.* Беларускае иароднае адзенне. Альбом.— Мінск, 1981.— С. 1.

³² *Маслова Г. С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX—XX вв.— М., 1984.— С. 16—17.

³³ *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян.— М., 1981.— С. 42.

³⁴ *Богуславская И. Я.* О двух произведениях средневекового на родного шитья//Русское народное искусство Севера.— М., 1968.— С. 94.

³⁵ *Кнатц К. Э.* К вопросу о технике древнерусского золотого шитья в связи с предметами шитья ризницы Соловецкого монастыря.— Л., 1927.—С. 91—92.

³⁸ Фонды Черниговского краеведческого музея.— № Н/281, Н/270S1, Н/6530.

³⁷ *Косач О. П.* Украинский орнамент.—К., 1877.— С. 9.

³⁸ Фонды Черниговского исторического музея.— № 4/288.

³⁹ *Чугай Р. В.* Вишивка // Бойківщина.— К., 1983 —С. 278.

⁴⁰ Фонды Волынского краеведческого музея.— № 4533.

⁴¹ Фонды Ровенского краеведческого музея.— № 2060, 2058, 2048,

2044.

⁴² *Молчанова Л. А.* Материальная культура белорусов.— Минск, 1968.—С. 128.

⁴³ История украинского искусства.— К., 1969.— Т. 4, кн. 1.— С. 277.

ПИША И УТВАРЬ

¹ *Косич М.* Литвины — Белорусы Черниговской губернии, их быт и песни//Живая старина.— 1901.— Кн. 1.— С. 229.

² *Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива Русского географического общества.— Пг., 1914.— Вып. 1.— С. 308.

³ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 292 —Тетр. 1 — С. 102.

⁴ *Serbađ I. A.* Вічынскія паляне.— Мінск, 1928.— С. 46.

⁶ *Потаповский А.* Отличительные черты жителей Овручского уезда // *Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива Русского географического общества.— С. 320.

⁶ Там же — С. 394.

⁷ *Молчанова Л. А.* Материальная культура белорусов.— Минск, 1968.—С. 192.

⁸ Народы мира. Этнографические очерки. Т. 1. Народы Европейской части СССР —М., 1964.—Т. 1.—С. 335.

⁹ ПСРЛ.—Пг., 1915.—Т. 4.—С. 96.

¹⁰ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 292.—Тетр. 1.—С. 127.

¹¹ *Pietkiewicz Cz.* Polesie Rzeczyckie.—Krakow, 1928 —S. 118.

¹² Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 292 —Тетр. 2.—С. 147.

¹³ ЦГИА.—Ф. 2205 —Оп. 2 — Ед. хр. 242.—С. 27.

¹⁴ *Moszycki K.* Kultura ludowa siowian Cz. 1. Kultura materialna.— Krakow, 1929.—S. 262.

¹⁵ *Чубинский П.* Труды...— Т. 7.— С. 436.

¹⁶ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2 —Ед. хр. 292.—Тетр. 1.— С. 52.

¹⁷ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2,—Ед. хр. 292.—Тетр. 1.—»

с. ба.

СОДЕРЖАНИЕ

- ¹⁸ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 292.—Тетр. 1.—С. 103.
- ¹⁹ *Вешторт Г. Ф.* Названия пищи в говорах Полесья // Лексика Полесья.—М., 1968.—С. 413.
- ²⁰ *Молчанова Л. А.* Материальная культура белорусов.—С. 202.
- ²¹ *Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива Русского географического общества.—С. 311.
- ²² *Маслова Г. С., Станюкович Т. В.* Пицца и хозяйственная утварь // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР.—М., 1960.—С. 158; *Молчанова Л. А.* Материальная культура белорусов.—С. 205.
- ²³ *Воронин Н. Н.* Пицца и утварь // История культуры древней Руси.—М.; Л., 1948.—Т. 1.—С. 263.
- ²⁴ ЦГИА.—Ф. 2205.—Оп. 2.—Ед. хр. 242.—С. 37.
- ²⁵ *Гонтарь Т. А.* Традиционная праздничная и обрядовая пища украинцев Полесья в XIX—XX вв. // СЭ.—1986.—№ 5.—С. 95.
- ²⁶ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 292.—Тетр. 1.—С. 98, 157.
- ²⁷ ПСРЛ. Т. 4. С. 94.
- ²⁸ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 292.—Тетр. 2.—С. 80.
- ²⁹ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 292.—Тетр. 1.—С. 149.
- ³⁰ *Moszycki K.* Kultura ludowa siowian.—Cz. 1.—S. 226.
- ³¹ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 292.—Тетр. 1.—С. 152, 115.
- ³² *Гонтарь Т. О.* Народне харчування українців Карпат.—К., 1979.—С. 77.
- ³³ *Молчанова Л. А.* Материальная культура белорусов.—С. 203; *Маслова Г. С., Станюкович Т. В.* Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части.—С. 152.
- ³⁴ *Moszycki K.* Kultura ludowa siowian.—Cz. 1.—S. 227.
- ³⁵ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 292.—Тетр. 1.—С. 52.
- ³⁶ *Артюх Л. Ф.* Українська народна кулінарія.—К., 1977.—С. 26; *Молчанова Л. А.* Материальная культура белорусов.—С. 201.
- ³⁷ *Сербаў І. А.* Вічынскія паляне.—С. 47; Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 292.—Тетр. 1.—С. 135.
- ³⁸ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 292.—Тетр. 2.—С. 58.
- ³⁹ *Гонтарь Т. А.* Посуда и домашняя утварь карпатских украинцев в конце XIX—первой четверти XX в. // СЭ.—1978.—№ 4.—С. 91.
- ⁴⁰ *Лисенко П. С.* Словник поліських говорів.—К., 1974.—С. 194.
- ⁴¹ *Молчанова Л. А.* Материальная культура белорусов.—С. 221.
- ⁴² Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 292.—Тетр. 2.—С. 112.
- ⁴³ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 292.—Тетр. 2.—С. 136.
- ⁴⁴ Там же.—С. ИЗ.
- ⁴⁵ Архив ЛО ИИФЭ.—Ф. 1.—Оп. 2.—Ед. хр. 292.—Тетр. 1.—С. 27.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.—М., 1986.—С. 169.

Введение. В. К. Бондарчик, Р. Ф. Кирчив.....	3
Полесье в историографических исследованиях и источниках.	
В. К. Бондарчик, Е. И. Матейко.....	8
Историко-этнографическая характеристика Полесья.....	28
Полесье как историко-этнографическая область, ее локализация и границы. М. А. Мороз, И. В. Чаквин.....	28
Природа Полесья. В. С. Титов, А. С. Шляхтовский.....	40
Антропологическая характеристика населения Полесья. А. И. Микulich, И. И. Саливон, Л. И. Тезако.....	49
Полесские говоры в составе белорусского и украинского языков.	
Ф. Д. Климчук, А. А. Кривицкий, Н. В. Никончук.....	56
Географические названия Полесья. О. А. Купчинский.....	64
Этническая история Полесья эпохи феодализма (до середины XIX в.). М. А. Мороз, П. В. Терешкович, И. В. Чаквин, И. Г. Углик : : : : :.....	72
Полесье в период капитализма. Г. И. Касперович, П. В. Терешкович, А. С. Шляхтовский.....	86
Полесье в годы советской власти. Г. И. Касперович, А. С. Шляхтовский.....	93
Хозяйственная деятельность.....	
Земледелие. Е. Е. Кузьмин, М. Д. Мандыбура, Л. А. Молчанова : : : : :.....	104
Животноводство. Л. А. Молчанова, Р. И. Федына.....	137
Вспомогательные занятия.....	148
Рыболовство. И. Н. Браим, И. В. Кожан.....	148
Охота. С. Ф. Терехин, И. В. Кожан.....	155
Пчеловодство. В. С. Гурков, В. Т. Скуратовский, С. Ф. Терехин.....	164
Собирательство. Л. И. Минько, А. Т. Нестер.....	173
Народные промыслы и ремесла.....	178
Гончарство. Ю. Ф. Лацук, С. А. Милоченков.....	178
Ткачество. А. Н. Курилович, А. Т. Нестер.....	185
Обработка дерева. Ю. Ф. Лацук, В. С. Титов.....	201
Металлургия и обработка железа. Ю. Ф. Лацук, С. Ф. Терехин.....	210
Кожевенные промыслы. А. И. Горынь, Н. И. Бураковская.....	217
Плетение. Ю. Ф. Лацук, К. И. Федоришкин.....	225

Обработка камня. <i>С. Ф. Терехин, Т. П. Чаговец</i>	229
Валяльный промысел. <i>Н. И. Бураковская, А. Т. Нестер</i>	233
Добывающие промыслы. <i>Н. И. Бураковская, Р. И. Федына</i>	235
Лесные промыслы. <i>Н. И. Бураковская, Р. И. Федына</i> ...	236
Лесохимические промыслы. <i>Н. И. Бураковская, Р. И. Федына</i>	245
Стеклоделие. <i>Ю. Ф. Лацук, М. М. Яницкая</i>	253
Отхожие промыслы. <i>Н. И. Бураковская, Р. И. Федына</i> . . .	256
Перспективы развития народных промыслов. <i>Ю. Ф. Лацук, В. С. Титов</i>	262
Пути сообщения и средства передвижения. <i>Н. И. Бураковская, В. С. Титов, А. С. Шлятковский</i>	264
Поселения. <i>В. С. Гурков, Р. Ю. Гошко</i>	279
Одежда и вышивка	334
Одежда. <i>Л. Н. Молчанова, Г. Г. Стельмацук</i>	334
Вышивка. <i>Р. В. Захарчук-Чугай, О. Е. Фадеева</i>	365
Пища и утварь. <i>Т. А. Гонтар, Л. А. Молчанова</i>	376
Заключение. <i>Р. Ф. Кирчив</i>	400
Примечания . . . ,	407

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

БОНДАРЧИК *Василий Кириллович*
 БРАИМ *Иван Николаевич*
 БУРАКОВСКАЯ *Нина Ивановна и др.*

ПОЛЕСЬЕ. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Редактор *М. Т. Максименко* Оформление художника *В. Я-Березаня* Художественный редактор *С. /7. Квитка*
 Технический редактор *Т. С. Березяк* Корректоры *В. Н. Божок, Л. Н. Регета*
 ИБ № 8590

Сдано в набор 03.03.88. Подп. в печать 22.11.88. Формат 84X108/и. Бум. тип. № 1. Лит. гарн. Вые. печ. Усл. печ. л. 23,52. Усл. краско-отт. 23,52. Уч.-изд. Л. 27,78. Тираж 1650 экз. Заказ 8—845. Цена 6 р.

Издательство «Наукова думка», 252601 Киев, ул. Репина 3

Отпечатано с матриц Головного предприятия республиканского производственного объединения «Поли-графкнига». 252057, Киев, ул. Довженко, 3 в Нестеровской городской типографии. 292310, Нестеров, Львовской обл., ул. Горького, 8. Зак. 4439.